ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия Д
Филология и психология

4/2026

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология»

Главный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**
Заместитель главного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**
Ответственный секретарь – канд. психол. наук **Н.П. Андрюшкова**
Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, д-р филол. наук **Э.С. Ветрова**, канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**, канд. психол наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **А.С. Ососкова**, канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal "Bulletin of Donetsk National University Series D: Philology and Psychology"

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**
Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**
Executive Secretary – Candidate of Psychology. **N.P. Andryushkova**
Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.S. Vetrova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **A.S. Ososkova**, Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел**: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: https://dongu-vestnik05.ru.

Печатается по решению Учёного совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет» . Протокол № 13 от 26.06.2026 г.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН в 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и психология

№ 4/2026

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

Бессонова О.Л., Коротун О.С. Карикатура в современных электронных англоязычных СМИ (на материале газеты The Guardian) 5

Глущенко О.А. Трансформация текстотипа совета и формат «советеллинга» в бренд-медиа 18

Грушевская Е.С., Гудим Н.А. Художественный концепт «Любовь» в рассказе Р. Карвера «О чем мы говорим, когда говорим о любви» 28

Сахневич С.В., Тамерьян Т.Ю. Роль цифровой лингвистики и искусственного интеллекта в лемматическом анализе: от автоматической обработки к герменевтике смысла 37

Федуленкова Т.Н. Термин-фразеологизм funny money: функциональный потенциал 47

Вульфович Б.Г. Лингвистические механизмы провокации в современных медийных заголовках: прагматическое моделирование конфликтогенного потенциала новостных публикаций 60

Захарова Н.В. Репрезентация женских образов в аспекте перевода (на материале романа M. Leroyer «Une vie de pintade à Moscou») 71

Кузнецова В.Ю. Лингвокогнитивное и семиотико-дискурсивное моделирование экспансии смысла в визуальных метафорических структурах 82

Метлушко И.В. Коллективная память и дискурсивные практики номинации лиц, пострадавших во время Холокоста (на материале современных медиа Беларуси и Израиля) 95

Пежемская М.Д., Тюрнева Т.В. Особенности актуализации категорий диминутивности и аугментативности в гендерном аспекте на материале английского языка 106

Радионцева Е. С. Медиаэстетические приёмы в репрезентации нарративных арт-практик 115

Седина И.В., Вехова Е.А. Аллюзивные источники в публицистических текстах 125
Хомчак Е.Г., Волкова И.В. Языковые средства выражения концепта *гордость* 138
Khujakulov S.A. Systemic-functional analysis of lexical-semantic features of English legal terms 147
Борисенко Д.А. Конфликт и синергия в гибридном переводе: взаимодействие переводчика и нейросетевой модели 156
Гарима. Язык дипломатии сотрудничества в зеркале российско-индийских отношений 166
Горбунов В.В. Юмор и сатира в малых жанрах М. Зощенко первой половины 1930-х: от бытового к социальному 178
Новиков Д.А. Роль медиадискурса в обогащении корпуса сверхсловных неологизмов: репортажи военкоров с полей сражений 188
Русинова А.С. Речевая культура и образование в Италии в 20–40-е гг. XX в. 201
Триморук Е.Д. Три типа зеркала в поэтике Вяч. Иванова: орфическая антропология и теургическая эстетика 211
Тулендинова К.Д. Лексема «музей» в структуре художественного концепта «искусство» 223
Цзя Юйюй. Медиатизация лексики сферы «энергетика» в российском медиадискурсе 233

Психология

Гордеева А.В. Особенности жизнестойкости, совладания и травматического опыта у студентов с разным уровнем эскапизма 244
Дащенко Д.С. Теоретическое обоснование компонентной структуры и социально-психологических факторов отношения курсантов к служебной деятельности 257
Дианова Е.А. Ситуационные факторы профессионального самоопределения выпускников кафедры общей и социальной психологии «ОМГУ им. Ф.М. Достоевского» 268
Месяц В.А. Система методов совладания с выгоранием для обучающихся выпускных курсов медийных направлений подготовки 278

Рецензии

Федуленкова Т.Н. Проблемы теории и практики коммуникации (рецензия на книгу: Коммуникация: теория и практика / Л.Г. Викулова, М.Р. Желтухина, С.А. Герасимова, И.В. Макарова. — М.: ВКН, 2020. — 336 с.) 299
Брюханова Ю.М., Подрезова Н.Н. Литература о войне: рефлексия времени (рецензия на книгу: Плеханова И.И. Поэзия и проза СВОйны. — Ульяновск: УлГТУ, 2025. – 243 с.) 304

Правила для авторов 311

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series D: Philology and Psychology

No 4/2026

CONTENTS

Philology

Bessonova O.L., Korotun O.S. Caricature in modern English-language digital media (based on The Guardian) 5

Glushchenko O.A. Advice text type transformation and «advicetelling» format in brand media 18

Grushevskaya E.S., Gudim N.A. Artistic concept of "Love" in short story "What we talk about when we talk about love" by R. Carver 28

Sakhnevich S.V., Tamerian T.Y. Role of digital linguistics and artificial intelligence in lemmatic analysis: from automatic processing to hermeneutics of meaning 37

Fedulenkova T.N. Functional potential of termidiom *funny money* 47

Vulfovich B.G. Linguistic mechanisms of provocation in modern media headlines: pragmatic modeling of conflict potential in news publications 60

Zakharova N.V. Representation of female images in the aspect of translation (based on the novel "Une vie de pintade à Moscou" by M. Leroyer) 71

Kuznetsova V.Y. Linguo-cognitive and semiotic-discourse modeling of meaning extension in visual metaphorical structures 82

Metlushko I.V. Collective memory and discourse practices of nominating holocaust-affected persons in contemporary Belarusian and Israeli media 95

Pezhemskaya M.D., Tyurneva T.V. Actualization of categories of diminutivity and augmentativity in English in gender aspect 106

Radiontseva E. S. Media aesthetic techniques in representation of narrative art practices 115

Sedina I.V., Vekhova E.A. Allusions in publicistic texts 125

Khomchak E.G., Volkova I.V. Language means of expressing concept *PRIDE* 138

Khujakulov S.A. Systemic-functional analysis of lexical-semantic features of English legal terms 147
Borisenko D.A. Conflict and synergy in hybrid translation: interaction between translator and neural network model 156
Garima. Language of cooperation diplomacy in Russian-Indian relations 166
Gorbunov V.V. Humour and satire in small genres by M. Zoshchenko in the first half of the 1930s: from the domestic to the social 178
Novikov D.A. Role of media discourse in enriching vocabulary with hyperword neologisms: war correspondents' reports from the battlefield 188
Rusinova A.S. Language culture and education in Italy in the 1920s — 1940s. 201
Trimoruk E.D. Three types of mirror in Vyacheslav Ivanov's Poetics: orphic ant hropology and theurgic aesthetics 211
Tulendinova K.D. Lexeme *museum* in structure of artistic concept ART 223
Jia Yuyu. Mediatization of "energy" sphere vocabulary in Russian media discourse 233

Psychology

Gordeeva A.V. Features of resilience, coping and traumatic experience among students with different levels of escapism 244
Dashchenko D.S. Theoretical substantiation of component structure and socio-psychological factors of cadets' attitude to service activity 257
Dianova E.A. Situational factors of graduates' professional self-determination at Department of General and Social Psychology in Omsk state university named after F.M. Dostoyevsky 268
Mesyats V.A. System of methods for coping with burnout for graduate students of media training areas 278

Reviews

Fedulenkova T.N. Problems of communication theory and practice (review of the book: Vikulova L.G. et al. Communication: Theory and Practice / L.G. Vikulova, M.R. Zheltukhina, S.A. Gerasimova, I.V. Makarova. – Moscow: VKN, 2020. – 336 p.) 299
Bryukhanova Yu.M., Podrezova N.N. Literature about war: reflection of time (review of the book: Plekhanova I.I. Poeziya i Proza SVOiny. — Ulyanovsk: UlSTU, 2025. – 243 p.) 304

Guidelines for authors 311

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.111
DOI: 10.5281/zenodo.22055605

КАРИКАТУРА В СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ THE GUARDIAN)

© 2026 *О.Л. Бессонова*[1], *О.С. Коротун*[2]
[1-2]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*
ORCID[1] 0000-0002-5171-9790.
ORCID[2] 0009-0000-1024-1965.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена рассмотрению карикатуры как особого жанра медиатекста, представленного в современных электронных англоязычных СМИ. Основное внимание уделяется феномену поликодовости, особенностям взаимодействия визуального и вербального компонентов и языковым средствам выражения сатирического эффекта в карикатурах современных англоязычных СМИ. Эмпирический корпус составили 100 карикатур из цифровой версии издания The Guardian за период с сентября 2024 по июнь 2026 года. В ходе исследования применялся метод контент-анализа, семантический, контекстуальный, лингвопрагматический и лингвостилистический анализ, а также элементы количественного анализа. В результате установлено тематическое разнообразие отобранного материала с преобладанием карикатур политической тематики. Определены типы отношений вербальных и визуальных компонентов, установлено преобладание отношений взаимодополнения, выявлены наиболее частотные языковые средства реализации сатирического эффекта. Установлено, что эффективность прагматического воздействия обусловлена высокой степенью поликодовости. Сделан вывод о том, что карикатура играет ключевую роль в современной медиакоммуникации как оценочный поликодовый медиатекст, отражающий актуальную информационную повестку общества.

Ключевые слова: карикатура, медиатекст, медиадискурс, поликодовость, поликодовый текст, визуальный компонент, вербальный компонент.

Для цитирования: Бессонова О.Л. Карикатура в современных электронных англоязычных СМИ (на материале газеты The Guardian) / О.Л. Бессонова, О.С. Коротун // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 5–17. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22055605

Введение. Настоящее исследование фокусируется на анализе карикатуры как специфического жанра медиатекста в современных англоязычных электронных СМИ. Учитывая стремительное развитие информационных технологий и цифровизацию медиапространства, возрастает роль визуализированных форм коммуникации в формировании общественного мнения. В контексте глобализации и насыщения информационного поля карикатура предстает не просто как иллюстрация, а как сложный поликодовый текст, где смысл рождается во взаимодействии вербальных и визуальных знаковых систем. В рамках данной работы карикатура рассматривается как медиатекст,

обладающий значительным потенциалом воздействия на аудиторию благодаря феномену поликодовости.

Теоретико-методологической основой послужили труды, посвященные медиалингвистике и анализу поликодовых текстов, в частности, работы Т.Г. Добросклонской [4], Г.Я. Солганика [13], А. Белла [17], Н. Фэйрклафа [19], определивших понятие медиатекста, а также исследования А.Г. Сонина [14], Е.Е. Анисимовой [2], Е.В. Талыбиной [15] в области поликодовых (креолизованных) текстов и исследование А.С. Айнутдинова [1], посвященное типологии карикатур.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью исследования карикатуры как специфического жанра медиатекста, обладающего значительным потенциалом воздействия на аудиторию. В частности, представляется важным изучение реализации феномена поликодовости в медиажанре карикатуры, а также выявление ее роли в современной информационной повестке.

Объектом исследования являются современные англоязычные карикатуры, опубликованные в цифровой (электронной) версии газеты The Guardian. ***Предметом исследования*** выступают особенности выражения феномена поликодовости в карикатурах электронной версии газеты The Guardian. ***Цель работы*** — установить особенности взаимодействия знаковых систем в карикатурах цифровой версии The Guardian, описать основные функции, приемы и идеологическую направленность карикатуры в современных англоязычных СМИ с целью определения ее роли в современной информационной повестке.

Эмпирический корпус составили 100 карикатур различной тематической направленности, отобранные из электронной версии качественного британского издания The Guardian в период с сентября 2024 года по июнь 2026 года.

В работе используются следующие ***методы исследования***: метод контент-анализа, семантический анализ, контекстуальный анализ, элементы количественного анализа, лингвопрагматический и лингвостилистический анализ.

2. Терминологический аппарат исследования.

2.1. Понятие медиатекста и его структура. Г.Я. Солганик определяет термин текст как результат целенаправленного речевого творчества, целостное речевое произведение, однако в контексте СМИ это понятие расширяется [13, с. 8]. Медиатекст рассматривается в качестве актуализированного в определенном медиаформате и объединенного общим смыслом последовательного сочетания знаковых единиц вербального и медийного уровней [4, с.30]. Структура медиатекста включает несколько взаимосвязанных уровней: вербальный, визуальный, паралингвистический, техно-медийный и гипертекстуальный [5, с. 30]. К особенностям данного типа текста можно отнести его поликодовый характер, интеграцию лексических, графических и гипертекстовых элементов, а также зависимость языковых средств от технологических возможностей медианосителя [5, с.29].

В.Т. Садченко указывает на семиотическую природу текста, вводя при этом понятие знаковой системы, под которым понимается наполненная смыслом структура, состоящая из знаков [10, с.104]. В результате подобного подхода отмечается возможность относить к текстам любые знаковые системы, включая изображение и видеоряд. В рамках медиатекста участники коммуникации могут использовать различные функции с целью передачи информации или воздействия на аудиторию.

Основными функциями медиатекста являются:

1) информативная (передача актуальных фактов и новостей);
2) воздействующая (формирование определенного отношения к событиям);

3) аксиологическая (трансляция системы ценностей и поведенческих моделей);

4) развлекательная (привлечение внимания через игровые форматы и юмор) [4, с. 39].

Специфика медиатекстов варьируется в зависимости от множества факторов, таких как канал распространения, способ создания и функционально-жанровый тип. К основным параметрам типологического описания относятся принадлежность к универсальному медиатопику и тематическая доминанта [4, с.34–35]. В рамках одной из наиболее распространенных в медиалингвистике классификаций выделяются четыре основных типа медиатекстов: новости, информационная аналитика и комментарий, авторские тематические материалы (features) и реклама [4].

Разнообразие подходов к анализу медиатекстов обусловлено их многогранной природой, требующей междисциплинарного взгляда. По мнению Т.Г. Добросклонской, можно выделить медиалингвистический, когнитивный, идеологический, дискурсивный и лингвокультурологический подходы, позволяющие исследовать медиатекст с различных сторон.

2.2. Карикатура как поликодовый медиатекст. В медиалингвистике карикатура рассматривается как разновидность креолизованного текста, создающегося вербальными и изобразительными компонентами. Вызов эмоционального отклика является основным средством, которое используется для формирования общественного мнения в медиапространстве. Чем большего воздействия на сознание реципиента хочет достигнуть адресант, тем выразительнее может быть оформлено взаимодействие визуального и вербального рядов.

А.Г. Сонин определяет поликодовый текст как специфическое произведение, возникшее на основе взаимодействия в едином графическом и смысловом пространстве гетерогенных составляющих [14, с.82]. Эту точку зрения разделяет и Е.В. Талыбина, которая квалифицирует карикатуру в качестве ярчайшего примера поликодового текста, где вербальная составляющая выполняет функцию закрепления смысла, направляя интерпретацию визуального ряда [15, с.24]. При этом важно отметить, что карикатура не всегда характеризуется равенством компонентов. Интересным представляется наблюдение Е.Е. Анисимовой относительно того, что существуют два типа отношений между вербальной и визуальной частями: отношения взаимодополнения и отношения взаимозависимости. При отношениях взаимодополнения изображение понятно без слов и может существовать самостоятельно. Вербальный комментарий дублирует информацию. Ему отводится вторичная функция. А при отношениях взаимозависимости изображение зависит от вербального комментария, который определяет его интерпретацию. Без комментария смысл изображения неясен или может быть превратно истолкован. Вербальный комментарий в данном случае выполняет первичную, основную функцию [2, с.13]. Это подтверждает тот факт, что тип взаимодействия может в определенной степени влиять на степень автономности изображения от текста.

Карикатура должна выражать авторскую позицию: художник должен действительно намереваться передать критический посыл, используя для этого гиперболу, метафору или гротеск [15, с.27]. Вербальный компонент карикатуры может реализовываться через заголовки, подписи и реплики персонажей. А.С. Скарюпина указывает на ключевую роль подписи, которая часто содержит ключ к расшифровке сатирического замысла [12, с.175]. В современных англоязычных СМИ вербальный ряд характеризуется короткими фразами, идиомами, крылатыми выражениями, подвергающимися пародийному переосмыслению. Особую роль играют аллюзии, прецедентные феномены и каламбуры, создающие дополнительный юмористический

слой. Текст часто имитирует политический дискурс, копируя официальные заявления или предвыборные лозунги, что вступает в скрытую полемику с визуальным рядом.

Невербальная составляющая является смысловым и эмоциональным ядром, несущим основную долю семантической нагрузки [3, с.114]. Визуальный код оперирует портретными сходствами политиков, узнаваемыми архитектурными символами, типичными жестами и позами. Цветовая палитра играет важную роль и задает настроение (например, красный цвет обозначает опасности) и может контрастировать с содержанием, подчеркивая лицемерие или абсурдность ситуации. Композиция также несет смысловую нагрузку. Расположение фигур в пространстве указывает на власть, подчиненность или конфликт.

Взаимосвязь вербальных и медийных элементов текста формирует целостную структуру и единство, что составляет суть понятия поликодового медиатекста в жанре карикатуры [4, с.30].

3. Основные результаты исследования.

3.1. Тематическая классификация карикатур. В корпусе проанализированных карикатур доминирующее положение занимает политическая проблематика, составляющая 55% от общего числа материалов. Основные сюжеты затрагивают деятельность правительств, международные отношения, вооруженные конфликты, а также критику политических лидеров и институтов власти, что напрямую связано с общей геополитической ситуацией в мире. Примером может служить карикатура на рис. 1 о соглашении Трампа с Ираном, построенная на недоверии к его «миротворческой» риторике.



Рис. 1 *Ben Jennings on Trump's ceasefire deal with Iran* (The Guardian, 18.06.26)

В основе авторской позиции — сарказм, заключенный в 5-шаговой инструкции, где Трамп сам последовательно разрушает собственную переговорную позицию.

1. *Tear up existing deal* 'разорвать существующую сделку'. Это отсылка к выходу США из ядерного соглашения с Ираном, после чего Вашингтон потерял часть доверия как сторона, способная соблюдать подписанные договоренности.

2. *Team up with a maniac* 'объединиться с маньяком'. Трамп изображен рядом с Нетаньяху верхом на ракете. Передаваемый смысл предельно жесткий: США, по версии автора, не выступают нейтральным посредником, а действуют в связке с Израилем и тем самым лишают себя роли честного переговорщика.

3. *Send genocidal threats* 'послать угрозы геноцида'. Изображение телефона с фразой о гибели «целой цивилизации» показывает, что публичные угрозы Трампа воспринимаются не как давление ради сделки, а как эмоциональная и потенциально катастрофическая риторика.

4. *Disrupt the world economy* 'нарушить мировую экономику'. Табличка «Ормузский пролив закрыт» подчеркивает последствия эскалации: нефть, перевозки, страхование, торговля. Карикатура выражает мысль о том, что политика угроз бьет уже не только по Ирану, но по всей мировой экономике.

5. *Leave your enemy emboldened* ‘оставить врага воодушевленным’. По-видимому, это самая важная часть. В финале Трамп жмет руку иранскому лидеру, и тот выглядит довольным. Таким образом автор утверждает: агрессивная стратегия не ломает Иран, а, наоборот, дает Тегерану повод сплотиться, поднять ставки и продать публике образ победы над американским давлением.

Карикатуры на экономические темы занимают 22% от отобранного материала и посвящены вопросам финансовых реформ, торговых войн, тарифов и экономических кризисов. Такие карикатуры подчеркивают влияние экономических процессов на жизнь обычных людей. Примером является карикатура на рис.2, где фраза *FINALLY, SOME GROWTH!* создает ожидание позитивных экономических показателей. Использование слова *growth*, обычно ассоциирующегося с положительной экономической динамикой, по отношению к детской бедности создает семантический диссонанс, разоблачающий цинизм политической риторики. Однако восходящая стрелка графика (визуальный контекст), вместо того чтобы символизировать процветание, визуализирует социальную проблему, подчеркивая разрыв между официальными заявлениями и действительностью. Сатирический эффект усиливается за счет контраста между энтузиазмом политика (улыбка, уверенная поза, жест рукой) и мрачной реальностью, которую символизирует скептически смотрящий мужчина в рабочей одежде.



Рис. 2 ***Ben Jennings on the spring statement and child poverty*** (The Guardian, 27.03.25)

Карикатуры, посвященные социальным вопросам жизни общества, составили 12%. На рис.3 изображена карикатура, комический эффект которой основан на ироническом переосмыслении австралийского культа активного отдыха. Фраза *IT'S TOO LATE FOR US!* гиперболизирует разрыв поколений, представляя ситуацию цифровой зависимости как необратимую катастрофу для взрослых. Разбивка фразы на короткие сегменты усиливает динамику и драматизм высказывания *(GO, SON! GO ENJOY THE OUTDOORS — IT'S TOO LATE FOR US!*). Также следует отметить использование диминутива *AUSSIE* в заголовке, который позволяет автору совместить критику современной цифровой культуры с уважением к национальным традициям, используя языковую игру и апелляцию к спортивному прецедентному феномену для смягчения сатирического пафоса.



Рис. 3 ***Ben Jennings on Australia’s social media ban for under16-s*** (The Guardian, 09.12.25)

Тема культуры (6%) иллюстрируется карикатурой на рис.4, а тема экологии (5%) — карикатурой на рис. 5. Хотя медиатексты этой тематики немногочисленны, они не менее значимы. Карикатура на рис.5 посвящена отрицанию Дональдом Трампом климатических изменений на фоне урагана «Мелисса».



Рис. 4 ***Tom Gauld on The Shining*** (The Guardian, 01.02.25)

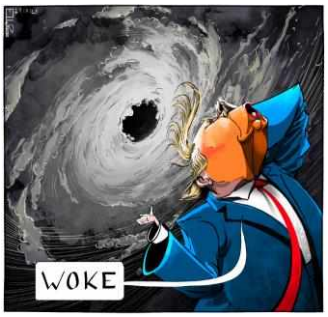


Рис. 5 ***Ella Baron on Hurricane Melissa and Trump's climate denial (***The Guardian, 28.10.25)

Анализ эмпирического корпуса свидетельствует о том, что карикатура в электронной версии газеты The Guardian прежде всего выступает инструментом политической и экономической критики, в то время как социальные, культурные и экологические темы освещаются реже, несмотря на их высокую эмоциональную насыщенность.

3.2. Типы взаимодействия вербального и визуального компонентов. Анализ особенностей взаимодействия знаковых систем показал, что в большинстве случаев имеет место тип отношений взаимодополнения между изображением и текстом (71%). Это означает, что текст и изображение дополняют друг друга, создавая единый смысл, где каждый компонент важен, но может существовать и автономно в некоторой степени. Яркий пример — карикатура на рис.6. Карикатуру можно легко интерпретировать за счет легко узнаваемых политических фигур, изображенных на рисунке.

Больший процент карикатур, вербальный и визуальный компоненты которых находятся в отношениях взаимодополнения, позволяет сделать вывод о том, что карикатура сохраняет свою автономность, не требуя обязательного вербального пояснения для восприятия основной идеи.



Рис. 6 ***Chris Riddell on Donald Trump's plan to take over and redevelop Gaza (***The Guardian, 08.02.25)

При этом в 29% случаев наблюдаются отношения взаимозависимости, когда без текстового комментария изображение может быть воспринято некорректно. Примером служит карикатура на рис.7 об урагане «Милтон». Без вербального компонента карикатуру можно интерпретировать как аллегорию кризиса, наводнения или даже метафору всеобщего «потопа» в американском обществе. Только совместное восприятие текста и изображения позволяет читателю понять, что речь идет о разрушительных последствиях урагана в одном из самых узнаваемых мест Америки.



Рис. 7 ***Ella Baron on Hurricane Milton*** (The Guardian, 06.11.24)

3.3. Вербальные средства реализации комического эффекта. Количественный анализ вербальной составляющей карикатур позволил выявить частотность использования различных языковых средств и сделать выводы о специфике их функционирования в рамках поликодового текста.

Анализ показал, что наиболее востребованным языковым средством является аллюзия (16,4%). Авторы карикатур активно апеллируют к прецедентным текстам, историческим событиям и культурным кодам, хорошо знакомым целевой аудитории издания. Например, *War is Peace* — прямая отсылка к знаменитому лозунгу из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Она активирует культурный код тоталитарной пропаганды и двоемыслия, намекая на то, что политическая риторика стирает грань между войной и миром, представляя агрессию как инструмент установления мира. Вторым по частотности средством выступает каламбур (14,29%), что подтверждает игровую природу карикатурного жанра. Так, игра слов *T-PARTY* отсылает одновременно к *Tea Party* (историческое событие — Бостонское чаепитие и современное политическое движение в США) и букве *T* (возможно, отсылка к Трампу). Каламбур связывает исторический протест с современной политикой.

Высокая доля неологизмов (12,7%) и орфографических ошибок (10,05%) свидетельствует о стремлении авторов к языковому эксперименту. Примером может служить фраза ***THINK*** *YOU VERY MUCH*. Намеренная замена ***Thank*** *you* на ***Think*** *you* может высмеивать политика, демонстрируя его некомпетентность, невнимательность к деталям или создавая комичный образ человека, который путает простые слова. В контексте карикатуры это усиливает сатирический портрет. Метафора (9,52%) и топонимы (8,47%) выполняют важную функцию пространственно-смысловой конкретизации. Так, метафора *OUT OF ORDER* (о мирном плане), заимствованная из бытового контекста, проецируется на дипломатические усилия, обозначая их полную несостоятельность и неработоспособность. Столкновение официально-политического дискурса с административно-бытовым создает стилистический диссонанс, являющийся основой комизма. Топонимы обеспечивают пространственную конкретизацию, мгновенно помещая карикатуру в определенный географический и политический контекст. Они активируют у аудитории ассоциации, связанные с конкретными местами и событиями.

Использование фразеологических единиц (7,41%) и синтаксического параллелизма (5,82%) придает вербальному компоненту афористичность и ритмическую организованность. Например, три параллельные конструкции с отрицанием *NO FARMERS / NO FOOD / NO FUTURE* создают мощную цепочку причинно-следственных связей. Ритмический повтор усиливает драматизм и подчеркивает неизбежность катастрофических последствий: исчезновение фермеров приведет к отсутствию еды и, в конечном счете, к отсутствию будущего. Структура делает лозунг запоминающимся и мощным. Риторический вопрос *WHY DID YOU DECIDE TO BE BORN?!* выражает крайнее возмущение по отношению к персонажу, подразумевая, что само существование этого

человека является проблемой, что усиливает комический эффект через гиперболу и неожиданную резкость. Фразеологические единицы (например, *PAYING LIP SERVICE*) придают вербальному компоненту афористичность, узнаваемость и эмоциональную насыщенность. Использование устойчивых выражений позволяет компактно выразить мысль и создать дополнительные смысловые оттенки через их трансформацию или контекст.

Менее частотные, но не менее значимые приемы, такие как оксюморон (3,7%) и эвфемизм (2,65%), ономатопея (1,59%) и аллитерация (1,06%) служат инструментами разоблачения манипулятивных речевых стратегий. Так, *Collateral damage* является классическим примером военного эвфемизма для обозначения жертв среди мирного населения. Использование этого термина в карикатуре разоблачает цинизм военной риторики, где человеческие жизни называются «сопутствующим ущербом». Звукоподражание *BEEP! BEEP!* используется для передачи спешки, опасности и привлечения внимания. Визуализация звука делает карикатуру более динамичной. Во фразе *NO **F**ARMERS / NO **F**OOD / NO **F**UTURE* помимо синтаксического параллелизма присутствует аллитерация (***F**armers, **F**ood, **F**uture*). Повторение этого звука создает ритмическую связь между словами, усиливая эффект неизбежности и катастрофичности ситуации. Звуковая организация делает лозунг более мощным и запоминающимся.

3.4. Реализация вербального и визуального компонентов карикатуры. В ходе исследования особое внимание было уделено реализации и взаимодействию вербального и визуального компонентов карикатуры. Так, на рис.8 аллюзия является ключевым приемом.



Рис. 8 ***Ella Baron on Trump's tariffs*** (The Guardian, 02.02.25)

Слово *LOONEY* отсылает реципиента к серии мультфильмов Looney Tunes. Эта аллюзия активирует в сознании читателя целый пласт знаний об этих мультфильмах: их абсурдный и неистовый юмор и, что важнее, их историческую вовлеченность в политическую сатиру времен Второй мировой войны. Ирония проявляется в контрасте между детской игрой кота с взрывчаткой и серьезностью торговых войн, где тарифы визуализированы как бомбы, разрушающие экономику. Сарказм усиливается фразой *This isn't all folks!*, подразумевающей эскалацию конфликтов Трампа, а не завершение, как в оригинальной цитате. Метафора реализуется на уровне словосочетания *Trade Wars*. Само понятие «война» метафорически переносится на сферу экономики. Однако в паре с прилагательным *Looney* эта стертая метафора реактивируется и возвращается к своему буквальному значению — войне как абсурдному действу. Шрифт заголовка *LOONEY TRADE WARS* стилистически копирует логотип мультсериала (желто-оранжевый градиент, объемные буквы, изогнутая форма). Это создает стилистический диссонанс. Серьезная геополитическая тема (*Trade Wars*) подается в эстетике детского мультфильма.

Использование разговорной формы *Folks* и слова *Looney* снижает пафос политической риторики, переводя дискурс в плоскость бытового, почти детского восприятия.

Фигура кота является прецедентным образом самого Трампа. В интернет-культуре и карикатурах его часто изображают в виде большого оранжевого кота из-за цвета кожи и специфической прически. Здесь этот код считывается мгновенно: рыжая шерсть, характерный хохолок на голове (имитация прически Трампа), оранжевый оттенок морды. В нижних углах узнаваемы другие мировые лидеры (прецедентные имена). Их присутствие активирует код «мировой политики» и «геополитических альянсов».

Так, визуальный ряд показывает реальную опасность (горящий фитиль, лидеры других стран, прячущиеся в укрытиях или наблюдающие за катастрофой), в то время как текст и стилистика создают атмосферу веселого шоу.

Еще одним ярким примером служит карикатура, изображенная на рис.9.



Рис. 9 ***Ben Jennings on US attempts to downplay renewed hostilities in Gaza*** (The Guardian, 29.10.25)

Центральным языковым элементом на изображении является неологизм *PEACE-FIRE*. Это случай языковой игры с термином *ceasefire* ‘прекращение огня’. Автор заменяет *cease* ‘прекращение’ на *peace* ‘мир’, но оставляет *fire* ‘огонь/стрельба’. Это создает семантическое противоречие: «мирный огонь» или «огонь ради мира». Такое лингвистическое искажение отражает суть критики: риторика о мире используется для оправдания военных действий. Фраза *IT'S FINE... NOTHING TO WORRY ABOUT!* ‘Все в порядке... не о чем беспокоиться!’ является ярким примером сарказма. Вербальное успокоение накладывается на визуальный образ тотального разрушения. Ирония достигается за счет несоответствия слов (минимизация угрозы: *just a little*) и реальности (максимизация угрозы: огромный пожар и бомбардировки).

Выражение *Peace-fire* также можно трактовать как метафору агрессивной внешней политики, где война подается как инструмент установления мира («мир через огонь»). Фраза *a little peace-fire* пародирует механизм политического эвфемизма, когда неприятные явления (война, кровопролитие) обозначаются нейтральными или позитивными терминами.

Текст в облаке речи стилизован под устную речь Дональда Трампа. Использование простых, коротких предложений, эллипсис (*It's fine...*), уменьшительно-пренебрежительных конструкций (*just a little*) характерно для его публичных выступлений, где сложные геополитические проблемы часто упрощаются или преуменьшаются. Текст набран заглавными буквами. В карикатурах это обозначает громкую речь, уверенность или крик. Здесь же подчеркивается настойчивость, с которой персонаж пытается убедить в нормальности происходящего, несмотря на очевидные факты.

Визуальный ряд карикатуры работает на усиление диссонанса, созданного текстом, используя яркие символы разрушения. Фон, залитый оранжевым и желтым цветом,

символизирует ад, хаос и войну. Это визуальная гипербола, показывающая масштаб катастрофы, которую игнорирует персонаж. Силуэты самолетов, сбрасывающих бомбы, конкретизируют природу «огня». Трамп стоит на скале, которая покрыта глубокими трещинами. Это метафора зыбкой почвы, нестабильности и разрушения фундамента (геополитического или морального), на котором стоит лидер. Руки Трампа раскинуты в стороны. Это амбивалентный жест: с одной стороны, это поза дирижера, управляющего оркестром (войной), с другой — поза человека, говорящего «Ну что поделаешь?» или «Разве это не великолепно?». Ярко-красный галстук визуально выделяется на синем костюме. В данном контексте он может ассоциироваться с фитилем или каплей крови, связывая образ лидера с насилием.

Основной сатирический эффект базируется на контрасте. Вербальный канал транслирует спокойствие и отрицание проблемы (*It's fine, Peace*), а визуальный канал транслирует панику и разрушение (огонь, бомбы). Читатель вынужден сопоставлять эти два потока, и разрыв между ними обнажает ложь или безумие персонажа. Белое, чистое облако речи контрастирует с грязным, задымленным фоном. Это можно интерпретировать как метафору медийного нарратива, которым политик отгораживается от суровой реальности, пытаясь убедить аудиторию в том, что за пределами этого пузыря «все в порядке».

4. Заключение. Карикатура в современных англоязычных СМИ представляет собой сложный и многофункциональный жанр медиатекстов, в котором взаимодействие вербального и визуального компонентов создает мощный потенциал воздействия. Феномен поликодовости выступает базовой парадигмой медиакоммуникации, а карикатура, будучи одной из наиболее оценочных его форм, играет ключевую роль в формировании общественного мнения. Проведенное исследование показало, что тематически эмпирический корпус карикатур из цифровой (электронной) версии газеты The Guardian ориентирован преимущественно на политическую проблематику (55%), что свидетельствует о востребованности жанра как инструмента оперативной критики. Анализ выявил преобладание отношений взаимодополнения между знаковыми системами (71%), где изображение несет основную смысловую нагрузку, а текст закрепляет авторскую оценку, что позволяет сохранять автономность изображения при одновременной смысловой конкретизации с помощью текста. Наиболее частотными языковыми средствами выступают аллюзия (16,4%), каламбур (14,29%) и неологизм (12,7%), которые в совокупности с визуальными образами создают эффект стилистического диссонанса, обнажая несоответствие между словами политиков и действительностью. Анализ примеров продемонстрировал, что эффективность карикатуры как средства воздействия обусловлена именно поликодовостью. Визуальный компонент обеспечивает эмоциональную насыщенность и мгновенное привлечение внимания, а вербальный — направляет интерпретацию и закрепляет авторскую оценку. Полученные результаты позволяют определить роль карикатуры в современной информационной повестке, где феномен поликодовости позволяет компактно транслировать сложные идеи, влияя на восприятие реальности и стимулируя критическое мышление аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айнутдинов А.С. Типология и функции карикатуры в прессе / А.С. Айнутдинов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 21. — С. 20–28.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. — Москва: Academia, 2003. — 122 с.
3. Балакина Ю.В. Политическая карикатура в зарубежных медиа / Ю.В. Балакина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2021. — № 6. — С. 95–115.

4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т.Г. Добросклонская. — Москва: «КДУ», «Добросвет», 2020. – 178 с.
5. Добросклонская Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2005. — № 2. — С. 28–35.
6. Останина А.В. Невербальные средства интерпретации образа Дональда Трампа в англоязычной прессе (на примере карикатур) / А.В. Останина // Российский лингвистический бюллетень. — 2024. — № 6(54).
7. Пахолков, А.Л. Поликодовость в дискурсе СМИ / А.Л. Пахолков // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023): Сборник материалов XXIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию ВятГУ. В 2-х томах, Киров, 12 апреля — 22 2023 года. Том 1. — Киров: Вятский государственный университет, 2023. — С. 172–175.
8. Рацибурская, Л.В. Проблема поликодовости как синтеза вербальных и невербальных средств воздействия (на материале медийных новообразований) / Л.В. Рацибурская, С.Г. Бусарева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — Т. 18, № 4. — С. 831-846. — DOI 10.21638/spbu09.2021.412.
9. Рябова М. Ю. Карикатура в свете поликодовой политической коммуникации / М. Ю. Рябова // Концепт и культура: Сборник научных статей VII Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения первого профессора факультета романо-германской филологии КемГУ, доктора филологических наук Надежды Васильевны Феоктистовой (1923-2007), Кемерово, 30 ноября 2023 года. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2024. — С. 152-159.
10. Садченко В.Т. Текст как объект лингвистической семиотики / В.Т. Садченко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 5(143). — С. 104–111.
11. Сивцева А.В. Взаимодействие компонентов карикатуры как креолизованного текста при достижении комического эффекта / А.В. Сивцева // Евразийский союз ученых. — 2014. — № 5–4(5). — С. 70–71.
12. Скарюпина, А.С. Аллюзия в вербальном компоненте карикатуры / А.С. Скарюпина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2009. — № 12. — С. 174–176.
13. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2005. — № 2. — С. 7–16.
14. Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. — М., 2005. — 220 с
15. Талыбина Е.В. Карикатура как взаимодействие вербальных и невербальных знаковых систем / Е.В. Талыбина, Н.А. Минакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2013. — № 1. — С. 24–30.
16. Arkhipova E.I. Linguocultural level of English mass media text description / E.I. Arkhipova // Russian Linguistic Bulletin. — 2021. — No. 4(28). — P. 70–73.
17. Bell, A. The language of news media. — Language in society (Oxford, England) — Oxford, UK, Cambridge, MA: Blackwell, 1991. — 277 c.
18. Berdimurodovich Kh.M. Media linguistics and its role in the language of modern mass media / Kh.M. Berdimurodovich // International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology. — 2022. — Vol. 10, № 4.
19. Fairclough, N. Media discourse / Norman Fairclough. — London: Arnold, 1995. — VIII, 214 c.; 23.
20. Kustova, O.A. Gestaltness of the text of caricature as its main characteristic feature (analysis of caricatures from "The New Yorker" magazine) / O.A. Kustova // Issues of Cognitive Linguistics. — 2012. — No. 4(33). — P. 37–41.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

21. The Guardian: Latest news, sport and opinion from the Guardian — Режим доступа: https://www.theguardian.com/

REFERENCES

1. Ainutdinov, A.S. (2008). Tipologiia i funktsii karikatury v presse [Typology and functions of cartoons in the press]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, (21), 20-28. (In Russian)
2. Anisimova, E.E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia (na materiale kreolizovannykh tekstov) [Linguistics of text and intercultural communication (based on creolized texts)]. Moscow: Academia. (In Russian)
3. Balakina, Yu.V. (2021). Politicheskaia karikatura v zarubezhnykh media [Political cartoons in foreign media]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10: Zhurnalistika, (6), 95-115. (In Russian)
4. Dobrosklonskaia, T.G. (2020). Medialingvistika: teoriia, metody, napravleniia [Media linguistics: Theory, methods, directions]. Moscow: KDU, Dobrosvet. (In Russian)

5. Dobrosklonskaia, T.G. (2005). Mediatekst: teoriia i metody izucheniia [Media text: Theory and methods of study]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10: Zhurnalistika, (2), 28-35. (In Russian)
6. Ostanina, A.V. (2024). Neverbal'nye sredstva interpretatsii obraza Donal'da Trampa v angloiazychnoi presse (na primere karikatur) [Non-verbal means of interpreting the image of Donald Trump in the English-language press (based on cartoons)]. Rossiiskii lingvisticheskii biulleten', (6(54)). (In Russian)
7. Pakholkov, A.L. (2023). Polikodovost' v diskurse SMI [Polycode in media discourse]. In Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2023): Sbornik materialov XXIII Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k 60-letiiu ViatGU [Society. Science. Innovations (NPC-2023): Proceedings of the XXIII All-Russian (National) Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of VyatSU] (Vol. 1, pp. 172-175). Kirov: Vyatskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
8. Ratsiburskaia, L.V., & Busareva, S.G. (2021). Problema polikodovosti kak sinteza verbal'nykh i neverbal'nykh sredstv vozdeistviia (na materiale mediinykh novoobrazovanii) [The problem of polycode as a synthesis of verbal and non-verbal means of influence (based on media neologisms)]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura, 18(4), 831-846. https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.412 (In Russian)
9. Riabova, M.Yu. (2024). Karikatura v svete polikodovoi politicheskoi kommunikatsii [Cartoon in the light of polycode political communication]. In Kontsept i kul'tura: Sbornik nauchnykh statei VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia pervogo professora fakul'teta romano-germanskoi filologii KemGU, doktora filologicheskikh nauk Nadezhdy Vasil'evny Feoktistovoi (1923-2007) [Concept and culture: Collection of scientific articles of the VII International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the first professor of the Faculty of Romano-Germanic Philology of KemSU, Doctor of Philological Sciences Nadezhda Vasilievna Feoktistova (1923-2007)] (pp. 152-159). Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
10. Sadchenko, V.T. (2009). Tekst kak ob"ekt lingvisticheskoi semiotiki [Text as an object of linguistic semiotics]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, (5(143)), 104-111. (In Russian)
11. Sivtseva, A.V. (2014). Vzaimodeistvie komponentov karikatury kak kreolizovannogo teksta pri dostizhenii komicheskogo effekta [Interaction of cartoon components as a creolized text in achieving a comic effect]. Evraziiskii soiuz uchenykh, (5-4(5)), 70-71. (In Russian)
12. Skariupina, A.S. (2009). Alliuziia v verbal'nom komponente karikatury [Allusion in the verbal component of a cartoon]. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, (12), 174-176. (In Russian)
13. Solganik, G.Ya. (2005). K opredeleniiu poniatii "tekst" i "mediatekst" [On the definition of the concepts "text" and "media text"]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10: Zhurnalistika, (2), 7-16. (In Russian)
14. Sonin, A.G. (2005). Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyi aspekt [Understanding polycode texts: Cognitive aspect]. Moscow. (In Russian)
15. Talybina, E.V., & Minakova, N.A. (2013). Karikatura kak vzaimodeistvie verbal'nykh i neverbal'nykh znakovykh system [Cartoon as interaction of verbal and non-verbal sign systems]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia, (1), 24-30. (In Russian)

Поступила в редакцию 22.05.2026 г.

CARICATURE IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE DIGITAL MEDIA (BASED ON THE GUARDIAN)

O.L. Bessonova, O.S. Korotun

The article addresses caricature as a genre of media text in modern English-language digital media. The focus is made on the polycode phenomenon, on the interaction between visual and verbal components, as well as on the linguistic means of expressing satire in contemporary English-language media caricatures. The empirical corpus comprises 100 caricatures from the digital edition of the Guardian spanning the period from September 2024 to June 2026. The following research methods have been applied: content analysis, semantic, contextual, linguopragmatic, and linguostylistic analysis as well as elements of quantitative analysis. As a result, the thematic diversity of the selected material has been established with a predominance of politically themed cartoons. The types of relations between verbal and visual components have been determined. The prevalence of complementary relationships has been highlighted. The most frequent linguistic means of expressing the satirical effect have been identified. The conclusion is made that the cartoon pragmatic impact effectiveness is accounted for by the high degree of multimodality. Caricature plays a key role in modern media communication as an evaluative polycode media text reflecting the current information agenda of society.

Key words: caricature, media text, media discourse, polycode phenomenon, polycode text, visual component, verbal component.

Бессонова Ольга Леонидовна.
Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Заведующий кафедрой английской филологии.
ORCID: 0000-0002-5171-9790.
E-mail: o.bessonova.2023@list.ru.

Коротун Олеся Сергеевна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Студент, бакалавр.
ORCID: 0009-0000-1024-1965.
E-mail: olesya.korotun@bk.ru.

Bessonova Olga Leonidovna.
Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University, Donetsk,
Russian Federation.
Head of English Philology Department.
ORCID: 0000-0002-5171-9790.
E-mail: o.bessonova.2023@list.ru.

Korotun Olesya Sergeevna.
Donetsk State University, Donetsk,
Russian Federation.
Bachelor of Faculty of Foreign Languages.
ORCID: 0009-0000-1024-1965.
E-mail: olesya.korotun@bk.ru.

Научная статья
УДК 81:42
DOI: 10.5281/zenodo.22056388

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕКСТОТИПА СОВЕТА И ФОРМАТ «СОВЕТЕЛЛИНГА» В БРЕНД-МЕДИА[1]

© 2026 *О.А. Глущенко*
Северо-Западный институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
ORCID 0000-0001-6365-0981.



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуется зависимость между усилением прагматики и усложнением строения текста у интернет-совета в бренд-медиа. Источник материала — бренд-медиа «Т–Ж». Высказано предположение, что в современной бренд-журналистике используется формат «советеллинга» для подачи через жанр совета направленной и опциональной информации коммерческого и полезно-познавательного характера. В структуре интернет-совета именно в бренд-медиа есть 4 обязательных сегмента: заголовочный модуль, лид-проблема, адвисивный модуль и реактивный модуль. Суггестивный посыл исходит от всех частей, в результате совет задает навигацию в повседневности и в важнейших социально-экономических, гражданско-правовых ситуациях. Формат «советеллинга» позволяет на поверхностном уровне подать внушающий контент как познавательно-развлекательный, а на глубинном уровне как формирующий стереотипы пользовательского поведения и алгоритмы решения естественной или смоделированной проблемы.

Ключевые слова: речевой жанр, текстотип, совет, рекомендация, «советеллинг», бренд-медиа, бренд-журналистика.

Для цитирования: Глущенко О.А. Трансформация текстотипа совета и формат «советеллинга» в бренд-медиа / О.А. Глущенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 18–27. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22056388.

Введение. Работа в виртуальной реальности, обучение в дистанте на сетевой платформе, досуг в интернете, — словом, жизнь в цифровом мире стала массовым явлением. Согласно ежегодному исследованию Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), времяпрепровождение в интернет-среде у среднестатистического современника в самом трудоспособном возрасте занимает от 2 до 8 часов в день. В среднем россияне находятся в интернете 4 часа 21 минуту в день, при этом социальные медиа занимают 51% от этого времени, а это почти 2 часа 44 минуты [18]. Когда человека сопровождает цифровая техника и интернет-технологии не только в производственном процессе, но и в обыденной повседневности семьи (умный дом, цифровые платежные системы и др.), одновременно усложняется «технико-технологическая рамка» социальной и частной жизни и расширяется запрос на содержательно облегченный контент. Читатель-пользователь ищет не длинные тексты, лонгриды, а развлекательную информацию, не

[1]Исследование выполнено в рамках НИР ЕГИСУ_НИОКТР Северо-Западного института управления РАНХиГС.

отягощающую и не замедляющую когнитивные процессы при скроллинге. Сплав информирования и развлечения обеспечил экспансию формату инфотейнмента.

В популярных онлайн-СМИ с установкой на инфотейнмент существенный массив публикаций содержит всевозможные советы. Пользователь бренд-медиа окружен советами о разнообразных предметах и услугах сферы потребления от экспертов, отраслевых и нишевых знатоков и коучей и просто популярных личностей. Мы полагаем, что такое развлекательное быстрочтение-скроллинг не просто отвлекает от забот повседневности или скрашивает досуг, но и формирует мировоззрение пользователя, подпитывает поведенческие стереотипы в социально-экономическом поле. «В информационную эпоху XXI в. доминирующие потребности и установки, мировоззренческие конструкты и ценности формируются благодаря доминирующим инфопотокам массмедиа» [8, с. 256].

Исследование семиотической природы современных интернет-советов, представляющих сегмент «легкого» жанра, с одной стороны, прояснит природу их популярности в инфотейнменте. С другой стороны, анализ текстотипа советов в бренд-медиа позволит «значительно уточнить понимание данного явления: жанры (разные, но иногда и одни и те же) могут быть и источником речевой системности, и источником ее вариативности, т. е. расшатывания и разрушения системы» [6, с. 15].

Объектом исследования выступают тексты в жанре совета в бренд-медиа. Предмет изучения — структура и прагматика интернет-текстов в жанре совета, а также трансформация текстотипа совета.

Цель исследования — установление зависимости между коммуникативно-прагматическими интенциями текстов и структурным решением для материала в поле современного инфотейнмента. Мы проверяем рабочую гипотезу: в пространстве бренд-медиа происходит усложнение структурной оболочки текстотипа совета для усиления не информативной плотности и тематической глубины контента, а его суггестивного эффекта. Для интернет-совета на уровне дискурсивного текстотипа существует «тройная интенциональность»: описание, оценка и некатегоричное предписание переплетаются для имплицитного воздействия на социальное поведение читателя и укрепления стереотипа потребительского поведения [3, с. 52].

Текстотип мы понимаем и как инвариантную текстовую структуру, текст-конструкт для определенных групп текстов с общим набором прагматических установок, и как набор правил порождения и понимания текстов [2, с. 87].

Компании и иные субъекты в разных видах экономической деятельности организуют бренд-медиа. Если понимать бренд-медиа узко и выделять его преимущественно по формально-технологическому критерию наличия самостоятельного IP-адреса, то к бренд-медиа относится малая доля цифровых площадок с массмедийным контентом. Мы же придерживаемся широкого толкования бренд-медиа, поэтому включаем в этот сектор и блогерские ресурсы, и вкладки с медийными журналами, к которым можно перейти с основной страницы бренда, и подкасты. Бренд-медиа функционируют в пространстве бренд-журналистики и маркетинговых коммуникаций. Бренд-журналистика не просто продвигает интересы своего бренд-заказчика, но и прочно занимает плацдарм основного навигатора по повседневности.

Источником эмпирического материала выступило бренд-медиа «Т–Ж» с многомиллионной аудиторией читателей. Использованы общенаучные методы исследования, коммуникативно-прагматический и структурно-семантический анализ. Мы исследовали 60 текстов с советами, опубликованных в январе – апреле 2026 года в потоках-рубриках «Недвижимость» (10 статей), «Эмиграция» (3 статьи), «Россия» (10

статей), «Правовая грамотность» (10 статей), «Обезопасить себя и близких» (5 статей), «Технологии» (2 статьи), «Образование и хобби» (10 статей) и «Мозг» (10 статей). Объем проанализированного материала — 1,2 Мб. Выбор потоков был связан с важностью и серьезностью их тематики: публикации ориентированы на социально-экономическую и гражданско-правовую сферу жизни читателя. В каждом потоке есть новостные и аналитические материалы для информирования читателя и его когнитивного развития. В таких материалах высокая концентрация фактологического материала, деловой или научно-популярный стиль изложения, актуальные события и явления проанализированы в причинно-следственном аспекте, выводы автора материала мотивированы. Однако публикаций в формате инфотейнмента больше, чем собственно аналитических и информационно-аналитических. Например, в потоке «Недвижимость», в одноименном тематическом разделе, в первой декаде марта 2026 года было 30 публикаций, из них 16 — это советы; в потоке «Правовая грамотность», в тематическом разделе «Права и обязанности», за тот же период появилось 15 публикаций, из них с советами — 9. В некоторых потоках тематические разделы содержат до 80% контента с советами (например, раздел «Читатели сдают и снимают жилье» в потоке «Недвижимость», раздел «Что делать в кризис» в потоке «Россия»). Экспансия текстов с советами, как нам видится, связана с установкой на развлечение читателя и фреймирование воздействующей информации. Фрейминг — это не просто передача фактов, а их «упаковка» в определенный контекст, который формирует отношение, эмоции и решения людей. Фрейминг в пространстве бренд-журналистики мы понимаем как целенаправленное использование авторами-акторами определенных текстотипов с набором жанрово-форматных характеристик для управления предпочтениями целевой аудитории, т. е. активацию когнитивных схем для управления интерпретацией адресатом ситуации или сообщения [11, с. 64].

Основная часть. Совет – это первичный жанр [12], сформировавшийся при непосредственном устном общении. С семиотической точки зрения, если рассматривать совет в качестве сложного знака, то можно условно разделить в качестве объектов изучения его семантику, форму и прагматику. В семантическом плане совет информирует, как поступить и что решить для достижения блага. В функционально-прагматическом аспекте (с позиций теории речевых актов) совет — это самостоятельный речевой акт с суггестивной интенцией, «иллокутивная цель которого заключается в побуждении к действию (речевому, физическому, ментальному) либо изменению состояния, целесообразному и полезному, по мнению Говорящего (Г), для Адресата (А)» [16, с. 6]. В традиционном понимании совет доносит до адресата информацию о наилучшем, о благе и полезном для него.

В разных авторских концепциях совет входит в категорию экзерситивов [10], адвисивов [15], суггестивов [4], нейтральных побуждений. Дискурсная рамка совета определяется такими факторами, как тема коммуникации и особенности трудной ситуации у запрашивающего совет адресата, характер отношений и степень знакомства у участников коммуникативной ситуации, мотивация советчика-адресанта. В дискурсной рамке задается степень официальности и стилистика совета, а также определяется сфера использования совета, что в совокупности позволяет разграничить совет обиходный и совет институциональный.

«Когнитивными признаками совета, которые отражают существенные аспекты суггестивной побудительной ситуации, являются некатегоричность побуждения к выполнению действия, необлигаторность выполнения действия для адресата, приоритетность статуса говорящего, бенефактивность действия для слушающего» [5,

с. 136]. Изменение данных признаков приводит к перерождению совета в иную жанровую разновидность.

В ряду неинтенсивных императивных жанров совет соседствует с рекомендацией. Рекомендация — это текст, в котором автор объясняет, как лучше поступить и в какой последовательности осуществлять действия для достижения цели и блага: «X советует (рекомендует) Y-ку сделать P, считая, что Y-ка интересует мнение X о том, что Y-ку лучше всего сделать в данной ситуации» [1, с. 1075]. На глубинно-понятийном уровне совет отличается от рекомендации, но на репрезентативном уровне лексических единиц эти наименования семантически слабо противопоставлены друг другу. Критериями разграничения выступают прагматический посыл текста и характер исходной информации. Так, совет сообщает о благе для адресата и опирается на исходное мнение адресата о предмете речи. Рекомендация же ориентирована на пользу для адресата и опирается на предварительное знание адресата о предмете речи. Однако чаще встречается соотношение совета и рекомендации как частного и общего, точно так же как соотношение совета с другими типами сообщений.

В пространстве журналистских жанров названия «рекомендация» и «совет» используются как взаимозаменяемые, при этом можно противопоставить мини-советы как информационный жанр, если текст содержит предписательную (программную) информацию-ответ на информационные ожидания аудитории, и совет-рекомендацию как аналитический жанр, если это развернутый текст с аргументацией, мотивацией, оценкой и прогнозированием [14].

В устной коммуникации первичный жанр совета реализуется во множестве разновидностей, в выделении которых важна прагматика и интерпретанта. Так, у Т.И. Шеловских [16, с. 10] выделено восемнадцать микрополей прагматических вариантов неинституциональных инициативных устных советов: совет-предложение, совет-требование, совет-мнение, совет-распоряжение, совет-наставление, совет-рекомендация и др. А.А. Соловьева [13, с. 2] разграничивает десять разновидностей речевого жанра совета, при этом совет-рекомендацию вместе с советом-инструкцией и советом-консультацией она определяет как характерные для институционального дискурса. С учетом коммуникативной ситуации для возникновения совет может быть организован в вопросно-ответной форме или как инициативный совет: «в основном встречается две модели структуры советов: вопрос — ответ и непрошеный совет» [9, с. 150]. При этом инициативный, т. е. непрошеный совет бывает разным по объему: от предложения до статьи.

В материалах бренд-журналистики доминируют три тематических разновидности совета: совет-рекомендация, совет-мнение и совет-наставление:

Как научить ребенка красиво писать: простые советы.

Не делиться пиццей и проверять продукты: что еще нам советовали бренды в роликах февраля?

Как быстро выучить билеты к экзамену: 6 способов не забыть все в нужный момент.

Маркетинг для «зумеров» и «альфа»: как продавать тем, кто считывает манипуляцию в рекламе за первые две секунды.

Сфера использования советов плавно расширилась: это информация для навигации не только в повседневности (что надеть, приготовить, куда поехать и т. д.), но и в пространстве важнейших социально-экономических, гражданско-правовых отношений. Так, экспертное мнение излагается в формате советов для массового читателя: советы по трудоустройству, кадровым вопросам, карьерному росту, вложению денег, правовым

действиям, политическим решениям и др. Речевой жанр совета занимает нишу коммерческой рекомендации.

Структура традиционного совета изучена в достаточной степени, универсальная организационная модель совета представляется трехчастной: (1) инициативный блок с запросом совета от адресата; (2) ядерный блок с советом/советами и (3) реактивный блок с откликом адресата на совет. «Речевой жанр «совет» состоит из трех основных частей: 1) просьба адресата о совете (выраженная – подразумеваемая / отсутствие просьбы), 2) собственно совет (установление доверительных отношений, например, констатация собственного опыта), произнесение высказывания-совета, аргументационная часть), 3) реакция на совет (согласие, несогласие, обдумывание, любопытство, уточнение, переадресация, объяснение, возмущение)» [13, с. 2]. Блоки 1 и 3 являются факультативными и периферийными, при наличии только ядерного блока текст классического, традиционного совета состоятелен.

Текст совета в бренд-журналистике представлен в формате «советеллинга». Термин «советеллинг» мы образовали как полукальку в результате соединения русского *совет* и переводного компонента *-теллинг* по аналогии с термином «сторителлинг». «Советеллинг» — это особый формат текста в виде рассказывания пространных советов с допустимым включением разножанровых блоков (история, справка, комментарий и др.), чтобы образовался сплав некоммерческой и коммерческой информации для имплицитного маркетингового воздействия на массового адресата и снижения уровня читательской критичности и скептицизма. Сфера применения «советеллинга» и сторителлинга одна и та же — нарративные тексты в бренд-медиа. Но если сторителлинг строится на сюжете и эксплуатирует эмоциональное сопереживание чужому опыту, то «советеллинг» опирается на ситуативность, опциональность и необлигаторность информации. Изначально адресат совета знает, что информация для него факультативная, у него есть свобода в ее использовании (например, следовать совету, принять его к сведению, раскритиковать и т. д.).

Мы видим четыре блока текста в формате «советеллинга»: (1) заголовочный комплекс, (2) лид-проблема, (3) адвисивная основная часть, (4) реактивный блок. Все элементы архитектуры текста обязательные, что отличает совет в цифровой среде бренд-журналистики от классического жанра совета.

В заголовочном комплексе используются два варианта текста: заголовок-вопрос и заголовок-тезис (заголовок-позиция). Заголовок-вопрос предстает в двух синтаксических реализациях — предложение с прямым вопросом (обычно простое предложение) и косвенный вопрос с конкретизацией (сложное бессоюзное предложение, в котором вопрос только в одной части, он задает аспект рассмотрения тезиса из другой части). Заголовок-тезис оформлен как повествовательное предложение чаще всего с логической, событийной или релятивной пропозицией. Заголовок-тезис часто сопровождается аспектным подзаголовком, например: заголовок *«Особенности приемки квартиры в новостройке в 2026 году»* и подзаголовок *«И уловки застройщиков, на которые не стоит поддаваться»*.

Поскольку функция заголовочного комплекса состоит не только в наименовании материала, но и в захвате внимания, то в текстах с «советеллингом» заголовки развернутые, в их формулировках называется ключ к проблеме: в 28% заголовков текстов с советами используется конструкция *«что делать…»*. В 74% заголовков и подзаголовков в нашем материале есть предельный глагол как результативное слово (*вернуть, заставить, найти*, *научить, победить, подать, получить, поступить, привлечь, рассчитать, увеличить, узнать* и т. д.).

Разберем пример типичного текста в формате «советеллинга» [19]. Заголовочный комплекс представляет собой прямой вопрос: *«Как через УК заменить старые трубы в квартире?».* Заголовок-вопрос, как правило, максимально конкретен и сразу обозначает проблему.

Важный суггестивный посыл содержится во второй части — лид-проблеме. Обычно это 1–3 абзаца, цель которых — убедить адресата в существовании неотложной проблемы и побудить ознакомиться с конкретными советами из третьей части. Если проблема, нерешенный вопрос некачественно «продан» в части с лид-проблемой, то малоэффективен весь текст совета. В абзаце с лид-проблемой внушение усиливается за счет лексико-семантических средств, риторических фигур и тропов.

В нашем материале часть с лид-проблемой развернутая и с иллюстрацией-поддержкой (впечатляющая фотография ржавой трубы с подписью «Так выглядит труба с холодной водой»). В этой части мы видим концентрацию лексики из заявленной тематической области коммунального хозяйства: *дом 1985 года постройки, капремонт, ремонт, не меняли трубы, жильцы, аварийное состояние трубы с холодной водой, аварийные отрезки, течь, управляющая компания, срок эксплуатации*. Концептуально значимые слова повторяются (*аварийный, труба, капремонт*), используются выразительные средства усиления смысла (*запредельный срок, течь из-за старости*). Все лингвистические средства работают на достижение главной цели этой части — эмоциональная настройка адресата на проблему и ее решение, нагнетание впечатления.

В лид-проблемной части может быть акцент на детерминации проблемы через изложение истории вопроса, описание парадокса, представление обобщенных результатов системного наблюдения, раскрытие понятий, обращение к нормативно-правовой базе и даже через рассказ от лица эксперта истории успешного решения застарелого конфликта. Формат «советеллинга» органично взаимодействует со сторителлингом как в части с лид-проблемой, так и в адвисивном блоке.

Так, в нашем материале в поддержку лид-проблемы представлен комментарий юриста и развернутым пояснением понятий: *«Где заканчивается ваша собственность и начинается общее имущество».* Предполагаем, что обращение к профессиональной понятийной базе, привлечение экспертного комментария в лид-проблеме направлено одновременно и на повышение статусности текста, и на таргетирование целевой аудитории читателей. В этой части мы видим перспективы дальнейшего исследования жанра совета в бренд-журналистике.

Самая объемная часть в «советеллинге» — это адвисивный блок, т. е. модуль с советами. Мы выделим две модели организации этой части: 1) нумерованный список советов; 2) аппликация из советов и историй успеха. В первом случае советы могут следовать в свободном порядке или же их последовательность задана логикой этапов — все определяется индивидуальностью проблемной ситуации и позицией адресанта. Заметим, что алгоритмичная последовательность советов воспринимается как более императивная. Во втором случае истории успеха — это не просто иллюстрация, а также имплицитный совет. Советы могут быть поименованы разнообразно: *способ, вариант, решение, выход, ход, рекомендация, действие* и др.

Множественные советы в текстах с «советеллингом» группируются в блоки и представлены как ответы на ситуативные вопросы. Так, в нашем материале три блока с советами-ответами на вопросы: *«Как добиться замены труб», «Что делать с соседями, которые не пускают»* и *«Что делать, если УК бездействует».* Дробность материала и рубрикация активируют внимание читателя и стимулируют прочтение текста до конца. Внутри блоков с советами вставлена история успешного решения заявленной проблемы

в Омске, что усиливает психологическое воздействие текста как правдоподобного, а самим советам придает достоверности и убедительности.

В плане языкового выражения адвисивная часть в советах оформлена традиционно: как с императивными конструкциями, так и с инфинитивом, индикативными высказываниями, условными предложениями и т. д. «Как и всем речевым жанрам поучающего дискурса, суггестивному жанру речи присущ дидактизм, однако в совете он часто завуалирован, потому что для большего достижения эффекта внушения используется косвенная форма выражения побудительной интенции» [17, с. 133–134].

Последняя часть текста в формате «советеллинга» — реактивный блок — нацелена на продолжение коммуникации с целевой аудиторией. Как правило, в этой части есть призыв присоединиться к комьюнити (например, подписаться на канал), или поделиться мнением, или иным образом отреагировать на материал (задать вопрос, ознакомиться с другими материалами автора, оценить или перепостить материал и др.). В реактивном блоке не редкость интерактивный компонент (анкета, онлайн-опрос), который может использоваться в том числе для маркетингового сбора информации.

В нашем примере представлены три призыва: подписаться на автора, задать свой вопрос и рассказать о своем опыте: *«Меняли что-нибудь за счет УК? Расскажите, с чем пришлось столкнуться».*

Продвижение коммерческой информации в «советеллинге» чаще всего происходит в адвисивной и реактивной частях, когда предлагаются гиперссылки с дополнительной информацией, активируется прагматический потенциал интерактивного компонента, органично встраивается нативная реклама. Заметим, что ресурс гиперссылки может быть использован и в части с лид-проблемой, но в этом случае он работает для повышения экспрессивности текста и обострения восприятия у целевой аудитории, другими словами, для продвижения не сторонних бенефициаров, а контента совета.

Так, в нашем материале есть гиперссылки на тематически смежные тексты с заголовками: *«Что должна ремонтировать управляющая компания», «Как заставить УК работать», «Куда жаловаться на управляющую компанию», «Как подать исковое заявление в суд самостоятельно»* и *«Что делать? Читатели спрашивают — эксперты отвечают».* В результате читатель самостоятельно регулирует глубину погружения в тему, выстраивает свою галерею текстов с инструкциями, рекомендациями, советами и иными материалами и определяет время пребывания на ресурсах бренд-медиа. Также для эффекта внушения используется сторителлинг в гиперссылке: *«Добрые истории о сильных людях» (Пишем о социальных проблемах и героях, за которых хочется переживать и радоваться).*

В реактивном блоке, как правило, открыты комментарии, чтобы на каждом повороте темы адресат мог вступить в дискуссию и участвовать в порождении мультитекста. Мультитекстом мы называем модуль инициативного текста (пост, статья, любое видео и т. д.) и блок с вербальными и невербальными (эмоджи и др.) комментариями к нему, который извлекается из ресурсов интернета как целое [7, с. 30]. Органично встроены блоки с прямой и тематически привязанной рекламой: *«Рассылка Т-Ж о дизайне и недвижимости» (Лайфхаки о покупке, ремонте и съеме жилья — в вашей почте раз в две недели. Бесплатно), «Курс учебника Т-Ж «ЖК Хакер»,* а также переменная всплывающая реклама.

Признак бенефактивности при использовании приема «советеллинга» трансформируется, потому что совет внешне формулируется в интересах адресанта, а имплицитно такой текст создается для продвижения коммерческой информации отправителя текста. Другими словами, в «советеллинге» есть эксплицитный и

имплицитный бенефициант. Открытый бенефициант обозначается собирательно *(вы*) или с фокусом на демографической группе (жильцы старых домов или новостроек, женщины старше 50, соискатели должности, выпускники вуза, владельцы машин определенной марки, путешественники и т. д.). Скрытый бенефициант — это автор текста, распорядитель ресурса, бенефактор, который накапливает свой репутационный капитал и продвигает интересы заказчиков коммерческой информации.

Заключение. Таким образом, мы можем говорить об усложнении текстотипа интернет-совета в пространстве бренд-медиа и о становлении формата «советеллинга» как особой подачи направленной, опциональной и необлигаторной информации смешанного коммерческого и полезно-познавательного характера. В бренд-медиа «Т-Ж» во всех проанализированных материалах речевой жанр совета был организован именно в формате «советеллинга». Под маской нейтральной интенции совета осуществляется и сбор маркетинговой информации, и продвижение заказчика, и самопрезентация автора, и управление поведением и настроением целевой аудитории. Кроме того, в формате «советеллинга» создаются тексты контаминированной жанровой природы, когда в развернутый совет встраиваются истории, инструкции, оценочное мнение, комментарии, рейтинги и списки, фрагменты интервью и др. Более сложная архитектура текста (включение лид-презентационного сегмента, максимальная сегментация блоков текста, введение интерактивного компонента и иллюстрации) оставляет у пользователя впечатление информационной ценности контента. Тексты в формате «советеллинга» в восприятии адресата передают одновременно полезную, занимательную и легко воспринимаемую информацию, тогда как адресантом это используется для снижения порога критичности к маркетинговому посылу текста и повышения доверия к бренд-медиа. Информация в бренд-медиа упакована в определенный формат, чтобы на поверхностном уровне внушающий контент представлялся досугово-познавательным и развлекательным, а на глубинном уровне формировал стереотипы пользовательского поведения и алгоритмы решения проблемы, создаваемой, выделяемой и управляемой маркетологами и иными специалистами в сфере когнитивного воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ.рук. акад. Ю.Д. Апресяна. — 2 изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. — С. 1075–1079.
2. Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка / А.Г. Баранов. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. — 188 с.
3. Баранов А.Г. Речевой жанр в системе дискурсивных структур / А.Г. Баранов // Медиалингвистика. — 2015. — №2(8). — С. 47–57.
4. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е.И. Беляева. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992. – 168 с.
5. Василина В.Н. Особенности речевых актов совета в англоязычном дискурсе / В.Н. Василина // Концептуализирующая сила грамматики: Ars grammatica: сб. науч. ст. / редкол.: А.М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. — Минск: МГЛУ, 2016. — С. 135–140.
6. Дементьев В.В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров / В.В. Дементьев // Жанры речи. — 2019. — №1 (21). – С. 6–21. – DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21
7. Ким М.Н. Конвергентная журналистика: эволюция жанров и инструментов: учеб. пособие / М.Н. Ким, О.А. Глущенко, Е.М. Пак, Д.В. Чигарёва, Е.А. Шаурова. — СПб.: Лань, 2025. — 112 с. — С. 28–48.
8. Когнитивная безопасность медиапространства: учебник / Под ред. И.Ф. Кефели, Б.Я. Мисонжникова. — СПб.: Изд.дом «Петрополис», 2025. — 584 с.

9. Малыса О. К вопросу о жанре совета / О. Малыса // Русский язык: система и функционирование: материалы III Международной научной конференции (Минск, 6–7 апреля 2006 г.): в 2 ч. Т. 2. — Минск: РИВШ, 2006. — С. 149–152.
10. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. Вып. 17. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — 424 с.
11. Пономарев Н.Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов / Н.Ф. Пономарев // Вестник Пермского университета. — 2010. — Вып. 3(9). — С. 62–67.
12. Рабенко Т.Г. Проблема речежанровой первичности / вторичности в контексте современной лингвистики / Т.Г. Рабенко // Сибирский филологический журнал. — 2017. — №2. — С. 235–248.
13. Соловьева А.А. Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дис. на соиск. учен.степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Соловьева Анна Александровна. — Волгоград, 2007. — 16 с.
14. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие / А.А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 310 с.
15. Формановская Н.И. Прагматика побуждения и логика языка / Н.И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 1994. – №5–6. – С. 34–40.
16. Шеловских Т.И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков): автореф. дис. на соиск. учен.степ. канд. филол. наук по спец. 10.02.19 «Общее и теоретическое языкознание, социолингвистика, психолингвистика» / Шеловских Татьяна Ивановна. — Воронеж, 1995. — 16 с.
17. Шутова О.А. Совет как суггестивный речевой жанр поучающего дискурса / О.А. Шутова // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». — 2019. — №5(138). — С. 129–134.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Россияне в день проводят в интернете до 8,5 часов в день. — Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/rossiyane-provodyat-v-internete-do-8-5-chasov-v-den-81895.html?ysclid=mmhm22502140575722 (дата обращения: 08.03.2026).
19. Как через УК заменить старые трубы в квартире? — Режим доступа: https://t-j.ru/zamena-trub/ (дата обращения: 24.04.2026).

REFERENCES

1. Apresyan, Yu.D. (2003). Novy`j ob``yasnitel`ny`j slovar` sinonimov russkogo yazy`ka [A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow: Shkola «Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`» (pp. 1075–1079). (In Russian)
2. Baranov, A.G. (2008). Pragmatika kak metodologicheskaya perspektiva yazy`ka [Pragmatics as a Methodological Perspective of Language]. Krasnodar: Prosveshhenie-Yug. (In Russian)
3. Baranov, A.G. (2015) Rechevoj zhanr v sisteme diskursivny`x struktur [Speech genre in the system of discursive structures]. Medialingvistika, 2(8), pp. 47–57. (In Russian)
4. Belyaeva, E.I. (1992). Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: anglijskij yazy`k [Grammar and Pragmatics of Motivation: English]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta. (In Russian)
5. Vasilina, V.N. (2016). Osobennosti rechevy`x aktov soveta v angloyazy`chnom diskurse [Features of Speech Acts of Advice in English-Language Discourse]. Konceptualiziruyushhaya sila grammatiki: Ars grammatica: sb. nauch. st. Minsk: MGLU, pp. 135–140. (In Russian)
6. Dement`ev, V.V. (2019). Zhanry` v menyayushhemsya mire: kreacionistskie potencii rechevy`x zhanrov i e`pistemologicheskie potencii teorii rechevy`x zhanrov [Genres in a Changing World: The Creationist Potencies of Speech Genres and the Epistemological Potencies of Speech Genre Theory]. Zhanry` rechi, 1 (21), pp. 6–21. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21 (In Russian)
7. Kim, M.N. (2025). Konvergentnaya zhurnalistika: e`volyuciya zhanrov i instrumentov: uchebnoe posobie dlya vuzov [Convergent Journalism: Evolution of Genres and Tools: Textbook]. St. Petersburg: Lan, pp. 28–48. (In Russian)
8. Kognitivnaya bezopasnost` mediaprostranstva: uchebnik (2025) [Cognitive Security of the Media Space: Textbook]. St. Petersburg: Izd.dom «Petropolis». (In Russian)

9. Maly`sa, O. (2006). K voprosu o zhanre soveta [On the issue of the genre of advice]. Russkij yazy`k: sistema i funkcionirovanie: materialy` III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Minsk, 6–7 aprelya 2006 g.): vol.2. T.2. Minsk: RIVSh, pp. 149–152. (In Russian)
10. Ostin, Dzh. (1986). Slovo kak dejstvie [The word as an action]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike: sb. Statej, vol.17. Teoriya rechevy`x aktov. Moscow: Progress. (In Russian)
11. Ponomarev, N.F. (2010). Frejming mediapovestki dnya i tipologiya mediafrejmov [Framing the media agenda and typology of media frames]. Vestnik Permskogo universiteta, 3(9), pp. 62–67. (In Russian)
12. Rabenko, T.G. (2017). Problema rechezhanrovoj pervichnosti / vtorichnosti v kontekste sovremennoj lingvistiki [The Problem of Speech Genre Primacy / Secundity in the Context of Modern Linguistics]. Sibirskij filologicheskij zhurnal, 2, pp. 235–248. (In Russian)
13. Solov`eva, A.A. (2007). Rechevoj zhanr «sovet» v razny`x tipax diskursa (na materiale sovremennogo anglijskogo yazy`ka): dis. … kand. filol. nauk [The speech genre "advice" in different types of discourse (based on modern English): Dis. … Cand. Philol. Sciences]. Volgograd. (In Russian)
14. Terty`chny`j, A.A. (2000). Zhanry` periodicheskoj pechati: uchebnoe posobie dlya vuzov [Genres of Periodical Press: Textbook]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian)
15. Formanovskaya, N.I. (1994). Pragmatika pobuzhdeniya i logika yazy`ka [The Pragmatics of Motivation and the Logic of Language]. Russkij yazy`k za rubezhom, 5–6, pp. 34–40. (In Russian)
16. Shelovskix, T.I. (1995). Rechevoj akt soveta: funkcional`no-pragmaticheskij analiz (na materiale franczuzskogo i russkogo yazy`kov): dis. … kand. filol. nauk [Speech Act of the Council: Functional and Pragmatic Analysis (Based on the French and Russian Languages): Dis. … Cand. Philol. Sciences]. Voronezh. (In Russian)
17. Shutova, O.A. (2019). Sovet kak suggestivny`j rechevoj zhanr pouchayushhego diskursa [Advice as a suggestive speech genre of instructive discourse]. Izvestiya Volgograd. gos. ped. un-ta. Seriya «Filologicheskie nauki», 5(138), pp. 129–134. (In Russian)

Поступила в редакцию 27.04.2026 г.

ADVICE TEXT TYPE TRANSFORMATION AND «ADVICETELLING» FORMAT IN BRAND MEDIA

O.A. Glushchenko

The article deals with the relationship between the strengthening of pragmatics and the complexity of the text structure of an online advice type of text in brand media. The source of the material is the «Т–Ж» brand media. Modern brand journalism seems to use the «advicetelling» format to provide directed and optional information of a commercial and educational nature through the genre of advice. In the structure of an online advice type of text in brand media, there are four mandatory segments: the headline module, the lead, the advisory module, and the reaction module. The suggestive message comes from all parts, resulting in advice that guides people through everyday life and important socio-economic and legal situations. The «advicetelling» format allows for a superficial presentation of suggestive content as educational and entertaining, while at a deeper level, it shapes the user's behaviour patterns and algorithms for solving natural or simulated problems.

***Key words*:** speech genre, text type, advice, recommendation, «advicetelling», brand media, brand journalism

Глущенко Олеся Анатольевна.
Доктор филологических наук, доцент.
Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.
Профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций.
ORCID: 0000-0001-6365-0981.
E-mail: oag.kam@mail.ru.

Glushchenko Olesya Anatolyevna.
Doctor of Philology, Associate Professor.
The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russian Federation, St. Petersburg.
Professor at Department of Journalism and Media Communications.

ORCID: 0000-0001-6365-0981.
E-mail: oag.kam@mail.ru.

Научная статья
УДК 81’33
DOI: 10.5281/zenodo.22056492

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В РАССКАЗЕ Р. КАРВЕРА «О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КОГДА ГОВОРИМ О ЛЮБВИ»

© **2026** ***Е. С. Грушевская, Н. А. Гудим***
[1-2]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»*
ORCID[1] *0000-0001-9115-5830*
ORCID[2] *0009-0002-5877-0262*

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье проведен анализ на основе 68 языковых единиц, вербализующих концепт «любовь» в рассказе Р. Карвера «О чем мы говорим, когда говорим о любви». Цель работы состоит в выявлении особенностей художественного концепта «любовь» как репрезентанта индивидуально-авторской картины мира писателя. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятия художественного концепта «любовь» и описании его возможных вариативных разновидностей. Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты могут использоваться для анализа художественного концепта в любом литературном произведении. Анализ позволил констатировать, что в авторской картине мира любовь имеет разные вариации проявления от манипулятивной агрессивно-ревностной линии поведения до высокодуховных представлений о любви как о глубоком чувстве эмоциональной привязанности, заботы и уважения к другому человеку. Методами исследования в данной работе являются: сопоставительный и статистический методы, метод семантико-когнитивного анализа, метод исследования дефиниций и метод анализа и обобщения для разбора собранных данных и приведения их в логическую цепочку.

Ключевые слова: автор, вербализация, концепт, лексическая единица, любовь, периферия концепта, текст, ядро концепта, художественный концепт.

Для цитирования: Грушевская Е.С. Художественный концепт «Любовь» в рассказе Р. Карвера «О чем мы говорим, когда говорим о любви» / Е.С. Грушевская, Н.А. Гудим // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 28–36. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22056492.

Введение. Художественный текст представляет собой сложную, многомерную структуру, состоящую из языковых единиц, выстроенных определенным образом в соответствии с задумкой автора [9]. Намерение писателя, его мировосприятие выражается в художественных концептах — отдельных ячейках ментальной реальности художественного текста, обладающих смыслообразующими компонентами [6].

Рассмотрим художественный концепт на примере анализа концепта «любовь» в рассказе Р. Карвера «О чем мы говорим, когда говорим о любви» [10]. Это небольшой рассказ американского писателя середины 20-го века, в котором автор описывает вечер четверых друзей — пар Терри и Мела, Ника и Лоры — во время которого они рассуждают на тему того, что такое любовь, и вспоминают свой опыт отношений.

Уже в названии автор передает главную тему своего произведения — любовь. Читая данный рассказ, читатель получает возможность поразмышлять на тему любви вместе с героями. В названии «О чем мы говорим, когда говорим о любви» заложена

идея многогранности данного явления. В названии Р. Карвер довольно ясно передает мысль о том, что каждый человек воспринимает любовь совершенно по-разному, транслируя идею, что у каждого человека есть свой язык любви, то есть определенные признаки, которые помогают почувствовать, что тебя любят. Когда эти «языки» не совпадают, в отношениях может возникнуть как легкое недопонимание, так и полный диссонанс [1]. Таким образом, тот факт, что у каждого персонажа произведения присутствует свой язык любви, позволяет нам рассмотреть концепт любви с разных точек зрения и доказать, что в авторской картине мира любовь не одинакова для всех и имеет различные проявления.

Рассмотрим данный концепт с помощью методики, предложенной И.А. Стерниным и З.Д. Поповой [8, с. 39]. Данный подход предполагает построение номинативного поля, которое далее делится на четыре сектора: ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия.

Материалы и методы исследования. К методам исследования относятся статистический метод для сбора данных для практической части исследования, метод семантико-когнитивного анализа для исследования концепта «любовь», метод исследования дефиниций для анализа собранных лексем, метод анализа и обобщения для приведения собранных данных в логическую цепочку.

Основная часть. Ядро является центром концепта и отражает основное понятие, заложенное в нем [2]. В окружающих ядро секторах располагаются признаки, соответствующие основному понятию, формирующиеся на основе стереотипов, связанных с концептом возникающих ассоциаций и интерпретаций. По мере отдаления от ядра эти признаки становятся менее очевидными, более индивидуальными для отдельного героя или читателя [3, с. 78].

Всего в номинативном поле данного концепта в рассказе «О чем мы говорим, когда говорим о любви» насчитано 68 языковых единиц, частота которых составляет 203. Ядро составляют две лексемы: love — *любовь, любить* (63) и like — *нравиться* (14). Именно эти слова наиболее точно отражают суть концепта, являются стилистически нейтральными и в одинаковой мере понятны для каждого. Стоит отметить, что love встречается в тексте произведения в качестве разных частей речи. Как глагол данная языковая единица использована автором 36 раз, а как существительное — 27.

Для изучения ядра концепта изучим словарные дефиниции представленных единиц. Для начала рассмотрим самое часто используемое слово Love. Одним из главных дефиниционных признаков слова как существительного является сильная привязанность к объекту любви. Это может выражаться в желании постоянно находиться рядом, знать о том, что происходит во внешнем и внутреннем мире объекта привязанности [4]. Также для любви характерно наличие связи и преданность. Данная связь может быть как родственной, так и просто личной. Сильная любовь зачастую переходит из стадии личной связи в родственную путем бракосочетания [5]. Аспектом для определения любви может быть наличие общих интересов. Любовь может быть к тем, с кем можно разделить общие увлечения и иметь чувство «Общности» [7]. Также словарь дает такие определения любви, как «поклонение человека Богу» и «отсутствие заработанных в теннисной игре очков». Однако данные дефиниции не нашли своей реализации в рассматриваемом произведении, поэтому не будут учитываться при анализе [5]. В качестве глагола «любить» может быть трактовано как «дорожить кем-то», а также ощущать преданность другого и другому. Это демонстрирует особое отношение к объекту любви, выраженное в обоюдном желании оставаться вместе и бояться потерять друг друга. «Любить» также трактуется как «выражать заботу», то есть совершать

определенные действия, направленные на демонстрацию своих чувств, улучшении жизни, повышении комфорта для другого человека [4]. Глагол Like имеет схожие словарные значения и может определяться аналогичными признаками, количество которых в контексте любви более ограничено. Like значит чувствовать влечение или определенную склонность к кому-то или чему-то [4]. Также важной характеристикой данного глагола является получение удовольствия [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что like является более эгоцентрированным, направленным на получение наслаждения для себя, в то время как love выражает большую ориентированность на другого человека, на заботу о благополучии объекта любви.

Данные характеристики находят отражение в анализируемом рассказе. На первый взгляд герои действительно привязаны друг другу, проявляют заботу, разделяют интересы друг друга. Однако при рассмотрении периферийной зоны можно заметить, что трансляция внимания и заботы проявляется в различных вещах.

Однако перед анализом периферии рассмотрим приядерную зону концепта «любовь». Приядерная зона представляет собой языковые единицы, которые наиболее близки по значению ядру. Для произведения Р. Карвера мы выделили 5 единиц для данной зоны. Частота их употребления в тексте — 10. Это такие слова и словосочетания, как: be together — *быть вместе* (3), did / do love — *любить* (3), subject of love — *тема любви* (2), fall in love with — *влюбиться в* (1), being in love — *быть влюбленными* (1). Be together не является прямым синонимом «любить», однако предполагает это. Быть вместе — значит, согласно словарному значению, «быть объединенными в соответствии с определенным признаком». В нашем случае подходит такое описание как «наличие любовных отношений или брак», что наиболее точно описывает взаимоотношения героев произведения [4]. Fall in love with имеет значение начала чувств. Главным дефиниционным признаком данной лексемы является непосредственно начало испытания романтической любви к кому-либо, самое появление чувства влюбленности [5]. Таким образом, данный глагол является лишь отчасти синонимичным глаголу love, что переносит его в приядерную зону. Being in love является близким по значению глаголам love и like, находясь как бы посередине между ними. Согласно словарному значению, если человек влюблен (be in love), то он испытывает романтическое или физическое влечение к человеку, который имеет определенную важность для него, что отражает одну из главных характеристик глагола love [4]. Однако некоторые дефиниции определяют это состояние как «быть очень влюбленным» (like very much), что сближает его с глаголом like [5]. Did / do love является стилистически усиленным чувством любви. Добавление перед основным смысловым глаголом глагола do (или did, в зависимости от контекста времени) передает усиление значения основного действия. Таким образом, do love может быть обозначено как «действительно любить», «быть уверенным в своих сильных чувствах». Subject of love подчеркивает основную идею дискуссии главных героев — любовь. Subject, согласно словарю, является главным объектом рассмотрения, размышления и обсуждения [4]. Данная характеристика напрямую передает идею о важности темы любви в произведении.

Таким образом, рассмотрев центральные зоны концепта, можно прийти к выводу, что любовь занимает одинаково значительное место для каждого из героев. Однако можно заметить разную степень чувств, которая выражается в использовании глаголов разного уровня «притяжения» и стилистически оформленных языковых единиц, усиливающих значение действия.

Перейдем к изучению ближней периферии номинативного поля концепта «Любовь» в произведении Р. Карвера. Всего в данном секторе мы выявили 13 единиц с частотой употребления 50. Это такие языковые единицы, как honey — *дорогая* (9),

couple — *пара* (8), wife — *жена* (8), married — *женаты* (6), kind of love — *вид любви* (4), hon — *дорогая* (3), toast to love — *тост за любовь* (3), sweetie — *милая* (2), kiss — *целовать* (2), real love — *реальная любовь* (2), what love is for us — *что есть любовь для нас* (1), true love — *настоящая любовь* (1), husband — *муж* (1).

Часть единиц, входящих в данную зону, может быть сгруппирована в соответствии с общей функцией — слова, используемые для уменьшительно-ласкательного, романтичного обращения к своему возлюбленному. Это такие единицы, как sweetie, honey и hon. Hon при этом является сокращенной формой лексемы honey. Данные наименования используются среди людей, состоящих в любовных отношениях, для выражения своей любви. Примечательно, что honey и hon появляются в речи практически каждого из героев произведения, что говорит о том, что их использование не является отличительной чертой кого-либо из персонажей, а скорее демонстрирует распространенную практику среди влюбленных людей. Однако лишь один персонаж — Терри — использует слово sweetie по отношению к своему молодому человеку.

Концепт любви выражается в рассказе и с помощью особого статуса людей, который может быть как официально зарегистрированным браком – married, где возлюбленные становятся wife и husband, так и неофициальной ролью пары — couple. Однако стоит отметить, что couple может использоваться в обоих контекстах — женатые люди тоже могут так называться. Исследуя контекст произведения, можно заметить, что на момент полилога только одна из пар была в официальном браке, а замужество в большинстве случаев фигурирует в контексте бывших жен и мужей. В процессе дискуссии герои рассуждают не просто о любви, а о так называемой «настоящей любви». В тексте это вербализируется словосочетаниями real love и true love. Примечательно, что каждый персонаж находит отражение данного понятия индивидуальным, рассматривая определение настоящей любви со своих точек зрения. Каждый из них осознает, что представления разнятся, и потому стараются презентовать свое мнение как можно более ясно и убедительно. Использование фразы toast to love подчеркивает важность обсуждаемой темы для героев. Согласно их мнению, любовь заслуживает отдельного внимания даже в виде тоста. При этом уточняется, что тост посвящается именно «настоящей любви».

Концепт в любви одинаково для всех героев изображается в действии — kiss. Поцелуй для каждого персонажа имеет положительную коннотацию и демонстрирует наличие теплых чувств к партнеру. Однако о наличии различных точек зрения на то, каким образом проявляется любовь и на то, какой она должна быть в своем идеальном образе, сообщает использование таких словосочетаний как what love is for us / me и kind of love. Прежде всего, само осознание существования разных видов любви говорит о возможности того, что мнения друзей могут расходиться. Более того, при описании своих «идеальных отношений» и того, что они называют любовью в целом, персонажи добавляют пометку «для нас» или «для меня», указывая, что их восприятие может отличаться от общепринятого.

Разноплановость воззрений героев составляет наполнение дальней периферии концепта «любовь» в рассказе, представляя собой совокупность индивидуальных характеристик данного явления. Рассмотрим данную зону номинативного поля. Всего в секторе дальней периферии насчитывается 48 единиц с частотой употребления 66. В контексте данной работы мы находим логичным разделить репрезентативы концепта на группы в соответствии с героями, которым они принадлежат.

Рассмотрим представления Терри. В случае с данным персонажем, концепт вербализуется в следующих выражениях: loved so much that tried to kill — *настолько любил, что пытался убить* (3), threatened to kill — *угрожал убить* (3), there was love —

любовь была (2), beat up — *избил* (1) , willing to die for it — *хотел умереть за это* (2), dragged around — *таскал* (2), knocked her head — *ударил по голове* (1), may sound crazy — *может показаться сумасшедшим* (1), may have acted crazy — *возможно, поступил как сумасшедший* (1), in his own way — *по-своему* (1), a romantic — *романтик* (1), kick-me-so-I'll-know-you-love-me school — *отряд «пни меня, чтобы я знал, что ты меня любишь»* (1), drank rat poison — *выпил крысиный яд* (1), shot himself in the mouth — *выстрелил себе в горло* (1), abnormal in most people's eyes — *ненормально в глазах большинства людей* (1).

При исследовании данной группы слов и выражений, повествующих об опыте ее прошлых отношений, мы видим, какие действия и какое поведение она воспринимает как любовь — нездоровые привязанности, власть над человеком, удержание силой и пользование различными манипуляциями. Данные мысли можно рассматривать как нездоровое проявление любви в стандартном «здоровом» понимании. Однако сама Терри это осознает: самолично она описывает это как «ненормально в глазах большинства людей». Она понимает, что такое проявление привязанности воспринимается в обществе как неправильное, но все равно придерживается своей точки зрения. Возможно, для себя она не принимает этот вариант как «нездоровый», что можно понять из ее фразы may have acted crazy: использование данной формы наклонения с модальным глаголом may говорит о неуверенности говорящего в своих словах. Вероятно, для Терри поведение ее бывшего супруга не было сумасшедшим. Героиня не называла это психическим расстройством, а указывала как his own way, подчеркивая, что это просто особенность поведения молодого человека.

Сколько бы нынешний супруг Мэл ни убеждал ее в обратном, она не собирается ему верить, ввиду другого образа мышления. Более того, из-за того, что Мэл не обращается с ней подобным образом, у нее может сложиться впечатление, что он недостаточно любит ее. Говоря об отношении Терри к Мэлу, можно отметить, что после того, как Мэл рассказал ужасающую историю об угрозах, Терри сказала только: “I still feel sorry for him” («*Мне все еще его жаль*»). До сих пор девушка больше думает не о своем муже, которому грозила реальная опасность, а о чувствах того, кто был ее источником. Все возможные попытки самоубийства бывшего мужа — drank rat poison, shot himself in the mouth были лишь отчаянными манипуляциями по возвращению жены, но для Терри был важен его главный мотив — он хотел ее вернуть, потому что любил ее. Мэл, уже будучи в отношениях с Терри, старался ограничивать ее от общения с бывшим мужем не только потому, что тот им угрожал, а потому что понимал, что его жена могла поверить манипулятору и вернуться к нему.

Друзья называют Терри иронично romantic, подразумевая противоположное и не находя ничего романтичного ни в ее поведении, ни в поведении ее бывшего мужа. Мэл, в свою очередь, выражает свое несогласие со взглядами жены, называя ее одной из kick-me-so-I’ll-know-you-love-me school. В его обращении чувствуется язвительность и неодобрение. Для того, чтобы понять реакцию Мэла на точку зрения его жены, рассмотрим, как он видит настоящую любовь: vassal — *вассал* (5), a vessel to someone — *сосуд для кого-то* (4), a memory — *воспоминание, память* (2), spiritual love — *возвышенная любовь* (1), beginners at love — *любовь для начинающих* (1), impulse that drives to someone special — *импульс, который толкает к кому-то особенному* (1), love his or her essence — *любить его или ее суть* (1), sentimental love — *сентиментальная любовь* (1), the day-to-day caring — *повседневная, ежедневная любовь* (1), in the name of love — *во имя любви* (1), carry off — *заполучить* (1), has love on his mind — *у него любовь на уме* (1), love is an absolute — *любовь — это абсолют* (1), hate her guts — *ненавидеть ее до глубины души* (1), praying she'll get herself stung to death — *надеяться, чтобы она*

была ужалена до смерти (1), talking makes feel worse — *обсуждение заставляет чувствовать себя хуже* (1), a helmet with the plate — *латный шлем* (1), big gloves — *большие перчатки* (1), the padded coat — *стеганое пальто* (1).

Для данного героя важна возвышенность любви, ее духовность, о чем говорит предпочтение к spiritual love, love his or her essence, love is an absolute, impulse that drives to someone special. Партнер в глазах Мэла — некто особенный, посланный свыше неведомым импульсом, а любовь возведена в абсолют. Свои чувства персонаж готов проявлять в виде постоянной заботы (the day-to-day caring), сентиментальности и сочувствия, сопереживания (sentimental love). О важности душевного наполнения любви говорит и его сравнение возлюбленных с сосудами (a vessel to someone), которые наполняются благодаря обоюдной любви. Молодой человек действительно находит эту сферу жизни важной для себя. Это заметно и его друзьям, которые отмечают, что она у него всегда на уме (has love on his mind). Более того, об одухотворенности идеальной любви Мэла говорит его эмоциональный рассказ о пожилой паре, попавшей к нему в больницу из-за автокатастрофы. Мэл восхищался тем фактом, что в больничной палате, получив множество ранений, сотрясений и травм, пожилой мужчина чувствовал боль лишь по одной причине: он не мог повернуть голову и увидеть свою жену (see his wife, look at his woman). Он не думает о том, как проявить свою любовь, или как заставить других думать, что он любит свою жену, он просто чувствует это, и его не волнует ничего вокруг, кроме возможности хотя бы взглянуть ей в глаза.

Наиболее ярко идеальный образ любви для Мэла описывает сочетание «рыцарская любовь», которая дословно в тексте не фигурирует, но находит свое отражение в таких выражениях как vassal, in the name of love. Герой готов совершать поступки «во имя любви», называя себя «вассалом прекрасной леди». Даже при описании «мести» своей бывшей жене персонаж представляет себя рыцарем: зная, что она имеет тяжелую форму аллергии на пчел, он представлял, как придет к ней в образе пчеловода, описывая свой костюм как одеяние рыцаря: a helmet with the plate, big gloves, the padded coat. В сцене воображения «мести» бывшей жене можно обратить внимание на то, сколько внимания молодой человек уделяет ей в целом, что выражается и в таких словосочетаниях, как hate her guts, praying she'll get herself stung to death, talking makes feel worse. Анализируя контекст произведения, становится ясно, что таким на первый взгляд негативным вниманием Мэл также показывает свою невыраженную оставшуюся любовь к бывшей жене. О важности бывшей жены в жизни героя говорит и его отношение к годам, которые он провел в духовной семинарии, где впервые ее встретил. Мэл называет это время the most important years in his life, ведь именно в этом духовном месте он встретил свою духовную любовь (spiritual love), которая обладает для него наивысшей ценностью. Любовь для героя всегда остается памятью (memory), и бывшая жена — это та память, которую он отпускать не готов.

Следующая пара разделяет мнение друг друга на тему того, что такое любовь. Языковые единицы, которые вербализуют их видение, следующие: held her — *держал ее* (3), took her hand — *взял ее руку* (2), touched the back of hand — *коснулся тыльной стороны руки* (1), gave a quick smile — *быстро улыбнулась* (1), picked up hand — *взял руку* (1), encircled the broad wrist with my fingers — *обхватил пальцами широкое запястье* (1), raised her hand to his lips — *поднес ее руку к своим губам* (1), made a big production out of kissing her hand — *устроил постановку, поцеловав ее руку* (1), touched knees again — *снова коснулся коленей* (1), put a hand on her warm thigh — *положил руку на ее бедро* (1), enjoy one another's company — *наслаждался обществом друг друга* (1), easy to be with — *легко общаться с* (1), courtship — *ухаживание* (1), still on the honeymoon — *еще в медовом месяце* (1).

Прежде всего, стоит отметить повышенное стремление героев к демонстрации своей любви окружающим: совершение всех жестов на публику, что говорит о некоторой театральности их отношений, — это заставляет усомниться в их искренности. При прочтении можно заметить, что их любовь выражается в большей степени действиями: touched the back of hand, picked up hand, encircled the broad wrist with fingers, held her, took her hand, raised her hand to his lips, touched knees again, put a hand on her warm thigh. Безмолвные прикосновения в данной паре говорят больше об их любви, чем слова. Однако Лора и Ник слишком стараются показать свои чувства, что выглядит скорее неуместно: he made a big production out of kissing her hand. В этой сцене можно заметить тревожную напыщенность, создающую иллюзию любви, но не саму любовь. Любовь молодых людей также находит свое отражение в том факте, что их отношения — это нескончаемые ухаживания (courtship), их совместное времяпрепровождение ощущается как вечный медовый месяц (still on the honeymoon). Им интересно и легко друг с другом общаться: “enjoy one another's company”, “easy to be with”. Вероятнее всего, любовные отношения этой пары зародились из дружбы.

Заключение. Таким образом, можно выделить следующие виды любви, которые изобразил автор в рассказе: «нездоровая» обсессивно-агрессивная любовь; одухотворенная, «рыцарская» любовь; демонстративная тактильная любовь.

Проанализировав концепт «любовь» в рассказе Р. Карвера, убедились, что нет единого определения любви и ее составляющих. Каждый в сознании имеет свой идеальный образ отношений. В этой связи важно помнить, что проявление чувств может происходить в совершенно различных вариациях. Понимание языка любви своего партнера имеет большую значимость для крепких, долгих отношений.

Таким образом, мы провели анализ 68 языковых единиц, вербализующих рассматриваемый в работе концепт. Частота их употребления в произведении составляет 203, где ядро занимает 38 %, приядерная зона 5 %, ближняя периферия 25 % и дальняя периферия 32 % от общего числа. Таким образом, зоны ядра и дальней периферии являются наиболее показательными и информативными при описании концепта «любовь» в коротком рассказе Р. Карвера «О чем мы говорим, когда говорим о любви».

В ходе исследования мы пришли к выводу, что в авторской картине мира любовь занимает значимую позицию и имеет разные вариации проявления: в виде манипулятивной агрессивно-ревностной линии поведения, в виде прикосновений и через высокодуховные представления о том, какая она должна быть.

На современном этапе развития литературоведческой науки, а также смежных ей научных дисциплин большое значение имеет исчерпывающий анализ художественных текстов. Такой материал позволяет отследить культурные изменения, происходящие в обществе, способствует расширению представлений ученых об особенностях ментального воспроизведения реальности членами того или иного культурного общества.

Однако изучение смыслов, заложенных в литературном произведении, не ограничивается репрезентацией массового сознания общества. В каждое художественном произведении писатель закладывает особенности персонального восприятия окружающей действительности. Для этого из концептосферы своего народа он извлекает необходимые ему единицы и наполняет их своим собственным мировидением. Таким образом, для изучения индивидуально-авторской картины мира необходимо акцентировать внимание на художественные концепты, заложенные в тексте произведения.

Художественный текст представляет собой сложную, многомерную структуру, состоящую из языковых единиц, выстроенных определенным образом в соответствии с задумкой автора. Намерение писателя, его мировосприятие выражаются в

художественных концептах — отдельных ячейках ментальной реальности художественного текста, обладающих смыслообразующими компонентами.

Художественный концепт рассмотрен в данной статье на примере концепта «любовь» в рассказе Р. Карвера «О чем мы говорим, когда говорим о любви». Анализ был выполнен на основе 68 языковых единиц, вербализующих рассматриваемый в работе концепт. Частота их употребления в тексте составила 203. В ходе исследования мы пришли к выводу, что в авторской картине мира любовь занимает значимую позицию и имеет разные вариации проявления: в виде манипулятивной агрессивно-ревностной линии поведения, в виде прикосновений и через высокодуховные представления о том, какая она должна быть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зенкова Т.Л. Концепт «любовь» (“love”) в русской и английской лингвокультурах / Г.Л. Зенкова // Интеграция науки, общества, производства и промышленности: проблемы и перспективы. — 2023. — С. 129–133.
2. Кондрашева Е. В. Концепт «любовь» в художественном мире В. Токаревой: специфика воплощения, образное наполнение и связь с концептосферой А.П. Чехова / Е.В. Кондрашева // Тихоокеанский государственный университет. — Хабаровск, 2023. — №8. — С. 27–37.
3. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В.А. Маслова. — Москва : Флинта: Наука. — 2011. — 296 с.
4. Ольшанский Г.И. Текст как единство элементов и отношений / Г.И. Ольшанский // Лингвистика текста : материалы научной конференции. — Москва : МГПИИЯ. — 1974. — С. 12–14.
5. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова // Концептуальные исследования. — Кемерово : ИПК «Графика». — 2004. — Вып. 3. — 386 с.
6. Сапиева С.К. Литературно-художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике / С.К. Сапиева, Н.Е. Малова, А.П. Шхумишхова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2021. — № 4. — С. 27–36.
7. Сергеева Е.В., Лебедева В. А. Художественный концепт «любовь» в романе Д. Рубиной «Наполеонов обоз» / Е.В. Сергеева, В.А. Лебедева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2022. — № 204. — С. 200–208.
8. Стернин И.А., Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / И.А. Стернин, З.Д. Попова. — Воронеж : ВГУ. — 2001. — 189 с.
9. Фомина С. Художественный текст и художественный дискурс в современной лингвистической парадигме / С. Фомина // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования : сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции. — Астрахань, 2023. — С. 14–17.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

10. Карвер Р. О чём мы говорим, когда говорим о любви / Р.О. Карвер. — Екатеринбург : Издательские решения. — 1981. — 159 с.

REFERENCES

1. Zenkova T. L. (2023) Koncept «lyubov'» (“love”) v russkoj i anglijskoj lingvokul'turakh [The concept of "love" in Russian and English linguistic cultures]. Integraciya nauki, obshchestva, proizvodstva i promyshlennosti: problemy i perspektivy [Integration of science, society, production and industry: problems and prospects]. 2023. 129–133.
2. Kondrasheva E. V. (2023) Koncept «lyubov'» v khudozhestvennom mire V. Tokarevoj: specifika voploshcheniya, obraznoe napolnenie i svyaz' s konceptosferoj A.P. Chekhova [The concept of "love" in the artistic world of V. Tokareva: the specifics of embodiment, figurative content and connection with the conceptual sphere of A.P. Chekhov]. Pacific State University. Khabarovsk. 8, 27–37.
3. Maslova V. A. (2011) Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku : uchebnoe posobie [Introduction to cognitive Linguistics : a textbook]. Moscow : Flinta: Nauka. 296 p
4. Olshansky G. I. (1974) Tekst kak edinstvo ehlementov i otnoshenij [Text as a unity of elements and relations]. Lingvistika teksta : materialy nauchnoj konferencii [Linguistics of the text : proceedings of the scientific conference]. Moscow : MGPIIA. 12-14.
5. Pimenova M. V. (2004) Dusha i dukh: osobennosti konceptualizacii [Soul and spirit: features of conceptualization]. Konceptual'nye issledovaniya [Conceptual research]. Kemerovo : IPK Grafika. 3, 386.

6. Sapieva S. K., Malova N. E., Shkhumishkhova A. P. (2021) Literaturno-khudozhestvennyj diskurs i ego interpretaciya v sovremennoj lingvistike [Literary and artistic discourse and its interpretation in modern linguistics]. Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy]. 4, 27–36.
7. Sergeeva E. V., Lebedeva V. A. (2022) Khudozhestvennyj koncept “lyubov’” v romane D. Rubinoj “Napoleonov oboz” [The artistic concept of "love" in D. Rubina's novel “Napoleon's Train”]. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen]. 204, 200–208.
8. Sternin I. A., Popova Z. D. (2001) Ocherki po kognitivnoj lingvistike [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh: VSU. 189 p.
9. Fomina S. (2023) Khudozhestvennyj tekst i khudozhestvennyj diskurs v sovremennoj lingvisticheskoj paradigme [Artistic text and artistic discourse in the modern linguistic paradigm]. Vektory razvitiya rusistiki i lingvodidaktiki v kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya : sbornik nauchnykh statej po materialam III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Vectors of development of Russian studies and linguodidactics in the context of modern philological education : collection of scientific articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference]. Astrakhan. 14–17.

Поступила в редакцию 17.03.2026 г.

ARTISTIC CONCEPT OF "LOVE" IN SHORT STORY "WHAT WE TALK ABOUT WHEN WE TALK ABOUT LOVE" BY R. CARVER

E.S. Grushevskaya, N.A. Gudim

The article deals with the analysis of 68 linguistic units that verbalize the concept of "Love" in R. Carver's short story "What we talk about when we talk about love." The work objective is to identify the features of the artistic concept "love" as a representative of the writer's individual worldview. The theoretical significance of the research lies in clarifying the artistic concept of "Love" and describing its possible variations in the story "What we talk about when we talk about love" by R. Carver, as well as in the description of the relationship between the characters of the work, which allowed us to present the indicated varieties of the concept of "Love" in a reasoned manner. The practical value of the work lies in the fact that the results obtained can be used to solve a number of practical problems, namely, the analysis of an artistic concept in any literary work. The analysis enabled to state that in the author's worldview, love plays an important role and has different manifestations from a manipulative aggressive-zealous line of behaviour to highly spiritual ideas about love as a deep feeling of emotional attachment, care, and respect for another person.

Keywords: author, verbalization, concept, lexical unit, love, peripheral concept, text, core concept, artistic concept.

Грушевская Елена Сергеевна
Доктор филологических наук, доцент.
Кубанский государственный университет, Российская Федерация, г. Краснодар.
Профессор кафедры английской филологии.
ORCID 0000-0001-9115-5830
E-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Гудим Наталья Александровна
Кандидат филологических наук.
Кубанский государственный университет, Российская Федерация, г. Краснодар.
Доцент кафедры английской филологии.
ORCID 0009-0002-5877-0262
Email: kff-kubsu@yandex.ru

Grushevskaya Elena Sergeevna
Doctor of Philology, Associate Professor.
Kuban State University,
Russian Federation, Krasnodar.
Professor of English Philology Department.
ORCID 0000-0001-9115-5830
E-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Gudim Natalya Aleksandrovna
Candidate of Philology.
Kuban State University, Russian Federation, Krasnodar.
Associate Professor of English Philology Department.
ORCID 0009-0002-5877-0262
E-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Научная статья
УДК 81'322:004.8
DOI: 10.5281/zenodo.22056578

РОЛЬ ЦИФРОВОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЛЕММАТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ: ОТ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ К ГЕРМЕНЕВТИКЕ СМЫСЛА

© 2026 *С.В. Сахневич*, *Т.Ю. Тамерьян*
[1]*Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт деловой карьеры»*
[2]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»*
ORCID[1] *0000-0002-2068-9250*
ORCID[2] *0000-0001-8109-1052*

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена трансформации лемматического анализа под воздействием технологий искусственного интеллекта. В центре внимания находится противоречие между инструментальным использованием ИИ для автоматической обработки текстов и его потенциалом как средство глубинной герменевтической интерпретации. Традиционная лемматизация не учитывает концептуальной нагруженности лемм, которые могут функционировать как устойчивые смысловые операторы. На основе синтеза методологий, разработанных для анализа метатекстов предлагается трёхуровневая модель лемматического анализа, интегрирующая возможности ИИ. Первый уровень предполагает автоматическую лемматизацию и частотный анализ с прозрачностью процедур. Второй уровень нацелен на выявление устойчивых лемматических паттернов, бинарных оппозиций и периферийных семантических кластеров. Третий уровень обеспечивает герменевтическую интерпретацию выявленных паттернов в контексте культурной диагностики. Обосновывается гипотеза о способности ИИ выполнять эвристическую функцию. Различаются инструментальная лемматизация для частотного анализа и герменевтическая лемматизация для выявления глубинных смыслов. Разработана концепция «герменевтического ИИ» — искусственного интеллекта, способного вступать в диалог с исследователем, предлагать альтернативные интерпретации и обеспечивать трассируемость выводов. Предложен критериальный аппарат верификации интерпретаций, включающий трассируемость, устойчивость, межкодовую верификацию, полноту и эвристическую продуктивность.

Ключевые слова: глубинные нарративные структуры, деконструкция, искусственный интеллект, лемматический анализ, метатекст, герменевтика, цифровые гуманитарные науки, частотный анализ.

Сахневич С.В. Роль цифровой лингвистики и искусственного интеллекта в лемматическом анализе: от автоматической обработки к герменевтике смысла // С.В. Сахневич, Т.Ю. Тамерьян // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 37–46. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22056578.

Введение

Современное развитие технологий искусственного интеллекта радикально трансформирует методы лингвистического и литературоведческого анализа. Одной из базовых операций, всё более автоматизируемых с помощью ИИ, выступает лемматизация — приведение словоформ к их нормальной (словарной) форме. Однако за этой технической процедурой скрывается фундаментальная проблема, выходящая за пределы компьютерной лингвистики: может ли ИИ не только обрабатывать текст, но и понимать его? Способен ли алгоритм выявлять не только поверхностные лексические

единицы, но и глубинные смысловые структуры, формирующие концептуальный каркас произведения?

В то время как лемматизация является важной составляющей автоматической обработки текстов для международных организаций, государств и исследовательских проектов, герменевтически ориентированный лемматический анализ предотвращает редукцию текста к простому набору статистических данных, ведь такая редукция может иметь самые негативные последствия для понимания культурной и смысловой глубины произведения [12, с. 17]. Любой неосторожный автоматический анализ, не учитывающий имплицитных смысловых структур, чреват упрощением и даже искажением авторского замысла. И наоборот, когда мы ориентируем лемматический анализ на выявление глубинных нарративных паттернов, он служит инструментом, способствующим более полному пониманию текста и его культурного контекста.

Проблема выявления имплицитных смысловых структур всегда находилась в фокусе внимания исследователей, которые пытаются понять, как текст функционирует помимо сознательного контроля автора. Вопрос был затронут в теории деконструкции Жака Деррида [5, с. 125], в структурном анализе повествовательных текстов Владимира Проппа [14, с. 45], в концепции «тотального перевода» Пеэтера Торопа [17, с. 16-17], в теории «дальнего чтения» Франко Моретти [21, p. 48], в работах по макроанализу литературных корпусов Мэттью Джокерса [19, p. 78], а также в психолингвистических подходах к пониманию текста [24, p. 230; 4, с. 104]. Отдельно хотелось бы отметить исследования, связывающие количественные методы с глубинной интерпретацией [23, p. 100].

Однако, о чём писали вышеприведенные авторы — это о том, что может быть названо естественной установкой на анализ текста, или, по Брентано [3, с. 78], установка на недоверие к собственному восприятию, когда исследователь не доверяет своему сознанию и рассматривает текст как внешний по отношению к своему восприятию объект. С точки зрения данной естественной установки существуют два варианта: поверхностный количественный анализ и глубинный качественный анализ, второй из которых является гораздо более эффективным, потому что поверхностный анализ в естественной установке — это, когда исследователь обрабатывает текст так, как ему удобно, не обращая внимания на имплицитные структуры и контекстуальные нюансы. Он не подбирает подходящие для выявления глубинных смыслов методы и не собирает информацию о культурных и дискурсивных особенностях текста. Глубинный анализ в естественной установке — это когда исследователь интерпретирует текст, уже обращая внимание на его скрытые смыслы, но полагаясь при этом на заранее определённые герменевтические шаблоны и эвристики, которые он применяет к каждой новой исследовательской ситуации. Это снижает способность исследователя адаптироваться к уникальным особенностям каждого текста.

Накопление шаблонов прошлого опыта и умножение методов интерпретации в результате накопления исследовательского опыта привели к тому, что на определённом этапе даже глубинный анализ достиг предела своего эволюционного развития. Это привело к противоречию между всё более и более исчерпывающими методами анализа и, тем не менее, остающимся внушительным разрывом между этими методами и реальным пониманием текста. Дальнейшее сближение исследователя и текста можно осуществить при помощи сочетания естественной установки на анализ с феноменологической, которая выдвигает на первый план восприятие, чувство ориентации и понимание текста исследователем. В данном контексте, изучая восприятие, понимание и реакцию на текст, предлагаемые эксперименты с использованием ИИ могут способствовать поиску

эффективных подходов к сближению автоматических методов и глубинной герменевтической интерпретации.

Анализ с использованием ИИ в сфере выявления имплицитных смысловых структур отличается от других типов анализа по нескольким причинам. Во-первых, в данном анализе фокус ориентирован на выявление устойчивых лемматических паттернов, формирующих смысловой каркас текста. В частности, в отличие от других типов анализа, где целью может быть оценка производительности алгоритмов или систем машинного обучения, анализ в сфере выявления имплицитных структур оценивает способность алгоритмов обнаруживать глубинные семантические связи, недоступные при поверхностном чтении. Во-вторых, данный анализ может включать в себя различные методы и техники, такие как частотный анализ, анализ коокуррентности, выявление бинарных оппозиций и другие инструменты. Они помогают собрать данные о скрытых смысловых структурах текста. В-третьих, в анализе с использованием ИИ важно учитывать контекст создания и функционирования текста. Например, анализ философских черновиков может требовать иных подходов, чем анализ массовой литературы. Поэтому анализ с использованием ИИ может моделировать ситуации, которые более близки к реальным условиям функционирования текста в культуре. И, наконец, анализ может учитывать различные языковые и культурные особенности текстов, что позволяет получить более точные и релевантные результаты о глубинных смысловых структурах в разных контекстах и для разных типов текстов.

Лемматический анализ как метод: от словарной формы к смысловому ядру. Лемматизация в традиционном понимании представляет собой процедуру приведения словоформы к её нормальной (словарной) форме — лемме. Для большинства прикладных задач (информационный поиск, автоматическое реферирование, машинный перевод) этого достаточно. Однако, как показали предшествующие исследования автора, лемма может пониматься не только как грамматическая единица, но и как устойчивая понятийная единица, оператор смысла, выраженный не только отдельным словом, но и словосочетанием или устойчивой концептуальной формулой [18, p. 25].

В исследовании метатекстов Ф. Ницше леммы («яд/отравление», «разрушение/взрыв», «разрыв/одиночество», «пища/пищеварение», «болезнь/лекарство», «переоценка/переворот» и др.) выступили методологическими ключами для трансформации экзистенциальных противоречий философа в системные апории [15, с. 75]. Анализ частотности этих лемм в метатекстах (личной переписке, черновиках, заметках) позволил реконструировать глубинный паттерн мышления Ницше, где мотивы разрушения, яда и поедания функционируют как языковые маркеры апории самопреодоления.

В исследовании произведений Г. Роббинса лемматический анализ выявил чёткую дихотомию между ядровыми леммами (секс, деньги, власть), формирующими фасадный нарратив, и периферийными леммами (разрыв, бегство, перерождение, забвение), образующими глубинный мета-нарратив [16, с. 169]. Количественное преобладание периферийных лемм (80–90% против 10–20%) позволило переинтерпретировать творчество Роббинса как систематизацию коллективной травмы «общества достижений», где успех прошлого становится самой опасной формой отчуждения.

Оба исследования демонстрируют, что лемматический анализ, выходящий за рамки простой грамматической нормализации, способен выявлять имплицитные смысловые структуры, формирующиеся помимо сознательного контроля автора. Однако в обоих случаях лемматизация выполнялась вручную, что ограничивает масштабируемость метода и вносит элемент субъективности в интерпретацию. Здесь открывается пространство для интеграции технологий ИИ.

Искусственный интеллект в лемматическом анализе: современное состояние. Современные технологии ИИ, особенно нейросетевые модели на основе архитектуры трансформеров (BERT, GPT, LLaMA и их аналоги), демонстрируют высокую эффективность в задачах автоматической лемматизации. В отличие от rule-based систем, требующих ручного составления словарей и правил, нейросетевые модели обучаются на больших корпусах текстов и способны учитывать контекст при выборе нормальной формы слова.

Однако существующие подходы к использованию ИИ в лемматическом анализе страдают рядом ограничений. Во-первых, это редукция к технической процедуре: ИИ рассматривается исключительно как инструмент автоматизации, призванный заменить человека на этапе предобработки текста. Герменевтический потенциал алгоритмов остаётся невостребованным. Во-вторых, наблюдается игнорирование семантической глубины: лемматизация сводится к приведению словоформы к словарной форме без учёта того, что лемма может функционировать как носитель устойчивого концептуального значения, выходящего за рамки отдельного слова. В-третьих, отсутствует верификация: интерпретации, полученные на основе автоматической лемматизации, редко подвергаются процедурам валидации, сопоставимым с критериями качества в гуманитарных науках. В-четвертых, существует проблема «чёрного ящика»: нейросетевые модели, особенно большие языковые модели, остаются непрозрачными для понимания механизмов принятия решений, что затрудняет их использование в исследовательских контекстах, требующих аргументированной интерпретации.

Для преодоления этих ограничений необходима разработка новой методологической рамки, интегрирующей технологические возможности ИИ с принципами глубинного семантического анализа и критериями верификации, разработанными в гуманитарных науках [19, p. 102; 21, p. 65].

Трёхуровневая модель лемматического анализа с использованием ИИ. На основе синтеза методологий, разработанных автором для анализа метатекстов Ницше и произведений Роббинса, а также анализа современных возможностей ИИ, предлагается трёхуровневая модель лемматического анализа.

Первый уровень: автоматическая лемматизация и частотный анализ. На этом уровне ИИ выполняет традиционные функции автоматической обработки текста: приведение словоформ к нормальной форме с учётом контекста; подсчёт абсолютной и относительной частотности лемм; выявление статистически значимых лексических кластеров; предварительная классификация лемм по частотным группам (высокочастотное ядро, среднечастотная периферия, низкочастотные аномалии). Для этих задач могут использоваться существующие нейросетевые модели, дообученные на специализированных данных. Ключевое требование к этому уровню — прозрачность процедур и возможность трассировки решений (например, через механизмы attention, позволяющие понять, на какие контексты опиралась модель при выборе леммы).

Второй уровень: выявление устойчивых лемматических паттернов. На этом уровне ИИ выполняет функцию, выходящую за рамки простой автоматизации: выявление устойчивых сочетаний лемм, формирующих семантические поля и нарративные паттерны. Методология опирается на процедуры, разработанные автором: идентификация бинарных оппозиций (как в случае с Ницше, где леммы «яд/отравление» и «лекарство/исцеление» образуют устойчивую оппозицию, фиксирующую апорию целительного упадка); выявление периферийных кластеров (как в случае с Роббинсом, где периферийные леммы разрыва, бегства и перерождения, будучи рассеяны по тексту,

образуют связное семантическое поле); реконструкция нарративных паттернов на основе выявленных лемматических кластеров и оппозиций.

Критическим требованием к этому уровню выступает верифицируемость результатов. Предлагается использовать три критерия валидности, адаптированные из исследования метатекстов Ницше: трассируемость доказательств (для каждого выявленного паттерна должны быть приведены конкретные конкорданс-цитаты с указанием источников); устойчивость паттернов (выявленные паттерны должны проявляться повторно и независимо в корпусе); межкодовая верификация (отнесение фрагмента к паттерну должно фиксироваться несколькими независимыми кодировщиками).

Третий уровень: герменевтическая интерпретация. На этом уровне результаты автоматического анализа и выявленные паттерны интегрируются в целостную интерпретационную модель. Здесь ИИ выступает не как замена исследователя, а как инструмент расширения его герменевтических возможностей. Происходит экспликация имплицитных смыслов: ИИ помогает сделать явными те смысловые структуры, которые формируются на периферии текста и остаются невидимыми при поверхностном чтении. Осуществляется реконструкция мета-нарратива на основе выявленных паттернов, формулируется целостный мета-нарратив, объясняющий взаимосвязь между фасадным и глубинным уровнями текста. Производится диагностика культурных кодов: интерпретация выводится на уровень культурной диагностики, позволяя увидеть в тексте не только индивидуальное авторское высказывание, но и репрезентацию коллективных травм, мифов и экзистенциальных схем.

Эвристический потенциал модели. Для демонстрации эвристического потенциала предложенной трёхуровневой модели обратимся к синтезу результатов двух предшествующих исследований.

В исследовании метатекстов Ницше было выявлено 10 доминирующих лемм с частотностью от 4 до 15 упоминаний в проанализированном корпусе писем и заметок [15, с. 75]. На основе этих лемм были реконструированы 10 апорий, включая апорию отравленного источника (Христос vs христианство), апорию аскетической мощи (Будда и парадокс воли), апорию культурного родства (немец, ненавидящий немцев) и другие. Применение ИИ на первом уровне позволило бы автоматизировать процесс лемматизации и частотного анализа, расширив корпус за счёт включения всех доступных метатекстов Ницше. На втором уровне ИИ мог бы выявить дополнительные устойчивые паттерны, например, корреляцию между леммами «болезнь» и «переоценка», которая в ручном анализе могла остаться незамеченной. На третьем уровне интерпретация апорий Ницше как системной стратегии философского становления получила бы количественное подтверждение через анализ распределения лемм по хронологии.

В исследовании романов Г. Роббинса было выявлено подавляющее преобладание периферийных лемм разрыва, бегства и перерождения (80–90%) над ядровыми леммами фасада (10–20%) [15, с. 74]. Применение ИИ на первом уровне позволило бы автоматически обработать весь корпус романов Роббинса, обеспечив точный количественный анализ. На втором уровне ИИ мог бы выявить не только леммы разрыва, но и их устойчивые сочетания с другими лемматическими группами (например, корреляцию между «разрывом» и «травмой» или между «перерождением» и «деньгами как инструментом»). Это позволило бы уточнить интерпретацию: деньги у Роббинса выступают не как цель, а как средство финансирования побега. На третьем уровне ИИ мог бы провести сравнительный анализ паттерна разрыва у Роббинса с аналогичными паттернами в других произведениях массовой литературы, выявив степень

универсальности обнаруженной схемы и её связь с культурным контекстом позднего капитализма [20, p. 95; 22, p. 50].

Концепция «герменевтического ИИ» и критерии валидности. Синтез технологических возможностей ИИ и методологии глубинного семантического анализа приводит к формированию концепции «герменевтического ИИ» — искусственного интеллекта, способного не только обрабатывать текст, но и участвовать в его интерпретации, выявляя имплицитные смысловые структуры и вступая в диалог с исследователем.

Ключевыми характеристиками герменевтического ИИ выступают: контекстуальная чувствительность (способность учитывать не только локальный, но и глобальный контекст произведения при выявлении лемматических паттернов); прозрачность интерпретаций (возможность трассировки решений и предоставления доказательств для каждой выявленной закономерности); диалогичность (способность не просто выдавать готовые результаты, но и вступать в диалог с исследователем, предлагая альтернативные интерпретации); саморефлексивность (способность оценивать собственную уверенность в интерпретациях); верифицируемость (возможность проверки полученных интерпретаций через независимые процедуры).

Для обеспечения верифицируемости интерпретаций, полученных с помощью ИИ, предлагается использовать следующий критериальный аппарат. Критерий трассируемости означает, что для каждого вывода должны быть предоставлены конкретные фрагменты текста с указанием источника, что обеспечивается автоматической генерацией конкордансов. Критерий устойчивости требует, чтобы выявленный паттерн воспроизводился в разных частях корпуса или в разных документах, что проверяется статистическим анализом распределения паттерна и кросс-валидацией на подвыборках. Критерий межкодовой верификации предполагает, что интерпретация должна подтверждаться несколькими независимыми кодировщиками (разными экземплярами ИИ или комбинацией ИИ и эксперта), что реализуется через сравнение результатов разных моделей и экспертную оценку выборки. Критерий соответствия полноте требует, чтобы интерпретация объясняла не только центральные, но и периферийные, «аномальные» случаи. Критерий эвристической продуктивности означает, что интерпретация должна открывать новые вопросы и направления исследования, а не закрывать их.

Перспективы и ограничения. Предложенная трёхуровневая модель и концепция герменевтического ИИ открывают новые перспективы для цифровых гуманитарных наук. Во-первых, становится возможным масштабирование глубинного анализа: методы, ранее требовавшие кропотливого ручного труда, становятся применимыми к корпусам, насчитывающим тысячи произведений. Во-вторых, ИИ способен обнаруживать неочевидные связи, выявляя корреляции между леммами и паттернами, которые могут остаться незамеченными человеком. В-третьих, герменевтический ИИ не заменяет классические методы интерпретации, а вступает с ними в диалог, позволяя по-новому прочитать хорошо известные тексты. В-четвертых, методология деконструкции, требующая смещения фокуса с центра на периферию, получает технологическое воплощение через анализ периферийных лемм и их паттернов.

Вместе с тем необходимо отдавать отчёт в существующих ограничениях. Проблема «чёрного ящика» сохраняется: современные нейросетевые модели остаются в значительной степени непрозрачными, что затрудняет выполнение критерия трассируемости. Существует языковая и культурная специфика: модели, обученные преимущественно на англоязычных корпусах, могут демонстрировать меньшую эффективность при анализе текстов на других языках и в иных культурных контекстах.

Присутствует риск редукции: увлечение количественными методами может привести к редукции сложных герменевтических проблем к статистическим закономерностям. Наконец, возникают этические аспекты: использование ИИ для интерпретации текстов ставит вопросы об авторстве интерпретации и границах машинного понимания.

Заключение. Проведённое исследование демонстрирует, что интеграция технологий искусственного интеллекта в лемматический анализ открывает возможности не только для автоматизации рутинных процедур, но и для качественного расширения герменевтического инструментария. Предложенная трёхуровневая модель, синтезирующая методологии, разработанные автором для анализа метатекстов Ф. Ницше и произведений Г. Роббинса, позволяет перейти от автоматической обработки к глубинной интерпретации, сохраняя при этом строгость и верифицируемость результатов.

Концепция «герменевтического ИИ» фиксирует принципиально новую роль алгоритмов в гуманитарных исследованиях: не как замена человека, а как равноправный участник диалога, способный выявлять имплицитные смысловые структуры, предлагать альтернативные интерпретации и открывать новые измерения хорошо известных текстов. Разработанный критериальный аппарат (трассируемость, устойчивость, межкодовая верификация, полнота, эвристическая продуктивность) создаёт основу для валидации интерпретаций, полученных с помощью ИИ, что позволяет интегрировать технологические инновации в академический дискурс без снижения стандартов качества.

Возвращаясь к исходному тезису, можно утверждать, что роль искусственного интеллекта в лемматическом анализе не исчерпывается технической функцией автоматической обработки. ИИ способен стать полноценным инструментом герменевтики, расширяющим границы человеческого понимания и открывающим новые перспективы для цифровых гуманитарных наук. Как показал анализ метатекстов Ницше и романов Роббинса, именно на периферии, в области низкочастотных, рассеянных по тексту элементов, формируются те устойчивые паттерны, которые составляют подлинный концептуальный каркас произведения. ИИ, обученный выявлять эти паттерны, становится не просто вычислительной машиной, но участником того самого процесса переоценки, о котором писал Ницше, — переоценки наших способов чтения, понимания и интерпретации.

Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть связаны с применением предложенной модели к другим корпусам текстов, с разработкой специализированных архитектур нейросетей, ориентированных на герменевтические задачи, и с углублённым анализом эпистемологических следствий внедрения ИИ в гуманитарное познание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1994. — С. 384–391.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. — М.: Постум, 2015. — 240 с.
3. Брентано Ф. Избранные работы / Ф. Брентано. — М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. — 176 с.
4. Галеева Н.Л. О переводе ключевых слов, не имеющих прямых соответствий в языке перевода / Н.Л. Галеева // Слово и текст в психолингвистическом аспекте: сб. ст. — Тверь, 1992. — С. 102–107.
5. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.
6. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. — Минск: Красико-принт, 1996. — С. 119–212.
7. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт. — М.: Наука, 1982. — 418 с.
8. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. — М.: Интрада, 1996. — 256 с.
9. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. — СПб.: Питер, 2018. — 352 с.

10. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я / Ж. Лекан // Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997. — С. 7–16.
11. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб.: Искусство-СПБ, 1998. — С. 14–285.
12. Моррисон Э., Матвеенко А. Поверхностное чтение (Surface Reading: An Introduction) / Э. Моррисон, А. Матвеенко // Новое литературное обозрение. — 2015. — № 5(135). — С. 17–28.
13. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. — М.: Культурная Революция, 2005. — 880 с.
14. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 2001. — 192 с.
15. Сахневич С.В. Метатекст как методологический ключ для трансформации экзистенциальных противоречий Ницше в философские апории / С.В. Сахневич // Сибирский философский журнал. — 2025. — Т. 23, No 3. С. 63–78. DOI: 10.25205/2541-7517-2025-23-3-63-78
16. Сахневич С.В. Деконструкция поверхностного восприятия: лемматический анализ как инструмент выявления имплицитных нарративных структур в массовой литературе (на материале произведений Г. Роббинса) / С.В. Сахневич // Art Logos (искусство слова). — 2026. — No 1. — С. 166–177. DOI: 10.35231/25419803_2026_1_166. EDN: AAOJMU. EDN: AAOJMU
17. Тороп П. Тотальный перевод / П. Тороп. — Тарту: Издательство Тартуского Университета, 1995. — 220 с.
18. Cullen J. The American Dream: A Short History of an Idea That Shaped a Nation / J. Cullen. — New York: Oxford University Press, 2003. — 162 p.
19. Jockers M.L. Macroanalysis: Digital Methods and Literary History / M.L. Jockers. — Urbana: University of Illinois Press, 2013. — 192 p.
20. Lasch C. The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations / C. Lasch. — New York: W.W. Norton & Company, 1979. — 282 p.
21. Moretti F. Distant Reading. — London: Verso, 2013. — 244 p.
22. Riesman D. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character / D. Riesman. — New Haven: Yale University Press, 2020. — 122 p.
23. Underwood T. Why Literary Periods Mattered: Historical Contrast and the Prestige of English Studies / T. Underwood. — Stanford: Stanford University Press, 2013. — 224 p.
24. Zasyekin S. Translation as a Psycholinguistic Phenomenon / Zasyekin S. // Journal of Psycholinguistic Research. — 2010. — Vol. 39. — P. 225–234. DOI: 10.1007/s10936-009-9134-2.

REFERENCES

1. Bart, R. (1994) Smert' avtora [The Death of the Author]. In: Bart, R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ. Pp. 384–391. (In Russian).
2. Bodriyyar, Zh. (2015) Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and Simulation]. Moscow: Postum Publ. 240 p. (In Russian).
3. Brentano, F. (1996) Izbrannye raboty [Selected Works]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. 176 p. (In Russian).
4. Cullen, J. (2003) The American Dream: A Short History of an Idea That Shaped a Nation. New York: Oxford University Press. 162 p.
5. Derrida, Zh. (2000) O grammatologii [Of Grammatology]. Moscow: Ad Marginem Publ. 512 p. (In Russian).
6. Dzheymison, F. (1996) Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism]. In: Filosofiya epokhi postmoderna [Philosophy of the postmodern era]. Minsk: Krasiko-print Publ. Pp. 119–212. (In Russian).
7. Galeeva, N. L. (1992) O perevode klyuchevykh slov, ne imeyushchikh pryamykh sootvetstviy v yazyke perevoda [On the translation of keywords that do not have direct equivalents in the target language]. In: Slovo i tekst v psikholingvisticheskom aspekte: sb. st. [Word and text in the psycholinguistic aspect: collection of articles]. Tver. Pp. 102–107. (In Russian).
8. Il'in, I. P. (1996) Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada Publ. 256 p. (In Russian).
9. Jockers, M. L. (2013) Macroanalysis: Digital Methods and Literary History. Urbana: University of Illinois Press. 192 p.
10. Kempbell, Dzh. (2018) Tysyachelikiy geroy [The Hero with a Thousand Faces]. St. Petersburg: Piter Publ. 352 p. (In Russian).

11. Lakan, Zh. (1997) Stadiya zerkala kak obrazuyushchaya funktsiyu Ya [The mirror stage as formative of the function of the I]. In: Lakan, Zh. Instantsiya bukvy v bessoznatel'nom, ili Sud'ba razuma posle Freyda [Écrits: A Selection]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ. Pp. 7–16. (In Russian).
12. Lasch, C. (1979) The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations. New York: W.W. Norton & Company. 282 p.
13. Lotman, Yu. M. (1998) Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text]. In: Lotman, Yu. M. Ob iskusstve [On Art]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ. Pp. 14–285. (In Russian).
14. Moretti, F. (2013) Distant Reading. London: Verso. 244 p.
15. Morrison, E., Matveenko, A. (2015) Poverkhnostnoe chtenie (Surface Reading: An Introduction) [Surface Reading: An Introduction]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. No. 5(135). Pp. 17–28. (In Russian).
16. Nitsche, F. (2005) Volya k vlasti [The Will to Power]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ. 880 p. (In Russian).
17. Propp, V. Ya. (2001) Morfologiya volshebnoy skazki [Morphology of the Folktale]. Moscow: Labirint Publ. 192 p. (In Russian).
18. Riesman, D. (2020) The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven: Yale University Press. 122 p.
19. Sakhnevich, S.V. (2025) Metatekst kak metodologicheskiy klyuch dlya transformatsii ekzistentsial'nykh protivorechiy Nitsshe v filosofskie aporii [Metatext as a Methodological Key for Transforming Nietzsche's Existential Contradictions into Philosophical Aporias]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], Vol. 23, No. 3, pp. 63–78. DOI: 10.25205/2541-7517-2025-23-3-63-78. (In Russian).
20. Sakhnevich, S.V. (2026) Dekonstruktsiya poverkhnostnogo vospriyatiya: lemmaticheskiy analiz kak instrument vyyavleniya implitsitnykh narrativnykh struktur v massovoy literature (na materiale proizvedeniy G. Robbinsa) [Deconstruction of Superficial Perception: Lemmatic Analysis as a Tool for Identifying Implicit Narrative Structures in Mass Literature (Based on the Works of H. Robbins)]. *Art Logos (iskusstvo slova)* [Art Logos (The Art of Word)], No. 1, pp. 166–177. DOI: 10.3 5231/25419803_2026_1_166. EDN: AAOJMU. (In Russian).
21. Torop, P. (1995) Total'nyy perevod [Total Translation]. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo Universiteta. 220 p. (In Russian).
22. Underwood, T. (2013) Why Literary Periods Mattered: Historical Contrast and the Prestige of English Studies. Stanford: Stanford University Press. 224 p.
23. Zasyekin, S. (2010) Translation as a Psycholinguistic Phenomenon. Journal of Psycholinguistic Research, Vol. 39, pp. 225–234. DOI: 10.1007/s10936-009-9134-2
24. Zhenett, Zh. (1982) Palimpsesty: literatura vo vtoroy stepeni [Palimpsests: Literature in the Second Degree]. Moscow: Nauka Publ. 418 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 21.04.2026 г.

ROLE DIGITAL LINGUISTICS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LEMMATIC ANALYSIS: FROM AUTOMATIC PROCESSING TO HERMENEUTICS OF MEANING

S. V. Sakhnevich, T. Yu. Tameryan

The article deals with the transformation of lemmatic analysis under the influence of artificial intelligence technologies. The focus is made on the contradiction between the instrumental use of AI for automatic text processing and its potential as a tool for deep hermeneutic interpretation. Traditional lemmatization does not account for the conceptual load of lemmas, which can function as stable semantic operators. Based on the synthesis of methodologies developed for analyzing metatexts, a threelevel model of lemmatic analysis integrating AI capabilities is proposed. The first level involves automatic lemmatization and frequency analysis with procedural transparency. The second level aims at identifying stable lemmatic patterns, binary oppositions, and peripheral semantic clusters. The third level provides hermeneutic interpretation of the identified patterns in the context of cultural diagnostics. The hypothesis of AI ability to perform a heuristic function is substantiated. Instrumental lemmatization for frequency analysis and hermeneutic lemmatization for revealing deep meanings are distinguished. The concept of "hermeneutic AI" is developed, i.e. of artificial intelligence capable of engaging in dialogue with the researcher, offering alternative interpretations, and ensuring traceability of conclusions. A verification framework for interpretations is proposed, including traceability, stability, intercoder verification, completeness, and heuristic productivity.

Keywords: deep narrative structures, deconstruction, artificial intelligence, lemmatic analysis, metatext, hermeneutics, digital humanities, frequency analysis.

Сахневич Сергей Владимирович
Кандидат филологических наук, доцент.
Институт деловой карьеры, Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры лингвистики.
ORCID 0000-0002-2068-9250.
E-mail: crash68@yandex.ru.

Тамерьян Татьяна Юльевна
Доктор филологических наук, профессор.
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Российская Федерация, г. Владикавказ.
Профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей.
ORCID 0000-0001-8109-1052.
E-mail: tamertu@mail.ru.

Sakhnevich Sergey Vladimirovich
Candidate of Philology, Associate Professor
Institute of Business Career, Moscow, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Linguistics.
ORCID 0000-0002-2068-9250.
E-mail: crash68@yandex.ru.

Tameryan Tatyana Yulievna.
Doctor of Philology, Professor.
Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation.
Professor at Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Specialties.

ORCID 0000-0001-8109-1052.
E-mail: tamertu@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.22056780

ТЕРМИН-ФРАЗЕОЛОГИЗМ FUNNY MONEY: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

© 2026 *Т.Н. Федуленкова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
ORCID 0000-0002-5039-5827



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Актуальность статьи заключается в насущной необходимости исследования таких терминов делового английского языка, которые являются продуктами вторичной номинации, т.е. ФЕ-терминов, или терминов-фразеологизмов. Новизна работы заключается в том, что впервые исследование словного комплекса funny money осуществляется с позиций фразеологической терминологии, то есть в статусе термина фразеологического характера. Объектом данного исследования является подборка контекстов национального корпуса современного английского языка в его американском варианте (COCA). Объем выборки составляют 146 контекстов современного делового дискурса. Предметом исследования является изучение функционального потенциала двухкомпонентных терминов-фразеологизмов делового языка, содержащих ФЕ-термин funny money, с целью установления квантитативных параметров их функций. Для достижения поставленной цели в работе используется ряд методов, методик и технологий исследования, как-то: контекстологический метод, метод фразеологической идентификации, квантитативный метод, а также ряд технологий работы с национальными языковыми корпусами. В результате исследования были выявлены пять основных функций термина-фразеологизма funny money и их квантитативные характеристики.

Ключевые слова: деловая терминология фразеологического характера, переосмысление значения компонентов, термин-фразеологизм funny money, ФЕ-термин, функции термина-фразеологизма.

Для цитирования: Федуленкова Т.Н. Термин-фразеологизм funny money: функциональный потенциал / Т.Н. Федуленкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 47–59. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22056780.

Введение. Важность изучения деловой фразеологии терминологического свойства связана как с экстралингвистическими факторами, так и с лингвистическими. В первом аспекте актуальность работы поддерживается постоянным развитием производства и деловых связей, а также необходимостью обладания соответствующими компетенциями в деловом общении [8]. Во втором аспекте актуальность работы заключается в инновационной разработке проблематики терминоведения в условиях качественно новых научных достижений и особенно в плане функциональной дифференциации термина-фразеологизма, то есть такого термина, в основе которого лежит какой-либо механизм семантической трансформации компонентного состава [11; 13].

Объектом данного исследования является подборка контекстов национального корпуса современного английского языка в его американском варианте (COCA) [18]. Объем выборки составляет 146 контекстов. Предмет исследования есть выявление и квалификация функций двухкомпонентных терминов-фразеологизмов делового

английского языка на основе контекстов с ФЕ-термином ***funny money*** и установление квантитативных характеристик выявленных функций.

Актуальность данной работы связана с тем, что в эпоху интенсификации промышленности и развития экономического сотрудничества и деловых отношений неуклонно возрастает роль компетенций, связанных с обеспечением релевантных условий в деловой коммуникации. Важнейшая роль в этом процессе принадлежит языковым и речевым компетенциям, которые дают специалисту необходимый объем знаний и умений в деловом общении с партнерами. Особенная роль отводится при этом овладению терминами делового английского языка, которые образованы посредством переосмысления компонентного значения сочетания слов, лежащего в основе образования конкретного термина [14]. По сути своей такие термины являются фразеологизмами, так как значение всего терминологического словосочетания не является суммой значений отдельных его компонентов [9], например:

crawling peg — «ползущая привязка», также скользящая фиксация, ФИНАНСЫ — попытка остановить слишком быстрое снижение стоимости валюты, подключив ее стоимость к другой валюте, но позволив ей изменяться между верхним и нижним пределами (пер. мой — Т.Ф.) [17, p. 124];

grandfather provision — «дедушкина оговорка», ЗАКОН — когда вводятся новые правила, у организаций и т. д. есть право продолжать использовать старые правила (пер. мой — Т.Ф.) [17, p. 428];

me-too product — товар-аналог, *разг.* МАРКЕТИНГ — продукт, который стала производить компания после того, как другие компании добились успеха с тем же типом продукта (пер. мой — Т.Ф.) [17, p. 334];

rack jobber — «полочный джоббер»/ работник-производитель, который поставляет товары на СТЕЛЛАЖИ (специальные полки) в некоторых магазинах, разделяя прибыль с владельцем магазина (пер. мой — Т.Ф.) [17, p. 438];

pecking order — «вертикаль власти», иерархия — способ ранжирования людей или компаний в зависимости от того, насколько они важны, успешны и т.д. (пер. мой — Т.Ф.) [17, p. 365].

Дефиниции словарной статьи, призванные растолковать значение того или иного термина, как правило, справляются с этой задачей. Но они не в состоянии представить каждый новый термин-фразеологизм делового английского языка во всем разнообразии функций этого термина-фразеологизма, или ФЕ-термина. Отсюда следует важность изучения контекстуальных конфигураций ФЕ-терминов, в результате которого можно получить достоверную картину функций терминов-фразеологизмов в современном деловом дискурсе.

Поэтому данное исследование направлено на изучение контекстуального использования термина-фразеологизма *funny money* ***с целью*** выявления всех возможных его функций. Данная работа является продолжением соавторского проекта по исследованию функциональной насыщенности двухкомпонентных деловых терминов-фразеологизмов в современном англоязычном дискурсе (на материале национального корпуса COCA)[2].

[2] См. тж. материалы статей в рецензируемых журналах: (1) Притомская А.Р., Федуленкова Т.Н. Грамматические функции ФЕ-термина ***hot money*** в современном американском английском / А.Р. Притомская, Т.Н. Федуленкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2026. – № 1. – С. 30–39. — https://doi.org/10.5281/zenodo/18822870. (2) Притомская А.Р., Федуленкова Т.Н. Функционал ФЕ-термина ***seed money*** / А.Р. Притомская, Т.Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2026. Вып. 12, № 2. С. 99–110. https://doi.org/10.22250/24107190202612299 .

В работе используются следующие ***методы, методики и технологии*** исследования:

- метод фразеологической идентификации [5, с. 38; 10] используется для отождествления термина в качестве фразеологизма и окончательного определения его лингвистического статуса;
- контекстологический метод [15] используется для изучения контекстов с целью выявления контекстуальных функций термина-фразеологизма ***funny money***;
- квантитативный метод [3] используется для определения количества идентифицированных функций изучаемого термина-фразеологизма;
- ряд технологий работы с национальными языковыми корпусами используется для извлечения контекстуальных иллюстраций из национальных корпусов [16];
- метод фразеологического описания [5, с. 46] используется для оформления результатов работы в виде научной статьи.

Теоретическая база исследования сформирована на основе новейших достижений современных исследователей

- в области терминоведения [4; 6; 13];
- в области общей и английской фразеологии [5; 7; 12; 14];
- в области методологии лингвистического исследования [2; 4].

Основная часть. Результаты исследования и их обсуждение. Квантитативно-контекстуальный анализ избранных терминов-фразеологизмов приводит к следующим результатам.

1. В функции подлежащего термин-фразеологизм ***funny money*** выступает в 11 случаях контекстуального употребления, что составляет 7,53% анализируемого языкового материала, например:

(А) *# GM is only part of the equation, but I think it's safe to say an Opel, Fiat, and/or PSA liquidation at some later date could set off a powder keg in relatively stable (to Greece) economies such as Germany, France, and aggravate damaged ones in Spain (Opel plant) and Italy (Fiat). Bailing out GM at home, in effect helped subsidize its failing operations in Germany and then operations in Sweden. You could also make the argument the Fiat-Chrysler deal was a partial bailout to Fiat, because even if Chrysler had still kicked, Fiat was given $1.3 billion for its trouble and could auction off the Chrysler pieces to the highest bidder. # The big show here is keeping the failed EU and its Euro* ***funny money*** *afloat through Fed intervention and ECB printing.* (COCA 50) — # ГМ (моржа) — это только часть уравнения, но я думаю, можно с уверенностью сказать, что ликвидация заводов Опель, Фиат и/или Пежо на более позднем этапе может взорвать пороховую бочку в относительно стабильных (по сравнению с Грецией) экономиках, таких как Германия, Франция, и усугубить ущерб в Испании (завод Опель) и Италии (Фиат). Выручив ГМ у себя на родине, компания фактически помогла субсидировать ее терпящую крах деятельность в Германии, а затем и в Швеции. Вы также могли бы выдвинуть аргумент, что сделка между заводами Фиат и Крайслер была частичной мерой по спасению Фиат, потому что, даже если бы Крайслер все еще сопротивлялся, Фиат получил бы 1,3 миллиарда долларов за свои проблемы и мог бы продать части Крайслер с аукциона тому, кто предложит самую высокую цену. # Главное в этом шоу — удержать обанкротившийся ЕС и его ***смешные деньги*** в евро на плаву с помощью интервенций ФРС и печатания денег ЕЦБ.

(Б) *Davey was under so much pressure, all the publicity, the politics, the money. By the time he was 16, he was supporting our family. Everybody wanted a piece of him. It got worse when he became Grandmaster. He became so eccentric. Well, it's not eccentricity. It's mental illness. I want to show you something. This was in 1966, at the youth center on Roosevelt. He'd*

just defeated a 24-year-old champion in a tournament. They named him chess master. He was 12. Nobody knew who he was yet. He was happy. The best day of his life. We've got the flash money on the tops of each stack. Underneath's the ***funny money****, good enough to pass the first look test. This little guy goes with it. All your units will have a radio run of where the money is at all times.* (COCA 78) — Дэйви находился под таким большим давлением — вся эта реклама, политика, деньги. К тому времени, когда ему исполнилось 16, он уже содержал нашу семью. Все хотели заполучить его. Все стало еще хуже, когда он стал гроссмейстером. Он стал таким эксцентричным. Ну, это не эксцентричность. Это психическое заболевание. Я хочу вам кое-что показать. Это было в 1966 году в молодежном центре на Рузвельта. Он только что победил 24-летнего чемпиона в турнире. Его назвали мастером спорта по шахматам. Ему было 12 лет. Никто еще не знал, кто он такой. Он был счастлив. Это был лучший день в его жизни. В верхней части каждой стопки у нас есть денежные знаки. Под ними — ***фальшивые деньги***, которых достаточно, чтобы пройти первый тест на внешний вид. Этот маленький парень с ними справится. Все ваши подразделения будут постоянно получать информацию по радио о том, где находятся деньги.

(B) <…> *based on maintaining a firm top-down control on process. They were enslaved to it. When they left their companies, the cathedrals began to decay. These cathedrals have less value when left alone to run on autonomously. Have you not heard of the tirades and personal lashings dished out to employees by these two mega-managers? # It doesn't mean this men were not smart, rather that they applied their intellect to building co-dependent cathedrals, which bogged them down. The Bazaar model is in its infancy, and we are only just starting to see the early effects of it, e.g. the internet and Android (Linux) are generated from the bazaar model predominantly. # Also, hard money rewards people who sit on money instead of produce knowledge # Dear friend, I agree with You, but You should please note that* ***funny money*** *is capable to produce even worst nightmares.* (COCA 57) — <…> основанный на поддержании жесткого контроля над процессами сверху вниз. Они были порабощены здесь. Когда они покинули свои компании, команды начали приходить в упадок. Эти команды теряют ценность, когда их оставляют в покое и они работают автономно. Разве вы не слышали о тирадах и личных оскорблениях, которые раздавали сотрудникам эти два мегаменеджера? # Это не значит, что эти люди не были умными, скорее, они использовали свой интеллект для создания команд взаимозависимости, что привело их в тупик. Модель Базаар находится в зачаточном состоянии, и мы только начинаем замечать ее первые последствия, например, Интернет и Андроид (Линукс) в основном созданы на основе модели Базаар. # Кроме того, большие деньги вознаграждают людей, которые сидят на деньгах, вместо того чтобы добывать знания # Дорогой друг, я согласен с тобой, но ты, пожалуйста, должен иметь в виду, что ***маленькие деньги*** способны вызвать даже самые страшные кошмары.

В зависимости от смысла контекста термин-фразеологизм ***funny money*** может иметь значение «смешные деньги», «фальшивые деньги», «маленькие деньги».

2. В функции прямого дополнения термин-фразеологизм ***funny money*** выступает в 32 случаях контекстуального употребления, что составляет 21,9% анализируемого языкового материала, например:

(A) <…> *who wears bow ties, not — not the singer. (Laughter) LIMBAUGH: And he's one of the sponsors of the balanced budget amendment. This is from "Meet he Depressed," Tim Russert's show on Sunday. Watch this. (Excerpt-from- "Meet Senator PAUL SIMON" (Democrat, Illinois): It is not a quick fix. It — it is saying by the year 2000, we're going to get ahold of this thing. It — it following a suggestion made by Thomas Jefferson quite a few years ago. And — but it — it says we're really going to get ahold of this thing. We — we can't continue to play games without further jeopardizing the future of this country. We're — we're going to end up monetizing the debt, just printing* ***funny money****, if we don't get ahold of this thing before too*

long. (COCA 136) — <…> который носит галстуки-бабочки, а не... не певец. (Смех) ЛИМБО: И он один из спонсоров поправки о сбалансированном бюджете. Это из воскресного шоу Тима Рассерта «Знакомьтесь, депрессивные». Посмотрите это. (Отрывок из «Познакомьтесь с сенатором ПОЛОМ САЙМОНОМ» (демократ, Иллинойс): Это не быстрое решение. В нем говорится, что к 2000 году мы собираемся заняться этим вопросом. Это... это следует из предложения, сделанного Томасом Джефферсоном несколько лет назад. И... но это... это говорит о том, что мы действительно собираемся взяться за это дело. Мы... мы не можем продолжать играть в игры, не подвергая опасности будущее этой страны. Мы... мы в конечном итоге монетизируем долг, просто печатая ***смешные деньги***, если не разберемся с этим в ближайшее время.

(Б) <…> "*with the new technology the world is enjoying," says Arnette Heintze, an agent of the U.S. Secret Service, the unit within the Treasury Department that oversees counterfeiting issues. "We've never had a generation more adept at the technology that's being introduced to the world." # Adds Beth Weaver, a spokeswoman for Treasury: "The issue with counterfeiting is all the advances in computer technology and ink-jet printing. You get a nice download, print on some nice bond stock, and bingo!" # The dollar value of counterfeit money has trended downward in recent years — from $ 108 million in 1995 to $ 72 million in 1997; that represents less than 1/100 of 1% of the $ 450 billion in genuine U.S. currency circulated worldwide. # But arrest figures suggest the number of people involved in making* ***funny money*** *is growing fast.* (COCA 126) — <…> «мир наслаждается новыми технологиями», — говорит Арнетт Хайнце, сотрудник Секретной службы США, подразделения Министерства финансов, которое занимается проблемами контрафакции. «У нас никогда не было поколения, которое было бы более сведущим в технологиях, внедряемых в мире». # Бет Уивер, пресс-секретарь Казначейства, добавляет: «Проблема подделок связана с достижениями в области компьютерных технологий и струйной печати. Вы получаете отличную загрузку, распечатку на какой-нибудь хорошей облигации и — бинго!» В последние годы наблюдается тенденция к снижению долларовой стоимости фальшивых денег — со 108 миллионов долларов в 1995 году до 72 миллионов долларов в 1997 году; это составляет менее 1/100 от 1% от 450 миллиардов долларов в подлинной валюте США, обращающейся по всему миру. # Но данные об арестах свидетельствуют о том, что число людей, занимающихся зарабатыванием ***фальшивых денег***, быстро растет.

(В) *FED was created. Boehner knows this. He wouldn't have been put in as speaker if they couldn't trust him to tow the lie, and act out the treason. # We haven't had a free economy since 1913. I'm not sure which is worse, democrats who are really communists or republicans who constantly fight for "freedom" like lower income taxes (property theft) and central banking (more powerful than standing armies) without delegitimizing their existence. Who speaks out with the rhetoric of liberty? Certainly not John Boehner. I don't see good in either party anymore. We have been indoctrinated into thinking that taxes are patriotic, and the health of the State is more important than individual liberty. Government used that* ***funny money*** *to lock everyone into the system. When the money goes down, they will have it all.* (COCA 18) — ФРС была создана. Бейнер знает об этом. Его бы не назначили спикером, если бы ему не доверяли в том, что касается лжи и государственной измены. # У нас не было свободной экономики с 1913 года. Я не уверен, кто хуже: демократы, которые на самом деле являются коммунистами, или республиканцы, которые постоянно борются за «свободу», например, за снижение подоходных налогов (кража собственности) и центральный банк (более могущественный, чем постоянные армии), не лишая легитимности их существование. Кто выступает с риторикой свободы? И уж точно не Джон Бонер. Я больше не вижу ничего хорошего ни в одной из партий. Нам внушили, что налоги – это патриотизм, а здоровье государства

важнее свободы личности. Правительство использовало эти ***смешные деньги***, чтобы привязать всех к системе. Когда денег станет меньше, они получат все.

3. В функции предложного дополнения термин-фразеологизм ***funny money*** выступает в 46 случаях контекстуального употребления, что составляет 31,5% анализируемого языкового материала, например:

(А) <…> *got reelected and the reason a Republican Congress was returned is that they finally got around to doing the nation's business. They raised the minimum wage. They passed something on health care reform. They passed welfare reform. I think the country is really tired of each side splattering mud on the other and I think in the end, the self-interests of Bill Clinton and Trent Lott, and the weakened state of Newt Gingrich, will force some deals in the middle, which is where most of the country is. FERRARO: Let me ask you about two other people who were in this race. Watching Forbes and Perot wasting millions of dollars, I mean, I'm surprised that Mattel hasn't come up with some sort of a board game that would allow us the same vicarious thrills by means of — with other* ***funny money****. Do you think that this is — these mega millionaires are the political leaders of the future in the end?* (COCA 133) — <…> были переизбраны, и республиканский конгресс был переизбран потому, что они наконец-то смогли заняться делами страны. Они повысили минимальную заработную плату. Они приняли что-то по реформе здравоохранения. Они приняли реформу социального обеспечения. Я думаю, что страна действительно устала от того, что каждая сторона поливает грязью другую, и я думаю, что, в конце концов, личные интересы Билла Клинтона и Трента Лотта, а также ослабленное государство Ньюта Гингрича вынудят к некоторым сделкам посредников, которые находятся на большей части территории страны. ФЕРРАРО: Позвольте мне спросить вас о двух других людях, которые участвовали в этой гонке. Наблюдая за тем, как Forbes и Перо тратят миллионы долларов впустую, я удивляюсь, что Маттель до сих пор не придумал какую-нибудь настольную игру, которая позволила бы нам испытать те же ощущения за счет... других ***смешных денег***. Неужели вы думаете, что эти мегамиллионеры, в конце концов, станут политическими лидерами будущего?

(Б) <…> *Interesting and I might be wrong on this. Even Gold &; Silver is Fungible Proxy... If people have not consented (and accepted) to give value to gold &; silver, they would be worthless. Historical facts and traditions overcome this fungible proxy concept and people still value gold &; silver. Saying that, I have no idea what should it be the exchange unit for trade &; commerce There is not much that we do not know about the Banking System now, but this was one of the most comprehensive &; concise presentations I have come across. I have to watch the REPO section again but it shows how the world have succumbed to the* ***Funny Money****!... which does not exist. Interestingly enough if the accounting system was used properly &; Governments have their own money (Green Back in the USA), there would not be an impending collapse or <...>.* (COCA 44) — Интересно, но я могу ошибаться в этом. Даже золото и серебро взаимозаменяемы... Если бы люди не согласились (и не приняли) придавать ценность золоту и серебру, они были бы бесполезны. Исторические факты и традиции опровергают эту взаимозаменяемую концепцию, и люди по-прежнему ценят золото и серебро. Говоря это, я понятия не имею, какой должна быть обменная единица для торговли и коммерции, сейчас мы мало чего не знаем о банковской системе, но это была одна из самых полных и сжатых презентаций, с которыми я сталкивался. Я должен еще раз просмотреть раздел о репозиториях, но там показано, как мир поддался влиянию ***Смешных денег!***... которых не существует. Интересно, что если бы система учета использовалась должным образом и у правительств были свои собственные деньги (в США — зеленые), то не было бы надвигающегося краха или <…>.

(В) <…> *and something all producers grapple with on a daily basis. Hostess still outputs millions of products annually, so someone is buying, even if they are buying less. # Now Hostess finds itself squarely between two massive forces and both are threatening to pull the company apart. The two forces are: contraction of demand and inflation of higher order goods. # The first is rather simple, people are buying less product. We can chalk this up to recessionary pressure, behavioral changes, consumer awareness, etc. Does not really matter. # The company has exactly two choices: lower operating costs or lower final price. # This is where the infinite liquidity pumping of our central bank and the Keynesian/Monetarist wizard known as The Bernank comes in. Ben Bernanke has been on a kamikaze mission of pumping the American economy full of* ***funny money*** *for years, because we all know that adding more debt and more cheap money will provide wealth, prosperity and growth.* (COCA 17) — <…> и это то, с чем все производители сталкиваются ежедневно. Хостис по-прежнему выпускает миллионы продуктов в год, поэтому кто-то их покупает, даже если они покупают меньше. # Сейчас Хостис оказалась между двумя мощными силами, и обе они угрожают развалить компанию. Это две причины: сокращение спроса и рост цен на товары более высокого качества. # Первая из них довольно проста: люди покупают меньше товаров. Мы можем списать это на экономический спад, изменения в поведении, осведомленность потребителей и т.д. На самом деле это не имеет значения. # У компании есть ровно два варианта: снизить операционные расходы или снизить конечную цену. # Вот тут-то и пригодится бесконечная перекачка ликвидности нашим центральным банком и кейнсианским/монетаристским магнатом, известным как Бернанк. Бен Бернанк в течение многих лет выполнял миссию камикадзе, накачивая американскую экономику ***смешными деньгами***, потому что все мы знаем, что увеличение долга и дешевых денег обеспечит богатство, процветание и рост.

4. В функции препозитивного определения термин-фразеологизм ***funny money*** выступает в 14 случаях контекстуального употребления, что составляет 10,27% анализируемого языкового материала, например:

(А) *# All of Washington's political reporters read ABC's The Note. That's why they keep missing the story. # In the spring of 2005, a story came along that was so important, so history-altering that it threatened to revive a killer press instinct that had been dormant for the previous four years. Of course, it helped that it was a Clinton-flavored scandal: That May, Senator Hillary Rodham Clinton's former campaign finance director, David Rosen, went on trial for his handling of a 2000 fundraiser staged in Hollywood to benefit Clinton's campaign for the U.S. Senate. Rosen was accused of hiding, or underreporting, $800,000 worth of costs. At the time, CNN political editor John Mercurio suggested that Rosen's* ***funny money*** *trial "reminds people of Whitewater" and the "sleazy side of the Clinton administration that Hillary and the president are both trying to forget." #* (COCA 103) — # Все вашингтонские политические репортеры прочитали заметку ABC. Вот почему они продолжают пропускать эту историю. # Весной 2005 года появилась статья, которая была настолько важной, настолько изменившей историю, что она угрожала возродить инстинкт убийцы прессы, дремавший в течение предыдущих четырех лет. Конечно, помогло то, что это был скандал с участием Клинтон: в мае того же года бывший финансовый директор предвыборной кампании сенатора Хиллари Родэм Клинтон Дэвид Розен предстал перед судом за организацию в 2000 году в Голливуде сбора средств в пользу кампании Клинтон по выборам в Сенат США. Розена обвинили в сокрытии или занижении суммы расходов на сумму 800 000 долларов. В то время политический редактор CNN Джон Меркурио предположил, что дело Розена о «***смешных деньгах***» напоминает людям об «Уайтуотере» и «грязной стороне администрации Клинтона», о которой Хиллари и президент — оба пытаются забыть». #

(Б) <…> *or to provide a diversified function. The former is often tempting as an apparent way to reel in a wider range of goods or service providers, or in search of economies of scale. It*

*carries a risk of loss of identity and may fail to meet expectations. The latter may, as we have seen, compromise the currencies' respective core values. <…> # The potential for scaling-up designed currencies to a national or international level of operation is likely to be as much about realpolitik as fit-for-purpose design. Influencing policy makers can be a frustrating, time consuming and thankless business, and tends to appeal to rather different animals than currency activism. # However, understanding money systems and the need for monetary reform is getting much more air-time than previously, and discussion is beginning to escape the '**funny money**' pigeonhole. Initiatives such as Positive Money6 and Sensible Money7 are gaining advocates. #* (COCA 32) — <…> или для обеспечения диверсифицированной деятельности. Первый вариант часто привлекателен как очевидный способ привлечения более широкого круга поставщиков товаров или услуг или в целях экономии за счет масштаба. Он сопряжен с риском потери узнаваемости и может не оправдать ожиданий. Последнее, как мы видели, может поставить под угрозу соответствующие базовые ценности валют. <…> # Потенциал распространения разработанных валют на национальный или международный уровень функционирования, вероятно, зависит не только от дизайна, но и от реальной политики. Влияние на политиков может быть неприятным, отнимающим много времени и неблагодарным занятием и, как правило, привлекает совсем других людей, а не валютную активность. # Однако пониманию денежной системы и необходимости денежной реформы уделяется гораздо больше внимания, чем раньше, и дискуссии начинают выходить за рамки «***смешных денег***». Такие инициативы, как «Позитивные деньги6» и «Разумные деньги7», набирают сторонников.

(B) *Boats can be leased, bought, or commissioned at pretty competitive prices. # Vashon to Seattle. Fare $3.75 (well above peak bus fares) 18% recovery. Somehow people living on five acres in Duval are evil denizens of sprawl so their property taxes should be used to subsidize a banker on Vashon to the tune of $30 a day to commute from downtown to his island estate. # The West Seattle run is about the best of the bunch and it's still a hole in the water the county is throwing money into. The fare recovery ratio isn't anything close to what the ferry district wants you to believe. They're counting bus transfers as cash. In other words they're count the same money twice; once to calculate fare recovery for buses and then again for the boat. Even with the **funny money** accounting the fare recovery ratio for Metro buses is terrible.* (COCA34) — Лодки можно арендовать, купить или заказать на заказ по довольно выгодным ценам. # Вашон — Сиэтл. Стоимость проезда составляет 3,75 доллара (значительно выше пиковых тарифов на автобус), что позволяет сэкономить 18%. Так или иначе, люди, живущие на пяти акрах в Дювале, являются злостными обитателями застройки, поэтому их налоги на недвижимость должны использоваться для субсидирования банкира на Вашоне в размере 30 долларов в день на поездку из центра города в его поместье на острове. # Маршрут «Вест Сиэтл ран» — один из лучших в своем роде, но округ по-прежнему тратит деньги впустую. Коэффициент возмещения стоимости проезда и близко не соответствует тому, в чем хочет убедить вас паромный округ. Они считают автобусные переезды наличными. Другими словами, они подсчитывают одни и те же деньги дважды: один раз для расчета возмещения стоимости проезда в автобусах, а затем еще раз для проезда на теплоходе. Даже с учетом ***смешных сумм*** коэффициент возмещения стоимости проезда в автобусах метро ужасен.

5. В функции предиката термин-фразеологизм ***funny money*** выступает в 15 случаях контекстуального употребления, что составляет 9,58% анализируемого языкового материала, например:

(A) *would cover the cost of Joplin, send 'W" and Cheney the bill! # Randall Bennington # Why should my tax dollars go to pay for some imbecile's house in the Mid-West. You"re the morons that built your houses in the middle of 'tornado ally'. What the name didn't give it away? It's called*

insurance! All you people in fly over country cry cry cry about socialism, and how no one cares about you, but the moment you have a little wind &; rain, its gim me gim me gim me. I personally think this is just a sign that God hates evangelical Christians, and has chosen to smite you. And who am i to question the will of God? <…> # It's all ***funny money*** *now anyway. Not like the government needs money when they can just print it out of thin air. Got ta agree with Rob that the cost of government is bankrupting anyone who isn't hiding their assets. #* (COCA 45) — я бы оплатил расходы Джоплин, отправил «W» и Чейни счет! # Рэндалл Беннингтон # Почему мои налоги должны идти на оплату дома какого-то идиота на Среднем Западе? Вы те самые идиоты, которые построили свои дома в центре «союзного торнадо». Что за название вас не выдало? Это называется страхование! Все вы, люди в стране перелетов, плачете, плачете о социализме, и о том, что никому нет до вас дела, но стоит только подуть легкому ветру и дождю, и это поможет мне, поможет мне, поможет мне. Лично я считаю, что это просто знак того, что Бог ненавидит евангельских христиан и решил покарать вас. И кто я такой, чтобы подвергать сомнению волю Божью? <…> # В любом случае, сейчас это все ***смешные деньги***. Не похоже, что правительству нужны деньги, когда они могут просто напечатать их из воздуха. Должен согласиться с Робом, что расходы правительства приводят к банкротству любого, кто не скрывает свои активы. #

(Б) *<…> the film and hear Obama in his own words. # To those of you who profess to be Republican/Conservatives, but will be voting for Obama: You have drank deeply of the Obama kool-aid, which contains large amounts of addictive factoids, not facts that your atrophied mind chooses to believe. Check out the Klein book, The Amateur. As with the 2016 movie, I suppose you will also be inclined to believe that none of the info in this book is true either. Take a breath – open thine eyes. Then trust your gut and instincts instead of the slick-subtle manuevering of the Obama and Romney machines. The truth about Obama will become self evident. # Mike, I SOOOOO want to not believe what you are saying. But deep down, I fear that you are on the money. Our economy is all* ***funny money*** *and as they keep printing and borrowing... it only a matter of time before the house of cards collapses <…>.* (COCA 54) — <…> посмотрите фильм и послушайте Обаму с его собственными словами. # Обращаюсь к тем из вас, кто называет себя республиканцами/консерваторами, но будет голосовать за Обаму: вы изрядно выпили «Обама кул-эйд», который содержит большое количество вызывающих привыкание фактоидов, а не фактов, в которые ваш атрофированный разум предпочитает верить. Ознакомьтесь с книгой Кляйна «Любитель». Как и в случае с фильмом 2016 года, я полагаю, вы также будете склонны полагать, что ни одна информация в этой книге не соответствует действительности. Сделайте вдох — откройте глаза. Затем доверьтесь своей интуиции, а не хитроумным маневрам администрации Обамы и Ромни. Правда об Обаме станет очевидной сама собой. Майк, я *ооооочень* не хочу верить в то, что ты говоришь. Но в глубине души я боюсь, что вы при деньгах. Наша экономика — это сплошные ***смешные деньги***, и они продолжают печатать и занимать... это только вопрос времени, когда карточный домик рухнет <...>

(В) *<…> for three hours a day, every day. The key is doing it every day. And I write a lot at the ranch. Half of the book up there, half in Denver. # BH: A lot of writers write by the word, a certain number each day. # Greer: No. I do it all by time. If I write three hours a day, I know I'll have a novel in 10 months. # BH: Hollywood has optioned all your books. I think C.J. Floyd would make a great character in the movies. # Greer: That Hollywood stuff is a mystery to me. My second book, "The Devil's Red Nickel," they spent a million dollars trying to get it ready to be a movie. It never happened. It's just* ***funny money*** *to them. # BH: Is writing a lonely task? # Greer: Not for me. I enjoy it because I am so much alone with myself. It fits my personality. # BH: You're a loner? # Greer: Always have been. # BH: Do you see patients at the hospital? #* (COCA 68) — <…> по три часа в день, каждый день. Главное — делать это каждый день.

И я много пишу на ранчо. Половина книги там, половина в Денвере. # БХ: Многие писатели пишут по слову, определенное количество раз в день. # Грир: Нет. Я все делаю по расписанию. Если я буду писать по три часа в день, я знаю, что через 10 месяцев у меня будет роман. # БХ: Голливуд выбрал все ваши книги. Я думаю, что из Си Джей Флойда получился бы отличный персонаж для кино. Грир: Все эти голливудские штучки для меня загадка. На экранизацию моей второй книги, «Красный пятак дьявола», был потрачен миллион долларов. Этого так и не произошло. Для них это просто ***смешные деньги***. # БХ: Писать — это занятие для одиночества? # Грир: Не для меня. Мне это нравится, потому что я остаюсь наедине с собой. Это соответствует моему характеру. # БХ: Ты одиночка? # Грир: Всегда был таким. # БХ: Ты принимаешь пациентов в больнице? #.

Выводы и заключение. Подводя итоги изучения этого сравнительно небольшого участка деловой английской терминологии с характерным фразеологическим значением, составляющим 146 терминов-фразеологизмов, или ФЕ-терминов, приходим к выводу о том, что функциональный диапазон этой языковой единицы довольно широк.

Посредством метода фразеологической идентификации и квантитативного анализа контекстуальных функций рассматриваемого термина-фразеологизма приходим к следующим результатам.

Анализируемый термин-фразеологизм ***funny money*** способен выполнять значительный ряд грамматических функций в контексте, а именно:

1) выступать в функции подлежащего — в 7,53% случаев,
2) выступать в функции предиката — в 9,58% случаев,
3) выступать в функции препозитивного определения — в 10,27% случаев,
4) выступать в функции прямого дополнения — в 21,9% случаев,
5) выступать в функции предложного дополнения — в 31,5% случаев,

Рассматриваемый ФЕ-термин способен также выступать в функции назывного предложения, в функции косвенного дополнения и в функции несогласованного постпозитивного определения.

Суммируя наиболее репрезентативные функции изучаемого термина-фразеологизма, имеем возможность представить функциональный потенциал ФЕ-термина ***funny money*** в следующей диаграмме (в убывающем порядке):

Диаграмма 1



Полученные результаты предназначены для использования в последующих сопоставительных исследованиях функционального потенциала других двухкомпонентных терминов-фразеологизмов, включающих в свой состав компонент ***money*** с непременной опорой на идею типологического паспорта [1] (в приложении к фразеологии), предложенной выдающимся лингвистом XX века и моим Учителем профессором Владимиром Дмитриевичем Аракиным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков : (Единицы сопоставит.-типол. анализа яз.) : дисс. … д-ра филол. наук в форме науч. докл. : 10.02.01 Русский язык / Аракин Владимир Дмитриевич ; МГПИ. — М., 1983. — 38 с.
2. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З.И. Комарова. — М. : ФЛИНТА, Наука, 2018. — 820 с.
3. Комарова З.И. Методология и методика квантитативного исследования / З.И. Комарова, С.В. Краев // Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики : квантитативно-квалитативное исследование : моногр. — Екатеринбург: Урал. лит. агентство, 2008. — С. 59–74.
4. Куликова И.С. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте: учебное пособие для вузов / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. — Санкт-Петербург : Лань, 2020. — 380 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. — М. : Высшая школа ; Дубна : Феникс, 1996. — 381 с.
6. Лейчик В.М. Терминоведение : Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. — М.: URSS, 2022. — 248 с.
7. Autelli E. The origins of the term “phraseology” / E. Autelli // Yearbook of Phraseology. — 2021. — Vol. 12. — P. 7–32.
8. Buerki A. Furiously fast: On the speed of change in formulaic language / A. Buerki // Yearbook of Phraseology. — 2019. — V. 10. — P. 5–38.
9. Fedulenkova T.N. Approaches to Phraseology in Polyparadigmal Linguistics / T.N. Fedoulenkova. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. — 242 с.
10. Fedulenkova T.N. Identification and acquisition of multi-word terms in Business English domains / T.N. Fedoulenkova // The European Society of Phraseology (EUROPHRAS) 2015 : Computerised and Corpusbased Approaches to Phraseology : Monolingual and Multilingual Perspectives / edited by G.C. Pastor, M.B. Castro, R. Gutierrez. — Malaga : University of Malaga, 2015. — P. 229–301.
11. Fedulenkova T.N. Terminology vs phraseology: meaning transfer in business terms, Research Result / T.N. Fedoulenkova // Theoretical and Applied Linguistics. — 2022. — Vol. 8(4). — P. 41–56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-4.
12. Fiedler S. English Phraseology: A Coursebook / S. Fiedler. — Tübingen : Narr, 2007. — 198 p.
13. Gläser R. Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes / R. Gläser // Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English / Rosemarie Gläser (Ed.). — Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH, 1995. — P. 33–57.
14. Gläser R. Phraseologie der englischen Sprache / R. Gläser. Tübingen: De Gruyter GmbH, Walter; 2011. 201 p.
15. Mel’čuk I. Morphemic and Syntactic Phrasemes / I. Mel’čuk // Yearbook of Phraseology. — 2021. — V. 12. — P. 33–73.
16. Mel’čuk I. Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer / I. Mel’čuk // Yearbook of Phraseology. — 2012. — V. 3. — P. 31–56.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. LBED — Longman Business English Dictionary: [электронный ресурс] / ed. by M. Murthy. — Harlow : Pearson Education ; Longman Ltd., 2007. — Режим доступа: https://www.pearson.com (дата обращения: 10.02.2026).
18. COCA — Corpus of Contemporary American English: [электронный ресурс]. — 2008–2026. — Режим доступа: https://www.english-corpora.org/coca (дата обращения: 21.03.2026).

REFERENCES

1. Arakin V.D. (1983). Strukturnaya tipologiya russkogo i nekotoryh germanskih yazykov (edinicy sopostavitel’no-tipologicheskogo analiza yazykov) : dis. ... d-ra filol. nauk v forme nauch. dokl. [Structural typology of Russian and some Germanic languages (units of comparative typological analysis of languages) : Abstract of Dr. Habilitation Dissertation. Moscow, Russia. (In Russian).

2. Komarova Z.I. (2018). Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnyh issledovaniy v lingvistike [Methodology, method and technology of scientific research in linguistics]. Moscow : FLINTA Press, Nauka Press. (In Russian).
3. Komarova Z.I., & Kraev S.V. (2008). Metodologiya i metodika kvantitativnogo issledovaniya [Methodology and methods of quantitative research]. In Z. I. Komarova (Ed.). Yadernye sluzhebnye slova v russkom pod''yazyke informatiki: kvantitativno-kvalitativnoe issledovanie [Nuclear function words in the Russian sublanguage of information technology: quantitative-qualitative research] (pp. 59–73); Ural Literary Agency. Ekaterinburg : ULA Press. (In Russian).
4. Kulikova I.S., Salmina D.V. (2020). Lingvisticheskaya terminologiya v professional'nom aspekte: uchebnoe posobie dlya vuzov [Linguistic Terminology in the Professional Aspect: A Textbook for Universities]. St. Petersburg: Lan. (In Russian).
5. Kunin A.V. (1996). Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka [A course of phraseology of modern English]. Moscow : Vysshaya Shkola. (In Russian).
6. Leichik V.M. (2022). Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Terminology: Subject, Methods, and Structure]. Moscow : URSS. (In Russian).
7. Autelli E. (2021). The origins of the term "phraseology". In *Yearbook of Phraseology*, v. 12, p. 7–32. (In English).
8. Buerki A. (2019). Furiously fast: On the speed of change in formulaic language. In *Yearbook of Phraseology*, v. 10, p. 5–38. (In English).
9. Fedulenkova T.N. (2023). Approaches to Phraseology in Polyparadigmal Linguistics. Vladimir: VlGU. (In English).
10. Fedulenkova T.N. (2015). Identification and acquisition of multi-word terms in Business English domains. Pastor G.C., Castro M.B., Gutierrez R. (Ed.) The European Society of Phraseology (EUROPHRAS) Computerised and Corpusbased Approaches to Phraseology : Monolingual and Multilingual Malaga: University of Malaga. P. 229–301. (In English).
11. Fedulenkova T.N. (2022). Terminology vs phraseology: meaning transfer in business terms. In: Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 8 (4), 41-56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-4. (In English).
12. Fiedler S. (2007). English Phraseology: A Coursebook. Tübingen : Narr. (In English).
13. Gläser R. (1995). Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes In R. Gläser (Ed.), Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English. Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH. Pp. 33–57. (In English).
14. Gläser R. (2011). Phraseologie der englischen Sprache. Tübingen: De Gruyter GmbH, Walter. (In English).
15. Mel'čuk I. (2021). Morphemic and Syntactic Phrasemes. In *Yearbook of Phraseology*, v. 12, p. 33–73. (In English).
16. Mel'čuk I. (2012). Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer. In *Yearbook of Phraseology*, v. 3, p. 31–56. (In English).

Поступила в редакцию 30.04.2026 г.

FUNCTIONAL POTENTIAL OF TERM-IDIOM *FUNNY MONEY*

T. N. Fedulenkova

The relevance of the article lies in the urgent need to study terms of business English, which are the products of secondary nomination, i.e. phraseological units-terms or terms-phraseologisms. The novelty of the work lies in the fact that it is for the first time that the study of the word complex *funny money* is carried out from the perspective of phraseological terminology, i.e. in the status of a phraseological term. The object of this study is a selection of contexts from the National Corpus of Contemporary English in its American variant (COCA). The sample size consists of 146 contexts of modern business discourse. The focus is made on the functional potential of two-component terms-phraseologisms in the business language containing the phraseological term *funny money*, with the aim of establishing the quantitative parameters of their functions. To achieve this goal, a range of methods, techniques, and research technologies, including the contextual analysis, the method of phraseological identification, the quantitative method, and a number of technologies for working with national language corpora have been applied. Five main functions of the terms-phraseologisms *funny money* and their quantitative characteristics have been identified.

Keywords: business terminology of phraseological nature, meaning transfer in components, phraseological term *funny money*, PU-term, functions of phraseological term.

Федуленкова Татьяна Николаевна.
Доктор филологических наук, профессор.
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Российская Федерация, г. Владимир.
Профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации.
ORCID 0000-0002-5039-5827.
E-mail: fedulenkova@list.ru.

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna.
Doctor of Philology, Professor.
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, The Russian Federation, Vladimir.
Professor of Department of foreign languages of professional communication.
ORCID 0000-0002-5039-5827.
E-mail: fedulenkova@list.ru.

Научная статья
УДК 81’42:654.19
DOI: 10.5281/zenodo.22056983

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОВОКАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЙНЫХ ЗАГОЛОВКАХ: ПРАГМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА НОВОСТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

© 2026 *Б.Г. Вульфович*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
ORCID 0000-0002-7358-9819

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Данная статья посвящена выявлению деструктивных паттернов в заголовочных комплексах российских печатных и онлайн-изданий. В современной медиасреде новостные заголовки превратились из простого элемента верстки в самостоятельный инструмент борьбы за внимание аудитории. Мы исходим из того, что именно заголовок первым вступает во взаимодействие с читателем, формируя не только первоначальное впечатление о материале, но и зачастую устойчивую установку относительно описываемого события. Мы стремимся не просто констатировать наличие «кликбейтных» формулировок, но и проанализировать их природу с точки зрения прагмалингвистики, а также смоделировать вектор читательской реакции и потенциальной конфликтной полемики на основе выявленных лингвистических триггеров. Результаты исследования могут служить как материалом для исследователей в области медиалингвистики и социологии журналистики, так и практическим ориентиром для редакторов и контент-менеджеров, стремящихся балансировать между привлекательностью контента и профессиональной ответственностью.

Ключевые слова: сетевой конфликт, СМИ, комментарий, заголовок, кликбейт, медиалингвистика.

Для цитирования*:* Вульфович Б.Г. Лингвистические механизмы провокации в современных медийных заголовках: прагматическое моделирование конфликтогенного потенциала новостных публикаций / Б.Г. Вульфович // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. — 60–70. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22056983.

Введение

Существуя в современном обществе, человек осознанно или неосознанно находится в потоках информации, которые сопровождают его практически во всех сферах его деятельности. Массовая коммуникация оказывает непосредственное влияние на адресата, тем самым формируя его ценностные ориентиры, в том числе и задавая оценочные параметры в отношении того или иного объекта из информационной повестки.

Заголовки в разнообразных СМИ (как онлайн, так и оффлайн) доказывают данный тезис. Будучи зачастую полноценными текстовыми конструктами, они не просто содержат информацию (или намек на нее), а могут задать вектор для ее интерпретации (отрицательный, положительный или нейтральный). Данное свойство заголовков может использоваться как в исключительно репрезентативных целях, так и для формирования определенного мнения у потенциальных читателей о содержании статьи. Более того, такие заголовки могут расходиться с содержимым статьи и даже откровенно вводить в

заблуждение (так называемые «кликбейты»). Многие из них могут быть причиной создания конфликтной полемики в интернет-комментариях. Данная статья посвящена обнаружению подобных заголовков и анализу лингвистических методов воздействия на массового адресата. Цель работы — выявить и систематизировать репертуар лингвопрагматических средств, которые используются в заголовках СМИ для провоцирования негативной полемики, а также разработать алгоритм распознавания таких приемов для повышения медиалингвистической грамотности аудитории.

Материалы и методы исследования

В ходе анализа применяются методы прагмалингвистического описания и интент-анализа. Метод прагмалингвистического описания позволяет изучить, какой перлокутивный эффект заголовок оказывает на читателя. Метод интент-анализа в совокупности с прагмалингвистическим описанием позволит на основе лингвистических маркеров реконструировать предполагаемую коммуникативную цель автора заголовка (статьи): привлечь внимание любой ценой, сформировать враждебный образ, спровоцировать флейм (спор в комментариях) как способ повышения вовлеченности. Базой для анализа послужили 10 новостных заголовков из онлайн-версии газеты «Коммерсантъ», отобранных потому, что они составлены таким образом, что в процессе обсуждения их в комментариях значительно повышается вероятность агрессивной полемики.

Важно отметить методологические рамки данного исследования. Во-первых, поскольку онлайн-версия газеты «Коммерсантъ» не предусматривает системы открытого комментирования, эмпирический анализ пользовательских реакций невозможен. В связи с этим в работе применяется метод прагматического моделирования, позволяющий на основе теории речевых актов и анализа пресуппозиций реконструировать и спрогнозировать вероятный вектор агрессивной полемики. Во-вторых, фокус исследования намеренно сужен до анализа основного заголовка как первичного фильтра восприятия, без учета подзаголовков и лидов, что составляет перспективу для дальнейших изысканий. Наконец, ограниченная пилотная выборка (10 заголовков) репрезентативна не для статистических обобщений, а для выявления базовых лингвопрагматических механизмов провокации.

Основная часть

Как правило, знакомство со статьей начинается с заголовка, и, собственно, ему отдается решающая роль, которая влияет на выбор читателя, а именно стоит ли ему читать статью полностью или нет. В условиях информационной перегрузки заголовок выступает своеобразным «фильтром», за доли секунды задающим вектор восприятия всего последующего материала. Именно такая черта заголовка, как массовость, является его ключевой характеристикой, которая потенциально делает его опасным, поскольку определенным образом составленный заголовок может существенным образом повлиять на мнение большинства. Иными словами, аудитория, не имеющая времени или желания критически осмысливать каждую новость, часто доверяет заголовочной формулировке, что создает благодатную почву для распространения искаженных представлений.

Массовый характер заголовков СМИ (особенно крупных) может играть как решающую, так и эпизодическую роль в событиях, которые их сопровождают: «Масса всегда готова занять первенствующее место именно в нестабильном, революционном, кризисном социуме или в постоянно обновляющемся обществе» [9, с. 22]. Данное утверждение особенно актуально для периодов социальной турбулентности, когда привычные смысловые ориентиры размыты, и любое резкое заголовочное заявление может стать катализатором коллективных действий. В то же время Д.В. Кузнецов считает, что «Основой массового сознания является экономическая, политическая,

культурная деятельность людей, поэтому влияние оказывается, прежде всего, через средства массовой информации» [6, с. 58].

На основании данных тезисов можно сделать вывод о том, что масс-медиа не только обеспечивает информирование населения о важных событиях в мире и в регионе, но и также оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения. Причем это влияние становится наиболее действенным именно тогда, когда читатель не осознает внешнего воздействия, принимая навязанные заголовком оценки за собственные умозаключения.

Лингвистическая манипуляция и скрытое влияние уже давно являются предметом изучения в лингвистике. На сегодняшний день накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, позволяющий системно описывать речевые приемы скрытого управления адресатом. К примеру, А.Х. Ашрапова и др. осуществляют сравнительный анализ определений понятия «речевая манипуляция» в отечественной и зарубежной лингвистике. Авторы стремятся разделить термины «манипуляция», «убеждение», «суггестия», «информативное воздействие» и «языковая демагогия», выявляя ключевые признаки манипулятивного дискурса: скрытую интенциональность адресанта и неосознаваемый характер воздействия на реципиента [1]. Такое разграничение необходимо для корректной идентификации именно манипулятивных тактик, поскольку в реальной медиапрактике они часто маскируются под убеждение или информирование. А.С. Акопова рассматривает аспекты речевой манипуляции через теорию речевых актов, а также базирует свои исследования на невербальных средствах, служащих для того, чтобы слушатель изменил свое мнение. Она приводит собственную классификацию видов манипуляции и описывает, как языковые средства могут изменять картину мира адресата [15]. В свою очередь, применение теории речевых актов к заголовочному дискурсу позволяет установить, какие именно иллокутивные цели (предупреждение, угроза, обещание, провокация) реализуются в конкретной новостной публикации. А.Г. Гурочкина описывает такие манипулятивные технологии, как искажение информации, утаивание, имплицитная подача, выбор способа и времени сообщения. Особое внимание уделяется языковым средствам манипуляции на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях, а также тропам (метафора, метонимия, гипербола) как эффективным инструментам воздействия [4]. Использование указанных тропов в заголовках, как правило, усиливает эмоциональный отклик, снижая при этом критичность восприятия содержания новости. Принципы исследования «манипулятивного» дискурса в лингвистике изучает М.И. Парасуцкая. В ее работе предлагается исследовать реальные коммуникативные ситуации, учитывая параметры искренности/неискренности и возможность выбора реципиента [10]. Такой подход особенно ценен для анализа комментаторских реакций, поскольку позволяет оценить, насколько реципиент был свободен в своем ответе или же действовал под влиянием заголовочной рамки. Т. ван Дейк рассматривает манипуляцию как элемент дискурса и в основу исследования кладет идею поляризации и предубеждения среди участников дискурса. Его концепция социально-когнитивного подхода объясняет, почему одни и те же заголовочные приемы по-разному воспринимаются разными социальными группами, углубляя имеющиеся расколы [16]. Среди более новых работ можно отметить статью О.В. Рябухи и Д.Л. Шлопаковой, которые рассматривают манипуляцию на материале медиатекстов. Авторы анализируют, как фрейминг, концептуальные метафоры и пресуппозиции влияют на когнитивную обработку информации читателем, формируя предвзятые интерпретации событий и управляя вниманием аудитории [11]. Непосредственно лингвопрагматическая составляющая интернет-комментариев

анализируется В.В. Катерминой и Б.Г. Вульфовичем в работе «Лингвопрагматический потенциал политического интернет-дискурса», результаты которой явились базисом для данной статьи [5]. Исследование демонстрирует, как комментарии, будучи реакцией на медийный контент (в т.ч. заголовки), становятся мощным инструментом анализа в интернет-лингвистике.

Методология исследования реализации речевой агрессии в жанре интернет-комментария в социальных сетях, предложенная в статье С.Н. Бредихина и др. [2], также является опорной для проведения нашего исследования.

Таким образом, изучение основ манипулирования в лингвистике является актуальным предметом на сегодняшний день, о чем свидетельствует достаточно большое количество разноплановых научных трудов в данной области. При этом большая часть исследований сосредоточена либо на политическом дискурсе в целом, либо на рекламе, тогда как анализ именно новостных заголовков как самостоятельного манипулятивного жанра остается востребованной, но еще не полностью разработанной зоной.

Поскольку наше исследование посвящено выявлению манипулятивных лингвистических средств непосредственно в заголовках, то следует также отметить обширное количество работ в данной области. Безусловно, до появления Интернета газетный заголовок имел подлинно информативную функцию, о чем мы можем узнать из определения И.Р. Гальперина, который характеризует заголовок следующим образом: «название, дающееся новостям или статье, является неотъемлемой частью газетного текста. Основные функции газетного заголовка — краткое информирование читателя о тексте, следующем за ним и привлечение наибольшего количества читателей, иными словами, обеспечить нормальное функционирование самой газеты» [3]. В эпоху цифровых медиа эта классическая схема претерпела радикальные изменения: привлечение читателя стало самоцелью, зачастую в ущерб точности информирования.

Как можно заключить из данного определения, изначально газетный заголовок имел непосредственно номинативную и информативную функции, поскольку его задачей было дать описание того, о чем написано в данной статье. Однако в современных онлайн-СМИ заголовок нередко выполняет прямо противоположную задачу — интриговать, недоговаривать, провоцировать, чтобы пользователь совершил клик, а не получил исчерпывающее представление о содержании.

В эволюционном процессе изучения структуры и функций заголовков предпринимались различные попытки категоризации и структуризации заголовков с точки зрения их функций и особенностей [7; 12; 14; 13 и др.]. На сегодняшний день ученые уже определенно сходятся во мнении, что заголовок обладает не только информативной функцией, но и многими другими, что делает его комплексным явлением. Среди этих дополнительных функций особенно выделяется фатическая (контактоустанавливающая), которая напрямую работает на вовлечение читателя в диалог, в том числе — в конфликтный диалог в комментариях. Например, Э.А. Лазарева отмечает его следующие функции: номинативная, информативная, графически-выделительная, оценочно-экспрессивная, рекламная, композиционная, интегративная [8, с. 18]. К этому перечню современные исследователи добавляют также прагматическую функцию, подразумевающую способность заголовка инициировать определенные действия читателя (переход по ссылке, написание комментария, репост), и конфликтогенную функцию, связанную с намеренным созданием напряжения в дискуссии.

Таким образом, мы можем отметить, что подходы к изучению заголовков эволюционируют и развиваются вместе с увеличением их функций, что свидетельствует об актуальности дальнейшего изучения функционирования заголовков с точки зрения

лингвопрагматики. Особого внимания заслуживает интегративный анализ того, как конкретные языковые механизмы провокации, заложенные в заголовке, транслируются впоследствии в структуру и тональность читательских комментариев, — именно эта связь остается пока наименее изученным звеном в цепочке «заголовок — восприятие — реакция».

В современной медиалингвистике необходимо четко разграничивать понятия «кликбейт» и «конфликтогенный заголовок», которые часто синтезируются, но имеют разные прагматические цели. Если прагматика кликбейта направлена на максимизацию перехода по ссылке за счет интриги, недосказанности и разрыва шаблона, то цель конфликтогенного заголовка — повышение вовлеченности через поляризацию аудитории, активацию эмоциональных триггеров и навязывание пресуппозиций. Таким образом, конфликтогенность может выступать как самостоятельная стратегия удержания внимания в социальных сетях, так и как составной элемент «кликбейта».

Рассмотрим некоторые заголовки СМИ, на основе которых существует большая вероятность возникновения конфликтов в комментариях к ним.

1. *Песков ответил на угрозы Литвы напасть на Калининград.*

С точки зрения теории речевых актов данный заголовок представляет собой ассертив в комбинации с экспрессивом. Они выражены посредством фиксации реакции («ответил на угрозы»), а затем имплицитной оценкой угрозы как необоснованной. С точки зрения провокативности содержимого заголовка можно отметить «кликбейт», поскольку в источнике сообщается, что «при необходимости у НАТО есть возможности для нанесения удара по российским военным объектам в Калининграде и уничтожения размещенных там установок ПВО и ракетных комплексов», т.е. прямой угрозы о нападении со стороны Литвы не было. На лингвистическом уровне манипулирование осуществляется через лексему «угрозы», которая несет негативную оценку, а глагол «напасть» усиливает ситуацию. На основе данного заголовка в комментариях следует ожидать каких-либо провокационных обсуждений или же обсуждений от тех, кто не прочитал оригинальную статью или же находится в состоянии неосведомленности о текущей политической повестке.

2. *В Польше задержали трех «шпионов ФСБ».*

Данный заголовок обладает большой степенью имплицитности. Прежде всего следует отметить использование кавычек на пунктуационном уровне. С одной стороны, они создают эффект дистанцирования или иронии — читатель сам интерпретирует степень доверия к формулировке. С другой стороны, кавычки могут также указывать на то, что задержанные могут на самом деле и не быть шпионами, т.е. выражается сомнение в их причастности. Отчасти это так, поскольку в источнике указано, что их только задержали и выдвинули обвинения, но еще без доказательной базы. Другим имплицитным фактором является тот факт, что в статье не указаны имена потенциальных шпионов — это является нулевой персонализацией, что способствует генерализации образа «российского агента». На основе этого заголовка в комментариях может возникнуть широкий круг обсуждений слухов, которые существуют вокруг российских спецслужб, которые с большой долей вероятности будут далеки от реальности, но тем не менее могут пробудить немалое количество споров среди дезинформированных людей, участвующих в полемике.

3. *Война с Ираном приказала долго ждать*.

В основе данного заголовка находится идиома «приказать долго ждать», которая по своему значению является эвфемизмом смерти. В данном контексте она выполняет функцию отмены или отсрочки конфликта. Учитывая пресуппозицию, что ранее война с Ираном воспринималась как неизбежная, в этом заголовке данная мысль подается с

долей скепсиса или усталости от милитаристской риторики. С позиции теории речевых актов рассматриваемый заголовок является ассертивом с элементами экспрессива (облегчение, ирония). Поскольку данная новость опубликована в контексте откладывания удара по Ирану со стороны США, в комментариях ожидается появление негативной риторики в отношении США, которые выстраивают свою военную политику без понимания возможных последствий для других стран.

4. *Инфицированные путешествовали и посещали похороны как минимум месяц*.

Заголовок представляет собой имплицитную антитезу, при этом мы наблюдаем следующие противопоставления: инфицированные — путешествуют; инфицированные — на похоронах. Ирония заголовка заключается в том, что инфицированные посещали похороны, что с моральной стороны осуждается (поскольку похороны — место повышенного риска), но вместе с тем подразумевается мысль о том, что похороны в то же время ближе к ним в силу того, что они инфицированы. Дейксис данного заголовка также имплицитный — не указано, кто именно инфицирован и чем — создается эффект обобщенной угрозы и для того, чтобы узнать детали, необходимо начать читать статью. После того, как мир был потрясен эпидемией COVID-19, любая подобная новость о халатности в отношении других вирусов может быть воспринята негативно и болезненно в обществе, что, безусловно, найдет отражение в негативной полемике в комментариях, а лингвистические приемы, используемые в заголовке, будут этому способствовать.

5. *Политики пускают заразу по всему миру*.

Тонкая структура данного заголовка придает ему одновременно имплицитные значения. Прежде всего, пресуппозиция: политики сознательно распространяют опасность (отсылка к теории заговора как фоновому процессу). Сильная негативная коннотация разговорной фразы «пускать заразу» усиливает данный смысл, а в метафорическом смысле дегуманизирует политиков; при этом прослеживается манипуляция при обобщении («политики»), поскольку без уточнения она создает образ коллективной вины. С позиции речевых актов данный заголовок представляет собой экспрессив (осуждение) в совокупности с директивом (имплицитный призыв к ответственности), что также усиливает негативный эффект от заголовка. На основании всех приведенных лингвопрагматических особенностей данного заголовка в комментариях можно ожидать негативной реакции в отношении властей, о том, что «заразой» являются они (благодаря метафоре эта мысль имплицитно транслируется), а также о бездействии политиков в контексте потенциального распространения вируса.

6. *Без домашних нет бездомных*.

Основным элементом данного заголовка является антитеза, выраженная на морфемном уровне — корень «дом»: игра с ассоциацией данного корня с местом уюта создает ложную логическую связь. На самом деле под лингвистической игрой слов скрывается манипуляция — сложная социальная проблема упрощается. С позиции теории речевых актов это ассертив с элементами провокации, который имплицитно подразумевает, что владение питомцами коррелирует с проблемой бездомных животных (в некотором роде спорная причинно-следственная связь). Поскольку в основе статьи лежит время от времени важный социальный аспект — баланс между бездомными и домашними животными в обществе, в комментариях может возникнуть негативная полемика между зоозащитниками и людьми, которые выступают против бездомных животных и предлагают негуманные методы решения данной проблемы.

7. *Ленинградская деревня добивается несносности в высшем суде*.

Несмотря на то, что на основе данного заголовка невозможно предположить, о чем пойдет речь в оригинальной статье (остановка сноса оформленного дома в

охранной зоне), он, тем не менее, представляет интерес с лингвопрагматической точки зрения и определенно является кликбейтом. Прежде всего можно отметить противопоставление «деревня — высший суд», которое является в некоторой степени ироничным, поскольку небольшая деревня, а именно ее представители, решили выйти в «большой» суд. Метонимия здесь также способствует ироничному эффекту («маленький человек» идет против системы), а лексема «несносность» как намеренное искажение нормы «неприкосновенность» усиливает данный эффект. Пресуппозиция данного заголовка заключается в том, что судебная система, которая должна защищать интересы граждан, по сути является инструментом давления («добиваться» защиты от того органа, который обязан ее обеспечивать, также звучит иронично). Данные примеры иронии способствуют снижению официальной стилистической окраски заголовка, сближая его с читателем. В комментариях может возникнуть осуждающая полемика в отношении властей, судебной системы и позиции обычных граждан перед органами власти.

8. *Молодость все скостит*.

Данный заголовок является «кликбейтом», поскольку из-за использования жаргонизма «скостит» создается ложное ощущение того, что молодежь может безнаказанно совершать какие-либо деяния, и ей все сойдет с рук. Пресуппозицией заголовка является несправедливость и двойные стандарты правосудия. Подобный заголовок может привлечь комментаторов, которые выступают против каких-либо послаблений наказаний против молодежи за совершенные ими деяния, однако подача здесь размыта, содержание статьи не соответствует заголовку. Такой «кликбейтный» заголовок используется для привлечения просмотров и в дальнейшем может быть также подвергнут критике в комментариях как дезинформирующий.

9. *Ставропольский судья не ушел от верховного.*

Рассматриваемый нами заголовок касается судебной системы. С одной стороны, его манипулятивное свойство заключается в том, что эвфемистическая формулировка делает заголовок «безопасным». С другой стороны — разговорная лексема «ушел» может означать как «не избежал решения», так и «остался под влиянием». На основе этого можно сделать вывод, что данный заголовок либо подтверждает непрозрачность судебной системы и зависимость от вышестоящих инстанций, либо, наоборот, указывает на то, что возможно этому судье все сойдет с рук. Вышеупомянутый ставропольский судья обвиняется в получении взятки, более того, незадолго от этого он вышел в отставку по собственному желанию, что, безусловно, не могло не стать ключевым фактором для формирования двойственной и противоречивой риторики в комментариях под данным постом.

10. *СК Армении обвинил племянника Карапетяна в сокрытии иностранного гражданства.*

Данный заголовок отличается употреблением фамилии человека, который является представителем политической элиты, что имплицитно намекает на системную проблему в армянской власти. Ключевые лексемы здесь — «обвинил» и «племянник». Первое непосредственно связано с пресуппозицией заголовка, поскольку сокрытие гражданства — это правонарушение, требующее расследования. С другой стороны, упоминание родственной связи усиливает эмоциональный отклик через ассоциацию с непотизмом. В качестве реакции на данный заголовок в комментариях можно будет ожидать негативной полемики в отношении как родственных связей в политической элите, так и в форме конкретного критического обсуждения, связанного с ситуацией национального вопроса.

Заключение

Мы рассмотрели 10 новостных заголовков, которые потенциально с точки зрения лингвопрагматики составлены таким образом, что могут провоцировать конфликтную полемику в комментариях к ним.

Среди основных прагмалингвистических средств, которые способствовали данной роли заголовков, можно выделить следующие (табл. 1).

Таблица 1. Основные лингвопрагматические приемы, используемые для создания потенциальных конфликтов в комментариях

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА	ОПИСАНИЕ	ЦЕЛЬ
Конфликтогенная номинация	«Угрозы», «шпионы». «зараза», «провокации»	Активация эмоционального отклика, поляризация аудитории
Пресуппозиционное навязывание	Все заголовки с ярко выраженной пресуппозицией	Внедрение в сознание читателя спорных допущений как фактов
Эвфемизация	Заголовок 9	Смягчение или усиление оценки в зависимости от коммуникативной задачи
Игра с двусмысленностью	Кавычки в заголовках, двойственность смысла заголовка	Создание пространства для интерпретации и домысливания, удержание внимания
Генерализация и обезличивание	«Политики», «инфицированные»	Переход от частного к общему, формирование стереотипов.
Ирония и игра слов	Заголовки 2, 3, 7	Сближение с аудиторией, снижение пафоса, маскировка критики

Таким образом, прагматическая доминанта большинства заголовков не информирование, а воздействие: формирование оценки, активация эмоций, провокация дискуссии. Конфликтогенность достигается за счет: использования оценочной лексики с сильной коннотацией; навязывания пресуппозиций, не требующих доказательства; фрейминга событий через оппозиции («свой» — «чужой», «жертва — агрессор»). Манипулятивный потенциал достигается при сочетании неопределенного субъекта действия («обвинили», «задержали») наряду с конкретизацией деталей («трех»), что создает иллюзию объективности, оставляя при этом пространство для свободной интерпретации. Лингвистическая креативность (идиомы, каламбуры) служит не только эстетической цели, но и прагматической: повышает запоминаемость и виральность заголовка.

На основе полученных результатов представляется возможным выделить закономерности, которые позволят читателю выявлять конфликтогенные триггеры. Для практического распознавания манипулятивных заголовков предлагаем следующий алгоритм лингвопрагматической проверки:

1. Проверка на пресуппозиционную ложь: содержит ли заголовок навязанные допущения, не являющиеся общеизвестными фактами (например, «ответил на угрозы» при отсутствии прямого заявления об угрозе).

2. Поиск маркеров генерализации и обезличивания: наличие обобщенных субъектов («политики», «инфицированные»), способствующих формированию стереотипов и коллективной вины.

3. Оценка эмоциональной коннотации и тропов: использование эвфемизмов, иронии или разговорных жаргонизмов («скостит», «зараза»), снижающих критичность восприятия и маскирующих оценочность.

4. Анализ пунктуационных маркеров дистанцирования: наличие кавычек, сигнализирующих об иронии автора или сомнении в фактах, что перекладывает ответственность за интерпретацию на читателя.

Применение данного алгоритма способствует формированию критического мышления и предотвращает неосознанное участие аудитории в деструктивных сетевых конфликтах, спровоцированных медиа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашрапова А.Х. Языковая манипуляция в трудах отечественных и зарубежных ученых: теоретические вопросы терминологии / А.Х. Ашрапова, Э.Р. Йылмаз, И.С. Мавляутдинов, Л.И. Манькова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. —2022. — Т. 15, № 9. — С. 2771–2778. — DOI: 10.30853/phil20220493.
2. Бредихин С.Н. Реализация речевой агрессии в жанре интернет-комментария в социальных сетях фронтирных регионов: речеактовая стратификация, лексическое наполнение и тематическая направленность / С.Н. Бредихин, Е.А. Авдеев, С.М. Воробьев // Жанры речи. — 2025. — Т. 20, № 3(47). С. 337–350. — DOI: 10.46539/gmd.v6i4.526.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — М.: УРСС, 2004. — 117 с.
4. Гурочкина А.Г. Манипулирование в лингвистике / А.Г. Гурочкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2003. — № 5. — С. 136–141.
5. Катермина В.В. Лингвопрагматический потенциал политического интернет-дискурса / В.В. Катермина, Б.Г. Вульфович // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. —2019. — № 2. — С. 19–26. — DOI: 10.29025/2079-6021-2019-2-19-26.
6. Кузнецов Д.В. Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания / Д.В. Кузнецов // Философия и общество. — 2004. — № 3. — С. 52–71.
7. Кулаков А.Н. Заголовок и его оформление в газете: учеб. пособие / А.Н. Кулаков. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. — 118 с.
8. Лазарева Э.А. Заголовок в газете / Э.А. Лазарева. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, —1989. — 94 с.
9. Михайлов В.А. Массовое сознание и средства массовой информации / В.А. Михайлов, О.В. Скудалова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. — 2013. — № 4. — С. 20–29.
10. Парасуцкая М.И. Манипуляция и «манипулятивный дискурс» в лингвистике: принципы исследования / М.И. Парасуцкая // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. —2011. — № 2. — С. 124–129.
11. Рябуха О.В Лингвокогнитивные средства манипуляции в англоязычных медиатекстах / О.В. Рябуха, Д.Л. Шлопакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. —Т. 15, Вып. 6. — С. 1940–1947. — DOI: 10.30853/phil20220307
12. Сабинина Е.А. Коммуникативная функция газетного заголовка (на материале арабской и российской прессы) / Е.А. Сабинина: дис. … канд. филол. наук. — Москва, 2017. — 135 с.
13. Тертычный А.А. Заголовок — слово главное / А.А. Тертычный // Журналист. — 2000. № 3. С. 3–9.
14. Шостак М.И. Репортер: профессионализм и этика / М.И. Шостак. — Москва, 2001. — 137 с.
15. Akopova A.S. Linguistic Manipulation: Definition and Types / A.S. Akopova // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. — 2010. — Vol. 1, № 2. — P. 78–82.
16. Van Dijk T.A. Discourse and Manipulation / T.A. Van Dijk // Discourse & Society. 2006. Vol. 17, № 2. P. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Песков ответил на угрозы Литвы напасть на Калининград [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8673389 (дата обращения: 21.05.2026).
18. В Польше задержали трех «шпионов ФСБ» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8673480 (дата обращения: 21.05.2026).

19. Война с Ираном приказала долго ждать [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8672917 (дата обращения: 21.05.2026).
20. «Инфицированные путешествовали и посещали похороны как минимум месяц» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8672739 (дата обращения: 21.05.2026).
21. Политики пускают заразу по миру [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 21.05.2026).
22. Без домашних нет бездомных [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8672273 (дата обращения: 21.05.2026).
23. Ленинградская деревня добивается несносности в высшем суде [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8672215 (дата обращения: 21.05.2026).
24. Молодость все скостит [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8672202 (дата обращения: 21.05.2026).
25. Ставропольский судья не ушел от верховного [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8673097 (дата обращения: 21.05.2026).
26. СК Армении обвинил племянника Карапетяна в сокрытии иностранного гражданства [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 21.05.2026).

REFERENCES

1. Ashrapova, A. Kh., Yilmaz, E. R., Mavlyautdinov, I. S., & Man'kova, L. I. (2022). Yazykovaya manipulyatsiya v trudakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh: teoreticheskie voprosy terminologii [Language manipulation in the works of domestic and foreign scientists: Theoretical issues of terminology]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 15(9), 2771–2778. https://doi.org/10.30853/phil20220493 (In Russian).
2. Bredikhin, S. N., Avdeev, E. A., & Vorob'ev, S. M. (2025). Realizatsiya rechevoi agressii v zhanre internet-kommentariya v sotsial'nykh setyakh frontirnykh regionov: recheaktovaya stratifikatsiya, leksicheskoe napolnenie i tematicheskaya napravlennost' [Realization of speech aggression in the genre of internet commentary in social networks of frontier regions: Speech act stratification, lexical content and thematic focus]. Zhanry rechi [Speech Genres], 20(3), 337–350. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.526 (In Russian).
3. Gal'perin, I. R. (2004). Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. URSS Publ. (In Russian).
4. Gurochkina, A. G. (2003). Manipulirovanie v lingvistike [Manipulation in linguistics]. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], (5), 136–141. (In Russian).
5. Katermina, V. V., & Vul'fovich, B. G. (2019). Lingvopragmaticheskii potentsial politicheskogo internet-diskursa [Linguopragmatic potential of political internet discourse]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], (2), 19–26. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-2-19-26 (In Russian).
6. Kuznetsov, D. V. (2004). Rol' sovremennykh kommunikatsii v formirovanii massovogo soznaniya [The role of modern communications in the formation of mass consciousness]. Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society], (3), 52–71. (In Russian).
7. Kulakov, A. N. (1982). Zagolovok i ego oformlenie v gazete: ucheb. posobie [Headline and its design in a newspaper: Textbook]. Leningrad State University Publ. (In Russian).
8. Lazareva, E. A. (1989). Zagolovok v gazete [Headline in a newspaper]. Ural University Publ. (In Russian).
9. Mikhailov, V. A., & Skudalova, O. V. (2013). Massovoe soznanie i sredstva massovoi informatsii [Mass consciousness and mass media]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], (4), 20–29. (In Russian).
10. Parasutskaya, M. I. (2011). Manipulyatsiya i «manipulyativnyi diskurs» v lingvistike: printsipy issledovaniya [Manipulation and "manipulative discourse" in linguistics: Principles of research]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], (2), 124–129. (In Russian).
11. Ryabukha, O. V., & Shlopakova, D. L. (2022). Lingvokognitivnye sredstva manipulyatsii v angloyazychnykh mediatekstakh [Linguocognitive means of manipulation in English media texts]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 15(6), 1940–1947. https://doi.org/10.30853/phil20220307 (In Russian).

12. Sabinina, E. A. (2017). Kommunikativnaya funktsiya gazetnogo zagolovka (na materiale arabskoi i rossiiskoi pressy) [Communicative function of a newspaper headline (on the material of Arabic and Russian press)] (Unpublished candidate's dissertation). Moscow. (In Russian).
13. Tertychnyi, A. A. (2000). Zagolovok — slovo glavnoe [The headline — the main word]. Zhurnalist [Journalist], (3), 3–9. (In Russian).
14. Shostak, M. I. (2001). Reporter: professionalizm i etika [Reporter: Professionalism and ethics]. Moscow. (In Russian).
15. Akopova, A. S. (2010). Linguistic manipulation: Definition and types. International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education, 1(2), 78–82. (In English).
16. Van Dijk, T. A. (2006). Discourse and manipulation. Discourse & Society, 17(2), 359–383. https://doi.org/10.1177/0957926506060250 (In English).

Поступила в редакцию 02.06.2026 г.

LINGUISTIC MECHANISMS OF PROVOCATION IN MODERN MEDIA HEADLINES: PRAGMATIC MODELING OF CONFLICT POTENTIAL IN NEWS PUBLICATIONS

B.G. Vulfovich

The research deals with identifying destructive patterns in headline complexes of Russian print and online media. In the modern media environment, news headlines have been transformed from a mere layout element into an independent tool for capturing the audience attention. It has been assumed that it is the headline that immediately catches the reader's attention, shaping not only the initial impression of the material but often the sustainable attitude toward the event in question. The cases of "clickbait" expressions have been traced, with their nature being analysed in terms of pragmalinguistics. The identified linguistic triggers enable to model the reader's reaction and the potential conflict polemic. The study results can serve both as material for researchers in the fields of media linguistics and the sociology of journalism, and as a practical guide for editors and content managers seeking to balance content appeal with professional responsibility.

Key words: online conflict, mass media, comment, headline, clickbait, media linguistics.

Вульфович Борис Григорьевич.
Кандидат филологических наук.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар.
Доцент кафедры английской филологии.
ORCID 0000-0002-7358-9819.
E-mail: justb8888@gmail.com

Vulfovich Boris Grigorievich.
Candidate of Philology.
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.
Associate Professor of English Philology Department.
ORCID 0000-0002-7358-9819.
E-mail: justb8888@gmail.com

Научная статья
УДК 81,25: 811.133.1
DOI: 10.5281/zenodo.22057026

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА M. LEROYER «UNE VIE DE PINTADE A MOSCOU»)

© 2026 *Н.В. Захарова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный университет им Н.П. Огарёва»
ORCID 0000-0002-01443-503

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается специфика раскрытия женских образов в романе французской журналистки Мадлен Леруайе «Une vie de pintade à Moscou», а также проблема их репрезентации в переводе на русский язык. На основании материалов исследования выделяются доминантные стилистические средства, ответственные за создание образа современной русской женщины, а также влияющие на восприятие читателя и его эмоциональную оценку персонажей. Цель данной статьи — выявление парадигмы образоформирующих стилистических средств в процессе вторичной вербализации. Методологическая основа включает дискурсивный, квантитативный, структурнописательный анализ. Проведен также лингвопереводческий анализ, позволивший определить смысловой способ перевода в качестве ведущего в данном случае, кроме того, описаны наиболее продуктивные переводческие приемы и трансформации, такие как: модуляция, добавление, замены на морфологическом и лексическом уровнях, синтаксические перестановки и экспликация.

Ключевые слова: женский образ, стилистические приемы, средства выразительности, техники перевода.

Для цитирования: Захарова Н.В. Репрезентация женских образов в аспекте перевода (на материале романа M. Leroyer «Une vie de pintade à Moscou») / Н.В. Захарова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 71–81. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22057026.

Введение. Литературный образ — это художественный прием, позволяющий писателю выразить свои мысли и чувства, раскрыть характер персонажа через детали, внешность и другие средства. Примечательно, что литературный образ является важным элементом не только для словесного творчества, но и для разных жанров искусства, являясь отражением действительности и обладая «своеобразием и многообразием средств его создания» [10, с. 52], а, следовательно, индивидуальностью и уникальной лингвистической ценностью.

Одной из первых работ, посвященных художественной образности является работа А.А. Потебни, в которой автор подчеркивал важность лингвистического изучения данного явления [11]. С позиции лингвистики текста образ в литературе изучался позднее в работах Б.М. Гаспарова [3], Н.А. Илюхиной [5], В.Н. Кардапольцевой [7], Н.А. Карачевой [6], Е.Н. Карташовой [8] и др. Любопытными представляются исследования палитры средств создания образности, например, сквозь призму функционирования одоризмов, способных привносить в текст «дополнительные кодирующие смыслы» [2, с. 78], аллюзивности как особого приема интертекстуальности [12].

Отметим отдельно, что художественная образность не существует в изоляции, она обретает свою полноту лишь в прагматическом взаимодействии с читателем. Роль читателя в этом процессе представляет собой не пассивное потребление информации, а активное сотрудничество, в ходе которого «происходит знакомство с мировосприятием

и мировоззрением носителей других языков» [1, с. 131]. Читая текст, мы не просто принимаем предложенные автором образы, а воспринимаем их сквозь призму собственного опыта, знаний и представлений. Важно не только увидеть героя, но и понять его мотивы, эмоции, которые он испытывает, ценности, которыми он руководствуется. Читатель должен прочувствовать характер героя, его сильные и слабые стороны, его внутренние конфликты, т.е. увидеть транслируемую автором картину бытия, вербализованную при помощи ряда средств художественной композиции.

Женские образы примечательны тем, что в современном мире они постоянно трансформируются, изменяются под воздействием социально-культурных событий и движений. **Актуальность** настоящего исследования обуславливается непостоянностью женских образов, проследить специфику которых особенно любопытно сквозь призму взгляда другой женщины, принадлежащей иной лингвокультуре, иным реалиям. Действительно, «именно диалог, взаимодействие культур позволяет лучше узнать своеобразие не только другой культуры, но и своей» [4, с. 33]. **Цель** данной статьи — выявление парадигмы образоформирующих стилистических средств в процессе вторичной вербализации.

Таким образом, анализируя теоретическую базу художественного образа, мы можем сформулировать свое определение: образность как элемент языкового сознания — многогранное понятие, которое находится на стыке филологии, социолингвистики, лингвистики текста, переводоведения. К главным характеристикам образа можно отнести реальность, индивидуальность, эстетичность и символизм.

Материалы и методы исследования. Материалом для написания данной статьи послужил роман французской журналистки, корреспондента крупных СМИ Мадлен Леруайе «Une vie de pintade à Moscou», а также его перевод на русский язык «Москва глазами женщин», выполненный Н. Озерской. В романе рассказываются увлекательные истории о русских женщинах и России в целом, разбиваются распространенные за границей социокультурные стереотипы. Книга интересна тем, что Мадлен Леруайе — француженка, которая работала в Москве с 2008 года. За время своего пребывания в России она кардинально изменила свое представление о социально-гендерном устройстве современного русского общества.

Эта книга также представляет собой любопытное противостояние между феминизмом французского общества и русской женственностью, идущее вразрез со всеми известными феминистскими ориентирами.

В ходе исследования были использованы **методы** сплошной выборки, дискурсивного, квантитативного, переводческого анализа, а также структурно-описательный метод.

Основная часть. В ходе проведенного анализа были выявлены доминантные лингвистические средства формирования образа современной русской женщины в исследуемом романе, а также определены переводческие приемы и трансформации их передачи на русский язык по классификации В.Н. Комиссарова [9]. Как показал анализ, продуктивные языковые средства вполне логично распределить по следующим семантическим полям: *внешний портрет; психологический портрет, характер через описание поступков; авторская оценка персонажей; окружение и социальная среда*. Оговоримся, что количественное наполнение выделенных семантических полей неодинаково. Наиболее объемным является семантическое поле описания внешнего портрета, детальным лингво-переводческим анализом которого мы и ограничимся в данной статье.

Внешний портрет русской женщины

Внешнему облику женщин автор уделяет особое внимание и подробно описывает внешние черты лица, фигуры, одежды, что мы наблюдаем в следующем фрагменте, раскрывающем образ дерзкой и ультрамодной Саши — мастера по стрижкам.

***Jean moulant, cuissardes**, Sacha…* [13, с. 21] — *Обтягивающие джинсы, высокие сапоги, Саша…* [14, с. 20];

*En jupe longue et débardeur, la **jolie** blonde aux yeux **verts**…* [13, с. 27] — *Хорошенькая зеленоглазая блондинка в длинной юбке и футболке без рукавов…* [14, с. 27].

В этих примерах представлены дерзкие и яркие образы двух молодых девушек, которые автор передает при помощи маркированной лексики, описывая внешние черты лица и предметы одежды. Также автор использует множество определений, таких, как *jolie, verts, blonde.*

При переводе используется прием подбора **лексического соответствия**. Переводчик подбирает прямые эквиваленты для слов *обтягивающие джинсы — jean moulant* и *высокие сапоги — cuissardes*. Оба фрагмента в переводе сохраняют свою конкретность и визуальную образность. Также при передаче имени Саша и Sacha автор при помощи **транслитерации** сохраняет аутентичное звучание, что позволяет сохранить этнокультурную идентичность героини.

Во втором примере присутствует **синтаксическая перестановка**. Переводчица изменила порядок слов, что делает конструкцию, по ее мнению, более естественной для языка перевода. Например, в оригинале на первом месте мы видим описание одежды, а в переводе акцент смещается на внешность, что вносит разнообразие в структуру предложения. Как и в предыдущем примере автор использует словарные соответствия такие, как *хорошенькая — jolie*. При этом переводчик выбирает уменьшительно-ласкательную форму прилагательного, которое обладает большей узуальностью в русском языке.

*… je suis accueillie par **deux superbes fesses, polies aux UV, fermes et charnues** juste ce qu'il faut, à demi habillées **d'un shorty bleu ultra-échancré**… Ruisselante de sueur, la **prof**, Tania, **brindille blonde platine en microbrassière, minishort et maxigenouillères**…* [13, с. 38] — *… меня встретили две девицы в невероятно узких голубых мини-шортах, с невероятно красивыми ягодицами, отполированными в лучах UV, крепкими, упругими, достаточно упитанными… Мокрая от пота преподавательница Таня, тоненькая, как тростинка, платиновая блондинка в спортивном бюстгальтере, мини-шортах и огромных наколенниках…* [14, с. 41].

В данном примере автор использует **метонимию** с гиперболой *superbes fesses*, благодаря которым мы понимаем, что девушки обладают прекрасной фигурой. Дополняют образ двух девушек **метафоры** *polies aux UV, fermes et charnues*, которые дают нам возможность более детально представить образы. В следующем фрагменте автор использует разговорную апокопу *la prof,* демонстрируя социальный и профессиональный статус героини, а также использует маркированную лексику, описывая предметы одежды.

В переводной версии мы констатируем наличие **калькирования** *полированные в лучах UV — polies aux UV,* **лексических замен на основе метонимического переноса**, в частности, лексема девицы используется в качестве метонимической замены слова *fesses — ягодицы.*

Портретная характеристика внешности прослеживается в следующих примерах: ***Peau de bébé, lèvres carmin**, **lunettes à verres transparents**, Ksenia…Dacha, la mère de la susnommée Ksenia, **est un puits de science*** [13, с. 62–63] — *Ксения — младенческая нежная кожа, румяные губы, в очках авиатора с прозрачными стеклами… Даша, мать вышеназванной Ксении, источник мудрости и неисчерпаемый кладезь знаний народных способов лечения* [14, с. 67–68].

В этом фрагменте также присутствует детальное описание предметов одежды, аксессуаров, черт лица. В первом примере **сравнением** *peau de bébé* и эпитетом *lèvres carmin*, автор рисует образ молодой девочки, а затем использует **метафорический эпитет** *un puits de science*, представляя мать девочки как умную и мудрую женщину.

При переводе можем заметить **описательную конструкцию** французского высказывания *est un puits de science — источник мудрости и неисчерпаемый кладезь знаний*, что максимально эксплицирует исходное содержание и добавляет экспрессивности. Также используется **синонимическая замена**: слово *carmin* (красный, малиновый) заменяется более выразительным и поэтичным *румяные*, что сохраняет денотативное значение оригинального цветового оттенка, но добавляет коннотативную эмоционально-народную окраску. Переводчик Н. Озерская прибегает к лексическому приему **добавления** при переводе *lunettes à verres transparents — в очках авиатора с прозрачными стеклами*, что также дополнительно детализировало портретный образ героини. Эпитет *младенческая нежная кожа — peau de bébé* является переводом с использованием уже лексико-грамматических приемов — **перестановки**, **добавления** и **морфологической замены** конструкции сущ. + предлог на прилаг. + сущ.

Olga…déjà bronzée, les cheveux un peu défaits, ***la cinquantaine radieuse*** [13, с. 73] — *Ольга, пятидесятилетняя, излучающая жизнерадостность загорелая женщина, волосы слегка растрепаны…* [14, с. 79].

В данном примере автор использует оценочную лексику при уточнении возраста и описании черт лица и фигуры *la cinquantaine radieuse*.

В русском переводе присутствует **синтаксическая перестановка**: на первое место ставится относительное прилагательное *пятидесятилетняя, что* сразу рисует канву образа Ольги, который лишь дополняется дальнейшими деталями за счет **экспликации** исходного прилагательного *radieuse — излучающая жизнерадостность* и **калькирования** *déjà bronzée — уже загорелая*. В данном случае изменение структуры высказывания в очередной раз объясняется стремлением переводчика начать описание героини с главного, выражаемого здесь относительным прилагательным.

Следующий пример богат художественными приемами*: C'est alors que Mila, notre maîtresse geisha, fait son entrée avec une grâce infinie, sa longue robe blanche à rayures bleues flottant dans son sillage. Yeux en amande, pommettes hautes, lèvres parfaitement ourlées soulignées de vieux rose, cette liane blonde — naturelle, c'est suffisamment rare pour le noter - est la beauté sibérienne incarnée* [13, с. 104] — *… и в этот момент появляется Мила, наша гейша-преподавательница, грациозная красавица в длинном белом платье в голубую полоску, развевающемся на ходу. Миндалевидные глаза, высокие скулы, идеально подкрашенные неброской розовой помадой губы — натуральная блондинка является воплощением редкой сибирской красоты* [14, с. 113].

Первое, что обращает на себя внимание — это изобилие маркированной и положительно-оценочной лексики при описании одежды с детальной цветопередачей. М. Леруайе использует **синкретический эпитет** *une grâce infinie, yeux en amande* и **олицетворение** *cette liane blonde — naturelle*, а также **тавтологический эпитет** *la beauté sibérienne* с прилагательным *rare* свидетельствуют о неземной красоте девушки.

В переводе хочется отметить прием **модуляции** *cette liane blonde — naturelle, c'est suffisamment rare pour le noter — натуральная блондинка является воплощением редкой сибирской красоты*. В оригинале подчеркивается, что натуральная блондинка — это редкость, и это «достаточно редкое явление, чтобы его отметить». В русском варианте идея передана иначе, через утверждение: *является воплощением редкой сибирской красоты*. При описании лица обращает на себя внимание некоторая поэтичность оригинала за счет введения причастия в функции определения *ourlées — окаймленные* и метафоры *vieux rose,* которая была адекватно передана за счет **модуляции** *— неброской розовой помадой.*

…que la jolie brune au teint de porcelaine m'a alpaguée…Robe tunique en soie bleu profond, escarpins Marc by Marc Jacobs assortis, ongles courts laqués de rouge, elle est élégante – un peu ronde, et ça lui va très bien [13, с. 110] — *…хорошенькая брюнетка с фарфоровым личиком сразу же завладела мной…В платье-тунике насыщенного голубого цвета, в подходящих к*

нему лодочках марки Marc by Marc Jacobs, с ногтями, покрытыми красным лаком, она очень элегантна, хотя и несколько полновата, но ей это идет [14, с. 119].

В этом примере образ миловидной содержанки Насти складывается при помощи маркированной лексики через описание предметов одежды, цвета, формы и использованного материала. У Мадлен Леруайе мы видим **сравнение** *au teint de porcelaine* и **пояснительный эпитет** *la jolie brune*. Также автор добавляет контраст в описание, указывая на то, что полнота героини не мешает ей быть элегантной. Данный контраст помогает создать интересный образ и придает ему дополнительную сложность.

В переводе отметим использование **модуляций:** *teint de porcelaine — с фарфоровым личиком,* что несомненно сохраняет образность и добавляет поэтичности в русский текст, а также в следующем фрагменте: *elle est élégante — un peu ronde — она очень элегантна, хотя и несколько полновата*. Этот прием адекватно передает денотативное значение и по сути является эвфемизмом.

Muslima m'attend à la sortie du métro…Coquette, elle a revêtu un corsage blanc brodé sur sa jupe mi-longue et porte des sandales d'été à petits talons [13, с. 140] — *Муслима ждет меня на выходе из метро…Будучи кокеткой, к нашему свиданию она надела белую вышитую блузку и юбку длинной до середины икры, а на ногах у нее летние босоножки на небольшом каблуке* [14, с. 154]*;*

Cela fait huit ans que Muslima a abandonné son travail d'institutrice dans une école maternelle de Douchanbe, la capitale du Tadjikistan, pour venir travailler à Moscou. À 44 ans, les yeux cernés de bistre, la peau profondément ridée, et les cheveux teints en auburn pour cacher les mèches blanches, elle en paraît quinze de plus [13, с. 143] — *Восемь лет назад Муслима оставила работу воспитательницей в детском саду… и приехала работать в Москву. В свои 44 года, с темными кругами под глазами, с глубокими морщинами на коже и волосами, выкрашенными в золотисто-коричневый цвет, чтобы скрыть седину, она выглядит на пятнадцать лет старше* [14, с. 156].

В этих примерах дана портретная характеристика за счет маркированной лексики и детализации. Автор представляет нам полную информацию о внешности персонажа (цвет волос, цвет одежды, стиль обуви, аксессуары), а также указывает возраст. Благодаря такому тщательному описанию перед читателем всплывает четкий внешний образ много работающей, уставшей от жизни, но не потерявшей к ней интерес героини. Используя **иронию**, автор подчеркивает упоминанием о ее морщинах и кругах под глазами, что Муслима выглядит старше своих лет.

В переводе отметим использование следующих переводческих трансформаций: **добавление** *к нашему свиданию*; **конкретизация**: в словосочетании *jupe mi-longue* было использовано более точно описание *юбка длинной до середины икры*. При описании обуви фиксируем **перестановки** и **морфологические замены:** *porte des sandales d'été à petits talons — летние босоножки на небольшом каблуке*. Подобные трансформации делают фразу более естественной для восприятия.

Во втором примере мы видим **модуляцию**: *les cheveux teints en auburn — волосами, выкрашенными в золотисто-коричневый цвет*, где происходит замена цвета *auburn* (каштановый или рыжевато-коричневый) на более поэтичное *золотисто-коричневый*.

В следующем примере автор рисует нам образ строгой и эксцентричной деловой женщины *Dans la berline noire avec chauffeur Olga…. Son parfum est étonnamment léger, ses yeux doux, entre le bleu et le vert, s'étrécissent derrière ses lunettes sévères* [13, с. 205] — *В огромной черной машине с шофером Ольга… ее зелено голубые глаза за линзами строгих очков смотрят ласково, и у нее необыкновенно тонкие духи* [14, с. 225].

В этом примере выражение *la berline noire* (автомобиль с кузовом седан), в переводе передается **генерализацией** *в огромной черной машине,* что, конечно, добавляет образу опасности и жесткости. В русском варианте переводчик также использует **добавление** — *огромной*, чтобы подчеркнуть масштабность автомобиля

berline (седан) в контексте описания. Однако за таким строгим образом скрывается образ нежной девушки, который актуализируется через **синкретический эпитет** *ses yeux doux* и **анимистичный метафорический эпитет** *parfum est étonnamment léger*, а также через **олицетворение** *ses yeux s'étrécissent derrière ses lunettes sévères*.

Н. Озерская и в этом случае меняет порядок описания внешности. В оригинале описание аромата стоит в начале предложения после представления Ольги, а в русском варианте перенесено в конец. Подобная перестановка иначе расставляет акценты в тексте. Вместе с тем отметим использование **модуляции в сочетании с морфологическими заменами**, в словосочетании *ses yeux doux… s'étrécissent* происходит семантическое перераспределение: прилагательное *doux* (мягкий, нежный, ласковый) передается наречием *ласково*, что транслирует не столько свойство глаз, сколько впечатление от взгляда. Это не просто описание, а действие, которое несет в себе тот же смысл. Глагол *s'étrécissent* (сужаются) представляет собой весьма конкретное физическое описание сконцентрированного, пристального взгляда, в русской версии передан за счет глагола с более широким значением. Н. Озерская опускает информацию о сужении глаз, выбирая вариант наречия от прилагательного *doux* с логически вытекающим значением качества действия.

Silhouette parfaite moulée dans une jolie robe bustier noire à sequins, rehaussée d'un paletot en sablon beige et d'escarpins assortis, Oksana, 22 ans, fulmine. Elle est jolie, sexy, même pas vulgaire [13, с. 208] — *Возмущению 22-летней Оксаны в изящных туфельках, гармонирующих со всем ансамблем — красивым черным платьем-бюстье с блестками, поверх которого накинуто песочного цвета пальто, нет предела* [14, с. 229], *Je retrouve Ksioucha, minidébardeur noir, smoky-eyes et lèvres rouge sang, virevoltant au bras d'un quinqua à catogan* [13, с. 212] — *Я наконец отыскала Ксюшу. В маленькой черной майке, с подведенными глазами и ярко-красной помадой на губах…* [14, с. 233]*:* данные примеры раскрывают нам образы двух миловидных героинь, за счет маркированной лексики автор описывает предметы одежды с указанием цветов, а также обозначает возраст. Мадлен Леруайе использует оценочную лексику *jolie, sexy, même pas vulgaire*, а также разговорную лексику *d'un quinqua à catogan*. В описании фигуры девушки присутствует **синкретический эпитет** *silhouette parfaite moulée*, который подчеркивает красоту и изящество героини.

При переводе фокус внимания смещается в эмоциональную сферу — возмущение Оксаны, и только потом раскрывается ее внешний облик. Кроме того, в переводе наблюдается **компенсация** и **модуляция**. Так, французские *escarpins assortis* превращаются *в изящные туфельки, гармонирующие со всем ансамблем*. Наряду с этим используется семантическое **добавление**, направленное на усиление эмоционального воздействия. Французское *fulmine* (гневается, возмущается) заменяется на *возмущению… нет предела*. Наконец, происходит и **опущение**. В частности, опущена часть фразы, уточняющая силуэт платья *Silhouette parfaite moulée dans…* .

Перевод второго отрывка демонстрирует сочетание нескольких переводческих приемов. Во-первых, переводчик добавляет эмоциональное усиление, и фраза *Je retrouve Ksioucha* в русском варианте приобретает дополнительную деталь *Я наконец отыскала Ксюшу.* Добавление вводного слова *наконец* подчеркивает нетерпение и досаду автора, акцентирует внимание на том, что поиск был длительным или затруднительным. Во-вторых, происходит **замена** и **стилистическое упрощение**. Французское *smoky-eyes* (дымчатый макияж глаз) заменяется на *с подведенными глазами*. Французское *lèvres rouge sang* (помада цвета крови) стилистически преобразуется в *ярко-красной помадой на губах*.

В следующих примерах М. Леруайе знакомит читателей еще с одним типичным, по ее наблюдениям, женским образом в России — доброй женщины, покорившей ее сердце.

Super Babouchka n'a ni cape, ni Batmobile, ni le don de traverser les murs, mais son efficacité est à toute épreuve. Une tornade de douceur. Je l'imaginais en imposante matrone à cabas, je rencontre une quinqua menue, tonique et coquette, l'œil rieur sous une courte frange

poivre et sel qui lui donne des airs de gamine [13, с. 267] — *У супербабушки нет ни плаща, ни «бэтмобиля», ни дара проходить сквозь стены. Но зато у нее целое море доброты. Я представляла ее в виде импозантной матроны, обремененной большой хозяйственной сумкой, но она оказалась маленькой, изящной, очень подвижной кокетливой женщиной со смешливым взглядом из-под задорной челки с проседью* [14, с. 293].

Elle porte ce tailleur bleu aux larges épaulettes dans lequel je l'ai vue si souvent. D'année en année, le vêtement démodé se fait plus ample sur sa silhouette. Avec ses cheveux blancs coupés au bol, elle ressemble à une Jeanne d'Arc qui aurait vieilli. A la voir ainsi, chez elle, si minuscule au bout du canapé qui menace de l'engloutir, je me souviens que Lioudmila Alexeeva a 83 ans [13, с. 277] — *Когда я встречаюсь с ней, она всегда одета в один и тот же немодный темно-синий костюм с широкими плечами, в котором с каждым годом она все больше напоминает худенького подростка в одежде не по росту. Со своими седыми волосами, подстриженными в кружок, она могла бы быть похожей на Жанну д'Арк, если бы эта последняя успела состариться. А когда я прихожу к ней в гости и вижу, как она, сидя на своем старом диване, буквально теряется в нем, настолько она миниатюрная, я вспоминаю, что Людмиле Алексеевой за восемьдесят* [14, с. 305].

Мы можем заметить удивление автора, когда вместо ожидаемого образа, перед ней предстает совершенно другой человек. Во-первых, автор употребляет **транскрипцию** *Babouchka* и **отрицание** *ni…ni*, что мягко и очень корректно указывает на возраст дамы, описывая ее внешность, лицо и одежду. Также Мадлен Леруайе **сравнивает** персонаж с Жанной д'Арк, раскрывая героиню как сильную личность. Дополнительно образ раскрывается за счет **метафорического эпитета** *une tornade de douceur* и других **эпитетов** *imposante matrone, l'œil rieur* (метафорический эпитет), **сравнение** с *gamine*, также употребляется **оценочная лексика** *menue, tonique et coquette*. Для усиления образа маленькой доброй бабушки автор использует **литоту** *si minuscule*, **дополненную олицетворением** *canapé qui menace de l'engloutir*.

При переводе первого отрывка наблюдается целенаправленное создание яркого и запоминающегося образа *Супербабушки*, начиная с сохранения узнаваемых культурных отсылок и юмора, как, например, *Batmobile — бэтмобиль*, которое передано при помощи **транслитерации**. Затем оригинальная метафора *une tornade de douceur* передается за счет **модуляции** как, возможно, более понятное и выразительное *целое море доброты,* что позволяет акцентировать внимание на добром характере героини. Образ *импозантной матроны* конкретизируется **добавлением** детали — *большой хозяйственной сумки*. Для усиления контраста с реальностью, переводчик наделяет *супербабушку* эпитетами *изящной* и *очень подвижной*. Наконец, происходит **адаптация** описания внешности: фраза *qui lui donne des airs de gamine* опускается, а выражение *courte frange poivre et sel* трансформируется в более яркое *челки с проседью*, что усиливает живость и энергичность персонажа.

Во втором фрагменте демонстрируется тщательный подход к созданию живого и выразительного портрета Людмилы Алексеевой. В самом начале мы видим подробное описание костюма, в котором часто видят героиню. Вместо простой констатации факта *Elle porte ce tailleur bleu aux larges épaulettes dans lequel je l'ai vue si souvent* появляется более развернутое описание: *Когда я встречаюсь с ней, она всегда одета в один и тот же немодный темно-синий костюм с широкими плечами*. **Модуляция** — *когда я встречаюсь с ней, она всегда одета в один и тот же … костю*м — задает определенный тон и подчеркивает повторяемость ситуации. Кроме того, вносится элемент сравнения, отсутствующий в оригинале: *в котором с каждым годом она все больше напоминает худенького подростка в одежде не по росту*. Это сравнение ярко и наглядно передает ощущение того, как с возрастом одежда становится велика героине, но она не спешит или не имеет финансовой возможности обновить гардероб.

Далее в переводе применяется **стилистическая адаптация** фразы о сходстве с Жанной д'Арк. Добавление *если бы эта последняя успела состариться* вносит элемент жестокого сарказма и делает сравнение с Жанной д'Арк более понятным и доступным для русскоязычного читателя, которому, возможно, не сразу придет в голову связь между короткой стрижкой и образом национальной героини Франции. Наконец, происходит ослабление экспрессии при упоминании возраста. Вместо точного указания возраста *83 года* используется более общее выражение *за восемьдесят.*

Иной образ молодой, смелой, самостоятельной, реально смотрящей на жизнь и патриотично настроенной героини раскрывается в следующем примере: *…la journaliste Svetlana, une jolie brune…* [13, с. 304] — *…журналистка Светлана Сметанина, хорошенькая брюнетка…* [14, с. 333]*;En attendant, je donne rendez-vous à Natacha, la brune longiligne qui pose en soutien-gorge gris perle pour le mois de juin. Emmitouflée dans un long manteau à col de fourrure...* [13, с. 310] — *А я решила назначить свидание Наташе, высокой стройной брюнетке… Закутанная в длинное манто с меховым воротником…* [14, с. 340]: в данных предложениях образ выстраивается через маркированную лексику, такую как элементы одежды, черты лица, а также через использование **эпитетов** *une jolie brune, la brune longiligne*. Не можем не отметить частотность употребления эпитета *jolie*, которым, как нам представляется, М. Леруайе подчеркивает образ героинь и выражает свою симпатию.

В первом примере переводчик стремится к точности и ясности. Добавлена фамилия *Сметанина* для конкретизации персонажа, а французское *jolie* заменено и в этот раз на привычное русскому слуху *хорошенькая*. Описание внешности Наташи становится более естественным, а заимствование *manteau* используется для подчеркивания элегантности, статусности ее одежды.

Следующий фрагмент рисует нам образ настоящей самоотверженной, доброй, ласковой матери, образ весьма распространенный среди молодого поколения, по мнению М. Леруайе: *Macha, jeune maman toute menue…* [13, с. 334] — *Маша, совсем еще юная и стройная, как тростиночка…* [14, с. 367]; *Katia, 29 ans, carré blond platine et ligne d'ado, en est la preuve* [13, с. 340] — … 29-летняя *мама Катя со стрижкой каре на светлых волосах и …* [14, с. 373].

В данных предложениях образ героини передается за счет использования **литоты** *toute menue* и **сравнения** *ligne d'ado*; таким образом, мы можем представить внешний портрет маленькой хрупкой, но сильной духом девушки.

В переводе первого фрагмента наблюдается стремление к образности и детализации. Французское *jeune maman toute menue* раскрывается в русском варианте как *совсем еще юная и стройная, как тростиночка*, где переводчик расширяет и **конкретизирует** описание. Далее переводчик прибегает к **добавлению**, указывая, что Катя является мамой, и упрощает описание ее внешности, заменяя конструкцию сущ. + прилаг. + прилаг *carré blond platine* на сущ. + предлог + прилаг + сущ. *стрижка каре на светлых волосах*. Важно отметить **опущение** *ligne d'ado*, возможно, чтобы избежать субъективности или излишней детализации.

В следующем фрагменте встречаем маленькую девочку, которая идет в первый класс: *Dacha… Perfectionniste, elle rajuste d'un geste sûr les deux énormes rubans blancs noués à la base de ses tresses. Avec sa petite robe écossaise et son hâle doré rapporté des trois mois de vacances à la datcha, elle est vraiment craquante* [13, с. 346] — *…Даша… Будучи перфекционисткой по натуре, она умелой рукой поправляет огромные белые банты, вплетенные в косы. С золотистым загаром после трех летних месяцев, проведенных на даче, в нарядном клетчатом платьице, она действительно замечательно выглядит* [14, с. 380].

Образ прилежной первоклассницы, испытывающей радость и восторг от нового этапа своей жизни, выстраивается за счет употребления маркированной лексики**,** **гиперболы** *deux énormes rubans blancs*, которые помогают раскрыть образ прелестной маленькой школьницы.

При переводе данного примера в первую очередь мы можем заметить **экспликацию** и **дополнение**. Французское *…Dacha… Perfectionniste…* раскрывается в русском варианте деепричастием *Даша… Будучи перфекционисткой по натуре….* Далее, наблюдается **конкретизация** и **адаптация** описания внешности. Французское *les deux énormes rubans blancs noués à la base de ses tresses* упрощается до *огромные белые банты, вплетенные в косы*. Переводчик заменяет подробное описание завязывания бантов на более краткое *вплетенные в косы*. Кроме того, наблюдается **стилистическое усиление** и **замена**. Французское *sa petite robe écossaise* (платье с шотландской юбкой) трансформируется в просто *нарядно клетчатое платьице*. Переводчик добавляет эпитет *нарядном*, рисуя не просто школьную форму, но подчеркивая ее особую привлекательность.

Образ экстравагантной модницы, работающей стилистом у занятых столичных бизнес-леди, мы видим в следующем фрагменте: *La petite blonde aux traits de princesse polonaise est la reine de la mue. Tour à tour vamp en fourreau violet, tsarine en vieille dentelle ouvragée et leggings croco, lady en twin-set de cachemire ou encore bimbo* ***en minishort en lyera rose****, elle a fait de la mode son terrain de jeu* [13, с. 361] — *Маленькая блондинка с чертами лица польской принцессы. Сегодня она предстает перед нами в образе женщины-вамп в фиолетовых мехах, завтра она княжна в кружевах ручной работы и в легинсах из крокодиловой кожи, послезавтра — леди в кашемировом твинсете или сексапильная красотка в розовых мини-шортах из лайкры* [14, с. 399].

В этом примере автор описывает красоту, эксцентричность и высокую самооценку девушки, наделяя ее разнообразными **эпитетами-**титулами *princesse, reine, vamp, tsarina, lady* и приходит в восторг от того, как героиня с легкостью может меняться. Маркированной лексикой автор дополняет каждый эпитет.

При переводе данного отрывка первым обращает на себя внимание **генерализация** и **замена**. Французское выражение *Tour à tour vamp en fourreau violet* трансформируется в *сегодня она предстает перед нами в образе женщины-вамп в фиолетовых мехах*. Н. Озерская заменяет *fourreau* (узкое прямое платье) на *меха*. Кроме того, **добавление** фразы *сегодня она предстает перед нами* существенно выделяет временной план настоящего, что только подчеркивает динамичность смены образов. Далее констатируем **добавление** экспрессивности и **модуляцию**. Французское *tsarine en vieille dentelle ouvragée et leggings croco* (царица в старинных кружевах ручной работы и крокодиловых легинсах) переводится как *завтра она княжна в кружевах ручной работы и в легинсах из крокодиловой кожи.* **Замена** *царицы* на *княжну* смягчает образ и делает его более романтичным. Французское существительное с явно отрицательной коннотацией *bimbo* (блондинка — дама симпатичная, но недалекая) заменяется на качественное прилагательное *сексапильная*. В результате перевод представляет собой не просто механический перенос слов, а творческую адаптацию текста, направленную на создание яркого, запоминающегося и стилистически выразительного образа героини.

Заключение. Делая выводы, отметим, что описание внешнего портрета играет огромную роль в раскрытии именно женского образа, в чем мы смогли убедиться, анализируя роман Мадлен Леруайе «Une vie de pintade à Moscou». Более детальное описание одежды и внешности с использованием стилистически маркированной лексики, а также дополнением в виде цветопередачи и фактуры (описание черт лица, волос, фигуры) оказалось самым продуктивным способом описания именно внешнего портрета современных жительниц Москвы. Диапазон описанных типичных женских образов весьма широк, большую часть которых по праву можно считать амбивалентными. Как показал анализ, доминантными стилистическими средствами выразительности, актуализирующими вышеописанные женские образы, стали: эпитеты, метафора, метонимия, сравнения, олицетворение, литота, гиперболизация — все это помогает читателю лучше визуализировать образ типичных, по мнению Мадлен Леруайе, русских женщин. Кроме этого, характерной чертой при выстраивании

внешнего портрета является частотность употребления прилагательного *jolie*, применяемого практически ко всем героиням романа.

Проведенный анализ фрагментов текста и их русскоязычных переводов демонстрирует преобладание смыслового способа перевода, требующего детального анализа контекста, и направленного на создание яркого и эмоционально насыщенного текста для русскоязычной аудитории. Н. Озерская продемонстрировала при переводе готовность к активной интерпретации, модификации и, в некоторых случаях, даже к опущению элементов оригинала, чтобы создать текст максимально понятный для читателя. Особо частотными переводческими приемами и трансформациями являются: **модуляция**, **добавление, морфологическая замена, синтаксические перестановки, экспликация**. Менее продуктивными в создании женской образности оказались приемы транслитерации, калькирования, конкретизации и генерализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афтайкина С.Д., Баукина С.А. Межъязыковые трансформации как основные приемы передачи национально-культурного колорита при переводе художественного текста [Электронный ресурс] / С.Д. Афтайкина, С.А. Баукина // Гуманитарные науки и образование. — 2023. Т. 14, № 4 (56). – С. 130–134. — Режим доступа: https://doi.org/10.51609/2079- 3499 2023 14 04 130 (дата обращения: 02.01.2026).
2. Бельская А.А. Отцы и дети И.С. Тургенева: одоризм как средство создания женских образов романа / А.А. Бельская // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2016. — №2 (71). — С. 78–87.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — 351 с.
4. Захарова Н.В. Вербализация текстовой информации в зависимости от характера языковой системы (на материале разноязычных версий Евангелия от Матфея) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 Теория языка / Захарова Наталья Владимировна ; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. — Саранск, 2009. — 230 с.
5. Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте / Н.А. Илюхина. — Самара : Самарский государственный университет, 1998. — 204 с.
6. Карачева Н.А. Образы персонажей в пьесах Дж. Б. Шоу «Пигмалион» и «Цезарь и Клеопатра» как объект общефилологического анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.А. Карачева. — Самара, 2017. — 22 с.
7. Кардапольцева В.Н. Женские лики России: монография / В.Н. Кардапольцева. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000. — 160 с.
8. Карташова Е.Н. Специфика репрезентации женских образов в прозе В.М. Шукшина : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Карташова Елена Николаевна ; ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». — Елец, 2021. — 150 с.
9. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров — М. : Р. Валент, 2017 — 407 с.
10. Кравцов С.М. Стилистические средства создания женского образа в поэтическом тексте (на материале сборника стихов Теофиля Готье «Émaux et Camées») [Электронный ресурс] / С.М. Кравцов, М.С. Манько // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 52–61. — Режим доступа: https://doi.org/10.5281/zenodo.18094328 (дата обращения: 12.01.2026).
11. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня — М. : Искусство, 1976 — 614 с.
12. Соловьева А.Ю. Аллюзия как средство создания женских образов в дилогии Д.Г. Лоуренса «Радуга», «Женщины в любви» / А.Ю. Соловьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. —2016. — №9–1 (63). — С. 165–167.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Leroyer M. Une vie de pintade à Moscou / M. Leroyer — Calmann-Lévy. : 2012 — 405 p.
14. Москва глазами женщины / М. Леруайе — М. : РИПОЛ классик, 2015. — 448 с.

REFERENCES

1. Aftajkina S.D., Baukina S.A. (2023). Mezh``yazy`kovy`e transformacii kak osnovny`e priemy` peredachi nacional`no-kul`turnogo kolorita pri perevode xudozhestvennogo teksta [Interlanguage transformations as the main methods of transmitting national and cultural flavor in the translation of literary text] in Gumanitarny`e nauki i obrazovanie [Humanities and Education]. T. 14. 4 (56). 130–134. URL: https://doi.org/10.51609/2079-3499 2023 14 04 130 (In Russian).

2. Bel`skaya A.A. Otcy i deti I.S. (2016). Turgeneva: odorizm kak sredstvo sozdaniya zhenskix obrazov romana [Fathers and children of I.S. Turgenev: odorism as a means of creating female images of the novel] in Ucheny`e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. [Scientists notes of the Orel State University]. 2 (71). 78–87 (In Russian).
3. Gasparov B.M. (1996). Yazy`k, pamyat`, obraz: Lingvistika yazy`kovogo sushhestvovaniya [Language, memory, image: Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 351 p. (In Russian).
4. Zaxarova N.V. (2009). Verbalizaciya tekstovoj informacii v zavisimosti ot xaraktera yazy`kovoj sistemy` (na materiale raznoyazy`chny`x versij Evangeliya ot Matfeya) [Verbalization of textual information depending on the nature of the language system (based on the material of multilingual versions of the Gospel of Matthew)]. Saransk: Tambov State University G.R. Derzhavin. 230 p. (In Russian).
5. Ilyuxina N.A. (1998). Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte [Image in the lexico-semantic aspect]. Samara: Samarskij gosudarstvenny`j universitet. 204 p. (In Russian).
6. Karacheva N.A. Obrazy` personazhej v p`esax Dzh. B. Shou «Pigmalion» i «Cezar` i Kleopatra» kak ob``ekt obshhefilologicheskogo analiza [Images of characters in the plays of J. B. Shaw "Pygmalion" and "Caesar and Cleopatra" as an object of general philological analysis]. Samara. 22 p. (In Russian).
7. Kardapol`ceva V.N. (2000). Zhenskie liki Rossii: monografiya [Women's faces of Russia]. Ekaterinburg : Gumanitarny`j universitet. 160 p. (In Russian).
8. Kartashova E.N. (2021). Specifika reprezentacii zhenskix obrazov v proze V.M. Shukshina [The specifics of the representation of female images in V.M. Shukshin's prose]. Elecz: Eleczkij gosudarstvenny`j universitet. 150 p. (In Russian).
9. Komissarov V.N. (2017). Sovremennoe perevodovedenie [Modern Translation studies]. Moscow: R. Valent. 407 p. (In Russian).
10. Kravczov S.M. (2025). Stilisticheskie sredstva sozdaniya zhenskogo obraza v poe`ticheskom tekste (na materiale sbornika stixov Teofilya Got`e «Émaux et Camées») [Stylistic means of creating a female image in a poetic text (based on the collection of poems by Theophile Gautier "Émaux et Camées"] in Vestnik Doneczkogo nacional`nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psixologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology]. 6. 52–61. URL: https://doi.org/10.5281/zenodo.18094328. (In Russian).
11. Potebnya A.A. (1976). E`stetika i poe`tika [Aesthetics and poetics]. Moscow: Iskusstvo. 614 p. (In Russian).
12. Solov`eva A.Yu. (2016). Allyuziya kak sredstvo sozdaniya zhenskix obrazov v dilogii D.G. Lourensa «Raduga», «Zhenshhiny` v lyubvi» [Allusion as a means of creating female images in D.G. Lawrence's dilogy "Rainbow", "Women in love"] in Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice.].9–1 (63). 165–167. (In Russian).

Поступила в редакцию 17.01.2026 г.

REPRESENTATION OF FEMALE IMAGES IN THE ASPECT OF TRANSLATION (BASED ON THE NOVEL "UNE VIE DE PINTADE À MOSCOU" BY M. LEROYER)

N.V. Zakharova

The article deals with specifics of female images in the novel "Une vie de pintade à Moscou" by French journalist Madeleine Leroy. The focus is made on their representation in translation into Russian. On the basis of the research materials, the prevailing stylistic means used to create the image of a modern Russian woman have been identified. These means evoke the reader's emotional response, as well as the attitude to the characters. The article objective is to identify the paradigm of image-forming stylistic means in the process of secondary verbalization. The methodological framework incorporates discourse, quantitative, and structural-descriptive analysis. The linguistic and translational analysis, which was carried out, made it possible to determine the semantic method of translation as the principle one in this case. The most productive translation techniques and transformations, such as modulation, addition, substitutions at the morphological and lexical levels, syntactic permutations and explication have been described.

Keywords: female image, stylistic devices, expressive means, translation techniques.

Захарова Наталья Владимировна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация.
Доцент кафедры теории речи и перевода.
ORCID 0000000201443503.
Email: zakharovanv80@mail.ru.

Zakharova Natalya Vladimirovna.
Candidate of Philology.
N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation.
Associate Professor of Speech Theory and Translation Department.
ORCID 0000000201443503.
Email: zakharovanv80@mail.ru.

Научная статья
УДК 81-13
DOI: 10.5281/zenodo.22065605

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ И СЕМИОТИКО-ДИСКУРСИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКСПАНСИИ СМЫСЛА В ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ

© **2026** ***В.Ю. Кузнецова***
Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
ORCID 0009-0006-7711-6046

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена исследованию лингвокогнитивных и семиотико-дискурсивных механизмов экспансии смысла в поликодовых метафорических образах, репрезентирующих геополитические события в цифровых медиа. Актуальность работы обусловлена мультимодальным поворотом в коммуникативных практиках XXI века, в результате которого визуальный компонент утрачивает исключительно иллюстративную функцию и вступает в отношения смыслового взаимодополнения и взаимного усиления с вербальным компонентом сообщения — надписями внутри изображения, хештегами, сопроводительными подписями. Несмотря на развитую теорию вербальной метафоры, механизмы семантической динамики поликодовых метафорических комплексов остаются недостаточно изученными в отечественной лингвистике, что создает методологический разрыв между монокодовой и мультимодальной моделями метафоризации. Цель исследования — выявить и описать лингвокогнитивные механизмы экспансии смысла в поликодовом метафорическом образе, установить характер взаимодействия визуального и вербального семиотических кодов и определить качественную специфику визуальной метафоры в сопоставлении с вербальной. Материалом исследования послужили визуальные метафорические образы геополитической тематики, включающие вербальные компоненты (надписи, хештеги), а также сопоставимые по тематике примеры вербальной метафоры из медиадискурса.

Ключевые слова: визуальная метафора, вербальная метафора, экспансия смысла, лингвокогнитивные механизмы, мультимодальная коммуникация, визуальная грамматика, информационная ценность, рамка, модальность изображения, медиадискурс.

Для цитирования: Кузнецова В.Ю. Лингвокогнитивное и семиотико-дискурсивное моделирование экспансии смысла в визуальных метафорических структурах / В.Ю. Кузнецова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 82–94. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22065605.

Введение. Глобальный мультимодальный поворот в коммуникативных практиках XXI века существенно расширил границы лингвистического анализа, вышедшего за пределы изучения исключительно письменного и устного текста. Визуальные образы, встроенные в цифровые нарративы и медиадискурс, функционируют сегодня не как факультативная иллюстрация к вербальному сообщению, а как равноправный компонент единого поликодового целого, в котором визуальный и вербальный семиотические коды находятся в отношениях взаимного дополнения, усиления либо смыслового противоречия [8]. Несмотря на полувековой период интенсивных исследований метафоры в лингвистике, механизмы экспансии и эволюции смысла в поликодовых метафорических комплексах, объединяющих визуальный образ с надписями, хештегами

и заголовками, остаются недостаточно изученными в отечественной лингвокогнитивистике, что порождает методологический разрыв между развитой теорией вербальной метафоры и существенно менее систематизированным знанием о взаимодействии вербального и визуального кодов в процессе метафоризации [3; 6].

Проблема приобретает особую остроту при анализе визуального нарратива, где последовательность или композиция метафорических образов, сопровождаемых вербальными маркерами: хештегами, подписями, заголовками, не просто отражает описываемую ситуацию, но формирует процесс динамического смыслообразования, расширяющий концептуальное пространство реципиента. Визуальное сопровождение новостных публикаций демонстрирует, что метафорический образ функционирует как когнитивный инструмент, позволяющий зрителю интегрировать поступающую информацию в уже существующие концептуальные схемы [2]. Вместе с тем во взаимодействии с вербальным контекстом такие образы способны радикально трансформировать данные схемы, порождая имплицитные смыслы, не предусмотренные ни изолированными исходными доменами, ни их традиционными когнитивными картами [4; 5].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, визуальным поворотом в семиотике и очевидным недостатком лингвистически ориентированного анализа поликодовых метафорических образов геополитического медиадискурса. Во-вторых, отсутствием интегративной методологии, способной объединить когнитивный, семиотико-дискурсивный и прагматический ракурсы описания вербально-визуального взаимодействия в рамках единой аналитической процедуры. В-третьих, необходимостью эмпирически обосновать тезис о качественном отличии визуальной метафоры от вербальной, что принципиально невозможно осуществить без непосредственного сопоставления образцов обоих типов на сопоставимом материале.

Объектом исследования выступают поликодовые метафорические образы медийного дискурса, включающие визуальный и вербальный компоненты. Предметом рассмотрения являются механизмы экспансии смысла, реализуемые во взаимодействии визуального образа с сопровождающими его вербальными элементами — надписями на изображении, хештегами, подписями, — а также специфика данных механизмов в сопоставлении с механизмами экспансии смысла в вербальной метафоре.

Цель исследования — выявить и описать лингвокогнитивные механизмы экспансии смысла в поликодовом метафорическом образе, показать, каким образом визуальный компонент во взаимодействии с вербальным формирует процесс развертывания и углубления метафорического смысла, и установить качественную специфику данного процесса в сопоставлении с вербальной метафорой.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: во-первых, систематизировать существующие теоретические подходы к изучению визуальной метафоры, включая аппарат визуальной грамматики Г. Кресса и Т. ван Леувена [12]; во-вторых, разработать интегративную аналитическую модель, объединяющую когнитивный, семиотико-дискурсивный и релевантностный ракурсы описания и предполагающую анализ как визуального, так и вербального компонентов поликодового сообщения; в-третьих, апробировать предложенную модель на материале конкретных поликодовых образов геополитической тематики с применением категорий информационной ценности, рамки и модальности; в-четвертых, сопоставить механизмы экспансии смысла в визуальной метафоре с аналогичными механизмами в вербальной метафоре на сопоставимом по тематике материале; в-пятых, охарактеризовать

типологические разновидности механизмов экспансии смысла, реализуемых в проанализированном материале.

Материалы и методы исследования. Революционный импульс исследованиям метафоры дали работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в особенности их программная монография «Метафоры, которыми мы живем» [13], переместившая метафору из периферийного риторического феномена в ядро человеческого познания. Согласно предложенной ими концептуальной теории метафоры, метафора является не столько «украшением языка», сколько фундаментальным способом концептуализации абстрактных доменов через конкретный, телесно обусловленный опыт человека. Однако классическая концептуальная теория метафоры изначально была ориентирована преимущественно на вербальные проявления данного когнитивного механизма, оставляя за скобками вопрос о том, каким образом аналогичные процессы маппирования между доменами реализуются в невербальных и поликодовых семиотических модусах.

Одним из первых исследователей, обратившихся к систематическому изучению визуальной метафоры, стал Ч. Форсвиль, впервые перенесший аппарат концептуальной теории метафоры на материал рекламных изображений. Им предложено различать метафоры с единственным пикториально присутствующим термином, метафоры с двумя пикториально присутствующими терминами и, что принципиально важно для настоящего исследования, мультимодальные метафоры, реализуемые через комплементарное взаимодействие вербального и визуального компонентов сообщения [9; 10]. Именно последний тип, обозначенный Ч. Форсвилем как verbo-pictorial metaphor, указывает на то, что вербальный элемент — подпись, заголовок, слово внутри изображения — не является факультативным сопровождением визуального образа, а входит в структуру метафорического маппирования на равных основаниях с пикториальным компонентом, прямо или косвенно называя один из доменов метафоры и тем самым ограничивая веер возможных интерпретаций. Сам исследователь, однако, сосредоточился преимущественно на статичных рекламных текстах, оставив процессы динамической эволюции и расширения смысла в геополитическом медиадискурсе за рамками анализа, что и создает методологическую лакуну, заполнению которой посвящено настоящее исследование.

Параллельно с когнитивным направлением развивались социосемиотические подходы к анализу визуального образа. Р. Барт показал [7], что визуальный образ функционирует одновременно на двух уровнях: денотативном, то есть буквальном, непосредственно воспринимаемом содержании изображения, и коннотативном, включающем культурно-специфичные значения и мифологический смысл, накладываемые на денотативную основу в процессе социально обусловленной интерпретации. Принципиально важным для настоящего исследования является и введенное Р. Бартом понятие «анкеровки» (anchorage) — функции вербального текста, состоящей в закреплении, сужении одного из потенциально бесконечного множества значений, которые способно порождать изображение само по себе. Подпись, заголовок или хештег, сопровождающие изображение, выполняют роль своего рода семантического якоря, направляющего интерпретацию реципиента в определенное, идеологически заданное русло и тем самым ограничивающего полисемию визуального ряда.

Дальнейшее развитие социосемиотической традиции связано с именами Г. Кресса и Т. ван Леувена [12], которым принадлежит концепция «грамматики визуального дизайна» (visual grammar), описывающая, как композиция, фокусировка, ракурс, цветовое решение и пространственное расположение элементов кодируют нарративные, аксиологические и идеологические значения изображения. Для настоящего исследования принципиальное

значение имеют три категории данной теории. Категория «информационной ценности» (information value) описывает то, как расположение элементов композиции в горизонтальной оси (данное/новое), вертикальной оси (идеальное/реальное) и по центро-периферийному принципу (ядро/маргинальное) формирует иерархию смыслов, задавая, какой элемент воспринимается как отправная точка интерпретации, а какой — как ее продолжение или следствие. Категория «рамки» (framing) описывает степень визуальной связанности или разобщенности элементов композиции, достигаемой посредством разделительных линий, цветовых контрастов, пустого пространства или, напротив, композиционных связок и векторов, и, соответственно, определяет, воспринимаются ли элементы изображения как единый концептуальный блок или как противопоставленные друг другу смысловые зоны. Категория «модальности» (modality) характеризует степень «реалистичности» либо, напротив, символической абстрагированности изображения, достигаемую через параметры цветовой насыщенности, детализации, контекстуализации фона и глубины перспективы, определяя, насколько буквально или метафорически-условно предлагается воспринимать изображенное.

Существенным теоретическим ресурсом для настоящего исследования служит также теория релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон [14], объясняющая процессы интерпретации высказывания, в том числе невербального, через принцип оптимальной релевантности — баланса между когнитивными усилиями реципиента и получаемым коммуникативным эффектом. Современные исследования визуальной метафоры все чаще обращаются именно к теории релевантности как к объяснительной модели, способной учесть прагматическую гибкость визуальной интерпретации. Так, в статье Н. Кравченко и соавторов [11] предложен девятиэтапный алгоритм анализа визуальной метафоры, использующий категории «ad hoc concepts», «emergent properties» (свойства, возникающие из взаимодействия доменов и не присущие ни одному из них в отдельности) и «meta-representations» (высокоуровневые концептуальные структуры, валидирующие само маппирование между доменами). Однако и этот подход, при всей его методологической строгости, требует расширения в направлении понимания того, как поликодовый образ именно расширяет, а не просто актуализирует смысловое пространство реципиента, порождая качественно новые смысловые конфигурации при обязательном участии вербального анкеровочного механизма.

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные функционированию метафоры, прежде всего вербальной, в институциональном и политическом дискурсе, поскольку систематическое изучение вербальной метафорики создает необходимую базу для последующего сопоставления с визуальными механизмами. Э.В. Будаев и его соавторы [1; 3] показали на материале англоязычных и франкоязычных медиатекстов, что вербальные метафорические образы обладают выраженной прагматической амбивалентностью и способны конструировать как позитивные, так и негативные сценарии восприятия внешнеполитических событий в зависимости от идеологической позиции источника. С.В. Шермазанова [6] описала феномен дискурсивной «экспансии» институционального военного дискурса, отметив его гибридизацию с другими типами дискурса, что напрямую перекликается с проблематикой настоящей статьи, поскольку геополитические поликодовые метафоры также демонстрируют выраженную гибридность, объединяя элементы военного, экономического и правового дискурсов в единой семиотической структуре.

Понимание механизмов поликодовой метафоризации имеет отчетливо выраженную прикладную ценность: оно позволяет как создателям контента более эффективно и целенаправленно конструировать смыслы, так и реципиентам:

журналистам, аналитикам, рядовым пользователям социальных сетей — критически осмыслять идеологические и персуазивные функции визуально-вербального комплекса, не поддаваясь манипулятивному воздействию скрытых метафорических фреймов.

В рамках настоящего исследования применяется четыре взаимодополняющих методологических подхода: *когнитивный подход*, обеспечивающий описание концептуальных доменов и механизмов их взаимодействия; *семиотико-дискурсивный анализ* на основе категорий визуальной грамматики Г. Кресса и Т. ван Леувена информационной ценности, рамки и модальности, раскрывающий композиционные механизмы кодирования идеологических значений; *теория анкеровки* Р. Барта, объясняющая функцию вербального компонента (надписи, хештега, подписи) в сужении интерпретационного поля образа; *и теория релевантности*, объясняющая прагматические основания интерпретации поликодового сообщения и формирование ad hoc concepts. Комбинация данных подходов позволяет перейти от простого описания того, как функционирует визуальная метафора, к объяснению того, почему и в какой именно степени она расширяет смысловое пространство адресата совместно с вербальным компонентом, обеспечивая эффект, достигаемый принципиально иными средствами, нежели в вербальной коммуникации.

Анализ поликодовых метафорических образов геополитического медиадискурса. Большинство поликодовых метафор в современном медийном дискурсе формируются вокруг значимых геополитических событий и сочетают визуальный образ с вербальными элементами — надписями внутри изображения, хештегами, подписями, которые в значительной степени определяют идеологическую направленность интерпретации. Показательно, что визуальные метафоры геополитической тематики крайне редко бывают идеологически нейтральными: сам выбор исходного домена, ракурса, композиционного решения, а также сопровождающего вербального маркера уже представляет собой акт интерпретации события, предшествующий восприятию образа реципиентом.

«Сила» подобных метафор обусловлена тем, что поликодовая метафора — это не «одноразовое» отображение между двумя доменами, зафиксированное статично, а динамический процесс интеграции, при котором визуальные элементы изображения сливаются с вербальными маркерами в единое «смешанное пространство», порождающее новые имплицитные смыслы, отсутствующие в каждом из входных пространств по отдельности. Именно в этом смешанном пространстве и происходит экспансия смысла: реципиент домысливает связи между визуальными и вербальными элементами, достраивая целостный нарратив на основе фрагментарных подсказок. В отличие от вербальной метафоры, разворачивающейся линейно и последовательно, в поликодовом образе визуальный компонент воспринимается реципиентом практически мгновенно, гештальтно, тогда как вербальный компонент (хештег, надпись, подпись) выполняет функцию анкеровки [7], сужающей и направляющей это мгновенное восприятие в определенное семантическое русло. Данная симультанность визуального восприятия в сочетании с направляющей функцией вербального анкера делает поликодовую метафору особенно эффективным инструментом идеологического воздействия в условиях современной цифровой коммуникации, где скорость восприятия и эмоциональная убедительность образа нередко оказываются важнее его логической аргументированности.

В рамках исследования было проанализировано три поликодовых изображения, содержащих визуальные метафорические элементы в сочетании с вербальными маркерами и репрезентирующих актуальные геополитические сюжеты, а также два примера вербальной метафоры на сопоставимую тематику, привлеченные для целей

сопоставления. Применим к данному материалу описанную выше интегративную методологию, последовательно используя категории информационной ценности, рамки и модальности изображения, а также анализируя взаимодействие визуального образа с вербальным компонентом.



Пример 1

Центральным элементом первого изображения является образ Статуи Свободы, размещенный в композиционном центре кадра, что в терминах категории информационной ценности [12] маркирует его как ядерный элемент, задающий отправную точку интерпретации всего образа. Согласно вертикальной оси «идеальное — реальное», верхняя часть композиции (поднятая рука статуи) кодирует идеализированный, символический уровень значения, тогда как нижняя часть (основание статуи, разбитые таблички, бочки с нефтью) размещает в зоне «реального» конкретные, материальные референты конфликта — ресурсы, разрушение, попрание закона. Именно эта вертикальная организация позволяет считывать изображение как визуальную аргументацию: то, что декларируется «наверху» (свобода), опровергается тем, что происходит «внизу» (насилие, экономический интерес).

Искаженная Статуя Свободы представляет собой ключевую ироническую инверсию: вместо факела свободы она держит наручники, что превращает символ освобождения в символ подавления. Наручники в поднятой руке заменяют традиционный факел, формируя прямую метафору силового давления, санкций и ограничения суверенитета через принуждение. У основания статуи расположены две расколотые каменные таблички с надписями «INTERNATIONAL LAW» (Международное право) и «NATIONAL SOVEREIGNTY» (Национальный суверенитет). Данный вербальный компонент, выполненный в форме прямой номинации ключевых концептов, функционирует как эксплицитная подпись-анкер: если бы изображение было лишено этих надписей, разбитые таблички могли бы быть прочитаны как произвольный символ разрушения вообще, однако именно вербальная маркировка однозначно указывает целевые домены метафорического отождествления и тем самым резко сужает интерпретационное поле, задаваемое чисто пикториальными средствами.

С точки зрения категории рамки, композиция демонстрирует высокую степень визуальной связанности между центральной фигурой статуи и периферийными элементами (бомбардировщики, огонь, бочки с нефтью): отсутствие разделительных линий или цветовых барьеров между зонами создает эффект единого, неразрывного нарративного пространства, в котором военная угроза, экономический интерес и разрушение воспринимаются как взаимообусловленные аспекты одного явления, а не как автономные, изолированные друг от друга элементы.

Модальность изображения — насыщенные, контрастные, местами гипертрофированные цвета огня и дыма на фоне относительно сдержанной палитры самой статуи — понижает степень «документальной реалистичности» образа, смещая его в сторону символико-аллегорического регистра: перед реципиентом не фотографический репортаж, а визуальный тезис, сконструированный по законам риторической аргументации, что соответствует общей персуазивной установке изображения.

Летящие бомбардировщики на заднем плане символизируют военную угрозу и возможную интервенцию; огонь, дым и взрывы у основания статуи визуализируют разрушительные последствия вмешательства; бочки с нефтью указывают на экономическую подоплеку конфликта — прямую отсылку к тому, что Венесуэла обладает крупнейшими запасами нефти, что делает ее геополитически привлекательной целью. Хештеги #Imperialism, #InternationalLaw, #Peace, сопровождающие публикацию, выполняют ту же анкеровочную функцию, что и надписи на табличках: они эксплицитно называют оценочную рамку («империализм», «нарушение международного права», «нарушение мира»), в которую предлагается поместить визуальный образ, и тем самым переводят потенциально многозначный визуальный гештальт в разряд однозначно интерпретируемого политического высказывания.

Данное изображение конструирует критический нарратив о лицемерии внешней политики США через механизм визуального переворачивания устойчивого культурного символа в сочетании с вербальной анкеровкой, эксплицитно называющей задействованные концепты. Фрейм построен на контрасте между декларируемыми ценностями (свобода, демократия, права человека), закодированными в верхней, идеальной зоне композиции, и реальными действиями (принуждение, военное давление, игнорирование суверенитета), закодированными в нижней, реальной зоне и подтвержденными вербальными подписями на табличках.



Пример 2

Во втором изображении центральным элементом, вновь занимающим позицию наивысшей информационной ценности, становится классический образ Дяди Сэма — культовый символ США, унаследованный от пропагандистских плакатов времен Первой мировой войны. Однако здесь он изображен злорадно ухмыляющимся, почти демоническим, что кардинально трансформирует его традиционную патриотическую коннотацию: оскал и мрачное выражение лица превращают благородного призывающего персонажа в фигуру агрессора. Традиционный костюм в цветах американского флага сохраняет узнаваемость персонажа, однако модальность изображения — гипертрофированная мимика, доходящая до карикатурности, — маркирует образ как принадлежащий не документальному, а сатирически-обличительному регистру.

Ключевой атрибут — бочка с надписью OIL в руке Дяди Сэма — представляет собой прямую и недвусмысленную вербально-визуальную метафору ресурсной мотивации вмешательства: слово OIL, нанесенное непосредственно на предмет, устраняет любую

неоднозначность в идентификации целевого домена и функционирует как минимальный, но исключительно эффективный анкер, превращающий нейтральный предмет (бочку) в однозначный символ трофея. В другой руке — наручники, повторяющие мотив первого изображения и усиливающие интертекстуальную связность визуального нарратива: этот повторяющийся элемент указывает на принудительные методы, санкции, юридическое преследование оппонентов, распределенные по правой периферии композиции в противовес левой, где сосредоточен мотив прямого военного насилия.

В категориях рамки данная композиция демонстрирует минимальную визуальную сегментацию: фигура Дяди Сэма, бочка с нефтью, наручники и апокалиптический фон взрывов не разделены ни одной композиционной границей, что создает эффект тотальной вовлеченности персонажа в разрушение — он не наблюдатель катастрофы, а ее организатор и бенефициар, шагающий по руинам с триумфальным, а не сострадательным выражением. Массированное присутствие различных типов летательных аппаратов и масштабные взрывы, занимающие значительную часть композиции, создают образ тотальной военной мощи, а оранжево-коричневая, перенасыщенная палитра неба резко понижает модальность изображения в сторону апокалиптической аллегории, а не документального свидетельства.

Данная визуальная метафора строит более агрессивный и циничный нарратив, чем в предыдущем примере: если первое изображение фокусировалось на лицемерии (декларация свободы при подавлении), то второе акцентирует откровенный цинизм и хищничество, что подтверждается отсутствием каких-либо элементов, апеллирующих к риторике защиты демократии, — вместо этого вербальный компонент (OIL) и мимика персонажа однозначно указывают на сознательную, немаскируемую агрессию ради экономической выгоды. США изображаются как империалистическая держава, которая под предлогом защиты демократии ведет ресурсные войны, попирая международное право и национальный суверенитет и используя весь арсенал давления — от военного до экономического.



Пример 3

Центральный визуальный метафорический образ третьего изображения — развилка на снежной дороге с указателем, классический визуальный код «выбора пути», «перекрестка судьбы». В категориях информационной ценности изображение организовано по горизонтальной оси «слева — справа», где левая позиция традиционно кодирует статус-кво или предпочитаемый вариант, а правая — альтернативу; при этом верхняя, идеальная зона слева (чистое голубое небо) контрастирует с верхней зоной справа (грозовое, темно-фиолетовое небо с молниями), что создает выраженный оценочный градиент между двумя вариантами развития событий еще до того, как реципиент считывает конкретные референты — Белый дом и Кремль.

Гренландия представлена как субъект, находящийся перед критическим геополитическим решением: на обеих упряжках изображен флаг Гренландии, что подчеркивает, что речь идет именно о

гренландской, а не о чужой перспективе выбора. Дублирование флага на обеих упряжках создает эффект зеркального выбора. Левый путь ведет к Белому дому под чистым голубым небом с американским флагом — визуальный код стабильности и мирного развития; правый путь ведет к Красной площади и Кремлю, с флагами Китая и России, символизирующими альянс, на фоне грозового неба с молниями — визуальный код опасности и угрозы.

С точки зрения категории рамки, резкая цветовая граница между левой (светлой, ясной) и правой (темной, грозовой) половинами композиции формирует жесткое бинарное разделение двух сценариев, не допускающее промежуточных или смешанных вариантов интерпретации, — в отличие от первых двух изображений, где визуальные зоны были связаны в единый нарратив, здесь рамка функционирует как инструмент принудительной дихотомизации выбора. Модальность изображения при этом остается относительно «реалистичной» в прорисовке архитектурных объектов (Белый дом, собор Василия Блаженного), что придает образу видимость объективного, почти картографического представления геополитической альтернативы, маскируя его выраженную оценочную асимметрию.

Эта визуальная метафора кардинально отличается от двух предыдущих по точке зрения и идеологическому посланию. Если изображения в примерах 1 и 2 конструировали антиамериканский нарратив через вербально-визуальную иронию и обличение, то данное изображение, размещенное официальным аккаунтом Белого дома, создает проамериканский фрейм, где вербальным анкером служит сама номинация геополитических столиц и государственная символика, не требующая дополнительных подписей ввиду высокой конвенциональности используемых знаков. Показательно, что на изображении отсутствует Дания — фактический суверен Гренландии, — что соответствует продвигаемому институциональным источником нарративу о прямых переговорах с Гренландией в обход Копенгагена.

Сопоставление с вербальной метафорой геополитического медиадискурса. Заявленный тезис о качественном отличии визуальной метафоры от вербальной нуждается в эмпирическом подтверждении на конкретном языковом материале того же тематического поля. Обратимся к двум примерам вербальной метафоры, зафиксированным в комментариях, посвященных освещению обозначенных выше геополитических сюжетов.

Один из комментариев к первому примеру звучит так — «Washington tightens its grip on Caracas» («Вашингтон сжимает тиски вокруг Каракаса»). Данный комментарий репрезентирует усиление давления США на Венесуэлу через глагольную метафору сжатия («tightens its grip»), восходящую к базовой концептуальной метафоре КОНТРОЛЬ ЕСТЬ ФИЗИЧЕСКОЕ УДЕРЖАНИЕ. В отличие от визуального образа наручников, вербальная метафора здесь линейна и развертывается последовательно: значение конструируется через синтаксическую связь подлежащего (Washington), глагола (tightens) и дополнения (grip on Caracas), причем каждый элемент добавляет смысл поэтапно, по мере продвижения по цепочке слов, тогда как визуальные наручники в руке статуи или Дяди Сэма считываются реципиентом единомоментно, без необходимости последовательной синтаксической обработки.

Комментарий пользователя под вторым примером не менее интересен: «Uncle Sam is drilling for blood, not oil» (Дядя Сэм добывает не нефть, а кровь). Метафорическое переосмысление глагола drilling (добывать нефть) в сочетании с заменой ожидаемого дополнения (oil) на неожиданное (blood) создает эффект семантического слома, характерного для окказиональной, творческой вербальной метафоры. Данная метафора,

в отличие от визуальной, требует от реципиента распознавания нарушенной коллокационной нормы (drill for blood вместо конвенционального drill for oil) и последовательной реконструкции имплицитного сравнения через синтаксический контраст ожидаемого и реального дополнения.

Сопоставление визуальных примеров с приведенными вербальными метафорами обнаруживает существенное качественное различие в характере семантической динамики. Вербальная метафора актуализирует значение поэтапно, в опоре на синтаксическую структуру высказывания и на нарушение нормативной сочетаемости слов (drilling for blood), то есть ее экспансия смысла носит преимущественно линейный, дискретный характер: реципиент считывает элементы метафорического выражения последовательно, слово за словом, и завершает интерпретацию только по достижении конца синтагмы. Визуальная метафора, напротив, актуализирует значение симультанно, гештальтно: наручники в руке статуи, бочка с надписью OIL — эти элементы воспринимаются реципиентом параллельно, единым перцептивным актом, а последующая вербализация (комментарий, хештег) лишь закрепляет и направляет уже сложившееся целостное впечатление. Кроме того, вербальная метафора в приведенных примерах опирается на конвенциональные лексические значения и их окказиональные сдвиги (tightens its grip, drilling for blood), тогда как визуальная метафора использует композиционные параметры изображения — расположение элементов, цвет, рамку, — которые не имеют прямых аналогов в лексико-грамматической системе языка, что и обусловливает необходимость привлечения именно аппарата визуальной грамматики, а не традиционных методов анализа вербальной метафоры, для описания механизмов экспансии смысла в поликодовом образе.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать три положения, представляющие собой новое знание, полученное в ходе анализа. Во-первых, экспансия смысла в поликодовой геополитической метафоре структурно опирается на функцию вербальной анкеровки [7]: степень эксплицитности вербального компонента (прямая надпись на предмете, как в примере 2; надпись на разрушенном артефакте, как в примере 1; конвенциональная государственная символика без дополнительных подписей, как в примере 3) прямо пропорциональна степени сужения интерпретационного поля, задаваемого чисто пикториальными средствами, — иными словами, чем эксплицитнее вербальный анкер, тем менее многозначным оказывается визуальный образ, и наоборот.

Во-вторых, применение категорий информационной ценности, рамки и модальности [12] обнаружило устойчивую корреляцию между идеологической направленностью источника и предпочитаемым композиционным решением: критические по отношению к действиям крупного геополитического актора образы (примеры 1 и 2) тяготеют к высокой связанности элементов композиции («слабая рамка») и к пониженной модальности, смещающей образ в аллегорический регистр, тогда как институциональный, официальный источник (пример 3) использует, напротив, «сильную рамку», жестко разграничивающую сценарии, при сохранении относительно высокой, псевдодокументальной модальности архитектурных элементов, — то есть идеологическая позиция источника кодируется не только выбором сюжета, но и вполне конкретными, поддающимися формальному описанию композиционными параметрами.

В-третьих, сопоставление визуальных примеров с образцами вербальной метафоры того же тематического поля (tightens its grip, drilling for blood, not oil) эмпирически подтвердило качественное отличие механизмов семантической динамики: вербальная метафора экспандирует смысл линейно и дискретно, через последовательное считывание синтагмы и распознавание нарушенной лексической сочетаемости, тогда как визуальная

метафора экспандирует смысл симультанно и гештальтно, через параллельное восприятие композиционных параметров, не имеющих аналогов в лексико-грамматической системе языка. Данное различие объясняет и большую персуазивную скорость визуальной метафоры в условиях цифровой коммуникации, и ее принципиальную зависимость от вербального анкера при необходимости однозначной, а не множественной интерпретации.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы за счет привлечения кросскультурного сопоставительного материала, а также с разработкой количественных методов оценки степени экспансии смысла и степени вербальной анкеровки, что позволило бы верифицировать предложенную типологию на статистически значимом корпусе поликодовых метафорических образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаев Э.В. Прагматическая амбивалентность метафор в политическом нарративе «Жизни черных имеют значение» (на примере «Сиэтл Таймс») / Э.В. Будаев, К.В. Пологова // Ученые записки Нижнетагильского государственного социально-педагогического института. Серия: История и филология. — 2021. — № 2. — С. 43–58. — URL: https://www.ntspi.ru/storage/files/01JHSXSPF73WPN3PYN03HRVGM2.pdf
2. Гладко М.А. Метафора как инструмент реализации рекреативной функции в информационном теледискурсе / М.А Гладко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 211–227. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-211-227.
3. Зарипов Р.И. Метафорические образы настоящего и будущего России во французских СМИ: внешнеполитические аспекты / Р.И. Зарипов, Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 42–52. — DOI: 10.26170/pl20-06-05.
4. Калинин О.И. Креативные метафоры и речевое воздействие в дискурсе / О.И. Калинин // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2022. — № 2. — С. 469–482. — URL: https://journals.uspu.ru/attachments/article/2647/41.pdf
5. Калинин О. И. Метафора: риторический, прагматический, когнитивный и дискурсивный подходы / О.И. Калинин // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2019. — № 3. — С. 128–134. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42467495
6. Шермазанова С. В. Гибридизация и дискурсивная «экспансия» институционального военного дискурса С.В. Шермазанова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 4 (112). — С. 122–131. — URL: https://politlinguistika.ru/images/4-2025/4-2025-122-131.pdf
7. Barthes R. Image-Music-Text / R. Barthes. — London: Fontana Press, 1977. — 220 p. — URL: https://archive.org/details/imagemusictext0000bart_e3d9 (Примечание: указан год реального издания сборника в переводе С. Хита; статья «Rhetoric of the Image» впервые опубликована на французском языке в 1964 г.)
8. Carston R. Metaphor: ad hoc concepts, literal meaning and mental images / R. Carston // Proceedings of the Aristotelian Society. — 2010. — 110(3). — Pp. 295–321. DOI: 10.1111/j.1467-9264.2010.00288.x.
9. Forceville C. Pictorial Metaphor in Advertising / C. Forceville. — London: Routledge, 1996. — Pp. 109–126. DOI: 10.4324/9780203064252.
10. Forceville C. Visual and Multimodal Metaphor in Advertising: Cultural Perspectives / C. Forceville // Styles of Communication. — 2017. — 9(2). — Pp. 26–41. — URL: https://pure.uva.nl/ws/files/25655841/4_Forceville.pdf
11. Visual metaphor analysis: a relevance theory approach / Kravchenko N., Prokopchuk M., Muntian O., Zvereva M., Kozachuk A. // Amazonia Investiga. — 2024. — 13(80). — Pp. 233–241. DOI: 10.34069/AI/2024.80.08.19.
12. Kress G. Reading Images: The Grammar of Visual Design / G. Kress, T. Van Leeuwen. — 3rd ed. — London: Routledge, 2020. — 310 p. DOI: 10.4324/9781003099857. (Примечание: DOI существует только для 3-го издания 2020 г.; издание 2006 г. цифрового идентификатора не имеет.)
13. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — With a new afterword. — Chicago: University of Chicago Press, 2003. — 276 p. — URL: https://cs.uwaterloo.ca/~jhoey/teaching/cs886-affect/papers/LakoffJohnsonMetaphorsWeLiveBy.pdf (Примечание: указано переиздание 2003 г. с послесловием авторов; оригинал 1980 г. цифровой версии не имеет.)

14. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson . — 2nd ed. — Oxford: Blackwell, 1995. — 326 p. — URL: https://monoskop.org/images/e/e6/Sperber_Dan_Wilson_Deirdre_Relevance_Communica_and_Cognition_2nd_edition_1996.pdf

REFERENCES

1. Budaev, E. V., Pologova, K. V. (2021). Pragmaticheskaya ambivalentnost' metafor v politicheskom narrative «Zhizni chernyh imeyut znachenie» (na primere «Sietl Tajms») [Pragmatic Ambivalence of Metaphors in the Political Narrative of Black Lives Matter (The Seattle Times Case Study).] Uchenye zapiski Nizhnetagil'skogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo instituta. Seriya: Istoriya i filologiya [Scientific Notes of the Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute. Series: History and Philology], 2, 43-58. Available at: https://www.ntspi.ru/storage/files/01JHSXSPF73WPN3PYN03HRVGM2.pdf (In Russ.)
2. Gladko, M. A. (2022). Metafora kak instrument realizacii rekreativnoj funkcii v informacionnom telediskurse [Metaphor as a Tool for Implementing the Recreational Function in Information Television Discourse] Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue], 11(3), 211-227. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-211-227. (In Russ.)
3. Zaripov, R. I., Budaev, E. V. (2020). Metaforicheskie obrazy nastoyashchego i budushchego Rossii vo francuzskih SMI: vneshnepoliticheskie aspekty [Metaphorical Images of the Present and Future of Russia in the French Media: Foreign Policy Aspects] Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics], 6(84), 42-52. DOI: 10.26170/pl20-06-05. (In Russ.)
4. Kalinin, O. I. (2022). Kreativnye metafory i rechevoe vozdejstvie v diskurse [Creative Metaphors and Speech Impact in Discourse] Uralskij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], 2, 469-482. Available at: https://journals.uspu.ru/attachments/article/2647/41.pdf (In Russ.)
5. Kalinin, O. I. (2019). Metafora: ritoricheskij, pragmaticheskij, kognitivnyj i diskursivnyj podxody [Metaphor: Rhetorical, Pragmatic, Cognitive and Discursive Approaches] Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Pyatigorsk State University], 3, 128-134. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=42467495 (In Russ.)
6. Shermazanova, S. V. (2025). Gibridizatsiya i diskursivnaya «ekspansiya» institutsionalnogo voennogo diskursa [Hybridization and Discursive Expansion of Institutional Military Discourse. Political Linguistics], 4(112), 122-131. Available at: https://politlinguistika.ru/images/4-2025/4-2025-122-131.pdf (In Russ.)
7. Barthes, R. (1977). Rhetoric of the Image. In Image-Music-Text. London: Fontana Press. Available at: https://archive.org/details/imagemusictext0000bart_e3d9 (Note: year corrected to match the actual English-language edition, translated by S. Heath; the essay itself was first published in French in 1964.)
8. Carston, R. (2010). Metaphor: Ad Hoc Concepts, Literal Meaning and Mental Images. Proceedings of the Aristotelian Society, 110(3), 295-321. DOI: 10.1111/j.1467-9264.2010.00288.x.
9. Forceville, C. (1996). Pictorial Metaphor in Advertising. London: Routledge, pp. 109-126. DOI: 10.4324/9780203064252.
10. Forceville, C. (2017). Visual and Multimodal Metaphor in Advertising: Cultural Perspectives. Styles of Communication, 9(2), 26-41. Available at: https://pure.uva.nl/ws/files/25655841/4_Forceville.pdf
11. Kravchenko, N., Prokopchuk, M., Muntian, O., Zvereva, M., Kozachuk, A. (2024). Visual Metaphor Analysis: A Relevance Theory Approach. Amazonia Investiga, 13(80), 233-241. DOI: 10.34069/AI/2024.80.08.19.
12. Kress, G., Van Leeuwen, T. (2020). Reading Images: The Grammar of Visual Design (3rd ed.). London: Routledge. DOI: 10.4324/9781003099857. (Note: year and edition corrected — a DOI exists only for the 3rd edition of 2020; the 2006 edition has no digital identifier.)
13. Lakoff, G., Johnson, M. (2003). Metaphors We Live By (with a new afterword). Chicago: University of Chicago Press. Available at: https://cs.uwaterloo.ca/~jhoey/teaching/cs886-affect/papers/LakoffJohnsonMetaphorsWeLiveBy.pdf (Note: year corrected to the 2003 reissue with the authors' afterword; the 1980 original has no digital version.)
14. Sperber, D., Wilson, D. (1995). Relevance: Communication and Cognition (2nd ed.). Oxford: Blackwell. Available at: https://monoskop.org/images/e/e6/Sperber_Dan_Wilson_Deirdre_Relevance_Communica_and_Cognition_2nd_edition_1996.pdf

Поступила в редакцию 15.03.2026 г

LINGUO-COGNITIVE AND SEMIOTIC-DISCOURSE MODELING OF MEANING EXTENSION IN VISUAL METAPHORICAL STRUCTURES

V.Yu. Kuznetsova

The article explores the linguo-cognitive and semiotic-discourse mechanisms of meaning extension in polycode metaphorical images representing geopolitical events in digital media. The relevance of this work stems from the global multimodal shift in 21st-century communication, in which the visual component ceases to be purely illustrative and enters into relations of semantic complementarity and mutual reinforcement with the verbal component of the message -- captions, hashtags, inscriptions within the image. Despite the well-developed theory of verbal metaphor, the mechanisms of semantic dynamics of polycode metaphorical complexes remain understudied, which creates a methodological gap between monocode and multimodal models of metaphorization. The aim of this study is to identify and describe the linguo-cognitive mechanisms of meaning extension in the polycode metaphorical image, to establish the nature of the interaction between the visual and verbal semiotic codes, and to determine the qualitative specificity of visual metaphor in comparison with verbal metaphor. The empirical corpus comprises visual metaphorical images on geopolitical topics that include verbal components (inscriptions, hashtags), as well as comparable examples of verbal metaphor from media discourse. The methods of cognitive modeling, semiotic interpretation based on the categories of visual grammar by G. Kress and T. van Leeuwen (information value, framing, modality), and pragmatic analysis within relevance theory have been applied in the course of the analysis. The results demonstrate that meaning extension in polycode metaphor is a dual process of compression and expansion, wherein the verbal component performs the function of semantic anchorage, narrowing and directing the interpretation of the visual image, whereas visual metaphor, unlike verbal metaphor, actualizes meaning simultaneously and gestalt-wise rather than sequentially.

Key words: visual metaphor, verbal metaphor, meaning extension, linguo-cognitive mechanisms, multimodal communication, visual grammar, information value, framing, modality of image, media discourse

Кузнецова Вера Юрьевна.
Кандидат филологических наук, доцент, доцент 33 кафедры.
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва.
ORCID: 0009-0006-7711-6046.
e-mail: vera087@mail.ru

Kuznetsova Vera Yurievna.
Candidate of Philology, Associate professor, Associate professor at Department 33.
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow.
ORCID: 0009-0006-7711-6046.
e-mail: vera087@mail.ru

Научная статья
УДК 81'42:81'373.23(476+569.4):[323.12+94(100)"1941/1945"]
DOI: 10.5281/zenodo.22065712

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ НОМИНАЦИИ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ ВО ВРЕМЯ ХОЛОКОСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА БЕЛАРУСИ И ИЗРАИЛЯ)

© 2026 И.В. Метлушко
Учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков»
ORCID 0009-0003-6444-5447

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье эмпирически проверяется гипотеза о наличии у разных лингвокультур общего и уникального в дискурсивных номинативных практиках, связанных с аффективно насыщенным опытом. На основании дискурс-, компонентного, количественного и сопоставительного анализа современных медиа Беларуси и Израиля впервые исследуются номинации лиц, пострадавших во время Холокоста. На фоне значительного интереса в двух лингвокультурах к сохранению коллективной памяти о Второй мировой войне, выявлено общее в номинативных дискурсивных практиках в медиа (многочисленность номинаций пострадавших во время Холокоста; преобладание номинаций *жертв*) и различное. Уникальным для белорусских медиа является включение геноцида евреев в более широкое понятие *геноцид белорусского народа*, что приводит к сопоставимой частотности вербализаций опыта выживания разных лиц — *находящихся в состоянии принудительного лишения свободы или перемещения*; *уцелевших во время Холокоста*; *групп людей, подвергшихся геноциду*; *жертв*. В израильских медиа 97,2 % всех выявленных номинаций — обозначения *жертв Холокоста* и *уцелевших*, что позволяет персонализировать событие и его последствия, привлечь внимание к страданиям народа и преодолению последствий Холокоста.

***Ключевые слова**:* Холокост, коллективная память, дискурсивная номинативная практика, дискурс памяти, медиадискурс, Вторая мировая война.

Для цитирования: Метлушко И.В. Коллективная память и дискурсивные практики номинации лиц, пострадавших во время Холокоста (на материале современных медиа Беларуси и Израиля) // И.В. Метлушко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 95–105. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22065712.

Введение.

В каждой лингвокультуре существует комплекс языковых средств, которые используются для вербализации опыта, сопряженного с сильными, аффективно насыщенными переживаниями, в том числе травматичными. Процессуальный характер осмысления и оценки травматичных событий приводит к появлению лакун в устоявшихся способах вербализации опыта. Человек сталкивается с необходимостью поиска новых и/или переосмысления имеющихся способов оязыковления травматичного прошлого и практик взаимодействия с ним. «Изменяясь, существующие практики получают новые имена, переносятся в другие контексты и приспосабливаются для решения новых задач. Это имеет непосредственное отношение к формированию новых дискурсивных практик» [3, с. 231]. Последние понимаются как характерное для некоторого социума «речевое поведение и мышление» [4, с. 73], «феномен использования языка, который пока не поддается строгой классификации в рамках теории дискурса» [3, с. 229]. Значимым для дискурсивных практик

является их коллективный характер «определяющий нормы и ограничения индивидуального опыта» [3, с. 229].

Развитие обозначенных практик происходит под влиянием многочисленных экстралингвистических факторов (социальных, политических, научных, технологических, этических и пр.). Например, в качестве таковых со второй половины XX в. рассматривается научный и общественный интерес к изучению индивидуальной и коллективной памяти. Геополитическая турбулентность как экстралингвистический фактор, влияющий на формирование дискурсивных практик, породила интерес к изучению языка войны [12], вступающего в оппозицию к языку мира [10], стимулировала научное обсуждение «языковой картины войны, лингвистики войны» [12, с. 862] и т.п. Еще одним примером политического влияния на формирование новых дискурсивных практик, связанных с коллективной памятью, является мемориальное законодательство как часть политики памяти, развивающейся в разных государствах и включающей принятие новых мемориальных законов, фиксирующих некоторую интерпретацию исторических событий, их обозначение (например, принятие в 2022 г. Закона Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» [1], официально ввевшего и закрепившего обозначения *геноцид белорусского народа*). У. Редди полагает, что наибольшее влияние на формирование новых дискурсивных практик оказывает именно политика [14], однако сложно отрицать влияние и иных факторов.

Так, развитие технологий сделало возможным обсуждение подкаста (Е.М. Хакимова), интернет комментария (Н.А. Климова), медиа в целом (Г.В. Лукьянова) и мн. др. как новых дискурсивных практик. Социальные факторы позволили обратить внимание на инициацию контакта в рамках речевого жанра small talk (М.В. Файзулаева, Л.М. Штейнгарт), безопасность как речевой акт (Н.Н. Морозова), драматический диалог (Н.В. Глущенко), историографическое письмо (Ю.Л. Троицкий, Ю.В. Шатин) и мн. др. как на новые дискурсивные практики. Отметим, что новые и устоявшиеся дискурсивные практики, связанные с травматичным опытом, могут вступать в разные отношения (сосуществовать, замещать друг друга и т.п.).

Вторая мировая война как пример наиболее травматичного события XX в., оказавшего влияние на многих людей одновременно, подтверждает правомерность заявленного тезиса о формировании не только новых дискурсивных практик, связанных с военными конфликтами современности, но и свидетельствует о переосмыслении уже имеющихся практик. Подтверждением последнего является расширение и видоизменение дискурсивных номинативных практик, связанных со Второй мировой войной, Великой Отечественной войной как ее частью. Не смотря на сформировавшуюся коллективную память не только о войне среди стран-участниц конфликта [6], но и далеко за их пределами [9], проводимые исследования указывают на изменения в номинативных дискурсивных практиках. Так, номинация *Победа* в медийном пространстве Республики Беларусь все чаще вытесняется словосочетанием *Великая Победа* [7], топоним *Хатынь* (наименование деревни в Беларуси, сожженной вместе с жителями 22 марта 1943 г.) используется для образования новых номинаций — *сестра Хатыни, детская сестра Хатыни, хатынский список* для обозначения дополненного в результате современных следственных действий Генеральной прокуратуры Республики Беларусь перечня сожженных с местным населением деревень, которые не были восстановлены в послевоенное время [8]. Обозначенное иллюстрирует упомянутую ранее характеристику дискурсивных практик — присваивать новые имена и переносить их в другие контексты для решения новых задач [3].

Процесс становления новых номинативных дискурсивных практик не является уникальным для Беларуси. В Израиле значительное время ведется обсуждение и выбор термина (Холокост, Шоа, Катастрофа и др.) для точного обозначения геноцида евреев. В Российской Федерации в 2025 г. был принят Федеральный закон «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» [2], официально закрепивший обозначение *геноцид советского народа*. Приведенные примеры подтверждают, что устоявшиеся номинативные дискурсивные практики подвергаются переосмыслению в современном *дискурсе памяти*, определяемом мной как совокупность полимодальных дискурсивных практик, движимых интенциями создания, сохранения, трансляции, забвения индивидуальных и/или коллективных знаний, представлений, оценок прошлого.

В связи с тем, что в современной лингвистике, по имеющимся у нас данным, не представлено комплексных, сопоставительных работ, посвященных изучению новых и/или видоизменению существующих дискурсивных практик, связанных с обозначением событий Второй мировой войны, было реализовано настоящее исследование. В исследовательскую оптику помещены современные номинации лиц, пострадавших во время Холокоста, как новая номинативная дискурсивная практика. Изучение представляется значимым как в силу наблюдаемого переосмысления военного опыта в мире в целом (например, Резолюция Европейского парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы» (2019 г.) [13], признавшая Холокост самым важным событием Второй мировой войны), так и благодаря наметившейся тенденции к национализации памяти [11], разработке политики памяти разными государствами, изменениям в репрезентации событий Холокоста в странах бывшего СССР, включающих формирование постсоветского нарратива (смещение акцента с принятого в многонациональном СССР обозначения *страданий мирного населения* в целом (без выделения некоторой нации) на рассмотрение военного прошлого каждой из бывших стран-участниц СССР и их народов).

Материалы и методы исследования. С целью изучения номинативных дискурсивных практик, связанных с обозначением лиц, пострадавших во время Холокоста, исследованы новостные публикации на официальных новостных порталах Беларуси (Белорусское телеграфное агентство) и Израиля (www.gov.il) за период с 2022 по 2026 гг. Выбор временного промежутка обусловлен как формальными показателями (ограниченность 2022 г. доступных анализу новостных публикаций на израильском новостном портале), так и смысловым (с 2022 г. в медиа Беларуси активно обсуждается мемориальное законодательство, историческая память, многочисленные коммеморативные практики и т.п.). Практический материал исследован с помощью дискурс-, компонентного, количественного и сопоставительного анализа.

Основная часть. Исследование практического материала указывает на вербализацию многочисленных номинаций жертв Холокоста (*жертва, пострадавший, погибший, убитый, выживший, свидетель, уцелевший, переживший, мученик, павший, герой* и др.) в медийном дискурсе Беларуси и Израиля, что является результатом масштабности геноцида евреев, затронувшего все слои населения, и оказавшего влияние на судьбы многих людей. Все выявленные номинации лиц, пострадавших во время Холокоста были сгруппированы на основании данных компонентного и контекстуального анализа следующим образом: 1) *номинации лиц, которые находятся в состоянии принудительного лишения свободы или перемещения* (*пленный, узник, угнанный* и др.); 2) *обозначения жертв Холокоста* (*жертва, убитый, погибший, уничтоженный, потеря, мученик* и др.); 3) *обозначения лиц, уцелевших*

во время Холокоста (*пострадавший, выживший, спасшийся, уцелевший, переживший, свидетель* и др.); 4) *обобщенная номинация группы людей, подвергшихся геноциду* (*евреи*) — выделение данной группы обусловлено частотным упоминанием в медиатекстах геноцида евреев в целом. При подсчете также учитывались описательные обозначения лиц, пострадавших во время Холокоста, которые по результатам контекстуального и компонентного анализа причислялись к одной из обозначенных выше групп. Так, например, описательное обозначение 17 тысяч евреев, расстрелянных в гетто (*За три дня было* ***расстреляно*** *около 29 тысяч человек, из них* ***17 тысяч*** *—* ***пинские евреи*** [15]), как и «*тех, кто прошел через ужасы холокоста*» [16] (*Он прибыл с конкретной целью — восстановить память о тех,* ***кто прошел через ужасы холокоста****, поставить памятники на местах массовых расстрелов евреев в Новогрудке и Новогрудском районе* [16]) причислены к группе номинаций *жертв Холокоста.*

Отметим, что помимо систематизированных номинаций лиц, *которые находятся в состоянии принудительного лишения свободы или перемещения*, *жертв Холокоста*, *лиц, уцелевших во время Холокоста*, *обобщенной номинация группы людей, подвергшихся геноциду*, белорусские и израильские медиа апеллируют и к героическим поступкам, сопротивлению, партизанской и подпольной деятельности участников войны, что приводит к вербализации лексемы *герой* и иных синонимичных обозначений. Однако номинация обозначенной группы лиц, их деятельности и подвигов требует отдельного масштабного сопоставительного изучения, т. к. реализуемые коммуникативные стратегии героизации военного прошлого, виктимизации разных групп населения указывают на наличие значительного количества сходств и различий в их медиапрезентации в Беларуси и Израиле. Отмеченное не может быть рассмотрена в рамках данной публикации.

Анализ количественной представленности в медийном дискурсе Беларуси и Израиля номинаций лиц, пострадавших во время Холокоста, представлен на рисунке 1.

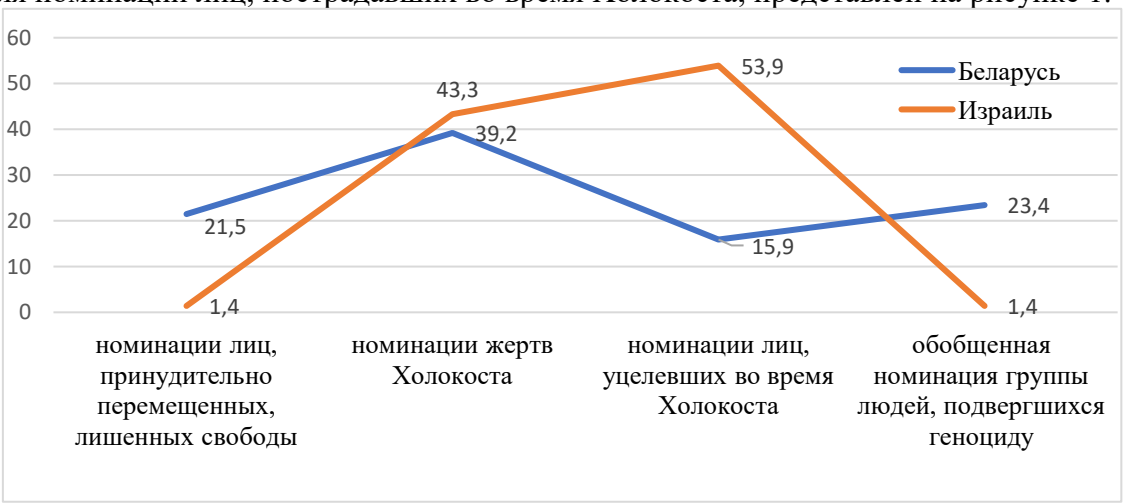


Рисунок 1. Количественная представленность в медийном дискурсе Беларуси и Израиля (2022–2026 гг.) сгруппированных номинаций лиц, пострадавших во время Холокоста, приведено в %.

Сопоставительный анализ позволил выявить общее и различное в современной номинативной дискурсивной практике, связанной с обозначением лиц, пострадавших во время Холокоста. Установлено, что общим для медийного дискурса двух лингвокультур является употребление многочисленных обозначений данных лиц. Так, в белорусских медиа упоминаются: *Вместо свечей использованы образы оплавленных фигур, символизирующих* ***жертв*** *Брестского гетто* [15]; *Сегодняшнее мероприятие —*

свидетельство того, что мы никогда не предадим забвению имена ***безвинных мучеников*** [15]; *Там выведено каждое имя* ***пленника*** *Новогрудского гетто* [16]; в израильских новостных публикациях — *Публичное оглашение имен* ***жертв*** *Холокоста в Йом А-Шоа приближает всех нас к осознанию чудовищности содеянного нацистами и их пособниками на личном индивидуальном уровне и наносит сокрушительный удар всем попыткам врагов Израиля и еврейского народа отрицать Холокост и утверждать, что* ***миллионы погибших*** *— это миф* [17]; *Тем не менее, после освобождения* ***выжившие*** *повсюду искали своих членов семьи, друзей и любимых, которые также могли выжить вопреки всему* [18]; *Во время церемонии* ***уцелевшие*** *зажигают шесть факелов в память о* ***шести миллионах уничтоженных евреев*** [18].

Общим для медийного дискурса двух лингвокультур также является многочисленность и широкая употребительность номинаций, обозначающих *жертв Холокоста* (*жертва, убитый, погибший, уничтоженный, потеря, мученик* и др.). Так, в белорусском медийном дискурсе на данную группу номинаций приходится 39,2% от всех выявленных номинаций пострадавших во время Холокоста, принятых за 100%, и 43,3% номинаций в исследованных израильских медиа. Широкая представленность и употребительность номинаций *жертв Холокоста* обусловлена рядом причин. Во-первых, многочисленность потерь среди еврейского населения (6 млн. человек было убито) и частотность обращений к данному факту при обсуждении Холокоста в медийном пространстве двух государств. Например, белорусские медиа сообщают: *Холокост — пример того, как восстанавливают имена* ***жертв***. ***Шесть миллионов*** *погибло во время Второй мировой войны. И сейчас, в частности с помощью «Яд Вашем», уже известны* ***имена пяти миллионов***. *Конечно, часть из них —* ***белорусские жертвы*** [19]. Аналогичное упоминание встречаем и в израильских медиа: *Мы помним* ***шесть миллионов***, ***убитых*** *в Холокосте* [20].

Во-вторых, институализация памяти о Холокосте обусловила частотное употребление устоявшейся номинации *жертва Холокоста* в правовом поле, мемориальном законодательстве, коммеморативных практиках, наименованиях организаций и пр., что получает отражение, широкое употребление и в медийном дискурсе Беларуси и Израиля, влияя на многочисленность выделенной группы номинаций *жертв Холокоста*. Например, в медиа двух стран упоминаются: *Международный день памяти* ***жертв Холокоста***; *поисковые и международные проекты, направлены на установление имен* ***жертв Холокоста***; *публичное оглашение имен* ***жертв Холокоста*** *в Йом А-Шоа; электронные* «*Базы данных* ***жертв Холокоста***» и мн. др.

В-третьих, существенное влияние на сохранение памяти о жертвах Холокоста оказывает и общий интерес в Беларуси и Израиле к сохранению коллективной памяти о войне, что приводит к публикации в медийном пространстве двух стран воспоминаний о судьбах погибших вслед за информированием массового адреса о реализованных коммеморативных практиках и пр. Так, в сообщении о Дне Памяти жертв Холокоста и героях сопротивления, сопровождавшемся зажжением 6 факелов в память о 6 миллионах евреев, убитых нацистами и их пособниками, приводятся воспоминания выживших во время Холокоста: *Пнина Хефер родилась в деревне Нушфалу в Румынии, у нее было 20 братьев и сестер. Ее отец Аншель Ашер Вайс был раввином общины, и семья жила рядом с синагогой. В 1940 году Венгрия получила контроль над этой территорией, а когда в марте 1944 года немцы вошли в Венгрию, евреи подверглись издевательствам и системной дискриминации* [21]. Аналогичные публикации представлены и в белорусских медиа. Например, в сообщении о работе Музея еврейского сопротивления в Новогрудке приводятся воспоминания Раи Кушнер: «*В тот страшный холодный декабрьский день,*

раздетые донага, по лестницам они опускались на глубину, укладывались по требованию полиции как можно плотнее. И 36-й эстонский полицейский батальон делал свою кровавую работу — стрелял в лежащих безоружных людей» [16].

Проведенный анализ позволил также выявить значительные различия как в преобладающих номинациях лиц, пострадавших во время Холокоста, так и в смысловых акцентах в транслируемой и сохраняемой коллективной памяти о военном прошлом. Установлено, что в медийном дискурсе Беларуси помимо особого внимания, уделяемого номинации *жертв Холокоста* (39,2% от всех исследованных номинаций), примерно в равной степени представлены номинации и иных лиц, пострадавших во время геноцида евреев. Так, на обозначение *лиц, принудительно лишенных свободы или перемещенных* приходится 21,5% всех вербализованных номинаций, а на обращение к *группе людей, подвергшихся геноциду* (евреев) — 23,4%, что обусловлено историческими причинами — многочисленными гетто и иными местами принудительного содержания евреев (по разным данным насчитывается от 192 до 392 подобных мест), созданными на территории Беларуси во время Великой Отечественной войны (лагерь Тростенец, Новогрудское гетто, Бобруйское гетто и мн. др.), а также перемещением, например, пленных евреев из Германии, Чехии и др. стран в одно из самых крупных гетто Европы — Минское. Например, *Самое жестокое проявление фашизма наблюдалось именно на нашей земле в годы Великой Отечественной войны. И по самим потерям, и по условиям, и по формам содержания* ***пленных*** [22]; *В тот период* ***узники*** *четыре месяца тайно рыли тоннель приспособленными инструментами* [23]; *Память* ***узников*** *гетто почтили в сквере на пересечении улиц Дзержинского и Куйбышева* [24]; *На литературном вечере в Национальном художественном музее участники читали записки праведников и бывших* ***узников*** [25]; ***Евреи*** *оказались в гетто, где я пережила пять страшных погромов* [26].

Отметим, что лексема *узник* наиболее частотно вербализована в группе номинаций *лиц, принудительного лишенных свободы или перемещенных*, что обусловлено институализацией памяти, а именно, многократным упоминанием в медийном дискурсе Беларуси коммеморативных практик, приуроченных к Международному дню освобождения узников фашистских концлагерей. Например, *11 апреля в Беларуси прошли памятные мероприятия, посвященные Международному дню освобождения* ***узников*** *фашистских концлагерей* [27]. Многократному употреблению лексемы *узник* способствует и развитие мемориального законодательства, стремление к фиксации в правовом поле военных преступлений в отношении евреев. Например: *В ходе расследования были допрошены свыше 21,3 тысяч человек, почти 8 тысяч из которых — потерпевшие, в том числе бывшие* ***узники*** *лагерей смерти, созданных нацистами как на территории оккупированной Беларуси, так и за ее пределами* [27].

Упоминание *лиц, уцелевших во время Холокоста*, встретилось в 15,9% всех исследованных номинаций в белорусских медиа, что на 5,9% меньше, чем количественная представленность номинаций *перемещенных лиц* и на 7,5% меньше *обобщенных обозначений групп людей,* выделенных, например, по национальному признаку *(евреи)*. Например, *Жертвы со стороны евреев, по его словам, 700 человек и лишь* ***28 спасшихся****, примкнувших к партизанским отрядам* [28]; *Как живой* ***свидетель*** *спасения Фрида Рейзман может сегодня рассказать свою историю. Важно, чтобы мы, слыша ее, испытывали благодарность спасителям. И передавали эту традицию следующим поколениям* [29].

Подобная репрезентация в исследованном белорусском медийном дискурсе разных лиц, пострадавших во время Холокоста (*узники, свидетели, жертвы, выжившие*

и мн. др.), как и номинативная дискурсивная практика обусловлены историческим фактом — в Беларуси в годы войны погиб каждый третий житель, а также вниманием к многочисленным потерям, являющимся важным аспектом коллективной памяти о войне, хранимой в Беларуси, что закреплено на законодательном уровне — «Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа и проявление патриотизма являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь» [5].

Изучение представленных в израильских медиа номинаций лиц, пострадавших во время Холокоста, в значительной степени отличается от белорусского. Так, помимо обозначенной ранее апелляции к *жертвам Холокоста*, что выявлено в 43,3% исследованных номинаций, израильские медиа делают ключевой акцент на лицах, уцелевших во время Холокоста (53,9%). Суммарно группы *номинаций жертв*, а также *лиц, уцелевших во время Холокоста*, составляет 97,2% всех номинаций, установленных в результате анализа израильских медиа, что указывает на специфику сформированной коллективной памяти о Холокосте в официальном медиапространстве, где память о погибших неотделима от памяти о выживших. Так, упоминание и жертв, и уцелевших во время Холокоста получает частотное совместное воплощение в рамках одного высказывания в медиа: *В Израиле и других странах, где нашли свой новый дом* ***уцелевшие****, многие из них создавали ассоциации по месту довоенного проживания, которые служили сообществами памяти в течение многих лет после того, как большинство их первоначальных членов были* ***убиты****, их учреждения разрушены, а* ***выжившие*** *рассеялись по всему миру* [30].

Подобное доминирование в израильских медиа номинаций и *жертв,* и *пострадавших во время Холокоста* позволяет создать персонализированный нарратив, сделать тему Холокоста личностно значимой для адресата. История Холокоста сохраняется в коллективной памяти еврейского народа не через статистические данные, геополитический контекст, а через многочисленные я-нарративы (свидетельства), указывая не только на наличие катастрофы в истории народа, но и на ее преодоление. Например, сообщение о Дне памяти жертв Холокоста сопровождается воспоминаниями и назидательным выводом, подтверждающим значение сохранения памяти о жертвах и выживших: *Во многих местах выжившие пытались, насколько это было возможно, восстановить и обновить свои общины. Раиса и ее муж Семен встретились с еще одним* ***выжившим*** *из Шаргорода, который рассказал им об ассоциации* ***переживших*** *Холокост «Зикарон». Тем не менее, после освобождения* ***выжившие*** *повсюду искали своих членов семьи, друзей и любимых, которые также могли выжить вопреки всему. Наш долг — помнить всех* ***тех***, ***кто погиб***, *и точно так же — чтить и лелеять* ***оставшихся в живых*** [21].

Заключение. Проведенное исследование позволяет заключить, что в медийном дискурсе Беларуси и Израиля уделяется значительное внимание сохранению и трансляции коллективной памяти о событиях Второй мировой войны, Холокоста. Формирование новых дискурсивных номинативных практик связано как с глобальными изменениями в интерпретации Холокоста (например, в странах ЕС [13]), интересом к изучению влияния военных событий, Холокоста на глобальную память, так и с изменениями на уровне разных государств — становлением политики памяти, развитием национальной памяти в постсоветском регионе (и не только), расширением и диверсификацией коммеморативных практик. Выявленные многочисленные номинации лиц, пострадавших во время Холокоста, указывают на общность внимания к сохранению памяти жертв Холокоста в Беларуси и Израиле.

Вместе с тем, уникальным для медиа Беларуси является примерно равная количественная апелляция к многочисленным группам лиц, пострадавших во время

Холокоста (*жертвы* (39,2%), *принудительно перемещенные лица* (21,5%), *уцелевшие* (15,9%) и др.), что обусловлено акцентом на многочисленности страданий и жертв Холокоста, который включаются в понятие *геноцида белорусского народа*.

В исследованных израильских публикациях в медиа выявлена иная тенденция — примерно в равной степени представлены *лица, уцелевших во время Холокоста* и *жертвы*, что позволяет персонализировать данные о событиях, сделать Холокост личностно значимым для адресата, привлечь внимание не только к страданиям народа, но и преодолению Холокоста. Более того, внимание не только к жертвам Холокоста, но и выжившим, детям войны и др. группам лиц, обеспечивает поколенческую преемственность, поддержание и трансляцию коллективной памяти, национального нарратива о событиях прошлого. Так, изучение новых номинативных дискурсивных практик, получивших воплощение в медийном дискурсе Беларуси и Израиля, позволяет сделать вывод об общем и различном в реализуемых номинативных дискурсивных практиках и дискурсе памяти двух лингвокультур, а также вносит вклад в осмысление способов формирования и оязыковления коллективной памяти о Холокосте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» // URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200146.
2. Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» // URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/51851 .
3. Иссерс, О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О.С. Иссерс // Вестник ОмГУ, 2011, №4. — С. 227–232.
4. Иссерс, О.С. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации / О.С. Иссерс. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. — 182 с.
5. Конституция Республики Беларусь // URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/.
6. Линченко, А.А. Память о Великой Отечественной войне в комментариях к региональным интернет-СМИ: опыт комбинации машинного обучения и критического дискурс-анализа / А.А. Линченко, О.В. Головашина, Д.А. Аникин, А.С. Сысоев, В.А. Калитвин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2025, № 2. — С. 45–65. — DOI https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2552.
7. Метлушко, И.В. Коллективная память о Великой Отечественной войне в языковом и культурном пространстве Республики Беларусь / И.В. Метлушко // Замежныя мовы, 2025, Вып. 3(97). — С. 19–35.
8. Метлушко, И.В. Хатынь и ее сестры: от метафоры к репрезентации коллективной памяти о Великой Отечественной войне / И.В. Метлушко //Traditie şi inovare în cercetarea ştiinţifică: **m**aterialele conferinţei. Bălţi.: Universitatea de stat “Alecu Russo” din Bălţi, 2024. — P. 28–33.
9. Миллер, А.И. Память о Второй мировой войне за пределами Европы / А.И. Миллер, А.В. Соловьев. — СПб.: Издательство Европейского университета. 2022. — 264 с.
10. Пушина, Н.И. Язык войны vs язык мира / Н.И. Пушина, О.М. Пушин // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология», 2020, №5**.** — С. 820–827. — DOI https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-820-827.
11. Репина, Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования / Л. П. Репина // Диалог со временем, 2016, №. 54. — С. 9–15.
12. Теркулов, В.И. Лингвистика войны: тактика восприятия и воздействия / В.И. Теркулов // Журнал СФУ. Гуманитарные науки, 2023. №6. — С. 862–870.
13. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html.
14. Reddy, W M. The Navigation of Feeling: a Framework for the History of Emotions / W.M. Reddy. — North Carolina: Duke University, 2009. — 380 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Памятник жертвам нацизма установили на месте бывшего входа в Пинское гетто // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/regions/view/pamjatnik-zhertvam-natsizma-ustanovili-na-meste-byvshego-vhoda-v-pinskoe-getto-671752-2024/(дата обращения: 10.04.2025).
16. На пути к «лесному Иерусалиму». Как новогрудский музей хранит память о побеге местных евреев из гетто // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/regions/view/na-puti-k-lesnomu-ierusalimu-kak-novogrudskij-muzej-hranit-pamjat-o-pobege-mestnyh-evreev-iz-getto-761317-2026/ (дата обращения: 20.06.2026).
17. День памяти жертв Холокоста и героев еврейского сопротивления 2023 // gov.il. — Режим доступа: https://www.gov.il/ru/pages/yom-ha-shoah-2023 (дата обращения: 20.05.2025).
18. День памяти жертв Холокоста и героев еврейского сопротивления 2025 // gov.il. — Режим доступа: https://www.gov.il/ru/pages/yom-ha-shoah-2025 (дата обращения: 20.06.2025).
19. «Для Беларуси это очень важно». Почему нужно восстанавливать имена жертв геноцида? // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/society/view/dlja-belarusi-eto-ochen-vazhno-pochemu-nuzhno-vosstanavlivat-imena-zhertv-genotsida-587821-2023/ (дата обращения: 11.04.2025).
20. Визит министра иностранных дел Гидеона Саара в Берлин // gov.il. — Режим доступа: https://www.gov.il/ru/pages/fm-saar-visits-berlin-5-6-25 (дата обращения: 20.09.2025).
21. Уцелевшие в Холокосте зажгут шесть факелов на церемонии начала Йом ха-Шоа // gov.il. — Режим доступа: https://www.gov.il/ru/pages/6-torchlighters-yad-vashem-yom-ha-shoa-ceremony-2024 (дата обращения: 20.09.2025).
22. «Нужно возвратить истории имена жертв». Историк о сохранении памяти о пострадавших от фашизма // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/interview/view/nuzhno-vozvratit-istorii-imena-zhertv-istorik-o-sohranenii-pamjati-o-postradavshih-ot-fashizma-9791/ (дата обращения: 11.11.2025).
23. «Здесь будет тишина». Когда и как изменится музей еврейского сопротивления в Новогрудке // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/regions/view/zdes-budet-tishina-kogda-i-kak-izmenitsja-muzej-evrejskogo-soprotivlenija-v-novogrudke-785442-2026/ (дата обращения: 15.11.2025).
24. В Бресте вспомнили трагедию холокоста: тогда в одночасье была уничтожена часть города // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/regions/view/v-breste-vspomnili-tragediju-holokosta-togda-v-odnochasje-byla-unichtozhena-chast-goroda-761306-2026/ (дата обращения: 05.03.2026).
25. «Выбор в пользу жизни и человечности». Выставку о праведниках народов мира представили в Минске // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/culture/view/vybor-v-polzu-zhizni-i-chelovechnosti-vystavku-o-pravednikah-narodov-mira-predstavili-v-minske-762741-2026/ (дата обращения: 05.03.2026).
26. Судьбы, измененные войной. В столице почтили память жертв Минского гетто // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/regions/view/sudby-izmenennye-vojnoj-v-stolitse-pochtili-pamjat-zhertv-minskogo-getto-670350-2024/ (дата обращения: 05.03.2026).
27. Неугасимый огонь памяти. 11 апреля — Международный день освобождения узников фашистских концлагерей // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/society/view/neugasimyj-ogon-pamjati-11-aprelja-mezhdunarodnyj-den-osvobozhdenija-uznikov-fashistskih-kontslagerej-774969-2026/ (дата обращения: 05.05.2026).
28. «Может быть, выберемся из этого ада». История восстания евреев в Несвиже в 1942 году // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/society/view/mozhet-byt-vyberemsja-iz-etogo-ada-istorija-vosstanija-evreev-v-nesvizhe-v-1942-godu-559950-2023/ (дата обращения: 05.05.2026).
29. Символ бесстрашия и милосердия. Жители деревни Поречье в годы ВОВ спасли 40 еврейских детей // БелТА. — Режим доступа: https://belta.by/regions/view/simvol-besstrashija-i-miloserdija-zhiteli-derevni-porechje-v-gody-vov-spasli-40-evrejskih-detej-717213-2025/ (дата обращения: 30.05.2026).
30. День памяти жертв Холокоста и героев еврейского сопротивления 2025 // gov.il. — Режим доступа: https://www.gov.il/ru/pages/yom-ha-shpah-2024 (дата обращения: 20.06.2025).

REFERENCES

1. Zakon Respubliki Belarus' O genotside belorusskogo naroda [Law of the Republic of Belarus "On the Genocide of the Belarusian People"]. (2022). pravo.by. Retrieved from https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200146. (In Russian).
2. Zakon Rossiiskoi Federatsii Ob uvekovechenii pamyati zhertv genotsida sovetskogo naroda v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov [Law of the Russian Federation "On the Perpetuation of the Memory of the Victims of the Genocide of the Soviet People during the Great Patriotic War of 1941–1945"]. (2025). kremlin.ru. Retrieved from https://www.kremlin.ru/acts/bank/51851. (In Russian).
3. Issers, O.S. (2011). Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' [Discursive practice as observable reality]. Vestnik OmGU, (4), 227–232. (In Russian).
4. Issers, O.S. (2015). Diskursivnye praktiki sovremennoi institutsional'noi kommunikatsii [Discursive practices of modern institutional communication]. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet. (In Russian).
5. Konstitutsiya Respubliki Belarus [Constitution of the Republic of Belarus]. (1994). pravo.by. Retrieved from https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/. (In Russian).
6. Linchenko, A.A., Golovashina, O.V., Anikin, D.A., Sysoev, A.S., & Kalitvin, V.A. (2025). Pamjat' o Velikoi Otechestvennoi voine v kommentariyakh k regional'nym internet-SMI: opyt kombinatsii mashinnogo obucheniya i kriticheskogo diskurs-analiza [Memory of the Great Patriotic War in comments to regional online media: An experience of combining machine learning and critical discourse analysis]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, (2), 45–65. https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2552. (In Russian).
7. Metlushko, I.V. (2025). Kollektivnaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine v yazykovom i kul'turnom prostranstve Respubliki Belarus' [Collective memory of the Great Patriotic War in the linguistic and cultural space of the Republic of Belarus]. Zamezhnyyia movy, (3), 19–35. (In Russian).
8. Metlushko, I.V. (2024). Khyatyn' i ee sestry: ot metafory k reprezentatsii kollektivnoi pamyati o Velikoi Otechestvennoi voine [Khatyn and its sisters: From metaphor to representation of collective memory about the Great Patriotic War]. In Traditie şi inovare în cercetarea ştiinţifică: materialele conferinţei (pp. 28–33). Bălţi: Universitatea de stat "Alecu Russo" din Bălţi. (In Russian).
9. Miller, A.I., & Solov'ev, A.V. (2022). Pamyat' o Vtoroi mirovoi voine za predelami Evropy [Memory of the Second World War beyond Europe]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. (In Russian).
10. Pushina, N.I., & Pushin, O.M. (2020). Yazyk voiny vs yazyk mira [Language of war vs language of peace]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya", (5), 820–827. https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-820-827. (In Russian).
11. Repina, L.P. (2016). Istoricheskaya pamyat' i natsional'naya identichnost': podkhody i metody issledovaniya [Historical memory and national identity: Approaches and research methods]. Dialog so vremenem, (54), 9–15. (In Russian).
12. Terkulov, V.I. (2023). Lingvistika voiny: taktika vospriyatiya i vozdeistviya [Linguistics of war: Tactics of perception and influence]. Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki, (6), 862–870. (In Russian).
13. European Parliament. (2019). European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). Retrieved from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html
14. Reddy, W.M. (2009). The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. North Carolina: Duke University.

Поступила в редакцию: 02.07.2026

COLLECTIVE MEMORY AND DISCOURSE PRACTICES OF NOMINATING HOLOCAUST-AFFECTED PERSONS IN CONTEMPORARY BELARUSIAN AND ISRAELI MEDIA

I.V. Metlushko

The article is aimed at verifying the hypothesis that different linguocultures have both common and unique features in discourse nominating practices related to some affectively charged experience. Based on discourse, componential, quantitative, and comparative analyses of contemporary Belarusian and Israeli media the nominations of Holocaust-affected persons are studied. With the interest in preservation of collective memory of

World War II being traced, common and different features in nominating discourse practices in both countries have been revealed. The common features for Belarusian and Israeli media are numerous nominations for various groups affected by the Holocaust and predominance of nominations of *victims*. The distinctive feature of the Belarusian media under study is the framing of the genocide of Jews within the broader concept of the genocide of the Belarusian people, which leads to a roughly equal reference to the survival experience of different groups — *persons subjected to forced imprisonment or displacement*; *survivors*; *groups subjected to genocide*; *victims*. 97.2% of all nominations of Holocaust-affected persons in Israeli media belongs to *Holocaust victims* and *survivors*, that enables personalization of the tragedy and its consequences.

Key words: Holocaust, collective memory, discourse nominative practice, memory discourse, media discourse, World War II.

Метлушко Ирина Владимировна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Белорусский государственный университет иностранных языков, Республика Беларусь, г. Минск.
Доцент кафедры фонетики и грамматики английского языка, руководитель лаборатории по изучению дискурса памяти.
ORCID: 0009-0003-6444-5447
metluschko@mail.ru.

Metlushko Irina Vladimirovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Belarusian State University of Foreign Languages, Republic of Belarus, Minsk.

Associate Professor at Chair of English Phonetics and Grammar, Head of Scientific Laboratory of Memory Discourse Studies.
ORCID: 0009-0003-6444-5447
metluschko@mail.ru.

Научная статья
УДК: 811.111-26
DOI: 10.5281/zenodo.22065755

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ДИМИНУТИВНОСТИ И АУГМЕНТАТИВНОСТИ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© 2025 ***М.Д. Пежемская[1], Т.В. Тюрнева[2]***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»
ORCID[1] 0009-0000-7399-7348.
ORCID[2] 0000-0001-9554-4526.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе рассматриваются гендерные особенности употребления категорий диминутивности и аугментативности в английском языке. Проблема исследования заключается в недостаточной эмпирической верификации гипотез американских социолингвистов (J. Coates, J. Holmes, D. Tannen, R. Lakoff) об употреблении экспрессивной лексики в женской и мужской речевой практике. Материалом послужили данные анкетирования 94 носителей английского языка, включающего 8 вопросов о частоте употребления, самоанализе, примерах и стереотипах актуализации диминутивов и аугментативов в английской языковой картине мира. В ходе исследования использовались метод сплошной выборки языкового материала из анкет респондентов, метод лингвистического описания и классификации диминутивных и аугментативных единиц, контекстуально-прагматический анализ их употребления, сравнительно-сопоставительный анализ особенностей мужской и женской речи, а также элементы количественного анализа для статистической обработки полученных данных. Основные результаты подтверждают гипотезу: женщины чаще применяют диминутивы, мужчины — аугментативы для экспрессивного усиления, что вносит определенный вклад в социолингвистику и методику преподавания межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: английский язык, диминутивность, аугментативность, лингвистическая норма, гендер, стереотип, языковая картина мира.

Для цитирования: Пежемская М.Д. Особенности актуализации категорий диминутивности и аугментативности в гендерном аспекте на материале английского языка / М.Д. Пежемская, Т.В. Тюрнева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 106–114. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22065755.

Введение. В современном лингвистическом дискурсе особое внимание уделяется грамматическим и лексическим категориям, выражающим коммуникативные девиации, способствующие более сильному эмоциональному воздействию на собеседника, поскольку они отражают не только когнитивные, но и социальные аспекты языковой картины мира. Коммуникативные девиации являют собой отклонения от стандартных норм и правил речевого поведения, которые в контексте речевого акта могут проявляться в нарушении лингвистических, прагматических или социальных норм общения с целью привлечь внимание, вызвать эмоциональную реакцию, подчеркнуть особую позицию говорящего или выразить протест. К подобным девиациям можно отнести диминутивы и аугментативы, поскольку они представляют собой отклонение от лингвистической нормы.

Раздел «Понятие нормы» в работе Н.Д. Арутюновой посвящен анализу категории лингвистической нормы как фундаментального понятия, связывающего язык, мышление и мир человека [1]. Автор рассматривает норму как базовый ориентир, который отделяет привычное, ожидаемое и социально приемлемое от аномального и отклоняющегося. В основе понимания нормы лежит идея нормативной картины мира, которая определяется как устойчивая система представлений и ценностей, формирующаяся в языке и культуре и служащая ориентиром для восприятия и оценки действительности. Норма выступает как критерий, с помощью которого человек соотносит свои знания, опыт и оценки с общепринятыми стандартами.

Автор подчеркивает, что язык одновременно отражает и поддерживает эту нормативность, обеспечивая упорядоченность мышления и коммуникации. При этом он не исключает существование аномалий, то есть, явлений, выходящих за пределы нормы, которые, однако, играют важную роль в развитии языка и культуры, стимулируя обновление и расширение нормативных рамок. Яркими представителями таких аномалий являются диминутивы и аугментативы.

Стоит отметить, что ранее диминутивы и аугментативы не были исследованы с точки зрения понятия нормы, что позволяет предложить новые определения для этих терминов, а также выделить нормативные и гендерные параметры их употребления.

В современных исследованиях также наблюдается растущий интерес к гендерной лингвистике. В настоящее время гендерные исследования в гуманитарных науках занимают одно из центральных мест, приковывая к себе все возрастающее внимание. Этот динамично развивающийся дисциплинарный простор не только активно выстраивает собственную методологию, но и структурирует понятийный аппарат, который находит широкое применение в различных областях гуманитарного знания, включая лингвистику. Однако стремительное развитие гендерных исследований порождает множественность толкования понятия «гендер», вызывая тем самым дискуссии и разногласия. Как отмечает Г. Брандт, понятие «пол» подразумевает врожденные, природные признаки, в то время как «гендер» охватывает приобретенные в процессе социализации особенности речевого поведения, коммуникативных стратегий, ролевых моделей, формируемых под влиянием культурной среды [3, с. 169].

Гендер и эмотивная сторона языка тесно взаимосвязаны, что проявляется как в особенностях выражения эмоций, так и в выборе языковых средств. Без сомнения, репрезентация эмоций является одной из основных функций языка. Эмоции человека передаются с помощью различных языковых средств, и, как известно, каждый язык обладает особыми способами передачи отношения, настроения, эмоций и чувств говорящего. Как отмечается в работах по социолингвистике, женщины, как правило, чаще прибегают к диминутивным формам для выражения вежливости и эмоциональной солидарности, в то время как мужчины предпочитают аугментативы для утверждения силы и доминирования. В частности, эмпирическое исследование «The Use and Frequency of Diminutives in American English» [13] на основе корпусов выявило более высокую частоту употребления диминутивов именно в женских текстах, а М. Мель и Дж. Пеннебейкер, основываясь на проведенном анализе гендерных особенностей, пришли к выводу, что женщины чаще употребляют лексику, которая выражает положительные эмоции, в то время как мужчины чаще проявляют гнев и негативные эмоции, используя в том числе аугментативы [9, с. 866].

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили данные анкетирования, проведенного среди носителей английского языка (всего 94 респондента, из них 47 — женщины, 47 — мужчины, возрастной диапазон 18–60 лет). Анкета включает в

себя вопросы о частоте, стереотипных представлениях и контекстах употребления диминутивной и аугментативной лексики, а также открытые примеры из повседневной речи. Гипотеза работы опирается на идеи ведущих американских социолингвистов: J. Coates [5], J. Holmes [6], M. Meyerhoff [10], D. Tannen [11], R. Lakoff [8].

В ходе исследования применялись следующие методы: метод сплошной выборки языкового материала из анкет респондентов, метод лингвистического описания и классификации диминутивов и аугментативов, контекстуально-прагматический анализ их употребления, сравнительно-сопоставительный анализ особенностей мужской и женской речи, а также были использованы элементы количественного анализа для статистической обработки данных.

Целью работы является выявление особенностей актуализации категорий диминутивности и аугментативности в английском языке в гендерном аспекте. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1) собрать и проанализировать эмпирические данные об употреблении диминутивов и аугментативов;

2) подтвердить или опровергнуть гипотезу о преобладании диминутивов у женщин и аугментативов у мужчин;

3) описать прагматические функции этих категорий.

Значимость исследования заключается в дополнении социолингвистических моделей гендерных различий речевым поведением на современном материале, что актуально для разработки гендерно-чувствительных методик преподавания английского языка и межкультурной коммуникации.

Основная часть. Первая и основная цель использования аугментативной и диминутивной лексики в речи заключается в реализации избыточной коммуникативной энергии и репрезентации эмоций говорящего. Свойства уменьшения, усиления, гиперболизации и отклонения от нормы повышают значимость использованной лексики, расставляют логические акценты и позволяют интерпретировать речевую ситуацию в определенном контексте. А.С. Ососкова подчеркивает, что данные единицы характеризуются развитой системой словообразовательных и семантических средств, отражающих особенности англоязычной картины мира, а также демонстрируют вариативность оценочных значений в зависимости от коммуникативной ситуации [4]. Также в совместной работе О.Л. Бессоновой и А.С. Ососковой подробно описаны структурные типы английских аугментативных наименований лица и способы реализации увеличительной семантики на словообразовательном и синтаксическом уровнях [2]. Полученные результаты создают теоретическую основу для дальнейшего исследования прагматических и социолингвистических особенностей функционирования диминутивов и аугментативов, в том числе в гендерном аспекте.

Диминутивы и аугментативы представляют собой номинации любой сложности, содержащие сему «меньше нормы» или «больше нормы» соответственно, а также выполняющие коммуникативно-прагматические функции. В английском языке диминутивы могут быть образованы с помощью усечения (*Elisabeth — Beth*), морфем (*-ie*: *horsie; -y: dolly; -let: cloudlet; mini-: minifigure* и др.), а также встречаются на лексико-синтаксическом (*tiny vase*) и фразеологическом (*to make a flying visit*) уровнях. Аугментативы, подобно диминутивам, могут быть образованы в английском языке в результате трансформаций как внутри слова с помощью морфем (*over-: overweight, super-: supervision; -zilla: Bridezilla* и др.), так и за его пределами — лексико-синтаксическом (с помощью лексем: *enormous magma dome* и повторов: *a long long worm*) и фразеологическом (*to promise the moon*) уровнях.

В работе Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive [7] автор подчеркивает, что диминутивы выполняют важную коммуникативную функцию, позволяя передавать эмоциональное отношение говорящего к объекту, в рамках которого выделяются следующие коммуникативные цели: выражение ласки и умиления или иронии и пренебрежения. При этом в женской речи диминутивы используются значительно чаще и преимущественно для выражения позитивной оценки, смягчения высказывания, создания эмоциональной близости и поддержки. Женщины склонны применять уменьшительные формы в более широком спектре ситуаций, что связано с их коммуникативной стратегией, направленной на установление и поддержание межличностных отношений. В мужской речи диминутивы встречаются реже и чаще несут иронический или пейоративный оттенок. Аугментативы в мужской речи, напротив, служат для выражения силы, значимости, иногда — агрессии или пренебрежения. Мужчины чаще используют увеличительные формы для подчеркивания масштабности, важности или грубости объекта оценки.

Д. Таннен в своей работе You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation [12] анализирует гендерные различия в коммуникации как источник недопонимания, возникающего из разных целей речи: женщины используют язык для установления теплых отношений и эмоциональной близости, выражая эмоции открыто, мужчины — для передачи информации, статуса, минимизируя употребление диминутивной лексики.

Р. Лакофф [8] вводит понятие women's language как маркер социального неравенства: женщины говорят «слабее» мужчин из-за социализации, которая учит их избегать грубых выражений, проявлять неуверенность и фокусироваться на «тривиальных» темах, подчеркивая их маргинальность и зависимость. Так, автор указывает, что для женского языка характерны смягчение, эмоциональная оценка, вежливые формы, а также избегание грубой и негативно окрашенной лексики, которая встречается в основном в мужской речи.

Для эмпирического подтверждения или уточнения данных гипотез был проведен оригинальный опрос среди 94 носителей английского языка (50% мужчин, 50% женщин, возраст 18–60 лет). В исследовании приняли участие представители разных стран, где английский является официальным языком (США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия и Южная Африка), с высшим профессиональным образованием. Предварительно участникам опроса была предложена инструкция, в которой указаны определения диминутивов и аугментативов, цели и задачи исследования. Респонденты отвечали на предложенную анкету, включающую следующие вопросы:

1. Please indicate your gender:
    a) Man
    b) Woman
2. How often do you use diminutives in speech?
    a) At all times and in all circumstances
    b) Regularly, but do not use in official speech
    c) I try to avoid using that kind of lexis
    d) Another variant: .
3. How often do you use augmentatives in speech?
    a) At all times and in all circumstances
    b) Regularly, but do not use in official speech
    c) I try to avoid using that kind of lexis
    d) Another variant: .
4. What diminutives do you usually use in speech?

5. What augmentatives do you usually use in speech?
6. How do you think, who uses diminutives more often?
   a) Men
   b) Women
   c) Children, regardless of gender
   d) Older people, regardless of gender
7. How do you think, who uses augmentatives more often?
   a) Men
   b) Women
   c) Children, regardless of gender
   d) Older people, regardless of gender
8. What is the most unusual diminutive and/or augmentative you have heard?

Второй и третий вопросы направлены на выявление гендерных различий в самоотчетах, основывающихся на частоте употребления диминутивов и аугментативов:

Категория	**Мужчины**	**Женщины**
Диминутивы		
Регулярное употребление	-	17 (36%)
Регулярное употребление кроме деловой речи	3 (6%)	23 (49%)
Избегание употребления	14 (30%)	7 (15%)
Другой вариант: неупотребление	30 (64%)	-
Аугментативы		
Регулярное употребление	4 (9%)	-
Регулярное употребление кроме деловой речи	31 (66%)	3 (6%)
Избегание употребления	9 (19%)	39 (83%)
Другой вариант: неупотребление	3 (6%)	5 (11%)

Таблица 1. Частота употребления диминутивов и аугментативов мужчинами и женщинами

Таким образом, мужчины демонстрируют высокий отказ от диминутивов (94% не используют или избегают), женщины — регулярное употребление (64%). Аугментативы чаще встречаются у мужчин (75% регулярно в определенной обстановке), у женщин — почти не встречаются в речи (6%). Аугментативы и диминутивы встречаются в английской языковой картине не повсеместно, поскольку они могут затруднить интерпретацию передаваемой информации. Более того, использование эмоционально окрашенной лексики в формальной обстановке может быть воспринято как нарушение регистра общения.

На четвертый и пятый вопросы респонденты давали развернутые ответы. В результате было выделено около 30 диминутивов и 20 аугментативов, которые, по мнению участников опроса, наиболее часто употребляются в их речи. Была предложена следующая классификация полученных ответов:

Категория	**Мужчины**	**Женщины**	**Оба пола**
Диминутивы			
Употребляемые по отношению к людям	*dearie*	*cutie, laddo, bestie, cutie patootie, pookie wookie*	*mommy, kiddo, sweetie*

Употребляемые по отношению к животным	*buddy, puppy*	*catling, squirreling, horsie, birdie, piglet, gosling*	*doggy, bunny*
Употребляемые по отношению к неодушевленным предметам	-	*booklet, dolly, cloudlet, leaflet, floweret, kitchenette, droplet, hillock*	*miniskirt*
Аугментативы			
Употребляемые по отношению к людям с положительной оценкой	*workzilla, megaboss*	*megastar, momzilla*	*supermom*
Употребляемые по отношению к людям с негативной оценкой	*archrival, superfan, extra, bridezilla, overthink*	*womanizer, shopzilla*	*overweight*
Употребляемые по отношению к неодушевленным предметам	*superglue*	-	*megastore, supermarket*

Таблица 2. Примеры диминутивной и аугментативной лексики

Женщины демонстрируют более широкое и вариативное применение диминутивной лексики, особенно по отношению к неодушевленным объектам и выражению эмоциональной близости, тогда как мужчины сосредоточены на ограниченном наборе ласкательных форм в общении. Однако мужчины значительно активнее применяют аугментативные формы для оценки и выражения эмоций по отношению к людям и неодушевленным предметам — как в положительном, так и в отрицательном ключе. Помимо этого, мужчины демонстрируют особую креативность в создании новых аугментативных лексем, комбинируя корни слов с префиксами или используя редкие исторические формы. Этот гендерный паттерн отражает прагматическую потребность мужчин в лаконичных, но мощных экспрессивных средствах, что соответствует их большей склонности к стратегиям конкуренции и доминирования.

Следующие два вопроса выявляют стереотипы в употреблении диминутивов и аугментативов среди разных возрастных групп:

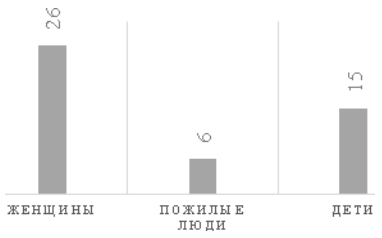
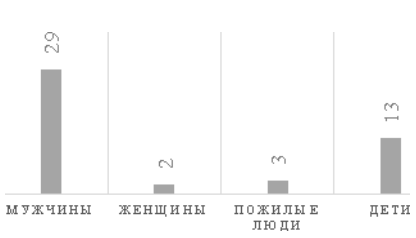
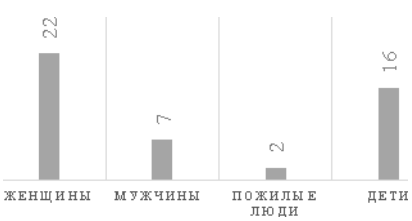
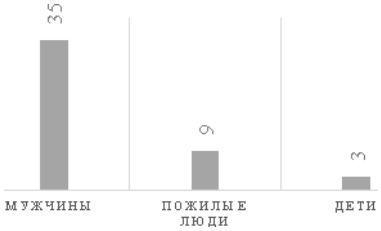
	Диминутивы	Аугментативы
Мужчины		
Женщины		

Таблица 3. Стереотипное представление об употреблении диминутивов и аугментативов

Основываясь на результатах, можно сделать вывод, что мужчины и женщины сходятся во мнении, что основными пользователями диминутивной лексики являются женщины и дети (80%). При этом обе гендерные группы единодушны в том, что мужчины почти не употребляют диминутивы, но широко используют аугментативную лексику (68%), что, в свою очередь, подчеркивает устойчивость гендерных стереотипов в восприятии словообразовательных средств.

Последний вопрос носил факультативный характер, поэтому было представлено всего 6 необычных диминутивов и аугментативов: *footsie, teensy-weensy, monstrous, ginormous, megabioscop, gargantuan*. Таким образом, создание диминутивной и аугментативной лексики остается актуальным в современном английском языке, отражая живую и постоянно развивающуюся систему словообразования.

Что касается гендерных особенностей, анализ эмпирических данных подтверждает теоретические положения о гендерной дифференциации: женщины демонстрируют более высокую частоту использования диминутивов (49% регулярно кроме деловой речи против 6% у мужчин), преимущественно в эмоционально-ласкательных контекстах (*bestie, horsie, dolly*), что соответствует моделям Р. Лакофф и Дж. Коутс о языке женщин как инструменте установления гармоничных отношений и вежливости. Мужчины, напротив, реже прибегают к диминутивным формам (94% избегают или не используют), ограничиваясь ласкательными формами по отношению к женщинам и детям (*sweetie*, *dearie*). Аугментативы актуализируются мужчинами чаще (75% регулярно против 6% у женщин), что отражает стереотипы о языке мужчин как агрессивном и грубом. Таким образом, диминутивы и аугментативы продолжают сохранять важную роль в экспрессивной системе английского языка, однако их использование строго регламентировано нормами общения и поведения, что сдерживает их широкое распространение в речи носителей.

Заключение. Так, настоящее исследование выявляет, что диминутивы и аугментативы, выражая отклонение от лингвистической нормы, являются маркерами гендерных стереотипов и служат инструментами выражения оценочных и эмоциональных оттенков, отражая различия в мужской и женской речевой практике. Проведенное исследование выявило ключевые особенности актуализации диминутивности и аугментативности в гендерном аспекте английского языка: женщины ориентированы на эмоциональную выраженность через диминутивы, мужчины — на интенсивность с помощью аугментативов, с общим табу в формальных контекстах.

Прагматические функции диминутивов и аугментативов в современном английском языке выполняют ключевую роль в модуляции коммуникативного воздействия, усиливая эмоциональную окраску и социальную дистанцию. Диминутивы преимущественно реализуют функции солидарности, вежливости и эмоциональной близости, тогда как аугментативы, напротив, служат гиперболизации, усилению интенсивности и утверждению доминантности. Стоит уточнить, что в определенном контексте эти словообразовательные категории могут выходить за рамки простой экспрессии, становясь эффективными прагматическими инструментами влияния.

Полученные результаты имеют прикладное значение для преподавания английского языка и межкультурной коммуникации, где учет гендерных предпочтений в использовании диминутивов и аугментативов может способствовать развитию коммуникативной компетенции и снижению стереотипных ошибок в речи изучающих. Кроме того, они подчеркивают значимость изучения прагматических феноменов и позволяют интегрировать данные о гендерной лингвистике при анализе естественного языка.

Перспективой дальнейшего исследования может быть сравнительный корпусный анализ диминутивной и аугментативной лексики в аутентичных текстах современных носителей английского языка, дополненный кросс-культурным сопоставлением с русским языком, где эти категории морфологически выражены ярче. Это позволит не только проверить устойчивость выявленных гендерных различий в естественной речи, но и выявить прагматические универсалии. В конечном итоге, такие исследования внесут вклад в понимание эволюции гендерных норм в языке под влиянием социокультурных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 911 с.
2. Бессонова О. Л., Ососкова А. С. Способы выражения аугментативной семантики наименований лица в английском языке / О. Л. Бессонова, А. С. Ососкова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2023. — Т. 27, № 4. — С. 10–21.
3. Брандт Г.А. Природа женщин как проблема: Концепция феминизма / Г. А Брандт // Общественные науки и современность. — Москва : Наука, 1998. — 189 с.
4. Ососкова А. С. Диминутивные и аугментативные наименования лица по признаку трудовой деятельности в английском языке / А. С. Ососкова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica, 2023. — Т. 19, № 4 (62). — С. 41-49.
5. Coates J. Women, men, and language : a sociolinguistic account of sex differences in language / J. Coates. — London : Longman, 1986. — 178 p.
6. Holmes Jю An introduction to sociolinguistics 6th Edition / J. Holmes, N. Wilson. — New York : Routledge, 2022. — 732 p.
7. Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive / D. Jurafsky // Language, 1996. — Vol. 72, № 3. — P. 533–578.
8. Lakoff R. T. Language and Woman's Place: Text and Commentaries / R. T. Lakoff ; ed. by M. Bucholtz. — Oxford : Oxford University Press, 2004. — 309 p.
9. Mehl M. R., Pennebaker J. W. The sounds of social life: a psychometric analysis of students' daily social environments and natural conversations // Journal of Personality and Social Psychology, 2003. — Vol. 84, № 4. — P. 857–870.
10. Meyerhoff M. Introducing sociolinguistics / M. Meyerhoff. — 3rd Edition. — New York : Routledge, 2018. — 400 p.
11. Tannen D. That's not what I meant!: how conversational style makes or breaks your relations with others / D. Tannen. — New York : Ballantine Books, 1990. — 179 p.
12. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation / D. Tannen. — New York : William Morrow and Company, 1990. — 330 p.
13. Thompson E. The Use and Frequency of Diminutives in American English [Электронный ресурс] / E. Thompson. — Academia.edu, 2014.—Режим доступа: https://www.academia.edu/9608647/The_Use_and_Frequency_of_Diminutives_in_American_English (дата обращения: 19.12.2025).

REFERENCES

1. Arutiunova, N. D. (1999). Iazyk i mir cheloveka [Language and the human world] (2nd ed., rev.). Iazyki russkoi kul′tury. (In Russian)
2. Bessonova, O. L., & Ososkova, A. S. (2023). Sposoby vyrazheniya augmentativnoy semantiki naimenovaniy litsa v angliyskom yazyke [Ways of expressing augmentative semantics of personal names in English]. Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki, 27(4), 10–21. (In Russian)
3. Brandt, G. A. (1998). Priroda zhenshchin kak problema: Kontseptsiia feminizma [The nature of women as a problem: The concept of feminism]. Obshchestvennye nauki i sovremennost′. (In Russian)
4. Ososkova, A. S. (2023). Diminutivnye i augmentativnye naimenovaniya litsa po priznaku trudovoy deyatel'nosti v angliyskom yazyke [Diminutive and augmentative personal names by occupational feature in English]. Studia Germanica, Romanica et Comparatistica, 19(4) (62), 41–49. (In Russian)
5. Coates, J. (1986). Women, men, and language: A sociolinguistic account of sex differences in language. Longman. (In English)
6. Holmes, J., & Wilson, N. (2022). An introduction to sociolinguistics (6th ed.). Routledge. (In English)

7. Jurafsky, D. (1996). Universal tendencies in the semantics of the diminutive. Language, 72(3), 533-578. (In English)
8. Lakoff, R. T. (2004). Language and woman's place: Text and commentaries. (M. Bucholtz, Ed.). Oxford University Press. (In English)
9. Mehl, M. R., & Pennebaker, J. W. (2003). The sounds of social life: A psychometric analysis of students' daily social environments and natural conversations. Journal of Personality and Social Psychology, 84(4), 857-870. (In English)
10. Meyerhoff, M. (2018). Introducing sociolinguistics (3rd ed.). Routledge. (In English)
11. Tannen, D. (1990a). That's not what I meant!: How conversational style makes or breaks your relations with others. Ballantine Books. (In English)
12. Tannen, D. (1990b). You just don't understand: Women and men in conversation. William Morrow and Company. (In English)
13. Thompson, E. (2014). The use and frequency of diminutives in American English. https://www.academia.edu/9608647/The_Use_and_Frequency_of_Diminutives_in_American_English (In English)

Поступила в редакцию 12.02.2026г.

ACTUALIZATION OF CATEGORIES OF DIMINUTIVITY AND AUGMENTATIVITY IN ENGLISH IN GENDER ASPECT

M.D. Pezhemskaya, T.V. Tyurneva

The paper examines gender-specific features of the use of diminutivity and augmentativity in English. The research problem lies in the insufficient empirical verification of hypotheses by American sociolinguists (J. Coates, J. Holmes, D. Tannen, R. Lakoff) regarding the use of expressive vocabulary in female and male speech practices. The empirical corpus consists of data from a survey of 94 English speakers, including 8 questions on the frequency of use, self-analysis, examples, and stereotypes of diminutives and augmentatives in the English linguistic worldview. A number of methods have been applied in the course of the study, among them are as follows: the method of continuous sampling of linguistic material from respondents' questionnaires, the method of linguistic description and classification of diminutive and augmentative units, contextual and pragmatic analysis of their use, comparative analysis of the characteristics of male and female speech, as well as elements of quantitative analysis for statistical processing of the data obtained. The main results confirm the hypothesis the women more frequently use diminutives, while men use augmentatives for expressive intensification. The observations and the conclusions made contribute to the field of sociolinguistics and methods of teaching intercultural communication.

Key words: English language, diminutive category, augmentative category, linguistic norm, gender, stereotype, linguistic worldview.

Пежемская Марина Дмитриевна.
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация.
Магистрант.
ORCID 0009-0000-7399-7348.
E-mail: marina.pezh@yandex.ru

Тюрнева Татьяна Викторовна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация.
Зав. кафедрой английской филологии, доцент.
ORCID 0000-0001-9554-4526.
E-mail: tyurneva_tv@bk.ru

Pezhemskaya Marina Dmitrievna.
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation.
Master's student.
ORCID 0009-0000-7399-7348.
E-mail: marina.pezh@yandex.ru

Tyurneva Tatiana Viktorovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation.
Head of English Philology Department, Associate Professor.
ORCID 0000-0001-9554-4526.
E-mail: tyurneva_tv@bk.ru

Научная статья
УДК 316.77
DOI: 10.5281/zenodo.22065927

МЕДИАЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАРРАТИВНЫХ АРТ-ПРАКТИК

© 2026 *Е.С. Радионцева*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный технический университет»
ORCID 0000-0002-2248-198X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Исследование посвящено вовлеченности арт-индустрии в медиаэстетическую практику — в частности, использованию приемов, которые погружают реципиента в эмоционально-чувственный мир. Материалом анализа послужили коммуникационные проекты-победители конкурса «Инфоповод года» российской системы мониторинга СМИ и социальных сетей «Медиалогия» с 2023 года. Анализ показал, что медиаэстетическая компонента выступает и как элемент разработки контента, и как часть его репрезентации. Арт-индустрия задействует медиаэстетику — эксплицитно и имплицитно, — чтобы формировать у аудитории спектр впечатлений. Среди выявленных приемов — видеоэкскурсии, видеоигры, дополненная и виртуальная реальность. Они демонстрируют связь арт-индустрии с цифровыми технологиями: те трансформируют традиционное восприятие искусства в практики получения впечатлений, а на эмотивный потенциал нарративных арт-практик влияют когнитивные и сенсорные процессы.

Ключевые слова: медиаэстетика, медиаэстетические приемы, медиаэстетическая компонента, арт-практика, восприятие искусства.

Для цитирования: Радионцева Е.С. Медиаэстетические приемы в репрезентации нарративных арт-практик / Е.С. Радионцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 115–124. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22065927.

Введение. Исследования по медиаэстетике, направленные на постижение приемов, связанных с вовлечением и погружением реципиента в эмоционально-чувственный мир, свидетельствуют о том, что эстетическое направление выходит за пределы домена искусства, распространяется в плоскости повседневной коммуникации, органично соединенной с культурными и социальными практиками.

В связи с этим представляется интересным вопрос: насколько сама индустрия искусства вовлечена в медиаэстетическую парадигму? Какова степень вовлечения объектов арт-сферы в медиаэстетику? Какие приемы она использует, чтобы вызвать чувственный интерес у аудитории, для которой все меньше характерно глубокое погружение в художественное произведение и его контекст как исключительно самостоятельный домен?

Цель нашего исследования — выявить медиаэстетические приемы в репрезентации нарративных арт-практик в индустрии искусства.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования стали материалы конкурса «Инфоповод года» российской компании-разработчика автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей «Медиалогия». Хронологические рамки исследования — данные конкурса с 2023 года по настоящий момент. Этот период ознаменовался уходом с рынка зарубежных игроков, что позволяет выявить специфику коммуникационных

арт-практик российской индустрии. Всего в базе анализа 63 проекта, сообщения о которых представлены в 37 136 текстах разных типологических сегментов СМИ и соцмедиа.

Методологической базой анализа стал медиаэстетический подход. При работе мы опирались на метод направленной выборки, качественный контент-анализ, семиотический анализ и сравнительно-сопоставительный метод. Анализ проходил поэтапно: на первом этапе — предварительный просмотр и каталогизация проектов; второй этап был основан на контент-анализе, семиотическом анализе, дискурс-анализе. Комбинаторность методологии позволила классифицировать приемы, используемые арт-индустрией при продвижении организаций и их коммуникационных продуктов в сфере культуры и искусства; выявить медиаэстетические практики, используемые в отрасли.

Обзор литературы

Вопросы восприятия искусства всегда интересовали исследователей, особенно представителей психологической школы. Одной из первых в этом направлении стала теория «вчувствования» немецкого психолога и эстетика Теорода Липпса (1851–1914), осмысленная в работе О. Кривцун «Психология искусства» [10]. К проблеме восприятия искусства обращались Л.С. Выготский (1896–1934) [9], А.А. Потебня (1835–1891) [15, 16]. Аудитория как объект исследования при восприятии искусства осмыслена в труде гештальтпсихолога Рудольфа Арнхейма [2]. Настоящим источником вдохновения советских исследователей стал рефлексологический метод, автором которого является В. Бехтерев [4, 5]. Особый вклад в исследования по восприятию искусства внес А.Н. Леонтьев [12] и В.М. Аллахвердов [1].

Представители психологической школы полагают, что художественный текст стимулирует работу сознания над противоречиями и порождает нахождение смыслов, которые одновременно с осознаваемыми загадками решают неосознаваемые. Решение последних вызывает эмоции. Получаемая эмоциональная подзарядка вдохновляет на поиск творческих решений и новых идей во всех областях человеческой жизни.

Тема, связанная с особенностями восприятия отдельных видов искусства, и сегодня формирует актуальное направление современного научного дискурса [7, 11, 14, 19]. «Множество художественных практик XXI века преимущественно не выражают смысл, но «заражают» неким состоянием, «захватывают» реципиента, «погружают» и «удерживают» внутри созданной художником среды», — пишет А.В. Венкова [8, с. 612], подчеркивая актуальность нашего исследования.

Вклад психологов в понимание восприятия искусства, безусловно, ценный, однако психологическая школа рассматривала этот процесс как личностно детерминированный, не зависимый от воздействия факторов внешней среды. Одним из первых на зависимость восприятия искусства от технологий обратил внимание Вальтер Беньямин, немецкий философ, эстетик (1892–1940). В своем труде «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» [3] он заявил о влиянии технологического аспекта на восприятие искусства. Исследователь говорил о том, что традиционное искусство всегда требовало от реципиента сосредоточенного созерцания и глубокого погружения в контекст; в эпоху репродукции начинает преобладать рассеянное восприятие, ориентированное на развлечение и потребление.

Эстетик Беньямин заявляет о трансформации произведений искусства как физических объектов в контексте развития технологий создания культурных явлений. Средства репродукции конца XIX–начала XX веков (философ концентрируется на фотографии и кино как передовых медиаинструментах своей эпохи) сделали

возможным воспроизведение всех имеющихся объектов искусства, что изменило их воздействие на публику.

Технологическая воспроизводимость лишает произведение искусства его ауры — уникального присутствия во времени и пространстве, связи с историей, ритуалом, традицией. Репродукция, в отличие от оригинала, не обладает уникальным существованием, не связана с определенным местом и временем. Массовость, задаваемая технологией воспроизведения, смещает фокус восприятия произведений искусства с чисто эстетических позиций на выставочные. Искусство все больше ориентировано на демонстрацию и восприятие широкой публикой, а не на выполнение ритуальных функций.

В сборнике Art and the Public Sphere (1992) Уильям Джон Томас Митчелл (род. в 1942), теоретик медиа, визуальной культуры, литературы и искусства [20] исследует трансформацию искусства в условиях современной публичности и массовых коммуникаций. Автор анализирует, как меняется роль художественных практик и их взаимодействие с аудиторией в обновленном публичном пространстве.

Схожие вопросы в контексте цифровой среды поднимает и Лев Манович (род. в 1960). В книге «Теории софт-культуры» (2017) *[13*] он рассматривает новые медиа через призму истории искусств и дизайна. Манович вводит понятия «культурный софт» и «информационная эстетика», исследуя их влияние на человеческое восприятие и способность технологий выявлять скрытые механизмы современной культуры. Он заявляет о том, что информационное поведение пользователей определяется не эстетическим опытом или вкусом, а компьютерными «программами» или, если пользоваться его словами, software.

В 2011 году Герберт Зеттл подготовил монографию «Зрение, звук, движение: прикладная эстетика медиа» [21], посвященную теории и практическому применению эстетических элементов изображения, звука и движения в кино и на телевидении. Он утверждал, что элементы эстетического изображения, звук и движение влияют на восприятие сообщения. Эстетика прикладных медиа, заявляет автор, подчеркивает, что искусство — это не изолированный объект, спрятанный в музее; эстетические переживания в значительной степени являются частью повседневной жизни современного человека.

В искусствоведческом дискурсе вызывает внимание труд Клэр Бишоп «Рассеянное восприятие. Как мы смотрим на искусство и перфоманс сегодня» [6]. Автор исследует, как цифровые технологии изменили структуру восприятия искусства. Бишоп утверждает, что современный зритель больше не пассивный созерцатель — он участник многослойного перфоманса собственного внимания, переключающегося между разными режимами восприятия: от фокусного к фоновому, от глубокого к мимолетному.

Таким образом, восприятие искусства — предмет пристального исследовательского внимания. Развитие техники и технологий способствовало тому, что в сферу психологического дискурса, направленного на осмысление процесса восприятия искусства, стали вносить вклад специалисты медиакоммуникационной среды, в фокусе внимания которых — аспекты, связанные с влиянием цифровых технологий на восприятие информации и погружение реципиента в эмоционально-чувственный мир, то есть медиаэстетические приемы[3].

Основные результаты. В основу нашего исследования лег корпус коммуникационных проектов — победителей конкурса «Инфоповод года» российской

[3] Понятию «медиаэстетика» посвящены публикации Радионцевой Е.С. [16, 17].

системы мониторинга СМИ и соцмедиа «Медиалогия» за последние годы (конкурсы «Инфоповод года-2023» и «Инфоповод года-2024»). Из 63 проектов, представленных в базе анализа, 16 непосредственно связаны с доменом «культура» (22%).

По итогам 2024 года 7 проектов, коррелирующих с объектом нашего исследования, составили основу тематического раздела «Культура», впервые появившегося в структуре конкурса в этом периоде. Оставшиеся 9 проектов зафиксированы в итогах конкурса 2023 года и вписываются в разные тематические разделы: «IT и телеком», «Недвижимость», «Потребительские товары».

Ситуация обусловлена спецификой деятельности субъектов коммуникации: по итогам конкурса 2024 года это в основном учреждения культуры и искусства (Русский музей, Бахрушинский музей, музей-заповедник «Горки Ленинские», Геликон-Опера, Союзмультфильм, Московский зоопарк), по итогам конкурса 2023 года — разные по тематической специфике учреждения (российские девелоперские компании Glorax и MR Group; компания-производитель теплоизоляционных материалов из каменной ваты «Роквул»; сервис для покупок, аренды и прослушивания аудиокниг «Литрес»; сеть магазинов конструкторов «Мир кубики»; а также сервисы «Яндекс», «Одноклассники», «Авито»).

Как видим, субъекты коммуникационного поля делятся на два вида: первые представляют индустрию культуры и искусства; вторые относятся к коммерческому сектору экономики, однако мы включили их в базу анализа, поскольку качественный контент-анализ показал, что они транслируют эстетические ценности арт-индустрии.

Безусловно, учреждения культуры играют важную роль в формировании культурных ценностей; их деятельность направлена на сохранение, создание, распространение и освоение культурного наследия. Вместе с тем коммерческие организации также участвуют в формировании культурных практик. Они производят и реализуют коммуникационные продукты в индустрии искусства, медиа, развлечений. Организации могут поддерживать и развивать имидж предприятий, влияя на формирование ценностей в сознании потребителей. При этом стоит помнить о том, что разграничение предприятий на коммерческий и некоммерческий секторы условно — различные по направленности жанровые формы культурно-досуговых услуг характеризуются различными уровнями коммерциализации. Многие бюджетные учреждения нередко обращаются к коммерческим проектам.

Методика разработки коммуникационных проектов обозначенных выше видов субъектов коммуникации сводится к двум основным направлениям, не коррелирующим с тематической спецификой субъектов коммуникационного поля. В ходе анализа были выделены два блока на основе принципа «использование/неиспользование» в коммуникационном проекте медиаэстетической компоненты. Внутри первого блока (без медиаэстетической компоненты) выделены две разновидности проектов.

Первая создана на основе опроса респондентов, представлена одним примером.

Вторая группа опирается на креативную идею, органично вписанную в реальное пространство локуса и топоса (8 проектов). Сюда относятся: коммуникационный проект «Самое большое чучело на Масленицу сожгли в «Горках Ленинских» (инфоповод-2024, количество сообщений — 258); «Впервые на сцене «Геликон-Оперы» москвичи заключили брак» (инфоповод-2024, количество сообщений — 571); проект музея архитектуры им. А.В. Щусева о том, что выставку о стеклянном кирпиче фальконье посетили 60 тыс. человек (инфоповод-2023, количество сообщений — 267). В этой же группе находится и проект-рекордсмен по количеству сообщений за все годы проведения конкурса (11 022 публикации) — нарратив Московского зоопарка «Год панды Катюши: от первых шагов до всероссийской известности» (инфоповод-2024). Катюша — первая

большая панда, родившаяся на территории России. Основные события с участием Катюши сводятся к следующим: 16 января 2023 г. — первый выход во внутренний вольер; 8 марта — первый выход в экспозиционный вольер; февраль 2024 г. — символ фестиваля китайского Нового года в Москве и т.д. Эти и другие события благодаря СМИ стали достижением общественности, а продолжительное обращение к нарративу стало источником неоднократных публикаций. Медиаэстетические приемы в этой группе коммуникационных проектов не зафиксированы.

Второй блок нарративов представляет для нас особый интерес, поскольку создан с помощью или на основе медиаэстетической компоненты. Он насчитывает 7 коммуникационных проектов.

Среди этой группы проектов четыре созданы на основе медиаэстетических приемов, не предполагающих вовлечения реципиента в медиаэстетическую парадигму на этапе репрезентации продукта. Здесь медиаэстетика — это инструмент создания проекта, конструктивный элемент кампании, участвующей в проекте, основной технологический прием. Общеизвестно, что коммуникационные проекты можно классифицировать на основе роли искусственного интеллекта (ИИ) в коммуникационной системе. Это может быть «невидимый ИИ», когда нейросети используются внутри коммуникационной команды для ускорения рутинных задач; «ИИ как платформа участия», когда бренд создаёт или использует специальный генеративный интерфейс, позволяющий пользователям создавать собственные версии контента с бренд-ассетами; «ИИ как коммуникационный агент», где нейросеть действует в виде чат-бота, виртуального консультанта, персонажа бренда или «голоса» компании, поддерживая диалог, собирая обратную связь, помогая людям ориентироваться в продукте или инициативе; «ИИ как инструмент социального слушания и управления репутацией», где нейросети используются для наблюдения за медиаполем, оценки тональности. В нашем случае ИИ — это креативный соавтор, когда бренд говорит, что креатив создается с участием нейросети, а аудитории предлагается наблюдать или участвовать в процессе.

Так, по итогам 2023 г. компания «Роквул» представила на конкурс проект «Дизайнеры с помощью Midjourney показали российские города через 30 лет» (количество сообщений — 53), а Яндекс распространил информацию о том, что нейросеть научилась читать старинные рукописи (количество сообщений — 145). По итогам конкурса «Инфоповод-2024» Кирилло-Белозерский музей-заповедник поделился своей разработкой о том, что искусственный интеллект восстановит фрески иконописца Деонисия в Ферапонтово (количество сообщений — 79).

Во всех этих случаях СМИ привлекает общественная значимость осмысляемых проблем, хронотоп которых развернут как в будущее (будущее российских городов), так и в прошлое, связанное с сохранением культурных, православных традиций. В центре внимания не просто изображение или объект, а процесс взаимодействия между человеком, машиной и художественным замыслом субъекта коммуникации с экспликацией значимых для общества смыслов. Основная идея — приглашение к диалогу: бренды знакомят аудиторию со своим видением вопроса, эстетическое решение которого вызывает приятные эмоции.

Особенностью обозначенных выше проектов является то, что медиаэстетическая компонента имплицирована в структуру идеи и не представлена в репрезентации проекта. Разработанные нарративы получают вербальное оформление, дополняются визуальным рядом. По сути, каждый из них мог бы стать полноценным диалогом с общественностью, а не приглашением к нему: посредством медиаэстетических приемов можно было бы продолжить коммуникацию через ответы на вопросы: «Какими российские города через 30

лет видите Вы?», «Какие произведения православной культуры нуждаются в приоритетном восстановлении, как считаете Вы?» и т.д. Это позволило бы организовать не внутренний диалог, апелляцию к которому мы видим сегодня, а групповой, с вовлечением в него широких слоев общественности, с публичным представлением результатов. Использование медиаэстетических приемов на каждом этапе коммуникации — от разработки до продвижения — способствовало бы вовлечению реципиентов в эмоционально-чувственный мир и погружению в эстетику коммуникации.

Ядерный фонд нашего исследования составляют коммуникационные проекты, медиаэстетическая компонента которых внедрена не только в процесс разработки продукта, но и вписывается в систему репрезентации нарратива.

Проект Русского музея «Великий Карл: от пепла Везувия к виртуальной реальности» (инфоповод-2024, количество сообщений — 1976) — это мультимедийная выставка, на которой были представлены VR/AR-версии картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Эта выставка привлекла внимание, получила широкий общественный резонанс. Офлайновое мероприятие было дополнено цифровой коммуникацией — на портале «Виртуальный Русский музей» был представлен виртуальный тур по выставке «Великий Карл» ко дню рождения Карла Павловича Брюллова, где было около 300 произведений живописи и графики из собраний 25 музеев.

Медиаэстетическая компонента, вписанная в систему коммуникации офлайновой выставки (VR/AR-реальности) позволила вызвать интерес аудитории, погрузить ее в среду эмоций и впечатлений. С помощью виртуальной и дополненной технологий посетители экспозиции имели возможность оказаться внутри картины Брюллова, почувствовать масштаб природной стихии, найти потерянные в спешке героями картины предметы, пока их не засыпало пеплом, писали в сообщениях СМИ. По мнению представителей музея, путешествие должно было заинтересовать как продвинутых пользователей, так и тех, кто не сталкивался с высокими технологиями. Воссоздание исторической парадигмы, расширение темпорального поля восприятия способствовали глубокому погружению в материал.

Как видим, художественное произведение, требующее глубокого погружения в контекст, дополнено медиаэстическими компонентами. Арт-индустрия берет на вооружение приемы и практики, широко распространяющиеся в цифровом пространстве, и использует их, чтобы вызвать волну общественного внимания.

Интересным и значимым стал и коммуникационный проект соцплатформы «Одноклассники», связанный с разработкой видеоэкскурсий по архитектуре на примере известных зданий Москвы (инфоповод-2023, количество сообщений — 68). По словам разработчиков, на которые ссылаются СМИ, задача заключалась в том, чтобы познакомить пользователей с разными архитектурными стилями: авангардом, сталинским «большим стилем», советским модерном.

В формате видеоэскурсии можно было узнать, как в здании дома-коммуны на улице Орджоникидзе воплотились все принципы современной архитектуры, сформулированные выдающимся архитектором Ле Корбюзье. Информация дополнялась карточками в группе проекта, в которых были представлены отличительные характеристики различных архитектурных эпох.

Видеоэкскурсии представляют собой разновидность виртуальной экскурсии, в основе которой лежит видеозапись. Они позволяют акцентировать внимание на фрагментах объекта через крупный план, варьировать ракурсы (от панорамного охвата до демонстрации фрагмента фасада). Видеоэкскурсия создает «эффект присутствия» и формирует яркие, запоминающиеся зрительные образы. Пространственное погружение

с широким темпоральным пластом и звуковым сопровождением — вот те медиаэстетические приемы, которые позволяют вызвать эмоции. Однако они не позволяют сформировать тактильные впечатления, почувствовать дух времени и пространства в условиях реальной среды. Визуальное и аудиальное восприятие помогают лучше понять и увидеть, что создает глубокую связь между объектом и субъектом коммуникационного пространства.

Проект позволяет показать, что «Одноклассники» не просто технологическая платформа современности, но и площадка, транслирующая вечные ценности — эстетические, культурные. Медиаэстетические компоненты, представленные в формате видеоэкурсии, с разными медиаэстетическими приемами, позволяют акцентировать на этом внимание. Посредством СМИ актуализируется значимость проекта.

Прием, построенный на геймификации, в 2023 году реализовал интернет-сервис «Авито», запустив обучающую игру «Стражи Авито» (инфоповод-2023, количество сообщений — 89) о безопасности в Интернете для трех возрастных групп: детей, подростков, взрослых. Герой перемещается в сказочном пространстве и помогает его жителям решать непростые вопросы безопасности, побеждая главного героя и его приспешников. В этом ему помогают знания о правилах и технологиях цифровой гигиены, которые он узнает, добывая артефакты.

В контексте медиаэстетики видеоигры можно рассматривать как техно-художественные гибриды, в которых технологическая основа служит не только инструментом создания художественного продукта, но и включена в художественное содержание и эстетические свойства произведения. Использование пространственного нарратива, когда игра подчинена структуре той сферы, в которой происходит действо, позволяет сюжету реализовываться по мере освоения этого пространства, погружая реципиента в эмоционально-чувственный мир. В основе сценария игры лежат ключевые правила онлайн-коммуникации: общаться в защищенном канале, не переводить предоплату, не передавать персональные данные и данные платежных счетов. Виртуальный мир формирует культуру общения в онлайне.

Видеоигры обладают мощным медиаэстетическим потенциалом: открытость сюжета, продолжительность нарративного повествования, особое восприятие времени и пространства — все это делает коммуникационный продукт зрелищным и эмоциональным.

Таким образом, арт-индустрия использует разные приемы и технологии для погружения реципиента в эмоционально-чувственную среду цифрового пространства. Наряду с коммуникационными продуктами с выраженным медиаэстетическим характером, воплощенном в видеоэкскурсиях и видеоиграх, сфера культуры при продвижении своих ценностей опирается на классические для индустрии продукты, такие, как выставки, дополняя их медиаэстетическими компонентами в виде AR-/VR-реальности.

В настоящий момент арт-индустрия не использует медиаэстетику повсеместно, однако она встала на путь внедрения медиаэстетических приемов в индустрию создания и продвижения коммуникационных продуктов. Творческие эксперименты с применением цифровых технологий внедряются как на этапе разработки коммуникационного продукта, так и используются в процессе репрезентации. Последнее позволяет обеспечивать интерактивность: произведения не просто захватывают внимание, но и погружают в свой мир. Иммерсивность — ее одно качество, формируемое в том числе медиаэстетической компонентой, позволяет реципиенту оказываться внутри произведения, ощущать, что граница между ним и разработчиком еле уловима и условна. Все это способствует глубокому погружению, основанному на формировании индустрии впечатлений.

Медиаэстетические приемы, обладающие высокой степенью эмотивного потенциала, способствуют формированию массового характера искусства. Нацеленность на формирование чувственного восприятия контента в условиях медиатизации культурного пространства представляется важным этапом к формированию общества нового типа, в котором многие процессы будут связаны с эстетическим восприятием мира.

Заключение. Исследования по медиаэстетике обозначили вопрос о восприятии искусства в среде, детерминированной развитием техники и технологий. Это предопределило фокус исследовательского интереса, связанного с попыткой посмотреть, как вписывается современная арт-индустрия в пространство медиаэстетики; какие приемы и практики она использует, чтобы погрузить реципиента в эмоционально-чувственный мир.

Эмпирической базой исследования стали нарративы, представленные в виде коммуникационных проектов в конкурсе «Инфоповод года» российской системы мониторинга СМИ и соцмедиа «Медиалогия». Хронологические рамки исследования — с 2023 года по настоящий момент.

Исследование показало, что объекты истории, культуры, искусства осмысляются в нарративах коммуникационных кампаний не только учреждений культуры, но и предприятий коммерческого сектора экономики. Субъектом-инициатором коммуникации часто выступают деловые структуры из сферы ритейла, недвижимости, телекоммуникационного сектора и т.д. Все они, осмысляя и представляя посредством своих проектов культурные ценности, выполняют важные функции, направленные на популяризацию культуры.

Среди проектов обозначенных выше субъектов коммуникационного пространства часть компаний разрабатывает медиапродукты, в которых медиаэстетическая компонента представлена имплицитно — в форме воплощения идеи нарратива. Об эксплицитном характере медиаэстической компоненты мы говорим в том случае, если она связана с репрезентацией коммуникационного продукта и оформлена в соответствующий медиаэстетический прием. Подобные проекты составили ядерный фонд нашего исследования. Как показал анализ, медиаэстетический подход к репрезентации нарративных арт-практик пока не используется в индустрии искусства при репрезентации коммуникационных проектов повсеместно, но проникает в нее. Выявленные приемы, связанные с разработкой видеоэкскурсий, видеоигр, внедрением VR-/AR-технологий, дополняющих офлайн-коммуникацию позволяют показать, как проходят трансформационные процессы, отвлекающие от ритуальности восприятия искусства и формирующие практики получения впечатлений. В современных реалиях процесс взаимодействия с искусством детерминируется спектром когнитивных и сенсорных процессов, влияющих на эмотивный потенциал восприятия нарративных арт-практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллахвердов В.М. Психология искусства : Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений / В.М. Аллахвердов. — Санкт-Петербург: ДНК, 2001. — 198 с.
2. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства : пер. с англ. / Р. Арнхейм. — Москва: Прометей, 1994. — 352 с.
3. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения : сб. ст. / пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой [и др.] ; филол. ред. пер. А. В. Белобратов ; ред. Я. Охонько ; сост. и послесл.: И. Чубаров, И. Болдырев. / С. Беньямин. — Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, — 2012. — 288 с.
4. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология / В.М. Бехтерев. — Петроград : Колос, 1921. — 432 с.
5. Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии человека: руководство к объективному изучению личности / под ред. и со вступ. ст. А. В. Гервера. 4-е посмертное изд. / В.М. Бехтерев. — Москва: Гос. изд-во. 1928. — 544 с.

6. Бишоп К. Рассеянное внимание. Как мы смотрим на искусство и перформанс сегодня : пер. с англ. / К. Бишоп. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2025. — 329 с.
7. Богова Н.В. Формы реализации смыслового движения в искусстве / Н.В. Багова // Наука. Искусство. Культура. — 2025. — Вып. 4 (48). — С. 22-33.
8. Венкова А.В. «Аффективные текстуры» телесноориентированного восприятия в опыте современного искусства / А.В. Венков // Актуальные проблемы теории и истории искусства. — 2024. — Т. 14. — С. 612–619. — DOI 10.18688/aa2414-8-50.
9. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. — Москва: АСТ, Кладезь, 2024. — 477 с.
10. Кривцун О.А. Психология искусства : учеб. пособие / О.А. Кривцун. — Москва: Высшая школа, 2009. — 447 с.
11. Личагина А.П. Нарратологический алгоритм в схемах анализа выставочного повествования / А.П. Личагина // Артикульт. — 2024. — №4(56). — С. 5–18. — DOI: 10.28995/2227-6165-2024-4-5-18.
12. Леонтьев А.Н. Некоторые проблемы психологии искусства / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: в 2-х т. Москва, 1983. — С. 232–240.
13. Манович Л. Теории софт-культуры / Л. Манович. — Н. Новгород: Красная ласточка, 2017. — 208 с.
14. Митина О.В., Мирсаидов М.М. Психосемантический анализ восприятия танцевального искусства / О.В. Митина, М.М. Мирсаидов // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». — 2025. — № 2. — С. 32–59. — DOI: 10.28995/2073-6398-2025-2-32-59.
15. Потебня А.А. Мысль и язык : психология поэтического и прозаического мышления / А.А. Потебня. — Москва: Лабиринт, 2010. — 239 с.
16. Потебня А.А. Эстетика и поэтика : сб. / А.А. Потебня. — Москва: Искусство, 1976. — 614 с.
17. Радионцева Е.С. Медиаэстетика: осмысление понятия в научном дискурсе / Е.С. Радионцева // Коммуникативные исследования. 2025. — Т. 12. — № 3. — С. 508–520. — DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(3).508-520.
18. Радионцева Е.С. Медиаэстетический импульс в научном дискурсе: диахронический подход / Е.С. Радионцева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2025. — № 3 (48). — С. 33–39. — DOI: 10.36809/2309-9380- 2025-48-33-39.
19. Трофимова Г.Н., Цагарейшвили С.А. Цифровые коммуникации в сфере оперного искусства: динамика аудитории и проблемы восприятия / Г.Н. Трофимова, С.А. Цагарейшвили // Коммуникология. — 2024. — Том 12. — № 2. — С. 73–82. — DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-2-73-82.
20. Mitchell W.J.T. Art and the Public Sphere. University of Chicago Press, 1992. 268 p.
21. Zettl H. Sight, sound, motion. Boston. — MA : Wadsworth Cengage Learning, 2011. — 422 p.

REFERENCES

1. Allahverdov V. M. (2001). Psihologiya iskusstva : Esse o tajne emocional'nogo vozdejstviya hudozhestvennyh proizvedenij [The Psychology of Art: An Essay on the Mystery of the Emotional Impact of Artworks]. Sankt-Peterburg : DNK. — 198 p. (In Russian)
2. Arnhejm R. (1994). Novye ocherki po psihologii iskusstva : per. s angl. [New essays on the psychology of art]. Moskva : Prometej. 352 p. (In Russian)
3. Ben'yamin V. (2012). Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya : sb. st. / per. s nem. I. Boldyreva, A. Belobratova, A. Glazovoj [i dr.] ; filol. red. per. A. V. Belobratov ; red. YA. Ohon'ko ; sost. i poslesl.: I. CHubarov, I. Boldyrev. [The Doctrine of Similarity. Media Aesthetic Works]. Moskva : Ros. gos. gumanitar. un-t, — 288 p. (In Russian)
4. Bekhterev V. M. (1921). Kollektivnaya refleksologiya [Collective reflexology]. Petrograd : Kolos, 432 p. (In Russian)
5. Bekhterev V. M. (1928). Obshchie osnovy refleksologii cheloveka : rukovodstvo k ob"ektivnomu izucheniyu lichnosti / pod red. i so vstup. st. A. V. Gervera. 4-e posmertnoe izd. [General principles of human reflexology: a guide to the objective study of personality]. Moskva : Gos. izd-vo, 544 p. (In Russian)
6. Bishop K. (2025). Rasseyannoe vnimanie. Kak my smotrim na iskusstvo i performans segodnya : per. s angl. [Distracted Attention: How We View Art and Performance Today]. Moskva : Ad Marginem Press, 329 p. (In Russian)
7. Bogova N. V. (2025). Formy realizacii smyslovogo dvizheniya v iskusstve [Forms of realization of semantic movement in art]. In Nauka. Iskusstvo. Kul'tura [Science. Art. Culture], 4 (48), 22-33. (In Russian)
8. Venkova A. V. (2024). «Affektivnye tekstury» telesnoorientirovannogo vospriyatiya v opyte sovremennogo iskusstva ["Affective textures" of body-oriented perception in the experience of contemporary art]. In Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva [Current issues in the theory and history of art], 14, 612-619. DOI 10.18688/aa2414-8-50. (In Russian)
9. Vygotskij L .S. (2024). Psihologiya iskusstva [Psychology of art]. Moskva : AST, Kladez'. 477 p. (In Russian)

10. Krivcun O. A. (2009). Psihologiya iskusstva : ucheb. posobie [Psychology of art]. Moskva : Vysshaya shkola. 447 p. (In Russian)
11. Lichagina A. P. (2024). Narratologicheskij algoritm v skhemah analiza vystavochnogo povestvovaniya [Narratological algorithm in the schemes of analysis of exhibition narrative]. In Artikul't [Articult], №4 (56), 5-18. DOI: 10.28995/2227-6165-2024-4-5-18. (In Russian)
12. Leont'ev A. N. (1983). Nekotorye problemy psihologii iskusstva [Some problems of the psychology of art]. In Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya [Selected psychological works] : v 2-h t. Moskva, pp. 232-240. (In Russian)
13. Manovich L. (2017). Teorii soft-kul'tury / L. Manovich. [Theories of soft culture]. N. Novgorod: Krasnaya lastochka. 208 p. (In Russian)
14. Mitina O. V., Mirsaidov M. M. (2025). Psihosemanticheskij analiz vospriyatiya tanceval'nogo iskusstva [Psychosemantic analysis of the perception of dance art]. In Vestnik RGGU. Seriya «Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie» [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education."], 2, 32–59. — DOI: 10.28995/2073-6398-2025-2-32-59. (In Russian)
15. Potebnya A .A. (2010). Mysl' i yazyk : psihologiya poeticheskogo i prozaicheskogo myshleniya / A.A. Potebnya [Thought and language: the psychology of poetic and prose thinking]. Moskva : Labirint. 239 p. (In Russian)
16. Potebnya A. A. (1976). Estetika i poetika [Aesthetics and poetics]: sb. Moskva : Iskusstvo. 614 p. (In Russian)
17. Radionceva E. S. (2025). Mediaestetika: osmyslenie ponyatiya v nauchnom diskurse / E.S. Radionceva [Media aesthetics: understanding the concept in scientific discourse]. In Kommunikativnye issledovaniya [Communication studies], 12, 3, 508–520. DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(3).508-520. (In Russian)
18. Radionceva E. S. (2025). Mediaesteticheskij impul's v nauchnom diskurse: diahronicheskij podhod / E.S. Radionceva [Media aesthetic impulse in scientific discourse: a diachronic approach]. In Vestnik Omskogo gosudarstven¬nogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], 3 (48), 33–39. DOI: 10.36809/2309-9380- 2025-48-33-39. (In Russian)
19. Trofimova G. N., Cagarejshvili S. A. (2024). Cifrovye kommunikacii v sfere opernogo iskusstva: dinamika auditorii i problemy vospriyatiya [Digital Communications in Opera: Audience Dynamics and Perception Issues]. In Kommunikologiya [Communicology], 12, № 2, 73-82. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-2-73-82. (In Russian)
22. Mitchell W.J.T.(1992). Art and the Public Sphere. University of Chicago Press. 268 p. (In English).
23. Zettl H. (2011). Sight, sound, motion. Boston. — MA : Wadsworth Cengage Learning. — 422 p. (In English).

Поступила в редакцию 04.03.2026

MEDIA AESTHETIC TECHNIQUES IN REPRESENTATION OF NARRATIVE ART PRACTICES

E.S. Radiontseva

The study addresses the art industry involvement in media aesthetics — specifically, the use of techniques that immerse the recipient in the emotional and sensory world. The focus is made on communication projects that have won the "Info Pitfall of the Year" competition, part of the Russian media and social media monitoring system "Medialogy" since 2023. The analysis revealed that the media aesthetic component functions both as an element of content development and as part of its representation. The art industry utilizes media aesthetics (explicitly and implicitly) to shape a range of audience experiences. The identified techniques include video tours, video games, augmented reality, and virtual reality. They demonstrate the art industry connection with digital technologies, i.e. digital technologies transform traditional perceptions of art into experiential practices, while cognitive and sensory processes influence the emotive potential of narrative art practices.

Keywords: media aesthetics, media aesthetic techniques, media aesthetic component, art practice, art perception.

Радионцева Екатерина Сергеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Омский государственный технический университет, Российская Федерация, г. Омск.
Доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций.
ORCID 0000-0002-2248-198X.
E-mail: rakaty@yandex.ru

Radiotseva Ekaterina Sergeevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation.
Associate Professor at Department of History, Philosophy, and Social Communications.
ORCID 0000-0002-2248-198X.
E-mail: rakaty@yandex.ru

Научная статья
УДК 81.26 347.78.034
DOI: 10.5281/zenodo.22065949

АЛЛЮЗИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

© 2026 *И.В. Седина*[1], *Е.А. Вехова*[2]
[1-2]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»*
ORCID[1] 0000-0003-3076-5445
ORCID[2] 0000-0002-7472-3100

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена изучению источников аллюзий в публицистических текстах, подчеркивая их прикладное значение для переводческой деятельности. Авторы анализируют существующие классификации аллюзивных источников в художественной литературе и предлагают новую, адаптированную для публицистики, учитывающую современные общественно-культурные тенденции. Эмпирическую базу исследования составили аллюзивные единицы, отобранные методом сплошной выборки из англоязычных газет The Guardian, The Independent, The Washington Post, USA Today и The New York Times, а также из тематических словарей The Oxford Dictionary of Allusions и The Facts on File Dictionary of Allusions. В ходе исследования применялись методы дедукции, индукции, сплошной выборки, а также элементы интертекстуального и лингвостилистического анализа. Основным результатом работы является создание обобщенной классификации, включающей десять видов источников аллюзий, характерных для современной публицистики, которая проиллюстрирована актуальными примерами. В статье подчеркивается важность правильного истолкования аллюзий для корректной передачи культурных отсылок при переводе. В статье упоминаются и используются следующие методы исследования: метод сплошной выборки, дедукции, индукции, интертекстуальный и лингвистический анализ.

Ключевые слова: аллюзия, источник аллюзии, публицистический текст, перевод, адаптация, межкультурная коммуникация, англоязычный текст, трансформации.

Для цитирования: Седина И.В. Аллюзивные источники в публицистических текстах / И.В. Седина, Е.А. Вехова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 125–137. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22065949.

Введение. Изучение источников аллюзий имеет непосредственное прикладное значение по той причине, что знание возможного аллюзивного источника направляет усилия переводчика при информационно-справочном поиске в нужное русло, а также влияет на выбор способа перевода. Верно определенный аллюзивный источник может, например, дать переводчику понять наличие в ПЯ регулярного соответствия, которое можно было бы использовать для более корректной передачи аллюзивной составляющей.

При рассмотрении существующего на данный момент классификационного материала было отмечено, что большинство теоретиков акцентирует внимание на источниках аллюзий, употребляемых именно в произведениях художественной литературы. Поскольку тема данной статьи заключается в рассмотрении аллюзий исключительно в публицистике, была предпринята попытка создания классификации источников аллюзий, характерных непосредственно для публицистических текстов, которая бы также учитывала современные общественно-культурные реалии и тенденции.

Необходимо отметить, что в данную выборку вошли аллюзии, находящиеся как в самих англоязычных газетных статьях, так и в их заголовках, поскольку те играют важную

роль в структуре публицистических текстов, представляя собой особую текстовую конструкцию, во-первых, вступающую в своеобразный диалог как с читателем, так и с другими произведениями и явлениями, а во-вторых, призванную вызывать у читателя конкретные ассоциации, соотносящиеся с его личным опытом и знаниями.

Материалы и методы исследования. Нами были проанализированы некоторые тематические классификации аллюзивных газетных заголовков, а также словарь The Oxford Dictionary of Allusions, собранный Э. Делаханти, Ш. Дигнен и П. Сток, и комплексный справочник The Facts On File Dictionary of Allusions, составленный Мартином Хью Мансером под редакцией Дэвида Пикеринга, в частях, касающихся примеров аллюзивных источников в публицистике. Составленная классификация обосновывается и иллюстрируется действительными примерами, подтверждающими ее состоятельность и актуальность. Методами сплошной выборки, дедукции и индукции вручную были отобраны подходящие материалы (в эмпирический корпус вошли аллюзии как из самих статей, так и из их заголовков, поскольку заголовки рассматриваются авторами как важная текстовая конструкция, несущая аллюзивную нагрузку) из англоязычных газет: британских The Guardian и The Independent и американских The Washington Post, USA Today и The New York Times.

Основная часть. Данное исследование связано со взаимодействием элементов текста со знаковым культурно-историческим фоном, а также со взаимным влиянием текстов друг на друга. По этой причине мы соприкасаемся с явлением интертекстуальности: определенными связями, существующими между текстами и позволяющими им разнообразными способами как явно, так и неявно ссылаться друг на друга [7]. Говоря, что «текст создан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [1], литературовед и философ Ролан Барт подтверждает наличие непрямой связи между текстами, образующими сложное пространство, в котором они сосуществуют, общаются и иногда вступают в противоречие. Сам же автор, как продукт сотворившего его общества, предоставляет не простой набор букв, а некую компиляцию из всего, что он видел, читал, испытывал, подражая чему-то уже существующему и выбирая из готового «словаря» единицы, подходящие для выражения собственных мыслей.

В рамках такого широкого понятия как интертекстуальность, введенного в лингвистический оборот в своем нынешнем значении исследовательницей языка и литературы Юлией Кристевой во второй половине XX века, аллюзия может рассматриваться в качестве одного из ее языковых проявлений. Особым свойством аллюзии является непрямая, неявная отсылка, и если говорить об аллюзии как об одном из возможных вариантов реализации интертекстуальности, то именно посредством отсылки, или так называемого намека, реципиент считывает «спрятанную» информацию, направляя свои мысли в иное русло посредством вызванных этим приемом определенных ассоциаций.

В лингвостилистическом подходе рассматривается и лингвистическая, и стилистическая сущности аллюзии. Само явление определяется как базирующийся на авторской интенции прием, посредством которого автор целенаправленно внедряет в текст косвенные отсылки на «засвидетельствованные факты культуры» [8]. С точки зрения филологического комментирования текста, аллюзия помогает не только в анализе произведений, но еще и способствует выявлению уровня фоновых «историко-филологических» знаний, достаточных читателю для его понимания [5].

В соответствии с «Современным словарем иностранных слов» Л.П. Крысина, аллюзия — это сопоставление происходящего в реальности явления с устойчивым выражением или словосочетанием исторического, мифологического, литературного и

иного характера [12]. В «Словаре литературоведческих терминов» С.П. Белокурова интерпретирует ее как намеренный намек, сделанный автором на общеизвестный исторический, литературный факт или известное художественное произведение, а также нынешнюю политико-общественную реальность. Уточняется, что по смыслу аллюзия объемнее того узкого контекста, в котором находится, поскольку позволяет обнаружить общую направленность цитирующего и цитируемого произведений [2]. По «Словарю лингвистических терминов» Т.В. Жеребило, аллюзии — выражения, фигуры или намеки, осуществленные посредством упоминания общеизвестного факта или слова, которое сходно звучит [12]. Наконец, в «Большом толковом словаре русского языка» она называется стилистическим приемом, который заключается в намеке на реальные общеизвестные факты и события [8].

Переходя к иным трактовкам, данным теоретиками в своих исследовательских трудах, стоит отметить взгляд И.Р. Гальперина. Согласно ему, аллюзия представляет собой косвенную ссылку на какой бы то ни было факт повседневной жизни или на исторический, литературный, мифологический или библейский факт. Он утверждает, что обычно источник аллюзии автором не указывается, поскольку само использование аллюзии берет за правило знакомство реципиента с конкретным фактом, на который происходит ссылка [4]. Получается, И.Р. Гальпериным подразумевается, что читатель владеет опытом и знаниями, которые аналогичны авторским по объему и полноте и которых будет достаточно для «дешифровки» смысла.

Об аллюзии как риторической фигуре, отсылающей к предметной ситуации других текстов, пишет К.Р. Новожилова. Она, развивая высказанную И.Р. Гальпериным идею, конкретизирует, что аллюзия по сути своей является скрытым повтором единицы, заимствованной из других источников, которые известны автору и, соответственно, должны быть известны читателю. Используемые аллюзивные единицы углубляют смысл написанного путем включения частных неологизмов, названий художественных произведений и их авторов, непрямых ссылок на исторические факты, имен исторических лиц и персонажей, а также крылатых фраз. Аллюзивная единица, представленная словом, словосочетанием или более крупной языковой единицей, привносит старый смысл в новый контекст своего употребления, и смысл этот может быть совершенно разным по свойствам и масштабу [9].

Сходную мысль высказывает и М.Г. Абрамс, говоря, что аллюзия представляет собой «беглое упоминание», а ее неявный характер подразумевает наличие сходных знаний у автора, включающего аллюзивные единицы в текст, и той аудитории, для которой этот автор пишет. Однако он уточняет, что считывание большинства внедренных аллюзий возможно лишь в том случае, если реципиент образован и значительно погружен в культурный контекст времени самого автора (то есть, например, является его современником). Тем не менее, некоторые аллюзии также могут быть прицельно направлены на считывание конкретным узким кругом лиц [14].

Несколько иначе трактует понятие Н.А. Фатеева, называя аллюзию «заимствованием определенных элементов претекста». И именно эти заимствованные элементы благоприятствуют их распознаванию в тексте-реципиенте, в котором как раз и осуществляется их предикация [10].

Согласно К. Перри, аллюзия представляет собой вид ссылки на какой-либо референт, который должен неявно или явно, но обязательно присутствовать в тексте. Реципиенту же необходимо восстановить его по косвенным свойствам. Все ранее описанное К. Перри относит к статистическому аспекту аллюзии, помимо которого выделяет еще и динамический, связанный с процессом активизации других текстов [35].

Таким образом, существующее разнообразие подходов к определению понятия «аллюзия» в очередной раз подчеркивает многоаспектность, неоднородность и некоторую неоднозначность его категории. Приведенные примеры трактовок дают понять, что все подходы к изучению аллюзий актуальны, потому что варианты аллюзивного проявления слишком многогранны, чтобы заключать его в рамки одного способа рассмотрения и выдвигать этот способ на первый план. Так, аллюзия — это и стилистический прием, и фигура стиля, и прием текстообразования, и косвенный намек, и элемент интертекста.

Особенно широко аллюзии используются в публицистических текстах, и особая их концентрация обнаруживается в статейных заголовках. Разумеется, причины этого кроются в прагматических функциях, которые аллюзии реализуют, находясь непосредственно в статейных заголовках газет.

Аллюзивный заголовок придает статье экспрессию, выразительность, интригу, яркость и новизну. По И.П. Зыряновой такой заголовок, во-первых, побуждает читателя к прочтению материала путем воздействия, а во-вторых, выполняет эстетическую функцию, обращая его внимание к форме речи посредством ассоциации с искаженными явлениями, с которыми заголовок соотносится [6]. Одними из главных функций аллюзивных заголовков являются добавление в смысл текста оценки и характеристики «извне»; привнесение иронической или юмористической составляющей; манипулятивное привлечение внимания читателей путем транслирования авторских мнений, а в случае наличия аллюзии в заголовке — придания последнему достоверности, лаконичности, содержательности и броскости. При этом аллюзии могут быть использованы из разных источников.

Проанализировав публицистические тексты и их заголовки, мы выделили следующие виды аллюзивных источников:

1) Религиозные и библейские источники. К ним относятся факты, события, фразы, имена из Библии и иных религиозных текстов. *«Sunak had no plan B for the Rwanda scheme — now tens of thousands are **in** desperate **limbo**»* [40] — неформальное выражение *to be in limbo*, фигурально подразумевающее состояние неопределенности, в котором находятся беженцы, изначально отсылает к концепции католического чистилища — пограничному, подвешенному состоянию души, пребывающей между адом и раем. В отрывке *«“We were told it was **the land of milk and honey**, that we would ride a horse every day to school,” Mr. Humphreys, 76, said by phone from his home in Perth*» [19] из статьи о насильственной программе детской миграции в Австралию встречается отсылка к Земле Обетованной (*the land of milk and honey)* — территории, которую Бог пообещал евреям после Исхода из Египта. Статья о заигрывании Трампа с любителями теорий заговора перед объявлением о повторном баллотировании на пост президента («*The image said that Mr Trump was running for the highest office in the country despite having “it all” because “perhaps he could not stomach the thought of mass murders occurring to satisfy **Moloch**.”*» [26]) содержит аллюзию на языческого Бога аммонитян Молоха, упоминаемого в Ветхом завете. Это божество известно тем, что в рамках его культа осуществлялись детские жертвоприношения.

Заголовок «***Forbidden fruit** trees: Canadian national park urges locals to remove bear-attracting bushes*» [21] статьи об опасности появления бурых медведей на частных территориях, где растут фруктовые деревья, которые и привлекают этих хищников своими плодами, имеется намек на запретный плод, растущий в Эдеме, вкушение которого привело к грехопадению Адама и Евы.

Заголовок «***No greater love hath** Trump **than to lay down** your **life for** his re-election*» [46] статьи о том, что Трамп видит в продолжительном локдауне препятствия для собственного переизбрания на президентскую должность, содержит

контаминированную фразу из Евангелия от Иоанна, которая оригинально звучит как «Ибо нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

2) Народные или фольклорные источники. Они включают в себя намеки на народные изречения, часто несущие в себе житейскую мудрость и соотносящиеся с жизненными ситуациями (деформированные поговорки, пословицы, частушки, считалки, ходовые фразы, крылатые выражения), а также отсылки к народным легендам, преданиям и фольклорным персонажам. Статья *«'We are **creating a** material **monster'**: the false logic of faux leather»* [18], повествующая о вреде, который наносит экологии материал кожзаменитель, отсылает к идиоматичному выражению *to create a monster* — придумать и внедрить нечто, что в конечном итоге имеет обратный от положительного эффект.

В другой статье идет речь о подаче городских заявок на строительство второй штаб-квартиры компании Амазон, что предоставило бы большое количество рабочих мест жителям «выигравшего» города: «*But it's not **all skittles and beer**, or jobs and growth. Seattle offers a cautionary tale of both the good and the bad that can befall the home of one of America's fastest-growing companies*.» [44]. В этом отрывке осуществляется намек на ходовую фразу *Life is not all beer and skittles* («жизнь — непростая штука», «не все коту масленица»).

3) Исторические источники. Отсылки на исторические факты, события и явления, а также на исторические личности. В заголовке статьи о модных трендах *«**The suit is dead**? Why didn't anyone tell Boygenius or Kim Kardashian?»* [42] — используется деформированная сокращенная фраза *The King is Dead — Long Live the King!,* традиционно использовавшаяся во многих странах при провозглашении нового монарха. В статье, повествующей об экономической ситуации в США при первом президентском сроке Дональда Трампа, автор, иронизируя над безосновательными и порой неадекватными сравнениями, которые иногда делает Трамп, пишет: «*Trump can be erratic — just like **Ivan the Terrible**. Trump can be cruel (seeking to deny U.S.-born children citizenship!) — just like **Vlad the Impaler**.»* [33]. Здесь употреблены аллюзивные имена собственные, получившие прочную ассоциацию с личностными качествами этих исторических персонажей: царь Иван Грозный — сумасбродство, граф Влад Дракула — жестокость.

В отрывке «*Those who dismiss President Obama's visit to Israel, the West Bank and Jordan this week as a substance-less **Baedeker** tour badly misread the state of U.S.-Israeli relations and the troubles they could create for the president in the next couple of years*» [36] статьи об истинных мотивах визита Барака Обамы в Израиль и Иорданию в 2013 году в качестве атрибутивного существительного упоминается имя Карла Бедекера. Бедекер был немецким издателем XIX века, составившим большое количество путеводителей. В период Второй мировой войны Люфтваффе был совершен «Бедекеровский блиц»: ряд воздушных атак на британские города, достопримечательности которых были отмечены в путеводителях Бедекера. В настоящее время наследие этого издателя, ставшее частью трагических событий, было переосмыслено: бедекерами называют любые виды путеводителей, а сама отсылка на имя Бедекера в сфере туризма подразумевает посещение самых популярных мест в стране или городе, на что и намекает в отношении визита Обамы автор статьи.

4) Литературные и мифологические источники. Они намекают на названия произведений художественной литературы, литературных и мифологических персонажей, связанные с ними ситуации, предметы, известные выражения, высказывания и фразы из книг и мифов или поэтические строчки. В статье, посвященной церемонии открытия собора Парижской Богоматери после реставрации, есть отрывок «*Standing outside the gutted cathedral on the night of 15 April 2019, Macron pledged the building would **rise from the ashes** in five years*» [45], в котором используется фраза

«восстать из пепла». Эта фраза напрямую отсылает к Фениксу — мифологической птице, которая возрождается после смерти.

Отрывок «*This pair was a collaboration with Belgian designer Glenn Martens of the avant-garde label Y/Project, who exploded the ostentatiously unsexy style to* ***Brobdingnagian*** *proportions, yielding a version that was high-heeled and slouchy and reached well above mid-thigh*» [17] из статьи, говорящей о том, что такой вид обуви как угги возвращается в моду благодаря тому, что звезды снова выходят в них в свет, содержит прилагательное *brobdingnagian* со значением «огромный, колоссальный, гигантский». Свой исток это прилагательное берет из романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», где Бробдингнег был вымышленной страной, населенной великанами.

5) Предметы искусства и значимые объекты культуры. Скульптуры, картины, любые другие произведения искусства, а также важные культурные объекты и достопримечательности, названия которых могут быть искажены в угоду контекста. *«Not so* ***starry night****: light pollution spoils the view for stargazers»* [34] — заголовок отсылает к известному полотну Винсента Ван Гога «Звездная ночь» («*The Starry Night*»). В заголовке «*Presidents' Day breakfast: conquer* ***Mount Rushmore*** *with presidential pancakes*» [39] статьи о необычных авторских блинах, изображающих лица отцов основателей США, происходит отсылка к известной достопримечательности, горе Рашмор, на которой как раз высечены их лица.

6) Кинематографические источники и телепрограммы. Подразумевают намеренное внедрение деформированных названий телепрограмм и телешоу, кинофильмов и мультфильмов, а также имен популярных героев, запоминающихся сцен и разлетевшихся фраз из них. *«****Strange new worlds****: can the Rugby* ***World*** *Cup* ***live long and prosper****?»* [27] — заголовок статьи о Чемпионате мира по регби отсылает как к названию фильма «*Star Trek: Strange New Worlds*», намекая на неутешительные для США результаты, так и к вымышленной расе из фильма, которая приветствует друг друга словами «*Live long and prosper*». Статья, в которой обсуждается поражение сборной Англии на Чемпионате мира по регби в 2015 году, включает отрывок: «*Greenwood, who won the World Cup in 2003 under Woodward, believes the former England and British & Irish Lions coach could provide valuable insight but praised the inclusion of Kay. He said: "The argument is* ***keep your friends close, your enemies closer***» [37]. Второе предложение содержит отсылку к практически ставшей крылатой фразе «Держи друзей близко, а врагов еще ближе», которую произносит персонаж Майкл Корлеоне во второй части фильма «Крестный отец».

7) Научные источники. Косвенная ссылка на определенный известный научный труд, его концепции или выдержки оттуда. Заголовки *«****Citizens of the world, unite****! You have nothing to lose but your data»* [38], *«****Coders of the world, unite****: can Silicon Valley workers curb the power of Big Tech?»* [43] — содержат деформированную известную фразу Карла Маркса из «Манифеста Коммунистической партии» — «*Workers of the world, unite!*». Статья о малом бизнесе *«****Survival of the fittest****: how to create a brand that endures»* [25] отсылает к Дарвиновской теории эволюции, согласно которой «выживает сильнейший». Отрывок из статьи об одобрении кандидатуры Джо Байдена на пост президента на праймериз в 2020 году «*That substantive victory in South Carolina is what set off a* ***chain reaction*** *in the next few days — the Buttigieg endorsement, the Klobuchar endorsement and what amounts to all but a clean sweep on Super Tuesday*.» [41] содержит выражение «цепная реакция». Изначально этот термин был введен химиком М. Боденштейном для описания химических явлений, но затем он распространился и в другие сферы жизни, став олицетворять процесс непрерывных событий, когда первое из них обуславливает последующие.

8) Песенные источники. Отсылки к названиям широко известных песен или строчкам из них, которые могут иметь трансформированный вид. В статье об увеличении пешеходных зон и развитии культуры ходьбы *«**These** streets **are made for walking**: how Oklahoma City overturned car culture»* [29] присутствует отсылка к песне Нэнси Синатры «*These boots are made for walking*». Заголовок статьи об изменении климата, ведущего к глобальному потеплению, *«Humanity at the climate crossroads: **highway to hell** or a livable future?»* [20] отсылает к песне *Highway To Hell* группы *AC/DC*. В статье «***Call me, maybe?** Trump reaches out to China's president in a letter*» [23] идет речь о письме Трампа с поздравлениями с китайским Новым годом, которое дошло китайскому лидеру спустя почти две недели после праздника, однако позвонить Си Цзиньпину после своей инаугурации на первый президентский срок Трамп так и не удосужился. Ироничное «*Call me, maybe?*» намекает на одноименную популярную песню Карли Рэй Джепсен.

9) Рекламные источники. К ним относятся отсылки на маркетинговую коммуникацию и отовсюду звучащую навязчивую рекламу, которая направлена на массовое и запоминающееся информирование о продукте. Заголовок статьи о перипетиях работы в пиар-агентстве *«**Because you're worth it**: stop underestimating the value of good PR»* [16] отсылает к рекламному слогану компании *L'Oreal* «Ведь ты этого достойна». В статье, повествующей о распространенных мифах, связанных с выполнением физических упражнений, встречается отрывок: «*For most of us, telling us to "**just do it**" doesn't work any better than telling a smoker or a substance abuser to "just say no!"*» [31]. В нем происходит отсылка к рекламному слогану *Just Do It* компании *Nike*, специализирующейся на производстве спортивной одежды. Заголовок *Chocolate to **melt in your mouth**, **not in** the packaging* [28] статьи о производстве особого крафтового шоколада, который долго не тает на жаре, включает в себя контаминацию культовой фразы *«Melts in your mouth, not in your hand»* из рекламы шоколадного драже *M&M's*.

10) Медиапространство и массовая культура. Очень широкий класс, к которому можно отнести отсылки на недавние события окружающей нас действительности, видоизмененные высказывания политиков, деятелей культуры, ученых, известных и влиятельных людей из разных сфер деятельности, а также на элементы поп-культуры и ставший популярным в социальных сетях определенный контент. *«From **'Nazi' Bowie** to **Nixon-lovin' Brown**: six absurd political gaffes from pop stars»* [24] — отсылает к нацистскому высказыванию шоумена Дэвида Боуи и поддержке Ричарда Никсона певцом Джеймсом Брауном. В заголовке статьи о кассовом успехе фильмов «Барби» и «Оппенгеймер» *«**Barbenheimer** bonanza: how two films saved the summer box office»* [30] используется отсылка на ставший популярным Интернет-мем *Barbenheimer*, который заключается в объединении названий двух этих абсолютно полярных по тематике и настроению фильмов, вышедших в прокат одновременно. Часть статьи, которая повествует о ядовитой королевской кобре, сбежавшей из террариума в Шведском зоопарке, «*After his Saturday escape, zoo staff dubbed the sneaky serpent "**Houdini**."*» [15] отсылает к Гарри Гудини — популярному американскому иллюзионисту, прославившемуся своими сложными трюками, связанными с освобождениями и побегами из замкнутых пространств.

Заключение. Таким образом, составленная нами обобщенная классификация включает десять возможных источников, на которых могут базироваться аллюзивные единицы в публицистических текстах, а именно: религиозные и библейские источники; народные или фольклорные источники; исторические источники; литературные и мифологические источники; предметы искусства и значимые объекты культуры;

кинематографические источники и телепрограммы; научные источники; песенные источники; рекламные источники; медиапространство и массовая культура.

Анализ же предоставленных аллюзивных примеров с их источниками дает возможность прийти к следующим заключениям.

Во-первых, подтверждается факт аллюзивной насыщенности публицистических текстов. Во-вторых, наблюдается все более сильное проникновение политики в повседневную жизнь, что доказывает чрезвычайно частотное внедрение аллюзий к политическим событиям и лидерам (особенно, ныне действующим и массово обсуждаемым). Также прослеживается активное использование отсылок на быстро развивающиеся общественные сферы, такие как кино и сериалы, Интернет, поп-культуру и медиасреду в целом. Есть все основания полагать, что виды контента, имеющиеся и все возникающие в медиапространстве и на Интернет-платформах, и далее будут использоваться в качестве аллюзивной базы в англоязычных газетных статьях. Этот процесс вполне естественен, поскольку публицистика ориентирована на массового получателя. Тем не менее, это не может не сказываться на сложном, туманном и «закрученном» характере аллюзии, ведь если автор задается целью успешной функциональной реализации аллюзии среди как можно более широких масс, то он упрощает косвенный намек на ее источник, делая его прозрачнее и проще для считывания и понимания широкой публикой.

Наконец, необходимо отметить, что процент отсылок на Священное писание, художественную литературу, исторические события, мифы и легенды по-прежнему высок. Эти источники остаются константами, формирующими и определяющими общественное сознание, а потому аллюзии, восходящие к ним, все так же активно используются в публицистике.

Данная классификация и приведенные в ней примеры позволяют подчеркнуть важность и актуальность тех или иных мотивов для данного культурно-исторического временного периода. Более того, они указывают на универсальность и масштабность употребления в публицистике аллюзивных единиц, которые охватывают многие сферы жизни, творчества и деятельности человека, в какой-то мере формируя языковую картину нашей эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Смерть автора. Избранные работы : Семиотика : Поэтика : Пер. с фр. / Р. Барт. — Текст : электронный // Открытый текст : [сайт]. — 1994. — С. 384-391. — URL: https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/bart-smert-avtora.pdf (дата обращения: 02.05.25).
2. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. — Санкт-Петербург : Паритет, 2006. — 314 с. — ISBN 5-93437-258-0. — Текст : непосредственный.
3. Виноградов С.И. Культура русской речи : учебник для вузов / С. И. Виноградов, О.В. Платонова, Л.К. Граудина ; отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. — Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — Москва : Норма : ИНФРА М., 1998. — 549 с.
4. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / И.Р. Гальперин. — 4 изд., Москва : Высшая школа, 1997. — 334 с. — ISBN 978-5-397-02661-1. — Текст : непосредственный. — 187 с.
5. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И.В. Гюббенет. — 2-е изд., доп. — Москва : URSS : Ленанд, 2009. — 204 с. — ISBN 978-5-397-00986-7. — Текст : непосредственный. — 30 с.
6. Зырянова И.П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005–2009 гг.) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зырянова И.П. ; Уральский гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. — 22 с. — Текст : непосредственный. — 11 с.

7. Кристева Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики / Ю. Кристева ; пер. с фр. Г.К. Косиков, Б.П. Нарумов. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 652 с. — ISBN 5-8243-0500-5 (в пер.). — Текст : непосредственный., с. 36–37.
8. Мамаева А. Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии (на материале англ. яз) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мамаева А. Г. ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. — Москва, 1977. — 24 с. — Текст : непосредственный.
9. Новожилова К.Р. Стилистика повествовательного текста: Теоретические и исторические основы : учебное пособие / К.Р. Новожилова. — Санкт-Петербург, 2007. — 100 с. — Текст : непосредственный., с. 84–85.
10. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов : контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. — Изд. 4-е. — Москва : URSS, 2012. — 280 с. — ISBN 978-5-397-02633-8. — Текст : непосредственный. — 128 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. — 5-е изд., испр. и доп. — Назрань : Пилигрим, 2010. — 485 с.
12. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов : свыше 7000 слов и выражений, толкование значений, происхождение, употребление / Л. П. Крысин ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : АСТ-Пресс школа, 2018. — 410 с. — ISBN 978-5-906971-97-5. — Текст : непосредственный.].
13. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт; Москва : Рипол классик, 2008. — 1534 с. — ISBN 978-5-7711-0015-9. — Текст : непосредственный.
14. Abrams M. H. A Glossary of Literary Terms / M. H. Abrams. — Seventh Edition. — Cornell University : USA, 1999. — 349 p. — ISBN: 0-15-505452-X. — URL: https://patnawomenscollege.in/upload/e-content/a-glossary-of-literary-terms-7th-ed_m-h-abrams-1999.pdf — Режим доступа: свободный. — Текст : электронный. — 9.
15. Alund N.N. Venomous king cobra ‘Houdini’ escapes, shuts down most of zoo in Sweden // USA Today: [сайт]. — 2022. — Режим доступа: https://www.usatoday.com/story/news/world/2022/10/26/king-cobra-houdini-escapes-swedish-zoo/10604830002/ (Дата обращения: 02.07.25).
16. Because you’re worth it: stop underestimating the value of good PR // The Guardian: [сайт]. — 2015. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/media-network/2015/mar/13/pr-value-over-servicing-clients (Дата обращения: 02.07.25).
17. Berlinger M. Like it or not, Uggs are making a triumphant return to fashion // The Independent: [сайт]. — 2020. — Режим доступа: https://www.independent.co.uk/life-style/fashion/return-ugg-boots-culture-b1775516.html (Дата обращения: 02.07.25).
18. Blanchard T. ‘We are creating a material monster’: the false logic of faux leather // The Guardian: [сайт]. — 2023. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/fashion/2023/nov/22/we-are-creating-a-material-monster-the-false-logic-of-faux-leather (Дата обращения: 07.07.25).
19. Burns J. B. Apology Opens Wounds of British Migrant Program // The New York Times: [сайт]. — 2009. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2009/11/23/world/23children.html (Дата обращения: 07.07.25).
20. Carrington D. Humanity at the climate crossroads: highway to hell or a livable future? // The Guardian: [сайт]. — 2023. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/environment/2023/mar/20/humanity-at-climate-crossroads-highway-to-hell-or-a-livable-future (Дата обращения: 07.07.25).
21. Cecco L. Forbidden fruit trees: Canadian national park urges locals to remove bear-attracting bushes // The Guardian: [сайт]. — 2022. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2022/sep/21/fruit-trees-canadian-national-park-urges-locals-to-remove-bear-attracting-bushes (Дата обращения: 11.07.25).
22. Delahunty A. The Oxford Dictionary of Allusions / A. Delahunty, S. Dignen, P. Stock. — New York : Oxford University Press, 2001. — 453 p.
23. Denyer S. Call me, maybe? Trump reaches out to China’s president in a letter // The Washington Post: [сайт]. — 2017. — Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/02/09/call-me-maybe-president-trump-reaches-out-to-chinas-xi-in-a-letter/ (Дата обращения: 12.07.25).
24. Heritage S. From ‘Nazi’ Bowie to Nixon-lovin’ Brown: six absurd political gaffes from pop stars // The Guardian: [сайт]. — 2023. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/music/2023/aug/16/pop-stars-absurd-political-gaffes-nazi-bowie-nixon-brown-killers-brandon-flowers-georgia_(Дата обращения: 12.07.25).
25. Joy V. Survival of the fittest: how to create a brand that endures // The Guardian: [сайт]. — 2015. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/small-business-network/2015/aug/06/survival-fittest-create-brand-endures-iconic (дата обращения: 18.07.25).

26. Kilander G. Trump shares demon god, child sacrifice conspiracies hours before 2024 announcement // The Independent: [сайт]. — 2022. — (Дата обращения: 18.07.25).
27. Kitson R. Strange new worlds: can the Rugby World Cup live long and prosper? // The Guardian: [сайт]. — 2023. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/sport/2023/oct/31/rugby-world-cup-2027-us-2031-the-breakdown (Дата обращения: 22.07.25).
28. Kruchankova M. Chocolate to melt in your mouth, not in the packaging // The Independent: [сайт]. — 2010. — (Дата обращения: 22.07.25).
29. Leach A. These streets are made for walking: how Oklahoma City overturned car culture // The Guardian: [сайт]. — 2015. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2015/nov/19/oklahoma-walking-car-culture-pedestrians-cities (Дата обращения: 12.07.25).
30. Lee B. Barbenheimer bonanza: how two films saved the summer box office // The Guardian: [сайт]. — 2023. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/film/2023/jul/24/barbie-oppenheimer-movie-release-box-office-ticket-sales (Дата обращения: 09.08.25).
31. Lieberman D. E. Just don’t do it: 10 exercise myths // The Guardian: [сайт]. — 2021. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2021/jun/06/just-dont-do-it-10-exercise-myths_(Дата обращения: 21.08.25).
32. Manser M. H. The Facts On File Dictionary of Allusions / M. H. Manser, D. H. Pickering. — New York, 2009. — 532 p.
33. Milbank D. The latest lesson in Trumponomics 101 // The Washington Post: [сайт]. — 2018. — Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/trumponomics-101-blame-the-evil-and-ruinous-democrats/2018/10/30/e0858170-dc7c-11e8-b3f0-62607289efee_story.html (Дата обращения: 02.07.25).
34. Not so starry night: light pollution spoils the view for stargazers / Press Association // The Guardian: [сайт]. — 2019. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/science/2019/apr/17/not-so-starry-night-light-pollution-spoils-the-view-for-stargazers (Дата обращения: 11.06.25).
35. Perri C. On alluding / C. Perri. — DOI https://doi.org/10.1016/0304-422x(78)90030-x. — Текст : электронный // Elsevier : Poetics. — 1978. — Vol. 7, No. 3. — P. 289-307. — URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/0304422X7890030X?via%3Dihub (дата обращения: 02.05.25)., p. 289-307.
36. President Obama’s to-do list for his Middle East trip / Editorial Board // The Washington Post: [сайт]. — 2013. — (Дата обращения: 02.08.25).
37. Riach J. England World Cup review: former players question composition of panel // The Guardian: [сайт]. — 2015. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/sport/2015/oct/19/england-world-cup-review-clive-woodward (Дата обращения: 02.08.25).
38. Ross C. Citizens of the world, unite! You have nothing to lose but your data // The Guardian: [сайт]. — 2013. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/oct/31/citizens-world-unite-data (Дата обращения: 22.06.25).
39. Shields N. Presidents' Day breakfast: conquer Mount Rushmore with presidential pancakes // The Guardian: [сайт]. — 2015. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2015/feb/16/pancakes-video-washington-jefferson-roosevelt-lincoln?CMP=gu_com_(Дата обращения: 14.08.25).
40. Solomon E. Sunak had no plan B for the Rwanda scheme — now tens of thousands are in desperate limbo // The Guardian: [сайт]. — 2023. — (Дата обращения: 02.05.25).
41. Strauss D. 'A chain reaction': how one endorsement set Joe Biden's surge in motion // The Guardian: [сайт]. — 2020. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/us-news/2020/mar/04/joe-biden-jim-clyburn-endorsement-super-tuesday (Дата обращения: 22.05.25).
42. Tsjeng Z. The suit is dead? Why didn’t anyone tell Boygenius or Kim Kardashian? // The Guardian: [сайт]. — 2023. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/nov/22/the-suit-is-dead-why-didnt-anyone-tell-boygenius-or-kim-kardashian (Дата обращения: 10.06.25).
43. Weigel M. Coders of the world, unite: can Silicon Valley workers curb the power of Big Tech? // The Guardian: [сайт]. — 2017. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/news/2017/oct/31/coders-of-the-world-unite-can-silicon-valley-workers-curb-the-power-of-big-tech (Дата обращения: 18.05.25).
44. Weise E. Winning Amazon’s second headquarters has pros and cons // USA Today: [сайт]. — 2017. — Режим доступа: https://www.usatoday.com/story/tech/2017/10/19/winning-amazons-second-headquarters-has-pros-and-cons/772360001/ (Дата обращения: 02.06.25).
45. Willsher K. Notre Dame rises from the ashes at last: world leaders join embattled Macron for grand reopening // The Guardian: [сайт]. — 2024. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2024/dec/07/macron-leaders-paris-notre-dame (Дата обращения: 12.05.25).
46. Wolffe R. No greater love hath Trump than to lay down your life for his re-election // The Guardian: [сайт]. — 2020. — (Дата обращения: 02.06.25).

REFERENCES

1. Bart, R. (1994). Smert avtora. Isbrannie raboti. Semiotika. Poetika [The Death of the Author. Selected Works: Semiotics: Poetics]. (pp. 384-391). URL: https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/bart-smert-avtora.pdf. (In Russian)
2. Belokurova, S. P. (2006). Slovar literaturovedcheckih terminov [Dictionary of literary terms]. Saint-Petersburg: Paritet. (In Russian)
3. Vinogradov, S. I. (1998). Kultura russkoy rechi [Culture of Russian speech]. Moscow: Norma. (In Russian)
4. Galperin, I. R. (1997). Stilistika anglyiskogo yazika [The style of the English language]. Moscow: Visshaya shkola. (In Russian)
5. Gubbenet, I. V. (2009). Osnovi philologicheskoi interpretatii literaturno-hudojestvenogo teksta [Fundamentals of Philological Interpretation of Literary and Artistic Texts]. Moscow : Lenand. (In Russian)
6. Ziryanova, I. P. (2010). Precedentnie phenomeni v zagolovkah rossyiskoy i britanskoy pressi [Precedent phenomena in the headlines of the Russian and British press] (Candidate dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian).
7. Krysteva, Yu. (2004). Isbrannie trudi: razrushenie poetiki [Selected Works: The Destruction of Poetics]. Moscow: ROSSPEN. (pp.36-37). (In Russian)
8. Mamaeva, A. G. (1977). Linguisticheskaya priroda i stilisticheskie funkcii allusii [The linguistic nature and stylistic functions of allusion] (Candidate dissertation). Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after Maurice Thorez, Moscow. (In Russian)
9. Novojilova, K. R. (2007). Stilistika povestvovatelnogo teksta: teoreticheskie i istoricheskie osnovi [The Style of Narrative Text: Theoretical and Historical Foundations]. Saint-Petersburg. (In Russian)
10. Fateeva, N. A. (2012). Inertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstualnosti [Intertext in the World of Texts: The Counterpoint of Intertextuality]. Moscow: URSS. (In Russian)
11. Jerebilo, T. V. (2010). Slovar linguisticheskih terminov [Dictionary of linguistic terms]. Nazran: Piligrim. (In Russian)
12. Krisin, L. P. (2018). Sovremenyi slovar inostrannih slov [Modern dictionary of foreign words]. Moscow: ATS-Press shkola. (In Russian)
13. Kuznectov, S. A. (2008). Bolshoi tolkovii slovar russkigo yazika [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg: Norint. (In Russian)
14. Abrams, M. H. (1999). A Glossary of Literary Terms. — Seventh Edition. — Cornell University : USA. (In English)
15. Alund, N. N. (2022). Venomous king cobra 'Houdini' escapes, shuts down most of zoo in Sweden. USA Today. Retrieved from: https://www.usatoday.com/story/news/world/2022/10/26/king-cobra-houdini-escapes-swedish-zoo/10604830002/ (In English)
16. Because you're worth it: stop underestimating the value of good PR. (2015). The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/media-network/2015/mar/13/pr-value-over-servicing-clients (In English).
17. Berlinger, M. (2020). Like it or not, Uggs are making a triumphant return to fashion. The Independent. Retrieved from: https://www.independent.co.uk/life-style/fashion/return-ugg-boots-culture-b1775516.html (In English).
18. Blanchard, T. (2023). 'We are creating a material monster': the false logic of faux leather. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/fashion/2023/nov/22/we-are-creating-a-material-monster-the-false-logic-of-faux-leather (In English).
19. Burns, J. B. (2009). Apology Opens Wounds of British Migrant Program. The New York Times. Retrieved from: https://www.nytimes.com/2009/11/23/world/23children.html (In English).
20. Carrington, D. (2023). Humanity at the climate crossroads: highway to hell or a livable future? The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/environment/2023/mar/20/humanity-at-climate-crossroads-highway-to-hell-or-a-livable-future (In English).
21. Cecco, L. (2022). Forbidden fruit trees: Canadian national park urges locals to remove bear-attracting bushes. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/world/2022/sep/21/fruit-trees-canadian-national-park-urges-locals-to-remove-bear-attracting-bushes (In English).
22. Delahunty, A. (2001). The Oxford Dictionary of Allusions. New York : Oxford University Press (In English).
23. Denyer, S. (2017). Call me, maybe? Trump reaches out to China's president in a letter. The Washington Post. Retrieved from: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/02/09/call-me-maybe-president-trump-reaches-out-to-chinas-xi-in-a-letter/ (In English).
24. Heritage, S. (2023). From 'Nazi' Bowie to Nixon-lovin' Brown: six absurd political gaffes from pop stars. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/music/2023/aug/16/pop-stars-absurd-political-gaffes-nazi-bowie-nixon-brown-killers-brandon-flowers-georgia_(In English).

25. Joy, V. (2015). Survival of the fittest: how to create a brand that endures. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/small-business-network/2015/aug/06/survival-fittest-create-brand-endures-iconic (In English).
26. Kilander, G. (2022). Trump shares demon god, child sacrifice conspiracies hours before 2024 announcement. The Independent (In English).
27. Kitson, R. (2023). Strange new worlds: can the Rugby World Cup live long and prosper? The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/sport/2023/oct/31/rugby-world-cup-2027-us-2031-the-breakdown (In English).
28. Kruchankova, M. (2010). Chocolate to melt in your mouth, not in the packaging. The Independent (In English).
29. Leach, A. (2015). These streets are made for walking: how Oklahoma City overturned car culture. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2015/nov/19/oklahoma-walking-car-culture-pedestrians-cities (In English).
30. Lee, B. (2023). Barbenheimer bonanza: how two films saved the summer box office. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/film/2023/jul/24/barbie-oppenheimer-movie-release-box-office-ticket-sales (In English).
31. Lieberman, D. E. (2021). Just don't do it: 10 exercise myths. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2021/jun/06/just-dont-do-it-10-exercise-myths_(In English).
32. Manser, M. H. (2009). The Facts On File Dictionary of Allusions. New York (In English).
33. Milbank, D. (2018). The latest lesson in Trumponomics 101. The Washington Post. Retrieved from: https://www.washingtonpost.com/opinions/trumponomics-101-blame-the-evil-and-ruinous-democrats/2018/10/30/e0858170-dc7c-11e8-b3f0-62607289efee_story.html (In English).
34. Not so starry night: light pollution spoils the view for stargazers (2019). Press Association. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/science/2019/apr/17/not-so-starry-night-light-pollution-spoils-the-view-for-stargazers (In English).
35. Perri, C. (1978). On alluding. — DOI https://doi.org/10.1016/0304-422x(78)90030-x. Elsevier : Poetics (In English).
36. President Obama's to-do list for his Middle East trip (2013). Editorial Board. The Washington Post (In English).
37. Riach, J. (2015). England World Cup review: former players question composition of panel. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/sport/2015/oct/19/england-world-cup-review-clive-woodward (In English).
38. Ross, C. (2013). Citizens of the world, unite! You have nothing to lose but your data. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/oct/31/citizens-world-unite-data (In English).
39. Shields, N. (2015). Presidents' Day breakfast: conquer Mount Rushmore with presidential pancakes. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2015/feb/16/pancakes-video-washington-jefferson-roosevelt-lincoln?CMP=gu_com_(In English).
40. Solomon, E. (2023). Sunak had no plan B for the Rwanda scheme — now tens of thousands are in desperate limbo. The Guardian (In English).
41. Strauss, D. (2020). 'A chain reaction': how one endorsement set Joe Biden's surge in motion. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/us-news/2020/mar/04/joe-biden-jim-clyburn-endorsement-super-tuesday (In English).
42. Tsjeng, Z. (2023). The suit is dead? Why didn't anyone tell Boygenius or Kim Kardashian? The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/nov/22/the-suit-is-dead-why-didnt-anyone-tell-boygenius-or-kim-kardashian (In English).
43. Weigel, M. (2017). Coders of the world, unite: can Silicon Valley workers curb the power of Big Tech? The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/news/2017/oct/31/coders-of-the-world-unite-can-silicon-valley-workers-curb-the-power-of-big-tech (In English).
44. Weise, E. (2017). Winning Amazon's second headquarters has pros and cons. USA Today. Retrieved from: https://www.usatoday.com/story/tech/2017/10/19/winning-amazons-second-headquarters-has-pros-and-cons/772360001/ (In English).
45. Willsher, K. (2024). Notre Dame rises from the ashes at last: world leaders join embattled Macron for grand reopening. The Guardian. Retrieved from: https://www.theguardian.com/world/2024/dec/07/macron-leaders-paris-notre-dame (In English).
46. Wolffe, R. (2020). No greater love hath Trump than to lay down your life for his re-election. The Guardian (In English).

Поступила в редакцию 27.02.2026 г.

ALLUSIONS IN PUBLICISTIC TEXTS

I.V. Sedina, E.A. Vekhova

The article addresses the study of allusion sources in publicistic texts, with the focus being made on their applied relevance to translation practice. The authors review existing classifications of allusive sources in literary fiction and propose a new classification adapted for journalistic discourse, which accounts for contemporary socio-cultural tendencies. The empirical material consists of allusive units collected through continuous sampling from English-language newspapers, including The Guardian, The Independent, The Washington Post, USA Today, and The New York Times, as well as from such thematic reference sources as The Oxford Dictionary of Allusions and The Facts on File Dictionary of Allusions. The following research methods have been applied: deductive and inductive methods, continuous sampling, and elements of intertextual and linguostylistic analysis. The primary outcome is a comprehensive classification comprising ten types of allusion sources typical of modern publicistic texts, supported by up-to-date examples. The article highlights the necessity of accurate allusion recognition for the adequate conveyance of cultural references in translation. The analytical framework includes continuous sampling, deduction, induction, as well as intertextual and linguistic analysis.

Key words: allusion, source of allusion, publicistic text, translation, adaptation, intercultural communication, English-language text, transformations.

Седина Ирина Васильевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Российская федерация, г. Саранск.
Доцент кафедры теории речи и перевода.

ORCID: 0000-0003-3076-5445.
E-mail: sedina64@yandex.ru.

Вехова Елена Алексеевна.
Кандидат культурологии.
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Российская федерация, г. Саранск.
Доцент кафедры теории речи и перевода.

ORCID: 0000-0002-7472-3100.
E-mail: norkina.elena@bk.ru.

Sedina Irina Vasilievna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Ogarev Mordovia State University,
Russian Federation, Saransk.

Associate Professor at Department of Theory of Speech and Translation.
ORCID: 0000-0003-3076-5445.
E-mail: sedina64@yandex.ru.

Vekhova Elena Alekseevna.
Candidate of Cultural Science.
Ogarev Mordovia State University,
Russian Federation, Saransk.

Associate Professor at Department of Theory of Speech and Translation.
ORCID: 0000-0002-7472-3100.
E-mail: norkina.elena@bk.ru.

Научная статья
УДК [81’1:81’374]: 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.22065993

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА ГОРДОСТЬ

***© 2026 Е.Г. Хомчак*[1], *И.В. Волкова*[2]**
[1-2]*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мелитопольский государственный университет»*
ORCID[1] *0000-0002-1155-440X*
ORCID[2] *0000-0002-3799-4964*

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуется концепт *гордость*, репрезентирующий универсальный личностно-эмоциональный признак жизни — гордость. Ядром изучаемого концепта является понятие о гордости как морально-нравственной категории, что отражено в словарном дискурсе. На конкретном фактологическом материале проводится этимологический и семантический анализ языковых единиц — репрезентантов концепта *гордость*.

Путем анализа лексикографических источников определяется понятийная составляющая концепта, устанавливается смысловой минимум его содержания, его вторичные значения. Проводится этимологическая реконструкция ключевого слова концепта *гордость*, благодаря сведениям этимологических словарей прослеживается история развития значения номинанта концепта *гордость*. Установлено эволюцию лексемы *гордость* от характеристики гордости как негативной черты человека до ее понимания как чувства собственного достоинства: семантика высокомерия, тщеславия переместилась в современных толковых словарях русского языка с основного значения на периферию. Исследована языковая репрезентация гордости на лексическом уровне.

Ключевые слова: концепт *гордость*, понятийная составляющая концепта, этимологическая реконструкция, вербализация концепта.

Для цитирования: Хомчак Е.Г. Языковые средства выражения концепта *гордость* / Е.Г. Хомчак, И.В. Волкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 138–146. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22065993.

Введение. Взаимосвязь языка и культуры опосредует концепты культуры как составляющие национального сознания. Одной из таких составляющих является концепт *гордость*, который репрезентирует универсальный личностно-эмоциональный признак жизни — гордость, которую выделяют в процессе эмоционально-ментального освоения действительности. Гордость является одним из важных компонентов этнокультуры и ментальности человечества, одним из наиболее распространенных концептов общечеловеческой картины мира.

Энциклопедические словари определяют *гордость* как нравственное чувство, возникающее в результате осознания личностью общественного значения своих достижений, успехов — собственных или группы, с которой она себя идентифицирует. Гордость представляет собой чувство, требующее для своего проявления рядом другого, «второго» человека, способного дать одобрительную оценку, выразить похвалу. Чувство гордости не только эволюционно оправдано, но и играет важную роль в том, как человек взаимодействует с социумом и окружающим миром.

В когнитивной лингвистике концепт *гордость* и средства его объективации являются актуальным объектом исследования, в частности он представлен в научных работах С.А. Малаховой, К.И. Мизина, И.В. Зиминой, Т.О. Ефимовой, О. А. Кузнецовой, Е.Е. Стефанского, О. А. Кретова, Н.Н. Домбровской и др. Изучение этого концепта осуществляется на базе нескольких языков, например К. И. Мизин анализирует концепт *гордость* в британской, немецкой и русской лингвокультурах. Исследователь, изучая концепт *гордость* по материалам интернет-изданий, приходит к выводу, что в русской лингвокультуре распространены понятия «профессиональная гордость», «гордость за страну» и «спортивная гордость». Н.Н. Домбровская на примере пословично-поговорочного фонда русского и английского языков выделяет семантические группы паремий, находит общее и различное в реализации исследуемого концепта *гордость*.

В статье С. Малаховой понятие *гордость* рассматривается в философско-эстетической традиции, прослеживается эволюция данного понятия в контексте разных философских систем. И. Зимина и Т. Ефимова осуществляют анализ семантической структуры концепта *гордость* в научном и религиозном сознании. Несмотря на то, что этот концепт был объектом разноаспектных исследований, его всестороннее исследование на разных языковых уровнях до сих пор еще не было осуществлено. Мы в данном исследовании делаем попытку изучения особенностей вербализации концепта *гордость* на лексикографическом и лексико-семантическом уровнях.

Материалы и методы исследования. Используется метод лексикографического анализа слова, критический анализ исследований по данной проблеме, описательный метод. Иллюстративный языковой материал взят из лексикологических источников и данных Национального корпуса русского языка.

Основная часть. Ядром изучаемого концепта является понятие о гордости как морально-нравственной категории, что отражено в словарном дискурсе. Путем анализа лексикографических источников можно определить понятийную составляющую концепта, установить смысловой минимум его содержания, его вторичные значения.

Концепт *гордость* имеет многовековую историю. Согласно данным словаря М. Фасмера, лексема «гордый» восходит к старославянскому «*гръдъ*» [12, с. 109]. В некоторых родственных языках данная основа приобрела несколько иное семантическое значение: словенское *gŕd* — «уродливый» (сохраняется негативный оттенок) [12, с. 109]. Кроме того, вслед за М. Фасмером многие исследователи при установлении происхождения слова «гордый» проводят параллель с латинским *gurdus* («глупый»).

Согласно данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка», происхождение слов *гордость*, *гордый* связывается с о.-с. *gъrdъ — *разборчивый, придирчивый, привередливый*, отсюда — *высокомерный, гордый* и относится к индоевропейской базе *ghrēu-: *ghrəu- — *растирать, изнурять* (от корня *gher- — *тереть*) [13]. Некоторые лексикографы указывают на близость лексемы гордость к латинскому слову gurdus (gurdes) — *бестолковый, тупой, глупый* [9].

Достаточно обоснована версия А.А. Кретова. Исследователь предполагает, что мотивировочным признаком для славянского *grdd* была семантика высоты. Путем формального и семантического анализа автор устанавливает, что праславянское *ggrd* «этимологизируется как фонетически закономерный вариант праслов. корня *gъrdъ, *gьrd, *gord-, *zord, *zerd. В славянских языках производными от этого корня являются лексемы *жердь, огород*, в значении которых ядерным является сема «высокий» [2, с. 116]. Ученый считает, что сначала **gъrdъ* употреблялось для характеристики

внешности, а позже визуальные физические признаки были перенесены в сферу социальных и моральных характеристик [2, с. 124]. Сосуществование в старославянском и современных южнославянских языках значений *гордый, страшный, ужасный* А.А. Кретов объясняет через семантическую цепочку *гордый → высокомерный → жестокий → опасный→ страшный→ ужасный*. Кроме того, можно предположить, что чем выше социальное состояние человека, тем больший страх и ужас он вызывает, приближаясь в этом плане к Всевышнему. Семантические компоненты *смелый, пышный, красивый, спокойный, грозный, суровый* являются сопроводительными признаками характеристики человека с высоким социальным статусом [2, с. 126].

Чувство гордости / гордыни, по христианскому вероучению, является тяжким грехом, а потому лексема для наименования этого чувства в древнерусский период имела исключительно негативную оценочную семантику. По мнению исследователей, «взгляд на гордыню как смертный грех формируется в восточнославянском сообществе под влиянием не только Нового Завета и других канонических текстов, но и назидательного древнерусского дискурса периода раннего христианства» [1, эл. ресурс]. Согласно выводам ученых, исследование текстов древнерусской литературы дает основания утверждать, что в религиозном дискурсе XI–XVII вв. гордыня — это внутренняя эмоция, которая не вписывается в социально-нравственные нормы поведения христианина [1, эл. ресурс].

В текстах памятников древнерусской письменности субстантивы *гордость* и *гордыня* номинируют один концепт, функционируя с одинаковыми лексическими значениями, однако следует отметить, что лексикографические источники фиксируют слово *гордыня* для номинации греха перед Богом — *гърдыни, гордыни* [11, с. 614], а лексема *гордость* (*гръдость*) называет грех перед людьми, в частности перед теми, кто имеет власть или высшее социальное положение [11, с. 613].

В современных словарях лексема *гордыня* фиксируется как устаревшее слово, имеет отрицательную семантику, а с положительным значением употребляется редко [10, с. 120]. Как утверждают лингвисты, «семантичное развитие дихотомического концепта «*гордыня / гордость*» происходило по следующей схеме: характеристика гордыни как негативного качества человека → понимание гордости как чувства собственного достоинства (эпоха Нового времени). В последнем значении проявление соответствующей эмоции на сегодняшний день оценивается преимущественно положительно; гордыня ассоциируется с тщеславием, высокомерием и т.д. и оценивается в рамках модели антиповедения» [4, с. 68].

На сегодня «Словарь русского языка» С. И. Ожегова фиксирует четыре лексико-семантических варианта лексемы *гордость*:

1. Чувство собственного достоинства, самоуважения.
2. Чувство удовлетворения от чего-нибудь.
3. Высокомерие, чрезмерно высокое мнение о себе.
4. О том, кем (чем) гордятся [10, с. 119].

Номинативное поле концепта *гордость* представлено адъективами *гордый, амбициозный*, *благородный, возвышенный, духовный, величавый, царственный, величественный, самоуверенный.* Согласно словарю Ожегова, лексема *гордый* употребляемые со значением: «1. Исполненный чувства собственного достоинства, сознающий свое превосходство. 2. Заключающий в себе нечто возвышенное, высокое (книжн.). 3. Испытывающий чувство удовлетворения [10, с. 119]. Глагольная репрезентация концепта *гордость* реализуется следующими лексемами: *гордиться,*

величаться, возноситься, заноситься, зазнаваться, кичиться, чваниться, возгордиться, возомнить о себе и т.д.

В зависимости от своего значения, лексема *гордость* вступает в определенные синонимические отношения, формируя синонимические ряды: *гордыня, высокомерие, заносчивость, надменность, кичливость, претенциозность, спесь, спесивость, тщеславие, чванливость, напыщенность, обидчивость, амбиция, гонор, форс* и др.

Наибольшее количество синонимов формирует синонимический ряд с доминантой гордости, что выражает отрицательную коннотативную оценку. И хотя сегодня основной для лексемы *гордость* является положительная семантика, синонимические ряды с такой доминантой значительно короче, например: *честь, чувство собственного достоинства.* По мнению исследователей, «реализация концепта *гордость* соответствует общей тенденции аксиологических акцентов народа в сфере морали, согласно которой отрицательно окрашенные номинации имеют более широкую семантическую палитру и частотность употребления, поскольку моральные максимы направлены на искоренение отрицательных черт, что предполагает их выявление и называние» [4, с. 147].

В древности гордость соотносилась с дерзостью и надменностью, а человек гордый — с высокомерием, хвастовством, спесивостью, зазнайством и даже жестокостью. Наши далекие предки относились к чувству гордости без малейшего снисхождения, считая гордость отрицательной чертой человеческой натуры.

Языковеды считают, что целью исследования актуального слоя концепта является анализ лексических признаков его речевых репрезентантов. При этом отмечают, что лингвистический аспект исследования лексических признаков предусматривает как рассмотрение основной номинации концепта, так и ее синонимов, поскольку мировоззрение говорящего как индивида может отражать то же понятие по-разному и называть его также по-разному.

Лексема *гордость* в современном русском языке получает различные когнитивные интерпретации. Русские люди сегодня чаще всего испытывают гордость за:

- армию, воинов: *Солдаты России — наша* ***гордость****! Хочу выразить слова поддержки и веры в правое дело. Желаю достойно выполнить задачу, поставленную Президентом России* (М. Колпащикова); *Наши воины —* ***гордость*** *страны и надежный щит родного Отечества, достойный пример для молодежи, принимающей сегодня важное решение о службе на контрактной основе* (Т. Дорохова);

- страну: *Девять из десяти граждан говорят, что им важно* ***гордиться*** *страной. Быть гражданином России значит* ***гордиться*** *своей страной.* ***Гордость*** *за Родину складывается из многих аспектов — истории, культуры, технических достижений, военной мощи и, конечно — это* ***гордость*** *за президента.* ***Гордость*** *— это консолидирующая общество тема, имеющая и эмоциональную базу, и рациональную* (Д. Кислицына);

- принадлежность к русскому народу: *Все, что я делал, делаю и, надеюсь, буду делать, — это все во славу нашей православной страны. Я не считаю свои экспедиции, но, как кто-то посчитал, — сегодня все 20 мировых рекордов принадлежат России. И мне это приятно. Я* ***горжусь*** *тем, что я русский* (Ф. Конюхов);

- достижения в труде: *Герои труда —* ***гордость*** *моей земли, пример для любого поколения. Читая их биографии преисполняешься* ***гордостью*** *за свою страну, за ее граждан, за моих земляков* (сайт Хранители Родины); *Люди труда —* ***гордость*** *России.* (сайт Главная. Новости);

- спортивные достижения: *Лауреатом в номинации «**Гордость** России: спортсмен года» стал двукратный чемпион мира по боксу Муслим Гаджимагомедов* (ТАСС. Массовый спорт); *Футбол — это вопрос национальной **гордости** и патриотизма* (Д. Волков, «Отечественные записки»);

- достижения в космосе: *Есть первый старт «Ангары-А5» с космодрома «Восточный». Это наиважнейшее событие в российской космонавтике за последние десятилетия. Это важнейший ключ к огромному количеству новых российских космических программ, включая полет и освоение Луны, а также полеты в дальний космос. Огромный респект специалистам «Роскосмоса»!!! Вы наша **гордость*** (Ю. Подоляка);

- литературу и искусство: *Непоколебимым фактом является то, что русская литература это совершенно уникальный феномен в мировой культуре. Каждый русский человек с **гордостью** и восторгом вспоминают как он или она обогатились духовно и интеллектуально при чтении Пушкина, Толстого, Достоевского или Чехова* (А. Павловский).

К. И. Мизин, исследуя концепт *гордость* по материалам интернет-изданий, приходит к выводу, что в русской лингвокультуре распространены понятия «профессиональная гордость» (5,3%), «гордость за страну» (9,1%) и «спортивная гордость» (14,4%) [4].

Отметим, что лексемы, объективирующие концепт *гордость*, имеют разновекторные оценочные параметры. Скажем, в ряду *гордость, надменность, гордыня, тщеславие, напыщенность, чванливость, высокомерие* только лексема *гордость* может считаться носителем положительной коннотации. Другие номинации в той или иной степени передают снижение позитива вплоть до резкого осуждения: на средней шкале оценочности находятся слова *гордость, достоинство*, резко негативную оценку содержат слова *надменность, тщеславие, напыщенность, высокомерие*.

В частности, лексема *достоинство* толкуется как: «1. Положительное качество. *Достоинство книги. В спектакле много достоинств.* 2. Совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе. *Ронять свое достоинство. Говорить с достоинством*» [10, с. 152]. По мнению Н. Оботуровой, концепт человеческого достоинства выявляет его сложный, многомерный характер, соединение в нем, казалось бы, противоположных характеристик [5, с. 33]. Достоинство человека имеет двойственную природу: с одной стороны, оно выступает первоосновой и обоснованием права, а с другой — само требует правовой защиты. В концепте человеческого достоинства в концентрированном виде выражается сущность права, так как зафиксированные в нем универсальные характеристики человечности определяют основу свободы, равенства и справедливости как базовых признаков права [5].

Значимость понятия «гордость» для русской культуры подтверждается разнообразием лексических единиц, образованных от корня *горд-*:

- в старославянском языке: *гордомудрый, гордосильный, гордоносный, гордостно, гордыня* [11];

- в современном русском языке: *гордиться, гордый, гордыня, гордец, гордячка, возгордиться, погордиться, прегордо, горделивый, гордо* и др. [10].

Стремление человека детализировать и конкретизировать то, что связано с гордостью, является свидетельством важности этого понятия для отдельного индивидуума, его желании отразить в языке то, что выходит за рамки общепринятых в обществе норм.

Членом синонимического ряда с доминантой *гордость* является лексема *гонор*, вошедшая в русский язык из польского языка. По наблюдениям Е.Е. Стефанского, «в русском языковом сознании *гонор* нередко ассоциируется с поляками и Польшей, а слово «гонор» нередко употребляется с определением «польский» [6, с. 61]. Исследователь делает акцент на том, что полякам часто приписывают черты, связанные с чрезмерной гордостью, высокомерием и надменностью.

Номинативное поле концепта *гордость* представлено также адъективами *гордый, амбициозный*, *благородный, возвышенный, величавый, царственный, величественный, самоуверенный,* употребляемые со значением «исполненный чувства собственного достоинства, сознающий свое превосходство». Кроме того, прилагательное *гордый* в русском языке может иметь значение:

- знающий себе цену: *Наталья Кирилловна выбрала для Петра красивую и* ***гордую*** *девушку из* ***знатного****, но* ***бедного рода*** (Н. Нарышкина);

- величественный (который своей величиной, грандиозностью, силой проявления или наличием чего-то выдающегося, чрезвычайного вызывает удивление, восхищение*)*: *Какая смелость взора! / Высокого чела отважный вид / И* ***гордая*** *осанка привлекают...* (А.Н. Островский);

- высокий: *А утром рассвет разноцветил вершины, они засияли, как стразы. и не было в мире прекрасней картины, чем* ***гордые горы*** *Кавказа!* (М. Волынская);

- полный высокого смысла, возвышенный: ***Гордые думы*** *свои / Он возносил к поднебесью / Чистые слезы свои / Он заложил в эту песню* (Л. Богданович).

Синонимический ряд с доминантой *гордый* достаточно большой по объему: *гоноровый*, *заносчивый, высокомерный, спесивый* (человек, в котором много спеси), *чванливый* (склонный к чванству), *кичливый* (чрезмерно горделивый), *напыщенный* (преувеличено важный), *властный*, *барственный* (высокомерно-пренебрежительный), *чопорный* (чрезмерно, неестественно строгий в поведении, обращении), *надутый* (разг.), *претенциозный* (книжн., манерный, стремящийся произвести впечатление значительности), *самолюбивый* (: *Благо холодный* ***надменный*** *взгляд льдисто-серых глаз помог быстро прийти в себя* (Т. Захарова); *Да вот что грех: она была* ***спесива*** (И. Крылов); *Но если* ***чванливый*** *господчик сам наскочит на меня, пускай не пеняет* (И. Лажечников); *Врага* ***кичливому*** *злословью, Бойцы, дадим один ответ* (Д. Бедный); *Основателен,* ***барственно*** *вальяжен и внешне, наперекор своей фамилии, не полу — настоящий русский боярин* (В. Климов); *И уж если взялись, то мы отпразднуем его, как ни* ***чопорные*** *англичане, ни сентиментальные немцы, ни высокомерные испанцы или шведы не умеют и никогда не сумеют* (Д. Калинина); *Другой хоть прытче будь,* ***надутый*** *всяким чванством* (А. Грибоедов); *Возможность примирения исключалась: и тот и другой были* ***самолюбивы*** (А. Новиков).

Следует акцентировать: несмотря на то, что для атрибутивных характеристик концепта существует в языке большое количество негативно маркированных лексем, собственно адъектив *гордый* в большинстве своем передает положительные оценочные коннотации. В художественной литературе гордость часто передается через внешние проявления: особенности взгляда, осанки, голоса и других невербальных сигналов, например: *Ей было только четырнадцать лет, но — очень рослая, пышноволосая, с* ***гордыми глазами*** (М. Горький); *Замолчит* ***гордый голос*** *надменного. Кто же правду творит, будет жить* (М. Шамрова); ***Гордый профиль****, твердый шаг, Со спины — дак чистый шах!* (Л. Филатов).

Глагольная репрезентация концепта *гордость* реализуется следующими лексемами: *гордиться, возгордиться, зазнаваться, заноситься, возноситься, кичиться,*

чваниться, возомнить о себе, заспесивиться и др. Отрицательно-оценочная семантика вербализована глаголами, формирующими синонимический ряд с доминантой *гордиться* «испытывать гордость от чего-нибудь» [10, с. 119]: *величаться* (устар. и прост.), *возноситься* (разг. держаться высокомерно), *зазнаваться* (пренебрежительно относиться к другим), *кичиться* (выставлять напоказ свое превосходство перед другими,), *возгордиться* (иметь неоправданно высокое самомнение). Например: ***Величался*** *он в артели своим высокоумием, но смех и не таковских в лоск уложит* (П. Мельников-Печерский); *Осип Иванович и в княжеском доме не* ***зазнавался****: был по-прежнему тих и смирен* (В. Даль); *В последнее время перестали дворянской славой* ***кичиться*** *в Улангерских обителях* (П. Мельников-Печерский); *А еще некоторое время спустя она страшно* ***возгордилась*** *собой* (И. Кузина).

Как известно, невербальным указателем надменного человека является его осанка (выпяченная грудь, выпрямленная спина и т.п.). В процессе вербализации подобного состояния в художественном дискурсе задействуются глаголы, формирующие периферическую зону номинативного поля концепта *гордость*: *А ты не унимаешься,* ***раздулся от гордости****, а* ***гордость*** *— пьяный порок, наводит забвение* (И. Гончаров); *По тону письма чувствуется, что молодого химика буквально* ***распирает от гордости*** *за свой ум и свои достижения, но чья-то сильная рука зажимает ему рот* (В. Рыбаков); *Ваша Ануся теперь рискует* ***лопнуть от гордости*** (И. Ратушинская); ***Захлебываясь от гордости****, она рассказывает матери про то, что в конце торжества за ними приплывет парусник, на котором они отправятся в свадебное путешествие* (К. Капович); *Глебу показалось, что Генрих Иванович, как настоящий попугай,* ***от гордости способен надувать грудь*** (А. Иванов).

Наречная номинация концепта *гордость* представлена немногочисленными единицами: *гордо*, *надменно*, *горделиво, высокомерно, презрительно, самоуверенно*, напр.: *Алина Федоровна была высокая, смуглая, разговаривала строго, смотрела* ***гордо*** (Ю. Трифонов); *По теплому времени старые люди выходили глядеть на нее, когда она* ***горделиво*** *несла через хутор белые пышные банты на аккуратной голове* (Б. Екимов); *Первые дни он держался* ***надменно****, поглядывал своими голубенькими глазами на всех сонно и презрительно* (Ю. Трифанов); *Его маленькая голова была* ***высокомерно*** *вскинута, глаза под выпуклыми веками полузажмурены* (В. Катаев); *Наталья* ***презрительно*** *усмехнулась моему непониманию* (А. Волос).

Заключение. Концепт *гордость* на протяжении многовековой истории развития общества испытывал сильное влияние христианской категории греха, что обусловило негативную коннотацию его содержания, но в конце XV в., с началом эпохи Возрождения, в концептуальном содержании гордости происходят изменения: сема осознанного чувства собственного достоинства, собственной силы становится ядерной и концепт приобретает положительную коннотацию.

На основе анализа словарных дефиниций можно утверждать, что эволюция лексемы *гордость* происходила от характеристики гордости как негативной черты человека до его понимания как чувства собственного достоинства, поэтому семантика высокомерия, тщеславия переместилась в современных толковых словарях русского языка с основного значения на периферию.

Концепт гордость в современном русском языке вербализуется через различные части речи, каждая из которых несет разновекторные коннотации – как положительные (*гордость, благородный, гордиться, достоинство* и др.), так и отрицательные (*превосходство, напыщенный, тщеславный, возгордиться высокомерно,* и др.). Характерной особенностью лексико-семантической объективации анализируемого

концепта является высокая активность элементов, обозначающих негативные проявления гордости: *спесь, высокомерие, чванство, тщеславие* и т.д.

Лексемы *гордость, гордый, гордиться* являются наиболее употребительными, наиболее общими по своему основному значению и составляют ядро вербальной экспликации концепта *гордость*. Анализ художественных текстов и интернет-изданий свидетельствует, что на современном этапе развития русского языка основным значением лексемы *гордость* как номинанта концепта есть чувство личного достоинства, самоуважения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зимина И.В. Концепт «Гордость» в религиозной, научной и фразеологической картинах мира / И.В. Зимина, Т.О. Ефимова // Мир науки. Социология, филология, культурология, — 2020.— №1. Режим доступа: https://sfk-mn.ru/PDF/14FLSK120.pdf

2. Кретов А. А. Славянские этимологии: монография / А.А. Кретов. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2009. — 364 с.

3. Малахова С. А. Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2009. — 24 с.

4. Мизин К. Изменение ценностных приоритетов в современных европейских лингвокультурах: морально-этический концепт ГОРДОСТЬ / К. Мизин // OPERA SLAVICA, 2018. — Т. 28. Вып. 4. — С. 5–33.

5. Оботурова Н. С. Концепт достоинства человека и его нравственно-правовое значение / Н. С. Обатурова // Ius Publicum et Privatum. — 2022. — № 5 (20). — С. 27–33.

6. Стефанский Е. Е. Концепт «гордость» в восточнославянских и польской лингвокультурах / Е. Е. Стефанский // Сфера культуры. — 2021. — № 4 (6). — С. 59-70.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

7. Даль В.И. Большой толковый словарь русского языка: современное написание / В. И. Даль. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 348 с.

8. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь: В 2 т. / Сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. — М.: Терра-Кн. клуб, 1998. — 22 см. — (Славяне). — Т. 1: А–Р. — 567 с.

9. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г. А. рылов. — СПб: ООО «Полиграфуслуги», 2005. — 432 с.

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведова. / 16-е изд., испр. — М.: Рус.яз., 1984. — 797 с.

11. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург: издание отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук., 1893. Т. 1: А–К. — 1420 с.

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. — 4-е изд., стереотип. — М.: Астрель, 2004. — Т. 1. — 588 с.

13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. — М.: Рус. яз., 1999. — С. 204.

REFERENCES

1. Zimina I.V., Efimova T.O. (2020). Koncept «Gordost'» v religioznoj, nauchnoj i frazeologicheskoj kartinah mira [The concept ‘Pride’ in religious, scientific and phraseological pictures of the world], Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya, №1. Mode of access: https://sfk-mn.ru/PDF/14FLSK120.pdf (In Russian)

2. Kretov A. A. (2009). Slavyanskie ehtimologii: monografiya [Slavic etymologies: a monograph] Voronezh: Voronezh State University Publishing House. p. 364. (In Russian)

3. Malakhova S.A. (2009). Lichnostno-ehmocional'nye koncepty «gordost'» i «styd» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah [Personal-emotional concepts ‘pride’ and ‘shame’ in Russian and English linguocultures] (dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. D. in Philology: 10.02.20). Volgograd: p. 24 (In Russian)

4. Mizin K. (2018) Izmenenie cennostnyh prioritetov v sovremennyh evropejskih lingvokul'turah: moral'no-ehticheskij koncept GORDOST'[Change Value priorities in modern European linguocultures: moral and ethical concept of Pride. concept of Pride]. OPERA SLAVICA. vol. 28. Issue. 4. (pp. 5–33). (In Russian)

5. Oboturova N. S. (2022). Koncept dostoinstva cheloveka i ego nravstvenno-pravovoe znachenie [The concept of human dignity and its moral and legal significance]. Law Public and Private. № 5 (20). (pp. 27– 33). (In Russian)

6. Stefansky E. E. (2021). Koncept «gordost'» v vostochnoslavyanskih i pol'skoj lingvokul'turah [The concept of "pride" in East Slavic and Polish linguocultures] Sphere of culture. № 4 (6). (pp. 59-70). (In Russian)

Поступила в редакцию 03.05.2026 г.

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING CONCEPT PRIDE

E.G. Khomchak*, *I.V. Volkova

The article studies the concept *PRIDE*, representing universal personal-emotional feature of life - pride, which is singled out in the process of emotional and mental mastering of reality. The etymological and semantic analysis of linguistic units representing the concept *PRIDE* is carried out on a particular factual material.

The core of the concept under study is the notion of pride as a moral category, which is reflected in the dictionary discourse. By analysing lexicographic sources, the conceptual component of the concept is determined. The semantic minimum of its content and its secondary meanings are established. The etymological reconstruction of the keyword of the concept *PRIDE* is carried out, which gives an idea of the original figurative worldview. Thanks to the data of etymological dictionaries, the meaning development of the nomination of the concept *PRIDE* has been traced. The conclusion is made that the evolution of the lexeme *pride* occurs from the characterisation of pride as a negative human trait to its understanding as a sense of self-esteem, so the semantics of arrogance, vanity has moved in modern explanatory dictionaries of the Russian language from the main meaning to the periphery.

Key words: concept *PRIDE*, conceptual component, etymological reconstruction, verbalization of concept .

Хомчак Елена Геннадиевна .
Кандидат филологических наук, доцент.
Мелитопольский государственный университет, Российская Федерация, г. Мелитополь.
Доцент кафедры русского языка и литературы.
ORCID 0000-0002-1155-440X.
E-mail: elenahomchak*@yandex.ru*.

Волкова Ирина Викторовна.
Кандидат педагогических наук, доцент.
Мелитопольский государственный университет, Российская Федерация,г. Мелитополь.
Доцент кафедры русского языка и литературы.
ORCID 0000-0002-3799-4964
E-mail: vit19602607@gmail.com

Khomchak Elena Gennadievna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Melitopol State University, Russian Federation, Melitopol.
Associate Professor at Department of Russian Language and Literature
ORCID 0000-0002-1155-440X.
E-mail: elenahomchak*@yandex.ru*.

Volkova Irina Viktorovna.
Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Melitopol State University, Russian Federation, Melitopol.
Associate Professor at Department of Russian Language and Literature.
ORCID 0000-0002-3799-4964
E-mail: vit19602607*@gmail.com*

Scientific article
UDC 811.111'37:340.113
DOI: 10.5281/zenodo.22066211

SYSTEMIC-FUNCTIONAL ANALYSIS OF LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF LEGAL TERMS OF THE ENGLISH LANGUAGE

© 2026 *S.A. Khujakulov*
University of Economics and Pedagogy (Uzbekistan).
ORCID 0009-0005-5233-586X



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Данная работа посвящена системно-функциональному анализу лексико-семантических особенностей юридических терминов английского языка. Исследование направлено на выявление структурных и смысловых закономерностей функционирования терминологической лексики в правовом дискурсе. Особое внимание уделено когнитивным и дискурсивным аспектам, обеспечивающим точность и однозначность правовой коммуникации. В работе рассматриваются механизмы категоризации и иерархизации терминов, а также их роль в формировании целостной правовой картины мира. Анализ основан на сопоставлении терминологических единиц с учетом контекстуальной вариативности и нормативной закреплённости значений. Полученные результаты демонстрируют взаимосвязь между семантической стабильностью терминов и их функциональной эффективностью в профессиональной юридической практике. Работа имеет теоретическую ценность для лингвистики и практическую значимость для юридического перевода и правовой коммуникации.

Ключевые слова: правовая лексика, семантическая структура, юридический дискурс, терминологический анализ, системная организация, смысловая точность, категориальная иерархия, профессиональная коммуникация.

For citation: Khujakulov S.A. Systemic-functional analysis of lexical-semantic features of legal terms of the English language / S.A. Khujakulov // Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology. — 2026. — No. 4. — P. 147–155. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22066211.

Introduction. The study of legal terminology in the English language represents a critical intersection of linguistics and law, reflecting the intricate relationship between language and the precise articulation of legal concepts. Legal discourse, characterized by its formalized and conventionalized expressions, relies heavily on specialized vocabulary that conveys complex normative, procedural, and institutional meanings. Mastery of these terms is essential not only for legal practitioners but also for translators, researchers, and anyone working with legal texts in multilingual or comparative contexts. The lexical and semantic properties of legal terms are uniquely structured to fulfill the dual functions of clarity and authority, ensuring that legal texts maintain interpretive precision while simultaneously supporting the coherent operation of legal institutions. Consequently, the analysis of these terms extends beyond mere dictionary definitions, requiring a nuanced understanding of their functional roles within discourse and their embedded conceptual frameworks.

This research is motivated by the necessity to systematically examine the lexical-semantic characteristics of English legal terms through the lens of systemic-functional linguistics, an approach that situates language within its social and functional context. **The primary objective** of the study is to identify and analyze the structural and semantic patterns that underpin legal

terminology, thereby revealing how linguistic choices reflect and construct legal meaning. By investigating the interrelation between lexical form, semantic content, and communicative function, the study aims to uncover the mechanisms through which legal terms operate to encode norms, obligations, rights, and procedural rules. Furthermore, the research seeks to categorize these terms according to their functional load, considering the distinctions between procedural, substantive, regulatory, and interpretative language within the legal system. Such categorization not only contributes to theoretical insights in legal linguistics but also provides practical tools for legal translation, drafting, and education.

In addressing these objectives, the study raises several **research questions**. How do English legal terms manifest specific lexical and semantic features that distinguish them from general vocabulary? In what ways do these features correspond to the ideational, interpersonal, and textual functions identified in systemic-functional theory? How does the systemic organization of legal terminology contribute to the clarity, authority, and efficacy of legal communication? By exploring these questions, the study intends to bridge the gap between linguistic theory and legal practice, demonstrating the value of a functional approach to understanding specialized terminology. The research hypothesizes that legal terms exhibit a high degree of semantic precision, structural regularity, and functional specialization, all of which are interdependent and collectively facilitate the operation of legal discourse.

The theoretical framework of the study is grounded in systemic-functional linguistics, which provides a comprehensive model for analyzing the interaction between language, context, and meaning. This framework allows for the examination of legal terms not merely as isolated lexical units but as elements embedded within a network of social and textual functions. By employing the three metafunctions of language — ideational, interpersonal, and textual — the analysis can reveal how legal terminology simultaneously conveys conceptual content, negotiates social relationships, and organizes discourse. This approach is particularly suitable for the study of legal language, given the precise, norm-governed, and context-sensitive nature of legal texts. In addition, systemic-functional analysis offers methodological tools for mapping lexical-semantic patterns and understanding how these patterns contribute to both the cognitive representation of legal concepts and the pragmatic requirements of legal communication.

Overall, the research seeks to contribute to the growing field of legal linguistics by providing a systematic, functionally informed account of English legal terminology. Through a detailed examination of lexical and semantic features, framed within the principles of systemic-functional linguistics, the study aims to elucidate the ways in which legal terms encode knowledge, structure discourse, and facilitate professional and cross-linguistic understanding. This focus not only enriches theoretical discourse but also has practical implications for the drafting, interpretation, and translation of legal texts, thereby reinforcing the centrality of precise language use in the administration of law.

Materials and Methods. The present study employs a **systematic approach** to analyze the lexical-semantic features of English legal terminology, guided by principles of systemic-functional linguistics. The selection of legal terms was based on multiple sources to ensure representativeness and relevance. Primary sources included authoritative legal dictionaries such as *Black's Law Dictionary and Garner's Dictionary of Legal Usage,* as well as legislative texts, statutes, and official judicial documents. To complement these sources, a specialized corpus of contemporary English legal texts was compiled, encompassing contracts, court judgments, and regulatory documents. The inclusion criteria focused on terms that carry distinct legal meanings, exhibit frequent use in professional legal discourse, and reflect both substantive and procedural aspects of law. Terms that are highly context-dependent or polysemous were prioritized to explore the interaction between semantic specificity and

functional use. Excluded from the analysis were general vocabulary items with no specialized legal meaning or terms with negligible occurrence in professional texts.

The study employs a combination of **lexical, morphological, syntactic, semantic,** and **functional methods** of analysis. Lexical analysis is used to examine the vocabulary of legal discourse by identifying the lexical composition, terminological status, lexical classification, and usage patterns of legal terms. Unlike lexical analysis, which focuses on the form and distribution of lexical units, semantic analysis investigates their meanings and semantic relationships, including denotation, connotation, polysemy, synonymy, and semantic variation in legal contexts. The morphological method is applied to examine the internal structure of legal terms and their word-formation processes, such as derivation, compounding, and nominalization. The syntactic method analyses the grammatical functions and structural patterns of legal terms within legal texts. Finally, the functional method evaluates how legal terms operate in legislative and judicial discourse to ensure precision, consistency, and effective legal communication.This approach allows the study to capture not only the form and meaning of legal terms but also their communicative purpose in professional legal contexts.

Data collection and categorization relied on both manual and digital tools. Terms were extracted from the corpus and dictionaries and organized into a database according to lexical class, frequency, semantic properties, and functional role. Concordance tools and corpus analysis software, such as **AntConc** and **Sketch Engine,** were employed to identify collocational patterns, contextual usage, and co-occurrence frequency. This facilitated the examination of functional load and semantic constraints in legal terminology. Each term was then coded according to its structural, semantic, and functional characteristics, enabling systematic comparison and pattern identification. The combination of corpus-based analysis, dictionary consultation, and SFL-informed functional categorization ensures a rigorous and replicable methodology capable of revealing the complex interplay between lexical form, semantic meaning, and professional function in English legal discourse.

Results and Discussion. The analysis of the English legal corpus demonstrates that derivation, compounding, and nominalization are the most productive word-formation processes in legal terminology [1, p. 64]. Derivational forms account for a substantial proportion of the analysed terms, particularly through suffixes such as *-tion, -ment, and -ance,* which convert verbs into abstract legal nouns (e.g., adjudicate → adjudication, incarcerate → incarceration). Compound terms, including *force majeure, habeas corpus,* and *summary judgment,* function as unified lexical units denoting legally established concepts whose meanings can not be interpreted compositionally outside the legal domain [2, p. 24]. The analysis further indicates that nominalization contributes to the conceptual precision and terminological stability of legal discourse by emphasizing legal acts, procedures, and states rather than actions. These findings demonstrate that the structural organization of English legal terminology is closely linked to its communicative function, enabling the concise expression of specialized legal concepts while reducing semantic ambiguity in legislative and judicial texts.

The morphology of legal terms often reflects Latin or French origins, which historically shaped English law. Terms like *mens rea, subpoena,* and *pro bono* illustrate the endurance of borrowed forms in contemporary legal usage [3, p. 14]. Morphological patterns in legal English also include affixation with legal significance, such as *-ment* in *enactment*, *-ion* in *arbitration,* and *-or* in *executor,* which signal procedural, agentive, or nominal functions. Compounding and affixation frequently combine in a single term, producing highly specific legal units such as *counterclaimant* or *non-disclosure agreement*, demonstrating both lexical economy and functional specialization [4, p. 27]. These processes create a balance between semantic transparency for comprehension and specialized codification for professional precision.

The semantic analysis of the English legal corpus revealed that denotation is the predominant semantic feature of legal terminology. Most analysed terms exhibit a single, precise legal meaning established through legislation or judicial interpretation, which contributes to terminological consistency and legal certainty. Terms such as *indemnity, negligence,* and *equity* consistently denote specific legal concepts related to rights, duties, and legal obligations [5, p. 43]. The findings indicate that the predominance of denotative meaning minimises interpretative variation and supports the accurate application of legal norms in legislative and judicial discourse. The analysis identified connotative meaning in a limited number of English legal terms, particularly those denoting legal roles and institutional relationships. The term *trustee,* for example, denotes a legally recognised position while also conveying notions of fiduciary responsibility, accountability, and ethical obligation within the legal system [6, p. 83]. These connotative elements reinforce the institutional and professional functions of the term without affecting its precise legal meaning. The findings indicate that ambiguity is limited in English legal terminology, as legal definitions substantially reduce interpretative uncertainty. Nevertheless, terms such as *execution* demonstrate semantic specialisation, referring to the formal completion or signing of a legal instrument rather than the general act of carrying out a task [7, p. 62]. The analysis identified polysemy in a limited number of English legal terms, with multiple related meanings distinguished by their legal context. For example, *assignment* denotes the transfer of contractual rights and, in specific legal contexts, the transfer or delegation of certain legal obligations. The findings indicate that contextual and legislative constraints enable the accurate interpretation of polysemous legal terms, thereby maintaining terminological precision and consistency in legal discourse.

Functional classification of legal terms provides another lens through which their lexical-semantic features can be understood. Procedural terms are those that specify legal actions, processes, or steps within a formal framework, such as *pleading, motion,* or *appeal*. These terms are essential for organizing the conduct of litigation, administrative procedures, or judicial review, and their consistent use supports clarity and efficiency in professional communication [8, p. 35]. Substantive terms define legal rights, duties, or liabilities and include words like *ownership, negligence,* and *liability.* Substantive terminology underpins the content of law, providing the conceptual foundation for legal reasoning and argumentation. Regulatory terms, such as *statute, ordinance,* and *regulation,* indicate rules established by legislative or administrative authorities and reflect the codification of norms within a legal system. Interpretative terms, including *interpretation, precedent,* and *ratio decidendi,* describe concepts and procedures used to elucidate, apply, or reason about legal norms, linking linguistic expression with judicial practice and cognitive processing in law [9, p. 42].

The interplay between structural, semantic, and functional features is particularly evident in multi-word terms or phrases, which dominate legal English. Expressions such as *constructive dismissal, summary proceedings,* or *implied warranty* combine morphological elements, semantic specificity, and functional purpose in a single term [10, p. 83]. These terms demonstrate how legal language achieves economy and precision while conveying complex procedural or substantive content. Collocations and fixed expressions further reinforce semantic clarity and normative authority; for example, the phrase *beyond a reasonable doubt* in criminal law consistently conveys a threshold of proof with both legal and procedural significance, leaving little room for interpretive variation. Similarly, phrases like *due process of law* or *burden of proof* serve as legal icons, encapsulating complex doctrines within succinct, highly codified linguistic forms [11, p. 90].

Cross-linguistic comparison and translation studies of legal terms also illustrate the importance of lexical-semantic analysis. Scholars have noted that terms like *indemnity,*

negligence, or *equity* often lack exact equivalents in other languages, necessitating careful attention to semantic range, functional load, and cultural context [12, p. 116]. Understanding these terms in English requires not only knowledge of denotation and connotation but also awareness of procedural and interpretative frameworks in which they operate. This highlights the need for a systemic-functional approach that integrates structural, semantic, and functional dimensions to capture the full meaning of legal terms.

The systemic-functional perspective offers a rigorous framework for examining legal terminology, emphasizing not only meaning but also the communicative roles of terms within professional discourse. In systemic-functional linguistics, language is analyzed through three metafunctions: ideational, interpersonal, and textual. These categories allow for a detailed investigation of how lexical choices encode legal concepts, regulate social interactions, and organize discourse, highlighting the interplay between form, meaning, and function in English legal language.

The ideational function concerns how language represents experience, including actions, events, relationships, and entities in the legal domain. Legal terms fulfilling this function often describe substantive elements, procedural actions, or legal institutions. Terms such as *conveyance, forfeiture,* and *probation* capture specific legal processes or conditions, while *inheritance, liens,* and *usufruct* describe rights and property relations [13. p. 68]. Nominalizations remain a prominent feature in legal English, as seen in *enfranchisement, commencement,* and *adjudication,* which allow complex legal actions or concepts to be treated as discrete entities [14, p. 57]. These structural features facilitate clarity, conceptual organization, and consistency in legal reasoning, making ideational analysis essential for understanding how language constructs legal reality.

The interpersonal function examines how legal terminology encodes social roles, authority, and obligations. Terms such as *claimant, respondent, guardian ad litem,* and *trustor* specify participant roles within legal procedures, signaling responsibilities and relationships between parties [15, p. 94]. Modal expressions embedded within legal terms also carry interpersonal weight. For example, *shall, must,* and *may* govern duties and permissions, reinforcing normative expectations. Evaluative terms such as *culpable, malfeasance,* and *reckless* communicate judgments of behavior, guiding the interpretation of liability and professional conduct [16, p. 119]. Through these mechanisms, the interpersonal dimension ensures that legal language regulates social relations, establishes accountability, and communicates enforceable norms.

The textual function addresses the organization and cohesion of legal discourse. Formulaic expressions, fixed collocations, and standard phrases maintain interpretive stability and logical flow across legal documents. Phrases such as *in pursuance of, ipso facto, mutatis mutandis,* and *without prejudice* function as cohesive devices that structure arguments and provide continuity within texts [17, p. 158]. The consistent recurrence of terms in contracts, statutes, and judicial opinions ensures readability and minimizes ambiguity. Textual function also supports the rhetorical construction of legal arguments, guiding interpretation and linking concepts across multiple clauses or documents.

Lexical choices in legal English are systematically aligned with legal concepts, norms, and communicative purposes. For example, *subrogation* simultaneously conveys ideational meaning (the transfer of a creditor’s rights), interpersonal function (obligations of the parties involved), and textual function (used consistently in insurance and contract documents) [18, p. 66]. Similarly, *writ of certiorari* integrates ideational content (a judicial order to review a case), interpersonal authority (power of the court over lower tribunals), and textual consistency (formulaic presence in appellate procedures) [19, p. 215]. Such examples demonstrate that

terms are carefully selected to serve multiple functional roles within professional discourse, supporting both comprehension and application.

The interrelation between lexical semantics and legal reasoning is especially evident in terms that are polysemous or context-dependent. Terms such as *escrow, covenant,* and *lis pendens* carry multiple interpretations that must be resolved based on context, statutory provisions, and doctrinal principles [20, p. 88]. Legal reasoning depends on recognizing both denotative and connotative aspects of these terms, as well as their functional deployment across various documents and proceedings. By integrating systemic-functional analysis with lexical semantics, researchers can track patterns of meaning, identify functional load, and clarify how language structures professional reasoning in law.

Systemic-functional analysis also reveals the cognitive and procedural significance of legal terminology. Precise terms such as *receivership, rescission,* or *interpleader* provide cues to legal actors regarding procedural steps, rights, and obligations, structuring both thought and practice [21, p. 90]. Lexical choices convey not only abstract concepts but also actionable guidance within the legal framework, demonstrating the intertwined nature of language and legal cognition. Terms encode expectations, establish authority, and signal operational protocols, reflecting the dual role of legal language as both descriptive and prescriptive.

Case examples underscore the tri-functional utility of legal terms. In property law, terms such as *easement, reversionary interest,* and *joint tenancy* link conceptual content, participant roles, and textual stability across statutes, deeds, and agreements. In criminal law, terms like *arraignment, probation officer,* and *exculpatory* evidence encode procedural and normative elements that guide practitioners and judges [22, p. 58]. These terms illustrate how the ideational, interpersonal, and textual functions converge to facilitate professional communication, legal reasoning, and doctrinal application.

Cross-contextual deployment highlights the functional versatility of legal terms. A term such as *injunction* conveys ideational content (a court order), interpersonal authority (rights and duties of parties), and textual consistency (standardized usage in judgments and filings). Similarly, *memorandum of understanding, power of attorney,* and *restrictive covenant* demonstrate how precise lexical selection supports procedural clarity, normative guidance, and coherent text structure [23, p. 47]. Recognizing these patterns is crucial for translation, teaching, and legal drafting, ensuring that professional standards are upheld and meaning is preserved across contexts.

Systemic-functional analysis provides practical tools for understanding and applying legal terminology. Categorizing terms by ideational, interpersonal, and textual functions allows educators to highlight the functional significance of language beyond dictionary definitions. Legal translators gain insight into how lexical choices encode procedures, rights, and normative expectations, while researchers can map functional networks and semantic patterns across corpora. This integrated approach bridges linguistic theory, professional practice, and cognitive understanding, offering a comprehensive view of legal language as both structured and purpose-driven.

The systemic-functional analysis of English legal terminology provides several notable insights regarding the patterns, tendencies, and functional load of terms. First, the analysis reveals that legal terms consistently exhibit multi-layered functional roles, with lexical items simultaneously encoding ideational content, interpersonal authority, and textual cohesion. Terms such as *escrow, subrogation,* and *writ of certiorari* illustrate this convergence, demonstrating that legal vocabulary is not merely descriptive but actively structures legal reasoning, decision-making, and professional communication. A recurring pattern is the prevalence of nominalizations and multi-word expressions, which consolidate complex actions

or concepts into single lexical units, allowing for precise and efficient transmission of legal meaning. Additionally, the study highlights that certain semantic features, including polysemy and context-dependent interpretation, are carefully constrained within professional discourse, ensuring clarity and stability while accommodating procedural and normative variation. Overall, the functional load of legal terms is high: each term carries conceptual, normative, and procedural weight that contributes to the efficacy of legal discourse.

These findings have important implications for legal translation, legal education, and professional communication. In translation, understanding the systemic-functional properties of legal terms is crucial for conveying not only denotational meaning but also the interpersonal and textual functions that underlie professional practice. Translators must account for polysemy, procedural connotations, and register-specific collocations to preserve the integrity of legal concepts across languages. In legal education, the results underscore the need for teaching methods that emphasize functional and semantic dimensions alongside formal definitions. Students benefit from understanding how terms operate ideationally, interpersonally, and textually, which enhances comprehension, reasoning, and practical application in professional settings. For professional communication, recognizing the tri-functional nature of legal terminology informs drafting, negotiation, and interpretation practices, ensuring precision, reducing ambiguity, and maintaining institutional authority across documents and contexts.

Despite these contributions, the study has several limitations. The selection of legal terms was necessarily constrained by corpus size, dictionary scope, and jurisdictional focus, potentially limiting the generalizability of findings to other legal systems or registers. While care was taken to include representative terms from procedural, substantive, regulatory, and interpretative categories, some specialized or rare terms may have been omitted. Another limitation concerns the qualitative nature of functional classification, which involves interpretive judgments; although systemic-functional theory provides structured criteria, some categorizations could be subject to researcher bias. Additionally, the study primarily focuses on English legal terminology, and cross-linguistic comparisons remain underexplored, leaving open questions regarding translation equivalence and semantic alignment in other legal languages. Future research could address these limitations by expanding corpora, incorporating comparative legal systems, and applying quantitative corpus-based methods to validate functional patterns statistically.

Overall, the discussion underscores that legal terminology is highly structured, functionally dense, and context-sensitive. The analysis demonstrates that the lexical-semantic and functional properties of terms are integral to legal reasoning, procedural clarity, and professional communication. By acknowledging patterns, tendencies, and functional load, the study contributes to a more nuanced understanding of English legal language, while also highlighting the practical significance of systemic-functional approaches in translation, education, and professional practice. Recognizing the limitations ensures that future studies can refine and extend these insights, bridging linguistic theory with applied legal work.

Conclusion. The present study has examined the lexical-semantic features of English legal terminology through the lens of systemic-functional linguistics, providing a comprehensive understanding of how legal terms operate across ideational, interpersonal, and textual dimensions. The analysis demonstrates that legal terms are highly structured, semantically precise, and functionally dense, reflecting the conceptual, normative, and procedural demands of professional legal discourse. Morphological processes such as nominalization, compounding, and derivation contribute to the formation of terms that encode complex concepts, while semantic properties — including denotation, connotation, polysemy,

and context-dependence — ensure interpretive clarity and flexibility within legal practice. Functional classification into procedural, substantive, regulatory, and interpretative categories further illuminates how terms contribute to both legal reasoning and discourse organization, maintaining cohesion and authority across documents.

The study's findings carry important theoretical and practical implications. From a theoretical perspective, applying systemic-functional analysis to legal terminology demonstrates the value of integrating lexical, semantic, and functional perspectives to understand specialized language in context. Practically, these insights support legal translation by emphasizing the need to preserve functional load and semantic nuance, inform legal education by highlighting the importance of teaching terms as multi-dimensional tools of communication, and guide professional practice by enhancing clarity, precision, and consistency in drafting and interpreting legal documents. Recognizing the tri-functional nature of legal terms also facilitates effective reasoning and decision-making in professional settings, underscoring the inseparability of language and law.

While the study provides valuable insights, certain limitations should be acknowledged. The scope of terms analyzed, the focus on English legal language, and the interpretive nature of functional classification may constrain generalizability. Future research could expand the corpus, include comparative legal languages, and employ quantitative methods to validate observed patterns. Despite these limitations, the study establishes a systematic framework for understanding English legal terminology and underscores the essential role of systemic-functional analysis in bridging linguistic theory, professional practice, and cognitive processing in law. Ultimately, this research contributes to both academic scholarship and practical applications, offering a nuanced approach to studying and applying legal language in contemporary contexts.

REFERENCES

1. Ahmed, F. (2021). Systemic Functional Linguistics and Legal Professional Discourse. New York: Routledge, 1–45. (In English)
2. Al Taher, H. (2021). Legal Terminology in English: Cognitive and Functional Perspectives. London: Bloomsbury, 12–56. (In English)
3. Bhatia, V.K. (2022). Genre and Legal Expertise: New Directions in Legal Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 5–60. (In English)
4. Bhatia, V.K. (2024). Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View. London: Continuum, 10–75. (In English)
5. Brunner, C., & Thompson, G. (2023). Lexicogrammar in Specialized Registers: Theory and Analysis. Berlin: De Gruyter, 1–50. (In English)
6. Chen, X. (2020). Functional Patterns of Legal English in Global Contexts. Singapore: Springer, 20–70. (In English)
7. Davies, M., & Huang, L. (2021). Corpus Approaches to Legal Language: A Multi Function Analysis. London: Palgrave Macmillan, 15–85. (In English)
8. Ezeani, I. (2021). Systemic Functional Analysis of Judicial Discourse. Oxford: Oxford University Press, 1–55. (In English)
9. García, M.J. (2022). The Semantics of Legal Terms: Polysemy, Context, and Interpretation. Madrid: Editorial Jurídica, 7–60. (In English)
10. Halliday, M.A.K., & Matthiessen, C.M.I.M. (2021). Halliday's Systemic Functional Grammar: Contemporary Uses. London: Routledge, 1–65. (In English)
11. Hassan, R.S. (2022). Legal Texts and Discursive Practices: Register, Genre, and Meaning. New York: Springer, 10–72. (In English)
12. Iqbal, A. (2021). Legal Translation and Functional Equivalence. London: Bloomsbury, 5–48. (In English)
13. Jones, P., & Ahmed, S. (2023). Teaching Legal English: Functional and Cognitive Approaches. Cambridge: CUP, 12–60. (In English)
14. Karimova, N. (2022). Legal Terminology in English and Uzbek: A Comparative Functional Study. Tashkent: Scientific Press, 1–52. (In English)

15. Kaur, J., & Singh, R. (2021). Advances in Legal Linguistics: Semantic and Pragmatic Perspectives. New Delhi: Sage, 15–68. (In English)
16. Li, B. (2021). Discursive Patterns in Contract Language: A Systemic Functional Approach. Beijing: Tsinghua University Press, 1–54. (In English)
17. Lopez, M., & Smith, J. (2023). Functional Discourse Analysis of Courtroom Interaction. New York: Routledge, 10–65. (In English)
18. Müller, C. (2020). Legal Lexicography and Specialized Vocabulary Analysis. Zurich: LIT Verlag, 5–50. (In English)
19. O'Connor, D. (2022). Systemic Functional Linguistics in Professional Discourse. London: Routledge, 1–48. (In English)
20. Park, S. (2021). Legal Syntax and Semantics: A Functional Theory. Seoul: Hanul Academic, 7–55. (In English)
21. Riaz, M., & Ahmed, F. (2022). Systemic Functional Perspectives on Legal Register Variation. Islamabad: University Press, 10–60. (In English)
22. Sánchez, P., & Zhao, Y. (2023). Functional Patterns in Bilingual Legal Terminology. Barcelona: Edicions UAB, 1–52. (In English)
23. Thompson, G., & Bhatia, V.K. (2022). Specialized Discourse Across Domains: Law, Medicine, and Policy. Amsterdam: John Benjamins, 5–58. (In English)

Поступилав редакцию 05.03.2026

SYSTEMIC-FUNCTIONAL ANALYSIS OF LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH LEGAL TERMS

S.A. Khujakulov

This study deals with a systemic-functional analysis of the lexical-semantic features of legal terms in the English language. The research aims at identifying the structural and semantic patterns governing the functioning of terminological vocabulary within legal discourse. Special attention is paid to the cognitive and discourse aspects that ensure accuracy and unambiguity in legal communication. The mechanisms of categorization and hierarchy of terms, as well as their role in forming a coherent legal worldview has been described. The analysis is based on the comparison of terminological units, taking into account contextual variability and the normative fixation of meanings. The results demonstrate the interrelation between the semantic stability of terms and their functional effectiveness in professional legal practice. This work is a contribution to linguistics and has a practical significance for legal translation and legal communication.

Key words: legal vocabulary, semantic structure, legal discourse, terminological analysis, systemic organization, semantic precision, categorical hierarchy, professional communication.

Хужакулов Суннатулло Анвар угли.
Университет экономики и педагогики, г. Карши, Узбекистан.
Исполняющий обязанности доцента кафедры иностранного языка и литературы.
ORCID 0009-0005-5233-586X.
E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com.

Khujakulov Sunnatullo Anvar ugli.
University of Economics and Pedagogy, Karshi, Uzbekistan.
Acting associate professor at Department of Foreign Language and Literature.
ORCID 0009-0005-5233-586X.
E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com.

Научная статья
УДК 81’25
DOI: 10.5281/zenodo.22070804

КОНФЛИКТ И СИНЕРГИЯ В ГИБРИДНОМ ПЕРЕВОДЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА И НЕЙРОСЕТЕВОЙ МОДЕЛИ

© **2026** ***Д.А. Борисенко***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
ORCID 0009-0003-9550-3988

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе эмпирически исследуются зоны продуктивного взаимодействия (синергии) и принципиального расхождения (конфликта) между профессиональным переводчиком и нейросетевыми системами машинного перевода (НМП) в рамках гибридной модели (машинный перевод с постредактированием). На материале корпуса современных англоязычных публицистических текстов (347 сегментов) с помощью оригинальной системы категорий «конфликт/синергия» и оценки по шкале LISA выявлено доминирование конфликтных ситуаций (69,7%), требующих глубокого вмешательства переводчика для коррекции преимущественно стилистических (41,3%) и семантических (34,3%) ошибок НМП. Установлено, что синергия (30,3%) характерна для работы с терминологией и стандартными формулировками. Статистический анализ (SPSS 26.0, t-критерий Стьюдента) показал, что качество гибридного перевода (96,3%) не уступает полностью человеческому (98,1%) при сокращении временных затрат на 62,6%. Исследование подтверждает, что гибридный перевод представляет собой систему кооперации с четким разделением функций: ИИ эффективно обрабатывает рутинные элементы, а переводчик незаменим как интерпретатор смысловых нюансов, стиля и культурного контекста.

Ключевые слова: гибридный перевод, нейросетевой машинный перевод, постредактирование, конфликт, синергия, когнитивные стратегии, качество перевода, эффективность.

Для цитирования: Борисенко Д.А. Конфликт и синергия в гибридном переводе: взаимодействие переводчика и нейросетевой модели / Д.А. Борисенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 156–165. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22070804.

Введение. Современные системы нейросетевого машинного перевода (НМП), основанные на архитектурах типа Transformer, совершили революционный скачок в области автоматической обработки языка, кардинально трансформируя переводческую индустрию [2, 8]. Эти инструменты демонстрируют впечатляющую беглость, грамматическую корректность и высокую скорость при работе со стандартными, информационно-ориентированными текстами [1, 7]. Однако их принципиальное и, как показывают последние исследования, устойчивое ограничение сохраняется: нейросети, будучи статистическими моделями, обученными на колоссальных массивах данных, зачастую неспособны к глубокой семантической и прагматической интерпретации, необходимой для адекватной передачи стилистических особенностей, скрытых смыслов, идиом, культурных отсылок и авторской интенции [7, 12]. НМП оперирует вероятностными распределениями слов и конструкций, но не обладает подлинным пониманием внеязыковой реальности, социального контекста и культурного кода, которые составляют суть профессионального перевода, особенно в таких сложных

жанрах, как публицистика и художественная литература. В связи с этим в профессиональном сообществе и академической среде актуализируется вопрос об оптимальной организации совместной работы человека и искусственного интеллекта (ИИ). Простая дихотомия «машинный перевод vs человеческий перевод» уступает место более сложной и продуктивной парадигме гибридного перевода (ГП), понимаемого как интегрированный процесс, в котором машинный перевод (МП) подвергается профессиональному постредактированию [9, 10]. Однако сам процесс постредактирования неоднороден: под формальным постредактированием понимается минимальное вмешательство, направленное на устранение грамматических и терминологических ошибок, при этом итоговый текст не обязательно должен соответствовать высокому стилистическому стандарту (стандарт «light post-editing» по ISO 18587:2017). Глубокое (полное) постредактирование предполагает существенную переработку содержания и формы, включая правку на уровне стиля, семантики и культурной адаптации, чтобы финальный текст был неотличим от качественного перевода, выполненного человеком (стандарт «full post-editing» по ISO 18587:2017) [10]. Это принципиальное различие указывает на наличие разных типов взаимодействия между переводчиком и программой в рамках гибридной модели.

Настоящее исследование рассматривает гибридный перевод не как механическую последовательность операций, а как сложный когнитивный диалог или систему кооперации между двумя разнородными агентами: человеком-экспертом и алгоритмической системой [3, 11]. В рамках этого диалога выделяются две принципиально различные динамики: конфликт и синергия. Под конфликтом мы понимаем ситуацию фундаментального расхождения, когда глубинное, контекстуально обусловленное понимание текста переводчиком сталкивается с поверхностным, хотя зачастую и формально корректным, вариантом, предложенным нейросетью. В таких случаях специалист вынужден не редактировать, а фактически переводить фрагмент заново, преодолевая системные ошибки ИИ, что сопряжено со значительными когнитивными усилиями и временными затратами [6, 10]. Синергия, напротив, представляет собой продуктивное и взаимодополняющее взаимодействие, при котором вариант НМП либо идеально соответствует задаче, либо оказывается семантически или стилистически более удачным, требуя от переводчика лишь минимальной коррекции или простого подтверждения. Этот эффект снижает умственную нагрузку на специалиста и существенно ускоряет процесс, высвобождая его когнитивные ресурсы для решения действительно творческих и сложных задач [11].

Несмотря на растущее количество работ, посвященных оценке качества НМП и эффективности постредактирования [6, 10, 11], ощущается дефицит исследований, которые бы детально анализировали микроуровень взаимодействия — конкретные лингвистические и когнитивные ситуации, в которых возникает конфликт или синергия. Какие элементы текста становятся «камнями преткновения» для ИИ, а какие — зонами продуктивного сотрудничества? Какова природа этих зон и можно ли их прогнозировать? Существующие работы часто ограничиваются подсчетом ошибок или измерением скорости, не углубляясь в качественный анализ самого процесса совместной работы [8, 10]. Подход, сфокусированный на дихотомии «конфликт/синергия», позволяет сместить акцент с простого сравнения «лучше/хуже» на понимание того, как и в каких условиях возникает продуктивное или проблемное взаимодействие. Это соответствует антропоцентрическому повороту в переводоведении, где центральной фигурой процесса вновь становится переводчик, но уже в новой, технологически насыщенной среде [4].

Поэтому целью данного исследования является эмпирическое выявление, классификация и анализ зон возникновения конфликта и синергии в совместной работе профессионального переводчика с современными нейросетевыми НМП-системами (DeepL и ChatGPT) на материале публицистических текстов. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) разработать операциональную систему категорий для классификации взаимодействий «переводчик — НМП»; 2) сравнить качество и временные затраты при полностью человеческом переводе и гибридном переводе; 3) провести количественный анализ распределения типов конфликтных ситуаций (семантические, стилистические, прагматические, грамматические ошибки); 4) выполнить качественный лингвистический анализ репрезентативных примеров конфликта и синергии.

Гипотеза исследования состоит в том, что в гибридном переводе существует четкое функциональное разделение, обусловленное природой сильных и слабых сторон НМП. Синергия наиболее вероятна и продуктивна при обработке терминов, клишированных формулировок и стандартного синтаксиса, обеспечивая значительную экономию времени. Системные конфликты, напротив, неизбежны и доминируют в сегментах, содержащих эмоционально окрашенную, оценочную лексику, культурные реалии, идиоматику, сложные стилистические приемы (метафоры, иронию) и имплицитные смыслы, что вынуждает переводчика к полной или почти полной переработке предложенного машинного варианта.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составил специально сформированный корпус из 12 современных публицистических текстов на английском языке общим объемом 5120 слов. Тексты были отобраны из авторитетных международных изданий The Guardian, The Economist и BBC News, опубликованных в период 2024–2025 гг. [14–16]. Выбор именно публицистического жанра обусловлен его высокой релевантностью для исследования: он сочетает в себе задачи точной передачи фактологической информации с необходимостью сохранения авторского стиля, тона, убедительности и эмоционального воздействия, что создает богатое поле для анализа как сильных, так и слабых сторон НМП. Для обеспечения репрезентативности в корпус вошли материалы на различные темы: политика, экономика, социальные вопросы, культура.

Для проведения эксперимента были выбраны две системы, представляющие различные современные архитектурные подходы к машинному переводу: DeepL Translator (версия 4.0.1) и ChatGPT (модель GPT-4). Выбор DeepL обусловлен его статусом одного из лидеров в классе специализированных нейросетевых систем машинного перевода (NMT), основанных на архитектуре Transformer и постоянно занимающих высокие позиции в независимых бенчмарках. Выбор ChatGPT (GPT-4) как представителя больших языковых моделей (LLM) обусловлен тем, что, в отличие от DeepL, эта система не является специализированным переводчиком, а выполняет перевод как одну из многих задач обработки естественного языка, опираясь на более широкий контекст и способность следовать сложным инструкциям (промптам) [11]. Сравнение этих двух разнородных систем позволяет проверить устойчивость выявленных зон конфликта и синергии к конкретной архитектуре модели и, соответственно, говорить не о частных недостатках конкретного продукта, а о более фундаментальных ограничениях, присущих разным классам современных систем искусственного интеллекта, используемых в переводе.

Для детального пошагового анализа весь корпус был сегментирован на 347 единиц. За единицу анализа принимался законченный смысловой блок, чаще всего совпадающий

со сложным предложением или коротким абзацем. Это позволило проводить точечное сравнение вариантов перевода.

Процедура исследования включала три последовательных этапа с обязательной фиксацией временных затрат с помощью программного хронометража:

1. Эталонный человеческий перевод (ЧП): весь корпус был переведен «с нуля» профессиональным переводчиком (автором исследования) без использования каких-либо инструментов машинного перевода. Данный перевод служил эталоном для последующего сравнения по качеству.

2. Машинный перевод (МП): исходные тексты были переведены двумя современными нейросетевыми системами параллельно: DeepL Translator (версия 4.0.1) и ChatGPT (модель GPT-4 с промптом: «Переведи на русский язык, максимально сохраняя стиль, тональность и смысловые нюансы оригинала»). Выбор двух систем позволил проверить устойчивость наблюдаемых эффектов.

3. Постредактирование и создание гибридного перевода (ГП): автор, выступая в роли постредактора, доводил оба машинных перевода каждого сегмента до уровня готового к публикации. На этом этапе детально фиксировался характер и объем правок: критическое исправление (фактически новый перевод), существенная переработка, незначительная шлифовка или полное принятие варианта ИИ. Для минимизации потенциальной субъективности итоговой оценки 20% случайно выбранных сегментов (около 70 единиц) были независимо перепроверены вторым сертифицированным переводчиком. Расхождение в итоговых баллах качества по шкале LISA и в классификации типа взаимодействия (конфликт/синергия) составило менее 2%, что подтвердило надежность первичной оценки.

Для систематизации взаимодействия в рамках гибридной модели была разработана оригинальная система классификации, основанная на анализе расхождений между исходным машинным переводом и итоговым гибридным вариантом:

1. Конфликт: ситуации, где требовалось внесение существенных, смыслообразующих правок в машинный вариант. Внутри этой категории были выделены подкатегории ошибок НМП, ставших причиной конфликта: семантические (искажение, упрощение или потеря смысла); стилистические (потеря авторского стиля, тона, образности; неестественность звучания на языке перевода); прагматические (неучет широкого или узкого контекста, культурная неадаптированность); грамматико-синтаксические (нарушения норм языка перевода).

2. Синергия: ситуации продуктивного взаимодействия, где вклад ИИ был значим и положителен. Включала: полное совпадение машинного и итогового вариантов; принятие улучшенного варианта от ИИ (например, более точного термина); минимальное редактирование (перестановка слов, замена служебных частей речи, не меняющая смысла).

Качество переводов оценивалось по стандартной отраслевой шкале LISA (Localization Industry Standards Association), которая учитывает три ключевых параметра: точность (полнота передачи смысла), беглость (соответствие грамматическим, синтаксическим и стилистическим нормам языка перевода) и терминологическую корректность. Итоговый балл выставлялся в процентах (0–100%).

Статистическая обработка данных проводилась в программе IBM SPSS Statistics 26.0. Для анализа различий в распределении типов ошибок между системами DeepL и ChatGPT использовался критерий χ^2 (хи-квадрат). Для сравнения средних баллов качества полностью человеческого перевода и гибридного перевода применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Уровень статистической значимости был установлен на $p < .05$.

Основная часть. Количественный анализ 347 сегментов корпуса однозначно выявил преобладание ситуаций конфликта над синергией в процессе гибридного перевода публицистических текстов. Конфликт, потребовавший глубокого, а зачастую и полного вмешательства переводчика, был зафиксирован в 69,7% случаев (n=242). Синергия, характеризующаяся продуктивным принятием или незначительной правкой варианта НМП, наблюдалась в 30,3% случаев (n=105). Примечательно, что внутри категории синергии самым частым проявлением (около 19% от общего числа сегментов) было полное совпадение машинного и итогового гибридного вариантов, что свидетельствует о высокой степени автоматизируемости значительной части текста даже в таком сложном жанре, как публицистика.

Детальный анализ 242 конфликтных случаев позволил выявить и ранжировать ключевые слабые места современных НМП, которые становятся точками напряжения в сотрудничестве с человеком. Распределение типов критических исправлений, внесенных переводчиком, выглядело следующим образом: стилистические ошибки (потеря авторского стиля, тона, образности; неестественность звучания) — 41,3% (n=100); семантические ошибки (искажение или упрощение смысла) — 34,3% (n=83); прагматические ошибки (неучет контекста, культурная неадаптированность) — 21,1% (n=51); грамматико-синтаксические ошибки — 3,3% (n=8). Стилистические и семантические проблемы совокупно составляют более 75% всех критических вмешательств переводчика. Этот результат является ключевым для подтверждения нашей гипотезы и четко указывает на природу «когнитивного разрыва» между человеком и машиной: главная слабость современных ИИ лежит не в области формального синтаксиса или грамматики (доля таких ошибок минимальна), а в сфере глубокой работы с коннотациями, подтекстом, стилистическим регистром и сложной, неоднозначной семантикой. НМП генерирует формально правильный, но часто семантически плоский и стилистически безликий текст, не улавливая те самые нюансы, которые делают публицистику убедительной и воздействующей.

Статистический анализ с помощью критерия χ^2 выявил значимые различия в распределении этих типов ошибок между двумя тестируемыми системами ($\chi^2(3) = 10.24$, $p < .05$). Например, ChatGPT, благодаря обучению на более разнородных данных, несколько лучше справлялся с редкими культурными аллюзиями, но чаще, чем DeepL, допускал смысловые «галлюцинации» или излишне вольные интерпретации. DeepL, в свою очередь, демонстрировал большую стабильность в терминологии, но чаще «спотыкался» на сложных метафорах. Несмотря на эти различия, общая картина ведущих проблем (стилистика и семантика) оказалась для обеих систем схожей, что говорит об устойчивости выявленных закономерностей к конкретной реализации модели. Это согласуется с выводами других исследователей о системных, а не случайных ограничениях статистических языковых моделей в области прагматики и стилистики [7, 12].

Качественный анализ примеров позволяет глубже понять природу конфликта и синергии.

Пример 1. Стилистический и прагматический конфликт. В статье из The Guardian описывалась сложная политическая ситуация метафорой “a political hot potato” [16]. DeepL выдал буквальный, калькированный перевод «политический горячий картофель». Такой вариант, хотя и семантически прозрачен для билингва, является стилистически неприемлемым для русского публицистического текста: он нарушает нормы сочетаемости и воспринимается как комичная или невежественная ошибка. ChatGPT предложил вариант «щекотливая политическая проблема», что уже ближе, но звучит несколько клишировано и не передает экспрессивной образности оригинала. В процессе постредактирования

переводчик, опираясь на фразеологический фонд русского языка, заменил оба варианта на устоявшийся и стилистически адекватный фразеологизм «горячая картошка», добавив определение «настоящая» для усиления экспрессии: «Это оказалась настоящая политическая горячая картошка». Данный пример иллюстрирует тройную неудачу НМП: неспособность распознать идиому, неумение найти ее устоявшийся эквивалент в языке перевода и отсутствие чувства стилистической уместности.

Пример 2. Семантический конфликт на уровне контекстуальной многозначности. В тексте о технологическом регулировании встречалась фраза “The court upheld the narrow ruling”. Оба переводчика-ИИ интерпретировали narrow в его основном значении, выдав варианты «узкое решение» (DeepL) и «ограниченное постановление» (ChatGPT). Однако в юридическом контексте narrow ruling означает решение суда, которое трактует вопрос предельно ограничительно, не создавая широкого прецедента. Буквальный перевод искажал юридическую суть. Переводчик заменил его на «решение, вынесенное по узкому основанию», что точно передало смысл. Это пример семантического конфликта, где НМП не смог правильно выбрать значение многозначного слова, опираясь на профессиональный (юридический) контекст.

Пример 3. Терминологическая синергия. В аналитическом тексте из The Economist, посвященном государственному регулированию, описывался “comprehensive government approach to regulation” [14]. Переводчик при первоначальном, «с нуля» переводе интуитивно выбрал вариант «всеобъемлющий правительственный подход». В процессе работы с гибридной моделью ChatGPT предложил альтернативный вариант перевода словосочетания comprehensive approach как «комплексный подход». Данный вариант был оперативно проверен по корпусам текстов и специализированным источникам и признан более частотным, точным и стилистически предпочтительным для контекста русскоязычной экономической публицистики. В итоге вариант ИИ был принят с минимальной контекстуальной адаптацией: «комплексный подход правительства». Это классический пример синергии, где ИИ выступил в роли мощного лингвистического ассистента или «второго мнения», сэкономив когнитивные ресурсы переводчика на поиск оптимального термина и позволив сконцентрироваться на других аспектах текста [11].

Пример 4. Семантико-прагматический конфликт (культурный концепт). В материале BBC News о национальной идентичности упоминался ключевой для британской культуры концепт “stiff upper lip” (буквально «жесткая верхняя губа») как символ стоицизма и сдержанности [15]. Перевод, предложенный обеими системами («жесткая верхняя губа»), был бы семантически прозрачен лишь для узкого круга специалистов, а для массового русскоязычного читателя оказался бы непонятным и прагматически провальным — он не передал бы ни смысла, ни культурной коннотации. Переводчик столкнулся с необходимостью не редактирования, а культурной медиации. В финальном гибридном переводе была применена стратегия функциональной адаптации: описательный перевод «знаменитая британская стоическая выдержка» с добавлением поясняющего эпитета «британская». Этот случай подчеркивает, что задачи глубокой культурной адаптации, требующие фоновых знаний и понимания менталитета, остаются исключительной прерогативой человека-переводчика [4, 13].

Итак, с точки зрения временных затрат, преимущество гибридного подхода оказалось значительным. Полностью человеческий перевод всего корпуса (5120 слов) занял 18,2 часа (средняя скорость ~280 слов/час, что типично для сложной публицистики). Создание гибридного перевода, включающее этап машинного перевода и последующего постредактирования, потребовало 6,8 часа. Таким образом, экономия времени составила 11,4 часа, или 62,6%. Важно отметить, что эта экономия нелинейна:

в текстах с преобладанием фактологии и стандартной лексики выигрыш достигал 70–75%, тогда как в текстах, насыщенных метафорами и культурными отсылками, снижался до 35–40% из-за высокой доли глубокого, конфликтного редактирования.

Оценка качества по шкале LISA также дала важные результаты. Средний балл полностью человеческого перевода составил 98,1%, что свидетельствует о высоком профессиональном уровне эталонного текста. Средний балл гибридного перевода оказался равен 96,3%. Статистический анализ с использованием t-критерия Стьюдента не выявил статистически значимого различия между этими двумя результатами ($t(346) = 1.84$, $p > .05$). Это означает, что конечное качество профессионально отредактированного машинного перевода, прошедшего через фильтр человеческого контроля и коррекции системных ошибок, оказалось статистически сопоставимым с качеством перевода, выполненного профессионалом «с нуля». Следует, однако, отметить, что разница в 2 процентных пункта, хотя и статистически незначима при данном объеме выборки, может указывать на тенденцию, требующую проверки на более крупных корпусах.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, подтверждающих и конкретизирующих первоначальную гипотезу.

1. Гипотеза о функциональном разделении в гибридном переводе подтверждена. Гибридный перевод представляет собой не механическое сложение двух процессов, а сложную, динамичную систему кооперации с четким распределением ролей. Конфликт, требующий глубокой интервенции и часто полной переработки текста переводчиком, является доминирующей динамикой (69,7%). Он систематически возникает в сферах, требующих высокой степени интерпретации: передача стилистических особенностей (41,3% конфликтов), работа со скрытыми смыслами и многозначностью (34,3%), адаптация культурного контекста и прагматики (21,1%). Синергия (30,3%), напротив, характерна для зон с высокой степенью стандартизации: работа с однозначной терминологией, клишированными формулировками, стандартным синтаксисом. Именно здесь ИИ выступает как мощный ускоритель и источник валидных лингвистических решений.

2. Интерпретирующая и культурно-медиативная роль профессионального переводчика остается незаменимой. Анализ структуры ошибок НМП (стиль — 41,3%, семантика — 34,3%) указывает на сохраняющийся фундаментальный «когнитивный разрыв». ИИ оперирует статистическими закономерностями в паттернах слов и структур, но не обладает доступом к тем экстралингвистическим знаниям, культурным кодам, эмоциональному и социальному интеллекту, которые позволяют человеку понимать и воссоздавать то, что стоит за словами: подтекст, авторскую интонацию, иронию, культурные аллюзии. Переводчик как культурный проводник, интерпретатор и гарант итоговой адекватности текста в принимающей культуре сохраняет центральную, управляющую роль в гибридном тандеме [4, 13].

3. Практическая эффективность гибридной модели доказана количественно. Модель «машинный перевод + профессиональное постредактирование» является высокоэффективным рабочим инструментом, позволяющим сократить временные затраты более чем на 60% без статистически значимой потери итогового качества. Это делает ее чрезвычайно перспективной для сфер, где важны и скорость, и высокий стандарт: локализация программного обеспечения и технической документации, перевод новостей, финансовых отчетов, научно-популярных статей. При этом модель требует от специалиста не только традиционных переводческих компетенций, но и новых навыков: критической оценки машинного вывода, эффективных стратегий быстрого и глубокого редактирования, умения быстро определять «проблемные» сегменты.

4. Взаимодействие в гибридной модели строится на принципе взаимодополняющего усиления (complementary augmentation): ИИ берет на себя рутинную, объемную обработку текста на начальном этапе, обеспечивая высокую скорость и снижая когнитивную нагрузку на человека. Переводчик, в свою очередь, фокусирует свои интеллектуальные ресурсы на том, что машина делать не может: вносит смысловую, стилистическую и культурную адекватность, осуществляет стратегический и итоговый качественный контроль. Это модель продуктивного симбиоза, где технологии усиливают эксперта, а не заменяют его [8].

Необходимо отметить, что полученные количественные соотношения (70/30) следует рассматривать в контексте ограничений исследования: выбранного жанра (публицистика) и участия одного профессионального переводчика (хотя и с верификацией). Результаты могут варьироваться для других жанров (художественная литература, технические тексты) и при вовлечении переводчиков с разным когнитивным стилем.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Во-первых, необходимо расширить жанровый диапазон: изучение динамики конфликта и синергии в художественном переводе, поэзии, рекламных и маркетинговых текстах, где доля стилистически и культурно обусловленных конфликтов может быть еще выше, что может привести к пересмотру соотношения 70/30 в пользу еще большего доминирования конфликтных ситуаций. Во-вторых, представляет интерес лонгитюдное исследование того, как эволюция моделей НМП (переход к более крупным и мультимодальным архитектурам) будет влиять на соотношение и природу зон конфликта и синергии. Смогут ли будущие модели сократить разрыв в стилистике и прагматике или он останется фундаментальным? В-третьих, важным направлением является изучение психологических и когнитивных аспектов работы переводчика в гибридной среде: как меняются его стратегии принятия решений, распределение внимания, уровень профессиональной удовлетворенности и выгорания при постоянном взаимодействии с «конфликтогенным» интерфейсом. Понимание этих аспектов необходимо для разработки эффективных образовательных программ и инструментов, поддерживающих переводчика в новой технологической парадигме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Княжева Е. А. Проблема оценки качества перевода как объект многоаспектного исследования : дис. д-ра филол. наук / Е. А. Княжева. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2025. — 319 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций / В. Н. Комиссаров. — М. : ЭТС, 2011. — 408 с.
3. Латышев Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А.Л. Семенов. — М. : Академия, 2003. — 192 с.
4. Сдобников В. В. Антропоцентрическая парадигма в переводоведении и переводческая практика / В. В. Сдобников // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2019. — № 46. — С. 124–139.
5. Поддубская О.Н. Трудности машинного перевода культурно-специфических элементов в англоязычных новостных статьях / О.Н. Поддубская, В.В. Дарьина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2024. — № 4. — С. 94–103.
6. Carl M. Why Translation is difficult: A Corpus-based Study of Non-literality in Post-editing and from-scratch Translation / M. Carl, M. Schaeffer // Hermes. — 2017. — № 56. — P. 43–57.
7. Castilho S. Is neural machine translation the new state of the art? / S. Castilho [et al.] // The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics. — 2017. — Vol. 108. — P. 109–120.
8. Doherty S. The Impact of Translation Technologies on the Process and Product of Translation / S. Doherty // International Journal of Communication. — 2016. — Vol. 10. — P. 947–969.
9. ISO 18587:2017. Translation services — Post-editing of machine translation output — Requirements. — Geneva : International Organization for Standardization, 2017. — 20 p.

10. Koponen M. Is machine translation post-editing worth the effort? A survey of research into post-editing and effort / M. Koponen // The Journal of Specialised Translation. — 2016. — № 25. — P. 131–148.
11. O'Brien S. Irritating or just plain boring? A study of translator interaction with machine translation / S. O'Brien [et al.] // Proceedings of the 22nd Conference of the European Association for Machine Translation. — 2020. — P. 17–26.
12. Toral A., Way A. What Level of Quality can Neural Machine Translation Attain on Literary Text? / A. Toral, A. Way // Journal of Artificial Intelligence Research. — 2018. — Vol. 62. — P. 65–85.
13. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. — 2nd ed. — London : Routledge, 2008. — 353 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Blueprint for Restructuring // The Economist. — 2024. — 15 March. — URL: https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/03/15/blueprint-for-restructuring (дата обращения: 15.11.2025).
15. Robertson A. Cultural Resilience in Modern Britain / A. Robertson // BBC News. — 2024. — 22 April. — URL: https://www.bbc.com/news/uk-68861472 (дата обращения: 06.12.2025).
16. Smith J. The Unmanageable Policies of the Decade / J. Smith // The Guardian. — 2024. — 10 January. — URL: https://www.theguardian.com/politics/2024/jan/10/unmanageable-policies-decade (дата обращения: 07.12.2025).

REFERENCES

1. Knyazheva, E. A. (2025). Problema otsenki kachestva perevoda kak objekt mnogoaspektnogo issledovaniia [The Problem of Translation Quality Assessment as an Object of Multifaceted Research] (Doctoral dissertation). Voronezh State University, Voronezh. (In Russian)
2. Komissarov, V. N. (2011). Sovremennoe perevodovedenie. Kurs lektsii [Modern Translation Studies. Lecture Course]. Moscow: ETS. (In Russian)
3. Latyshev, L. K., & Semenov, A. L. (2003). Perevod: teoriia, praktika i metodika prepodavaniia [Translation: Theory, Practice and Teaching Methods]. Moscow: Akademiia. (In Russian)
4. Sdobnikov, V. V. (2019). Antropotsentricheskaia paradigma v perevodovedenii i perevodcheskaia praktika [Anthropocentric Paradigm in Translation Studies and Translation Practice]. Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobroliubova [Bulletin of Nizhny Novgorod State Linguistic University], 46, 124–139. (In Russian) https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-55-1-149-157
5. Poddubskaya, O. N., & Darina, V. V. (2025). Trudnosti mashinnogo perevoda kul'turno-spetsificheskikh elementov v angloiazychnykh novostnykh stat'iakh [Difficulties of Machine Translation of Culturally Specific Elements in English-Language News Articles]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriia D. Filologiia i psikhologiia [Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology], (4), 94–103. (In Russian).
6. Carl, M., & Schaeffer, M. (2017). Why Translation is difficult: A Corpus-based Study of Non-literality in Post-editing and from-scratch Translation. Hermes, 56, 43–57. https://doi.org/10.7146/hjlcb.v0i56.97205
7. Castilho, S., Moorkens, J., Gaspari, F., Sennrich, R., Sosoni, V., Georgakopoulou, P., Lohar, P., Way, A., Barone, A. V. M., & Gialama, M. (2017). Is neural machine translation the new state of the art? The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics, 108, 109–120. https://doi.org/10.1515/pr-2017-0041
8. Doherty, S. (2016). The Impact of Translation Technologies on the Process and Product of Translation. International Journal of Communication, 10, 947–969.
9. ISO 18587:2017. (2017). Translation services — Post-editing of machine translation output — Requirements. International Organization for Standardization.
10. Koponen, M. (2016). Is machine translation post-editing worth the effort? A survey of research into post-editing and effort. The Journal of Specialised Translation, 25, 131–148. https://doi.org/10.1075/resla.25.1.06kop
11. O'Brien, S., Moorkens, J., & Vreeke, J. (2020). Irritating or just plain boring? A study of translator interaction with machine translation. In Proceedings of the 22nd Conference of the European Association for Machine Translation (pp. 17–26). European Association for Machine Translation.
12. Toral, A., & Way, A. (2018). What Level of Quality can Neural Machine Translation Attain on Literary Text? Journal of Artificial Intelligence Research, 62, 65–85. https://doi.org/10.1613/jair.1.11221
13. Venuti, L. (2008). The Translator's Invisibility: A History of Translation (2nd ed.). Routledge

Поступила в редакцию 31.04.2026 г.

CONFLICT AND SYNERGY IN HYBRID TRANSLATION: INTERACTION BETWEEN TRANSLATOR AND NEURAL NETWORK MODEL

D.A. Borisenko

The article addresses zones of productive interaction (synergy) and fundamental divergence (conflict) between a professional translator and neural machine translation (NMT) systems within a hybrid model (machine translation with post-editing). The study is based on the corpus of modern English-language journalistic texts consisting of 347 segments. The original system of «conflict/synergy» categories and LISA scale assessment has been used. As a result, the dominance of conflict situations (69.7%) has been revealed, which require the translator's involvement in order to correct mostly stylistic (41.3%) and semantic (34.3%) NMT errors. It has been found out that synergy (30.3%) is traced in cases of terminology and common expressions. The statistical analysis (SPSS 26.0, Student's t-test) showed that hybrid and human translation are similar in quality. Hybrid translation requires less time. The conclusion is made that hybrid translation is a system of cooperation with a clear division of functions, i.e. AI effectively processes routine elements, and the translator clarifies semantic nuances, style, and cultural context.

Key words: hybrid translation, neural machine translation, post-editing, conflict, synergy, cognitive strategies, translation quality, efficiency.

Борисенко Данил Андреевич.
Кубанский государственный университет, Российская Федерация, г. Краснодар.
Аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания.
ORCID 0009-0003-9550-3988.
E-mail: bidiai592@yandex.ru

Borisenko Danil Andreevich.
Kuban State University, Russian Federation, Krasnodar.
Postgraduate student of Department of General and Slavic-Russian Linguistics.
ORCID 0009-0003-9550-3988.
E-mail: bidiai592@yandex.ru

Научная статья
УДК 81’42
DOI: 10.5281/zenodo.22070852

ЯЗЫК ДИПЛОМАТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2026 ***Гарима***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»
ORCID 0009-0005-9136-2238



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются лингвистические особенности дипломатического дискурса сотрудничества между Россией и Индией. На материале официальных заявлений, брифингов и совместных коммюнике анализируются ключевые дискурсивные стратегии, метафорические модели и терминологические формулы, характерные для двустороннего дипломатического взаимодействия России и Индии. Особое внимание уделяется речевой практике дипломатов обеих сторон: выступлениям министра иностранных дел России С.В. Лаврова, официального представителя МИД России М.В. Захаровой, министра иностранных дел Индии С. Джайшанкара, а также текстам совместных заявлений по итогам саммитов. Выявлены устойчивые лексико-семантические конструкции, отражающие специфику стратегического партнёрства, и прагматические функции дипломатической коммуникации в контексте формирования многополярного мира. Результаты исследования позволяют расширить представления о лингвокультурных аспектах дипломатического дискурса и его роли в укреплении межгосударственного сотрудничества.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, язык дипломатии, российско-индийские отношения, стратегическое партнёрство, метафора сотрудничества, дискурсивные стратегии, политическая лингвистика.

Для цитирования: Гарима/ Язык дипломатии сотрудничества в зеркале российско-индийских отношений / Гарима // Вестник Донецкого национального университета. Серия 05. Филология и психология. — 2026. —№ 4. —С.166–177. — http://doi.org/10.5281/zenodo.22070852.

Введение. Дипломатический дискурс представляет собой уникальное коммуникативное пространство, в котором языковые средства выполняют не только информационную, но и стратегическую функцию. В условиях трансформации мирового порядка и формирования многополярной системы международных отношений лингвистический анализ дипломатической коммуникации приобретает особую актуальность. Российско-индийские отношения, имеющие более чем семидесятилетнюю историю, предоставляют исследователю богатый материал для изучения языковых механизмов, посредством которых выстраивается и поддерживается стратегическое партнёрство между двумя крупнейшими державами [2].

Наше исследование языка в контексте его функционирования в различных институциональных дискурсах. Дипломатический дискурс является одной из наиболее кодифицированных форм институциональной коммуникации, характеризуется устойчивым набором речевых формул, прагматических стратегий и метафорических моделей, которые формируют особый коммуникативный код взаимодействия между государствами [3]. В нашей работе предпринимается попытка системного анализа

лингвистических особенностей дипломатического дискурса сотрудничества в контексте российско-индийских отношений.

Целью настоящего исследования является выявление и системное описание языковых средств и дискурсивных стратегий, конституирующих дипломатический дискурс сотрудничества в российско-индийских отношениях. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: охарактеризовать терминологические формулы, используемые для обозначения формата двустороннего партнёрства; выявить и сопоставить дискурсивные стратегии, применяемые российскими и индийскими дипломатами; описать продуктивные метафорические модели, структурирующие концептуализацию партнёрства; определить прагматические функции дипломатического языка сотрудничества, включая механизмы эвфемизации конфликтных тем.

Объектом исследования выступает дипломатический дискурс сотрудничества между Россией и Индией. Предметом являются языковые средства и дискурсивные стратегии, используемые дипломатами обеих стран при репрезентации двустороннего партнёрства. Материалом послужили тексты выступлений, брифингов и заявлений официальных представителей МИД России и Министерства иностранных дел Индии за период 2020–2026 годов, а также совместные заявления по итогам двусторонних саммитов [19]. Основными методами исследования выступают метод дискурс-анализа, метод контекстуально-интерпретационного анализа, элементы концептуальной метафорологии, а также метод сплошной выборки языкового материала.

Теоретические основы исследования дипломатического дискурса. Дипломатический дискурс как объект лингвистического анализа находится на пересечении нескольких научных дисциплин: политической лингвистики, прагмалингвистики, теории дискурса и межкультурной коммуникации. О.А. Зяблова, исследуя институционально-дискурсивные характеристики дипломатического и политического дискурсов, указывает на необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего коммуникативные и аксиологические аспекты изучения языковой личности дипломата [3]. Данный подход позволяет рассматривать дипломатическую речь не изолированно, а в контексте профессиональной деятельности и культурных традиций конкретного государства.

Л.М. Терентий, разрабатывая психолингвистическую модель дипломатического дискурса, подчёркивает, что в отличие от иных видов институциональной коммуникации дипломатический дискурс характеризуется наличием коллективного агента высказывания, действующего от имени государства [13]. Это обстоятельство определяет ряд языковых особенностей: преобладание конструкций пассивного залога, использование инклюзивных местоимений, эвфемизация конфликтных тем и тяготение к формулам взаимности.

Исследования А.П. Чудинова, Э.В. Будаева и О.А. Солоповой в области политической метафорологии демонстрируют, что метафора выступает одним из ключевых инструментов конструирования политической реальности в дипломатическом дискурсе [14]. Метафорические модели, используемые дипломатами, отражают не только коммуникативные намерения, но и ценностные установки и культурные концепции, лежащие в основе внешнеполитического курса государства.

Применительно к российско-индийским отношениям особый интерес представляет исследование О.А. Солоповой, Г. Кашяпа и Н.С. Нагаева, посвящённое метафорическому образу России в медиадискурсе Индии [12]. Авторы, проанализировав политические выступления Н.Д. Моди и публикации индийских

общественно-политических изданий за 2014–2023 годы, выявили доминантные метафорические модели, участвующие в репрезентации образа России. Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что в индийском дипломатическом и медийном дискурсе образ России конструируется преимущественно через метафоры дружбы, надёжности и стратегической глубины отношений.

Терминологические формулы дипломатического партнёрства. Одним из наиболее характерных лингвистических маркеров российско-индийских дипломатических отношений является устойчивая терминологическая формула, обозначающая уровень двустороннего партнёрства. С 2010 года официальным обозначением формата отношений стала конструкция *«особое и привилегированное стратегическое партнёрство» (Special and Privileged Strategic Partnership)*. Данная формула представляет собой многокомпонентную атрибутивную конструкцию, каждый элемент которой выполняет определённую прагматическую функцию [11].

Атрибут *«особое» (special)* выделяет данные отношения из общего ряда международных контактов, подчёркивая их исключительный характер. Определение *«привилегированное» (privileged)* указывает на приоритетный статус партнёрства в системе внешнеполитических связей обоих государств. Компонент *«стратегическое» (strategic)* маркирует долгосрочную ориентацию сотрудничества и его значимость для обеспечения национальных интересов обеих сторон. Подобная кумулятивная стратегия наименования отражает стремление дипломатов обеих стран максимально повысить статус двусторонних отношений в глобальной иерархии международных партнёрств [15].

В совместном заявлении по итогам 23-го ежегодного российско-индийского саммита (декабрь 2025 года) данная формула была дополнительно усилена контекстуальным расширением: партнёрство характеризовалось как *«проверенное временем поступательное партнёрство, основанное на доверии и взаимном уважении» («a time-tested progressive partnership», «anchored in trust and mutual respect»)*. Подобное расширение демонстрирует тенденцию к нарративизации дипломатической терминологии, когда сухая формула наполняется эмоционально-оценочным содержанием [22].

Д.С. Мратхузин и Л.Е. Бушканец, исследуя проблему использования медиапространства в цифровой дипломатии на примере российско-индийских контактов, отмечают, что терминологические формулы партнёрства проходят адаптацию при переносе из жанра официальных документов в цифровую среду: они становятся более компактными, приобретают хештеговую форму и включаются в мультимедийные контексты [6].

Дискурсивные стратегии российских дипломатов. Анализ речевой практики российских дипломатов позволяет выделить несколько устойчивых дискурсивных стратегий, применяемых в контексте описания российско-индийских отношений. Ведущей стратегией является стратегия позитивной репрезентации партнёра, реализуемая посредством использования высокооценочных атрибутивных конструкций и апелляций к исторической преемственности отношений [10].

Министр иностранных дел России С.В. Лавров в своих выступлениях систематически использует формулу *«проверенная временем дружба» (time-tested friendship)*, которая выполняет функцию легитимации текущего уровня сотрудничества через апелляцию к историческому опыту. На конференции «*Россия и Индия: к новой повестке двусторонних отношений»* (март 2026 года) С.В. Лавров охарактеризовал российско-индийские отношения как *«модель того, как следует выстраивать межгосударственные отношения — на основе равенства, взаимного доверия и уважения, должного учёта интересов друг друга»* [18]. В данном высказывании

реализуется стратегия эталонизации, при которой конкретные двусторонние отношения представляются как образец для подражания в мировой дипломатической практике.

Особый интерес для лингвистического анализа представляют выступления официального представителя МИД России М.В. Захаровой на еженедельных брифингах. В ответе на вопрос о влиянии сближения Индии с США на работу БРИКС М.В. Захарова использовала комплекс дискурсивных приёмов, характерных для стратегии дипломатического уклонения с одновременным подтверждением партнёрских обязательств [17]. Формулировка *«с уважением относимся к праву каждого государства на развитие контактов с другими странами»*, исходя из собственных национальных интересов» представляет собой эвфемистическую конструкцию, позволяющую признать факт многовекторности индийской внешней политики без негативной оценки. Далее следует контрастная конструкция, подчёркивающая незыблемость двусторонних отношений: *«у нас нет оснований сомневаться в суверенном характере решений, принимаемых Нью-Дели»*.

М.В. Захарова также использовала метафору устойчивости, назвав принципы БРИКС *«каркасом, который обеспечивает устойчивость объединения на протяжении двух десятилетий его работы»*. Данная строительная метафора выполняет функцию концептуализации международной организации как прочной конструкции, способной выдержать внешнее давление. Обращает на себя внимание также использование номинации *«индийские друзья»* (в контексте обсуждения приоритетов индийского председательства в БРИКС), которая переводит дипломатическое взаимодействие из формально-институциональной плоскости в плоскость межличностных отношений [17]. Е.В. Рубцова и Н.В. Девдариани, анализируя деятельность пресс-служб российских загранпредставительств, отмечают, что формирование общественного мнения в рамках публичной дипломатии опирается на систематическое использование позитивно окрашенной лексики и конструкций взаимности, что полностью подтверждается данными нашего исследования [9].

Дискурсивные стратегии индийских дипломатов. Индийская сторона демонстрирует собственный набор дискурсивных стратегий, отражающий как общие закономерности дипломатической коммуникации, так и специфику индийской политической культуры. Министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар в своих выступлениях активно прибегает к стратегии прагматической легитимации, при которой партнёрство с Россией обосновывается через категории национального интереса и практической целесообразности [21].

На конференции «Индия и Россия: к новой двусторонней повестке» (март 2026 года) С. Джайшанкар подчеркнул *«глубокие исторические корни» (deep historical roots)* двусторонних отношений и отметил *«исключительную способность адаптироваться и находить новые возможности для взаимной выгоды» (exceptional ability to adapt and find new opportunities for mutual benefit)*. В данном высказывании отчётливо прослеживается биологическая метафора: отношения уподобляются живому организму, способному к адаптации и эволюции. Подобный метафорический ряд контрастирует с механистической метафорой «каркаса», используемой российской стороной, что свидетельствует о различиях в концептуализации партнёрства [21].

Официальный представитель МИД Индии Р. Джайсвал в контексте обсуждения энергетического сотрудничества с Россией использовал формулировку *«энергетическая безопасность 1,4 миллиарда индийцев является высшим приоритетом»* [20]. Данное высказывание реализует стратегию обоснования через масштаб, при которой необходимость сотрудничества мотивируется демографическими параметрами.

Примечательно, что подобная аргументация характерна именно для индийского дипломатического дискурса и практически не встречается в российских дипломатических текстах.

В текстах совместных заявлений обнаруживается тенденция к гармонизации дискурсивных стратегий обеих сторон. Формулировка *«отношения остаются устойчивыми перед лицом внешнего давления» (relations remain resilient to external pressure)* из совместного заявления 23-го саммита представляет собой результат дискурсивного компромисса, в котором российская установка на противостояние западному влиянию и индийская установка на стратегическую автономию находят общее выражение [22].

Метафорические модели в дипломатическом дискурсе сотрудничества. Метафорический анализ российско-индийского дипломатического дискурса позволяет выделить несколько продуктивных метафорических моделей, структурирующих концептуализацию двустороннего партнёрства [14].

Метафора пути и движения является одной из наиболее частотных. Формулировки типа *«поступательное развитие отношений», «дорожная карта сотрудничества», «вектор взаимодействия»* концептуализируют двусторонние отношения как целенаправленное движение к определённой цели. Л.А. Радус и Е.С. Голобородченко, исследуя языковые средства создания положительного имиджа государства, указывают на то, что метафора пути выполняет интегративную функцию, объединяя прошлое, настоящее и будущее партнёрства в единый нарратив [8].

Метафора семьи и дружбы занимает особое место в российско-индийском дипломатическом дискурсе. Номинации *«друзья»*, *«партнёры», «братские отношения»* выводят межгосударственные контакты за рамки формально-институциональной модели. М.В. Захарова, называя индийских коллег *«нашими индийскими друзьями»*, актуализирует межличностную модель отношений, что создаёт эффект эмоциональной близости и снижает дистанцию между участниками коммуникации [17].

Метафора устойчивости и прочности реализуется через лексемы *«каркас»*, *«фундамент»*, *«основа»*, *«столпы» (pillars)*. С. Джайшанкар систематически апеллирует к *«традиционным столпам» (traditional pillars)* двустороннего сотрудничества: энергетике, обороне и атомной энергетике. Строительная метафора создаёт образ отношений как монументального сооружения, способного противостоять деструктивным воздействиям [21].

Метафора органического роста представлена формулировками *«углубление связей», «расширение контактов», «новые точки взаимодействия» (new points of collaboration)*. Данная метафорическая модель концептуализирует отношения как живой организм, что коррелирует с результатами исследования Ван Цзэюя и Ван Сяоцяня, отмечающих аналогичную тенденцию в китайском дипломатическом дискурсе [1].

Прагматические функции дипломатического языка сотрудничества. Дипломатический язык сотрудничества выполняет ряд специфических прагматических функций, выходящих за рамки простой передачи информации. А. Мехтиев, исследуя соотношение языка и дипломатии, подчёркивает, что выбор слов в дипломатическом контексте несёт в себе точные значения, которые могут существенно отличаться от общеупотребительных [16].

Функция консолидации реализуется через использование инклюзивных конструкций: *«мы», «наши страны», «обе стороны», «совместно»*. Данные конструкции создают образ единого субъекта действия, что способствует укреплению восприятия партнёрства как неделимого целого. В тексте совместного заявления 23-го

российско-индийского саммита инклюзивные конструкции составляют более 60% всех субъектных конструкций, что свидетельствует о целенаправленном конструировании дискурса единства [22].

Функция смягчения (митигации) проявляется в обсуждении потенциально конфликтных тем. Н.Н. Кукатова и Л.Д. Исакова, изучая коммуникативную стратегию митигации в современном русском языке на материале дипломатического дискурса, демонстрируют, что дипломаты систематически прибегают к косвенным речевым актам, эвфемизмам и конструкциям хеджирования для снижения категоричности высказываний [4]. В российско-индийском контексте данная стратегия особенно ярко проявляется при обсуждении различий в позициях по украинскому конфликту: формулировки типа *«понимаем позицию», «учитываем обеспокоенность»* позволяют зафиксировать разногласия без ущерба для общего позитивного тона коммуникации.

Функция проекции будущего реализуется через использование конструкций намерения и целеполагания: *«рассчитываем на продолжение работы», «приветствуем намерение», «нацелены на дальнейшее укрепление»*. М.В. Захарова в ходе брифинга, посвящённого индийскому председательству в БРИКС, перечислила конкретные направления сотрудничества, завершив перечисление риторическим восклицанием *«видите, сколько интересных задач перед нами всеми стоит»* [17]. Подобный приём создаёт эффект открытой перспективы и неисчерпаемости потенциала сотрудничества.

Сопоставительный анализ дискурсивных практик. Сопоставление дискурсивных практик российской и индийской дипломатии позволяет выявить как общие закономерности, так и национально-специфические особенности. К общим характеристикам относятся: использование формулы *«особое и привилегированное стратегическое партнёрство»* в качестве базового идентификатора отношений; апелляция к историческому опыту сотрудничества; метафорика устойчивости и прогрессивного развития; конструирование образа единого субъекта через инклюзивные местоимения [15].

К национально-специфическим особенностям российского дипломатического дискурса относятся: более выраженная тенденция к контрастному позиционированию (противопоставление российско-индийских отношений западным моделям); использование категории суверенитета как легитимирующего аргумента; механистические метафоры при описании институциональных структур сотрудничества.

Индийский дипломатический дискурс характеризуется: прагматической ориентацией на конкретные результаты сотрудничества; использованием демографического аргумента (масштаб населения как обоснование необходимости партнёрства); биологическими метафорами адаптации и роста; стратегией балансирования, при которой партнёрство с Россией вписывается в более широкий контекст многовекторной внешней политики [21].

А.А. Павлюченко, анализируя методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях, указывает на то, что метод дискурс-анализа позволяет успешно описать коммуникационные стратегии дипломатов, однако нуждается в дополнении количественными методами для повышения верифицируемости результатов [7]. Данное замечание справедливо и для нашего исследования, которое может быть продолжено с применением корпусных методов.

Эвфемизмы и семантическое смягчение. Эвфемизация рассматривается в специализированной литературе как одна из центральных дискурсивных стратегий дипломатической коммуникации, обеспечивающая сохранение конструктивного тона при обсуждении проблемных аспектов взаимодействия [9, 7]. На материале

российско-индийского дискурса автором выделяются три функциональных класса эвфемизмов, которые последовательно реализуются в публичных выступлениях и официальных комментариях.

Первый класс составляют эвфемизмы, смягчающие указание на разногласия: *«расхождение подходов»* вместо *«противоречие», «различия во взглядах»* вместо *«несогласие», «сложные вопросы»* вместо «*спорные вопросы»*, *«чувствительная тематика»* вместо *«конфликтная тематика».* Второй класс — эвфемизмы-комментарии к чужой позиции: *«с уважением относимся к позиции партнёров», «учитываем обеспокоенность», «принимаем к сведению», «слышим наших индийских коллег».* Данные формулы позволяют обозначить разногласие без его эксплицитной номинации. Третий класс — эвфемистические описания вынужденных ограничений: *«объективные трудности», «технические сложности», «внешние факторы», «обстоятельства непреодолимой силы»*, — применяемые при обсуждении задержек в реализации двусторонних проектов, в том числе в военно-технической сфере.

По нашим наблюдениям, в англоязычном дискурсе индийской дипломатии эвфемистический инструментарий представлен формулами *«we respect the position of», «we take note of», «we remain engaged», «constructive conversation»*, которые типологически соответствуют русским аналогам. В выступлениях С. Джайшанкара [21] обращают на себя внимание характеризующие обороты «*time-tested partner* и *stable anchor»*, позволяющие позитивно описать российско-индийские отношения без вступления в полемику с западными партнёрами Индии, то есть эвфемистически обходя оценочный слой.

Синтаксический уровень. Институциональная безличность дипломатического текста, описываемая в исследовательской литературе [13, 6], реализуется на синтаксическом уровне прежде всего через пассивные и безагентивные конструкции. В материалах совместных заявлений России и Индии это фиксируется на корпусе типовых формул: *«была проведена встреча», «было подписано соглашение», «стороны выразили удовлетворение», «была подтверждена приверженность»*. Подобные конструкции позволяют сосредоточить внимание на факте события, а не на его инициаторе.

Характерной чертой дипломатического синтаксиса выступают параллельные конструкции с перечислением сфер сотрудничества, создающие эффект масштабности двустороннего взаимодействия: *«в политической, экономической, военно-технической, научно-технической, культурно-гуманитарной областях».* Подобные ряды однородных членов, по нашим наблюдениям, объединяют от четырёх до семи элементов и регулярно повторяются без изменений из документа в документ. В публичных выступлениях С.В. Лаврова [15, 18] эти ряды расширяются до восьми-девяти позиций, что усиливает риторический эффект всеохватности отношений.

Характерны также многокомпонентные именные группы с цепочкой определений: *«особое привилегированное стратегическое партнёрство», «взаимовыгодное многоплановое сотрудничество», «устойчивое поступательное развитие»*. Такие группы функционируют как терминологические единицы и воспроизводятся в неизменном виде. В соответствии с описанной в литературе тенденцией институционального дискурса к эксплицитной телеологичности [3], в российско-индийских текстах регулярно используются сложноподчинённые конструкции с придаточными цели и следствия, вводимыми союзами *«с тем чтобы», «в целях того чтобы», «для того чтобы».*

Отдельного рассмотрения заслуживают модальные рамки типа *«следует отметить», «необходимо подчеркнуть», «важно обратить внимание»*,

представляющие собой синтаксические метакоммуникативы. Они организуют структуру дискурса и маркируют коммуникативно значимые фрагменты. Сопоставление с англоязычным индийским дискурсом [21, 5], использующим параллельные конструкции «*it should be noted», «it is important to emphasize», «we would like to highlight»*, подтверждает универсальность данного синтаксического механизма для институциональной дипломатической речи.

Жанровая специфика дипломатического дискурса сотрудничества. Российско-индийский дипломатический дискурс реализуется в нескольких институционально закреплённых жанрах, каждый из которых обладает собственной системой языковых средств и коммуникативных норм. Выделение жанровой типологии позволяет уточнить специфику функционирования дискурсивных стратегий и терминологических формул в зависимости от коммуникативной ситуации [5].

Жанр совместного заявления по итогам саммита представляет собой наиболее кодифицированную форму двустороннего дипломатического дискурса. Тексты совместных заявлений отличаются максимальной степенью согласованности, поскольку проходят процедуру двустороннего утверждения. С лингвистической точки зрения для данного жанра характерны: номинативный стиль изложения, преобладание отглагольных существительных (укрепление, расширение, углубление), безагентивные конструкции и конструкции с инклюзивным субъектом. Стоит отметить, что совместные заявления составляются, как правило, на английском языке, который выступает лингва франка двусторонней коммуникации, что само по себе является значимым социолингвистическим фактором [22].

Жанр брифинга официального представителя министерства иностранных дел характеризуется более высокой степенью спонтанности по сравнению с совместными заявлениями. Именно в этом жанре наиболее отчётливо проявляется индивидуальный речевой стиль дипломата. Брифинги М.В. Захаровой отличаются экспрессивностью, использованием разговорных элементов и эмоционально-оценочных конструкций, что выделяет её речевую манеру на фоне традиционно сдержанного дипломатического стиля. Обращаясь к теме российско-индийских отношений, она переключается между регистрами официальности и неформальности, что создаёт эффект доверительного общения с аудиторией [17].

Жанр программного выступления на международной конференции занимает промежуточное положение между спонтанной и подготовленной речью. Выступления С.В. Лаврова и С. Джайшанкара в рамках конференции *«Россия и Индия: к новой повестке двусторонних отношений»* демонстрируют характерные для данного жанра черты: тематическую структурированность, обилие прецедентных формул и установку на перформативное воздействие. С.В. Лавров в подобных выступлениях тяготеет к развёрнутым перечислительным конструкциям, создающим эффект масштабности сотрудничества, тогда как С. Джайшанкар предпочитает лаконичные формулировки с акцентом на конкретные достижения [18, 21].

Отдельного рассмотрения заслуживает жанр интервью, в котором дипломат вступает в диалогическое взаимодействие с журналистом. В данном жанре наблюдается наибольшая вариативность дискурсивных стратегий, поскольку дипломат вынужден реагировать на непредсказуемые вопросы. Ли Сюань и У Фэй, исследовавшие практику медиадипломатии на примере ответов представителей МИД КНР, выявили набор универсальных тактик уклонения, переадресации и переформулирования, которые обнаруживают типологическое сходство с аналогичными тактиками в российском и индийском дипломатическом дискурсе [5].

Индийские дипломаты при ответах на неудобные вопросы о характере отношений с Россией активно используют тактику контекстуализации, встраивая двусторонние контакты в более широкую рамку многосторонней дипломатии и объясняя свою позицию категориями национального интереса.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов о лингвистических особенностях дипломатического дискурса сотрудничества в контексте российско-индийских отношений.

Дипломатический дискурс сотрудничества между Россией и Индией характеризуется высокой степенью формализации и наличием устойчивого набора терминологических формул, среди которых центральное место занимает многокомпонентная конструкция *«особое и привилегированное стратегическое партнёрство»*. Данная формула выполняет идентифицирующую, оценочную и перформативную функции, формируя институциональную рамку двусторонних отношений.

Дискурсивные стратегии российских и индийских дипломатов обнаруживают как общие закономерности (позитивная репрезентация партнёра, апелляция к истории, конструирование единого субъекта), так и национально-специфические особенности, обусловленные различиями в политической культуре и внешнеполитических приоритетах двух стран.

Метафорическое моделирование двустороннего партнёрства опирается на четыре основные модели: *путь и движение, семья и дружба, устойчивость и прочность, органический рост*. Выбор метафорической модели коррелирует с прагматическими задачами конкретного коммуникативного акта и культурными традициями дипломатической речи соответствующей страны.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с расширением эмпирической базы за счёт привлечения материалов цифровой дипломатии (публикаций в социальных сетях, видеообращений) и применением корпусных методов анализа для верификации полученных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Цзэюй. Фразеологизмы как инструмент современной китайской дипломатической риторики / Ван Цзэюй, Ван Сяоцянь // Политическая лингвистика. — 2021. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-kak-instrument-sovremennoy-kitayskoy-diplomaticheskoy-ritoriki (дата обращения: 11.04.2026).
2. Дзюба, Е.В. Язык политики в многополярном мире / Е.В. Дзюба, О.А. Солопова // Россия в глобальном мире. — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-politiki-v-mnogopolyarnom-mire (дата обращения: 11.04.2026).
3. Зяблова, О.А. Институционально-дискурсивные характеристики дипломатического и политического дискурсов: общие замечания / О.А. Зяблова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 3 (146). — DOI: 10.60797/IRJ.2024.146.80. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalno-diskursivnye-harakteristiki-diplomaticheskogo-i-politicheskogo-diskursov-obschie-zamechaniya (дата обращения: 11.04.2026).
4. Кукатова, Н.Н. Использование коммуникативной стратегии митигации в современном русском языке (на материале дипломатического дискурса) / Н.Н. Кукатова, Л.Д. Исакова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 11.04.2026).
5. Ли Сюань. Практика медиадипломатии китайского правительства — на примере ответов представителей МИД КНР на вопросы иностранных журналистов в 2023 году / Ли Сюань, У Фэй // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-mediadiplomatii-kitayskogo-pravitelstva (дата обращения: 11.04.2026).
6. Мратхузин, Д.С. Проблема использования медиапространства в цифровой дипломатии (на примере российско-индийских контактов) / Д.С. Мратхузин, Л.Е. Бушканец // Казанский вестник молодых учёных. — 2021. — URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ispolzovaniya-media-prostranstva-v-tsifrovoy-diplomatii-na-primere-rossiysko-indiyskih-kontaktov (дата обращения: 11.04.2026).
7. Павлюченко, А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях / А.А. Павлюченко // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-izucheniya-tsifrovoy-diplomatii-v-rossiyskih-mezhdunarodno-politicheskih-issledovaniyah (дата обращения: 11.04.2026).
8. Радус, Л.А. Языковые средства как инструмент создания положительного имиджа государства в системе межгосударственных отношений (на примере Инициативы по глобальной безопасности КНР) / Л.А. Радус, Е.С. Голобородченко // Филология: научные исследования. — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-kak-instrument-sozdaniya-polozhitelnogo-imidzha-gosudarstva (дата обращения: 11.04.2026).
9. Рубцова, Е.В. Формирование общественного мнения пресс-службами российских загранпредставительств как поддержка политики государства / Е.В. Рубцова, Н.В. Девдариани // Карельский научный журнал. — 2019. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obschestvennogo-mneniya-press-sluzhbami-rossiyskih-zagranpredstavitelstv-kak-podderzhka-politiki-gosudarstva (дата обращения: 11.04.2026).
10. Русакова, О.Ф. Дискурс soft power в гуманитарной дипломатии: инструментально-измерительный анализ / О.Ф. Русакова // Гуманитарные науки. — 2015. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-soft-power-v-gumanitarnoy-diplomatii-instrumentalno-izmeritelnyy-analiz (дата обращения: 11.04.2026).
11. Саидов, Х.А. Дипломатическая терминология и её особенности в разносистемных языках / Х.А. Саидов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. — 2012. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskaya-terminologiya-i-eyo-osobennosti-v-raznosistemnyh-yazykah (дата обращения: 11.04.2026).
12. Солопова, О.А. Метафорический образ России в медиадискурсе Индии / О.А. Солопова, Г. Кашяп, Н.С. Нагаев // Политическая лингвистика. — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskiy-obraz-rossii-v-mediadiskurse-indii (дата обращения: 11.04.2026).
13. Терентий, Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л.М. Терентий // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 2 (24). — С. 166–185. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskiy-diskurs-kak-osobaya-forma-politicheskoy-kommunikatsii (дата обращения: 11.04.2026).
14. Чудинов, А.П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот : монография / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 234 с.
15. Berridge, G.R. A Dictionary of Diplomacy / G.R. Berridge, A. James. — 2nd ed. — London : Palgrave Macmillan, 2003. — 297 p.
16. Mehtiyev, A. Language and Diplomacy / A. Mehtiyev // California Linguistic Notes. — 2010. — Vol. XXXV, No. 2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой (фрагмент об Индии и БРИКС) [Видеозапись] // YouTube-канал Diplomatrutube. — 2026. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ug9hHiNNZeM (дата обращения: 11.04.2026).
18. Видеообращение Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 2-й международной конференции «Россия и Индия: к новой повестке двусторонних отношений» (23 марта 2026 г.) // МИД России. — URL: https://www.mid.ru (дата обращения: 11.04.2026).
19. Совместное заявление по итогам 23-го ежегодного российско-индийского саммита (5 декабря 2025 г.) // Официальный сайт Президента России. — URL: http://en.kremlin.ru/supplement/6426 (дата обращения: 11.04.2026).
20. India rejects claim it will halt Russian oil imports: "Energy security of 1.4 billion people remains supreme priority" // The Tribune India. — 2026. — URL: https://www.tribuneindia.com/news/energy-security-of-1-4-billion-people-remains-supreme-priority (дата обращения: 11.04.2026).
21. Jaishankar, S. Virtual remarks at the conference "India and Russia: Towards a New Bilateral Agenda" (March 23, 2026) // Ministry of External Affairs of India. — URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm (дата обращения: 11.04.2026).

22. Joint Statement following the 23rd India-Russia Annual Summit // Prime Minister of India Official Website. — 2025. — URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/joint-statement-following-the-23rd-india-russia-annual-summit / (дата обращения: 11.04.2026).

REFERENCES

1. Van Zeyui, & Van Syaotsian. (2021). Frazeologizmy kak instrument sovremennoi kitaiskoi diplomaticheskoi ritoriki [Phraseological units as a tool of modern Chinese diplomatic rhetoric]. Politicheskaia lingvistika [Political Linguistics]. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-kak-instrument-sovremennoy-kitayskoy-diplomaticheskoy-ritoriki (accessed: 11.04.2026).
2. Dziuba, E. V., & Solopova, O. A. (2024). Iazyk politiki v mnogopoliarnom mire [The language of politics in a multipolar world]. Rossiya v globalnom mire [Russia in the Global World]. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-politiki-v-mnogopolyarnom-mire (accessed: 11.04.2026).
3. Ziablova, O. A. (2024). Institutsionalno-diskursivnye kharakteristiki diplomaticheskogo i politicheskogo diskursov: obshchie zamechaniia [Institutional and discursive characteristics of diplomatic and political discourses: general remarks]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatelskii zhurnal [International Research Journal], 3(146). (In Russian). DOI: 10.60797/IRJ.2024.146.80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalno-diskursivnye-harakteristiki-diplomaticheskogo-i-politicheskogo-diskursov-obschie-zamechaniya (accessed: 11.04.2026).
4. Kukatova, N. N., & Isakova, L. D. Ispolzovanie kommunikativnoi strategii mitigatsii v sovremennom russkom iazyke (na materiale diplomaticheskogo diskursa) [The use of mitigation communicative strategy in modern Russian language (based on diplomatic discourse)]. Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki [Herald of MSLU. Humanities]. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru (accessed: 11.04.2026).
5. Li, Xuan, & Wu, Fei. (2024). Praktika mediadiplomatii kitaiskogo pravitelstva — na primere otvetov predstavitelei MID KNR na voprosy inostrannykh zhurnalistov v 2023 godu [The practice of media diplomacy of the Chinese government — on the example of answers by PRC MFA representatives to questions of foreign journalists in 2023]. Politicheskaia lingvistika [Political Linguistics], 3(105). (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-mediadiplomatii-kitayskogo-pravitelstva (accessed: 11.04.2026).
6. Mrathuzin, D. S., & Bushkanets, L. E. (2021). Problema ispolzovaniia mediaprostranstva v tsifrovoi diplomatii (na primere rossiisko-indiiskikh kontaktov) [The problem of using media space in digital diplomacy (on the example of Russian-Indian contacts)]. Kazanskii vestnik molodykh uchenykh [Kazan Herald of Young Scientists]. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ispolzovaniya-media-prostranstva-v-tsifrovoy-diplomatii-na-primere-rossiysko-indiyskih-kontaktov (accessed: 11.04.2026).
7. Pavliuchenko, A. A. (2024). Metody izucheniia tsifrovoi diplomatii v rossiiskikh mezhdunarodno-politicheskikh issledovaniiakh [Methods of studying digital diplomacy in Russian international political studies]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 25. Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika [Herald of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics]. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-izucheniya-tsifrovoy-diplomatii-v-rossiyskih-mezhdunarodno-politicheskih-issledovaniyah (accessed: 11.04.2026).
8. Radus, L. A., & Goloborodchenko, E. S. (2024). Iazykovye sredstva kak instrument sozdaniia polozhitelnogo imidzha gosudarstva v sisteme mezhgosudarstvennykh otnoshenii (na primere Initsiativy po globalnoi bezopasnosti KNR) [Language means as a tool for creating a positive image of a state in the system of interstate relations (on the example of the PRC's Global Security Initiative)]. Filologiia: nauchnye issledovaniia [Philology: Scientific Research]. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-kak-instrument-sozdaniya-polozhitelnogo-imidzha-gosudarstva (accessed: 11.04.2026).
9. Rubtsova, E. V., & Devdariani, N. V. (2019). Formirovanie obshchestvennogo mneniia press-sluzhbami rossiiskikh zagranpredstavitelstv kak podderzhka politiki gosudarstva [Formation of public opinion by press services of Russian foreign missions as support for state policy]. Karelskii nauchnyi zhurnal [Karelian Scientific Journal]. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obschestvennogo-mneniya-press-sluzhbami-rossiyskih-zagranpredstavitelstv-kak-podderzhka-politiki-gosudarstva (accessed: 11.04.2026).
10. Rusakova, O. F. (2015). Diskurs soft power v gumanitarnoi diplomatii: instrumentalno-izmeritelnyi analiz [The discourse of soft power in humanitarian diplomacy: instrumental measurement analysis]. Gumanitarnye nauki [Humanities]. (In Russian). URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-soft-power-v-gumanitarnoy-diplomatii-instrumentalno-izmeritelnyy-analiz (accessed: 11.04.2026).
11. Saidov, Kh. A. (2012). Diplomaticheskaia terminologiia i ee osobennosti v raznosistemnykh iazykakh [Diplomatic terminology and its features in different-system languages]. Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriia obshchestvennykh nauk [Herald of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Sciences Series]. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskaya-terminologiya-i-eyo-osobennosti-v-raznosistemnyh-yazykah (accessed: 11.04.2026).
12. Solopova, O. A., Kashyap, G., & Nagaev, N. S. (2024). Metaforicheskii obraz Rossii v mediadiskurse Indii [Metaphorical image of Russia in Indian media discourse]. Politicheskaia lingvistika [Political Linguistics]. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskiy-obraz-rossii-v-mediadiskurse-indii (accessed: 11.04.2026).
13. Terentii, L. M. (2015). Diplomaticheskii diskurs kak osobaia forma politicheskoi kommunikatsii [Diplomatic discourse as a special form of political communication]. Voprosy psikholingvistiki [Issues of Psycholinguistics], 2(24), 166–185. (In Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskiy-diskurs-kak-osobaya-forma-politicheskoy-kommunikatsii (accessed: 11.04.2026).
14. Chudinov, A. P., Budaev, E. V., & Solopova, O. A. (2020). Politicheskaia metaforologiia: diskursivnyi povorot [Political Metaphorology: Discursive Turn]. Moscow: FLINTA. (In Russian).
15. Berridge, G. R., & James, A. (2003). A Dictionary of Diplomacy (2nd ed.). London: Palgrave Macmillan.
16. Mehtiyev, A. (2010). Language and Diplomacy. California Linguistic Notes, 35(2).

Поступила в редакцию 20.04.2026 г.

LANGUAGE OF COOPERATION DIPLOMACY IN RUSSIAN-INDIAN RELATIONS

Garima

The article deals with linguistic features of the diplomatic discourse of cooperation between Russia and India. Based on official statements, briefings, and joint communiques, the key discourse strategies, metaphorical models, and terminological formulas characteristic of bilateral diplomatic interaction between the two countries are analyzed. Particular attention is paid to the speech practices of diplomats from both sides, among them are speeches by Russian Foreign Minister S.V. Lavrov, Russian Foreign Ministry Spokesperson M.V. Zakharova, Indian External Affairs Minister S. Jaishankar, as well as the texts of joint statements following the summits. Stable lexico-semantic constructions reflecting the specifics of the strategic partnership and the pragmatic functions of diplomatic communication in the context of forming a multipolar world have been identified. The study results expand the understanding of linguocultural aspects of diplomatic discourse and its role in strengthening interstate cooperation.

Key words: diplomatic discourse, language of diplomacy, Russian-Indian relations, strategic partnership, cooperation metaphor, discourse strategies, political linguistics.

Гарима.
Аспирант.
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина.
ORCID 0009-0005-9136-2238.
E-mail: garima.pushkin@gmail.com

Garima.
Post-graduate student.
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.
ORCID 0009-0005-9136-2238.
E-mail: garima.pushkin@gmail.com

Научная статья
УДК: 821.161.1.09
DOI: 10.5281/zenodo.22070923

ЮМОР И САТИРА В МАЛЫХ ЖАНРАХ М. ЗОЩЕНКО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х: ОТ БЫТОВОГО К СОЦИАЛЬНОМУ

© 2026 ***В.В. Горбунов***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганский государственный педагогический университет»
ORCID 0009-0000-6832-9898

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе рассматриваются юмор и сатира в малых жанрах М. Зощенко первой половины 1930-х годов как средство художественного осмысления повседневной жизни. Актуальность исследования определяется необходимостью анализа сатирического дискурса писателя для выявления психологических механизмов поведения персонажей. В процессе исследования применялись анализ и синтез, метод сплошной выборки, стилистический и культурно-исторический анализ. Сатирические приемы условно объединены в несколько групп: бытовые ситуации и конфликты; образы бюрократических персонажей; речевые и поведенческие стереотипы героев; элементы идеологического абсурда. В результате выявлена специфика трансформации бытовых сюжетов в более широкий социальный контекст: юмор и сатира выступают средством осмысления человеческих слабостей и деформаций повседневного поведения, создавая ироническую дистанцию между автором и изображаемой реальностью и побуждая читателя к критическому осмыслению жизненных явлений.

Ключевые слова: юмор, сатира, малые жанры, «маленький человек», бытовая тематика, бюрократия, психологический анализ персонажей, художественный прием, сатирический дискурс.

Для цитирования: Горбунов В.В. Юмор и сатира в малых жанрах м. Зощенко 1930-х: от бытового к социальному / В.В. Горбунов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 178–187. —https://doi.org/10.5281/zenodo.22070923.

Введение. Юмор и сатира в творчестве М. Зощенко являются значимыми компонентами художественной системы писателя и представляют собой важный объект литературоведческого анализа в контексте русской литературы XX века. В малых жанрах 1930-х годов комическое у М. Зощенко выходит за рамки изображения частных бытовых ситуаций, приобретая характер более широкого обобщения и становясь способом художественного осмысления различных противоречий повседневной жизни. Обращение к данной проблематике связано с необходимостью более глубокого понимания художественных механизмов взаимодействия бытового и социального начал в юмористическом и сатирическом изображении действительности. Кроме того, анализ малой прозы писателя позволяет выявить особенности литературного отражения культурно-исторического контекста эпохи и характерных моделей поведения персонажей в условиях советской повседневности.

Проблема комического в произведениях М. Зощенко получила достаточно широкое освещение в научных исследованиях. В работах отечественных литературоведов рассматриваются жанрово-стилистические особенности малой прозы писателя, специфика его юмора и сатиры, речевая организация повествования, а также соотношение авторской позиции и образа рассказчика. Существенное внимание

уделяется анализу социально-критического потенциала творчества М. Зощенко, типологии персонажей, в частности образа «маленького человека», и связи сатиры писателя с традициями русской классической и сатирической литературы. Вместе с тем в ряде исследований акцент делается преимущественно на общих характеристиках сатирического метода автора либо на анализе отдельных произведений. Так, психоаналитическая природа комизма и мотивы недоверия в прозе писателя исследовались А.К. Жолковским [1], игровые и театрализованные механизмы комических новелл — Г.М. Ибатуллиной [2], а региональные и лингвокультурные аспекты восприятия юмора Зощенко — С.Х. Яхиевой [8].

В то же время недостаточно изученным остается вопрос художественного механизма трансформации бытовой тематики в более широкий социальный контекст в рамках малых жанров М. Зощенко 1930-х годов. Требует дальнейшего осмысления система художественных приемов, посредством которых повседневные ситуации, а также речевые и поведенческие стереотипы персонажей приобретают обобщенное значение и выходят за пределы частного бытового эпизода.

Данный аспект представляется принципиально важным для понимания специфики юмористического и сатирического мышления писателя, а также особенностей его художественного метода. Анализ этих приемов позволяет выявить, каким образом в прозе Михаила Зощенко изображение бытовых конфликтов и человеческих слабостей приобретает более широкий смысл, отражая характерные противоречия повседневной жизни рассматриваемого периода.

Целью настоящей работы является выявление и систематизация художественных приемов, с помощью которых М. Зощенко в прозе первой половины 1930-х годов осуществляет переход от изображения бытовых ситуаций к более широкому обобщению жизненных явлений, а также анализ специфики юмора и сатиры как средств художественного осмысления противоречий повседневной жизни и различных проявлений бюрократических практик. В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих задач: определить характерные тематические, стилистические и поэтические особенности малой прозы М. Зощенко первой половины 1930-х годов, проанализировать механизмы создания комического эффекта, в том числе его сатирической разновидности, через бытовые ситуации, поведение и речь персонажей, систематизировать сатирические приемы как одну из форм воплощения комического и выявить их функцию, рассмотреть особенности изображения бюрократических персонажей и их взаимодействия с «маленьким человеком»; проанализировать роль комических ситуаций и элементов абсурдности в создании юмористического эффекта; соотнести формы комического в прозе М. Зощенко с культурно-историческим контекстом 1930-х годов для выявления художественного механизма перехода от бытового изображения к более широкому обобщению жизненных явлений.

Материалы и методы исследования. В исследовании анализировались прозаические произведения М. Зощенко 1930-х годов, опубликованные в периодической печати и сборниках автора. В корпус включены рассказы и фельетоны малых жанров, где наиболее последовательно проявляются юмористические и сатирические стратегии писателя. Основной материал составляют произведения первой половины 1930-х годов: «Приятная встреча» (1930), «Понимать надо» (1931), «С луны свалился» (1932), «Свадьба» (1933), «Врачевание и психика» (1933), «Кража» (1933), «Страдания молодого Вертера» (1933). Тексты отбирались по хронологическому и жанровому принципу,

отражая характерные тематические, стилистические и поэтические особенности творчества Михаила Зощенко.

Корпус формировался методом сплошной выборки, включая как известные, так и менее изученные произведения, что обеспечило полноту анализа. Количественный аспект исследования строился на выявлении повторяющихся тематических мотивов, комических ситуаций и сатирических приемов.

Основные методы включали анализ и синтез (для рассмотрения элементов художественной структуры в их взаимосвязи), структурно-семантический и стилистический анализ (для изучения организации комического и сатирического дискурса), контекстуальный и культурно-исторический методы (для соотнесения образов с социально-исторической реальностью 1930-х годов и интерпретации бытовых деталей как признаков эпохи). Применялись также типологический анализ (выявление устойчивых моделей персонажей, сюжетов и сатирических стратегий) и текстологическое наблюдение (анализ повествовательной организации, авторской позиции и речевой маски рассказчика).

Основная часть. Михаил Михайлович Зощенко (1894–1958) — один из наиболее значимых представителей русской литературы первой половины XX века, чье творчество оказало существенное влияние на развитие сатирической прозы. Ранний интерес к литературе, проявившийся еще в детстве, а также жизненный опыт, связанный с участием в Первой мировой войне и событиями революционного времени, во многом определили специфику художественного мировоззрения писателя.

Формирование Михаила Зощенко как автора во многом связано с занятиями в литературной студии при издательстве «Всемирная литература» под руководством К.И. Чуковского, а также с участием в группе «Серапионовы братья», отстаивавшей принципы художественной автономии и свободы творчества. Уже в начале 1920-х годов Михаил Зощенко заявил о себе как оригинальный сатирик; его малая проза быстро приобрела широкую популярность благодаря лаконичной форме, своеобразной речевой организации и ярко выраженной комической направленности. М. Слонимский считал: *«Так животворна была сила зощенковского таланта, что грустная и злая жизнь превращалась под его пером в поучительные, обличительные и в то же время вызывающие неудержимый хохот шедевры художественной прозы»* [6, с. 437].

Характерной особенностью художественной манеры М. Зощенко является повествование от лица героя-рассказчика, что позволило литературоведам определить его прозу как разновидность сказа. «Сказ — это двуголосное повествование, которое соотносит автора и рассказчика, стилизуется под устно произносимый, театрально импровизированный монолог человека, предполагающего сочувственно настроенную аудиторию, непосредственно связанного с демократической средой или ориентированного на эту среду» [5, с. 34]. Использование литературной речи становится у писателя важнейшим средством создания комического эффекта и одновременно способом выявления социально-психологических особенностей персонажей. В исследованиях Яхиевой С.Х. сказано, что через речь героя Михаил Зощенко демонстрирует ограниченность бытового сознания, его противоречие официальным нормам. Общий конструктивный принцип рассказа М.М. Зощенко чрезвычайно прост — это повествование о неудаче, чаще всего мелкой, бытовой. Автор утверждает: «Речь персонажей в художественном произведении М. Зощенко — это не только средство, при помощи которого излагается какое-либо содержание, но и предмет изображения» [9]. Так, в основе рассказа «Приятная встреча» (1930) лежит характерный для его произведений принцип — изображение бытовой неудачи. Рассказчик неправильно

понимает происходящее: он не распознает среди попутчиков душевнобольных и, напротив, принимает обычного пассажира за ненормального: *«— Я извиняюсь, я думал — вы тоже ненормальный»* [10]. Его речь, насыщенная разговорными выражениями и логическими несоответствиями, показывает, как постепенно формируется это заблуждение. Кульминацией становится неудачное действие героя — он набрасывается на ни в чем не повинного человека, попадая в неловкое и комическое положение: *«В одну секунду я вскочил, навалился на бородатого и начал у него ножик отбирать. А он отчаянное сопротивление мне оказывает. И прямо меня норовит укусить своими бешеными зубами»* [10]. В финале ситуация окончательно проясняется, и ошибка героя становится очевидной. Таким образом, весь рассказ строится вокруг мелкой, но показательной бытовой неудачи, которая раскрывает ограниченность восприятия героя.

Центральным персонажем малых жанров является «маленький человек», сталкивающийся с ограничениями собственного опыта и бытовой среды. Его действия часто определяются субъективной логикой, стремлением утвердить собственное мнение и приспособиться к обстоятельствам, не обладая достаточной компетентностью. Яркий пример отражен в образе героя из рассказа «Приятная встреча» (1930), который пытается оценить окружающих пассажиров, делает выводы об их социальном положении и состоянии: *«Такой молодой пролетарский парень. Без обеих рук. Наверное, инвалид труда. Очень жалко глядеть»* [10]. В этом высказывании отражается типичная для «маленького человека» субъективная логика: он стремится интерпретировать увиденное в привычных социально-бытовых категориях («пролетарский», «инвалид труда»), не обладая при этом реальным пониманием ситуации. Сочетание сочувственного тона с поверхностными и поспешными выводами создает комический эффект: герой уверен в правильности своих суждений, однако его интерпретация оказывается ошибочной. Речь и поведение героя становятся инструментами художественной характеристики: они показывают, как бытовые условия влияют на индивидуальное восприятие и действия, и создают комический контраст между претензией на серьезность и фактической несостоятельностью персонажа.

Следует подчеркнуть, что в произведениях М. Зощенко формируется уникальный тип литературного персонажа — представитель советской повседневности, современник автора и носитель психологических и бытовых особенностей своего времени. «Этот "новый человек" — обыватель, которого можно встретить где угодно: в трамвае, бане, магазине, поликлинике, за рулем автобуса, на кухне коммунальной квартиры. Этот "новый человек" не получил, как правило, какого-либо образования за исключением основного школьного, он не обладает культурным багажом, у него узкий кругозор, а попытки его расширить этот новый человек считает глупостью, пустой тратой времени и "мещанством"» [7, с.101].

Объектом изображения становится человек и его поведение в рамках повседневной реальности, прежде всего его внутренние механизмы восприятия и реакции: способы мышления, эмоциональные отклики, установки и привычки, а также неумение или нежелание осмыслить собственную ответственность за свои действия.

Особое значение для исследования имеют произведения 1930-х годов, где комическое все чаще строится на демонстрации несоразмерности между притязаниями героя и его реальными возможностями. В данном случае представляется необходимым разграничить юмористический и сатирический способы художественного выражения. Если юмористическое начало связано с изображением человеческой ограниченности в смягченной, иронически нейтральной форме, то сатирическое предполагает более выраженную оценочную установку и направлено на выявление устойчивых деформаций

повседневного поведения. В ряде текстов указанных лет наблюдается усиление именно сатирического компонента, однако оно проявляется прежде всего в жесткости оценки поведенческой модели, а не в прямом политическом обличении.

Комическое в прозе Михаила Зощенко тем самым функционирует как способ художественного анализа повседневного сознания. Смех направлен не только на частный случай, но и на типизированную модель поведения, воспроизводимую в сходных обстоятельствах. Такая перспектива позволяет рассматривать юмор и сатиру писателя как элементы его эстетической стратегии, ориентированной на выявление внутренних противоречий обыденного мышления, а не исключительно как реакцию на внешние факторы.

В данном контексте возникает необходимость систематизации художественных приемов, с помощью которых в малой прозе М. Зощенко 1930-х годов формируется переход от изображения бытовых ситуаций к более широкому обобщению жизненных явлений. Анализ произведений этого периода показывает, что комическое у писателя реализуется не стихийно, а в рамках устойчивой системы сатирических механизмов, направленных на выявление особенностей повседневного поведения персонажей. Но в рассказах М. Зощенко изображение «маленького человека» и его слабостей часто сопровождается легким, ироническим тоном, что обусловлено спецификой авторской поэтики: в отличие от классической сатиры, здесь отсутствует жесткое обличение и прямая критика. Комическое формируется через повседневные ситуации и особенности поведения героев, благодаря чему ирония приобретает ненавязчивый, неагрессивный характер. Сатирический эффект достигается за счет подчеркивания поведенческих ограничений и мещанских черт персонажей, комического контраста между их амбициями и реальными возможностями, а также абсурдности бытовых и бюрократических ситуаций. При этом бюрократизм не выступает самостоятельным объектом критики, а функционирует как среда, через которую проявляются поведенческие и психологические ограничения «маленького человека». Таким образом, комическое в произведениях Михаила Михайловича служит средством анализа человеческой психологии и повседневного поведения, а не инструментом прямого социального или политического обличения. В связи с этим в настоящей статье предлагается авторская классификация юмористических и сатирических приемов, которая позволяет более последовательно рассмотреть специфику сатирического мышления М. Зощенко.

Первая группа — сатиризация бытовых ситуаций и повседневных конфликтов. В произведениях данной группы комический эффект возникает из несоответствия между ожиданиями героя и фактическим ходом событий, а также из постепенного нарастания мелких неудобств, которые воспринимаются участниками происходящего как почти естественные. Речь идет не о масштабных общественных конфликтах, а о локальной повседневной ситуации, в пределах которой обнаруживается устойчивая модель реагирования — примирение с абсурдом, и попытка «объяснить» происходящее внешними обстоятельствами.

В рассказе «Страдания молодого Вертера» (1933) М. Зощенко использует бытовую ситуацию — прогулку на велосипеде — как средство создания комического и абсурдного эффекта. Обычная попытка героя насладиться осенней прогулкой сталкивается с неожиданной агрессией сторожа и группы доброхотов, которые трактуют его действия через призму механических правил и формальных инструкций: *«Он едет не по той дороге... Он едет по дорожке, по которой на велосипедах проезду нет... И видит, между прочим, вывеска. А он, как ненормальный, едет... Я ему свищу. А он ногами кружит. Не*

понимает, видите ли. Как будто с луны свалился...» [10]. Ситуация показывает, как мелкая бытовая коллизия перерастает в комический конфликт, где личностная инициатива и здравый смысл персонажа сталкиваются с бюрократическими и условными нормами поведения. Герой пытается объясниться, соблюдает свои моральные ориентиры, но сталкивается с «системой» правил, встроенных в повседневную жизнь: «*— Братцы», — говорю я, — я не знал, что здесь нельзя ехать. Я не хотел удирать»* [10]. В данном эпизоде М. Зощенко демонстрирует деформацию эмоционального восприятия героя, вызванную столкновением его субъективных, псевдоморальных чувств с условными нормами окружающей среды. Персонаж стремится к внутренней гармонии и соблюдению собственных моральных ориентиров, однако его чувства и реакции искажаются не только под влиянием абсурдности бытовых обстоятельств, но и субъективного представления о том, что он действует правильно и правомерно, что создает комический эффект.

Подобным примером является одноактная комедия «Свадьба» (1933), где сюжет строится на анекдотическом случае: жених, поспешивший с женитьбой, не узнает свою невесту без пальто и шляпы: *«Нет, я могу ее узнавать... Вот ее и пальто. Но только мне ее к столу сейчас вести. Прямо первый раз со мной такое — не могу невесту отыскать»* [10]. Высказывание жениха «*Вот ее и пальто*» фиксирует подмену личностного узнавания внешним, случайным признаком, что свидетельствует о поверхностности и формальности отношения к браку. Герой декларирует способность «узнавать» невесту, однако его узнавание оказывается механическим и зависит исключительно от деталей костюма, а не от индивидуальных черт личности. Тем самым М. Зощенко комически обнажает деформацию чувства, редуцированного до набора внешних атрибутов. Выбор именно одноактной комедии как примера обусловлен тем, что малые жанры М. Зощенко позволяют концентрировать комический эффект на одной анекдотической ситуации, выявляя абсурд и деформацию человеческого восприятия без необходимости разворачивать длинный сюжет. Прием подмены личности внешними признаками характерен для многих малых жанров автора — анекдотов, одноактных пьес и коротких рассказов — и поэтому «Свадьба» иллюстрирует не единичный случай, а устойчивую стратегию комического, строящегося на контрасте между заявленной моральной или эмоциональной позицией героя и поверхностным восприятием окружающей действительности.

Естественно, герой ищет выход из положения, он должен узнать невесту. Жених должен был немножко подождать, кто-нибудь ему все равно помог бы, или невеста сама бы отозвалась: *«То есть я, папаня, ее узнаю... Но только... Благодаря же вашим словам... Мне ее надо торжественно к столу вести. А я ее совершенно не узнаю»* [10]. В этой фразе комический эффект усиливается за счет столкновения ритуально-нормативного и субъективного уровней ситуации. Герой осознает необходимость соблюдения свадебного обряда, однако оказывается неспособным реализовать его на практике, поскольку не обладает базовым условием ритуала — личным узнаваемым образом невесты. В этом эпизоде бытовая коллизия обретает характер сатирического обобщения: юмор Михаила Михайловича направлен на выявление психологических особенностей персонажа, его мещанской поспешности, формализма чувств и подмены внутренней ответственности внешними атрибутами. Ситуация демонстрирует тип сознания, в котором внешние ритуальные нормы вытесняют личную эмоциональную включенность, что позволяет рассматривать сцену как элемент более широкой сатирической модели изображения «маленького человека» с характерными психологическими ограничениями.

Вторая группа — сатирическое изображение представителей власти и бюрократического аппарата. В данную группу включаются приемы, направленные на разоблачение формализованного и отчужденного характера бюрократических практик. Представители власти и служебных структур изображаются не столько как индивидуальные персонажи, сколько как носители определенных социальных функций. Комизм создается посредством демонстрации формального отношения к человеку, абсурдности административных процедур и несоответствия между официальной риторикой и реальными действиями.

В рассказе «Страдания молодого Вертера» (1933) бюрократические и формализованные элементы повседневной жизни проявляются через действия сторожа и группы добровольцев, которые трактуют обычное передвижение героя на велосипеде как нарушение правил. Комизм и сатирическая критика формируются за счет обезличенного, механического исполнения обязанностей: *«Как я тебе ахну по зубам — будешь оскорблять при исполнении служебных обязанностей... Держите его крепче... Не выпущайте его, нахала»* [10]. Здесь М. Зощенко демонстрирует абсурд формального подхода: герои, прикрываясь инструкциями, сами переходят границы приличия — проявляют агрессию, оскорбляют и унижают, тем самым нарушая не формальные правила, а элементарные нормы человеческого взаимодействия. Нарушение правил не оправдывается автором; напротив, оно выявляет парадокс бюрократической логики, где строгая формальность и подчинение инструкциям становятся самоцелью, искажая отношение к личности, здравый смысл и моральную ответственность. Комический эффект возникает из контраста между преувеличенной агрессивностью, пафосным «служебным» тоном и фактической незначительностью «нарушения» — герой просто едет на велосипеде.

Третья группа — речевая и поведенческая типизация персонажей. Особое место в сатирической системе Михаила Зощенко занимает использование устойчивых речевых и поведенческих стереотипов. Повторяющиеся языковые клише, канцеляризмы, разговорные и просторечные конструкции формируют комический эффект и одновременно выявляют ограниченность сознания персонажей. Речь героя выступает инструментом его личностной характеристики и позволяет автору показать деформацию мышления, обусловленную бытовыми условиями и особенностями индивидуального восприятия действительности. Комический эффект часто строится на контрасте между претензией на культуру и природной грубостью героя. Например, в рассказе «С луны свалился» (1932) герой пытается выдать себя за иностранца, используя нелепую смесь языков: «Я подхожу до портье и говорю ему ломаным языком: — Ейншамбер-циммер», *— говорю, — яволь? <...> Но, — говорю, — их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань. Камарилья»* [10]. Писатель достигает комизма, соединяя искаженные иностранные слова с разговорными конструкциями («подхожу до портье», «ломаным языком»), что подчеркивает повседневный, неофициальный стиль героя. Этот прием выявляет психологическую натуру персонажа: он стремится выглядеть значительнее, чем есть на самом деле, но одновременно демонстрирует малограмотность и ограниченность собственного опыта, что создает комический эффект.

Герои 1930-х годов активно используют политические термины, часто не понимая их смысла, что свидетельствует о замусоренности сознания лозунгами. Например, в рассказе «Врачевание и психика» (1933) обычный спор в очереди к врачу моментально переходит в политическую плоскость: *«Желтоватый, в тужурке, говорит: — Ах, вам цивилизация не нравится, строительство... Вы, — говорит, — мне под науку не*

подводите буржуазный базис. А не то знаете, чего за это бывает» [10]. Использование непонятных слов и выражений здесь становится средством бытовой агрессии и демонстрации собственной значимости. Речь героя служит инструментом его личностной характеристики: она отражает психологическую установку, стремление утвердить свое мнение и контролировать окружающих, а комический эффект возникает из несоответствия между претензией на серьезность и фактической ограниченностью понимания. Здесь идеологическое клише («буржуазный базис») используется как инструмент бытовой агрессии.

Четвертая группа — элементы идеологического абсурда как форма социальной критики. Бытовые события насыщаются непонятными терминами, псевдонаучными выражениями и канцеляризмами, что создает эффект абсурда. Комический эффект возникает из несоответствия между серьезностью и формальной напыщенностью речи и простотой жизненных обстоятельств. Это позволяет выявить субъективное восприятие героя и противоречие между его попыткой следовать внешним нормам и реальной ситуацией, подчеркивая ограниченность и механичность мышления персонажей. В рассказе «Понимать надо» (1931) обычное чрезмерное потребление электричества жильцом, который освещал клетку с белкой, интерпретируется соседями через призму классовой борьбы: *«Тут встает один жилец, некто такой Жуков. <...> — Это, — говорит, — есть бур-бур-буржуазный подход к делу. <...> Тут председатель от себя добавляет: — <...> Тут даже можно усмотреть в действиях вышеуказанного квартиранта некоторое вредительство на фронте пятилетки»* [10]. Комизм и абсурд возникают из несоразмерности между повседневным, личным действием героя и формальной, бюрократизированной интерпретацией соседей, которые склонны воспринимать обычное поведение как нарушение или проявление «правил». Абсурд формируется через механическую, обезличенную логику рассуждений персонажей, подчеркивая их ограниченность и склонность к преувеличению. Комизм возникает из несоответствия между мелкой бытовой ситуацией и чрезмерно серьезной оценкой ее участниками. Анализ реакции персонажей показывает, что они склонны придавать действиям соседей формальную значимость и преувеличенное содержание, подменяя реальный смысл события своими субъективными интерпретациями.

В рассказе «Кража» (1933) дворник, совершивший кражу из кооператива, использует идеологическую риторику, чтобы защитить себя от «приписок» администрации: *«Дворник говорит: — Я. Но я не трогал эти боны и ножницы <...>. Я, — говорит, — не дозволю иметь такое жульничество под моим флагом. Я стою на страже государственных интересов. Меня возмущает, что тут делается — какая идет приписка под мою руку»* [10]. Комический эффект создается из несоответствия между претензией персонажа на серьезность и фактическим характером его действий. Использование бюрократизированных и официально звучащих формулировок отражает субъективное восприятие дворника, его стремление казаться ответственным и значительным, что усиливает абсурд ситуации и подчеркивает психологическую ограниченность героя.

Заключение. Анализ выбранного корпуса произведений позволяет выделить четыре ключевых направления сатирической работы Михаила Зощенко. Первое направление связано с освещением бытовых ситуаций и повседневных конфликтов, где комизм возникает из несоразмерности между привычными действиями героев и их восприятием окружающими. Второе направление охватывает изображение представителей бюрократического аппарата и формальных процедур, чьи механические действия и обезличенные реакции создают эффект абсурда. Третье направление

включает речевую и поведенческую типизацию персонажей, позволяющую выявить психологические особенности, привычки и ограниченные способы восприятия действительности. Четвертое направление связано с использованием напыщенной, формальной и условно «официальной» речи, вторгающейся в бытовую сферу, что создает комический контраст между серьезностью формулировок и простотой жизненных обстоятельств. В совокупности эти приемы демонстрируют системность сатирической стратегии писателя, показывают психологические закономерности поведения героев и позволяют анализировать способы формирования комического и абсурдного эффекта в малых жанрах.

Таким образом, сатира в прозе Михаила Зощенко 1930-х годов выступает не столько средством развлекательного воздействия, но также инструментом комплексного художественного анализа социальной жизни, позволяя читателю увидеть диалоги представителей идеологической риторики. Присущая писателю лаконичность формы, использование разговорной речи и типизация персонажей создают единое эстетическое и концептуальное поле, в котором бытовое становится социально значимым, а комическое — аналитическим и критическим. Аналитичность юмора проявляется в способности выявлять закономерности поведения персонажей, их слабости и механизмы взаимодействия с бюрократическими и бытовыми явлениями, что позволяет читателю осмысливать причины происходящих событий и оценивать действия героев с точки зрения их личной психологии и жизненного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жолковский А.К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия / А.К. Жолковский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — 392 с.
2. Ибатуллина Г.М. Поэтика театрализации в комических новеллах М. Зощенко / Г.М. Ибатуллина // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12, № 5. — С. 92–99.
3. Крепс М. Б. Техника комического у Зощенко / М.Б. Крепс. — Нью-Йорк: ChalidzePublications, 1986. — 245 с. — Электрон. изд. подгот. А. Никитиным-Перенским. — Режим доступа: https//imwerden.de/publ-2336 (дата обращения: 25.02.2026)
4. Михаил Зощенко в воспоминаниях современников: сборник / сост. А. Смолян, Н. Юргенева. — М.: Совет. писатель, 1981. — 263 с.
5. Мущенко Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Мущенко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. — 287 с.
6. Слонимский М. Завтра: Проза. Воспоминания / М. Слонимский. — М.: Советский писатель, 1987. — С. 437.
7. Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко / М.О. Чудакова. — М. : Наука, 1979. — 200 с.
8. Яхияева С.Х. Юмористические рассказы Михаила Зощенко «Галоша» и «Баня» / С.Х. Яхияева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. — 2016. — № 2. — С. 106–109.
9. Яхияева С.Х. Стиль речевого комизма в сказе (по материалам рассказов М. М. Зощенко) / С.Х. Яхияева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — №3 (28). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stil-rechevogo-komizma-v-skaze-po-materialam-rasskazov-m-m-zoschenko (дата обращения: 02.08.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

10. Михаил Зощенко: рассказы избранное. — Текст: электронный // Михаил Зощенко: рассказы избранное: [сайт]. — URL: https://zoschenko.ru/ (дата обращения: 06.03.2026).

REFERENCES

1. Zholkovsky, A. K. (1999). Mikhail Zoshchenko: poetika nedoveriia [Mikhail Zoshchenko: The poetics of distrust]. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". (In Russian)
2. Ibatullina, G. M. (2017). Poetika teatralizatsii v komicheskikh novellakh M. Zoshchenko [The poetics of theatricalization in M. Zoshchenko's comic novellas]. Gumanitarnyi vektor, 12(5), 92–99. (In Russian)

3.Kreps, M. B. (1986). Tekhnika komicheskogo u Zoshchenko [The technique of the comic in Zoshchenko]. New York: Chalidze Publications. (In Russian)
4. Smolyan, A., & Yurgeneva, N. (Comps.). (1981). Mikhail Zoshchenko v vospominaniiakh sovremennikov [Mikhail Zoshchenko in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian)
5. Mushchenko, E. G., Skobelev, V. P., & Kroichik, L. E. (1978). Poetika skaza [Poetics of skaz]. Voronezh: Voronezh University Press. (In Russian)
6. Slonimsky, M. (1987). Zavtra: Proza. Vospominaniia [Tomorrow: Prose. Memoirs]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian)
7. Chudakova, M. O. (1979). Poetika Mikhaila Zoshchenko [The poetics of Mikhail Zoshchenko]. Moscow: Nauka. (In Russian)
8. Yakhiyaeva, S. Kh. (2016). "Galosha" i "Bania" iumoristicheskie rasskazy Mikhaila Zoshchenko ["Galosh" and "Bathhouse" humorous stories by Mikhail Zoshchenko]. Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki, (2), 106–109. (In Russian)
9. Yakhiyaeva, S. Kh. (2019). Stil' rechevogo komizma v skaze (po materialam rasskazov M. M. Zoshchenko) [The style of speech comicality in skaz (based on the stories of M. M. Zoshchenko)]. Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal, 3(28). (In Russian)

Поступила в редакцию 30.03.2026 г.

HUMOUR AND SATIRE IN SMALL GENRES BY M. ZOSHCHENKO IN THE FIRST HALF OF THE 1930S: FROM THE DOMESTIC TO THE SOCIAL

V.V. Gorbunov

The contribution addresses humour and satire in small genres by M. Zoshchenko in the first half of the 1930s as a means of artistic reflection on everyday life. The relevance of the research is determined by the need to analyze the satirical discourse of the writer in order to identify the psychological mechanisms of the characters' behaviour. In the course of the research, analysis and synthesis, the method of continuous sampling, stylistic, and cultural-historical analysis have been applied. Satirical techniques are conventionally classified into several groups: everyday situations and conflicts; images of bureaucratic characters; speech and behavioral stereotypes of the characters; elements of ideological absurdity. As a result, the specifics of the transformation of everyday plots into a broader social context have been revealed, i.e. humour and satire act as a means of understanding human weaknesses and deformations of everyday behaviour, creating an ironic distance between the author and the depicted reality, and encouraging the reader to critically comprehend life phenomena.

Keywords: humour, satire, small genres, «little man», household themes, bureaucracy, psychological analysis of characters, artistic technique, satirical discourse

Горбунов Виталий Владимирович.
Луганский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г.Луганск.
Аспирант.
ORCID 0009-0000-6832-9898
E-mail: vitalijgorbunov608@gmail.com

Gorbunov Vitaly Vladimirovich.
Lugansk State Pedagogical University,
Russian Federation, Lugansk.
Post-graduate student.
ORCID 0009-0000-6832-9898
E-mail: vitalijgorbunov608@gmail.com

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.22071004

РОЛЬ МЕДИАДИСКУРСА В ОБОГАЩЕНИИ КОРПУСА СВЕРХСЛОВНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ: РЕПОРТАЖИ ВОЕНКОРОВ С ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ

© 2026 ***Д. А. Новиков***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова»
ORCID 0000-0003-1340-6942

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается медиадискурс военных корреспондентов периода специальной военной операции на Украине как пространство формирования и закрепления новых сверхсловных единиц военной тематики. Материалом исследования послужили публикации проекта «Военкоры», размещённые в ежедневном печатном и электронном издании «Комсомольская правда», включающие тексты Александра Коца, Дмитрия Стешина и Григория Кубатьяна. Выявляются структурные типы сверхсловных образований, описываются механизмы их семантической трансформации и устанавливаются условия их воспроизводимости в медиатексте. Показано, что регулярная воспроизводимость данных единиц в сходных коммуникативных ситуация приводит к их семантической конденсации и переходу в разряд устойчивых элементов современного военного лексикона. Сопоставительный анализ индивидуальных речевых стратегий корреспондентов позволил установить степень вариативности языковой репрезентации боевой реальности при сохранении общих функционально-прагматических характеристик. Автор приходит к выводу о кодифицирующей роли фронтовой журналистики в развитии актуального пласта русского языка, о значимости медиадискурса как фактора неофразеологизации в условиях вооружённого конфликта.

Ключевые слова: медиадискурс, военная журналистика, специальная военная операция, сверхсловная единица, неофразологизация, вторичная номинация, военный лексикон, фронтовой репортаж.

Для цитирования: Новиков Д.А. Роль медиадискурса в обогащении корпуса сверхсловных неологизмов: репортажи военкоров с полей сражений / Д.А. Новиков // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 188–200. —https://doi.org/10.5281/zenodo.22071004

Введение. В условиях расширения медиапространства и усложнения форм публичной коммуникации особую значимость приобретает лингвистическое осмысление военной сферы как специфического сегмента современного речевого общения. Вооружённое противостояние, официально именуемое *специальной военной операцией на Украине*, было объявлено Президентом Российской Федерацией Владимиром Владимировичем Путиным 24 февраля 2022 года [25]; в официальных формулировках её целями обозначены защита населения Донбасса, а также демилитаризация и денацификация Украины от неонацистов, которые находятся у государственной власти на протяжении последних десятилетий. Данные целевые установки, транслируемые в публичном дискурсе, задают рамку интерпретации происходящего и определяют характер номинаций, используемых в медиапространстве. С момента начала операции военные действия сопровождаются интенсивным информированием, в рамках которого формируется особый тип текстовой продукции, сочетающей элементы оперативной сводки, аналитического комментария и

идеологически маркированного нарратива. Существенную роль в этом процессе играют фронтовые журналисты, чья профессиональная деятельность протекает в непосредственной близости к зоне боевых действий и ориентирована на оперативное освещение происходящего для массовой аудитории. Их публикации представляют собой не только источник фактических сведений, но и пространство активных языковых преобразований, в котором закрепляются новые номинативные единицы, трансформируются устойчивые обороты и создаётся актуальный пласт военной лексико-фразеологической системы.

Медиапрактика военных корреспондентов демонстрирует взаимодействие нескольких функциональных подсистем языка: специальной военной терминологии, общеупотребительной лексики, разговорно-оценочных средств и публицистических приёмов. Подобная интеграция обусловливает возникновение сверхсловных единиц, отличающихся устойчивостью, воспроизводимостью, семантической целостностью и структурной оформленностью. В репортажах, аналитических заметках и авторских колонках формируются единицы, которые постепенно утрачивают ситуативную привязку и переходят в разряд закреплённых единиц военной тематики. Тем самым осуществляется процесс неофразеологизации, сопровождаемый вторичной номинацией и смысловой переработкой исходных компонентов.

Показательным материалом в данном отношении служат публикации проекта «Военкоры», размещённого на платформе издания «Комсомольская правда» [14], где регулярно публикуются репортажи Александра Коца, Дмитрия Стешина и Григория Кубатьяна. Их тексты отражают специфику речевого поведения в экстремальных условиях и позволяют проследить механизмы формирования устойчивых оборотов, связанных с описанием боевой обстановки, характеристикой участников событий и оценкой происходящего на фронте. Подобные языковые образования функционируют как элементы актуального военного лексикона и выступают средством концептуализации действительности.

Научная актуальность исследования определяется необходимостью системного анализа процессов образования и закрепления новых сверхсловных единиц в медиасреде, связанной с военной тематикой. В отечественном языкознании разработаны теоретические основания изучения фразеологии, деривации и дискурса, однако динамика формирования сверхсловных единиц в условиях интенсивной информационной циркуляции требует дополнительного осмысления. Особого внимания заслуживает роль журналистской практики как механизма распространения и нормативного закрепления речевых новообразований. Рассматриваемые языковые явления отражают изменения в способах интерпретации вооружённого конфликта, трансформацию оценочных установок и формирование коллективных представлений о воинской деятельности. Через систему номинаций, метафорических моделей и устойчивых сочетаний создаётся определённая картина происходящего, закрепляются ценностные ориентиры и формируется общедоступный понятийный аппарат, связанный с военной сферой. Анализ таких единиц позволяет выявить тенденции развития современного русского языка в условиях актуальной общественно-политической ситуации.

Объектом нашего исследования выступает медиадискурс фронтовых журналистов периода специальной военной операции; предметом — условия и закономерности появления новых сверхсловных языковых единиц военной тематики, функционирующие в публикациях спецкоров. Цель исследования состоит в выявлении роли данной коммуникативной среды в формировании, структурной организации и фиксации указанных единиц, а также в описании их семантических и

функционально-прагматических характеристик. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении публикаций военкоров как среды языковой номинации, где осуществляется активное формирование и закрепление новых сверхсловных оборотов военной тематики.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу составили публикации военных корреспондентов, размещённые в печатной и сетевой версиях издания «Комсомольская правда», а также в иных федеральных и региональных средствах массовой информации, освещающих события специальной военной операции на Украине. В корпус анализа включены репортажи, аналитические статьи, авторские комментарии и интервью, опубликованные в период активной фазы конфликта. Отбор материала осуществлялся по тематическому принципу с учётом наличия в текстах сверхсловных единиц военной направленности.

В качестве основных использованы описательный и структурно-семантический методы, направленные на выявление состава, внутренней организации и смысловой целостности сверхсловных единиц. Применяется также контекстуальный анализ, позволяющий установить особенности функционирования рассматриваемых неообразований в различных коммуникативных ситуациях. Элементы компонентного анализа оказались продуктивными при определения семантической структуры и характера переосмысления исходных лексем. Сопоставительный подход обеспечил обнаружение сходств и различий между новыми образованиями и традиционными фразеологическими моделями русского языка. В ряде случаев производились количественные подсчёты, позволившие установить частотность употребления отдельных единиц и степень их закреплённости в медиапрактике.

Методологическую основу исследования составляют положения теории дискурса, функциональной стилистики, современной фразеологии и дериватологии, разработанные в отечественной лингвистической традиции. Комплексное применение указанных методов и приёмов помогло объективно оценить процессы формирования и фиксации новых сверхсловных единиц военной тематики в медиадискурсе фронтовых журналистов.

Основная часть. Современная лингвистика трактует *дискурс* как многомерное коммуникативное образование, выходящее за рамки собственно текста. Его понимание варьируется в зависимости от исследовательской парадигмы: одни концепции сосредоточены на структурно-текстовой организации, другие — на социокультурных и прагматических факторах [1; 3; 5; 6; 7; 8; 10]. В работах Н.Д. Арутюновой дискурс «соотносится с текстом связной речи» [11, с. 136], однако подобное определение не охватывает всей совокупности внеязыковых условий, задающих функционирование высказывания в конкретной ситуации общения. Текст как результат речевой деятельности не исчерпывает коммуникативного события, включающего участников взаимодействия, их социальные роли, целевые установки и нормативные ограничения. Более продуктивной представляется интерпретация дискурса как «единства вербальной реализации и коммуникативного акта» [2, с. 46]. В этом контексте показательны идеи М. Фуко, рассматривавшего дискурсивные практики как «систему правил, регулирующих производство и циркуляцию знаний» [9, с. 59, 167]. Таким образом, речь идёт не просто о форме языковой организации, а о механизме социального конструирования.

Разнообразие подходов обусловило формирование нескольких типологических моделей дискурсов. Основания классификации варьируются: учитываются канал передачи информации, форма репрезентации, социальная сфера функционирования, целевая направленность и характер адресации. В отечественной традиции особое значение имеет концепция В.И. Карасика, разграничивающего персональный и

социально-ролевой (статусно-ориентированный) типы общения [4, с. 331]. Критерием выступают статус участников и степень нормативной регламентации речевого поведения. Военный формат коммуникации относится именно к статусно-детерминированной разновидности, поскольку реализуется в рамках организованной системы профессионального взаимодействия и обслуживает задачи оборонной сферы. Природа данного типа общения проявляется в тематической целостности, жанровой закреплённости и концептуальной организованности. Тематический компонент соотнесён с военной деятельностью; жанровый выражается в устойчивых формах — приказах, уставах, отчётах, аналитических обзорах; концептуальный отражает систему профессиональных ценностей и нормативов. С функциональной точки зрения данная коммуникативная сфера сочетает регламентирующую и интерпретационную направленность: одни тексты обеспечивают управление и координацию действий, другие — осмысление происходящего и формирование общественного представления о военной реальности.

Собственно языковая специфика военного общения определяется терминологической насыщенностью, стандартизированностью формулировок и стремлением к однозначности. Специальная лексика, аббревиатуры и сверхсловные языковые единицы обеспечивают точность передачи информации и минимизируют риск смысловых расхождений. Коммуникативная конфигурация характеризуется деперсонифицированным субъектом речи при функционально конкретизированном адресате, что предопределяет лаконизм, композиционную чёткость и высокую информационную плотность текста. Дополнительной особенностью выступает стратегическая имплицитность, обусловленная требованиями безопасности: значительная часть содержания может передаваться косвенно, посредством профессиональных кодов и контекстуальных указаний.

В условиях специальной военной операции на Украине особое место занимает медиадискурс военных корреспондентов, который представляет собой пересечение профессионально-военной и журналистской речевых практик. Эта разновидность коммуникации формируется в ситуации двойной адресации: автор, находясь в зоне боевых действий и взаимодействуя с военнослужащими и представителями командования, одновременно ориентирован на массового адресата федерального медиапространства. Подобное положение обусловливает синтез официально-делового, публицистического и разговорно-профессионального начал. Терминологическая точность сочетается здесь с повествовательной развёрнутостью, оперативность сообщения — с оценочной модальностью.

Именно в медиапространстве происходит активная переработка военного лексикона: специализированные наименования получают расширенное употребление, формируются сверхсловные единицы, закрепляются модели описания боевой обстановки. В результате возникает особая речевая среда, в пределах которой осуществляется не только фиксация фактических данных, но и их концептуальное осмысление. Журналистский текст становится инструментом новых сверхсловных образований и их включения в современную языковую практику. Военный дискурс как статусно-детерминированная форма профессионального общения и медиадискурс фронтовых корреспондентов как его публичная репрезентация образуют взаимосвязанную систему. Первая обеспечивает нормативность и терминологическую строгость, вторая — динамику, интерпретацию и распространение языковых новаций. Их взаимодействие демонстрирует, каким образом профессиональная речевая практика

трансформируется в фактор языкового развития, формируя сверхсловные неологизмы описания военной действительности.

Эмпирической базой анализа выступают материалы проекта «Военкоры» на платформе периодического издания «Комсомольская правда» — федерального средства массовой информации, обладающего устойчивой аудиторией и высокой степенью институционального доверия. В рамках данного проекта регулярно публикуются репортажи, аналитические обзоры и интервью, подготовленные военными корреспондентами, находящимися непосредственно в зоне проведения специальной военной операции. Среди них — *Александр Коц*, *Дмитрий Стешин* и *Григорий Кубатьян*. Все трое являются профессиональными журналистами с многолетним опытом работы в горячих точках; их тексты формируются в условиях непосредственного присутствия на линии боевого соприкосновения, что придаёт их материалам документальную насыщенность и специфическую языковую окраску.

Александр Игоревич Коц (1978 г. р.) — специальный корреспондент, освещающий боевые действия с передовых позиций, автор аналитических публикаций, в которых подробно реконструируется оперативная обстановка. Его тексты характеризуются высокой плотностью специальной лексики и тенденцией к системной репрезентации тактических процессов. В материалах фиксируются сверхсловные языковые единицы типа *огневое поражение противника*, *контрбатарейная борьба*, *тактическая инициатива*, *штурмовые подразделения*, *укреплённый район*, *опорный пункт*, а также *рейд по вражескому тылу*, *зона боевого соприкосновения* и *позиционная борьба*. Например, в статье о дерзкой операции морпехов, угнавших бронемашины ВСУ и совершивших *рейд по вражескому тылу*, автор подробно описывает постановку задачи, манёвры и действия штурмовых групп в *зоне боевого соприкосновения* (см. «“Заезжали на ту сторону”: Военкор Коц рассказал о дерзкой операции…» [12]). Употребление оборотов типа *опорный пункт* и *успешное огневое поражение по обнаруженной цели* отражено в репортаже о боевой обстановке на приграничье, где артиллерийские расчёты нанесли огневое поражение по вражеским позициям, а *укреплённые позиции* были взяты *штурмовыми группами* (см. «Курская область, обстановка 28 марта…» [13]). В современной сводке ситуаций автор обсуждает *позиционную борьбу за каждый рубеж*, критикуя заявления о *тактической инициативе* соперника и противопоставляя их реальной обстановке на фронте: «*На бумаге — “инициатива перехвачена”, на земле — грязь, битые роты, тяжёлая позиционка за каждую посадку*» (см. «“Раскатали губу”: Военкор Коц разоблачил ложь…» [19]).

Указанные сверхсловные единицы представлены именными моделями с атрибутивным распространением, где стержневой компонент сохраняет терминологическое значение, а зависимый элемент конкретизирует функциональный аспект. Частотность употребления данных сверхсловных единиц в репортажах свидетельствуют об их стабильной и системообразующей роли в военном дискурсе корреспондента: они регулярно включаются в заголовочные комплексы, основные текстовые блоки и описания тактических эпизодов без дополнительных пояснений, функционируя как элементы специализированного репортажного словаря. Подобная воспроизводимость и отсутствие необходимости в разъяснении значения указывают на их институционализацию и закреплённость в профессионально ориентированной медиакоммуникации. В ряде публикаций автор описывает *выход подразделений на оперативный простор*, *взятие населённого пункта под контроль*, *расширение плацдарма*, что демонстрирует процесс семантической конденсации: словосочетание начинает обозначать целостную совокупность тактических действий без их детальной

расшифровки. Ср.: «*Удалось нанести противнику максимальное* ***огневое поражение****. Хочу отдельно отметить подразделения артиллерии и БПЛА, которые нанесли врагу* ***сокрушительный удар****, что позволило нам двинуться вперед*» [15]; «*Когда приходится наносить* ***огневое поражение*** *и живой силе, и технике, сожаления не испытываю. Это необходимая боевая работа, без этого войну не выиграть*» [20]; «*Это* ***главный опорный пункт*** *противника на нашем направлении, — поясняет «Баркас». Недооценивать его нельзя, враг упирается, поддерживает свои подразделения артиллерией. Но мы считаем эту землю исконно русской*» [16]; «*Десантники двойками и тройками отрабатывают штурм* ***опорного пункта****, который им вскоре предстоит брать в реальности*» [17]; «*Комплексное огневое поражение поддержало продвижение* ***штурмовых групп***» [18]. В каждой из приведённых выдержек сочетания *огневое поражение*, *опорный пункт*, *штурмовые группы* функционируют как специализированные сверхсловные единицы, представляющие конкретные тактические действия и элементы боевого процесса. Они не сводятся к сумме входящих в их состав лексем, а выступают как целостные номинативные комплексы, обладающие устойчивой семантикой и закреплённой сферой употребления в военной тематике.

Дмитрий Анатольевич Стешин (1972 г. р.) — специальный военный корреспондент «Комсомольской правды», на протяжении многих лет работающий в зоне боевых действий и формирующий репортажную хронику непосредственно с линии фронта. Его тексты, опубликованные в тематическом разделе военных материалов издания, демонстрируют устойчивую систему сверхсловных единиц, которые структурируют пространство боя, задают опорные точки повествования и формируют узнаваемый фронтовой словарь автора. В отличие от публицистически насыщенной аналитики, его стиль тяготеет к репортажной конкретике, где повторяемые словесные комплексы выполняют функцию тактической навигации и пространственной маркировки.

Одной из наиболее частотных и концептуально значимых единиц в текстах Стешина является сочетание *передовой край* и его вариативные формы — *на передовой*, *на передке*, *передовая*, *транспортёр передового края*. В репортаже «Вера и чудеса на передовой: “Назвали наш батальон”» (07.02.2023) автор пишет: «*…ранним утром неприметно-грязный микроавтобус покинул Донецк, экипаж везёт меня* ***на передовую****, где разворачиваются события*» [27]. Здесь *передовая* функционирует как ёмкая пространственная формула, обозначающая не просто географическую точку, а зону предельной концентрации риска и боевого напряжения. В материале «В бой идут “одуванчики” и роботы: репортаж о технике переднего края» (30.01.2026) встречается конкретизированная единица: «*Это наше “****марьинское такси****”, — объяснил мне авиаштурмовик “Сокольничий”, — обычная “мтлбэха” (МТЛБ — или “****транспортёр переднего края****”, очень легкобронированная машина, практически без вооружения. — Авт.), только её от дронов закрыли экранами и “мангалами”*» [29]. В данном случае устойчивое сочетание закрепляет связь между техникой и пространством непосредственного боевого соприкосновения, превращаясь в терминологически окрашенный маркер функциональной принадлежности.

Не менее значимой для репортажного корпус Стешина является единица *линия боевого соприкосновения*. В аналитическом материале «Командиры в блиндажах-телестудиях, а штурмовики на мотоциклах: как спецоперация перевернула всю картину современного боя» (21.01.2025) автор фиксирует: «*Ещё три года назад сказать обычному пехотному командиру, что у него ЛБС (****линия боевого соприкосновения****) будет шириной в 10-15 километров, причём круглосуточно и без физического присутствия противника — не поверит, сочтёт безумцем*» [28]. Сочетание

обозначает протяжённое пространство фронта, где сталкиваются вооружённые силы, и выполняет функцию более масштабной рамки по отношению к *переднему краю*. Если *передний край* локализует точку действия, то линия боевого соприкосновения задаёт горизонтальную протяжённость конфликта, расширяя оптику повествования.

В ряде текстов Стешин использует устойчивые пространственные и позиционные фразы, такие, как *позиции врага*, *на позициях*, *отступили в бункеры*. В публикации «Украинские войска отступили под Донецком в бункеры: всё забетонировано, даже двери стальные» (05.07.2022) [26] описывается перемещение противника в укреплённые укрытия; здесь единица *позиции врага* является регулярной номинацией дислокации противостоящей стороны. Повторяемость подобных конструкций в разных текстах формирует устойчивую картину фронтового ландшафта, где пространство членится на позиции, *передовые участки*, *линии соприкосновения* и *тыловые зоны*.

Особый интерес представляют сочетания, возникающие в результате взаимодействия официальной военной терминологии и фронтового обихода. В уже упомянутом материале о технике автор фиксирует выражение *марьинское такси*, которым бойцы обозначают *транспортёр переднего края*. Это сочетание, находясь на стыке разговорной и профессиональной речи, демонстрирует процесс частичной фразеологизации: номинация закрепляется за конкретным типом машины и одновременно отражает локальный опыт подразделения. Таким образом, в репортажах Дмитрия Стешина сосуществуют официальные наименования (линия боевого соприкосновения, позиции противника) и полуироничные фронтовые обозначения, образующие живую речевую ткань повествования.

Повторяемость перечисленных сверхсловных единиц в публикациях ежедневной общественно-политической газеты «Комсомольская правда» свидетельствует о формировании у автора устойчивого неофразеологического ядра. Эти обороты не требуют развёрнутых пояснений и функционируют как самоочевидные маркеры тактической ситуации. Их семантика основана преимущественно на пространственной конкретизации: *передний край* — ближайшая к противнику точка; *линия боевого соприкосновения* — протяжённая граница столкновения; *позиции* — закреплённые участки размещения войск; *транспортёр переднего края* — техника, предназначенная для действий в непосредственной зоне огня. В совокупности они образуют каркас репортажной картины боя, в которой пространство выступает главным организующим принципом.

Таким образом, анализ публикаций Дмитрия Анатольевича Стешина в «Комсомольской правде» позволяет говорить о формировании в его текстах устойчивой системы сверхсловных единиц, выполняющих функции пространственной маркировки, тактической конкретизации и стилистической унификации фронтового нарратива. Эти сочетания, будучи регулярно воспроизводимыми, переходят из разряда ситуативных описаний в категорию узнаваемых репортажных составляющих, формирующих индивидуальный языковой профиль автора в медиадискурсе военной журналистики.

Григорий Степанович Кубатьян (1977 г. р.) — специальный военный корреспондент (2024–наст. вр.) газеты «Комсомольская правда», сочетающий профессиональную журналистскую деятельность с опытом работы в зоне боевых действий. Его материалы размещаются в тематическом разделе военной журналистики издания, а на авторской странице [21] представлен корпус публикаций, позволяющий выявить устойчивые черты его речевой манеры.

Анализ текстов Кубатьяна показывает, что его фронтовой дискурс выстраивается преимущественно не на индивидуально-авторской метафорике, а на повторяющихся

оборотах, возникающих в описаниях боевых эпизодов и в передаче речи военнослужащих. Эти конструкции выполняют функцию типизированных речевых моделей, фиксирующих тактическое действие, эмоциональное состояние и документально удостоверяемую деталь происходящего. В них органично соединяются элементы профессиональной военной лексики и конкретика репортажного повествования.

Характерным является употребление глагола *работать* в сочетаниях, описывающих активность подразделений и техники. В статье «Мы живём в совсем другой России, но главные перемены оказались внутри людей: Как нас изменила спецоперация» (24.02.2025) автор отмечает: «*Ведь даже если дрон всего лишь разведывательный, после его полёта* ***начинает работать*** *вражеская* ***артиллерия***» [22]. Оборот *начинает работать* выступает как стандартизированное обозначение огневой активности. Он лишён образной избыточности, однако отличается высокой семантической концентрацией: за лаконичным глагольным сочетанием скрывается комплекс боевых действий и их последствий. Подобная языковая экономия свидетельствует о стремлении к точной и сжатой передаче динамики боя.

Значимое место в текстах занимает лексема *передовая* и её контекстуальные варианты. Она используется как нейтральное обозначение пространства непосредственного боевого соприкосновения и задаёт пространственную рамку повествования. В заголовке «Молятся в самодельной церкви и рассказывают о чудесах: как российские бойцы встречают Рождество на СВО» (07.01.2026) [23] коммуникативная перспектива строится изнутри фронтового пространства, через призму личного опыта его участников. Тем самым создаётся эффект присутствия, а обозначение передовой превращается в структурный центр повествовательной картины.

Особого внимания заслуживают оценочные номинации типа *герой-беспилотники*, представленные в заголовке «Хозяева неба в зоне спецоперации: как герои-беспилотники отряда "Кайра" производят и поднимают в воздух стаи дронов» (13.01.2026) [24]. Сложное слово с компонентом *герои-* образует устойчивую модель именования, объединяющую социальную роль и нравственную оценку. Такое соединение усиливает экспрессивность текста, сохраняя при этом фактическую конкретность. Модель оказывается продуктивной и способной к воспроизводству в аналогичных контекстах.

Существенную роль в организации текста играют глагольные конструкции действия — *спасают людей*, *побывал*, *пообщался с бойцами*, *поднимают дроны*, *идут бои*. Эти формы создают динамический каркас повествования. Они не детализируют процесс, а обозначают факт и направленность действия, придавая тексту ритм и внутреннюю напряжённость. Подобная концентрация на глагольной семантике обеспечивает ощущение движения и соответствует жанровым требованиям фронтового репортажа. Выявленные сверхсловные единицы — *начинает работать артиллерия*, *герои-беспилотники* и пр., а также повторяющиеся глагольные сочетания — образуют систему устойчивых речевых опор. Они не обладают ярко выраженной тропеичностью и редко выходят за пределы прямого значения, однако при регулярном воспроизведении приобретают признаки фразеологизированных комплексов. Их коммуникативная функция заключается в смысловой компрессии: сложная тактическая ситуация передаётся через лаконичное словесное обозначение, доступное массовому читателю.

Таким образом, стиль Григория Степановича Кубатьяна отличается прагматичностью и документальной направленностью. Его тексты демонстрируют стабильность определённых синтаксических и лексических моделей, посредством которых фронтовая реальность репрезентируется через повторяющиеся конструкции

действия и оценки. Эти языковые средства обеспечивают структурную целостность и смысловую насыщенность репортажей, формируя особый тип повествования, в котором профессиональный военный словарь органично интегрируется в пространство современной медиакоммуникации.

Сопоставительный анализ речевых стратегий Александра Коца, Дмитрия Стешина и Григория Кубатьяна позволяет выявить различные модели организации фронтового медиадискурса при общей жанровой принадлежности к военной журналистике. Несмотря на тематическое сходство и работу в одном медиапространстве, их тексты демонстрируют неодинаковую степень авторской вовлечённости, разную функциональную нагрузку сверхсловных единиц и различные способы освещения боевой реальности.

Повествовательная позиция Александра Коца характеризуется выраженной субъективной включённостью. Его репортажи строятся как речь очевидца, активно интерпретирующего происходящее. В текстах заметна авторская «я-позиция», что усиливает эффект присутствия и создаёт интонацию личного свидетельства. Сверхсловные единицы у Коца нередко обладают экспрессивно-оценочной окраской: они не только обозначают боевые действия или их участников, но и задают эмоциональную перспективу восприятия событий. Повторяющиеся обороты выполняют интерпретационную функцию, формируя у читателя определённое отношение к описываемому. Дмитрий Стешин выстраивает повествование иначе: фронтовой эпизод у него часто включён в более широкий историко-культурный и мировоззренческий контекст. Его дискурс тяготеет к концептуализации, к осмыслению происходящего через призму цивилизационных и идеологических координат. Устойчивые сочетания в его текстах нередко приобретают характер публицистических формул, в которых конкретная ситуация становится знаком более масштабного противостояния. Сверхсловные единицы здесь выполняют функцию осмысления смыслового обобщения: они не столько фиксируют отдельный факт, столько маркируют его место в общей картине исторического конфликта. На этом фоне стиль Григория Куботьяна выглядит более сдержанным и документально ориентированным. Его повествование минимизирует авторскую интерпретацию и концентрируется на фиксации действия, пространства и речи непосредственных участников событий. Сверхсловные единицы в его текстах, как правило, лишены ярко выраженной тропеичности и экспрессии; они представляют собой функциональные речевые блоки, описывающие тактическую активность, степень опасности или профессиональную роль бойцов. Повторяющиеся глагольные конструкции, пространственные указатели и оценочно-номинативные сочетания образуют систему устойчивых моделей, обеспечивающих смысловую компрессию сложной боевой ситуации. В отличие от Коца и Стешина, у которых сверхсловные единицы часто интерпретируют реальность, у Кубатьяна они преимущественно фиксируют её. Различия проявляются и в организации глагольной динамики. Все три автора активно используют глагольные конструкции, что обусловлено жанром фронтового репортажа, ориентированного на передачу действия. Однако у Коца глагольность сопровождается эмоционально-оценочными компонентами, усиливающими воздействующий эффект: у Стешина — риторической обобщённостью и символическим подтекстом; у Кубатьяна — предельной функциональностью и конкретностью. Его глаголы чаще обозначают сам факт действия без расширенной интерпретации, создавая ощущение оперативной документальной записи.

Таким образом, при внешнем тематическом единстве формируются три различные стилистические модели. Дискурс Коца можно определить как эмоционально-окрашенный, Стешина — как концептуально-публицистический, а

Кубатьяна — как документально-репортажный. Соответственно различается и природа сверхсловных единиц: у первых двух авторов они часто выполняют функцию интерпретации и идеологической маркировки, тогда как у Кубатьяна служат инструментом лаконичной фиксации боевой реальности. Это различие позволяет говорит о вариативности фронтового медиадискурса внутри одного институционального поля и о существовании нескольких устойчивых стратегий языкового представления военного опыта.

Заключение. Проведённое исследование позволило комплексно охарактеризовать медиадискурс военных корреспондентов периода специальной военной операции как активную зону языковой динамики, в пределах которой формируются, стабилизируются и институционально закрепляются новые сверхсловные единицы военной тематики. Анализ публикаций проекта «Военкоры» в ежедневной газете «Комсомольская правда» подтвердил, что журналистская практика в условиях вооружённого конфликта выполняет не только информативную, но и кодифицирующую функцию, становясь механизмом вторичной номинации и смысловой переработки профессионально-военного материала.

В ходе исследования установлено, что корпус сверхсловных единиц, функционирующий в текстах Александра Коца, Дмитрия Стешина и Григория Кубатьяна, обладает чёткой структурной организацией и может быть систематизирован по ряду типов: терминологические именные обороты с атрибутивным распространением; глагольно-именные конструкции с абстрагированным значением действия; метафорические перифразы; формульные высказывания модально-оценочного характера. Эти образования характеризуются воспроизводимостью, семантической целостностью и функциональной специализацией, что позволяет рассматривать их как переходные формы между свободным словосочетанием и фразеологической единицей.

Семантический анализ выявил закономерные процессы метафоризации, метонимизации, абстрагирования и оценочной переакцентуации, сопровождающие становление новых сверхсловных языковых единиц. Установлено, что регулярное употребление в сходных коммуникативных условиях ведёт к семантической конденсации: сверхсловный оборот начинает обозначать целостную тактическую ситуацию без её развёрнутого описания. Тем самым достигается эффект смысловой компрессии, необходимый в жанре фронтового репортажа и отвечающий требованиям оперативности. Сопоставительный аспект исследования позволил выявить вариативность авторских стратегий внутри единого институционального пространства. Дискурс Александра Коца характеризуется аналитической системностью и интерпретационной насыщенностью; тексты Дмитрия Стешина демонстрируют пространственную обобщённость; материалы Григория Кубатьяна отличаются документальной конкретикой и прагматической лаконичностью. Несмотря на различия, во всех трёх случаях сверхсловные единицы выполняют сходные функции: номинативную, интерпретационную, консолидирующую и оценочную. Их совокупность формирует устойчивое неофразеологическое ядро современного военного медиадискурса.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую во введении гипотезу о том, что медиасреда фронтовой журналистики является пространством интенсивной языковой деривации. В условиях вооружённого конфликта происходит активизация механизмов вторичной номинации, структурной стабилизации и нормативного закрепления новых сверхсловных единиц военной тематики. Публикации военных корреспондентов становятся каналом трансляции профессионально-военного лексикона

в массовое языковое сознание, способствуя формированию актуального понятийного аппарата, связанного с описанием боевой действительности.

Таким образом, медиадискурс военной корреспондентов периода специальной военной операции на Украине выступает не только как отражение текущих событий, но и как фактор развития современного русского языка. Формирование и закрепление сверхсловных единиц военной тематики свидетельствуют о высокой адаптивности языковой системы к экстремальным условиям коммуникации и подтверждают значимость лингвистического анализа медиатекстов как источника данных о динамике национального языка в военных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В. С. Григорьева; М-во образования и науки Российской Федерации, ГО ВПО «Тамбовский гос. Технический ун-т». — Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. — 287 с.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация = Познание: сборник работ / Т. А. ван Дейк; составление В. В. Петрова; пер. с англ. Яз. Под ред. В. И. Герасимова; вступ. Ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. — Москва: Прогресс, 1989. — 310 с
3. Йоргенсен Марианне В. Дискурс-анализ: Теория и метод / Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — 350 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик; Науч.-исслед. Лаб. «Аксиол. Лингвистика». — Москва: ГНОЗИС, 2004 (ГУП Смол. Обл. тип. Им. В.И. Смирнова). — 389 с.
5. Каримова Р. А. Семантико-структурная организация текста: (На материале устных спонтанных и письменных текстов) / Башкирский государственный университет. — Уфа: Башк. Ун-т, 1991. — 154 с.
6. Кибрик А. Е. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни; с предисл. А. П. Ершова. — Москва: Наука: Главная редакция физико-математической литературы, 1987. — 198 с.
7. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: лекц. курс / В. В. Красных. — Москва: Гнозис: Кучково поле, 2001. — 269 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва: Гнозис, 2003. — 276 с.
9. Фуко М. Археология знания = L'Archéologie du savoir / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. — Санкт-Петербург: Гуманитарная акад., 2012. — 415 с.
10. Якобсон Р. Тексты, документы, исследования = Roman Jakobson: Texts, documents, studies / Российский гос. Гуманитарный ун-т, Ин-т высш. Гуманит. Исслед.; ред. Кол.: Х. Баран (отв. Ред.) и др. — Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. — 918 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. Совет изд-ва «Сов. Энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР; Гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва: Сов. Энцикл., 1990. — С. 136–137.
12. Гапчук С. «Заезжали на ту сторону»: Военкор Коц рассказал о дерзкой операции морпехов, угнавших два Хамви ВСУ, в тылу врага [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 31.01.2026. — Режим доступа: https://www.kp.ru/online/news/6795621/ (дата обращения: 24.02.2026).
13. Демченко В. Обстановка в Курской области на 28 марта: В какое положение загнали наши войска боевиков в Гуеве, кого бросают на передовую ВСУ и что о спела об операции «Поток» Вика Цыганова [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 28.07.2025. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27679.5/5067685/ (дата обращения: 18.01.2026).
14. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.kp.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).
15. Коц А. Задача солдат — чтобы дети не плакали в подвалах: первый репортаж из освобождённых сёл Курской области, где тяжело давался каждый метр [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 08.03.2025. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27670.5/5059078/ (дата обращения: 18.01.2026).
16. Коц А. «Мы созданы именно для дерзких штурмовых действий»: Как наши бойцы освобождают исконно русские земли в Сумской области [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 16.06.2025. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27712.5/5100758/ (дата обращения: 23.01.2026).

17. Коц А. Как российские десантники двигают линию фронта к Сумам [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 24.06.2025. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27715/5104718/ (дата обращения: 25.01.2026).
18. Коц А. Кадры боев за «перешеек» между Красноармейском и Димитровом [Электронный ресурс] // Лента новостей Санкт-Петербурга, 08.12.2025. — Режим доступа: https://spbnews78.ru/incident/2025/12/08/157798.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.01.2026).
19. Коц А., Захаров В. «Раскатали губу»: Военкор Коц разоблачил ложь Зеленского и Сырского об успехах ВСУ [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 23.02.2026. — Режим доступа: https://www.kp.ru/online/news/6833554/ (дата обращения: 24.02.2026).
20. Коц А. Малые истребители большого неба: как дроны-перехватчики берегут наши подразделения под Красноармейском [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 24.02.2026. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27765/5213822/ (дата обращения: 25.02.2026).
21. Кубатьян Г. Комсомольская правда. Григорий Кубатьяна [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/author/831450/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 13.01.2026).
22. Кубатьян Г. Мы живём в совсем другой России, но главные перемены оказались внутри людей: Как нас изменила спецоперация [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 24.02.2025. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27664/5053125/ (дата обращения: 23.01.2026).
23. Кубатьян Г. Молятся в самодельной церкви и рассказывают о чудесах: как российские бойцы встречают Рождество на СВО [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 07.01.2026. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27747.5/5194178/ (дата обращения: 25.01.2026).
24. Кубатьян Г. Хозяева неба в зоне спецоперации: как герои-беспилотчики отряда «Кайра» производят и поднимают в воздух стаи дронов [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 13.01.2026. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27747/5195522/ (дата обращения: 01.03.2026).
25. Президент Российской Федерации. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина 24 февраля 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России, 24.02.2022. — Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 15.01.2026).
26. Стешин Д. Украинские войска отступили под Донецком в бункеры: Всё забетонировано, даже двери стальные [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 05.07.2022. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27414/4613183/ (дата обращения: 24.01.2026).
27. Стешин Д. Вера и чудеса на передовой: «Назвали наш батальон в честь святых — и тяжелых потерь больше нет» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 07.02.2023. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27462/4717455/ (дата обращения: 15.01.2026).
28. Стешин Д. Командиры в блиндажах-телестудиях, а штурмовики на мотоциклах: как спецоперация перевернула всю картину современного боя [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 21.01.2025. — Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27653/5038945/ (дата обращения: 20.01.2026).
29. Стешин Д.В бой идут «одуванчики» и роботы: Дмитрий Стешин — про пять технических новинок российской армии на СВО [Электронный ресурс] // Комсомольская правда, 31.01.2026. Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27756.5/5203476/ (дата обращения: 01.02.2026).

REFERENCES

1. Grigor'eva, V. S. (2007). Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskii i kognitivnyi aspekty [Discourse as an Element of the Communicative Process: Pragmatic and Cognitive Aspects]. Tambov: Tambov State Technical University Press. 287 p. (In Russian).
2. Van Dijk, T. A. (1989). Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress. 310 p. (In Russian).
3. Jorgensen, M. W., & Phillips, L. J. (2008). Diskurs-analiz: teoriia i metod [Discourse Analysis: Theory and Method]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr. 350 p. (In Russian).
4. Karasik, V. I. (2004). Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: Gnozis. 389 p. (In Russian).
5. Karimova, R. A. (1991). Semantiko-strukturnaia organizatsiia teksta (na materiale ustnykh spontannykh i pis'mennykh tekstov) [Semantic and Structural Organization of the Text (Based on Oral Spontaneous and Written Texts)]. Ufa: Bashkir State University Press. 154 p. (In Russian).
6. Kibrik, A. E., & Narin'iani, A. S. (Eds.). (1987). Modelirovanie iazykovoi deiatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh [Modeling of Language Activity in Intelligent Systems]. Moscow: Nauka. 198 p. (In Russian).
7. Krasnykh, V. V. (2001). Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii [Foundations of Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow: Gnozis; Kuchkovo pole. 269 p. (In Russian).

8. Makarov, M. L. (2003). Osnovy teorii diskursa [Foundations of Discourse Theory]. Moscow: Gnozis. 276 p. (In Russian).
9. Foucault, M. (2012). Arkheologiia znaniia [The Archaeology of Knowledge]. Saint Petersburg: Gumanitarnaia akademiia. 415 p. (In Russian).
10. Jakobson, R. (1999). Teksty, dokumenty, issledovaniia [Texts, Documents, Studies]. Moscow: Russian State University for the Humanities. 918 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 18.03.2026 г.

ROLE OF MEDIA DISCOURSE IN ENRICHING VOCABULARY WITH HYPERWORD NEOLOGISMS: WAR CORRESPONDENTS' REPORTS FROM THE BATTLEFIELD

D.A. Novikov

The article addresses the media discourse of war correspondents of the period of the special military operation in Ukraine as a space for the formation and consolidation of new supra-word units related to military sphere. The empirical corpus is constituted by publications of the *Voenkory project* in the daily print and electronic edition of *Komsomolskaya Pravda*. These include texts by Alexander Kotz, Dmitry Steshin and Grigory Kubatian. The structural types of supra-word formations are identified, with the mechanisms of their semantic transformation being described. The conditions for their reproducibility in the media text have been revealed. It is pointed out that the regular reproducibility of these units in similar communicative situations leads to their semantic compression and transition to the category of stable elements of the modern military lexicon. The comparative analysis of the correspondents' individual speech strategies enabled to establish the degree of variability of the linguistic representation of combat reality while maintaining common functional and pragmatic characteristics. The conclusion is made about the codifying role of frontline journalism in the development of the current stratum of the Russian language, about the importance of media discourse as a factor of neo-phraseologization in the context of armed conflict.

Key words: media discourse, military journalism, special military operation, supra-word unit, neophrasologization, secondary nomination, military lexicon, frontline report.

Новиков Денис Андреевич.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация.
Аспирант.
ORCID 0000-0003-1340-6942
E-mail: denis.novikov.98@bk.ru

Novikov Denis Andreevich.
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk, Russian Federation.
Post-graduate student.
ORCID 0000-0003-1340-6942
E-mail: denis.novikov.98@bk.ru

Научная статья
УДК 81’27 (45)
DOI: 10.5281/zenodo.22074035

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ В ИТАЛИИ В 1920–40-Е ГГ. XX В.

© 2026 А.С. Русинова
Автономная некоммерческая организация «Киностудия имени Николая Яковлевича Данилевского»
ORCID 0000-0003-4775-8356

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В данной статье автор ставит перед собой задачу разобраться в изменениях, произошедших в языковом аспекте итальянской культуры и в сфере итальянского образования в период 1920 — 1940-х годов, то есть в период установления фашистской диктатуры в Италии. Язык и, в частности, его речевая организация являются несомненным «несущим» элементом культурной системы общества. В статье анализируется, каким образом фашистское руководство страны продолжило данную тенденцию и внесло в неё изменения, сближая понятия «итальянизациии» и «фашизации». Автор приходит к выводу о том, что насильственные меры фашистской языковой политики не дали продолжительного ожидаемого результата в большой степени из-за неоднородности фашисткой пропаганды, повышения престижа иностранных заимствований в силу внешнеполитической послевоенной ситуации. Однако, заданный вектор лингвистической пурификации продолжал поддерживаться новым руководством страны: языковую политику поддерживали «снизу» распространение СМИ и внутренняя миграция, имевшие своим следствием необходимость знания и использования в ежедневной речи унифицированного итальянского языка.

***Ключевые слова*:** итальянский язык, речевая культура, стандартизация, фашизм, языковая пурификация, образовательная реформа, итальянизация.

Для цитирования: Русинова А.С. Речевая культура и образование в Италии в 1920–40-е гг. XX в. / А.С. Русинова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 201–210. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22074035.

Введение. Языковая политика тоталитарных режимов XX века представляет значительный научный интерес как инструмент конструирования новой социокультурной реальности. Итальянский фашизм (1922–1943 гг.) является характерным примером системного вмешательства государства в языковую сферу для создания «нового человека» и формирования гомогенного общества.

Несмотря на наличие работ, посвященных отдельным аспектам языковой политики режима Муссолини (Л.С. Белоусов, С. Раффаэли), комплексный анализ ее механизмов и эффективности остается недостаточно разработанным [1; с.11]. В частности, требуют изучения диалектика «созидательных» и репрессивных мер, а также долгосрочные последствия этой политики для современной итальянской лингвокультуры.

Материалы и методы исследования. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы истории, политологии и социолингвистики. В работе используются:

- Историко-описательный метод для систематизации фактов и мер языковой политики.
- Критический анализ дискурса для деконструкции идеологических посылов в правительственных директивах и публицистике.

- Метод case-study для глубокого анализа конкретных кейсов (например, кампания по замене местоимения Lei («Вы» в значении 2-го л. ед.ч.) или создание Словаря Итальянской академии).

Материалами служат лингвистические источники, историография и научные работы, оценивающие результаты и последствия данной политики.

После объединения Италии (1861 г.) вопрос национального языка стоял особенно остро. На Апеннинском полуострове и островах функционировали многочисленные диалекты и региолекты, столь отличные друг от друга, что жители разных провинций с трудом понимали друг друга. Литературный итальянский язык использовался преимущественно образованными слоями [7, p. 43]. Государство, начиная с реформ М. Коппино (1877 г.) и В. Орландо (1904 г.), пыталось внедрить единый язык через обязательное начальное образование, однако к 1910-м годам диглоссия оставалась доминирующей формой языкового существования. Именно в этой ситуации фашистское руководство провозгласило своей целью не только политическую и идеологическую, но и языковую унификацию страны, тесно связав «итальянизацию» с «фашизацией» [1, с. 42–43].

Степень изученности темы и теоретические лакуны. В отечественной историографии проблемы фашистского языка и языковой политики долгое время рассматривались в первую очередь в контексте критики буржуазной идеологии. Фундаментальное исследование Л.С. Белоусова [1] дает общее представление о механизмах «мобилизации сверху», но языковые аспекты не являются его приоритетом. Зарубежная наука продвинулась значительно дальше: работы С. Раффаэлли [11] и Ф. Форести [8] анализируют конкретные меры (радиопередачи, школьные предписания, контроль над лексикой). К. Мараццини [10] уделяет внимание истории словарей и роли Итальянской академии. А. Симонини [12] изучает «язык Муссолини» с точки зрения риторики и новообразований. Т. Де Мауро [7] показывает долгосрочные статистические последствия языковой унификации.

Тем не менее остаются недостаточно проясненными следующие вопросы:

– как сочетались «созидательные» (образовательные, нормализаторские) и «репрессивные» (запреты, замена местоимений, цензура) меры;

– почему, несмотря на интенсивные усилия режима, после войны уровень диглоссии практически не уменьшился (в 1951 г. значительная часть населения предпочитала диалект в быту) [7, p. 130–131];

– в какой степени фашистская языковая политика подготовила почву для послевоенной стандартизации итальянского языка под влиянием СМИ и внутренней миграции [7, p. 130–131].

Данная статья предлагает комплексный взгляд на эту проблему, рассматривая фашистскую языковую политику не как набор разрозненных запретов, а как целостный феномен, в котором образовательные реформы, пурификация лексики и борьба с «иностранными влияниями» составляли единую линию.

Цель и задачи исследования. Цель работы — выявить специфику и эффективность языкового планирования итальянского фашизма, а также определить его краткосрочные и долгосрочные результаты. Для достижения цели решаются следующие задачи:

1) реконструировать идеологические основания языковой политики, показав связь «итальянизации» и «фашизации» [5, с. 149];

2) проанализировать институциональные механизмы реализации — от реформы образования (Дж. Джентиле) [4, с. 44] до деятельности Министерства массовой культуры и Итальянской академии [10, p. 386–387];

3) рассмотреть конкретные меры в области лексики, орфоэпии, топонимики, кинематографа и радиовещания [11, p. 40; 13, p. 2014];

4) оценить степень успешности / неуспешности отдельных кампаний (замена иностранных слов, запрет местоимения Lei, дубляж фильмов и пр.);

5) сделать выводы о долгосрочных последствиях фашистской языковой политики для современного итальянского языка.

Хронологические и географические рамки. Исследование охватывает период с начала 1920-х гг. (приход фашизма к власти, первые образовательные эксперименты) до конца 1940-х гг., когда после падения режима были отменены наиболее одиозные запреты, но инерция языковой унификации продолжала действовать. Основное внимание уделяется собственно итальянской территории, включая спорные регионы (Альто Адидже, Венеция Джулия), где языковая политика приобретала особенно жесткие формы [8, p. 100].

Теоретическая и практическая значимость. Материалы статьи могут быть использованы в курсах по социолингвистике, истории итальянского языка, политологии, а также в исследованиях механизмов символической власти и языкового насилия. Выводы о соотношении принуждения и консенсуса в языковой политике актуальны для анализа современных языковых ситуаций, в которых государство пытается регулировать речевую практику [3, с. 99–101].

Научная новизна работы заключается в системном подходе к изучению языковой политики как целостного феномена, сочетавшего образовательные реформы, пурификацию языка и репрессивные меры, а также в акценте на противоречивые результаты этой политики — от очевидных провалов (запрет Lei) до длительного влияния на формирование языкового стандарта.

Структура статьи. После введения следуют разделы «Материалы и методы исследования», «Основная часть» (в которой последовательно рассматриваются институциональные механизмы, кампании по борьбе с иностранными словами, роль школы, радио, кино, топонимика и проблема местоимения Voi), «Заключение», а также список литературы.

Основная часть. Очевидно, что каждая эпоха, приносящая революционные историко-политические перемены, вносит изменения во всю культурную матрицу конкретного социума, а иногда и всего мирового сообщества. Эти изменения затрагивают не только сферу высокой литературы и искусства, но и массовое сознание, повседневные практики, язык, архитектуру, мемориальные ритуалы и даже способы конструирования гендерных ролей. Политические режимы, особенно тоталитарного типа, стремятся не просто управлять экономикой или подавлять оппозицию, но и полностью перекодировать систему ценностей, создав нового человека, чьи чувства, мысли и действия были бы синхронизированы с государственной идеологией.

Именно такую эпоху представляет собой крайне неоднозначный, противоречивый период 20–40-х гг. XX в.: время зарождения, становления и заката фашизма в Италии. Этот период уникален тем, что фашизм пришел к власти в Италии раньше, чем национал-социализм в Германии, и успел выработать собственные оригинальные формы культурной политики, которые затем частично копировались или осмыслялись другими диктатурами. Культурная матрица итальянского фашизма строилась на парадоксальном синтезе: обращении к славному римскому наследию (имперская архаика, латинская монументальность, римский салют) и одновременно на использовании самых современных авангардных техник — футуризма с его культом скорости, техники, войны и насилия. Этот синтез порождал глубокую противоречивость. С одной стороны, режим

Муссолини поощрял монументальное искусство, призванное демонстрировать могущество и порядок (например, новый город ЭУР в Риме или «Дворец итальянской цивилизации»). С другой стороны, фашизм долгое время терпимо относился к разным художественным течениям, стремясь привлечь на свою сторону интеллектуалов, однако к концу 1930-х годов, под влиянием союза с нацистской Германией и усиления расистской политики, эта относительная терпимость сменилась жесткой регламентацией, «расистским поворотом» и борьбой с «дегенеративным искусством».

Таким образом, период 1920–1940-х годов в Италии является не просто этапом политической истории, но и уникальным культурным феноменом, демонстрирующим, как революционные перемены могут трансформировать идентичность нации — от либеральной анархии искусства к дисциплинированному, милитаризованному и, в конечном счете, трагическому единству, потерпевшему крах вместе с режимом в 1943–1945 годах.

Одной из важнейших задач фашистского режима для его собственного утверждения, согласно доктрине Б. Муссолини, являлось создание нового «старого» общества (его «обратная» итальянизация и пурификация от чужеродных элементов), членами которого должны были быть не «пассивные безучастные поданные, но активные и фанатичные граждане» [1, с. 42]. В ходе реализации данной задачи руководство во главе с Б. Муссолини выработало программу «мобилизации» всего населения, его тотальной трансформации в соответствии с фашисткой моделью, а кроме того, инструментарий участия государства в жизни общества и приведение его от гетерогенной к гомогенной структуре. Основным рычагом влияния новоиспеченной власти на общество была «мобилизация сверху», т.е. агрессивное воздействие властных структур на культурную, социально-экономическую и другие сферы итальянского общества [1, с. 43].

В рамках данной статьи мы ставим перед собой задачу разобраться в изменениях, произошедших под фашистским знаменем именно в культурной (в ее языковом аспекте) и образовательной сферах, которым справедливо придавалось ключевое значение в процессе формирования «нового человека» — фашиста. Режим Муссолини, как и другие тоталитарные системы XX века, осознавал, что политическое переустройство общества невозможно без глубинной трансформации сознания, а последняя, в свою очередь, достигается прежде всего через язык и школу. Именно поэтому языковая политика и образовательные реформы стали не периферийным, а центральным проектом фашистского государства, нацеленным на социализацию подрастающих поколений и взрослого населения в духе имперской милитаристической идеологии.

Язык и, в частности, его речевая организация являются несомненным «несущим» элементом культурной системы общества: «будучи основой социальности и культуры, язык проникает во все сферы жизни человека и общества настолько глубоко, что представить их вне языка становится невозможным» [3, с. 99]. Это теоретическое положение приобретает особую эвристическую ценность при анализе фашистской Италии, поскольку именно здесь мы наблюдаем сознательное и системное использование языка как инструмента конструирования реальности: от принудительной замены местоимения Lei (вежливое «Вы») на Voi (аналог русского «вы») до искоренения иностранных заимствований и диалектных форм в официальном дискурсе. Язык в этой парадигме выступает не просто средством коммуникации, но орудием создания иерархии, дисциплины и коллективного воодушевления.

Ткань прочих явлений культуры соткана из «языковой нити», что дает нам возможность говорить о «фактическом единстве языка и культуры» [6, с. 14]. Следовательно, анализируя те изменения, которые фашистский режим пытался внедрить

в итальянский язык (его лексику, стилистику, риторические клише, формулы приветствия и даже синтаксис политического дискурса), мы одновременно исследуем трансформацию самой итальянской культуры того периода. Язык становится тем микроскопом, через который видны макропроцессы: культ древнего Рима, милитаризация сознания, вождизм, корпоративизм и, наконец, переход к расовой политике в конце 1930-х годов. Таким образом, поставленная в статье задача — разобраться в изменениях культурной и образовательной сфер под фашизмом — неизбежно выводит нас на более общий вопрос о том, как именно власть через перекодировку языка формирует подвластное ей общество.

В период существования еще относительно молодого Итальянского государства язык играл одну из главных ролей в историческом контексте объединения королевства, начиная с 1861 года, и его унификация сопутствовала образовательным реформам, целью которых было объединение населения разрозненных регионов Апеннинского полуострова, прежде являвшихся отдельными государствами со своими диалектальными формами. В этом непростом центростремительном процессе было необходимо выработать и установить единый государственный язык и заменить им локальные диалекты [2, с. 156]. Так, с 1870-х гг. было проведено несколько образовательных реформ, в основном касающихся начальной школы, обязательного характера, продолжительности общего образования и пр. (реформы М. Коппино, В. Орландо). С приходом фашисткой диктатуры культурно-образовательные реформы проводились под эгидой Национального фашистского института культуры, руководителем которого был философ политик и министр образования Дж. Джентиле, поддерживающий общий вектор фашисткой идеологии. Они были направлены «не на обновление, а на приведение школьного образования в соответствие с консервативными требованиями режимной элиты» [4, с. 44], логично продолжая тенденцию деятельности предшествующих трансформаций.

Вообще, языковую и образовательную политику фашистского руководства можно вполне справедливо считать продолжением замыслов деятелей эпохи Рисорджименто, успевших заложить только фундамент задуманных процессов. В таком ракурсе синонимом фашизации общества служит термин «итальянизация» — процесс, отчасти добровольный, отчасти принудительный, подразумевающий очищение культуры того времени от иностранных влияний, возвращение к исконным итальянским культурным традициям.

В этой связи Н.В. Устрялов поясняет, что «Муссолини было необходимо связать современную Италию непрерывной нитью живой традиции с Древнем Римом, Италией Средневековья, Ренессанса и всей новой истории. Тем самым как бы расширялся, раздвигался национально-патриотический горизонт, обретали твердую и плодотворную почву нация и национальная культура. Итальянские политики последнего времени ограничивали память итальянского государства эпохой К. Кавура и Дж. Гарибальди. Нужно было убрать эту искусственную завесу, этот самодельный рубеж. Нужно было воскресить в умах и сердцах полузабытую преемственность бессмертных преданий — от основания Рима к Витторио Венето и от Сципиона к Гарибальди. И форум, и замок Ангела, и Ватикан, таким образом, вдруг чудесно оживали, превращались из пышных музейных гробниц в живые символы живой культуры: «l'antico valore negli italici cuor non è ancor morto!»; «Фашизм — гласит четвертый член фашистского декалога — есть гений возрожденной расы, латинская традиция, неизменно действенная в нашей тысячелетней истории, возвращение к романской и одновременно христианской идее государства, синтез великого прошлого с лучезарным будущим» [5, с. 149].

Для осуществления задачи подобного рода политический режим был вынужден затронуть институциональный аспект языковой и образовательной сферы: языковая политика фашистского режима реализовалась преимущественно посредством «различных социальных и культурных институтов, объектом деятельности которых являлись язык и языковая культура» [3, с. 100]. Так, давление на группы интеллектуалов и на общественное мнение осуществлялось в рамках кампаний в периодической печати, представлявших собой распоряжения Министерства массовой культуры (Минкультпоп) относительно содержания новостей, допущенных до обнародования, понятий и эпитетов, которые разрешается употреблять или информации, о которой стоит умолчать [12, с. 191–194].

Лингвистическая программа фашизма предполагала взятие под свой контроль и «дисциплинирование» всего итальянского языкового инструментария: выработка и распространение единого национального итальянского языка и ограничение использования местных диалектальных форм и иностранных заимствований, особенно на территориях с иноязычным населением (например, в регионе Альто Адидже или Венеция Джулия) [9].

Лингвистическая автаркия и в целом идея базирования на национальном принципе берет свое начало в идеях начала XX в., когда впервые стали вводиться частичные запреты на вывески на иностранных языках [11, с. 39]. Фашизм усиливает интервентизм в лингвистическую сферу и принимает уже систематические меры по установлению единой языковой нормы для всей нации.

В рамках программы преподавания итальянского языка в школе были сформулированы единые для всех правила употребления итальянского языка, были составлены такие нормативные документы, как словари и грамматики. В 1934 г. Итальянская академия, по распоряжению Муссолини, начинает работу по созданию полного и современного Словаря итальянского языка. По понятным причинам работа не была закончена и своим итогом имела лишь издание первого тома (словарные статьи до буквы «C»). Однако уже он является характерным примером предписаний руководства, согласно которым «новый» единый итальянский язык должен избавляться от ненужных иностранных слов и заимствований, но при этом быть умеренно открытым удачным лексическим единицам (в словаре они были вставлены в квадратные скобки) и неологизмам, отражающим новые современные идеи и реалии [10, с. 386–387].

Помимо лексики правительственный контроль устанавливался и над правилами орфографии и фонетики, пропагандировался и определенный регистр речевой культуры. Так, средний стилистический регистр использовался во всех СМИ (радио, кино, пресса). Радиопередача La lingua d’Uno, выходящая в эфир с марта по сентябрь 1938 г., разъясняла нововведения на уровне итальянской фонетики, на котором отразилось желание правительства доминирования римской нормы над флорентийской. В 1939 г. по материалам передачи был подготовлен и опубликован краткий справочник по нормам произношения и орфографии [11, с. 40].

Кинематограф также служил своего рода языковой народной школой. Для него было характерно отсутствие диалектальных форм, нивелирование различия разговорной речи персонажей из разных слоев общества. Кроме того, специальным декретом от 05.10.1933 все иностранные фильмы в обязательном порядке подлежали дубляжу для препятствия хотя бы малейшему проникновению иностранного языкового влияния на территорию Италии [10, с. 225–234].

Языковая реформа проникла и в другие сферы. Например, широко подверглась изменениям топонимика: было переименовано более тысячи коммун на

латинизированные названия с суффиксом -ia (Муссолиния). Одновременно происходила и повсеместная итальянизация фамилий, которая особенно коснулась немецко- и славяноязычных территорий, подвергшихся самым серьезным языковым изменениям: в 1925 году в них вводился запрет на преподавание языка национальных меньшинств в школах (ярким примером может послужить запрет на преподавание греческого языка на Додеканесских островах) [8].

Наиболее известным сюжетом в рамках языковой «военной» кампании, развернутой против иностранных слов, был конкурс, объявленный газетой La Tribuna на «импортозамещение» пятидесяти иностранных слов в течение 1932 г.

Славу наиболее абсурдной меры заслужил запрет, объявленный (на пике атмосферы ксенофобии в 1936 г.) на употребление местоимения Lei — формы 2 л. ед. ч. как вежливого обращения к одному лицу (переводится как «Вы» и как «она», т.е. 3-е л. ед. ч.). Вместо него вводилось обращение Voi (форма 2 л. мн. ч., обращение как к группе людей). Логика фашистского руководства здесь была следующей. Во-первых, Lei воспринималось как форма «изнеженная», «рабская», возникшая при испанском владычестве в Неаполе и символизировавшая, по мнению идеологов режима, угодливость и отсутствие мужского достоинства. Во-вторых, омонимия Lei с местоимением женского рода («она») казалась фашистам недопустимой при обращении к мужчинам (в том числе к начальству или незнакомцам) — это якобы подрывало патриархальную, милитаристскую иерархию. В-третьих, Voi воспринималось как более «римская», «солдатская» форма: оно ассоциировалось с обращением легионеров к центуриону и якобы напрямую отсылало к латинскому vos, что соответствовало имперской риторике режима. Таким образом, замена Lei на Voi была не случайным капризом, а частью более широкой политики лингвистической пурификации и маскулинизации языка, призванной вытравить из повседневной речи все, что напоминало о «слабом», «чужом» или «рабском» прошлом Италии [7, с. 134–136].

Однако на практике этот запрет обернулся настоящим абсурдом, поскольку итальянский язык имеет глубоко укорененную систему вежливости, где Lei использовалось повсеместно — от обращения к учителю и начальнику до разговора с незнакомым пожилым человеком. Насильственная замена Lei на Voi создавала множество нелепых ситуаций: например, обращаясь к одному человеку, итальянец был вынужден использовать глаголы во множественном числе, что звучало архаично и неестественно. Более того, Voi традиционно использовалось для обращения к группе людей или к нижестоящим (например, в деревнях так говорили со слугами), поэтому его навязывание как универсальной вежливой формы противоречило языковой интуиции носителей.

Последствия запрета были одновременно трагикомическими и показательными. В силу этого запрета женский периодический журнал Lei («Она») был вынужден сменить свое название и стал Annabella — ведь даже название издания попало под подозрение как «носитель» неугодного местоимения. А комик Тото, не опасаясь вероятных репрессий в отношении своей персоны, не смог удержаться от создания смешного номера, в котором в качестве насмешки над абсурдностью введенного запрета он заменил окончание фамилии великого Галилео Галилея, т.к. оно по форме совпадало с табуированным фашистами местоимением: фашист Galileo Galilei стал Galileo Galivoi [13]. Этот эпизод прекрасно иллюстрирует главный парадокс фашистской языковой политики: чем более абсурдными и оторванными от реальной речевой практики были запреты, тем отчетливее они высвечивали не столько «чистоту» языка, сколько насильственный и неестественный характер идеологического конструирования

повседневности. Запрет Lei был отменен после падения режима в 1945 году, и сегодня эта форма вежливости вернулась в итальянский язык, тогда как Voi сохранилось лишь в некоторых южных диалектах и в исторической ретроспективе — как памятник языковому абсурду эпохи фашизма.

В это наиболее сложное с внешнеполитической точки зрения время был наложен запрет на: иностранные имена у новорожденных (декрет от 09.07.1939 г.), использование иностранных слов в названии организаций, слов с «вражескими» эпитетами (например, insalata russa был заменен на insalata tricolore) и т.п. В этот период происходила особо активная итальянизация многих иностранных заимствований, осуществлявшаяся путем ассимиляции, средств фономорфологии, перевода, создания полисемантических конструктов [9].

Считается, что наиболее удачные замены, прижившимися в узусе итальянцев, принадлежат известному грамматику, автору многочисленных учебников по итальянском языку, Бруно Мильорини. Regiusseur стал тогда и продолжает оставаться до сих пор regista, chauffeur — autista, swing — slancio, menu — lista и т.д.

Заключение. Как и вся эпоха «черного двадцатилетия», фашистская языковая политика оценивается в отечественной и зарубежной историографии и в общественном мнении итальянского народа противоречиво. Насильственные меры фашистской языковой политики не дали продолжительного ожидаемого результата в большой степени из-за неоднородности фашисткой пропаганды, повышения престижа иностранных заимствований в силу внешнеполитической послевоенной ситуации. Несмотря на все меры, предпринятые фашисткой цензурой, в Италии уровень диглоссии оставался высоким (в 1951 г. 4/5 населения использовали диалект в бытовом общении). Сразу после окончания войны и падения власти фашизма король Умберто ди Савойя снял некоторые запреты на иностранные и диалектальные заимствования (от 20.12.1940 г.). Но в целом, заданный фашистами вектор лингвистической пурификации продолжал поддерживаться новой властью, хотя и уже не такими дирижистскими методами: языковую политику поддерживали «снизу» распространение СМИ и внутренняя миграция, имевшие своим следствием необходимость знания и использования в ежедневной речи унифицированного итальянского языка [7, с. 130–131]. Иными словами, если при фашизме унификация языка насаждалась сверху через запреты диалектов, борьбу с иностранными заимствованиями, то в послевоенный период те же процессы были подхвачены объективными социально-экономическими факторами: радио, телевидение, а затем и внутренние миграции с Юга на Север сделали стандартный итальянский язык реальной необходимостью для повседневной коммуникации, а не просто идеологическим требованием режима.

Поддержание настоящим правительством последнего и осмысление языковой политики разных эпох является актуальным до сих пор. Ведь язык представляет собой ценность, будучи феноменом, обладающим положительной значимостью как для общества, так и для отдельной личности [2, с. 156]. Более того, анализ исторических моделей языковой политики — от фашистской пурификации до современных государственных программ по защите итальянского языка от англицизмов — позволяет не только понять логику власти в разные эпохи, но и выработать более взвешенные подходы к языковому регулированию сегодня.

Язык — своеобразный «транслятор» культурного наследия. Выступая связующим звеном в диалоге культур, он становится ключевым инструментом в понимании развития самого общества его носителей, а также взаимодействия последнего с окружающими культурными социумами. Именно поэтому обращение к опыту языковой политики

прошлого, в том числе и противоречивого фашистского периода, приобретает не только историографическое, но и практическое значение: уроки чрезмерного дирижизма или, напротив, успешной стандартизации языка могут быть учтены при формировании культурной и образовательной политики в современном мультилингвальном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы / Л. С. Белоусов. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — 368 с.
2. Лупенкова Н. В. Образовательные реформы Италии: история и опыт / Н. В. Лупенкова // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017. — Т. 9. — № 3/2. — С. 155–162.
3. Растягаева Н. А. Языковая культура: понятие и аспекты содержания / Н. А. Растягаева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2012. — № 1 (29). — С. 99–101.
4. Рогачева Е. Ю. Влияние педагогики Дж. Дьюи на итальянскую образовательную реформу / Е. Ю. Рогачева // Вестник Мордовского университета. — 2009. — Вып. 8. — С. 41–46.
5. Устрялов Н. В. Итальянский фашизм [Электронный ресурс] / Н. В. Устрялов. — Харбин, 1928. — 174 с. — URL: http://krotov.info/libr_min/20_u/st/ryalov_01.htm (дата обращения: 18.04.2025).
6. Ячин С. Е. Язык как основание и универсальная модель культуры / С. Е. Ячин // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2010. — № 1. — С. 14–31.
7. De Mauro, T. (2011). *Storia linguistica dell'Italia unita* [Лингвистическая история объединённой Италии]. Bari: Laterza. (In Italian)
8. Foresti, F. (2003). *Credere, obbedire, combattere. Il regime linguistico nel Ventennio* [Верить, повиноваться, сражаться. Языковой режим двадцатилетия]. Bologna: Pendragon. (In Italian)
9. La lingua del fascismo [Язык фашизма]. (2010). In *Enciclopedia Treccani* [Электронный ресурс]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-del-fascismo_(Enciclopedia-dell'Italiano)/ (дата обращения: 01.05.2025). (In Italian)
10. Marazzini, C. (2009). *L'ordine delle parole. Storie di vocabolari italiani* [Порядок слов. Истории итальянских словарей]. Bologna: il Mulino. (In Italian)
11. Raffaelli, S. (1997). La norma linguistica alla radio nel periodo fascista [Языковая норма на радио в фашистский период]. In *Gli italiani trasmessi: la radio. Atti del Convegno (Firenze, Villa Medicea di Castello, 13–14 maggio 1994)* (pp. 31–67). Firenze: Accademia della Crusca. (In Italian)
12. Simonini, A. (2004). *Il linguaggio di Mussolini* [Язык Муссолини]. Milano: Bompiani. (In Italian)
13. Straniero, M. (2014). *Il regime delle parole: la bonifica linguistica di Mussolini raccontata in un film anzi una "pellicola"* [Режим слов: языковая мелиорация Муссолини, рассказанная в фильме, вернее, в «плёнке»] [Электронный ресурс]. URL: http://www.lavocedinewyork.com/arts/spettacolo/2014/09/10/il-regime-delle-parole-la-bonifica-linguistica-di-mussolini-raccontata-in-un-film-anzi-una-pellicola/ (дата обращения: 10.06.2025). (In Italian)

REFERENCES:

1. Belousov, L. S. (2000). *Rezhim Mussoli-ni i massy* [Mussolini's regime and masses]. Moscow: MSU Publishing House. (In Russian)
2. Lupenkova, N. V. (2017). Obrazovatel'nye reformy Italii: istoriya i opyt [Educational reforms in Italy: history and experience]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 9 (3/2), 155–162. (In Russian)
3. Rastyagaeva, N. A. (2012). Yazykovaya kul'tura: ponyatie i aspekty soderzhaniya [Language culture: concept and aspects of content]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*, 1 (29), 99–101. (In Russian)
4. Rogacheva, E. Yu. (2009). Vliyanie pedagogiki Dzh. D'yui na ital'yanskuyu obrazovatel'nuyu reformu [The influence of J. Dewey's pedagogy on Italian educational reform]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*, 8, 41–46. (In Russian)
5. Ustryalov, N. V. (1928). *Italian fascism* [Italian fascism]. Harbin. Retrieved from http://krotov.info/libr_min/20_u/st/ryalov_01.htm (In Russian)
6. Yachin, S. E. (2010). Yazyk kak osnovanie i universal'naya model' kul'tury [Language as the foundation and universal model of culture]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 1, 14–31. (In Russian)
7. De Mauro, T. (2011). *Storia linguistica dell'Italia unita* [Linguistic history of united Italy]. Bari: Laterza. (In Italian)
8. Foresti, F. (2003). *Credere, obbedire, combattere. Il regime linguistico nel Ventennio* [Believe, obey, fight. The linguistic regime of the twenty years]. Bologna: Pendragon. (In Italian)

9. La lingua del fascismo [The language of fascism]. (2010). In *Enciclopedia Treccani*. Retrieved from http://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-del-fascismo_(Enciclopedia-dell'Italiano)/ (In Italian)
10. Marazzini, C. (2009). *L'ordine delle parole. Storie di vocabolari italiani* [The order of words. Stories of Italian dictionaries]. Bologna: il Mulino. (In Italian)
11. Raffaelli, S. (1997). La norma linguistica alla radio nel periodo fascista [The linguistic norm on radio during the Fascist period]. In *Gli italiani trasmessi: la radio. Atti del Convegno (Firenze, Villa Medicea di Castello, 13–14 maggio 1994)* (pp. 31–67). Florence: Accademia della Crusca. (In Italian)
12. Simonini, A. (2004). *Il linguaggio di Mussolini* [Mussolini's language]. Milan: Bompiani. (In Italian)
13. Straniero, M. (2014). *Il regime delle parole: la bonifica linguistica di Mussolini raccontata in un film anzi una "pellicola"* [The regime of words: Mussolini's linguistic reclamation told in a film, or rather a "film"]. Retrieved from http://www.lavocedinewyork.com/arts/spettacolo/2014/09/10/il-regime-delle-parole-la-bonifica-linguistica-di-mussolini-raccontata-in-un-film-anzi-una-pellicola/ (In Italian)

Поступила в редакцию 09.01.2026 г.

LANGUAGE CULTURE AND EDUCATION IN ITALY IN THE 1920s–1940s

A.S. Rusinova

This article addresses the changes that occurred in the linguistic aspect of Italian culture and education during the 1920s-1940s, i.e. the period when the fascist dictatorship was established in Italy. The language, and its communicative organization in particular, is undeniably an important element of the speaking community cultural system. The author analyzes the way the fascist leadership continued and modified this trend, merging the concepts of "Italianization" and "fascization". The author concludes that the coercive measures of fascist language policy did not yield the prolonged results expected, largely due to the heterogeneity of fascist propaganda and the increasing prestige of foreign borrowings owing to the post-war geopolitical situation. However, the established trajectory of linguistic purification continued to be supported by the new leadership, with the language policy being bolstered "from below" through the dissemination of media and internal migration, which necessitated knowledge and use in daily speech of the unified Italian language.

Key words: Italian language, language culture, fascism, standardization, linguistic purification, educational reform, Italianization.

Русинова Анна Сергеевна
преподаватель-исследователь, директор Центра итальянского языка и культуры Данте, генеральный директор автономной некоммерческой организации «Киностудия им. Н.Я. Данилевского», Российская Федерация, г. Мариуполь.
ORCID: 0000-0003-4775-8356
E-mail: annarusinova.it@gmail.com

Rusinova Anna Sergeevna
teacher-researcher, Director of Dante Centre for Italian Language and Culture, General Director of Film Studio named after N.Ya. Danilevsky (Autonomous Non-Profit Organization), Russian Federation, Mariupol.
ORCID: 0000-0003-4775-8356
E-mail: annarusinova.it@gmail.com

Научная статья
УДК 821.161.1.0
DOI: 10.5281/zenodo.22074098

ТРИ ТИПА ЗЕРКАЛА В ПОЭТИКЕ ВЯЧ. ИВАНОВА: ОРФИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ТЕУРГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА

© 2026 Е.Д. Триморук
Государственное образовательное учреждение «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко», г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика
ORCID 0009-0004-2757-233X



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена системному анализу зеркальной образности в поэтике Вяч. Иванова. Вопреки традиции трактовать зеркало преимущественно как символ иллюзорного познания, в работе обосновывается существование трёх онтологически различных типов зеркала. Первый тип — «зеркало-бездна» — связан с мотивом поглощения, утраты, иллюзорного удвоения; он соответствует парадигме «идеалистического» символизма. Второй тип — «зеркало-зерцало» — актуализирует семантику прозрачной среды, через которую проступает первообраз, ярко воплощён в хоре Нереид «Прометея», где отражение преображает отражающих. Третий тип — «зеркало-откровение» — выводит к теургическому пределу, где зеркало становится онтологическим посредником, а его предельным образом выступает Христос как «зеркало человека». Материал включает поэзию, трагедии и теоретические труды Вяч. Иванова. Методология сочетает историко-литературный, мифопоэтический и типологический анализ с привлечением идей Юнга, Эко, Гегеля и современных исследований. Показано, что модель зеркала органично вписывается в «реалистический символизм» и орфическую антропологию, открывая перспективы для изучения поэтики символизма.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, зеркало, типология, орфическая антропология, теургия, «Прометей», «Тантал», реалистический символизм, архетип, рефлексия, мифопоэтика, дионисийство; софиология, лунарная символика.

Для цитирования: Триморук Е.Д. Три типа зеркала в поэтике Вяч. Иванова: орфическая антропология и теургическая эстетика / Е.Д. Триморук // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 211–222. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22074098.

Введение. В поэтике Вяч. Иванова образ зеркала занимает особое место, выступая не только как повторяющийся художественный мотив, но и как одна из моделей организации символического пространства. Через него осмысляются отношения между явлением и первообразом, человеком и Абсолютом, видимым и сущностным. Именно поэтому проблема зеркальной образности требует рассмотрения не на уровне отдельных мотивов, а как внутренне организованной системы, отражающей закономерности художественного мышления поэта.

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к философии, мифопоэтике и символике творчества Вяч. Иванова, зеркальная образность до настоящего времени преимущественно рассматривалась фрагментарно — в связи с отдельными произведениями, мотивами или религиозно-философскими идеями. Между тем многочисленные случаи обращения поэта к зеркалу позволяют предположить

существование целостной типологической модели, объединяющей различные формы отражения в единую систему.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что за видимым многообразием зеркальных образов у Вяч. Иванова скрывается стройная трёхчастная структура, соответствующая этапам теургического восхождения: от переживания утраты и разрыва (зеркало-бездна) через обретение прозрачности и причастности (зеркало-зерцало) к пределу, где отражение преображает само бытие (зеркало-откровение). Теоретической рамкой работы служит концепция «символа-концепта», разработанная С.Д. Титаренко [12], позволяющая рассматривать зеркальные образы не как простые метафоры, а как сложные смысловые образования, в которых метафизические понятия обретают чувственную форму и «подают весть о сущем» [12, с. 164]. Предлагаемая модель позволяет рассматривать зеркальную образность не как совокупность отдельных мотивов, а как внутренне организованную систему, в которой каждый тип зеркала выполняет собственную онтологическую функцию.

Проверка выдвинутой гипотезы строится на последовательном анализе художественных и теоретических текстов Вяч. Иванова, позволяющем выявить принципы функционирования каждого из выделенных типов зеркала и определить их место в общей системе его поэтики.

Материалы и методы исследования. Материалом для анализа послужили стихотворения из сборников «Кормчие звёзды» [18], «Прозрачность» [18], «Нежная Тайна» [18], трагедии «Прометей» [19] и «Тантал» [7], теоретические работы «Дионис и прадионисийство» [4], «Заветы символизма» [5], «Две стихии в современном символизме» [5], «Эллинская религия страдающего бога», а также записи бесед М.С. Альтмана [1].

Методологическую основу составляет комплексный подход, включающий историко-литературный, мифопоэтический и типологический анализ. Историко-литературный метод позволяет вписать зеркальную образность в контекст русского символизма. Мифопоэтический анализ опирается на исследования А. Ханзен-Лёве [10] и самого Вяч. Иванова [4], раскрывающие орфические и дионисийские корни его символики, а также на концепцию архетипов К.Г. Юнга [16]. Типологический метод, разработанный З.Г. Минц [8], даёт возможность выделить устойчивые модели зеркальности. Семиотический подход У. Эко [17] позволяет рассматривать зеркальный образ не просто как знак, а как «порог». Философская концепция рефлексии Г. Гегеля применяется для анализа самопознания через отражение. Дополнительно привлекается метод герменевтического анализа для интерпретации диалогической структуры зеркальности в стихотворении «Отзывы».

Основная часть. 1. Орфический миф и онтология зеркала

Орфический миф о растерзании Диониса-Загрея, к которому Вяч. Иванов возвращался всю жизнь, даёт ключ к пониманию этой зеркальной одержимости. Титаны, чтобы завладеть божественным младенцем, привлекают его внимание игрушками и зеркалом. Дионис заглядывает — и гибнет. Но из праха титанов возникает человек, в котором навеки смешаны дионисийское и титаническое начала. Зеркало здесь — не орудие обмана, а инструмент космогонического разрыва, момент, когда единое дробится на множество, чтобы затем, в человеке, вновь обрести память о единстве. Как замечает С.С. Аверинцев, «для Иванова миф — не аллегория, а живая реальность, постоянно воспроизводимая в акте творчества» [2, с. 245].

Эта интерпретация зеркала как порождающего разрыва находит неожиданное подтверждение в книге самого Вяч. Иванова «Дионис и прадионисийство». Н.А. Ваганова,

анализируя эту работу, подчёркивает: вопреки названию, книга посвящена не столько дионисийству, сколько «прахристианству», то есть тому, как в недрах эллинской религии вызревали формы, впоследствии воспринятые и преображённые христианством [3, с. 2]. Ваганова обращает внимание на множество «многозначительных намёков», рассыпанных в тексте: Дионис — бог-сын, бог умирающий и воскресающий, бог-жертва и жертвоприноситель; его мать Семела — Земля, женский коррелят Диониса — Мать-Земля и Дева-царица; вино — кровь Дионисова; Дионис — дельфин или рыба, «шествующий по водам», бог, открывающий двери «сени смертной» [3, с. 5–7]. Все эти черты, по мысли исследовательницы, «изобличают литургическую разработку в закрытой общине посвящённых» и ведут к итоговой формуле: «Сын Божий родился у эллинов» [3, с. 8]. И хотя сам Вяч. Иванов говорит о христианстве прямо лишь в нескольких местах, вся ткань его книги пронизана этим предчувствием.

Зеркало, следовательно, оказывается не просто образом, но и принципом: оно фиксирует момент перехода, момент, когда одно, отражаясь в другом, становится иным, оставаясь собой. В этом смысле зеркало глубоко родственно тому, что Вяч. Иванов называл «реалистическим символизмом» — искусством, которое не довольствуется удвоением реальности, но стремится к её преображению [5, с. 536–561]. Исходя из вышеизложенного, зеркальность в поэтике Вяч. Иванова перестаёт быть частным мотивом и приобретает методологическое значение: через неё раскрывается сам механизм символического перехода от видимого к сущностному. Именно поэтому зеркало становится одной из тех смысловых моделей, в которых наиболее последовательно воплощается философская программа «реалистического символизма».

Орфический миф позволяет понять ещё одну принципиальную особенность зеркальной символики Вяч. Иванова. В традиционном понимании зеркало связывается прежде всего с самопознанием: субъект узнаёт себя через отражение собственного облика. Однако в орфическом сюжете зеркало выполняет прямо противоположную функцию. Заглянув в него, Дионис не обретает себя, а утрачивает первоначальную целостность. Отражение становится не завершением самосознания, а началом космического распадения. Тем самым зеркало оказывается связано не с подтверждением тождества, а с опытом инаковости, когда единое впервые обнаруживает возможность существования вне самого себя.

Именно эта особенность определяет своеобразие ивановской трактовки орфизма. Для Вяч. Иванова распадение не является окончательной катастрофой. Оно необходимо для последующего собирания мира в новом качестве. Если зеркало открывает возможность разделения, то одновременно оно делает возможным и преодоление этого разделения. Поэтому зеркало в орфическом мифе выполняет двойственную функцию: оно оказывается причиной утраты первоначального единства и одновременно условием будущего восстановления целостности. В этом заключается его принципиальное отличие от традиционного романтического мотива зеркала как пространства иллюзии или самообмана.

Подобная логика непосредственно соотносится с антропологической концепцией Вяч. Иванова. Человек рождается из соединения двух противоположных начал — дионисийского и титанического, — поэтому его существование изначально носит зеркальный характер. Он постоянно переживает собственную раздвоенность, но именно эта внутренняя раздвоенность делает возможным духовное восхождение. Зеркало перестаёт быть простым предметом художественного мира и превращается в модель человеческого существования, где всякое отражение предполагает возможность возвращения к утраченному первообразу.

Этот принцип зеркальности имеет не только поэтическое, но и глубокое метафизическое измерение. В своей работе «Метафизика vs поэтика: «Весть о сущем» у Вл. Соловьева и Вяч. Иванова» С.Д. Титаренко показывает, что Вяч. Иванов, вслед за Вл. Соловьёвым, осуществляет «поворот от классической формы философствования, базирующейся на понятиях науки, — к метафизике художественного мышления, основанной на символах-концептах» [12, с. 173]. Зеркало в этой перспективе предстаёт не просто образом, а символом-концептом — особым образованием, в котором философское понятие (например, «сущее», «бытие») обретает чувственную, образную форму и, по словам самого Вяч. Иванова, «подаёт весть о сущем, прикрывшемся покрывалами божественной символики видимого мира» [12, с. 164]. Таким образом, анализ зеркальной образности позволяет не только выявить её внутреннюю типологию, но и понять, как через неё реализуется ключевая для Вяч. Иванова задача — «восстановление правды "изреченной мысли"» [5, с. 590] через возвращение слову его мифологической и символической энергии.

2. Зеркало-бездна: утрата и иллюзия. Однако граница может быть разной. Она может быть непреодолимой стеной — и тогда мы имеем дело с зеркалом-бездной. Именно таким предстаёт зеркало в ранних стихотворениях Вяч. Иванова: «*что полночь в твой сумрак уронит / В бездонности тонет зеркальной*» [18, с. 4]. Это «омут бездонный» — образ, за которым угадывается не просто потеря, но онтологическая утрата: отражение есть, а подлинника нет. Лирический герой оказывается в положении Психеи, которая видит своё лицо в воде, но не может дотронуться до него — оно ускользает, рассыпается. Это зеркало первого типа — зеркало-бездна, соответствующее тому, что сам Вяч. Иванов называл «идеалистическим символизмом»: оно умножает видимости, но не даёт доступа к realiora. Как справедливо пишет Л.В. Маштакова, в ранних книгах поэта «мотив зеркала часто сопряжён с семантикой потери и тоски, с невозможностью удержать ускользающий образ» [7, с. 12]. Наблюдение Л.В. Маштаковой уточняет эмоциональную сторону этого мотива, однако в пределах предлагаемой типологии зеркало-бездна выполняет более широкую функцию. Оно фиксирует исходное состояние разрыва между явлением и первообразом, когда отражение ещё не становится средством познания или преображения. Именно поэтому первый тип зеркала следует понимать не как устойчивый художественный мотив, а как исходную онтологическую ситуацию, из которой впоследствии вырастают иные формы зеркальности.

Наиболее развёрнуто логика зеркала-бездны раскрывается не в лирике, а в самой трагедии «Тантал» (1905), заявленной как материал исследования. В кульминационном монологе герой формулирует итог своего познания: «Тогда познал я, девы, что крылатый миг / и вечность, дольний цвет и звёздный свод, / что всё — моё зерцало, и что я — один» [20, с. 23–73]. На первый взгляд эта формула утверждает всевластие зрения: весь мир, от мгновения до вечности, стягивается к Танталу как к единственному центру отражения. Но именно эта всеобщность оборачивается ловушкой. Несколькими репликами ранее Тантал сам поправляет себя: «Я зеркалом / сиял недвижным, и в меня гляделся мир / (но зеркалом моим был мир воистину)» [20, с. 23–73]. Показательна именно эта оговорка: Тантал сначала утверждает, что мир смотрелся в него, — но тут же переворачивает отношение: не он был зеркалом мира, а мир оказался его зеркалом. Зеркальность здесь не открывает Тантала миру, а закрывает мир в Тантале, превращая любую внешнюю данность в неотличимое от него самого отражение.

Отсюда и жест, которым герой пытается вырваться из этой замкнутости: «Из себя — себя творить, собой / обогащать и умножать себя, воззвать / из недр своих себя иного» [20, с. 23–73]. Но умножение, направленное только на себя, не создаёт другого —

оно лишь тиражирует то же самое; чем больше Тантал окружает себя своими подобиями, тем отчётливее становится структурная черта этого типа зеркальности — не иллюзорное удвоение внешнего, а невозможность вообще выйти за пределы себя. «Изобилье — теснота», — формулирует сам Тантал в другом месте трагедии парадокс, к которому сводится всё зеркало-бездна: избыток, не знающий предела, оказывается на поверку теснейшей из тюрем. На эту функцию зеркала как средства самозамыкания, а не познания, обращает внимание и В.Н. Топоров, отмечающий, что в трагедии «зеркало — всегда Танталово, и всё оказывается его зеркалом» [21].

3. Зеркало-зерцало: прозрачность и преображение. Но есть и другое зеркало — то, что Вяч. Иванов называет «зерцалом», возвращая слову его церковнославянскую глубину. Зерцало — это не отражающая поверхность, а прозрачная среда, сквозь которую проступает первообраз. Вспомним апостола Павла: «Видим убо ныне якоже зерцалом в гадании, тогда же лицем к лицу». «Зерцало» здесь — не то, что искажает, а то, через что видят неясно, но это неясное видение — уже предвосхищение истины.

В трагедии «Прометей» есть поразительный хор Нереид. Они говорят о себе: «*Мы — светлые девы далёких пучин, / Зеркальность зыбей и затишье глубин». И поясняют: «Они в безбрежных далях зыбкой соли / Безоблачного Зевса видят лик / И, отразив, согласные, светлеют*» [19, с. 109]. Глагол «светлеют» — ключевой. Нереиды не просто отражают Зевса, они сами меняются в акте отражения, становятся причастны тому, что отражают. Это уже не удвоение, а преображение. Вода здесь — не преграда, а среда, через которую свет достигает материи и просветляет её. Это зеркало второго типа — зеркало-зерцало.

В данном случае нельзя не вспомнить, что книга Вяч. Иванова «Прозрачность» построена именно на этом принципе. Как показывает Л.В. Маштакова, «сюжет книги строится на всматривании в грани кристалла Прозрачности, в наведённое зеркало зеркал; главное действующее лицо — хор» [7, с. 16]. Хор — это множество, но множество, стремящееся к единству, множество, которое «светлеет», отражая единый свет. Зеркало-зерцало оказывается не просто образом, но и структурным принципом, организующим целое.

Именно поэтому зеркало-зерцало принципиально отличается от зеркала в его привычном, оптическом понимании. Обычное зеркало лишь воспроизводит уже существующий образ, сохраняя дистанцию между отражающим и отражаемым. Его функция исчерпывается удвоением видимого. В художественном мире Вяч. Иванова эта модель оказывается недостаточной. Отражение здесь постепенно уступает место иной логике — логике просвечивания, при которой становится значим не внешний контур предмета, а присутствие первообраза, проступающего сквозь материальную оболочку.

В этом отношении показательна сама семантика книги «Прозрачность». Прозрачная среда не столько возвращает зрителю его собственный образ, сколько делает возможным явление иного. Свет, проходящий сквозь неё, не задерживается на поверхности, а изменяет саму природу того, через что проходит. Поэтому отражение в поэтике Вяч. Иванова всё чаще оказывается не зеркальным удвоением, а своеобразным преломлением духовной реальности. Подобно тому как луч света, проходя через кристалл, меняет направление, не утрачивая собственной природы, отражающий субъект становится причастным тому свету, который через него действует.

Именно поэтому Нереиды в «Прометее» не просто «видят лик» Зевса и не только воспроизводят его. Их отражение обладает преобразующей силой: «отразив, согласные, светлеют». Глагол «светлеют» обозначает здесь не внешнее изменение, а внутреннее преображение отражающих. Отражение становится событием причастности, а зеркало —

пространством встречи человеческого и божественного. В результате зеркало-зерцало перестаёт быть границей между субъектом и объектом. Напротив, оно становится средой, в которой различие сохраняется, но уже не препятствует единению. Именно в этом заключается принципиальное отличие второго типа зеркала от первого: если зеркало-бездна фиксирует трагедию разрыва, то зеркало-зерцало делает возможным восстановление нарушенного единства через просвечивание первообраза в мире явлений.

Принцип зеркальности как структурный и одновременно смысловой находит своё наиболее полное выражение в стихотворении «Отзывы» из книги «Прозрачность». С.Д. Титаренко подробно анализирует это стихотворение как образец метафизической поэзии, где «композиция основана на смысловом принципе символического отражения» [12, с. 171]. Диалог лирического героя с незримым собеседником строится как серия вопросов и ответов-эхо, где каждый ответ повторяет вопрос, но сдвигая акцент: «*"Тайный!"— звала моя сила: "Откликнись, если ты сущий!" / Некто: "Откликнись, коль ты — сущий!" — ответствовал мне*». Здесь зеркало-зерцало реализуется как «голосовое» отражение: «я» слышит себя в другом и через это узнаёт себя как сущего. С.Д. Титаренко связывает этот приём с философией Вл. Соловьёва, который учил, что «истина оправдывается только будучи созерцаемою в другом», и с герменевтической традицией, где «другим зеркалом — speculum speculi — исправляющим первое, является для человека другой человек» [12, с. 172]. Таким образом, зеркало-зерцало в «Отзывах» перестаёт быть только природным феноменом (водная гладь) и становится структурой межличностного и метафизического диалога, где отражение ведёт не к удвоению, а к обретению подлинного бытия.

Любопытно, что в книге «Нежная Тайна», которая стоит несколько особняком в творчестве Вяч. Иванова, мотив зеркала обретает новые, лунарные обертоны. Как показывает С.Д. Титаренко, «лунарный миф» в этом сборнике основан на системе мифологических образов, символизирующих женское начало, и тесно связан с элевсинскими мистериями Деметры и Персефоны [13, с. 56–57]. Луна здесь — своего рода зеркало, отражающее свет солнца, но также и символ тайны, нежной и сокровенной. С.Д. Титаренко отмечает, что «в стихотворении «Зеркало Гекаты» поэтом воссоздан лунный мир чар и обольщения. Геката названа «двойником Мира». Она олицетворяет женский мир и противопоставлена своему двойнику — мужскому корреляту — Миру Солнца» [13, с. 60]. Это наблюдение позволяет увидеть, что зеркало-зерцало может быть не только солнечным (прозрачная среда, через которую сияет истина), но и лунным — отражающим свет иного, нежного, таинственного. Лунная символика, по мысли Титаренко С.Д., связана с ритуальной оргией, с посвящением, с «тайной нежной», которая в конечном счёте восходит к христианской тайне Богородицы и Голгофы [13, с. 62–65]. Тем самым второй тип зеркала обнаруживает собственную внутреннюю вариативность: сохраняя функцию посредничества, он способен воплощаться как в образах светоносной прозрачности, так и в символике сокровенного, мистериального отражения. Это свидетельствует о том, что зерцало у Вяч. Иванова представляет собой не единичный художественный образ, а целое семантическое поле, объединённое идеей причастности иному бытию.

4. Зеркало-откровение: теургический предел. Однако есть и третий тип, самый сокровенный. В записях М.С. Альтмана сохранилось удивительное высказывание Вяч. Иванова: «Христос — зеркало человека. И не части его, не какому-нибудь отдельному виду и индивиду, а всему человеку» [1, с. 48]. Это уже не метафора в привычном смысле, а утверждение онтологического факта. Христос как зеркало отражает «и разбойника, и святого» — всю полноту человечества, и это отражение спасительно: «созерцание его

спасительно». Здесь зеркало перестаёт быть просто предметом или средой — оно становится событием встречи, точкой, где человеческое получает возможность увидеть своё истинное лицо и, увидев, измениться.

Это понимание зеркала как преображающей силы вводит нас в круг идей, которые С.Д. Титаренко связывает с понятием «символ-концепт». Христос как «зеркало человека» — это не метафора в традиционном смысле, а именно символ-концепт, в котором метафизическое понятие («сущий», «Бог») становится образом, доступным созерцанию и при этом сохраняющим свою трансцендентную глубину. Вяч. Иванов, по мысли С.Д. Титаренко, «превращает философское понятие в символ-концепт», что соответствует его задаче — выразить «духовную основу сверхчувственного, "нераздельности и неслиянности" с высшим "беспредельным" началом» [12, с. 166]. В этом контексте зеркало-откровение есть предельная форма такого символа: оно не столько говорит о реальности, сколько делает её присутствующей. Как пишет Вяч. Иванов в статье «Заветы символизма», подлинный символ возвращает слову его «священный смысл бытия божественного» [5, с. 594], и зеркало, в котором отражается Христос, действует именно так: оно не обозначает, а являет.

Этот третий тип — зеркало-откровение — выводит нас к теургическому пределу. Теургия для Вяч. Иванова, как подчёркивает С.Д. Титаренко, — «не эстетическая категория, а способ реального изменения бытия» [11, с. 78]. Искусство, становясь теургическим, перестаёт быть только искусством — оно становится жизнетворчеством, соработничеством человека и Бога. Зеркало, в котором отражается Христос, есть именно такое соработничество: человек видит себя в Боге и тем самым становится тем, кого видит.

Как убедительно показывает Е.С. Чистоткина, теургическая концепция Вяч. Иванова находит яркое воплощение в его трагедиях «Прометей» и «Тантал» [14]. Анализируя эти произведения, исследовательница приходит к выводу, что в образах титанов раскрывается диалектика аполлоновского и дионисийского начал, необходимая для теургического акта. Тантал — «несомненный богоборец и в этой сущности являет собой ипостась Диониса», его стремление к самообогащению, к развитию собственного Я сходно с желанием «выхода из грани» и самоизменением Я дионисийского [14, с. 2]. Прометей же, напротив, более исполнен аполлонийского начала; его индивидуализм критикуется Вяч. Ивановым как недостаточный, и только через страдание, через приобщение к дионисийской жертвенности он обретает путь к полноте бытия. Е.С. Чистоткина подчёркивает: «Иванов критикует титаническую сущность героя и указывает на необходимость внутреннего объединения хтонической множественности. Именно поэтому в трагедии незримо ощущается присутствие Диониса, призывающего к полноте бытия, нарушенной Прометеем» [14, с. 3]. В свете нашей типологии зеркала, это можно интерпретировать как движение от зеркала-бездны (разрыв, индивидуация) через зеркало-зерцало (причастность, хор) к зеркалу-откровению (теургическое преображение).

В этой связи важно отметить, что софийные мотивы, пронизывающие творчество Вяч. Иванова, также связаны с зеркальной образностью. Как показывает М.Н. Громов, София-Премудрость мыслилась Вяч. Ивановым как «радостная посредница между людьми и Богом, как воплотительница идей, задуманных Творцом» [6, с. 26]. Она присутствует в мире всякий раз, когда в нём что-то рождается, возникает, творится — и в этом смысле она тоже своего рода зеркало, в котором отражается замысел Божий о мире. Е.А. Тахо-Годи, анализируя «Римские сонеты», показывает, что для позднего Вяч. Иванова «чудо собственного возвращения в Рим стало символом Вечного Возвращения в Вечный Город и к Вечному Богу», и это возвращение мыслится как возвращение к Дионису — через толщу культурных напластований [10, с. 104]. Дионис и Христос,

язычество и христианство, Рим земной и Рим небесный — все эти противоположности сходятся в зеркале ивановской поэзии, отражаясь друг в друге и тем самым преображаясь.

Вместе с тем предложенная типология не предполагает механического распределения зеркальных образов по этапам творческой эволюции Вяч. Иванова. Было бы неверно считать, что сначала в его поэтике существует только зеркало-бездна, затем возникает зеркало-зерцало, а позднее появляется зеркало-откровение. Все три типа сосуществуют внутри единой художественной системы, однако их смысловая доминанта изменяется в зависимости от жанра, художественной задачи и философского контекста произведения.

Так, трагедии позволяют увидеть взаимодействие всех трёх типов практически одновременно. Орфический мотив зеркала сохраняет память о первоначальном разрыве бытия, соответствующем зеркалу-бездне, однако уже в хоре Нереид начинает действовать иной принцип — зеркало-зерцало, где отражение становится формой причастности первообразу. В финальных же смысловых перспективах трагедий всё отчётливее проявляется третий тип — зеркало-откровение, связанный с теургическим преображением человека и мира. В результате один и тот же художественный текст оказывается способен реализовывать несколько режимов зеркальности одновременно.

Поэтому выделенные типы следует понимать не как изолированные категории, а как взаимосвязанные способы функционирования зеркального образа. В конкретном произведении один из них может становиться смысловым центром, тогда как два других продолжают присутствовать в качестве потенциальных семантических уровней. Именно эта подвижность объясняет, почему зеркало у Вяч. Иванова сохраняет внутреннее единство, несмотря на разнообразие художественных воплощений. Оно выступает не устойчивым символом с фиксированным значением, а принципом организации поэтического мира, допускающим различные формы своего проявления.

5. Зеркало как принцип и контекст. Интересно сравнить ивановское понимание зеркала с тем, как работает этот образ у других символистов. У К.Д. Бальмонта зеркало остаётся на уровне феноменального удвоения — оно множит видимости, но не открывает выхода к иному [9]. У А.А. Блока зеркало часто выступает как демонический мотив, отсылающий к традиции Эдгара По. У Андрея Белого зеркало акцентирует энантиоморфность — несовпадение отражения с оригиналом. И только у Вяч. Иванова зеркало становится инструментом восхождения, путём к realiora. Как замечает А. Ханзен-Лёве, «в поэтике Иванова отражение всегда есть одновременно и выход за пределы отражаемого» [10, с. 412]. Именно эта особенность позволяет говорить о качественном отличии ивановской концепции зеркала от других символистских моделей. Если у большинства поэтов отражение фиксирует состояние сознания или художественную ситуацию, то у Вяч. Иванова оно становится способом онтологического перехода, определяя внутреннюю логику духовного восхождения.

Эта уникальность ивановского подхода коренится в том, что он мыслит зеркало не только эстетически, но и метафизически — как способ явления «сущего». Титаренко С.Д. подчёркивает, что Вяч. Иванов, опираясь на платонизм и философию всеединства В. Соловьёва, разрабатывает особый язык, в котором «общефилософское понятие "сущий" может быть истолковано как символ-концепт, вбирающий в себя историю понимания сущности человека и его мышления (Я как Другой)» [12, с. 172]. В этом свете зеркало у Вяч. Иванова становится не просто поэтическим приёмом, а способом философского вопрошания, которое, по Хайдеггеру, «охватывает всё и задающий вопрос тоже подпадает под вопрос» [12, с. 171]. Каждый из трёх типов зеркала — это ступень такого вопрошания: от отчаяния зеркала-бездны через диалог зеркала-зерцала к преображению в зеркале-откровении. Тем самым зеркальность оказывается не просто темой, а

универсальным механизмом смыслопорождения, работающим на всех уровнях текста — от отдельного стихотворения до архитектоники целых книг.

Заключение. Три типа зеркала, выделенные нами, не существуют изолированно. Они образуют динамическую систему, отражающую этапы духовного пути: от утраты и разрыва (зеркало-бездна) через обретение прозрачности и причастности (зеркало-зерцало) к пределу, где отражение преображает само бытие (зеркало-откровение). Эта триада удивительным образом перекликается с тем, что Вяч. Иванов называл «реалистическим символизмом» — искусством, которое не довольствуется удвоением реальности, но стремится к её преображению. И здесь, как справедливо отмечает Н.А. Ваганова, «книга Вячеслава Иванова, которая называется "Дионис и прадионисийство", должна была бы называться "Христос и Дионис", а ещё точнее — "Мы и христианство"» [3, с. 11]. Тем самым предложенная типология позволяет увидеть внутреннюю логику этого движения: зеркало оказывается не отдельным мотивом, а формой последовательного перехода от орфического переживания распада к христианской идее преображения. Именно поэтому три типа зеркала следует рассматривать как взаимосвязанные стадии единого духовного процесса, определяющего своеобразие художественного мира Вяч. Иванова.

Что даёт нам эта типология? Прежде всего, она позволяет увидеть за видимым многообразием зеркальных образов у Вяч. Иванова стройную систему, коренящуюся в глубинах его антропологии и теологии. Зеркало оказывается не просто мотивом, а одним из ключей к пониманию того, как Вяч. Иванов мыслил отношение между человеком и Абсолютом, между временным и вечным, между множественным и единым. И, может быть, самое важное: зеркало у Вяч. Иванова — это всегда напоминание о том, что граница может быть не только стеной, но и дверью.

Значение предложенной типологии, однако, не исчерпывается анализом творчества одного автора. Представляется, что три выделенных типа зеркальности могут рассматриваться как одна из возможных моделей описания символистской поэтики в целом. В этом случае речь идёт уже не о классификации отдельных художественных образов, а о способах организации символического пространства, определяющих отношение человека к миру, к самому себе и к трансцендентной реальности.

Так, в поэзии К.Д. Бальмонта преобладают формы зеркальности, соответствующие первому типу. Зеркало здесь связано прежде всего с мотивами ускользания, раздвоения и недостижимости целостного бытия. Отражение сохраняет дистанцию между субъектом и миром, подчёркивая драму разобщённости и невозможность окончательного совпадения человека с самим собой. Именно поэтому зеркало у Бальмонта К.Д. чаще становится пространством иллюзорного удвоения, чем путём к преодолению онтологического разрыва.

В художественном мире А.А. Блока зеркальная символика приобретает более сложный характер. Наряду с мотивами двойничества и тревожной отражённости возникают ситуации, в которых зеркало перестаёт быть только знаком иллюзии и начинает выполнять медиативную функцию. Оно становится пограничным пространством между различными уровнями реальности, позволяя воспринимать отражение как предчувствие иной, скрытой действительности. Тем самым в блоковской поэтике намечается переход к тем формам зеркальности, которые в настоящем исследовании определяются как зеркало-зерцало.

Особое место занимает Андрей Белый. В его произведениях зеркальность перестаёт быть исключительно мотивом и всё чаще становится принципом организации художественного текста. Повторы, симметрии, композиционные отражения, система

двойников и перекликающихся сюжетных линий образуют своеобразную архитектонику зеркальности, охватывающую различные уровни произведения. В этом отношении зеркало выступает уже не отдельным образом, а способом построения художественной реальности.

Именно творчество Вяч. Иванова позволяет увидеть наиболее полную реализацию всех трёх типов зеркала в пределах единой мировоззренческой системы. Здесь зеркало последовательно проходит путь от переживания трагического распада через опыт духовной прозрачности к теургическому преображению человека и мира. Благодаря этому предложенная типология оказывается не только инструментом анализа отдельных текстов Иванова, но и возможной моделью исследования символистской культуры в целом. Её дальнейшее применение к поэзии Брюсова, Бальмонта, Блока, Белого и других представителей русского символизма позволит уточнить как границы самой типологии, так и закономерности эволюции зеркальной образности в литературе Серебряного века.

Предложенная типология зеркала позволяет также по-новому увидеть ту эволюцию, которую совершает Вяч. Иванов как мыслитель: от «идеалистического» символизма, где зеркало лишь умножает видимости, к «реалистическому», где оно становится медиатором и теургическим орудием. Эта эволюция, как показала С.Д. Титаренко, соответствует общему движению русской мысли от классического философствования к «метафизике художественного мышления», основанной на символах-концептах. Зеркало у Вяч. Иванова — это всегда «весть о сущем», поданная через образ, и потому оно требует от читателя не просто понимания, но соучастия, отклика, который сам становится зеркальным отражением искомой истины. Возможно, именно поэтому стихотворение «Отзывы» заканчивается молчанием — тем пределом, где слово уступает место присутствию.

Дальнейшее изучение этой темы может быть связано с более детальным анализом того, как выделенные типы работают в поздних произведениях поэта — особенно в «Повести о Светомире царевиче», где зеркальная символика приобретает новые, эсхатологические обертоны, а софийные мотивы сплетаются с образами земли и неба. Перспективно также сопоставление зеркальной образности Вяч. Иванова с софиологией В. Соловьёва и с тем, как тема Премудрости развивалась в русской религиозной философии XX века (С.Н. Булгаков, о. Павел Флоренский). Наконец, важно продолжить исследование того, как ивановская концепция «прахристианства» дионисийских культов соотносится с современными данными археологии, истории религии и раннехристианского искусства — в этом направлении работы Н.А. Вагановой, С.Д. Титаренко и Е.С. Чистоткиной открывают многообещающие перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / М.С.Альтман. — СПб. : ИНАПРЕСС, 1995. — 128 с.
2. Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных гражданин...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами / С.С. Аверинцев. — СПб. : Алетейя, 2002. — 176 с.
3. Ваганова Н.А. Дионисийство как прахристианство в книге Вяч. Иванова «Дионис и прадионисийство» / Н.А. Ваганова // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. — 2009. — № 4 (28). — С. 7–18.
4. Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство / Вяч. Иванов. — Баку, 1923 ; репр. СПб. : Алетейя, 1994. — 343 с.
5. Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме / Вяч. Иванов // Иванов Вяч. Собрание сочинений : в 4 т. — Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1974. — Т. 2. — С. 536–561.
6. Громов М.Н. Софийные мотивы в творчестве Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / М.Н. Громов / Под ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. — М. : Наука, 2002. — С. 25–30.
7. Маштакова Л.В. Художественное единство поэтических и философско-критических книг Вяч. Иванова 1900–1917 гг. : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.В. Маштакова. — Екатеринбург, 2017. — 29 с.

8. Минц З.Г. Поэтика русского символизма / З.Г. Минц. — СПб. : Искусство–СПБ, 2004. — 480 с.
9. Триморук Е.Д. Мифопоэтика зеркала и тени в лирике К.Д. Бальмонта / Е.Д. ТРиморук// Начала Русского мира. — 2026. — № 1. — С. 42–47.
10. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Лёве. — СПб. : Академический проект, 2003. — 816 с.
11. Тахо-Годи Е.А. «Остается исследовать источники воли и природу жажды» (о «Римских сонетах» Вяч. Иванова) / Е.А. Тахо-Годи // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / Под ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. — М. : Наука, 2002. — С. 103–109.
12. Титаренко С.Д. Метафизика vs поэтика: «Весть о сущем» у Вл. Соловьева и Вяч. Иванова / С.Д. Титаренко // Соловьевские исследования. — 2021. — Вып. 4(68). — С. 162–175.
13. Титаренко С.Д. Мифопоэтическое начало в книге стихов Вячеслава Иванова «Нежная Тайна. Лепта»: символика лунного мира / С.Д. Титаренко // Культура и текст. — 2014. — № 1 (16). — С. 55–67.
14. Чистоткина Е.С. Реализация теургической концепции в творчестве Вяч. Иванова (на примере трагедий «Прометей» и «Тантал») / Е.С. Чистоткина // Известия СОИГСИ. — 2009. — Вып. 3. — С. 1–4.
15. Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова / С.Д. Титаренко. — СПб. : Петрополис, 2012. — 448 с.
16. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. — М. : Ренессанс, 1991. — 304 с.
17. Эко У. Зеркала / У. Эко / Пер. О.А. Чулкова // Метафизические исследования: Язык. — СПб. : Алетейя, 1999. — Вып. 11. — С. 218–244.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы / Вяч. Иванов. — Л. : Советский писатель, 1971. — 416 с.
19. Иванов Вяч. Прометей / Вяч. Иванов // Иванов Вяч. Собрание сочинений : в 4 т. — Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1974. — Т. 2. — С. 105–155.
20. Иванов Вяч. Тантал / Вяч. Иванов // Иванов Вяч. Собрание сочинений : в 4 т. — Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1974. — Т. 2. — С. 23–73.
21. Топоров В.Н. Миф о Тантале (об одной поздней версии — трагедия Вяч. Иванова) / В.Н. Топоров // Палеобалканистика и античность : сб. науч. трудов. — М. : Наука, 1989. — С. 61–110.

REFERENCES

1. Al'tman, M.S. (1995). *Razgovory s Vyacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov]. Saint Petersburg: INAPRESS. (In Russian)
2. Averintsev, S.S. (2002). *"Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin..." Vyacheslav Ivanov: put' poeta mezhdu mirami* ["A free citizen of bird-houses..." Vyacheslav Ivanov: a poet's path between worlds]. Saint Petersburg: Aleteyya. (In Russian)
3. Vaganova, N.A. (2009). Dionisiystvo kak prakhristianstvo v knige Vyach. Ivanova "Dionis i pradionisiystvo" [Dionysianism as Pre-Christianity in Vyach. Ivanov's Book "Dionysus and Pre-Dionysianism"]. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya*, (4 (28)), 7–18. (In Russian)
4. Ivanov, Vyach. (1994). *Dionis i pradionisiystvo* [Dionysus and Pre-Dionysianism]. (Reprint ed.). Saint Petersburg: Aleteyya. (Original work published 1923). (In Russian)
5. Ivanov, Vyach. (1974). Dve stikhii v sovremennom simvolizme [Two Elements in Modern Symbolism]. In Vyach. Ivanov, *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.] (Vol. 2, pp. 536–561). Brussels: Foyer Oriental Chrétien. (In Russian)
6. Gromov, M.N. (2002). Sofiynye motivy v tvorchestve Vyacheslava Ivanova [Sophian Motifs in the Works of Vyacheslav Ivanov]. In A.A. Takho-Godi & E.A. Takho-Godi (Eds.), *Vyacheslav Ivanov — tvorchestvo i sud'ba: K 135-letiyu so dnya rozhdeniya* [Vyacheslav Ivanov — Creativity and Fate: On the 135th Anniversary of His Birth] (pp. 25–30). Moscow: Nauka. (In Russian)
7. Mashtakova, L.V. (2017). *Khudozhestvennoe edinstvo poeticheskikh i filosofsko-kriticheskikh knig Vyach. Ivanova 1900–1917 gg.* [Artistic Unity of Poetic and Philosophical-Critical Books of Vyach. Ivanov in 1900–1917] (Abstract of Candidate dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg. (In Russian)
8. Mints, Z.G. (2004). *Poetika russkogo simvolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPB. (In Russian)
9. Trimoruk, E.D. (2026). Mifopoetika zerkala i teni v lirike K.D. Bal'monta [Mythopoetics of Mirror and Shadow in the Lyrics of K.D. Balmont]. *Nachala Russkogo mira*, (1), 42–47. (In Russian)
10. Hansen-Löve, A. (2003). *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simvolika* [Russian Symbolism. A System of Poetic Motifs. Mythopoetic Symbolism. Cosmic Symbolics]. Saint Petersburg: Akademicheskiy proekt. (In Russian)

11. Takho-Godi, E.A. (2002). "Ostaetsya issledovat' istochniki voli i prirodu zhazhdy" (o "Rimskikh sonetakh" Vyach. Ivanova) ["It Remains to Explore the Sources of Will and the Nature of Thirst" (on Vyach. Ivanov's "Roman Sonnets")]. In A.A. Takho-Godi & E.A. Takho-Godi (Eds.), *Vyacheslav Ivanov — tvorchestvo i sud'ba: K 135-letiyu so dnya rozhdeniya* [Vyacheslav Ivanov — Creativity and Fate: On the 135th Anniversary of His Birth] (pp. 103–109). Moscow: Nauka. (In Russian)
12. Titarenko, S.D. (2021). Metafizika vs poetika: "Vest' o sushchem" u Vl. Solov'eva i Vyach. Ivanova [Metaphysics vs Poetics: "The News of the Existential" in Vl. Solovyov and Vyach. Ivanov]. *Solov'evskie issledovaniya*, (4(68)), 162–175. (In Russian)
13. Titarenko, S.D. (2014). Mifopoeticheskoe nachalo v knige stikhov Vyacheslava Ivanova "Nezhnaya Tayna. Lepta": simvolika lunnogo mira [The Mythopoetic Principle in Vyacheslav Ivanov's Poetry Book "Tender Mystery. Lepta": The Symbolism of the Lunar World]. *Kul'tura i tekst*, (1(16)), 55–67. (In Russian)
14. Chistotkina, E.S. (2009). Realizatsiya teurgicheskoy kontseptsii v tvorchestve Vyach. Ivanova (na primere tragediy "Prometey" i "Tantal") [Implementation of the Theurgic Concept in Vyach. Ivanov's Works (on the Example of the Tragedies "Prometheus" and "Tantalus")]. *Izvestiya SOIGSI*, (3), 1–4. (In Russian)
15. Titarenko, S.D. (2012). *"Faust nashego veka": mifopoetika Vyacheslava Ivanova* ["Faust of Our Age": Mythopoetics of Vyacheslav Ivanov]. Saint Petersburg: Petropolis. (In Russian)
16. Jung, K.G. (1991). *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Moscow: Renessans. (In Russian)
17. Eco, U. (1999). Zerkala [Mirrors]. (O.A. Chulkova, Trans.). In *Metafizicheskie issledovaniya: Yazyk* [Metaphysical Studies: Language] (Iss. 11, pp. 218–244). Saint Petersburg: Aleteyya. (In Russian)

Поступила в редакцию 19.03.2026 г.

THREE TYPES OF MIRROR IN VYACHESLAV IVANOV'S POETICS: ORPHIC ANTHROPOLOGY AND THEURGIC AESTHETICS

E.D. Trimoruk

The article deals with a systematic analysis of mirror imagery in Vyacheslav Ivanov's poetics. Contrary to the established tradition of interpreting the mirror primarily as a symbol of illusory knowledge, the study substantiates the existence of three ontologically distinct types of mirror. The first type, the "mirror-abyss," is associated with motifs of absorption, loss, and illusory doubling. It corresponds to the paradigm of "idealistic" symbolism. The second type, i.e. the "mirror-zercalo" (speculum), actualizes the semantics of a transparent medium, through which the archetype emerges. It is vividly embodied in the chorus of the Nereids from the tragedy "Prometheus," where reflection transforms the reflectors themselves. The third type, the "mirror-revelation", leads to the theurgic limit, where the mirror becomes an ontological mediator. Its ultimate image is Christ as the "mirror of man." The material includes poetry, tragedies, and theoretical works by Ivanov. The methodology combines historical-literary, mythopoetic, and typological analysis. The methodological framework also incorporates the ideas of Jung, Eco, Hegel, and other contemporary scholars. The conclusion is made that the three-part model of the mirror organically fits into Ivanov's concept of "realistic symbolism" and Orphic anthropology, opening new perspectives for the study of Symbolist poetics as an integral worldview.

Key words: Vyach. Ivanov, mirror, typology, Orphic anthropology, theurgy, "Prometheus", "Tantalus", realistic symbolism, archetype, reflection, mythopoetics, Dionysianism, sophiology, lunar symbolism.

Триморук Евгений Дмитриевич.
Старший преподаватель.
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Приднестровская Молдавская Республика, Тирасполь.
Старший преподаватель кафедры русской филологии.
ORCID: 0009-0004-2757-233X.
E-mail: trener200686@mail.ru

Trimoruk Evgeny Dmitrievich.
Senior Lecturer.
Shevchenko Pridnestrovian State University, Pridnestrovian Moldavian Republic, Tiraspol.
Senior Lecturer at Department of Russian Philology.
ORCID: 0009-0004-2757-233X.
E-mail: trener200686@mail.ru

Научная статья
УДК 81’37
DOI: 10.5281/zenodo.22085017

ЛЕКСЕМА «МУЗЕЙ» В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕНОГО КОНЦЕПТА «ИСКУССТВО»

К.Д. Тулендинова
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
ORCHID 0009-0008-6398-8788.



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются языковые средства репрезентации музейного пространства, организованного вокруг лексемы «музей», в структуре художественного концепта «искусство» на материале романа Д. Тартт «Щегол». Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к способам вербализации художественных концептов в индивидуально-авторской картине мира. Материал отобран методом сплошной выборки и проанализирован с помощью контекстуального, дискурсивного, лексико-семантического и интерпретационного методов. Установлена связь языковых единиц с сюжетными ситуациями, субъектами восприятия и ценностной перспективой повествования. Научная новизна состоит в выявлении лексико-семантических средств, посредством которых музейное пространство включается в структуру концепта «искусство». Результаты показывают, что лексема «музей» и семантически связанные с ней единицы выполняют концептообразующую функцию, объединяя пространственный, эстетический, мемориальный, аксиологический и экзистенциальный компоненты. Музей в романе выступает одновременно местом действия и смыслообразующим пространством, связанным с категориями времени, памяти, красоты, порядка, хаоса и утраты.

Ключевые слова: концептосфера; концепт «искусство»; лексема «музей»; репрезентация концепта; лексико-семантическая группа; языковые средства выражения концепта; художественный дискурс.

Для цитирования: Тулендинова К.Д. Лексема «музей» в структуре художественного концепта «искусство» / К.Д. Тулендинова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — № 4. — С. 223–232. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22085017.

Введение

В современной лингвистике давно не угасает интерес к проблеме концепта. В своих работах исследователи неоднократно отмечали необходимость изучения концептов не только как абстрактных категорий, но и как систем со сложными пространственно-семантическими звеньями. Одним из ключевых художественных концептов, вызывающих особый интерес у ученых, можно считать концепт «искусство», отличающийся сложной когницией и обилием элементов, которые репрезентируются в авторской картине мира и маркируются как идеационно-значимые составляющие индивидуально-авторской концептосферы. Структуру концепта «искусство» составляет понятие «музей», представляющее собой не только физическое, но и когнитивное пространство, выступающее в роли аллегорического символа. Понятие «концепт» получило разностороннее освещение в трудах отечественных ученых. Первым к понятию «концепт» в отечественной лингвистике обратился С.А. Аскольдов-Алексеев, который под концептом понимал ментальный образ, возникающий в голове читателя в

процессе мыслительной деятельности и охватывающий явления и предметы одной и той же с образом группы, выступая в роли их заместителя. [1]. Вслед за С.А. Аскольдовым-Алексеевым к проблеме концепта обратился Д. С. Лихачев, который в своей работе «Концептосфера русского языка» отмечал, что концепт — это некая мыслительная единица, являющаяся результатом слияния словарного значения слова и личного (или народного) опыта человека. Потенции концепта тем богаче, чем богаче культурный опыт человека, его запас знаний и навыков, он расширяет значение и создает возможности для «домысливания и дофантазирования», делая человека соавтором [7]. В рамках когнитивного подхода концепт трактуется как единица хранения и обработки знаний. Так, согласно «Краткому словарю когнитивных терминов» концепт — это оперативно-содержательная единица памяти; единица ментального или психического резерва сознания и той информации, которая отражает знания и опыт человека [5]. Концепт может возникать не только в ходе обработки информации о каких-либо объектах (и их свойствах) реального мира, но и воображаемого — то, что человек знает, предполагает или воображает об этих объектах. По мнению Е.С. Кубряковой, под концептом следует понимать ментальный лексикон, в котором слово — единица хранения знания не только об обозначенной им вещи, явлении или процессе, но и знания о том, как и где в системе языка эта единица должна рассматриваться [6]. В лингвокультурологической парадигме концепт рассматривается как многомерное образование. В.И. Карасик полагал, что, являясь ментальным образованием, концепт состоит из трех измерений: понятийного, образного и ценностного, но не ограничивается только ими [3, с. 94]. Мыслительной категорией считали концепт также исследователи З.Д. Попова и И.А. Стернин, которые отмечали, что концептом следует считать некую мыслительную единицу, представляющую собой результат когнитивной деятельности человека и несущую словарную информацию об отражаемой вещи или явлении, о толковании общественным сознанием данной информации и отношении этого общественного сознания к данному явлению или предмету [8]. Рассматривая концепт с точки зрения лингвокультурологии, С.Г. Воркачёв, вслед за В.И. Карасиком, отмечал, что семантическая структура концепта состоит из понятийного содержания, отражающего посредством дефиниций ключевые признаки концепта; образного содержания, включающего символы и другие ценностные смыслы; языкового содержания, относящегося к включенности концепта в лексический аппарат конкретного естественного языка [2]. Что касается художественных концептов, то прежде всего следует отметить, что они отличаются от общеязыковых концептов тем, что являются отражением индивидуально-авторского восприятия действительности, в которой творческая личность «активирует» имплицитные в структуре концепта темы, которые, в свою очередь, должны быть раскодированы реципиентом [4]. Художественный концепт, по мнению Е.С. Сергеевой, должен вербализироваться и быть представлен как компонент индивидуально-авторской картины мира, а также быть ориентирован на эстетическую информацию.

Актуальность данного исследования обусловлена повышенным интересом со стороны лингвистов к способам языковой репрезентации значимых художественных концептов, одним из которых можно считать концепт «искусство». Также представляется важным изучение рассматриваемого в данной статье концепта в аспекте музейного пространства, так как, несмотря на большое количество работ, посвященных структурам концепта, номинация «музей» не становилась объектом исследования и к настоящему моменту остается неизученной. В этой связи роман американской писательницы Д. Тартт «Щегол» служит значимым материалом для

настоящего исследования, поскольку в нем музей выступает в качестве ключевой когнитивной единицы, репрезентирующей концепт «искусство» в индивидуально-авторской картине мира.

Цель исследования — определить языковые средства репрезентации музейного пространства, организованного вокруг лексемы «музей» в рамках художественного концепта «искусство» и установить функцию этой репрезентации в индивидуально-авторской картине мира Д. Тартт. В задачи исследования входит выявление и систематизация лексико-семантических групп, актуализирующих пространственный, перцептивный, эмоциональный и аксиологический аспекты музейного компонента концепта. Материалом исследования послужил роман американской писательницы Д. Тартт «Щегол», затрагивающий множество тем, в особенности тему роли искусства, представляющуюся особенно важной в рамках настоящего исследования. Перевод отрывков, взятых в качестве примеров, с английского языка на русский выполнен автором статьи — К.Д. Тулендиновой.

Основная часть

Пространство музея репрезентируется в романе Д. Тартт «Щегол» при помощи описаний интерьера, помещений, а также эмоций, которые он вызывает у героев произведения. Метрополитен-музей — это один из крупнейших художественных музеев мира, насчитывающий свыше двадцати отделов, а также один из главных героев произведения Д. Тартт. Величественное здание, занимающее площадь более четырехсот пятидесяти тысяч квадратных метров, похоже на дворец и поражает воображение, о чем читателю становится ясно уже в первой главе:

For me — a city kid, always confined by apartment walls — the museum was interesting mainly because of its immense size, a palace where the rooms went on forever... [11, p.22] *— Мне, городскому ребенку, всегда запертому в четырех стенах, музей был интересен прежде всего тем, что был просто огромен, настоящий дворец с бесконечными залами…*

Прилагательное *immense* (extremely large in size or degree) [12] (очень большой по размеру или степени) подчеркивает масштабы музея, впечатлившие Теодора Декера (главного героя романа) и уже после первого посещения оставившие прочный след в памяти; метафора *palace — дворец* и придаточное места *where the rooms went on forever — с бесконечными залами* формируют концепт «музей=храм искусства», а читатель воспринимает музей не как рядовое государственное учреждение, а как величественное и легендарное место, размерами и убранством не уступающее дворцам.

As I hung behind my mother in the admissions line, I put my head back and stared fixedly into the cavernous ceiling dome two stories above: if I stared hard enough, sometimes I could make myself feel like I was floating around up there like a feather, a trick from early childhood that was fading as I got older [11, p.22]. *— Стоя позади матери в очереди на вход, я запрокинул голову и уставился на глубокий купол потолка двумя этажами выше: если смотреть очень пристально, то может показаться, что ты паришь где-то там, наверху, будто перышко — детский фокус, который с возрастом исчез.*

Прилагательное *cavernous* относится к очень большим по площади предметам или пространствам, что дополняет ранее созданный образ величественного дворца. Купол потолка оказывает на Тео гипнотическое действие, дает ему возможность использовать воображение и сбежать от скучного пребывания в очереди. Сочетание *a trick from early childhood that was fading as I got older* создает фрейм музей=символ детства, так как с возрастом герой перестает посещать музей и теряет способность воссоздавать детский фокус.

Yet the museum always felt like a holiday; and once we were inside with the glad roar of tourists all around us, I felt strangely insulated from whatever else the day might hold [11, p.22]. *— В посещении музея всегда было что-то праздничное. Как только мы оказались внутри, сопровождаемые радостным гулом туристов, окруживших нас со всех сторон, я почувствовал себя странно изолированным от всего, что мог приготовить этот день*.

Сравнение похода в музей с праздником/каникулами (*felt like a holiday — было что-то праздничное*), как правило, нетипично для детей и подростков (герою Тео в тот момент было тринадцать лет), так как в их возрасте музей воспринимается скорее, как скучное и неинтересное место, а поход туда — утомительная обязанность, поэтому в данном случае автором делается акцент на позитивном отношении героя к Метрополитен-музею. Существительное *roar* в английском языке чаще всего имеет отрицательную коннотацию, в редких случаях — нейтральную [the deep cry of a wild animal (such as a lion); a loud deep cry (as of pain or anger); a loud continuous confused sound; a boisterous outcry] [12] — (низкий крик дикого животного (например, льва); громкий низкий крик (от боли или гнева); громкий непрерывный беспорядочный звук; неистовый вопль), но в сочетании с аффективным прилагательным *glad — радостный* значение трансформируется и создает атмосферу оживления и всеобщего веселья, в котором людской шум не раздражает, а заряжает энергией и придает сил. Описывая свои ощущения, Теодор произносит следующее *— I felt strangely insulated — Я почувствовал себя странно изолированным.* Форма причастия прошедшего времени от глагола *to insulate* [to protect someone or something from harmful experiences or influences] [12] — (защищать кого-то или что-то от негативного (опасного) опыта или влияния), подчеркивает чувство безопасности, которое испытывал главный герой среди незнакомых ему туристов, а наречие образа действия *strangely — странно*, стоящее в препозиции, указывает на осознаваемую Теодором парадоксальность чувства, его странность, поскольку обычно толпа давит и от нее хочется укрыться, но для Тео она создает защитный барьер от «всего, что мог приготовить этот день».

Залы, галереи и выставки, встречавшиеся Тео в Метрополитен-музее, расширяют содержание рассматриваемого понятия: *European Decorating — зал европейского интерьера*; *Oceanic art — галерея с искусством народов Океании*; *Special Exhibition gallery — выставочная галерея*; *Portraiture and nature morte: northern masterworks of the golden age — Портретная живопись и натюрморты: шедевры мастеров севера золотого века; Italian masterworks — шедевры итальянской живописи; England of eighteenth century — искусство Англии 18 века; halls of armor and porcelain — залы с оружием и фарфором.* Какие-то залы и помещения автор предпочла не описывать, а некоторым уделила пристальное внимание.

Some of the neglected bedchambers and roped-off drawing rooms in the depths of European Decorating felt bound-up in deep enchantment, as if no one set foot in them for hundreds of years [11, p.22]. *— На некоторые из заброшенных опочивален и огороженных канатами гостиных в залах европейского интерьера словно были наложены могущественные чары — будто сюда сотни лет не ступала нога человека.*

Если снаружи музей впечатлял Тео своей архитектурой, то эмоции от посещения залов и галерей вызывали у мальчика смешанные чувства. Некоторые помещения его искренне восхищали, другие — отталкивали. Делая акцент на заброшенности зала европейского декора, который как будто застыл в глубоком прошлом, Д. Тартт использует целый ряд языковых единиц: прилагательное *neglected* используется преимущественно для описания чего-то или кого-то, чему/кому не уделяется должного

ухода или внимания; причастие прошедшего времени *roped-off* усиливает эффект недоступности, подчеркивая намеренную отгороженность от посетителей; существительное *enchantment* и придаточное образа действия *as if no one set foot in them for hundreds of years* акцентируют внимание на постоянности состояния запустения — это не временное явление, а результат чьих-то умышленных действий, цель которых заключается в том, чтобы не допустить проникновения, не «потревожить» самим своим присутствием ушедшие эпохи.

...I`d loved to go there alone and roam around until I got lost, wandering deeper and deeper in the maze of galleries until sometimes I found myself in forgotten halls of armor and porcelain that I`d never seen before… [11, p.22]. *— Я любил приходить туда один и бродить в одиночестве по залам, пока не потеряюсь, блуждать в глубинах галерейных лабиринтов до тех пор, пока не оказывался в забытых залах с оружием и фарфором, где раньше не бывал…*

Иррационально, что тринадцатилетний мальчик намеренно пытается заблудиться (*I`d loved to go there alone and roam around until I got lost*), хотя это именно то, чего больше всего боятся дети, и стремится отдаться воле случая. Как было ясно из первого примера, музей поражал Тео, прежде всего, своими размерами, что дополняется метафорой *maze of galleries — галерейные лабиринты*, благодаря которой пространство трансформируется в запутанный механизм с множеством путей. Забытые залы (*forgotten halls*) указывают на непопулярность, отсутствие интереса со стороны посетителей.

Зайдя в зал, где проходила выставка с работами мастеров севера, Тео сперва с большим скепсисом относится к перспективе рассматривать *“pictures of Dutch people standing around in dark clothes”* (картины голландцев в темной одежде), что меняется после того, как он входит в зал с натюрмортами:

The walls glowed with a warm, dull haze of opulence, a generic mellowness of antiquity; but then it all broke apart into clarity and color and pure Northern light… [11, p.25]. *— Стены светились теплой тусклой дымкой роскоши, настоящей спелостью старины, которая распадалась на ясность красок и чистый северный цвет*.

В данном фрагменте эстетическая ориентированность художественного концепта, о которой пишет Е.С. Сергеева, эксплицируется не только прямой номинацией роскоши (opulence), но и системой перцептивно маркированных единиц *glowed, warm, dull haze, clarity, color, pure Northern light*. Д. Тартт создает атмосферу визуальных контрастов: *warm — Northern* (теплый-северный), *dull haze — clarity and color* (тусклая дымка-ясность красок) и играет на сенсорно-чувственном восприятии героя, которое сначала поверхностное и пассивное, быстро становится четким, ярким и живым, когда Тео отбрасывает субъективность первого впечатления. Динамичный фразовый глагол *break apart — распадаться на части* маркирует смену вектора в восприятии Тео рассматриваемых картин. Чистый северный цвет (*pure Northern light)* одновременно передает краски, в которых написана картина и становится интертекстуальным элементом, отсылающим к особенностям живописи голландских художников золотого века, для которых была характерна однотонная палитра холодных серых или теплых коричневых цветовых схем. Таким образом, ориентация художественного концепта на эстетическую информацию проявляется не только в прямых оценочных номинациях красоты и величия, включении интертекстуальных элементов, но и в сенсорно-перцептивной организации музейного пространства посредством лексики света, цвета, фактуры и пространственной перспективы.

После просмотра натюрмортов, Тео с матерью отправляется в соседний зал с портретами:

…it had the sedate, meandering feel of a backwater, a certain vaccum-sealed calm: long sighs and extravagant exhalations like a room full of students taking a test [11, p.26]. *— …здесь создавалось ощущение спокойной, извилистой заводи, герметичного штиля: глубокие вздохи и требующие больших усилий выдохи будто в классе, где сдают экзамен*.

В данном случае очевиден диссонанс между впечатлением от зала с натюрмортами и портретного зала. Если первый зал казался местом спокойствия и умиротворения с их живостью и яркостью, то второй — местом застоя и замкнутости, на что указывает использование следующих единиц: прилагательное *sedate* обозначает кого-то или что-то в состоянии максимального, почти «седативного» спокойствия и расслабленности; морская лексика, представленная существительным *backwater,* называет часть реки, где не течет вода, а существительное *calm* [a period or condition of freedom from storms, high winds, or rough activity of water] [12] — (период времени или состояние, для которых характерны отсутствие шторма, сильного ветра или бурной активности воды); прилагательное *vaccum-sealed*, стоящее в препозиции по отношению к существительному *calm* указывает на неестественность этого состояния, на его искусственную природу, то есть штиль «запечатали», «законсервировали» на время, и ничего снаружи не сможет проникнуть и нарушить эту неподвижность. Словосочетание *long sighs — глубокие вздохи* обостряет состояние напряженности, так как в большинстве случаев люди прибегают к технике глубокого дыхания в попытке успокоиться, если они напряжены или напуганы. Неслучаен выбор Д. Тартт неверной коллокации *extravagant exhalations — требующие больших усилий выдохи*, так как выдох — это простой и естественный процесс, для которого не требуется особых навыков. Обращает на себя внимание также использование автором сравнения обстановки зала с атмосферой в аудитории, где проходит экзамен (*like a room full of students taking a test — будто в классе, где сдают экзамен),* что усиливает ощущение капкана и желания поскорее вырваться из него.

Далее по ходу повествования становится ясно, что в музее происходит взрыв, в результате которого Тео получает травму головы, теряет сознание и приходит в себя оглушенный и дезориентированный. В попытках осознать масштабы произошедшего Тео осматривается и не узнает то, что еще несколько минут назад было музеем:

I looked around, trying to get my bearings, deranged from the crack on the head, with no sense of time or even if it was day or night. The grandeur and desolation of the space baffled me... [11, p.37]. *— Я огляделся, пытаясь сориентироваться — обезумев от удара по голове, я не ощущал времени, не понимал даже, день сейчас или ночь. Величие и руины окружающего меня пространства сбивали с толку…*

Пространственный контраст былого великолепия музея (*grandeur* — используется для описания какого-то предмета, вещи или помещения необычайной красоты и внушительного размера, чего-то, что вызывает неподдельное восхищение) и текущей разрухи (*desolation* — употребляется для описания пустого или разрушенного места, или состояния одиночества и покинутости) сбивает с толку - дворец, храм прошлого, мир порядка и великолепия после взрыва предстает перед Тео местом беспощадного разрушения.

Кроме залов и галерей с картинами и другими предметами искусства в музее также находились офисные помещения (*Cameron Geisler, Registrar — Кэмерон Гайслер — архивариус; Miyako Fujita, Assistant Registrar — Мийяко Фудзита — помощник архивариуса; Florens Klauner, Department of Musical Instruments — Флоренс Клаунер — отдел музыкальных инструментов; Maurice Orabi-Roussel, Islamic Art — Морис Ораби-Руссель — исламское искусство; Vittoria Gabetti, Textiles — Виттория Габетти — ткани)* и сувенирная лавка (*exhibition shop*) с кассой, открытками и стопками книг по искусству. В поисках выхода Тео проходит через офисные коридоры музея:

Cameron Geisler, Registrar. Miyako Fujita, Assistant Registrar. Drawers were open and chairs were pushed away from desks. In the doorway of one office a woman`s high-heeled shoe lay on its side. The air of abandonment was unspeakably eerie [11, p.51]. — *Кэмерон Гайслер — архивариус. Мийяко Фудзита — помощник архивариуса. Выдвинутые ящики и отодвинутые стулья. На пороге одного из кабинетов на боку валялась женская туфелька на высоком каблуке. Атмосфера заброшенности была невыразимо жуткой.*

Строгость офисных табличек с именами служащих нарушается беспорядком незакрытых ящиков, оставленных стульев и забытой обуви. Существительное *abandonment* [the act of leaving someone or something or of ending or stopping something, usually forever] [12] — (уход от кого-то или чего-то, конец чего-либо, обычно безвозвратный) указывает на внезапность, неожиданность произошедшего. Случившийся взрыв вынудил сотрудников в спешке покинуть помещение, чтобы спастись. Наречие *unspeakably — невыразимо* описывает что-то, что невозможно выразить словами (что-то плохое или очень шокирующее), в данном случае — атмосфера заброшенности, которую главный герой не может описать. Аффективное прилагательное *eerie* [strange in a frightening and mysterious way] [12] — (странный в пугающем и сверхъестественном смысле) делает акцент на субъективном опыте Тео, на нетипичном состоянии ужаса, на аномальном и необъяснимом. Оно, как правило, употребляется для описания паранормальных и антинаучных явлений, что является индикатором ужаса, шока и неспособности Тео осмыслить масштаб случившегося.

I passed a cavernous dark room with a long workshop table where mismatched scraps of cloth were laid out like pieces of a jigsaw puzzle. In the back of the room was a jumble of rolling garment bags hanging off them, like racks by the service elevators at Bendel`s or Bergdorf`s [11, p.52]. *— Я прошел через комнату, похожую на пещеру, где стоял длинный стол, на котором, словно кусочки пазлов, были разложены лоскуты тканей всех видов. В конце комнаты громоздились гардеробные вешалки на колесиках, с которых свисали чехлы для одежды — похожие вешалки я видел возле служебных лифтов в «Бенделе» или «Бергдорфе».*

Кабинет Виттории Габетти, отвечающей в музее за работу с тканями, встретил Тео упорядоченным хаосом — читателю становится очевидно, что до взрыва здесь кипела работа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пространство музея выступает в качестве базового компонента содержания концепта «искусство», поскольку объединяет предметный, перцептивный, эмоциональный и аксиологический планы его репрезентации. Через номинации масштабности, света, цвета, порядка, запустения и разрушения музей становится не только местом хранения произведений, но и средой эстетического опыта, культурной памяти и личной травмы. Лексема «музей» и семантически связанные с ней единицы выполняют не только локализующую, но и концептообразующую функцию: организуют систему значений, через которую искусство осмысляется как источник красоты, защищенности, памяти, утраты и экзистенциального переживания.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что пространство музея в произведении Д. Тартт «Щегол» выступает не только в качестве места действия, но и в роли личностно-рефлексивного пространства, что составляет структуру концепта «искусство». Музей репрезентируется в романе при помощи различных описаний: строения, интерьера залов, галерей и офисных помещений, а также эмоций и впечатлений, которые испытывали герои произведения, посещавшие музей. В «Щегле»

музей описывается и как учреждение, где находятся предметы искусства, и как храм времени, памяти, красоты и порядка: до трагедии большая часть музейных помещений представлялась Теодору островками уюта и покоя, чего-то исключительно положительного, но после взрыва, унесшего жизнь его матери, Тео понимает, что даже храмы можно разрушить, тем самым нарушив порядок, исказив привычную реальность. Это позволяет выделить следующие лексико-семантические группы:

- Лексико-семантическая группа площади и пространства

Прилагательные: *immense, cavernous*; метафора *palace*; придаточное места *where the rooms went on forever;* метафора *maze of galleries*, актуализирующие категорию масштабности музея и выявляющие устойчивые концептуальные метафоры музей-лабиринт, музей-дворец, музей-храм.

- Лексико-семантическая группа состояния

Существительное *grandeur*; прилагательное *neglected*; придаточное образа действия *as if no one set foot in them for hundreds of years*; словосочетание *forgotten halls*; прилагательное *sedate*; существительное *backwater*; существительное *calm*; прилагательное *vaccum-sealed*; существительное *desolation*; существительное *abandonment* маркируют двойственность концепта, активируя фреймы *красота/величие — заброшенность/недоступность* и определяя концептуальную метафору музей-временная капсула.

- Лексико-семантическая группа восприятия

Сравнение *felt like a holiday*; предложение *I felt strangely insulated*; сравнение *like a room full of students taking a test*; часть предложения *with no sense of time or even if it was day or night* служат индикатором субъективного познания, устанавливая концептуальные метафоры музей-праздник, музей-место утраты.

В целостной структуре концепта «искусство» лексема «музей» и семантически связанные с ней единицы выполняют интегрирующую и смыслообразующую функции. Они организуют вокруг музейного пространства взаимосвязанные смысловые зоны: искусство как эстетический опыт, как форма сохранения культурной памяти, как источник защищенности и как пространство утраты. Тем самым музейный компонент структурирует концепт «искусство» как единство эстетического, мемориального, экзистенциального и аксиологического измерений. Именно через трансформацию музейного пространства — от дворца, праздника и защищенного хранилища прошлого к месту разрушения и травмы — в романе раскрывается двойственная природа искусства: его способность сохранять смысл и память и одновременно быть неразрывно связанным с хрупкостью человеческого существования.

Дальнейшие исследования могут сосредоточиться на поиске других языковых средств репрезентации пространства музея в различных лингвокультурах, а также на сопоставлении функций музейного компонента в художественных концептосферах произведений разных жанров и авторов.

Полученные результаты могут использоваться в изучении художественного дискурса и концептологии с позиции когнитивной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Русская речь / Щерба Л.В., Аскольдов С.А., Чернышев В.И., Пешковский А./ под ред. Л.В. Щерба. — М.: Academia, 1928. — 84 с.
2. Воркачёв С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2014. — № 12. — С. 50–69.
3. Карасик В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. — М.: Гнозис, 2013. — 320 с.

4. Катермина В.В. Языковое представление художественного субконцепта «детство» в произведениях Ч.Диккенса / В.В. Катермина, Ю.В. Иванова // Текст. Книга. Книгоиздание. — 2022. — № 28. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-predstavlenie-hudozhestvennogo-subkontsepta-detstvo-v-proizvedeniyah-ch-dikkensa (дата обращения: 06.02.2026).
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. — 245 с.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология. — М.: Academia, 1997. — С. 280–287.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж, 2001. — М.: Истоки. — 191 с.
9. Сергеева Е.С. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте / Е.С. Сергеева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006. — Т. 5. № 56. — С. 98-103.
10. Tartt D. The Goldfinch / D. Tartt. — M: Abacus, 2014. — P.864.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. — https://dictionary.cambridge.org, дата обращения: 03.02.2026.
12. Merriam-Webster. [Электронный ресурс]. — https://www.merriam-webster.com, дата обращения: 03.02.2026.

REFERENCES

1. Askol`dov-Alekseev, S.A. (1928). Sbornik «Russkaya rech`» [The Collection “Russian Speech”] (L.V. Shcherba, Ed.). Moscow: Academia, 69. (In Russian).
2. Vorkachyov S.G. (2014). Semiotika lingvokul`turnogo koncepta i terminosistema lingvokul`turnoj konceptologii [The Semiotics of the Linguocultural Concept and the Terminological System of Linguocultural Conceptology]. Yazy`k, kommunikaciya i social`naya sreda, 12, 50-69. (In Russian).
3. Karasik V.I. (2013). Yazy`kovaya matricza kul`tury` [The Linguistic Matrix of Culture]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
4. Katermina V.V., & Ivanova Yu.V. (2022). Yazy`kovoe predstavlenie xudozhestvennogo subkoncepta «detstvo» v proizvedeniyax Ch.Dikkensa [Lingustic Representation of the Artistic Subconcept “Childhood” in the Works of Charles Dickens]. Tekst. Kniga. Knigoizdanie, 28. Retrieved February 6, 2026. From https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-predstavlenie-hudozhestvennogo-subkontsepta-detstvo-v-proizvedeniyah-ch-dikkensa (In Russian).
5. Kubryakova E.S., Dem`yankov V.Z., Pankracz Yu.G., & Luzina L.G. (1996). Kratkij slovar` kognitivny`x terminov [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. In E. S. Kubryakova (Ed.), Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University. (In Russian).
6. Kubryakova E.S. (2004). Yazy`k i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazy`ke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol` yazy`ka v poznanii mira [Language and Knowledge: Towards Acquiring Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in the Cognition of the World]. Moscow: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. (In Russian).
7. Lixachev D.S. (1997). Konceptosfera russkogo yazy`ka [The Conceptual Sphere of the Russian Language]. In V.P. Neroznak (Ed.), Russkaya slovesnost`: ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya [Russian Philology: From the Theory of Literature to the Structure of the Text: An Anthology] (pp. 280-287). Moscow: Academia. (In Russian).
8. Popova Z.D., & Sternin I.A. (2001). Ocherki po kognitivnoj lingvistike [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh: Istoki. (In Russian).
9. Sergeeva E.S. K (2006). K voprosu o klassifikacii konceptov v xudozhestvennom tekste [On the Classification of Concepts in a Literary Text]. Vestnik TGPU, 5 (56), 98-103. (In Russian).
10. Tartt D. (2014). The Goldfinch. London: Abacus. (In English).

Поступила в редакцию 08.04.2026 г.

LEXEME *MUSEUM* IN STRUCTURE OF ARTISTIC CONCEPT ART

K.D. Tulendinova

The article deals with linguistic means of representing the museum space, which is organized around the lexeme *museum*, in the structure of the artistic concept ART based on the novel "The Goldfinch" by D. Tartt. The relevance of the study is accounted for by the interest of modern linguistics in the ways of verbalizing artistic concepts in the individual author's worldview. The empirical material was selected by means of the continuous sampling method. The methods of contextual, discourse, lexico-semantic, and interpretative analysis have been applied. The connection between the language units and narrative situations, subjects of perception, and the value perspective of the narrative has been established. The research novelty of the article lies in identifying the lexical and semantic means, by which the museum space is incorporated into the concept ART. The results show that the lexeme *museum* and the semantically related units perform a concept-forming function, combining spatial, aesthetic, memorial, axiological, and existential components. In the novel, the museum serves as both a setting and a symbolic space associated with the categories of time, memory, beauty, order, chaos, and loss.

Key words: conceptual sphere, concept ART, lexeme *museum*, representation of the concept, lexical-semantic field, linguistic means of expressing the concept, artistic discourse.

Тулендинова Карина Долгамировна.
Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, г. Краснодар.
Старший преподаватель.
ORCHID*:* 0009-0008-6398-8788.
E-mail: ktulendinova5@gmail.com.

Tulendinova Karina Dolgamirovna.
Kuban State University, Russian Federation,
Krasnodar.
Senior Lecturer.
ORCHID*:* 0009-0008-6398-8788.
E-mail: ktulendinova5@gmail.com

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.22085063

МЕДИАТИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ СФЕРЫ «ЭНЕРГЕТИКА» В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

© 2026 *Цзя Юйюй*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»
ORCID 0009-0007-0359-3736

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Данная статья посвящена исследованию процесса медиатизации лексики сферы «энергетика» в современном медиадискурсе. В условиях глобального энергетического перехода и повышенного общественного внимания к вопросам экологии и энергобезопасности специальная лексика выходит за пределы профессиональной среды и активно функционирует в средствах массовой информации. В работе анализируются семантические трансформации, аксиологические сдвиги и прагматический потенциал ключевых энергетических понятий, формирующих ядро энергетической концептосферы (таких как «энергопереход», «зеленая энергетика», «углеродный след», «ESG», «водородная стратегия»), а также лексем, находящихся на пересечении с экологическим дискурсом («чистый ноль», «декарбонизация»), в процессе их медиатизации. Особое внимание уделяется роли метафоризации и идеологизации терминов как основным механизмам медиатизации. Автор приходит к выводу, что медиатизация ведет к размыванию строгих дефиниций, но одновременно превращает термины в мощные инструменты формирования общественного мнения.

***Ключевые слова**:* медиатизация, энергетическая лексика, медиадискурс, семантическая трансформация, дискурс-анализ, метафорическое моделирование, энергетический переход, идеологизация.

Для цитирования: Цзя Юйюй. Медиатизация лексики сферы «энергетика» в российском медиадискурсе / Юйюй Цзя // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 233–243. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22085063.

Введение. Современное информационное общество характеризуется глубоким проникновением медиа во все сферы человеческой деятельности. Этот процесс, определяемый в научной литературе как «медиатизация», затрагивает не только социальные институты, но и языковые практики. В наиболее общем виде под медиатизацией понимается трансформация социальных институтов под влиянием логики функционирования медиа [8, с. 12].

Теоретическая база явления заложена в трудах западных исследователей: Н. Лумана [7, с. 45], рассматривавшего медиа как ключевую подсистему общества, и С. Хьяварда [12, с. 112; 13, с. 105], обосновавшего концепцию медиатизации как мета-процесса. В российской традиции применительно к языку и лексике важны работы Г.Я. Солганика [9, с. 78] и В.В. Богуславской [1, с. 122], посвященные особенностям журналистского текста и газетного текста в частности, а также работы Л.Г. Викуловой [10, с. 23] о прагматическом потенциале медийного слова. Исследователи отмечают, что под влиянием медиатизации специальная лексика претерпевает семантические и аксиологические трансформации [6, с. 160].

Приведенные в основной части примеры демонстрируют, что одна и та же лексема может функционировать на пересечении разных дискурсов, а ее семантика в медиатексте обогащается под влиянием нового контекста. Именно это контактное функционирование лексики на стыке профессионального и массово-информационного дискурсов и составляет основной объект анализа в данной работе.

Важно подчеркнуть, что медиатизация лексики сферы «энергетика» не сводится лишь к адаптации терминов для неспециалиста, но включает в себя пересмотр самих принципов репрезентации профессионального знания в публичном пространстве. В этом контексте энергетическая лексика начинает выполнять не только номинативную, но и интерпретативную функцию, выступая инструментом конструирования социальной реальности. Именно эта двойственная природа — сохранение связи с профессиональным знанием при одновременной интеграции в массовую коммуникацию — определяет специфику медиатизации энергетической терминологии в современном российском медиадискурсе.

Цель данной статьи — выявить специфику и основные механизмы медиатизации энергетической лексики в современном медиадискурсе. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: уточнить содержание понятий «медиатизация» и «медиадискурс» применительно к терминологической лексике; отобрать корпус энергетической лексики из медиатекстов; сопоставить словарные дефиниции отобранных единиц с их функционированием в конкретных медиафрагментах; провести анализ их семантических и прагматических изменений; классифицировать основные трансформационные модели.

Важным аспектом медиатизации энергетической лексики является ее включенность в процессы глобальной политической коммуникации. Медиадискурс выступает не только каналом передачи информации, но и средством конструирования ценностных ориентаций аудитории. В этом контексте энергетические термины, попадая в медиапространство, приобретают дополнительные смыслы, связанные с геополитическими позициями и экономическими интересами различных социальных групп.

Материалы и методы исследования

В рамках настоящего исследования ключевыми понятиями выступают «медиадискурс», «терминологическая лексика» и «энергетическая концептосфера». Под медиадискурсом вслед за Т.Г. Добросклонской понимается совокупность текстов, функционирующих в медиапространстве, которые характеризуются специфическими лингвистическими, прагматическими и жанрово-стилистическими особенностями, а также обусловлены экстралингвистическими факторами — социальными, политическими, культурными [3, с. 78] Терминологическая лексика трактуется как лексические единицы, обслуживающие профессиональную сферу общения и обладающие дефинитивной точностью, системностью и стилистической нейтральностью. Однако в условиях медиатизации границы между терминологической и общеупотребительной лексикой размываются, что приводит к формированию гибридных языковых образований. Понятие «энергетическая концептосфера» используется в работе для обозначения совокупности концептов, связанных с энергетической деятельностью, которые объективируются в языке и формируют ценностно-смысловое поле данной предметной области.

Материалом *исследования* послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также тексты российских интернет-СМИ (РИА Новости, «Коммерсантъ», «Ведомости», «Известия»), посвященные энергетической проблематике за период 2025–2026 гг. Отбор материала осуществлялся с опорой на корпусные данные,

что обеспечивает репрезентативность и верифицируемость полученных результатов. В работе используются методы сплошной выборки, дефиниционного и контекстуального анализа, а также элементы когнитивного (метафорического) моделирования.

Теоретической основой работы послужили указанные выше исследования в области медиалингвистики, теории медиатизации и дискурс-анализа. Таким образом, в рамках данного исследования под «медиатизацией энергетической лексики» понимается процесс проникновения специальных лексических единиц в массовый медиадискурс, сопровождающийся их семантическими, прагматическими и аксиологическими трансформациями.

Для обеспечения глубины анализа в работе применяется также метод сопоставительного анализа словарных дефиниций и контекстуальных реализаций лексических единиц, что позволяет зафиксировать направленность семантических сдвигов. Кроме того, используются элементы квантитативного анализа для выявления частотности употребления ключевых терминов в различных типах медиатекстов. Такой комплексный подход к обработке материала обеспечивает верифицируемость выводов и позволяет рассматривать медиатизацию энергетической лексики как системный, а не единичный процесс.

Семантическая деспециализация и расширение значения

Попадая в медиасреду, лексические единицы энергетической сферы утрачивают свою однозначность и строгую дефинитивность, что наглядно демонстрируют данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) за 2025–2026 гг.

Так, термин «энергопереход» (energy transition) в профессиональной среде обозначает комплекс мер по смене энергетических укладов. Согласно словарной дефиниции, «***энергетический переход*** *— значительное структурное изменение в энергетической системе*» [19]. В медийных же текстах наблюдается семантический сдвиг: «*Скорость* ***энергоперехода*** *будет зависеть не только от климатических целей, но и от экономической эффективности новых технологий*» [14]. В данном фрагменте лексема функционирует не как узкоспециальный термин, а как общепонятная категория, встраиваемая в дискуссию о соотношении экологии и экономики.

Еще более показателен пример с лексемой «декарбонизация». В экологических словарях она определяется как «***снижение выбросов углекислого газа***» [33]. В медиатекстах семантика этого термина существенно трансформируется. С одной стороны, она нередко приобретает идеологическую нагрузку: «*Евросоюз ужесточает климатическое законодательство, ускоряя* ***декарбонизацию промышленности***» [17]. С другой стороны, «декарбонизация» часто употребляется как синоним «модернизации» без конкретного технологического наполнения: «***Программа декарбонизации*** *российской экономики предусматривает обновление промышленных мощностей*» [15].

Как показывают исследователи, энергетический переход в зеркале общественного мнения предстает не столько технологическим, сколько ценностным феноменом [11, с.90]. Материалы НКРЯ за 2025–2026 гг. подтверждают этот тезис: анализируемые лексемы, сохраняя связь с исходным терминологическим значением, обрастают оценочными коннотациями и идеологическими смыслами, что и составляет суть процесса медиатизации энергетической лексики.

Аналогичная судьба постигла термин «зеленая энергетика»: из обозначения отрасли возобновляемых источников энергии он превратился в оценочный ярлык, маркирующий «экологичность» и «прогрессивность». Ср.: «*Крупные инвесторы все чаще отдают предпочтение проектам в сфере* ***зеленой энергетики***» [18].

Термин «углеродный след» (carbon footprint) из научно-технического показателя трансформировался в инструмент моральной оценки потребительского поведения. Ср.: «*Все больше россиян задумываются о том, как снизить свой* ***углеродный след****: отказываются от личного авто, сортируют мусор*» [16]. В медиа активно используются производные словосочетания: «снизить углеродный след», «компенсировать углеродный след», «скрытый углеродный след» продуктов.

Аббревиатура «ESG» (экологическое, социальное и корпоративное управление) также претерпела семантическую трансформацию: из узкоспециального инвестиционного термина она превратилась в идеологему, обозначающую комплекс требований к «ответственному» бизнесу. Ср.: «*Без соблюдения* ***ESG****-принципов российским компаниям будет все сложнее выходить на международные рынки*» [20].

Термин «чистый ноль» (net zero) из климатологического понятия стал символом глобальной климатической политики: «*Российские нефтегазовые компании разрабатывают стратегии достижения* ***чистого нуля*** *к 2050 году*» [36], при этом само понятие нередко лишается конкретного технологического наполнения.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что семантическая деспециализация энергетической лексики носит системный характер и затрагивает не только отдельные термины, но и целые терминологические гнезда. Показательно, что чем выше общественный резонанс обсуждаемой проблемы, тем активнее происходит семантическое расширение соответствующей лексической единицы. Так, лексема «энергопереход», изначально функционировавшая исключительно в профессиональной среде энергетиков и экономистов, сегодня входит в активный словарь политиков, журналистов и широкой общественности, при этом ее семантика варьируется в зависимости от контекста и коммуникативных интенций автора. Данный процесс, как справедливо отмечает Е.А. Петрова, свидетельствует о глубокой трансформации способов бытования специального знания в современном обществе, где медиа выступают не просто транслятором, но активным интерпретатором научных понятий [8, с. 82].

Важно отметить, что процесс семантической деспециализации не является однонаправленным: наряду с расширением значения нередко происходит и специализация некоторых единиц в рамках отдельных медийных поддискурсов. Например, термин «зеленая энергетика» в деловых СМИ может сохранять более узкую отраслевую семантику, тогда как в публицистических текстах он приобретает ярко выраженную оценочность. Это свидетельствует о внутренней дифференциации самого медиадискурса, в котором разные жанровые форматы предъявляют различные требования к степени терминологической строгости.

Метафоризация как способ адаптации

Как отмечает А.П. Чудинов, «каждый новый этап социального развития страны отражается в метафорическом зеркале» [11, с. 45]. Медиа активно используют метафоры для объяснения сложных энергетических понятий [5, с. 619]. Анализ медиатекстов 2025–2026 гг. (по данным НКРЯ) позволяет выделить несколько продуктивных метафорических моделей.

Милитарная (военная) метафора: энергетические процессы описываются в терминах войны и борьбы. Данная модель актуализирует конфликтность повестки [11, с. 47]. Механизм образования данной метафорической модели заключается в переносе семантики активного противодействия (атака, битва, оружие, война, борьба) из военной сферы на экономические и экологические процессы. Это позволяет драматизировать энергетическую повестку и представить энергетические изменения как противостояние с четко обозначенным противником: углеродом, традиционными

энергетическими компаниями или геополитическими оппонентами. В результате энергетические проблемы начинают восприниматься не как технологические вызовы, а как конфликт, требующий решительных действий. Материалы СМИ демонстрируют регулярное использование военной лексики при обсуждении энергетической проблематики:

- «*Европейские политики призывают к* ***решительной атаке*** *на углерод путем ускоренного внедрения возобновляемых источников энергии*» [21].

- *«В Северном море разворачивается* ***настоящая битва*** *за ветрогенерацию между традиционными нефтегазовыми компаниями и новыми игроками рынка»* [22].

- *«Газ продолжает использоваться как* ***энергетическое оружие*** *в геополитическом противостоянии»* [23].

- *«****Война санкций*** *привела к переориентации энергетических потоков с Запада на Восток»* [24].

- *«Ученые вновь заявляют о нарастающей климатической угрозе, призывая правительства к более* ***активной борьбе*** *с выбросами»* [25].

Медицинская метафора: энергетические проблемы представляются как болезни, требующие лечения. Данная модель формирует представление о текущем состоянии как о патологии.

Ср. словарное значение и контекст употребления:

- «зависимость»: в медицинском дискурсе — патологическое состояние. В медиа: «*Европа стремится преодолеть* ***энергетическую зависимость*** *от российского газа*» [26] — актуализируется семантика «болезни», требующей «лечения»;

- «сырьевая игла»: устойчивое выражение, метафорически обозначающее зависимость. В медиа: «*Российская экономика окончательно слезла с* ***сырьевой иглы****?*» [27] — глагол «слезть» усиливает медицинскую семантику «излечения»;

- «реанимация»: в прямом значении — восстановление жизненных функций. В медиа: «*Европейские страны вынуждены объявлять о временной* ***реанимации*** *угольных электростанций*» [28] — создает образ «умирающей», но временно возвращаемой к жизни отрасли;

- «здоровье планеты»: перенос медицинской семантики на экосистему. В медиа: «*Климатическая повестка связывается со* ***здоровьем планеты***» [29] — антропоморфизация Земли как живого организма.

Таким образом, медицинская метафора последовательно репрезентирует энергетическую ситуацию как патологию, требующую лечения.

Метафора пути: энергетическое развитие представляется как движение по определенному маршруту. Примеры: «зеленый курс», «дорожная карта декарбонизации», «энергетический переход», «траектория развития», «тупик углеводородной экономики». Эта модель задает вектор развития.

Особого внимания заслуживает метафора «зеленый». Из цветообозначения она трансформировалась в идеологему, маркирующую «правильное» потребление. В медиа появились устойчивые словосочетания: «зеленый переход», «зеленые облигации», «зеленый водород», «зеленое финансирование», «зеленые стандарты», «зеленая повестка», «зеленое восстановление».

Анализ метафорических моделей, представленных в медиатекстах 2025–2026 гг., позволяет заключить, что выбор той или иной метафоры не случаен и обусловлен как внутрилингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Милитарная метафора актуализируется в периоды обострения геополитической напряженности, когда энергетическая проблематика встраивается в контекст противостояния.

Медицинская метафора, напротив, доминирует в дискуссиях о необходимости системных преобразований, где энергетическая зависимость или экологический кризис предстают как патологии, требующие «лечения». Метафора пути, включающая в себя широкий спектр пространственных образов (от «дорожной карты» до «тупика»), задает вектор развития и формирует представление о направленности энергетического перехода. Например: «дорожная карта декарбонизации», «энергетический переход», «траектория развития», «тупик углеводородной экономики». Особую продуктивность демонстрируют также метафоры, основанные на антропоморфизме, когда природные или технологические системы наделяются свойствами живого организма, что способствует их эмоциональному восприятию аудиторией. Например: «энергосистема переживает трансформации», «возобновляемая энергетика набирает обороты», «нефтяной рынок лихорадит».

Кроме рассмотренных моделей, в медиадискурсе активно функционируют также метафоры механизма и конструкции, где энергетическая система предстает как сложное техническое устройство, нуждающееся в «настройке», «модернизации» или «замене узлов». Например: «перенастройка энергетического комплекса», «рычаги влияния на цены». Такие метафоры особенно характерны для экспертно-аналитических материалов, где необходимо подчеркнуть технологическую сложность процессов. Показательно, что разные метафорические модели могут сосуществовать в рамках одного текста, обслуживая различные коммуникативные задачи: от привлечения внимания до аргументации управленческих решений.

Аксиологическая поляризация (идеологизация)

В современном медиадискурсе, характеризующимся конфликтностью и поляризацией мнений, энергетическая лексика приобретает устойчивую оценочность. Вопрос об аксиологических аспектах медиатизации в последние годы активно разрабатывается в научной литературе.

Как отмечает Е.И. Кузнецова, в процессе цифровой медиатизации происходит «экспансия медиатизированных форм коммуникации в пространство жизненного мира человека», что влечет за собой трансформацию ценностных ориентаций индивида [6, с. 157]. Исследователь подчеркивает дуальный характер медиатизации: с одной стороны, она создает новые возможности для коммуникации, с другой — порождает позиции социальной нестабильности, акцентируя аксиологическое измерение данного процесса [6, с. 158].

Отметим, что трансформация аксиологического фона медиадискурса рассматривается под влиянием медиатизации и глобализации. При таком фокусе рассмотрения очевидным становится тот факт, что кросс-культурное взаимодействие участников медиааудитории провоцирует «столкновение ценностей» при трансляции мнений в онлайн-медиадискурсе [6, с. 15].

Зарубежные исследования, в частности работа С. Хьяварда, также подтверждают, что формирование национальной энергетической идентичности происходит через использование исторических и нормативных символов [12, с. 112]. Таким образом, в условиях медиатизации специальная лексика не просто транслирует информацию, но становится носителем ценностных смыслов и идеологических установок.

Понятие ESG демонстрирует ярко выраженную аксиологическую двойственность. Под аксиологической двойственностью в медиалингвистике понимается способность языковой единицы приобретать в медиадискурсе полярные ценностные смыслы — от позитивных до негативных — в зависимости от идеологического контекста и интенций

автора [6, с. 160]. В медиатекстах 2025–2026 гг. ESG функционирует именно в таком двойственном ключе.

В одних изданиях оно подается как безусловное благо и стандарт цивилизованного бизнеса: «*Внедрение **ESG**-принципов становится необходимым условием для выхода российских компаний на международные рынки капитала*» [20]. В других — как инструмент давления на российские компании, элемент неоколониальной политики и «зеленый протекционизм»: «***ESG**-повестка используется Западом как инструмент недобросовестной конкуренции и сдерживания развития отечественной промышленности*» [30].

Термин «углеродный след» также поляризован: от нейтрального показателя до инструмента морального давления или, напротив, до «пропагандистского мифа» Запада. Ср. нейтральное употребление: «*Российские экспортеры начали рассчитывать **углеродный след** своей продукции для поставок в Европу*» [32] и идеологизированное: «*Концепция **углеродного следа** — это миф, призванный ограничить развитие развивающихся экономик*» [31].

Данная поляризация отчетливо проявляется в отношении ключевых энергетических терминов. Термин «чистый ноль» (net zero) для одних медиа — цель, к которой необходимо стремиться (углеродная нейтральность к 2050–2060 гг.): «*Достижение **чистого нуля** — это стратегический приоритет для будущих поколений*» [37]. Для других — нереалистичный сценарий или способ сдерживания развивающихся экономик: «*Погоня за **чистым нулем** — это экономически необоснованная утопия*» [38]. «Водородная энергетика» представляется то как «энергия будущего», то как «технология с нерешенными проблемами». «Возобновляемые источники энергии» оцениваются либо как «альтернатива традиционной энергетике», либо как «нестабильный и дорогой источник».

Данная поляризация подтверждает тезис о том, что медиадискурс не просто отражает реальность, но и конструирует ее, обслуживая различные идеологические позиции.

Таким образом, аксиологическая поляризация энергетической лексики в современном медиадискурсе выступает не столько побочным эффектом медиатизации, сколько ее имманентной характеристикой. Как отмечает Е.И. Кузнецова, цифровая медиатизация «обостряет ценностные противоречия и создает условия для манипуляции общественным сознанием через языковые средства» [6, с. 159]. В этом контексте специальная лексика, утрачивая свою дефинитивную строгость, превращается в инструмент идеологической борьбы, где за терминологическими дебатами скрываются принципиальные различия в понимании путей развития национальной экономики, роли государства в энергетическом переходе и места России в глобальной климатической повестке. Двойственная природа медиатизированной энергетической лексики заключается в том, что она одновременно способствует популяризации научного знания и служит средством продвижения определенных политических и экономических интересов.

Аксиологическая поляризация нередко сопровождается также стратегической эвфемизацией или дисфемизацией отдельных терминов в зависимости от идеологической позиции издания. Например, понятие «энергетический переход» может подаваться как «вынужденная трансформация» в одних медиа и как «исторический шанс для модернизации» — в других. Такая терминологическая вариативность свидетельствует о том, что в условиях медиатизации сама лексическая единица становится полем смысловой борьбы, где закрепляется не столько объективное содержание, сколько идеологически маркированная интерпретация.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что медиатизация энергетической лексики является объективным и сложным процессом. С одной стороны, она ведет к «детерминологизации» — стиранию строгих границ понятия, его семантическому расширению. С другой стороны, медиадискурс выступает в роли «ретранслятора» [4, с. 160] научного знания в общество, делая сложные проблемы предметом широкой дискуссии.

Основными механизмами медиатизации выступают:

1. Семантическая деспециализация (расширение значения и утрата терминологической строгости);

2. Метафоризация (адаптация сложного через знакомое — военные, медицинские, пространственные метафоры);

3. Идеологизация (приобретение устойчивой оценочности и аксиологическая поляризация).

Медиатизированная энергетическая лексика — это уже не столько единица языка науки, сколько единица языка идеологии и массовой культуры, инструмент формирования общественного мнения. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение национальной специфики медиатизации данных лексических единиц в условиях различных информационных повесток.

Представленное исследование позволяет также обозначить перспективные направления дальнейшего изучения медиатизации специальной лексики. В качестве ограничений данной работы следует отметить, что материалом послужили преимущественно тексты центральных российских интернет-СМИ, что не охватывает всего многообразия медиадискурса, включая региональные издания, телевизионные программы и пользовательский контент в социальных сетях. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сопоставительный анализ медиатизации энергетической лексики в различных типах дискурса (политическом, научно-популярном, рекламном), а также на выявление национально-культурной специфики этого процесса в сопоставлении с иноязычными медиадискурсами. Особую актуальность приобретает также изучение динамики медиатизации в диахроническом аспекте, что позволит проследить эволюцию семантических и аксиологических трансформаций энергетической лексики в зависимости от изменения информационной повестки и геополитической ситуации.

Кроме того, перспективным представляется углубленное изучение рецептивного аспекта медиатизации: того, как различные группы аудитории интерпретируют медиатизированные энергетические термины и в какой степени их понимание соответствует или расходится с авторскими интенциями. Такой подход позволит перейти от анализа текстовой динамики к анализу реального коммуникативного эффекта, что особенно важно в условиях, когда энергетическая лексика активно используется для формирования общественного мнения и обоснования политико-экономических решений.

С практической точки зрения, результаты исследования могут быть использованы в курсах медиалингвистики и дискурс-анализа, а также в практике преподавания русского языка как иностранного при работе с текстами современных СМИ. Перспективным направлением дальнейших исследований является сопоставительный анализ медиатизации энергетической лексики в различных национальных медиадискурсах, что позволит выявить универсальные и культурно-специфические черты данного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславская В.В. Журналистский текст: лингвосоциокультурное моделирование: автореф. дис. … доктора филол. наук: 10.01.10 / Богуславская Вера Васильевна. — Воронеж, 2004. — 37с.
2. Богуславская В.В. Особенности моделирования текста средств массовой информации и коммуникации// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2004. — № 1. — С. 70–81.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т.Г. Добросклонская. — М.: КДУ, 2020. — 364 с.
4. Земанс П.Б. Медиатизация как фактор трансформации языковых практик / П.Б. Земанс // Вопросы языкознания. — 2021. — № 3. — С. 10–25.
5. Карташова А.В. Когнитивная метафора в научном тексте (на примере текстов ядерной энергетики) / А.В. Карташова // Вестник науки Сибири. — 2011. — № 1 (1). — С. 617–622.
6. Кузнецова Е.И. Феномен цифровой медиатизации: аксиологический аспект социальной коммуникации / Е.И. Кузнецова // Гуманитарный вектор. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 154–160.
7. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман ; пер. с нем. — М.: Праксис, 2005. — 256 с.
8. Петрова Е.А. Семантические трансформации специальной лексики в условиях медиатизации / Е.А. Петрова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2022. — № 5. — С. 78–89.
9. Солганик Г.Я. Язык СМИ и публицистика / Г.Я. Солганик // Язык массовой информации : учебное пособие / под ред. М.Н. Володиной. — М.: Академия, 2008. — С. 120–150.
10. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации : учебник / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. — М.: АСТ-Пресс, 2017. — 316 с.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале / А.П. Чудинов // Русская речь. — 2001. — № 1. — С. 44–51.
12. Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society / S. Hjarvard. — Routledge, 2013. — 173 p.
13. Hjarvard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change / S. Hjarvard // Nordicom Review. — 2008. — Vol. 29. — No. 2. — P. 105–134.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Ведомости. Скорость энергоперехода // Ведомости. — 10.12.2025. — URL: https://www.vedomosti.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).
15. Ведомости. Программа декарбонизации российской экономики предусматривает обновление промышленных мощностей // Ведомости. — 03.03.2026. — URL: https://www.vedomosti.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).
16. Известия. Все больше россиян задумываются о том, как снизить свой углеродный след // Известия. — 20.01.2026. — URL: https://iz.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).
17. РИА Новости. Евросоюз ужесточает климатическое законодательство // РИА Новости. — 15.03.2026. — URL: https://ria.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).
18. Коммерсантъ. Крупные инвесторы все чаще отдают предпочтение проектам в сфере зеленой энергетики // Коммерсантъ. — 05.02.2026. — URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).
19. Энергетическая политика. Энергетический переход с инженерной точки зрения // Энергетическая политика. — 29.05.2024. — URL: https://energy-policy.ru/energeticheskij-perehod-s-inzhenernoj-tochki-zreniya/ (дата обращения: 01.03.2026).
20. РБК. Без соблюдения ESG-принципов российским компаниям будет все сложнее выходить на международные рынки // РБК. — 12.02.2026. — URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).
21. Коммерсантъ. Европейские политики призывают к решительной атаке на углерод // Коммерсантъ. — 15.01.2026. — URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
22. Ведомости. В Северном море разворачивается битва за ветрогенерацию // Ведомости. — 03.02.2026. — URL: https://www.vedomosti.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
23. РИА Новости. Газ продолжает использоваться как энергетическое оружие // РИА Новости. — 20.02.2026. — URL: https://ria.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
24. Известия. Война санкций привела к переориентации энергетических потоков // Известия. — 10.03.2026. — URL: https://iz.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
25. РБК. Ученые заявляют о климатической угрозе // РБК. — 05.01.2026. — URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
26. Известия. Европа стремится преодолеть энергетическую зависимость от российского газа // Известия. — 12.01.2026. — URL: https://iz.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).

27. РБК. Российская экономика окончательно слезла с сырьевой иглы? // РБК. — 05.02.2026. — URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
28. Коммерсантъ. Европейские страны вынуждены объявлять о временной реанимации угольных электростанций // Коммерсантъ. — 20.02.2026. — URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
29. Ведомости. Климатическая повестка связывается со здоровьем планеты // Ведомости. — 03.03.2026. — URL: https://www.vedomosti.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
30. Известия. ESG-повестка используется Западом как инструмент недобросовестной конкуренции // Известия. — 25.01.2026. — URL: https://iz.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
31. Ведомости. Концепция углеродного следа — это миф // Ведомости. — 15.03.2026. — URL: https://www.vedomosti.ru/ (дата обращения: 02.03.2026).
32. Коммерсантъ. Крупные экспортеры обязаны указывать углеродный след своей продукции // Коммерсантъ. — 20.01.2024. — URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).
33. BBC News Русская служба. Климатический кризис: что такое «углеродная нейтральность» и как ее достичь? // BBC News Русская служба. — 05.11.2023. — URL: https://www.bbc.com/russian/articles/cxrv3w65pyqo (дата обращения: 01.03.2026).
34. Большая российская энциклопедия. Углеродный след // Большая российская энциклопедия. — URL: https://bigenc.ru/c/uglerodnyi-sled-d9ed70 (дата обращения: 01.03.2026).
35. Государственная служба экологического контроля и охраны окружающей среды ПМР. «Зеленая» энергия — энергия будущего! // Государственная служба экологического контроля и охраны окружающей среды ПМР. — 17.04.2024. — URL: https://www.gseco.gospmr.org/news/2024/news-2024-04-17-2.shtml (дата обращения: 01.03.2026).
36. РБК. Российские нефтегазовые компании разрабатывают стратегии достижения чистого нуля к 2050 году // РБК. — 15.11.2023. — URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).
37. Ведомости. «Чистый ноль» стоит $2,7 трлн в год // Ведомости. — 14.09.2023. — URL: https://www.
38. vedomosti.ru/esg/climate/articles/2023/09/14/995257-chistii-nol-stoit-27-trln-v-god (дата обращения: 30.07.2026).
39. Коммерсантъ. «Неотвратимость счастья» // Коммерсантъ. — 13.05.2022. — URL: https://www.
40. kommersant.ru/doc/5348045 (дата обращения: 30.07.2026).

REFERENCES

1. Boguslavskaya, V. V. (2004). Zhurnalistskij tekst: lingvosociokul'turnoe modelirovanie [Journalistic Text: Linguo-Socio-Cultural Modeling] (Doctoral dissertation). Voronezh. (In Russian)
2. Boguslavskaya, V. V. (2004). Osobennosti modelirovaniya teksta sredstv massovoj informacii i kommunikacii [Features of Modeling the Text of Mass Media and Communication]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 1, 70–81. (In Russian)
3. Dobrosklonskaya, T. G. (2020). Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya [Media Linguistics: Theory, Methods, Directions]. Moscow: KDU. (In Russian)
4. Zemans, P. B. (2021). Mediatizatsiya kak faktor transformatsii yazykovykh praktik [Mediatization as a Factor in the Transformation of Language Practices]. Voprosy yazykoznaniya, 3, 10–25. (In Russian)
5. Kartashova, A. V. (2011). Kognitivnaya metafora v nauchnom tekste (na primere tekstov yadernoy energetiki) [Cognitive Metaphor in a Scientific Text (Based on Texts on Nuclear Energy)]. Vestnik nauki Sibiri, 1(1), 617–622. (In Russian)
6. Kuznetsova, E. I. (2022). Fenomen tsifrovoy mediatizatsii: aksiologicheskiy aspekt sotsial'noy kommunikatsii [The Phenomenon of Digital Mediatization: Axiological Aspect of Social Communication]. Gumanitarnyy vektor, 17(2), 154–160. (In Russian)
7. Luhmann, N. (2005). Real'nost' massmedia [The Reality of the Mass Media]. Moscow: Praksis. (In Russian)
8. Petrova, E. A. (2022). Semanticheskie transformatsii spetsial'noy leksiki v usloviyakh mediatizatsii [Semantic Transformations of Special Vocabulary in the Context of Mediatization]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya, 5, 78–89. (In Russian)
9. Solganik, G. Ya. (2008). Yazyk SMI i publitsistika [The Language of Mass Media and Journalism]. In M. N. Volodina (Ed.), Yazyk massovoy informatsii [The Language of Mass Information] (pp. 120–150). Moscow: Akademiya. (In Russian)
10. Vikulova, L. G., & Sharunov, A. I. (2017). Osnovy teorii kommunikatsii [Fundamentals of Communication Theory]. Moscow: AST-Press. (In Russian)
11. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale [Russia in the Metaphorical Mirror]. Russkaya rech', 1, 44–51. (In Russian)

12. Hjarvard, S. (2013). The Mediatization of Culture and Society. Routledge. (In English)
13. Hjarvard, S. (2008). The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. Nordicom Review, 29(2), 105–134. (In English)

Поступила в редакцию 08.04.2026 г.

MEDIATIZATION OF "ENERGY" SPHERE VOCABULARY IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Jia Yuyu

This article investigates the mediatization process of the "energy" sphere vocabulary in contemporary media discourse. Amid the global energy transition and heightened public attention to environmental issues and energy security, specialized lexicon extends beyond the professional domain and actively functions in mass media. The study analyzes semantic transformations, axiological shifts, and the pragmatic potential of key energy concepts that form the core of the energy conceptual sphere in the process of their mediatization. Special attention is paid to the role of metaphorization and ideologization of terms as primary mechanisms of mediatization. The author concludes that mediatization leads to the blurring of strict definitions but simultaneously turns terms into powerful tools for shaping public opinion.

Key words: mediatization, energy vocabulary, media discourse, semantic transformation, discourse analysis, metaphorical modeling, energy transition, ideologization.

Цзя Юйюй.
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва,
Российская Федерация.
Аспирант кафедры общего и русского языкознания.

ORCID 0009-0007-0359-3736.
E-mail: 354114286@qq.com

JiaYuyu.
Pushkin State Russian Language Institute,

Moscow, Russian Federation.
Postgraduate student at Department of General and Russian Linguistics.
ORCID 0009-0007-0359-3736.
E-mail: 354114286@qq.com

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.5281/zenodo.22085101

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ, СОВЛАДАНИЯ И ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭСКАПИЗМА [4]

© 2026 А.В. Гордеева
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0003-1720-0466

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Одним из способов преодоления стрессовой ситуации является эскапизм — бегство от реальности в более безопасный и позитивный выдуманный или виртуальный мир. В статье рассматриваются особенности проявления эскапизма, а также его связь с жизнестойкостью, стратегиями совладания и травматическим опытом студентов, длительное время проживающими в зоне военного конфликта в Донецкой Народной Республике. Показано, что для эскапистов характерно значительное внутреннее напряжение, уход от проблем в альтернативный мир, а повышенная интенсивность эскапистской деятельности носит деструктивный характер. Жизнестойкость снижается с повышением эскапизма, отличаются компоненты структуры жизнестойкости всех трех групп. Студенты с высоким уровнем эскапизма отличаются от представителей двух других групп более высоким травматическим опытом и стратегиями совладания. Они чаще используют импульсивные и манипулятивные стратегии, а также агрессивные действия.

***Ключевые слова*:** эскапизм, эскапист, жизнестойкость, совладающее поведение, копингстратегии, избегание, травматический опыт, адаптация, ресурсы, стресс, студенты.

Для цитирования: Гордеева А.В. Особенности жизнестойкости, совладания и травматического опыта у студентов с разным уровнем эскапизма / А.В. Гордеева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 244–256. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22085101

Введение. В настоящее время, которое характеризуется нестабильностью и сложной военной обстановкой, с одной стороны, бурным развитием информационных технологий и искусственного интеллекта, с другой, к адаптационным ресурсам личности предъявляются все более высокие требования. Особое внимание необходимо обратить на студенческую молодежь, проживающую в зоне военного конфликта. Они так же, как и студенты, обучающиеся в мирной обстановке, находятся на этапе личностного и профессионального становления, в ситуации неопределенности, связанной с выбором дальнейшего жизненного и профессионального пути. У них такие же проблемы с академическим обучением, в том числе и из-за цифровизации образования. Но ко всем этим переживаниям добавляются проблемы, связанные со сложной социально-политической обстановкой, а также

[4] Работа выполнена в рамках государственного задания «Личность в современном информационном и социокультурном пространстве» (№ FRRE-2026-0029).

полученный травматический опыт, в той или иной степени имеющийся у каждого студента, проживающего в зоне военного конфликта.

Одним из способов преодоления стрессовой ситуации является эскапизм — стремление личности уйти из реального мира в мир фантазий и иллюзий, более радостный или безопасный [2; 12; 13; 16]. Психологический подход к эскапизму формируется в нескольких основных парадигмах. В рамках психоанализа и теории психологических защит эскапизм трактуется прежде всего, как механизм защиты от тревоги. И. Н. Андреева отмечает, что понимание термина «эскапизм» как «ускользать от внимания» или «не иметь возможности вспомнить» указывает на работу механизма вытеснения [1].

Вторая распространенная трактовка связывает эскапизм с проблемой выработки новых адаптационных механизмов к социальной среде [10]. В рамках психологии совладающего поведения эскапизм прочно утвердился как одна из базовых, чаще всего эмоционально ориентированных и избегающих стратегий. Она может быть временно эффективной, но в долгосрочной перспективе часто оценивается как дезадаптивная, способствующая усугублению проблем и связанная с психологическим неблагополучием.

Современный этап исследования эскапизма характеризуется стремлением к интеграции различных подходов и операционализации понятия для эмпирической диагностики. Наиболее целостный подход предложен О. И. Теславской и Т.Н. Савченко. Они определяют эскапизм как «форму активности личности, возникающую вследствие рассогласования реальных и желаемых ценностных структур разного уровня (внутриличностного конфликта) в целях его уменьшения (разрешения), которое реализуется путем погружения в субъективно альтернативную реальность» [12, с. 689]. В этом определении акцент идет на ключевые моменты: активность личности (а не пассивное бегство), причинная связь с внутриличностным конфликтом, целевая направленность на снижение напряжения и специфический способ реализации.

На основе данной трактовки авторами была разработана методика диагностики уровня выраженности эскапизма. Она включает три основные шкалы, отражающие его структурные компоненты: 1) Наличие конфликта и выраженность стратегии ухода и самоизбегания; 2) Саморасщепление (субъективная «расщепленность» сознания на несколько жизненных миров); 3) Интенсивность потоковых переживаний [17].

Именно на основе выраженности этих компонентов О.И. Теславская и Т.Н. Савченко предлагают разделять направленность эскапизма на нормативную и деструктивную. Нормативный эскапизм характеризуется умеренной выраженностью компонентов, особенно шкалы избегания. Он выполняет преимущественно компенсаторную функцию, стабилизирует эмоциональное состояние за счет увлечения хобби или открытия для себя чего-то нового. Это позволяет восстановить свои ресурсы и адаптироваться к сложным ситуациям. Деструктивный эскапизм, напротив, отличается высокими показателями по шкалам, что свидетельствует о его тесной связи с глубокими внутриличностными проблемами. Он ведет не к разрешению конфликта, а к его усугублению, способствуя социальной дезадаптации, аутизации и может выступать основой для формирования психологической зависимости (например, игровой, интернет-зависимости).

Особенно значимым этот феномен оказывается в молодежной среде, где естественная склонность к фантазированию, поиску идентичности и экспериментированию с социальными ролями пересекается с высокой эмоциональной чувствительностью и неопределенностью будущего.

Одним из ключевых личностных ресурсов, обеспечивающих адаптацию к сложным жизненным обстоятельствам, является жизнестойкость — особое интегративное качество, система установок и убеждений о мире и о себе, позволяющее личности выдерживать стрессовую ситуацию, оставаться при этом активным и здоровым

(С. Мадди и С. Кобейс). Именно она определяет, способен ли человек не только выдержать давление обстоятельств, но и трансформировать полученный негативный опыт в личностный рост [4; 5]. Жизнестойкость отражает внутренние личностные ресурсы, установки и убеждения, обеспечивающие устойчивость к стрессовым воздействиям [9]. В отечественной психологии термин hardiness, введенный С. Мадди, был переведен Д. А. Леонтьевым как «жизнестойкость». И в след за С. Мадди жизнестойкость рассматривалась как диспозиция, включающая в себя три компонента: вовлеченность (человек получает удовольствие от своей деятельности), контроль (убежденность в возможности выбора своего пути) и принятие риска (убежденность, что даже негатив позволяет человеку развиваться [6]. По Мадди, жизнестойкость — это внутренний ресурс, который позволяет человеку справиться со сложными обстоятельствами, сохранив свое физическое и психическое здоровье. Д.А. Леонтьев рассматривает жизнестойкость как составляющую личностного потенциала, которая «является неспецифическим фактором саморегуляции» [6, с.205].

Несомненно, что травматический опыт способен подрывать психологическое благополучие личности и снижать ее жизнестойкость. В той или иной степени, травматический опыт есть у всех участников нашего исследования. Отметим, что этот опыт отличается от повседневного стресса, потому что является следствием постоянного проживания в зоне военного конфликта, связан с реальной угрозой своей жизни или окружающих людей.

Для системного анализа травматического опыта и его влияния на психическое функционирование часто используют клиническую методику — Шкалу оценки влияния травматического события (ШОВТС) в адаптации Н.В. Тарабриной [14; 15]. В ней выделяются три ключевых компонента травматического опыта, которые оцениваются с помощью шкал: 1) Вторжение — отражает степень того, насколько человек испытывает навязчивые воспоминания о травмирующем событии; 2) Избегание — оценивает склонность субъекта дистанцироваться от воспоминаний, эмоций и внешних напоминаний о событии; 3) «Физиологическое возбуждение» — фиксирует уровень психофизиологической реактивности.

Психологические последствия травматического опыта носят комплексный характер и затрагивают различные уровни функционирования личности.

Преодолевает трудные жизненные обстоятельства человек с помощью определенных способов поведения — копинг-стратегий, которые реализуют его внутренние ресурсы [11]. Они могут быть как конструктивными, так и неконструктивными. Жизнестойкость же — это более глубинная система убеждений, которая как раз предрасполагает к выбору определенных, более адаптивных типов копинга (например, проблемно-ориентированных, поиска поддержки, позитивной переоценки и т.д.), что неоднократно подтверждалось в ходе исследований [6; 8]. Иными словами, жизнестойкость можно рассматривать как основу для формирования адаптивного копинг-поведения.

Таким образом, травматический опыт и копинг-стратегии представляют собой два ключевых аспекта взаимодействия личности с жизненными трудностями. Травма, особенно в ее комплексном варианте, может приводить к стагнации жизненного мира, нарушая непрерывность личностной истории и блокируя рефлексивные и адаптационные способности. Копинг-стратегии, в свою очередь, являются тем инструментарием, который личность использует для управления стрессом, и их эффективность определяется адекватностью ситуации, разнообразием и гибкостью применения. Понимание особенностей как травматического опыта, так и ресурсов

совладающего поведения формирует основу для дальнейшего их исследования в совокупности с жизнестойкостью и эскапизмом.

Цель данной работы явилось изучение особенностей жизнестойкости, копинг-стратегий и травматического опыта у студентов с разным уровнем эскапизма, а также установление взаимосвязей эскапизма с ключевыми компонентами жизнестойкости, с выбором определенных копинг-стратегий и выраженностью травматического опыта.

В качестве **гипотезы** исследования было выдвинуто предположение, что 1) между выборками с низким, средним и высоким уровнем эскапизма существуют различия по жизнестойкости, выбираемыми копинг-стратегиями, а также по степени влияния травматического опыта; 2) существуют значимые корреляции между эскапизмом, жизнестойкостью, копинг-стратегиями и травматическим опытом.

Материалы и методы исследования. В соответствии с целью нашего исследования был сформирован комплекс психодиагностических методик, в который вошли:

– Методика измерения уровня выраженности эскапизма (авт. О.И. Теславская и Т.Н. Савченко) [17].

– Тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой) [7].

– Стратегия преодоления стрессовых ситуаций, SACS (адаптация Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой) [3].

– Шкала оценки влияния травматического события М. Горовиц (адаптация Н.В. Тарабриной [14].

В исследовании участвовали студенты 1–4 курсов Донецкого государственного университета очной формы обучения в количестве 51 человека. Средний возраст — 18,6 лет, 92% — девушки, 8% — юноши. Все студенты направления подготовки «Психология», именно этим объясняется неравномерность выборки по полу. Все студенты постоянно проживают в Донецкой Народной Республике. Обучение проходило в смешанном формате, в большей степени в дистанционной форме, в меньшей степени — очной. Дистанционный формат вызван сложной военной обстановкой, небезопасным перемещением студентов, отсутствием общежитий и частично разрушенными корпусами университета.

Исследование проводилось в онлайн формате при соблюдении конфиденциальности и анонимности участников.

Дизайн исследования предполагал деление испытуемых на группы с разной направленностью эскапизма; сравнение показателей жизнестойкости, копинг-стратегий и травматического опыта с помощью критерия Крускала-Уоллиса в этих группах, а также корреляционный анализ на всей выборке испытуемых.

Критерием деления всей выборки на подгруппы с разным уровнем эскапизма явился интегративный показатель Методики измерения уровня выраженности эскапизма (авт. О.И. Теславская и Т.Н. Савченко). Авторы выделили помимо указанных ранее трех компонентов эскапизма интегративный показатель, принимающий три уровня выраженности: низкий, нормативный и высокий. В соответствие с полученными показателями было сформировано 3 выборки: первая — с низким уровнем эскапизма, 8 человек (15,7%); вторая — с нормативным уровнем, 22 человека (43,1%); третья — с высоким уровнем (авторы назвали его «чрезмерный»), 21 (41,2%) человек.

Основная часть. Рассмотрим эскапизм каждой группы. В табл. 1 приведены средние показатели по трем компонентам эскапизма и результаты сравнения трех групп, выполненные с помощью критерия Крускала-Уоллиса. Результаты сравнения показали

значимость различий по всем компонентам. Хорошо видна динамика повышения показателей с повышением уровня эскапизма, что собственно соответствует концепции авторов методики. А на рис.1 помимо сравнения средних можно наблюдать разное соотношение компонентов в каждом уровне.

У выборки с нормативным уровнем эскапизма все три компонента выражены примерно одинаково и в пределах нормы. Несколько больше оказался показатель «Состояние Потока». Для испытуемых данной группы характерно стремление к получению положительных эмоций и удовольствия посредством приятной деятельности или погружения в субъективно привлекательные переживания при сохранении относительной адаптивности данного механизма. Наименее выраженным компонентом в данной группе является «Неудовлетворенность и избегание», что может говорить о меньшей выраженности внутреннего напряжения и об отсутствии сильной тенденций к избегающему поведению. Таким образом, для данных испытуемых эскапизм — это осознанный способ восстановить свои ресурсы. И так как избегание выражено в меньшей степени, можно говорить о конструктивной направленности эскапизма.

Таблица 1

Сравнение компонентов эскапизма в группах разного уровня выраженности эскапизма

Уровень эскапизма	*Неудовлетворенность и избегание проблем*	*Альтернативная социальная реальность*	*Состояние Потока*
Низкий (реализм)	31,38	28,88	26,75
Средний (нормативный)	34,68	34,86	35,50
Высокий (чрезмерный)	50,14	43,29	35,95
$H_{эмп}$ Крускала-Уоллиса	21,618	30,731	9,299
Значимость ($H_{кр.0,05}$=5,991 $H_{кр.0,01}$=9,210)	p≤0,001	p≤0,001	p≤0,01

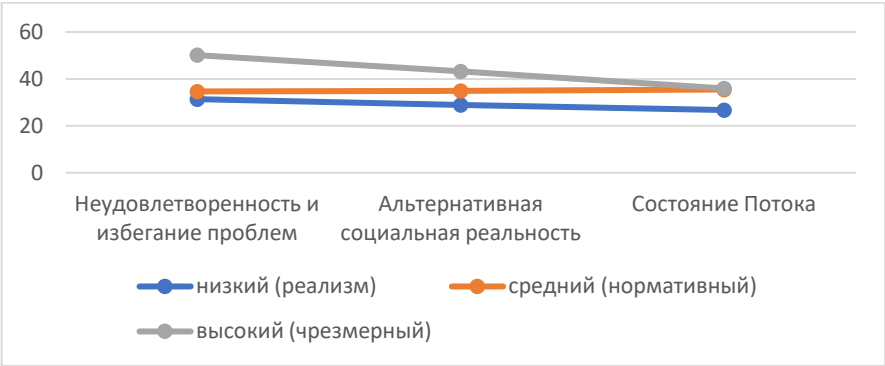


Рис.1. Средние показатели по субшкалам Методики измерения выраженности эскапизма

У выборок с высоким и низким уровнем эскапизма, наиболее выраженным по сравнению с другими двумя компонентами выступает «Неудовлетворенность и избегание». Это указывает на наличие переживаний внутреннего напряжения, неудовлетворенности отдельными сторонами жизни или собой, а также тенденции к временному уходу от решения проблем. Вместе с тем у выборки с «чрезмерным» эскапизма данный показатель выражен сильнее, что позволяет предположить, что эскапизм в данной группе используется

больше и чаще как способ компенсации негативных переживаний. У выборки с реалистичным взглядом на мир данные проявления, вероятно, носят более ситуативный и менее выраженный характер. Наименее выраженным компонентом у данных групп является «Состояние Потока», что может свидетельствовать о сниженной ориентации на получение позитивных эмоций через деятельность, а также о меньшей склонности к уходу в субъективно-альтернативные переживания.

Сравнение жизнестойкости студентов с разным уровнем эскапизма выявило значимые различия как общего уровня жизнестойкости, так и его компонентов (табл. 2, рис. 2). Как и предполагалось, жизнестойкость уменьшается с повышением уровня эскапизма.

Таблица 2

Сравнение показателей жизнестойкости в группах разного уровня выраженности эскапизма

Уровень эскапизма	*Уровень жизнестойкости*	*Вовлеченность*	*Контроль*	*Принятие риска*
Низкий (реализм)	83,50	34,88	28,88	19,75
Средний (нормативный)	73, 17	25,83	26,3	21,04
Высокий (чрезмерный)	57,70	24,35	20,30	13,05
$H_{эмп}$ Крускала-Уоллиса	16,303	9,268	15,781	11,087
Значимость ($H_{кр.0,05}$=5,991 $H_{кр.0,01}$=9,210)	p≤0,001	p≤0,01	p≤0,001	p≤0,001

Наименее выраженным компонентом жизнестойкости у трех выборок является «принятие риска». Причем самые низкие показатели в группе с «чрезмерным» эскапизмом. Эскаписты склонны избегать неопределенности и риска, предпочитая комфорт, предсказуемость и безопасность, даже если это ограничивает развитие. Изменения и вызовы они чаще воспринимают как угрозы, а не как источники новых знаний, что снижает общую жизнестойкость. Но необходимо отметить, что эти показатели находятся в пределах нормы, в отличие от немного превышающих норму показателей принятия риска для групп с низким и средним уровнем эскапизма. Испытуемые этих групп больше готовы к приобретению нового опыта, готовы рисковать, не имея надежных гарантий успеха.

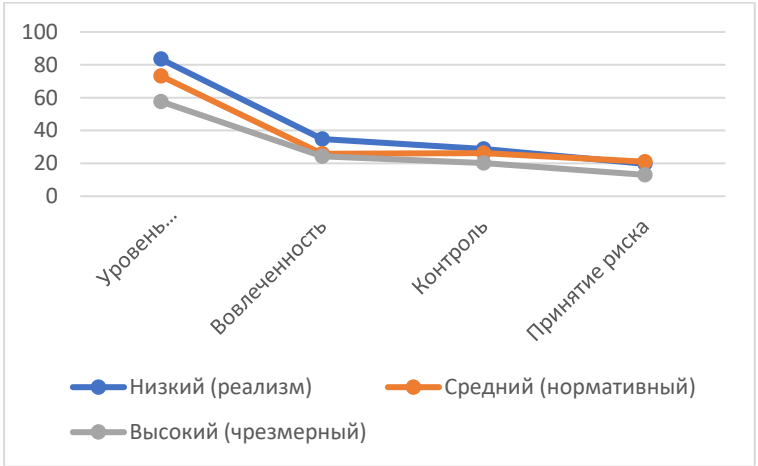


Рис.2. Средние показатели жизнестойкости и ее компонентов в группах разного уровня выраженности эскапизма

Все остальные показатели находятся в пределах нормы, но с разной степенью выраженности. В выборке реалистов самые высокие среди трех групп оценки вовлеченности и контроля. Они в большей степени убеждены, что вовлеченность в происходящее делает жизнь более насыщенной и интересной, они чувствуют себя более уверенными, чем представители среднего и высокого уровней эскапизма.

И если по показателю вовлеченности группы нормы и эскаписты ближе между собой, чем реалисты, то по контролю картина несколько другая. Здесь ближе между собой реалисты и норма. Они в большей степени убеждены в возможности влиять на происходящие события. Это указывает на стремление испытуемых данных групп воспринимать себя как субъектов собственной жизни. У эскапистов более выражено чувство собственной беспомощности, чем уверенность в себе.

В исследовании была использована методика «Стратегия преодоления стрессовых ситуаций, SACS» (адаптация Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой). Автор методики С. Хобфолл преодолевающее поведение рассматривал как стратегии поведения, а не как его отдельные типы. Его модель имеет две основных оси: просоциальную-асоциальную и активную-пассивную. Дополнительная ось позволяет разделить проблемно-ориентированный копинг на прямой и манипулятивный.

Сравнение копинг-стратегий в трех группах разной направленности эскапизма, выполненное с помощью Н-критерия Крускала-Уоллиса, показало значимые различия на 1% уровне в двух из 9 стратегий: импульсивные действия и избегания, на 5% уровне в общем индексе конструктивности.

Отметим, что практически все результаты лежат в пределах нормы, кроме нескольких, отмеченных в табл.3 звездочкой.

Таблица 3

Сравнение копинг-стратегий в группах разного уровня выраженности эскапизма

Копинг-стратегии	*Уровень эскапизма*			*$H_{эмп}$ Крускала-Уоллиса*	*Значимость ($H_{кр.0,05}$=5,991 $H_{кр.0,01}$=9,210)*
	Низкий (реализм)	*Средний (норма)*	*Высокий (чрезмерный)*		
Общий индекс конструктивности	1,45	1,14	1,12	8,875	p≤0,05
Ассертивные действия	18,38	18,73	19,14	0,058	нет
Социальное взаимодействие	22,5	22,14	22,76	0,177	нет
Поиск социальной. поддержки	23,5	23,09	21,9	0,691	нет
Осторожные действия	22,88	22,0	23,43	2,058	нет
Импульсивные действия	14,13*	17,45	19,86*	12,269	p≤0,01
Избегание	15,13	17,59*	20,19*	9,854	p≤0,01
Манипулятивные действия	17,38	19,91	21,29	5,842	нет
Асоциальные действия	13,63*	17,0	16,9	3,668	нет
Агрессивные действия	16,13	21,95*	21,43*	5,531	нет

Примечание: * — оценки, которые выходят за пределы нормы.

В выборке с высоким уровнем эскапизма преобладают стратегии импульсивного поведения (прямая стратегия) и избегания (пассивная стратегия), причем средние показатели выше нормы. У испытуемых с низким эскапизмом показателя импульсивного поведения ниже нормы. Испытуемые с нормативным эскапизмом, а также «чрезмерным» имеют высокие оценки асоциальной стратегии преодоления, а именно, они чаще прибегают к агрессивным действиям в ситуации стресса.

Данная методика позволяет вычислить степень конструктивности стратегии, т.е. когда преодоление является активным и просоциальным. По данным методики средняя конструктивность лежит в пределах 0,86–1,1. Как видим из табл.3, этот показатель превышает средний уровень во всех группах. Значительно больше он у реалистов, т.е. студентов с низким уровнем эскапизма.

Сравнение полученных результатов по Шкале оценки влияния травматического события М. Горовиц (адаптация Н.В. Тарабриной) приведены в табл.4 и на рис.3.

Таблица 4

Сравнение травматического опыта в группах разного уровня выраженности эскапизма

Уровень эскапизма	*Шкала оценки влияния травматического опыта*	*Вторжение*	*Избегание*	*Возбудимость*
Низкий (реализм)	28,88	11,0	11,38	6,5
Средний (нормативный)	48,14	17,95	14,91	15,27*
Высокий (чрезмерный)	54,9	18,76	18,71	17,43*
$H_{эмп}$ Крускала-Уоллиса	7,689	4,523	4,75	11,008
Значимость ($H_{кр.0,05}$=5,991 $H_{кр.0,01}$=9,210)	p≤0,05	нет	нет	p≤0,01

Примечание: * - оценки, которые выходят за пределы нормы.

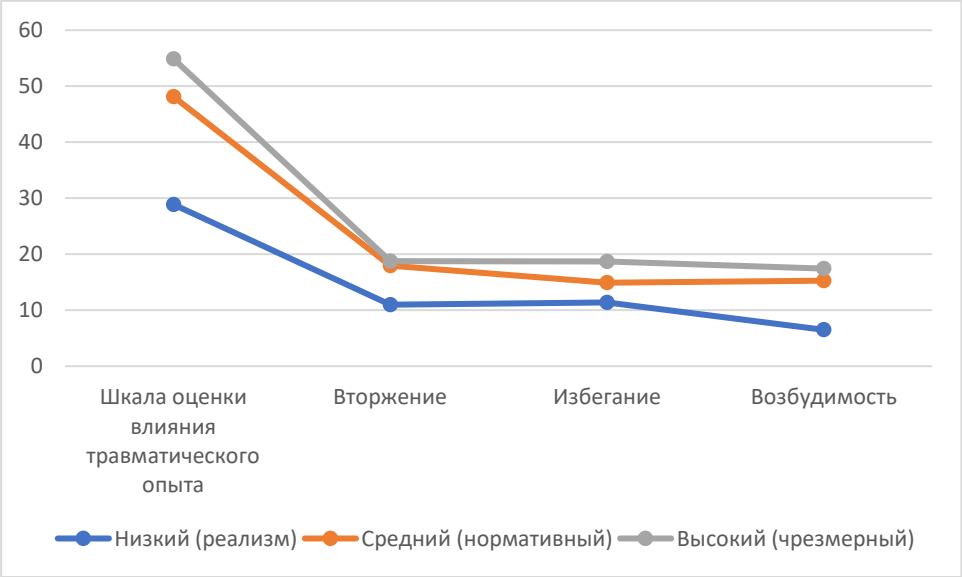


Рис.3. Показатели травматического опыта в группах разного уровня выраженности эскапизма

По общей шкале влияния травматического опыта получены значимые различия, но находящиеся в пределах нормы. Выше всего оценка травматического опыта у эскапистов, т.е. представителей выборки с высоким уровнем эскапизма.

Не получены значимые различия по шкалам методики «вторжение» и «избегание», однако видна тенденция повышения показателей по мере усиления эскапизма. Значимые различия выявлены по шкале физиологической возбудимости, причем в выборках нормативной и чрезмерной экспансивности, средние показатели находятся в зоне высокой выраженности.

Таким образом, у студентов со средним и высоким уровнем эскапизма достаточно выраженный травматический опыт, который проявляется в их склонности к повторному переживанию травматических событий в форме навязчивых мыслей, образов или воспоминаний, что указывает на сохранение значимости травматического опыта в психике испытуемых. И не менее значима тенденция избегания, подавления воспоминаний, связанных с травмирующими событиями. Их травматизация проявляется в повышенной возбудимости.

Студенты-реалисты, с низким уровнем эскапизма, имеют менее выраженный травматический опыт, который также проявляется в тенденциях повторного переживания и избегания, но в меньшей степени, чем представители двух других групп. И значительно меньше у них проявляется гипервозбуждение.

Для обобщения полученных данных и установления взаимосвязей между полученными эмпирическими показателями был проведен корреляционный анализ. Все данные были проверены на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова, который подтвердил нормальность распределения. Поэтому для расчетов использовался линейный коэффициент Пирсона. В табл. 5 приведены только шкалы со значимыми корреляциями.

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа

Методики	*Шкалы*	*Эскапизм*			
		Общий уровень	*Неудовлетворенность и избегание*	*Альтернативная социальная реальность*	*Состояние Потока*
Жизнестойкость	Уровень жизнестойкости	-0,60**	-0,58**	-0,37**	
	Вовлеченность	-0,40**			
	Контроль	-0,54**	-0,46**		
	Принятие риска	-0,40**	-0,55**		
Копинг-стратегии	Импульсивные действия	0,42**		0,45**	
	Избегание	0,35*		0,29*	
	Манипулятивные действия	0,29*		0,27*	
	Агрессивные действия	0,27*			0,38**
Травматический опыт	Шкала оценки влияния травматического опыта	0,34*	0,40**	0,27*	
	Вторжение		0,37**		
	Избегание	0,28*	0,31*		
	Возбудимость	0,42**	0,39**	0,33*	

Примечание: * — значимость p≤0,05; ** — значимость p≤0,01

Полученные корреляции подтверждают ранее полученные выводы. Студенты с высоким уровнем эскапизма обладают низкой жизнестойкостью, склонность к избеганию реальности сопровождается снижением интереса к происходящему и ощущения включенности в собственную жизнь. В этом случае деятельность перестает восприниматься испытуемыми как значимая и приносящая удовлетворение, что может усиливать переживание отчужденности и способствовать дальнейшему уходу в альтернативные формы переживания. У них низкий контроль за происходящими с ними событиями, ниже убежденность в способности управлять собственной жизнью. Ощущение беспомощности и внешней детерминированности происходящего может усиливать стремление к избеганию трудностей как способу снижения внутреннего напряжения. Напротив, высокий уровень контроля связан с ощущением собственной субъектности и ответственности за происходящее, что способствует активному решению проблем и снижает необходимость обращения к эскапистским стратегиям.

Испытуемые с выраженными эскапистскими тенденциями в меньшей степени склонны рассматривать жизненные события как источник опыта и развития. Для них более характерна ориентация на избегание неопределенности и потенциальных трудностей, что ограничивает готовность к активным действиям и снижает вероятность личностного роста. В противоположность этому, высокий уровень принятия риска предполагает готовность к неопределенности и восприятие трудностей как важного элемента личностного развития, что снижает выраженность избегания и способствует более конструктивному взаимодействию с реальностью.

Таким образом, в совокупности полученные данные позволяют говорить о том, что усиление эскапизма сопряжено со снижением всех ключевых компонентов жизнестойкости.

Корреляции эскапизма с копинг-стратегиями подтверждают связь эскапизма с совладающим поведением, а именно то, что эскаписты чаще используют импульсивные и манипулятивные действия, то есть прямые и непрямые стратегии, в их арсенале избегание, как пассивная стратегия, а также они агрессивны при взаимодействии с другими людьми в стрессовых ситуациях.

И последние корреляции эскапизма с травматическим опытом характеризуют испытуемых с высоким уровнем эскапизма как людей с большим травматическим опытом, быстро возбудимых, избегающих травматические воспоминания, но в то же время склонных к повторным травматическим переживаниям.

Эти корреляции можно объяснить и другой направленностью. Люди, имеющие большой травматический опыт, пытающиеся забыть травмирующие события, но все время возвращающиеся к ним, легко возбудимые в качестве совладающего поведения выбирают эскапизм, т.е. уход в другую реальность, бегство от настоящей жизни в мир фантазий и позитивных эмоций.

Заключение. Подводя итоги нашего исследования особенностей эскапизма молодежи, длительное время проживающей в условиях военного конфликта, можно сделать следующие выводы:

1. Одним из способов преодоления стрессовых ситуаций является эскапизм — стремление уйти в иллюзорный, безопасный, для молодых людей это чаще виртуальный мир, чтобы избежать негативных эмоций, чувства незащищенности, опасности и переживаний.

2. Сравнение компонентов эскапизма («Неудовлетворенность и избегание», «Альтернативная социальная реальность» и «Состояние Потока») в выборках с низким, средним и высоким уровнем эскапизма показало, что:

– у нормативной группы (средний уровень эскапизма) все три компонента находятся в пределах нормы, для нее эскапизм — это осознанный способ восстановить свои ресурсы, и можно говорить о конструктивной направленности эскапизма;

– у выборки с низким показателем эскапизма, так называемых «реалистов», менее выраженно внутреннее напряжение и отсутствует сильная тенденция к избегающему поведению, а также снижена ориентация на получение позитивных эмоций через деятельность, очевидно из-за меньшего напряжения;

– для эскапистов, представителей третьей группы с высоким уровнем эскапизма, характерно значительно сильное внутреннее напряжение, уход и избегание проблем. Эскапизм для них является способом компенсации негативных переживаний за счет ухода в другую, альтернативную реальность, т.е. удвоение реальностей. А также происходит повышение интенсивности эскапистской деятельности («Состояние Потока»), мотивом которой не является преодоление возникших противоречий, а избегание их. Поэтому этот вид эскапизма можно отнести к деструктивному.

3. Сравнение жизнестойкости студентов с разным уровнем эскапизма выявило значимые различия как общего уровня жизнестойкости, так и его компонентов. Жизнестойкость уменьшается с повышением уровня эскапизма. Эскаписты обладают значимо более низким уровнем жизнестойкости по сравнению с двумя другими группами, они более склонны избегать неопределенности и риска, предпочитая комфорт, предсказуемость и безопасность, даже если это ограничивает развитие. Изменения и вызовы они чаще воспринимают как угрозы. А вот представители с низким и средним уровнем эскапизма больше готовы к приобретению нового опыта, готовы рисковать, не имея надежных гарантий успеха. Они готовы воспринимать себя как субъектов собственной жизни в отличие от эскапистов, у которых более выражено чувство собственной беспомощности, чем уверенность в себе.

4. Совладающее поведение всех трех групп имеет ряд особенностей. Отметим, что в целом всем характерно конструктивные стратегии и просоциальное поведение, но есть и некоторые различия. У эскапистов преобладаю стратегии импульсивного поведения и избегания. Испытуемые с нормативным эскапизмом, так же, как и с высоким, чаще прибегают к агрессивным действиям в ситуации стресса.

5. Выше всего оценка травматического опыта у эскапистов и представителей среднего уровня эскапизма. Травматические события переживается в форме навязчивых мыслей или воспоминаний, что указывает на сохранение значимости травматического опыта в психике испытуемых. И не менее значима тенденция избегания, подавления воспоминаний, связанных с травмирующими событиями. Их травматизация проявляется в повышенной возбудимости.

6. Корреляционный анализ подтвердил результаты, полученные сравнительным анализом. Позволил установить значимые связи и закономерности. Усиление эскапизма сопряжено со снижением всех ключевых компонентов жизнестойкости, и наоборот, с повышением травматического опыта. Есть значимые корреляции эскапизма с копинг-стратегиями, а именно с импульсивными и манипулятивными стратегиями, с избеганием и агрессивными действиями в состоянии потока.

Таким образом, результаты исследования позволяют подтвердить ключевые теоретические положения о взаимосвязи эскапизма, жизнестойкости, копинг-стратегий и травматического опыта, а также уточняют роль отдельных компонентов этих феноменов в структуре психологической адаптации личности. Вместе с тем для возможности обобщения выводов и уточнения характера выявленных связей целесообразно проведение дальнейших исследований с расширением выборки и контролем возможных внешних факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева И. Н. Когнитивно-аффективные факторы эскапизма у студентов / И. Н. Андреева. // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. — 2020. — № 2. — С. 87 –97.
2. Белов В. И. Эскапизм: причины, функции и границы / В. И. Белов. // Международный научный журнал «Инновационная наука». — 2017. — № 03–1. — С. 270–276.
3. Водопьянова Н. Е. Психология стресса / Н.Е. Водопьянова. — СПб: Питер, 2009. — С. 51–260.
4. Евтушенко Е. А. Жизнестойкость личности как психологический феномен / Е. А. Евтушенко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. — 2016. — № 1 (58). — С. 72–78.
5. Кучерявенко И. А. Феномен жизнестойкости в психологической науке / И. А. Кучерявенко, О. И. Гринева, Е. С. Еголаева // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — № 79–2. — С. 429–432.
6. Леонтьев Д. А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова / Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. — 680 с.
7. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. — М.: Смысл, 2006. — 63 с.
8. Лобоза, О. В. Жизнестойкость как компонент психологической безопасности личности / О. В. Лобоза // Вестник Прикамского социального института. — 2019. — № 2 (83). — С. 75–79.
9. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений / С. Р. Мадди // Психологический журнал. — 2005. — № 6. — С. 87–101.
10. Нятина Н. В. Эскапизм — отклонение в социализации молодежи / Н.В. Нятина //Вестник КемГУ. — 2013. — №2 (54). — С. 133–136.
11. Рассказова Е. И. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований / Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева // Психологические исследования. — 2011. — № 4 (17). — С. 1–12.
12. Савченко Т. Н. Уход от реальности (эскапизм): отечественные и зарубежные психологические подходы к определению понятия / Т. Н. Савченко, О. И. Теславская // Разработка понятий современной психологии: сборник материалов. — 2021. — С. 672–702.
13. Савченко Т. Н. Типы внутриличностных конфликтов как детерминанты эскапизма / Т. Н. Савченко, О. И. Теславская // Прикладная юридическая психология. — 2023. — № 4 (65). — С. 144–154. — DOI: 10.33463/2072-8336.2023.4(65).
14. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. — СПб: Питер, 2001. — 272 с.
15. Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: теория и практика / Н. В. Тарабрина. — Москва, 2009. — 304 с. — ISBN 978-5-9270-0143-9. — EDN QCTEKX.
16. Теславская О. И. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии / О. И. Теславская, А. А. Кардапольцева, Е. В. Беловол, Т. Н. Савченко / Психологический журнал. — 2017. — Т.38. №6. — С. 52–64. — DOI: 10.7868/S0205959217060058.
17. Теславская О. И. Субъективное качество жизни и психологическая адаптация у лиц с низким, средним и высоким уровнем эскапизма / О. И. Теславская, Т.Н. Савченко // Экспериментальная психология. 2019. — Т. 12. № 2. — С. 162–176. doi:10.17759/exppsy.2019120212

REFERENCES

1. Andreeva, I.N. (2020). Kognitivno-affektivny`e faktory` e`skapizma u studentov [Cognitive-affective factors of escapism among students]. Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology, 2, (pp. 87–97). (In Belarus).
2. Belov, V.I. (2017). Eskapizm: prichiny, funkcii i granicy [Escapism: Causes, functions, and Boundaries]. International scientific journal "Innovative Science", 03–1, (pp.270–276). (In Russian).
3. Vodop`yanova, N.E. (2009). Psixologiya stressa [Psychology of stress]. St. Petersburg, Publ. Piter, (pp. 51–260). (In Rusian).
4. Evtushenko, E.A. (2016). Zhiznestojkost` lichnosti kak psixologicheskij fenomen [Personality resilience as a psychological phenomenon]. Lichnost`, sem`ya i obshhestvo: voprosy` pedagogiki i psixologii, 1 (58), (pp.72–78). (In Russian).
5. Kucheryavenko, I.A., Grineva, O.I. & Egolaeva, E.S. (2023). Fenomen zhiznestojkosti v psixologicheskoj nauke [The phenomenon of resilience in psychological science]. Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. (pp.79–2, 429–432). (In Russian).
6. Leont`ev, D.A. & Rasskazova, E.I. (2011). Zhiznestojkost` kak sostavlyayushhaya lichnostnogo potenciala [Resilience as a component of personal potential]. Lichnostny`j potencial: struktura i diagnostika, Moscow, Publ Smysl, p. 680. (In Russian).

7. Leont`ev, D.A. & Rasskazova, E.I. (2006). Test zhiznestojkosti [The Resilience test]. Moscow, Publ Smysl, (p.63). (In Russian).
8. Loboza, O.V. (2019). Zhiznestojkost` kak komponent psixologicheskoj bezopasnosti lichnosti [Resilience as a component of personal psychological security]. Vestnik Prikamskogo social`nogo instituta. 2 (83), (pp.75–79). (In Russian).
9. Maddi, S.R. (2005). Smy`sloobrazovanie v processe prinyatiya reshenij [Meaning formation in the decisionmaking process]. Psixologicheskij zhurnal, 6, (pp.87–101). (In Russian).
10. Nyatina, N.V. (2013). E`skapizm — otklonenie v socializacii molodezhi [Escapism is a deviation in the socialization of youth]. Vestnik KemGU, №2 (54), (pp.133–136). (In Russian).
11. Rasskazova, E.I. & Gordeeva, T.O. (2011). Koping-strategii v psixologii stressa: podxody`, metody` i perspektivy` issledovanij [Coping strategies in stress psychology: research approaches, methods, and perspectives]. Psixologicheskie issledovaniya, 4 (17), (pp.1–12). (In Russian).
12. Savchenko, T.N. & Teslavskaya, O.I. (2021). Uxod ot real`nosti (e`skapizm): otechestvenny`e i zarubezhny`e psixologicheskie podxody` k opredeleniyu ponyatiya [Escape from reality (escapism): domestic and foreign psychological approaches to the definition of the concept]. Razrabotka ponyatij sovremennoj psixologii: sbornik materialov, (pp. 672–702). (In Russian).
13. Savchenko, T.N. & Teslavskaya, O.I. (2023). Tipy` vnutrilichnostny`x konfliktov kak determinanty` e`skapizma [Types of intrapersonal conflicts as determinants of escapism]. Prikladnaya yuridicheskaya psixologiya, 4 (65), (pp.144–154). — DOI: 110.33463/2072-8336.2023.4(65). (In Russian).
14. Tarabrina, N.V. (2001). Praktikum po psixologii posttravmaticheskogo stressa [Workshop on the psychology of posttraumatic stress]. St. Petersburg, Publ. Piter, p.272. (In Russian).
15. Tarabrina, N.V. (2009). Psixologiya posttravmaticheskogo stressa: teoriya i paktika [Psychology of posttraumatic stress: theory and practice]. Moscow, p.304. ISBN 978-5-9270-0143-9. — EDN QCTEKX. (In Russian).
16. Teslavskaya, O.I., Kardapol`ceva, A.A., Belovol, E.V. & Savchenko, T.N. (2017). E`skapizm kak predmet issledovaniya v sovremennoj nauchnoj psixologii [Escapism as a subject of research in modern scientific psychology]. Psixologicheskij zhurnal, 38, 6, (pp. 5264). — DOI: 10.7868/S0205959217060058. (In Russian).
17. Teslavskaya, O.I. & Savchenko, T.N. (2019). Sub``ektivnoe kachestvo zhizni i psixologicheskaya adaptaciya u licz s nizkim, srednim i vy`sokim urovnem e`skapizma [Subjective quality of life and psychological adaptation in people with low, medium and high levels of escapism]. E`ksperimental`naya psixologiya, 12, 2, (pp.162–176). — doi:10.17759/exppsy.2019120212/ (In Russian).

Поступила в редакцию 15.05.2026 г.

FEATURES OF RESILIENCE, COPING AND TRAUMATIC EXPERIENCE AMONG STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF ESCAPISM

A. V. Gordeeva

One way to overcome a stressful situation is escapism - escapism into a safer and more positive fictional or virtual world. The author examines the features of the manifestation of escapism, as well as its connection with resilience, coping strategies, and traumatic experience of students who have been living in the military conflict zone in the Donetsk People's Republic for a long time. Escapists are shown to be characterized by significant internal tension, an escape from problems into alternative world. The increased intensity of escapist activity is destructive. Resilience decreases with increasing escapism, the components of the resilience structure of all three groups differ. Students with a high level of escapism differ from representatives of the other two groups in higher traumatic experience and coping strategies. They are more likely to use impulsive and manipulative strategies, as well as aggressive actions.

Key words: escapism, escapist, resilience, coping behaviour, coping strategies, avoidance, traumatic experience, adaptation, resources, stress, students.

Гордеева Алла Валериановна.
Кандидат психологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация.
Профессор кафедры общей психологии.
ORCID 0000-0003-1720-0466.
E-mail: a.valer@mail.ru

Gordeeva Alla Valerianovna.
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation.
Professor at Department of General Psychology.
ORCID 0000-0003-1720-0466.
E-mail: a.valer@mail.ru

Научная статья
УДК 159.9:316.6
DOI: 10.5281/zenodo.22090459

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КОМПОНЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ОТНОШЕНИЯ КУРСАНТОВ К СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2026 Д.С. Дащенко
Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации»
ORCID 0009-0000-1190-1742

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлено теоретическое обоснование компонентной структуры отношения курсантов к служебной деятельности и классификация социально-психологических факторов её определяющих, а также описание механизмов субъектного опосредованного влияния тотальной среды военного вуза. В работе использованы теоретические методы: анализ научной литературы по проблеме отношения, систематизация подходов к его структуре, обобщение эмпирических данных по факторам формирования отношения курсантов, метод моделирования для построения компонентной структуры и классификации факторов, историко-генетический метод при рассмотрении эволюции понятия «отношение» в отечественной психологии. В результате исследования предложена четырёхкомпонентная структура отношения (когнитивный, эмоционально-оценочный, поведенческий, ценностно-смысловой). Выделены группы факторов: институциональные, групповые, личностные, ситуативно-динамические. Показана роль военного вуза как тотального института (изоляция, унификация, тотальный контроль), в котором актуализируются процессы трансформации самосознания. Обосновано ключевое значение внутренней позиции (Л.И. Божович), адаптационной готовности (М.В. Григорьева) и военной идентичности (Р.М. Шамионов) как опосредующих звеньев между средой и отношением. На основе анализа имеющихся эмпирических данных обобщены три типичных сценария формирования отношения: формальная дисциплина при внутреннем непринятии, компенсаторная активность, скрытое сопротивление.

Ключевые слова: отношение к служебной деятельности, курсанты, социально-психологические факторы, компонентная структура, тотальный институт, внутренняя позиция, теория самодетерминации, адаптационная готовность, военная идентичность.

Для цитирования: Дащенко Д.С. Теоретическое обоснование компонентной структуры и социально-психологических факторов отношения курсантов к служебной деятельности / Д.С. Дащенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 257–267. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22090459.

Введение. В современных условиях подготовка мотивированных офицерских кадров приобретает особую значимость. Отношение курсанта к службе — это не просто эмоциональный фон, а ключевой внутренний регулятор их учебной, профессиональной и социальной активности. Он влияет на дисциплину, успешность обучения и, в конечном счёте, на готовность защищать Родину. Военный вуз — среда особая. Она закрыта, жёстко регламентирована, с тотальным контролем. Как именно в таких условиях складывается отношение к будущей профессии? Этот вопрос требует отдельного теоретического разбора.

Несмотря на обилие работ по психологии отношений [2; 3; 5; 7; 11], целостной модели, которая соединила бы структуру отношения, факторы его формирования и механизмы субъектного преломления внешних воздействий, до сих пор не предложено. Наша задача — такую модель построить.

Проблема отношения к деятельности исследовалась классиками отечественной психологии. Это В.Н. Мясищев [7], А.Н. Леонтьев [5], Л.И. Божович [2]. В современной науке вопросы профессиональной идентичности и удовлетворённости службой у курсантов разрабатывает Р.М. Шамионов с соавторами [11]. Проблемы адаптационной готовности изучает М.В. Григорьева [3; 4]. Роль автономии в реализации курсантов исследована Ю.Ф. Липовкой [6]. Зарубежные исследования в рамках теории самодетерминации представлены работами A. Lepinoy и др. [15]. Проблемы формирования личности в коллективе рассматривал А.В. Петровский [8]. Вопросы восприятия и понимания человека человеком — А.А. Бодалев [1].

Несмотря на накопленный материал, интегративная модель отсутствует. Она должна объединить компонентную структуру отношения, факторы контролирующей среды и механизмы субъектного опосредования. Это и определило замысел нашего исследования.

Цель данной статьи — представить теоретическое обоснование компонентной структуры отношения курсантов к служебной деятельности и классификацию социально-психологических факторов её определяющих, а также описать механизмы субъектного опосредования влияния среды военного вуза.

В работе использованы теоретические **методы** психологического исследования: анализ научной литературы по проблеме отношения, систематизация подходов к его структуре, обобщение существующих эмпирических данных по факторам формирования отношения курсантов. Применён метод моделирования для построения компонентной структуры и классификации факторов. Также использован историко-генетический метод при рассмотрении эволюции понятия «отношение» в отечественной психологии.

Основная часть. Фундаментальное для нашего исследования понятие «отношение» ввёл в отечественную психологию В.Н. Мясищев. Он определял его как систему избирательных, сознательных и устойчивых связей личности с различными сторонами объективной действительности [7, с. 3]. Таким образом, отношение — это не просто отражение, а форма активной, избирательной связи личности с миром, в которой выражается её субъективная позиция. Личность осмысливает социальные взаимодействия и присваивает их. Среда влияет, но не сама по себе, а всегда взаимодействуя с особенностями субъекта, в том числе его организма — прежде всего его нервной системы. Раскрывая сущность понятия «отношение», В.Н. Мясищев указывал, что его психологический смысл состоит в том, что оно является одной из форм отражения человеком окружающей действительности [7, с. 105]. В каждом конкретном случае возникает уникальная субъективная «призма». Она трансформирует внешние воздействия. Восприятие, память, мышление неизменно отражают объективные характеристики мира, но при этом, как подчёркивал В.Н. Мясищев, постоянно несут на себе печать субъективного отношения личности к различным аспектам действительности [7, с. 117].

Важно различать категории «отношение» (единственное число) и «отношения» (множественное). «Отношения» — это процесс взаимодействия между субъектами. Например, межличностные или групповые связи. «Отношение» — устойчивая эмоционально-волевая позиция субъекта к чему-либо или кому-либо. Она складывается на основе опыта, ценностных ориентаций и представлений. В контексте нашего исследования ключевым выступает именно «отношение». Оно понимается как

внутренняя позиция курсанта к служебной деятельности. Это позволяет в дальнейшем операционализировать понятие через компонентную структуру.

Важное дополнение вносит А.Н. Леонтьев, вводя понятие личностного смысла. Психология издавна описывала субъективность и пристрастность человеческого сознания. А.Н. Леонтьев объясняет этот феномен тем, что значения, которыми мы оперируем, связываются не только с объективным миром, но и с реальностью собственной жизни человека, с его мотивами. Именно эту связь он и называет личностным смыслом. «Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с её мотивами» [5, с. 182]. Именно поэтому, как подчёркивает А.Н. Леонтьев, «личностный смысл и создаёт пристрастность человеческого сознания» [5, с. 182].

Отношение выполняет регулятивную функцию. В.Н. Мясищев подчёркивал, что сформировавшееся отношение определяет избирательность восприятия, характер эмоциональных реакций и направленность поведенческих актов [7, с. 12]. В контексте военно-профессиональной деятельности отношение к службе опосредует успешность социализации курсантов, их дисциплинированность, лояльность военному институту и удовлетворённость профессией. Отношение не застывает раз и навсегда — оно меняется под влиянием внешних условий и внутренней активности личности [7, с. 12].

Итак, опираясь на классиков [2; 5; 7; 10], мы определяем отношение курсантов к служебной деятельности как сложное личностное образование. Оно включает когнитивные, эмоционально-оценочные и поведенческие компоненты, объединённые личностным смыслом.

Структура отношения к служебной деятельности. Чтобы изучать отношение эмпирически, его нужно разложить на составляющие. Компонентный анализ позволяет не только измерить сформированность отношения, но и увидеть внутренние противоречия. Например, курсант внешне дисциплинирован, но внутренне службу не принимает. Или формально знает уставы, но не испытывает гордости за принадлежность к военной профессии.

Мы выделяем четыре компонента: когнитивный, эмоционально-оценочный, поведенческий и ценностно-смысловой. Это опирается на отечественную традицию [5; 7; 10] и на западные подходы к изучению социальных установок (аттитюдов). В западной социальной психологии традиционно выделяют когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты.

Когнитивный компонент — это представления курсанта о службе, требованиях, правах, обязанностях, образ будущего офицера. Важно не только знание уставов. Важно понимание социального статуса офицера, осознание трудностей (риск, ответственность, режимные ограничения) и выгод (социальные гарантии, карьерный рост). Когнитивный компонент формируется через обучение, уставы, наблюдение. Но знание норм само по себе не гарантирует принятия. В военном вузе когнитивный компонент долго может оставаться формальным.

Эмоционально-оценочный компонент — это переживания курсанта. Удовлетворённость или неудовлетворённость условиями, бытом, взаимоотношениями. Гордость за принадлежность к военному институту или её отсутствие. Чувство уверенности или тревожность. Этот компонент тесно связан с общим субъективным благополучием. Чем выше удовлетворённость службой, тем выше общая удовлетворённость жизнью, и наоборот. В.Н. Мясищев подчёркивал, что именно эмоциональная сторона придаёт отношению личностную окраску [7, с. 15]. В

регламентированной среде этот компонент оказывается наиболее уязвимым и одновременно самым чутким индикатором благополучия. Рост неудовлетворённости нередко становится первым сигналом формирующегося негативного отношения.

Поведенческий компонент фиксирует реальные действия курсанта. Это соблюдение распорядка, инициатива, участие в ритуалах, стратегии поведения в сложных ситуациях. Здесь важно различать внешнюю, конформную активность («делаю, потому что заставят») и внутренне мотивированную инициативу («делаю, потому что считаю нужным»). Согласно Д.Н. Узнадзе [10], за поведением стоит установка — готовность действовать определённым образом. В условиях жёсткого контроля возможен разрыв между демонстрируемым поведением и истинным отношением. Внешняя дисциплина может быть следствием не внутреннего принятия, а страха наказания.

Ценностно-смысловой компонент занимает в структуре центральное, системообразующее место. Он отвечает на вопросы: «зачем я здесь?», «что для меня значит быть офицером?». Здесь формируется профессиональная идентичность — мост между личными жизненными ценностями и ценностями военной профессии. Именно здесь, по А.Н. Леонтьеву [5], проявляется личностный смысл деятельности. В этом компоненте интегрируются принятие профессиональных ценностей, сформированность идентичности с воинским сообществом, согласованность личных ориентиров с требованиями. Если ценностно-смысловой компонент развит положительно, отношение сохраняет устойчивость даже при неблагоприятных обстоятельствах. Если же он не оформлен или вступает в конфликт с личными ценностями, возникает зона внутреннего напряжения. Это может привести к формальному пребыванию в вузе и отказу от карьеры офицера.

Выделенные компоненты не существуют изолированно. Они образуют динамическую систему. Возможны гармоничные варианты (знание, принятие, поведение и смысл). Возможны и диссонансные (знаю, но не принимаю; делаю, но не верю). Предложенная структура позволяет диагностировать отношение и выявлять зоны напряжения. Это мишени для психологической работы. Она же задаёт основу для эмпирического исследования. Операционализируя каждый компонент, мы можем измерить его выраженность, проследить динамику и установить, какие факторы на него влияют.

Итак, отношение имеет структуру, но что влияет на то, какой она будет? Какие факторы определяют наполнение каждого компонента? Социально-психологические факторы выступают в роли внешних и внутренних детерминант. Они через преломление в личностных особенностях влияют на наполнение каждого компонента.

В отечественной социальной психологии наиболее разработана диспозиционная концепция В.А. Ядова [12, с. 21]. Согласно ей, факторы, регулирующие социальное поведение, выстраиваются в иерархию от макроуровня до интрапсихического. Вслед за этим подходом, но с учётом специфики военного вуза и сложившегося эмпирического дизайна, мы выделяем несколько групп факторов.

Институциональные факторы задают формальные рамки жизнедеятельности курсанта. Это режимные требования, система контроля, характер руководства. В нашем исследовании они оцениваются через восприятие курсантами жёсткости регламентации, справедливости требований и стиля руководства командиров. Соответствующие показатели извлекаются из авторского опросника АООКСД. Это вопросы о быте, нагрузке, компетентности преподавателей, личном пространстве, полезности мероприятий. Предположительно, демократический стиль и воспринимаемая справедливость будут связаны с более высокими показателями эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов.

Групповые факторы отражают микросреду, в которой курсант проводит основную часть времени. Это сплочённость взвода, характер межличностных отношений, наличие поддерживающих неформальных связей. Для их оценки используются опросник межличностных отношений ОМО. Он измеряет потребности во включении, контроле и аффекте. Используется методика оценки психологической атмосферы (А.Ф. Фидлер). Она оценивает дружелюбие/враждебность, согласие/несогласие, удовлетворённость/неудовлетворённость. Также используются вопросы АООКСД о комфорте и товариществе. Особый интерес представляет влияние групповых факторов на ценностно-смысловой компонент. Именно в группе происходит присвоение профессиональных ценностей и формирование идентичности.

Личностные (субъектные) факторы — это внутренние характеристики курсанта. Они опосредуют влияние внешней среды. Ключевым интегративным образованием здесь выступает внутренняя позиция. Согласно Л.И. Божович, внутренняя позиция представляет собой интегративное личностное образование, отражающее активное, осознанное отношение человека к своему месту в социальной среде и к самому себе, определяющее общий характер переживаний и систему отношений личности [2]. В русле теории самодетерминации [13] мы учитываем также степень удовлетворения трёх базовых потребностей: автономии (ощущение себя источником своего поведения), компетентности (чувство эффективности) и связанности (принадлежность к значимой группе).

В эмпирическом исследовании личностные факторы операционализируются через комплекс методик: диагностика профессиональной идентичности [11], тест М. Куна и Т. Макпартленда (самоописание), ценностные ориентации (М. Рокич), «Якоря карьеры» (Э. Шейн) — они выявляют карьерные ориентации (профессиональная компетентность, менеджмент, автономия, стабильность, служение, вызов и др.), методика мотивации профессиональной деятельности (К. Замфир в модификации А. Реана) — различает внутреннюю и внешнюю мотивацию, опросник социально-психологической адаптации (К. Роджерс и Р. Даймонд в адаптации А.К. Осницкого) — интегральная оценка самопринятия, принятия других, эмоционального комфорта, интернальности, стремления к доминированию. Также в АООКСД заложен блок о ценностно-смысловых ориентациях и мотивах выбора профессии (патриотические, карьерно-прагматические, познавательные, статусные, групповые, семейные).

Ситуативные и динамические факторы — это переменные, которые не являются постоянными характеристиками личности или среды. Но они существенно влияют на формирование отношения на разных этапах профессиональной социализации. В исследовании учитываются исходная мотивация поступления (извлекается из ответов о причинах выбора военного вуза), срок обучения (курс) и успешность учебно-служебной деятельности (успеваемость, дисциплинарная практика). Эти факторы позволяют проследить динамику отношения и выявить критические периоды его трансформации.

Специфика военного вуза как тотального института. Среди институциональных факторов особое место занимает сама природа военного вуза как социальной среды. В ней обучение, служба и быт курсанта неразрывны. Для теоретического анализа такой среды удобно обратиться к концепции «тотального института». Её предложил американский социолог И. Гоффман [14].

И. Гоффман определяет тотальный институт как «место жительства и работы, где большое число людей, находящихся в сходной ситуации, отрезаны от внешнего мира и ведут формально регулируемую, всесторонне контролируемую жизнь» [14, с. 11]. В военном вузе мы наблюдаем те же признаки. Это изоляция от гражданского окружения (казарменное положение, ограничение увольнений). Это унификация

жизнедеятельности (единая форма, строгий распорядок дня, нивелирование индивидуальных различий). Это тотальный контроль (многоуровневая система проверок и взысканий). Это принудительный характер пребывания — курсант не может свободно покинуть институт.

В такой среде запускаются специфические социально-психологические механизмы. Один из них — деперсонализация. Личные особенности курсанта отступают на второй план перед требованиями устава и единообразием. Другой — ломка прежней идентичности. Особенно ярко это проявляется на первом курсе. Вчерашний абитуриент должен отказаться от привычных моделей поведения и принять новую, воинскую роль. И. Гоффман называл это «процедурами входа». Это ритуалы, которые разрушают старую идентичность и закладывают основы новой. В военном вузе такими ритуалами выступают принятие присяги, ежедневные построения, строгая субординация, система наказаний и поощрений.

Однако влияние тотальной среды не абсолютно. Курсанты вырабатывают адаптационные стратегии. От полного принятия правил до их скрытого нарушения или поиска «лазеек». И. Гоффман описывал это как «вторичные приспособления» — способы сохранить остатки автономии в условиях тотального контроля [14]. Применительно к нашему исследованию важно, что эти стратегии напрямую связаны с компонентами отношения. Когнитивный компонент может долгое время оставаться формальным («я знаю устав, но не принимаю его»). Эмоционально-оценочный — варьировать от гордости до хронической фрустрации. Поведенческий — демонстрировать внешнюю дисциплину при внутреннем непринятии. Именно ценностно-смысловой компонент выступает тем ядром, которое определяет, какая из адаптационных стратегий в конечном счёте восторжествует.

Тотальная среда военного вуза порождает двойной статус курсанта. Он одновременно и учащийся (получает образование, имеет право на ошибку в учёбе) и военнослужащий (обязан беспрекословно подчиняться, нести ответственность за дисциплину). Это хроническое ролевое напряжение становится важным фактором, влияющим на все компоненты отношения. С одной стороны, оно может стимулировать профессиональное взросление. С другой — провоцировать внутренние конфликты и снижение удовлетворённости.

Анализ тотальной среды военного вуза мог бы создать впечатление, что отношение курсанта к службе почти целиком детерминировано внешними обстоятельствами. Это было бы упрощением. В одной и той же жёсткой среде у разных курсантов формируется разное отношение. От глубоко позитивного до резко негативного. Значит, существуют внутренние, личностные переменные. Они преломляют внешние воздействия.

В отечественной психологии этот тезис наиболее отчётливо сформулировал С.Л. Рубинштейн. Основной принцип детерминизма, разработанный С.Л. Рубинштейном для психологии, гласит: внешние причины действуют через внутренние условия [9, с. 12]. Применительно к нашему исследованию это означает, что любые факторы — институциональные, групповые, ситуативные — влияют на отношение не прямо. Они действуют через ту «призму», которую составляет личность курсанта. Ключевым интегративным образованием, объединяющим мотивы, ценности и смыслы, выступает **внутренняя позиция** [2]. Это не просто набор установок. Это активное, осознанное отношение человека к своему месту в социальной среде и к самому себе. Внутренняя позиция определяет, как курсант интерпретирует требования уставов, как переживает успехи и неудачи, насколько готов проявлять инициативу или, напротив, сопротивляться давлению.

Близкую по духу объяснительную модель предлагает современная **теория самодетерминации** [13]. Её авторы — Э. Деси и Р. Райан. Согласно этой теории, качество мотивации и субъективное благополучие человека зависят от удовлетворения трёх базовых психологических потребностей: автономии (ощущение себя источником своего поведения), компетентности (чувство эффективности) и связанности (принадлежность к значимой группе). Когда среда удовлетворяет эти потребности, формируется внутренняя мотивация и позитивное отношение. Когда же среда их фрустрирует (блокирует), возникает внешняя мотивация, отчуждение или даже отказ от деятельности.

В контексте военного вуза эти потребности находятся в сложном равновесии. Потребность в автономии, казалось бы, жёстко ограничена уставом и режимом. Но она может частично удовлетворяться через предоставление выбора в допустимых пределах. Например, распределение внеучебных поручений, инициатива в спортивных секциях. Потребность в компетентности реализуется через успешное освоение учебных дисциплин, похвалу командиров, признание достижений. Потребность в связанности реализуется через чувство товарищества, поддержку сослуживцев, идентификацию с воинским коллективом.

Исследования показывают: профессиональная идентичность и удовлетворённость службой играют ключевую роль в формировании ответственного отношения к служебной деятельности у курсантов [11]. В русле исследований М.В. Григорьевой, ключевым механизмом, опосредующим влияние среды и реализующим внутреннюю позицию личности, выступает **адаптационная готовность**. Это интегральная характеристика, предрасполагающая к принятию изменяющейся среды и установлению паритета между требованиями и возможностями [3; 4].

На основе анализа эмпирических данных, представленных в работах [3; 4; 6; 11; 15], можно выделить три типичных сценария формирования отношения курсантов к служебной деятельности.

Первый — феномен «формальной дисциплины при внутреннем непринятии»**.** Курсант внешне соблюдает требования, но не принимает их внутренне. Пример: курсант боится взысканий, поэтому всегда идеально одет, вовремя на построениях. Но на лекциях скучает, не задаёт вопросов. В свободное время избегает всего, что связано с армией. Это рассогласование поведенческого и ценностно-смыслового компонентов.

Второй — стратегии компенсаторной активности. В условиях дефицита автономии курсанты могут искать «островки свободы». Это наука, спорт, общественная работа. Пример: курсант увлекается спортом, добивается успехов на соревнованиях, получает грамоты и уважение товарищей. За счёт этого он компенсирует дефицит автономии в других сферах. И сохраняет позитивное отношение к службе в целом. Исследования [6] показывают, что стремление к автономии значимо связано с учебно-профессиональной реализацией курсантов.

Третий — «скрытое сопротивление», или пассивное отстранение. Курсант внешне лоялен, но внутренне отстранён. Пример: выполняет поручения формально, «от звонка до звонка». Не проявляет инициативы, не участвует в жизни коллектива. При этом открыто не нарушает устав. Он как бы «внутренне эмигрирует». Международные исследования [15] показывают, что недостаток поддержки автономии в военно-учебной среде является сильным демотивирующим фактором.

Все три сценария — наглядная иллюстрация того, как одни и те же внешние условия через призму субъектных факторов приводят к формированию качественно разных типов отношения.

В нашем эмпирическом исследовании субъектные факторы операционализируются через комплекс методик, описанных ранее. Это позволяет не только констатировать наличие или отсутствие позитивного отношения. Это позволяет понять, какие именно личностные ресурсы (или дефициты) лежат в его основе.

Таким образом, отношение курсанта к служебной деятельности формируется на пересечении двух векторов. Внешний вектор — особенности тотальной среды, групповые и институциональные факторы. Внутренний вектор — субъектность, внутренняя позиция, удовлетворение базовых психологических потребностей, адаптационная готовность, военная идентичность. Игнорирование любого из них делает модель неполной. Практически это означает, что для формирования устойчивого положительного отношения недостаточно ужесточать требования или, наоборот, смягчать режим. Необходимо создавать условия, в которых курсант может переживать автономию (пусть ограниченную), компетентность и связанность, а также осознанно присваивать ценности профессии через развитие внутренней позиции.

Заключение. Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать ряд положений. Они ложатся в основу авторской модели формирования отношения курсантов к служебной деятельности и задают направления для эмпирического исследования.

Отношение к служебной деятельности — это устойчивая эмоционально-волевая позиция личности. Её ядро — личностный смысл деятельности. В отличие от категории «отношения» (межличностные, групповые связи), «отношение» фиксирует внутреннюю позицию субъекта. Она сформирована на основе опыта, ценностей и представлений.

Для эмпирической операционализации предложена **компонентная структура отношения**. Она включает когнитивный (представления о службе, знание норм), эмоционально-оценочный (удовлетворённость, гордость, тревога), поведенческий (дисциплина, инициатива, стратегии поведения) и ценностно-смысловой (личностный смысл, профессиональная идентичность, ценности) компоненты. Такая структура позволяет не только диагностировать сформированность отношения, но и выявлять внутренние рассогласования.

Выделены **социально-психологические факторы**, влияющие на формирование отношения. Это институциональные (регламентация, справедливость требований, стиль руководства), групповые (сплочённость, межличностные отношения), личностные (внутренняя позиция, удовлетворение потребностей в автономии, компетентности, связанности) и ситуативно-динамические (мотивация поступления, срок обучения, успешность деятельности) факторы. Эмпирический инструментарий (авторский опросник АООКСД и комплекс валидизированных методик) позволяет измерить каждый из этих факторов и установить их связь с компонентами отношения.

Военный вуз как среда формирования отношения обладает характеристиками **тотального института** [14]. Это изоляция, унификация, тотальный контроль, принудительность пребывания. Концепция И. Гоффмана даёт инструмент для анализа механизмов деперсонализации, ломки прежней идентичности и выработки адаптационных стратегий. Однако среда не жёстко детерминирует отношение. Её влияние всегда опосредовано субъектностью курсанта.

Ключевая роль в этом опосредовании принадлежит внутренней позиции [2], удовлетворению базовых психологических потребностей [13], адаптационной готовности [3; 4] и военной идентичности [11]. На основе обобщения имеющихся эмпирических данных выделены три типичных сценария: формальная дисциплина при внутреннем непринятии, компенсаторная активность и скрытое сопротивление. Эти феномены подтверждены исследованиями [6; 15].

Предложенная теоретическая модель задаёт **вектор эмпирического исследования**. В ходе него предполагается: измерить выраженность каждого компонента отношения курсантов к служебной деятельности (с помощью АООКСД); оценить степень влияния институциональных, групповых, личностных и ситуативных факторов (через комплекс методик); выявить взаимосвязи между удовлетворением базовых потребностей (автономия, компетентность, связанность) и сформированностью ценностно-смыслового компонента; определить типичные профили отношения (гармоничный, конформный, отстранённый, негативный) и связанные с ними адаптационные стратегии.

Модель готова к эмпирической проверке. Результаты позволят разработать рекомендации по психологическому сопровождению курсантов. Эти рекомендации должны быть направлены на формирование устойчивого положительного отношения к служебной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодалев А.А. Психология о личности и общении: избранные труды / А.А. Бодалев. — М.: Изд-во МГУ, 2025. — 688 с.
2. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. — СПб.: Питер, 2008. — 400 с.
3. Григорьева М.В. Методологические подходы к исследованию адаптационной готовности субъектов высшего образования / М.В. Григорьева, Р.М. Шамионов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2024. — Т. 24, вып. 4. — С. 421–429. — DOI: 10.18500/1819-7671-2024-24-4-421-429.
4. Шкалы диагностики стратегий формирования адаптационной готовности (на примере субъектов высшего образования): набор данных / Григорьева М.В., Шамионов Р.М., Шаров А.А., Локаткова О.Н. — RusPsyData, 2024. — DOI: 10.48612/MSUPE/kbka-2md9-3g97.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
6. Липовка Ю.Ф. Автономия как фактор учебно-профессиональной реализации курсантов военного факультета / Ю.Ф. Липовка // Исторические и психолого-педагогические науки. — Минск : РИВШ, 2024. — Вып. 24, ч. 3. — С. 138–147. — URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/323960 (дата обращения: 02.04.2026).
7. Мясищев В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / В.Н. Мясищев. — М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 356 с.
8. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив / А.В. Петровский. — М.: Политиздат, 1982. — 255 с.
9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2010. — 512 с.
10. Узнадзе Д.Н. Психология установки / Д.Н. Унадзе. — СПб.: Питер, 2001. — 414 с.
11. Шамионов Р.М. Роль военной идентичности, ценностей и удовлетворенности службой в формировании ответственности курсантов / Р.М. Шамионов, А.И. Сорокин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. — 2020. — Т. 9, вып. 1. — С. 25-32. — DOI: 10.18500/2304-9790-2020-9-1-25-32.
12. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / В.А. Ядов. — 2-е изд., расш. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. — 376 с.
13. Deci E.L. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior / E.L. Deci, R.M. Ryan // Psychological Inquiry. — 2000. — Vol. 11, No 4. — P. 227-268. — DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.
14. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates / E. Goffman. — Abingdon: Routledge, 2017. — 386 p.
15. Lepinoy A. Basic needs satisfaction in a military learning environment: An exploratory study / Lepinoy A., Lo Bue S., Vanderlinde R // Military Psychology. — 2022. — Vol. 34, No 1. — P. 98-109. — DOI: 10.1080/08995605.2021.1973793.

REFERENCES

1. Bodalev, A.A. (2025). Psikhologiya o lichnosti i obshchenii: Izbrannye trudy [Psychology of Personality and Communication: Selected Works]. Moscow: Moscow State University Press. (In Russian)
2. Bozhovich, L.I. (2008). Lichnost' i eyo formirovanie v detskom vozraste [Personality and Its Formation in Childhood]. St. Petersburg: Piter. (In Russian)
3. Grigor'eva, M.V., & Shamionov, R.M. (2024). Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu adaptatsionnoy gotovnosti sub"ektov vysshego obrazovaniya [Methodological approaches to the study of adaptive readiness of subjects of higher education]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika, 24(4), 421-429. DOI: 10.18500/1819-7671-2024-24-4-421-429. (In Russian)
4. Grigor'eva, M.V., Shamionov, R.M., Sharov, A.A., & Lokatkova, O.N. (2024). Shkaly diagnostiki strategiy formirovaniya adaptatsionnoy gotovnosti (na primere sub"ektov vysshego obrazovaniya) [Scales for diagnosing strategies for the formation of adaptive readiness (on the example of subjects of higher education)] [Data set]. RusPsyData. DOI: 10.48612/MSUPE/kbka-2md9-3g97. (In Russian)
5. Leontiev, A.N. (1975). Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat. (In Russian)
6. Lipovka, Yu.F. (2024). Avtonomiya kak faktor uchebno-professional'noy realizatsii kursantov voennogo fakul'teta [Autonomy as a factor of educational and professional realization of cadets of the military faculty]. In Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki (Vol. 24, No. 3, pp. 138-147). Minsk: RIVSH. Retrieved from https://elib.bsu.by/handle/123456789/323960 (In Russian)
7. Myasishchev, V.N. (1995). Psikhologiya otnosheniy: Izbrannye psikhologicheskie trudy [Psychology of Relations: Selected Psychological Works] (A.A. Bodalev, Ed.). Moscow: Institut prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NPO «MODEK». (In Russian)
8. Petrovskiy, A.V. (1982). Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv [Personality. Activity. Collective]. Moscow: Politizdat. (In Russian)
9. Rubinshteyn, S.L. (2010). Bytie i soznanie. Chelovek i mir [Being and Consciousness. Man and World]. St. Petersburg: Piter. (In Russian)
10. Uznadze, D.N. (2001). Psikhologiya ustanovki [Psychology of Set]. St. Petersburg: Piter. (In Russian)
11. Shamionov, R.M., & Sorokin, A.I. (2020). Rol' voennoy identichnosti, tsennostey i udovletvorennosti sluzhboy v formirovanii otvetstvennosti kursantov [The role of military identity, values and service satisfaction in the formation of cadets' responsibility]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya, 9(1), 25-32. DOI: 10.18500/2304-9790-2020-9-1-25-32. (In Russian)
12. Yadov, V.A. (Ed.). (2013). Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: dispozitsionnaya kontseptsiya [Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: a dispositional concept] (2nd ed., expanded). Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga. (In Russian)
13. Deci, E.L., & Ryan, R.M. (2000). The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. Psychological Inquiry, 11(4), 227-268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.(In English)
14. Goffman, E. (2017). Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Abingdon: Routledge. (In English)
15. Lepinoy, A., Lo Bue, S., & Vanderlinde, R. (2022). Basic needs satisfaction in a military learning environment: An exploratory study. Military Psychology, 34(1), 98-109. DOI: 10.1080/08995605.2021.1973793. (In English)

Поступила в редакцию 09.04.2026 г.

THEORETICAL SUBSTANTIATION OF COMPONENT STRUCTURE AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF CADETS' ATTITUDE TO SERVICE ACTIVITY

D.S. Dashchenko

The article deals with the theoretical substantiation of the component structure of cadets' attitude to service activity and a classification of the socio-psychological factors that determine it. Subjective mediation mechanisms of the military educational institution total environment influence are addressed, too. The following methods have been applied: analysis of scientific literature on the problem of attitude, systematization of approaches to its structure, generalization of empirical data on the factors shaping cadets' attitude, modeling method for constructing

the component structure and classification of factors, and historical-genetic method in examining the evolution of the concept of “attitude” in Russian psychology. As a result of the study, a four-component structure of attitude including cognitive, emotional-evaluative, behavioral, value-meaning components is proposed. Groups of factors are identified, among them are as follows: institutional, group, personal, and situational-dynamic. The role of the military educational institution as a total institution (including isolation, unification, total control) in which processes of self-awareness transformation are triggered is shown. The key importance of internal position (L.I. Bozhovich), adaptive readiness (M.V. Grigorieva) and military identity (R.M. Shamionov) as mediating links between the environment and attitude has been substantiated. Based on the analysis of the available empirical data, three typical scenarios of attitude formation have been considered. They include formal discipline with internal rejection, compensatory activity, and hidden resistance.

Key words: attitude to service activities, cadets, socio-psychological factors, component structure, total institution, internal position, self-determination theory, adaptive readiness, military identity

Дащенко Денис Сергеевич.
Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации.
Адъюнкт.
ORCID 0009-0000-1190-1742
E-mail: dashenckod@yandex.ru

Dashchenko Denis Sergeevich.
Saratov Military Order of Zhukov Red Bannerorder Institute of National Guard Troops of the Russian Federation.
Adjunct.
ORCID 0009-0000-1190-1742
E-mail:dashenckod@yandex.ru

Научная статья
УДК 159.99
DOI 10.5281/zenodo.22090763

СИТУАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ КАФЕДРЫ ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ «ОМГУ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО»

©2026 *Дианова Е.А.*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
ORCID 0009-0003-8520-4060



Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В данной статье приведен результат анализа влияния ситуационных факторов на профессиональный выбор выпускников Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, окончивших кафедру общей и социальной психологии. Основное внимание уделено практическим аспектам: сопоставляются стратегии профессионального самоопределения выпускников, обучавшихся по направлениям «Психология» и «Организация работы с молодёжью», с учётом таких жизненных обстоятельств, как наличие собственного жилья, создание семьи (брак, дети) и общая удовлетворённость качеством жизни. Автор подчёркивает, что профессиональное самоопределение — это не только результат осмысления личностных качеств и целей, но и во многом следствие конкретных жизненных ситуаций, с которыми сталкивается выпускник к периоду окончания вуза. Показано, что анализ этих факторов позволяет выпускникам более осознанно подходить к выбору карьерного пути, а также способствует успешной профессиональной реализации. Особое значение придаётся соответствию личностных особенностей специалистов помогающих профессий требованиям их будущей деятельности, что напрямую влияет на эффективность работы и удовлетворённость жизнью.

***Ключевые слова**:* профессиональное самоопределение, выпускники, качество жизни, ситуационные факторы, профессиональный выбор, профессиональная стратегия, трудоустройство.

Для цитирования: Дианова Е.А. Ситуационные факторы профессионального самоопределения выпускников кафедры общей и социальной психологии «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского» / Е.А. Дианова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 268–277. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22090763.

Многие исследователи рассматривают профессиональную деятельность человека как структурный элемент всего жизненного пути: от поиска профессии в юности до её завершения в поздней зрелости. Это влияет на самооценку, социальный статус, материальное положение и итоговую удовлетворённость жизнью [9].

Проблема профессионального самоопределения личности относится к числу ключевых научно-практических задач современной психологии [6, с. 19]. Профессиональная деятельность выступает как системообразующий компонент жизненного пути человека, оказывая влияние не только на сферу труда, но и на иные области его жизнедеятельности [1].

Актуальность изучения данного феномена усиливается в условиях социальной и экономической нестабильности, при которых личность находится в состоянии непрерывной рефлексии относительно собственного профессионального статуса и роли в системе трудовых отношений [8]. Профессиональное становление представляет собой

протяжённый и динамичный процесс, сопровождающийся качественными изменениями на протяжении всей жизни. При этом даже осознанный и внутренне мотивированный выбор профессиональной деятельности не гарантирует достижения устойчивого профессионального самоопределения [3, с. 77–88].

Степень сформированности профессионального самоопределения целесообразно рассматривать как результат интеграции объективных и субъективных факторов. К объективным можно отнести подтверждение профессиональной компетентности в реальной деятельности, к субъективным — устойчивую профессиональную идентичность, выражающуюся в осознании себя как представителя определённого профессионального сообщества [2, с. 109–111].

Целью настоящего исследования является рассмотрение причин и факторов, оказывающих влияние на первичный уровень профессионального самоопределения молодых людей, недавно завершивших профессиональное обучение и вступивших в самостоятельную трудовую деятельность. Особое внимание к данной демографической группе обусловлено тем, что именно молодые специалисты — выпускники учебных заведений — представляют собой один из наиболее значимых и перспективных ресурсов общественного развития, включая его экономическую, инновационную и социальную составляющие [11]. Их высокий потенциал, мобильность и готовность к профессиональному росту делают эту категорию населения стратегически важной для устойчивого развития общества в условиях современных социально-экономических вызовов [10; 7, с. 102–105].

В научной литературе подчёркивается, что студенческий этап жизненного пути личности выступает одним из наиболее значимых и динамичных периодов формирования субъектности в сфере как личностного, так и профессионального развития. Именно в этот период ориентация студентов на будущее преимущественно реализуется через отношение к профессиональному развитию и построению карьеры. Обучение в университете становится важным этапом переосмысления своего места в обществе, социального и профессионального статуса, где успешная карьера рассматривается как ключевая составляющая конструирования целостного, осмысленного и удовлетворяющего жизненного пути [5].

Успешность трудоустройства молодых специалистов — выпускников вузов и других профессиональных учебных заведений — является важным индикатором эффективности взаимодействия системы высшего образования и рынка труда [9]. Мы предполагаем, что на выбор и построение профессиональной стратегии выпускниками вузов могут влиять разные факторы, носящие как объективный (востребованность профессии на рынке труда, размер начальной заработной платы в регионе), так и субъективный характер (готовность изменить место жительства, соответствие личных и профессиональных интересов) [4, с. 5–14].

В своём исследовании мы предположили, что не только индивидуально-личностные характеристики выпускников кафедры оказывают воздействие на профессиональный выбор и трудоустройство, но и ряд ситуативных факторов способен оказать значительное влияние на выбор места трудоустройства молодых людей после окончания учебного заведения.

В статье мы рассмотрели ситуационные факторы, которые оказали влияние на профессиональный выбор выпускников ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, обучавшихся на кафедре общей и социальной психологии по направлению подготовки «Психология» и «Организация работы с молодёжью» (ОРМ).

Основным методом сбора первичной информации явилась авторская анкета, которая включала в себя вопросы, позволившие изучить социально-демографические характеристики респондентов.

В психодиагностический инструментарий вошли следующие методики.

1. Стандартизированный метод анкетирования, помогающий выявить демографические и социальные характеристики. С помощью авторской анкеты, состоящей из 28 вопросов, мы смогли выявить уровень образования и направление подготовки респондентов, трудоустроены ли выпускники факультета в настоящий момент и спустя какой период времени смогли трудоустроиться, связана ли профессиональная деятельность с полученным в ВУЗе образованием.

2. Диагностика удовлетворённости качеством жизни (Р.С. Элиот, под адаптацией Н.Е. Водопьяновой) Переживание психологического комфорта (благополучия) — важный показатель динамики здоровья, поскольку оно оказывается тончайшим индикатором переходных состояний от здоровья к болезни. В зарубежной психологии при определении психологического (душевного) благополучия широко используется понятие «качество жизни», представляющее собой субъективное переживание удовлетворённости персональной жизнью. Оно соотносится с удовлетворённостью самореализацией личности и с её психологическим здоровьем.

Уровни показателей качества жизни представлены следующими значениями (см.табл. 1) [13, с. 200].

Таблица 1. Уровни показателей качества жизни

Показатели	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Учеба	4-22	23-30	31 и более
Личные достижения	4-25	26-31	32 и более
Здоровье	4-25	26-32	33 и более
Общение с близкими людьми (друзья, родственники)	4-26	27-32	33 и более
Поддержка (внутренняя и внешняя)	4-22	23-30	31 и более
Оптимистичность	4-21	22-26	27 и более
Напряженность	4-22	23-29	30 и более
Самоконтроль	4-23	24-28	29 и более
Негативные эмоции	4-21	22-27	28 более

Общая выборочная совокупность исследования составила 72 человека, возраст респондентов колеблется от 21 года до 33 лет.

В составе выборки были выделены группы для сравнения.

1. Выпускники направления подготовки «психология» (специалитет, бакалавриат, магистратура), работающие по полученной специальности — 22 человека.

2. Выпускники направления подготовки «психология», работающие не по специальности — 27 человек.

3. Выпускники направления подготовки «организация работы с молодёжью» (бакалавриат), работающие по полученной специальности — 11 человек.

4. Выпускники направления подготовки «организация работы с молодёжью», работающие не по специальности — 12 человек.

Основой для анализа выступили молодые люди, реализующие профессиональную стратегию по профилю полученной специальности и выпускники, выбравшие иной путь профессионализации.

Ситуационные факторы, характеризующие выпускников, мы рассматривали посредством анализа брачно-семейного статуса, наличия детей, сепарации от родителей и возраста отделения, а также показателей удовлетворённости качеством жизни, проявляющимся на момент исследования.

Удовлетворённость качеством жизни проявляется у выпускников, работающих по специальности, на среднем уровне (27,95). На высоком уровне находятся показатели удовлетворённости жизнью по шкале оптимистичности (29,52). На среднем уровне находятся показатели удовлетворённости учебой (29,33), личными достижениями (29,79), здоровьем (27,03), общением с близкими (29,03), поддержкой (27,73), а также напряжённость (27), самоконтроль (26,45), проявление негативных эмоций (26,45). У выпускников, работающих не по специальности, удовлетворённость проявляется также на среднем уровне (26,6), но её значение чуть ниже, чем у первой группы. На высоком уровне находятся показатели удовлетворённости жизнью по шкале оптимистичности (27,72). На среднем уровне находятся показатели удовлетворённости учебой (28,31), личными достижениями (27,85), здоровьем (26,13), общением с близкими (28), поддержкой (27,97), а также напряжённость (25,13), самоконтроль (24), проявление негативных эмоций (24,28) (см. табл. 2).

Таблица 2. Удовлетворённость качеством жизни у выпускников факультета психологии, работающих по специальности и не по специальности

Характеристика	Среднегрупповой показатель	
	Работают по специальности	Работают не по специальности
Учеба	29,33	28,31
Личные достижения	29,79	27,85
Здоровье	27,03	26,13
Отношения с близкими	29,03	28
Поддержка	27,73	27,97
Оптимистичность	29,52	27,72
Напряженность	27	25,13
Самоконтроль	25,64	24
Негативные эмоции	26,45	24,28
Индекс качества жизни	27,95	26,6

Статистический анализ показал, что значимых различий удовлетворённости качеством жизни у выпускников, работающих и не работающих по специальности, не выявляется, то есть всех выпускников, в целом, характеризует средний уровень удовлетворённости жизнью и отдельными её компонентами, но также у них на высоком уровне проявляется оптимистичность.

Высокий уровень оптимистичности мы склонны связать с тем, что получение высшего профессионального образования само по себе является положительным фактором профессионализации, поскольку предоставляет выпускникам более разнообразные возможности трудоустройства. Кроме того, специфика обучения на факультете психологии, характер приобретаемых знаний, умений и навыков позволяет развивать саморефлексию, лучше понимать свои стремления, желания, возможности и ограничения, в связи с чем, у выпускников появляется возможность лучше продумать и определить дальнейшее направление своего профессионального и личностного развития.

Сравнение среднегрупповых показателей также показывает, что значение индекса качества жизни несколько выше у выпускников, работающих по специальности, а также их характеризует большая удовлетворённость учёбой, личными достижениями, здоровьем, отношениями с близкими, но также их характеризует более высокий уровень самоконтроля при большей выраженности негативных эмоций напряжённости, чем у выпускников, работающих не по специальности. Вторую группу выпускников характеризует только более высокий показатель поддержки. Сильнее всего различия проявляются в показателях напряжённости и самоконтроля, в связи с чем, на уровне тенденций, мы можем предположить, что у выпускников, работающих не по специальности, эти характеристики проявляются сильнее. Причиной этого мы склонны считать то, что в работе по специальности им может потребоваться преодолевать большее число преград, а также, контролировать своё эмоциональное состояние, что требуется в работе по психологическому направлению. Отсутствие значимых различий мы склонны связать с тем, что и у выпускников, выбравших другой путь профессионализации, как у любого молодого специалиста, возникают проблемные ситуации и предъявляется совокупность требований по освоению профессии, поэтому значимых специфических проявлений, как мы полагаем, будет не много или не будет вообще на этом этапе профессионального становления и развития.

Помимо отношения к условиям жизнедеятельности, значимыми в выборе профессионального пути являются условия жизни, не связанные со специальностью и обучением напрямую, но, тем не менее, способные оказать существенное влияние на жизненный путь субъекта (создание семьи, рождение ребенка и т.д.). В связи с этим, мы проанализировали ряд социально- демографических характеристик выпускников.

Социальная ситуация выпускников, работающих по специальности после окончания вуза, характеризуется проживанием отдельно от родителей (87,9%), а Проживание с родителями нехарактерно (12,1%). При этом примерно половина (54,5%) состоит в зарегистрированном браке, достаточно значительная часть проживает совместно с партнером (18,2%), а также часть выпускников не состоит в браке и фактических брачных отношений на момент диагностики не имеет (27,3%). Наличие ребёнка отмечает только 12,1% выпускников из этой подгруппы.

Выпускники, работающие не по специальности, характеризуются сходной ситуацией, то есть большая часть проживает отдельно от родителей (92,3%), и небольшая часть совместно с родителями (7,7%). В этой подгруппе несколько больший процент состоит в браке (30,8%) или проживает совместно с партнером (28,2%), но также значительная часть не состоит в браке (41%). Наличие ребенка указывает 17,9% участников исследования.

Выпускники, работающие не по специальности, также в значительной своей части начали жить отдельно от родителей до 8 лет (41%), в возрасте 19–22 года отделились от родителей 33,3%, в возрасте старше 23 лет — 10,3%. То есть в этой подгруппе несколько раньше выпускники стали проживать отдельно от родителей, и, возможно, с этим связана специфика профессионализации (см. табл. 3).

Таблица 3. Характеристики социальной ситуации у выпускников факультета психологии, работающих по специальности и не по специальности

Характеристика	Процентное соотношение	
	Работают по специальности	Работают не по специальности
Проживание отдельно от родителей	87,9	92,3

Не состою в браке	54,5	41
Состою в браке	27,3	30,8
Проживаю с партнером	18,2	28,2
Наличие ребенка/детей	12,1	17,9
Возраст отделения от родителей до 18 лет	45,5	41
Возраст отделения от родителей от 19 до 22 лет	21,2	33,3
Возраст отделения от родителей от 23 лет	21,2	10,3

Проведённое нами исследование ситуационных факторов, характеризующих профессиональный выбор выпускников кафедры общей и социальной психологии (брачно-семейный статус, наличие детей, сепарация от родителей, возраст отделения, удовлетворённость качеством жизни), позволяет сформулировать следующие выводы.

Статистический анализ не выявил значимых различий удовлетворённости качеством жизни между выпускниками, работающими по специальности, и выпускниками, работающими не по специальности. В целом всех выпускников характеризует средний уровень удовлетворённости жизнью и отдельными её компонентами при высоком уровне оптимистичности. Данный результат может быть интерпретирован в рамках концепции профессионального развития Д. Сьюпера, согласно которой на этапе «перехода» (18–21 год) и «пробы» (22–24 года) профессиональное самоопределение находится в процессе становления, а не завершения, поэтому окончательное согласование «Я-концепции» и реальной профессиональной среды ещё не достигнуто [12]. Согласно Д. Сьюперу, именно в этот период молодые люди «пробуют» себя в различных видах деятельности, и рассогласование между образованием и занятостью является нормативным, а не патологическим явлением.

Высокий уровень оптимистичности, зафиксированный в обеих группах, может быть связан с двумя факторами. Во-первых, получение высшего профессионального образования само по себе выступает положительным фактором профессионализации, предоставляя выпускникам более разнообразные возможности трудоустройства. Во-вторых, специфика обучения на кафедре психологии — характер приобретаемых знаний, умений и навыков — способствует развитию саморефлексии, лучшему пониманию своих стремлений, желаний, возможностей и ограничений. С точки зрения модели психологического благополучия К. Рифф, данные характеристики соответствуют таким компонентам эвдемонического благополучия, как «личностный рост» и «автономия» Формирование этих компонентов в процессе обучения создаёт ресурсную базу, позволяющую выпускникам поддерживать позитивное самоощущение вне зависимости от конкретного места работы.

Сравнение среднегрупповых показателей показывает, что значение индекса качества жизни несколько выше у выпускников, работающих по специальности. Данную группу также отличает большая удовлетворённость учебой, личными достижениями, здоровьем, отношениями с близкими, а также более высокий уровень самоконтроля при большей выраженности негативных эмоций и напряжённости. Вторая группа выпускников характеризуется только более высоким показателем поддержки. Наиболее выраженные различия на уровне тенденций наблюдаются в показателях напряжённости и самоконтроля, что позволяет предположить: у выпускников, работающих не по специальности, данные характеристики проявляются слабее.

Причиной более высоких показателей напряжённости и самоконтроля у выпускников, работающих по специальности, вероятно, выступает характер профессиональной деятельности в психологическом направлении, которая требует

преодоления большего числа преград и контроля собственного эмоционального состояния. Согласно периодизации Е.А. Климова, выпускники, работающие по специальности, находятся на стадии «адаптанта» — вхождения в профессию после завершения профессионального обучения, которая продолжается от нескольких месяцев до 2–3 лет и характеризуется активным освоением профессиональных норм и требований [4; 10]. Отсутствие же значимых различий объясняется тем, что у выпускников, выбравших другой путь профессионализации, как у любого молодого специалиста, также возникают проблемные ситуации и предъявляется совокупность требований по освоению профессии. На этапе профессионального становления и развития значимых специфических проявлений, как можно полагать, будет не много или они не будут обнаружены вовсе. Данный вывод согласуется с положением Д. Сьюпера о том, что профессиональное развитие представляет собой процесс реализации «Я-концепции», который может проходить различными траекториями, не обязательно линейно связанными с полученным образованием.

Анализ социально-демографических характеристик показал сходную картину в обеих группах: большинство выпускников проживают отдельно от родителей (87,9% среди работающих по специальности и 92,3% среди работающих не по специальности). При этом выпускники, работающие не по специальности, в значительной своей части начали жить отдельно от родителей раньше (41% — до 18 лет, тогда как в первой группе до 18 лет отделились 27,3%). Возможно, именно с этим связана специфика профессионализации: более ранняя сепарация может способствовать более раннему выходу на рынок труда и, как следствие, выбору работы не по специальности. Данный результат может быть рассмотрен в контексте модели множественных ролей Д. Сьюпера, согласно которой профессиональное развитие всегда протекает во взаимодействии с другими жизненными ролями (члена семьи, супруга, домохозяина), и раннее принятие этих ролей может влиять на профессиональные выборы [1; 2]. В брачно-семейном статусе также наблюдаются различия на уровне тенденций: работающие по специальности чаще состоят в зарегистрированном браке, тогда как среди работающих не по специальности выше доля не состоящих в браке и проживающих с партнёром. Наличие ребёнка фиксируется в обеих группах у незначительной части респондентов.

Таким образом, ситуационные факторы, включая брачно-семейный статус, сепарацию и возраст отделения, не приводят к статистически значимым различиям в удовлетворённости качеством жизни между выпускниками-психологами, работающими по специальности и вне её. Высокий уровень оптимистичности, сформированный в процессе обучения на факультете психологии, выступает ключевым адаптационным ресурсом, обеспечивающим поддержание среднего уровня удовлетворённости жизнью вне зависимости от выбранной профессиональной траектории. Полученные результаты подтверждают положение теории профессионального развития Д. Сьюпера о том, что ранние этапы профессионализации характеризуются высокой вариативностью траекторий, а удовлетворённость жизнью в этот период в большей степени определяется личностными ресурсами (оптимистичность, саморефлексия), нежели формальным соответствием образования и занятости.

Считаем, что помимо теоретического обучения студентов в ВУЗе, необходимо создавать условия, способствующие эффективному профессиональному самоопределению в ходе получения образования, а также адаптации при выходе на рынок труда. Опираясь на результаты нашего исследования, мы разработали систему мер по практической профессиональной подготовке студентов старших курсов, которая поможет выпускникам адаптироваться на рынке труда, а именно:

1) содействие углублению студентов в профессиональную деятельность психолога и специалиста по работе с молодёжью, посредством укрепления партнёрских отношений с профильными предприятиями города, организация стажировок для студентов;

2) в рамках введения в профессию создать благоприятные условия, позволяющие совмещать трудоустройство по профилю получаемой специальности на старших курсах;

3) систематическая организация тематических и комплексных экскурсий учащихся на предприятия и в организации, с целью ознакомления с многообразием видов профессиональной деятельности психолога и специалиста по работе с молодёжью;

4) организация встречи учащихся с выпускниками факультета и вуза, реализующих профессиональную деятельность в рамках специальности, полученной в учебном заведении;

5) организация встреч с работниками центров занятости населения для ознакомления с различными программами, помогающими в профессиональном самоопределении и адаптации на рынке труда;

6) проводить тренинги коммуникативных умений, управление конфликтами, повышения личной эффективности, обучать студентов правилам эффективной коммуникации, в том числе, с учётом специфики профессионального взаимодействия с разными типами коммуникаторов (с руководством, коллегами, клиентами), а также поведения в конфликтных ситуация с целью их конструктивного разрешения;

7) внедрение в учебные планы элективных дисциплин, направленных на формирование навыков поведения на рынке труда — составление резюме, прохождение собеседования, эффективная самопрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Базаева Ф.У. Основы профессионального самоопределения молодежи / Базаева Ф.У. // Международный научно-исследовательский журнал; под ред. — Вып. 2. — Екатеринбург: Цифра, 2021.
2. Волова М. Р. Ориентирование обучающегося университета на самоорганизацию самопознавательной деятельности в контексте профессионального самоопределения / Волова М. Р., Игнатова В. В. // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы; под ред. Миронова А. Г. Красноярск: КрасГАУ, — 2020. — с. 109–111.].
3. Диннер И.В. Процесс и этапы профессионального самоопределения в условиях трансформации социально-трудовых отношений / И.В. Диннер // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 77–88].
4. Дружинина Е.С. Факторы повышения эффективности трудоустройства выпускников вузов на современном рынке труда / В. Д. Рожков, Е. С. Дружинина // Труд и социальные отношения. — 2024 — № 1 — С.5–14.
5. Кранзеева Е. А., Гиль С. С. Жизненный путь студента в университете: структурирование и навигация // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2024. — № 1. — С. 90–98].
6. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы [Текст] : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Н. К. Емелина, К.В. Рожкова, С. Ю. Рощин, С. А. Солнцев, П. В. Травкин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022 — 160 с. — ISBN 978-5-598-2652-1 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2462-6 (e-book).
7. Нестеренко Е.А. Профессиональное самоопределение старшеклассника: как помочь подростку в выборе профессии / Е.А. Нестеренко, Ю.В. Маркевич // В сборнике: Профнавигация молодежи. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. — 2020. — С. 102–105.
8. Стратегии социально-педагогического содействия трудоустройству выпускников вузов / Пак Л. Г., Каменева Е. Г., Кочемасова Л. А., Соколова Ю. А. // Перспективы науки и образования. — 2022. — № 5 (59). — С. 200-218. — doi: 10.32744/pse.2022.5.12.
9. Тарасова Е.Р. Жизненный путь личности / Е.Р. Тарасова, Д.В. Шейченко. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 51 (550). — С. 322–323.].

10. Barbour J.B., Lammers J.C. Measuring professional identity: a review of the literature and a multilevel confirmatory factor analysis of professional identity constructs // Journal of Professions and Organization. 2015. Vol. 2(1). P. 38–60. DOI:10.1093/jpo/jou009
11. Melak D., Derbe T. Analysis of determinants of youth self-employment career-choices // Journal of Small Busyness and Enterprise Development. — 2022. doi — 10.1108/JSBED-10-2021-0435
12. Super, D. E., Crites, J. O., Hummel, R. C., Moser, H. P., Overstreet, P. L., & Warnath, C. F. (1957). Vocational development: A framework of research. Teachers College Press.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Немов Р.С. Психология. Словарь-справочник/ Р.С. Немов . — Ч.2. — М.: ВЛАДОС- Пресс, 2003. — 352с.
14. Приказ Минтруда России № 648, Минобрнауки России № 1228 от 23.09.2020 «Об утверждении Комплекса мер по содействию трудоустройству граждан, завершивших обучение по основным образовательным программам высшего образования в 2020 году, в том числе в образовательные организации высшего образования и научные организации» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в РФ: URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-n-648-minobrnauki-rossii-n-1228/(дата обращения: 24.03.2026).

REFERENCES

1. Bazaeva F.U. Osnovy professional'nogo samoopredeleniya molodezhi [Fundamentals of professional self-determination of youth] // International Scientific Research Journal; ed., Issue 2. Yekaterinburg: Digit, 2021 (In Russian)
2. Volova M. R., Ignatova V. V. Orientirovanie obuchayushchegosya universiteta na samoorganizaciyu samopoznovatel'noj deyatel'nosti v kontekste professional'nogo samoopredeleniya [Orientation of a university student towards self-organization of self-cognitive activity in the context of professional self-determination]. Professional self-determination of the youth of the innovative region: problems and prospects; ed. Mironova A. G., Krasnoyarsk: KrasGAU, 2020, p. 109-111 (In Russian)
3. Diner I.V. Process i ehtapy professional'nogo samoopredeleniya v usloviyah transformacii social'no-trudovyh otnoshenij [The process and stages of professional self-determination in the context of the transformation of social and labor relations], I.V. Diner, Bulletin of Omsk University. Series: Economics,2020, V. 18., No. 1., pp. 77-88 (In Russian)
4. Druzhinina, E. S. Faktory povysheniya ehffektivnosti trudoustrojstva vypusknikov vuzov na sovremennom rynke Truda [Factors of Increasing the Effectiveness of Employment of University Graduates in the Modern Labor Market],V. D. Rozhkov, E. S. Druzhinina, Labor and Social Relations. 2024, No. 1,pp.5-14. (In Russian)
5. Kranzeeva E. A., Gil S. S. Zhiznennyj put' studenta v universitete: strukturirovanie i navigaciya [The life path of a student at the university: structuring and navigation],Vocational education in Russia and abroad, 2024, No.1., pp. 90-98 (In Russian)
6. N.K. Emelina, K.V. Rozhkova, S.Y. Roshchin, S.A. Solntsev, P.V. Travkin Vypuskniki vysshego obrazovaniya na rossijskom rynke truda: trendy i vyzovy [Graduates of higher education in the Russian labor market: Trends and Challenges [Text]] : Proceedings of the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Economic and Social Development, Moscow, 2022, N.K. Emelina, K.V. Rozhkova, S.Y. Roshchin, S. A. Solntsev, P. V. Travkin ; National research. un-t "Higher School of Economics"., M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2022,160 p. — ISBN 978-5-598-2652-1 (in the cover). — ISBN 978-5-7598-2462-6 (e-book). (In Russian)
7. Nesterenko E.A., Markevich Yu.V. Professional'noe samoopredelenie starsheklassnika: kak pomoch' podrostku v vybore professii [Professional self-determination of a high school student: how to help a teenager choose a profession], In the collection: Professional Guidance for Young People. Collection of Materials from the III International Scientific and Practical Conference., 2020, pp. 102-105. (In Russian)
8. Pak L. G., Kameneva E. G., Kochemasova L. A., Sokolova Yu. A. Strategii social'no-pedagogicheskogo sodejstviya trudoustrojstvu vypusknikov vuzov [Strategies of Social and Pedagogical Assistance in the Employment of University Graduates], Perspectives of Science and Education., 2022, No. 5 (59), pp. 200–218. doi: 10.32744/pse.2022.5.12 (In Russian)
9. Tarasova, E.R. Zhiznennyj put' lichnosti [Life Path of an Individual], E.R. Tarasova, D.V. Sheichenko., Text: direct, Young Scientist, 2024, No. 51 (550)., pp. 322–323. (In Russian)
10. Barbour J.B., Lammers J.C. Measuring professional identity: a review of the literature and a multilevel

confirmatory factor analysis of professional identity constructs, Journal of Professions and Organization. 2015. Vol. 2(1). P. 38–60. DOI:10.1093/jpo/jou009
11. Melak D., Derbe T. Analysis of determinants of youth self-employment career-choices, Journal of Small Busyness and Enterprise Development., 2022. doi — 10.1108/JSBED-10-2021-0435
12. Overall, D. E. Crites, I. O. Hummel, R. C. Moser, H. P., Overstreet, P. L., & Warnath, C. F. (1957). Vocational development: a framework of research. Teachers College Press.
13. Nemov R.S. Psychology. Dictionary-reference book. Part 2. Moscow: VLADOS-Press, 2003. 352 pp., p.200;
14. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation No. 648, Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1228 dated 09/23/2020 "On approval of a Set of measures to promote the employment of citizens who completed their studies in basic educational programs of higher education in 2020, including in educational institutions of higher education and scientific organizations" [Electronic resource] // Laws, Codes and regulatory documentslegal acts in the Russian Federation: URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-n-648-minobrnauki-rossii-n-1228 /(date of access: 03/24/2026).

Поступила в редакцию 24.03.2026

SITUATIONAL FACTORS OF GRADUATES' PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION AT DEPARTMENT OF GENERAL AND SOCIAL PSYCHOLOGY IN OMSK STATE UNIVERSITY NAMED AFTER F.M. DOSTOYEVSKY

E.A. Dianova

This article addresses the influence of situational factors on the professional choices of graduates at the Department of General and Social Psychology in Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. The main focus is made on practical aspects, including the comparison of the graduates' professional self-determination strategies in the fields of Psychology and Organization of Work with Youth, taking into account such life circumstances as having their own housing, starting a family (marriage, children), and overall satisfaction with the quality of life. The author points out that professional self-determination is not only the result of reflecting on personal qualities and goals, but also largely a consequence of specific life situations that graduates face by the time they graduate from the university. It is shown that these factors awareness enables graduates to make more informed decisions about their career paths and contributes to their successful professional development. Special attention is paid to the alignment of the personal characteristics of professionals in helping professions with the requirements of their future work, which directly affects their job performance and overall satisfaction with life.

Key words: professional self-determination, graduates, quality of life, situational factors, professional choice, professional strategy, employment.

Дианова Екатерина Анатольевна.
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская федерация, г. Омск.
Ассистент кафедры общей и социальной психологии.
ORCID: 0009-0003-8520-4060.
E-mail: dianovaea@yandex.ru.

Dianova Ekaterina Anatolevna.
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation.
Assistant at Department of General and Social Psychology.

ORCID: 0009-0003-8520-4060.
E-mail: dianovaea@yandex.ru.

Научная статья
УДК 378.178:316.612
DOI: 10.5281/zenodo.22090895

СИСТЕМА МЕТОДОВ СОВЛАДАНИЯ С ВЫГОРАНИЕМ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЫПУСКНЫХ КУРСОВ МЕДИЙНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

© 2026 В.А. Месяц
Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»
ORCID 0000-0002-4634-9326

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Профессиональная деятельность в сфере медиа (создание, обработка и распространение контента) является массовой и предполагает большое количество интенсивной, контактной и креативной работы, а значит, высокую вероятность выгорания. Вместе с тем, в научной литературе последних лет сведений о выраженности выгорания у представителей медийных профессий, в том числе, у готовящихся стать таковыми, крайне мало. Анализ научной литературы и данных о выраженности выгорания у обучающихся ЛГУ им. А.С. Пушкина за 2021–2026 гг. предопределил необходимость включения в учебные занятия не только материалов о наличии риска выгорания, но и развитие у обучающихся компетенций по ранней диагностике, профилактике и коррекции выгорания. При этом автором выявлено, что в научных публикациях методы профилактики и коррекции выгорания предложены в виде единичных рекомендаций. Целью настоящего исследования является обобщение и систематизация методов, призванных поддержать физическое и психологическое благополучие личности. В статье представлен пул методов, собранных в четыре группы. Использование такого комплекса методов позволяет применять гибкие стратегии и тактики для решения проблемы выгорания.

***Ключевые слова*:** степень выгорания, комплекс методов совладания, психогигиенические методы аутопомощи, физические методы самокоррекции, когнитивные методы совладания, организационные методы коррекции.

Для цитирования: Месяц В.А. Система методов совладания с выгоранием для обучающихся выпускных курсов медийных направлений подготовки / В.А. Месяц // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 278–298. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22090895.

Введение. Во внутренней и внешней среде присутствует огромное количество факторов, приводящих к стрессу, но ресурсы человека ограничены. Именно невозможность справиться с вызовами приводит к выгоранию. Термином «выгорание» в научной литературе описывают комплекс проблем со здоровьем личности (физическим и ментальным) и здоровьем организации. Возникнув однажды, выгорание прогрессивно нарастает. Количество «сгоревших» неумолимо растет, приобретая катастрофические размеры. Более того, признаки и негативные последствия выгорания ученые зафиксировали у обучающихся выпускных классов школ и у обучающихся вузов, т.е. можно говорить о том, что выгорание «молодеет». В связи с этим важно проводить раннюю диагностику выгорания и своевременные просветительские мероприятия с учащейся молодежью, направленные на освоение методов совладания с выгоранием.

В современных научных трудах просматривается тенденция к использованию термина «выгорание» без определяющего слова («эмоциональное», «профессиональное», «академическое»). При этом, основное содержание термина остается неизменным и восходит к первым упоминаниям в работах Г. Фройденбергера и К. Маслач. Подробный обзор определений «выгорания» в исторической ретроспективе представлен во многих научных журнальных публикациях, например, в русскоязычных [20; 8], а также в англоязычном сборнике Р. В. Мотты [29]. В данной статье представляется целесообразным опустить обсуждение терминологической составляющей и сосредоточиться на обобщении и структурировании методов совладания с проблемами выгорания. Однако в качестве рабочего определения можно использовать такое: выгорание — это физические и психологические состояния, а также поведенческие реакции, возникающие в ситуациях, когда человек не может преодолеть чрезмерные и продолжительные стрессовые нагрузки.

Теоретические и прикладные аспекты выгорания вызывают живейший интерес и в научной среде (например, Пежемская и др. [14], Твилле и др. [18] и пр.), и у практиков, работающих с профессиональными коллективами (например, Любимкина и др. [10], Кузнецова [8] и пр.), и у граждан, заботящихся о своем благополучии. Ученые собирают и накапливают сведения о выгорании, предлагают и проверяют методы совладания с ним. На персональном уровне личность стремится не только быть осведомленной о выгорании, не только интуитивно использовать копинг-стратегии, но и иметь возможность осознанного моделирования индивидуальной стратегии совладания с выгоранием.

Симптомы и последствия выгорания выявляются у трудящихся в разных видах экономической деятельности (например, у медицинских работников, у педагогов, у сотрудников органов правопорядка), в разных социально-профессиональных (например, у руководителей подразделений, линейного персонала, волонтеров) и возрастных группах (например, у выпускников школ, обучающихся вузов, сотрудников предпенсионного возраста). Кроме того, исследователи учитывают продолжительность выполнения обязанностей на конкретном участке деятельности.

Автором статьи в рамках собственного исследования в качестве объекта была выбрана социально-профессиональная группа «обучающиеся»: ее микросегмент — обучающиеся четвертых курсов медийных направлений подготовки Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Обучающиеся профильных классов (старшеклассники), СПО и высших учебных заведений представляют специфическую социально-профессиональную группу. Приобретение компетенций для них является ежедневной профессиональной деятельностью на протяжении 10-15 лет. Продолжительное выполнение однотипных обязанностей в сочетании со стрессовыми и личностными факторами может стать причиной выгорания.

Исследования академического выгорания проводятся в различных странах. Например, в исследовании, проведенном в Финляндии [25] на выборке студентов первого курса университета, были сопоставлены профили выгорания и отношение к обучению. Ученые пришли к выводу о необходимости замены поверхностного отношения к обучению на активную внутреннюю позицию личности с одновременным изменением среды обучения. Исследователями из Южной Кореи [28] проводилось изучение корреляционных связей между профилями академического выгорания и стилями мотивации на большой репрезентативной выборке выпускников школ с учетом национального отношения к академической успешности. Было предложено применять методы психолого-педагогического вмешательства для обеспечения социальной поддержки обучающихся.

Немаловажными также являются сравнительные кросс-культурные исследования. Так, в исследовании Ю.С. Пежемской и др. [14] изучались стратегии совладания с психологическими проблемами на выборках студенческой молодежи России, Турции и Азербайджана. Было выявлено, что обеспокоенность респондентов по разным жизненным ситуациям (например, учеба, материальное благополучие, здоровье и др.) в каждой стране примерно одинаковая, но структура используемых стратегий совладания различается. А.Я. Койфман и А.Э. Гаузер [7] выявляют взаимозависимость между профилями академической мотивации и факторами выгорания у студентов российских и азербайджанских вузов и делают заключение об их одинаковой структуре в двух национальных выборках.

Те же исследователи [28; 14; 7; 25] указывают на необходимость применения стратегий совладания или воздействия на ситуацию психологического дискомфорта. Но вопрос конкретных коррекционных методик остается за скобками их исследований. Так, например, Ю.С. Пежемская с коллегами приходит к выводу, что молодежь опытным путем определяет, «какие способы совладания не работают на решение проблемы, но не владеет в достаточном количестве эффективными стратегиями совладания» с психологическими проблемами [14, с. 149]. Поэтому вектором развития личности может стать «расширение арсенала копинг-стратегий» [14, с. 149].

Исследователи различных направлений человеческой деятельности (педагогической [22], медико-фармацевтической [4], организационно-коммуникативной [21; 13; 6], управленческо-координационной в области ГО и защиты населения от ЧС [12], юридической [16] и др.) указывают на необходимость информирования трудящихся граждан, а также обучающихся [25] о наличии выгорания. О включении профилактических мероприятий в трудовой и учебный процессы рассуждают такие исследователи, как Ю.В. Скоробогатова [17], А.Д. Дубинская [5], И.Н. Пушкарева и В.А. Бубенов [15], А.Я. Койфман и А.Э. Гаузер [7], K. Alsabti [24].

В научных работах представлены мнения о необходимости преодоления проблем выгорания и имеются единичные рекомендации по корректировке его отдельных проявлений. Вместе с тем количество публикаций, направленных на систематизацию подходов, методов и методик коррекционной работы, не является достаточным.

Таким образом, цель исследования — предложить структурированный комплекс методов совладания с выгоранием.

Предполагается, что разработка будет предъявляться обучающим в рамках учебных занятий по теме «Выгорание» и позволит реализовать возможность индивидуального осознанного моделирования стратегии совладания с выгоранием путем выбора методов из предложенного комплекса.

Материалы и методы исследования. Ежегодное мониторинговое исследование выраженности выгорания проводилось на выборке обучающихся четвертого курса дневного обучения по направлениям подготовки «Журналистика» и «Реклама и связи с общественностью» на филологическом факультете ЛГУ им. А.С. Пушкина с 2021 по 2026 годы. Тестирование, добровольное и анонимное, осуществлялось один раз в конце обучения (в марте). Суммарно за 6 лет в исследовании приняли участие 258 человек, из них 144 человека — обучающиеся выпускных курсов направления подготовки «Журналистика» и 114 человек — обучающиеся выпускных курсов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» (таблица 1).

Таблица 1

Участники исследования

Год	Направления подготовки					
	Журналистика			Реклама и связи с общественностью		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
2021 г.	2	24	26	1	9	10
2022 г.	2	21	23	6	11	17
2023 г.	1	18	19	3	9	12
2024 г.	6	25	31	3	14	17
2025 г.	0	19	19	8	22	30
2026 г.	3	23	26	7	21	28

Стимульным материалом для исследования послужил модифицированный опросник Н.Е. Водопьяновой «Профессиональное выгорание» [2].

Для выявления методов совладания с выгоранием и их последующей систематизации был проведен анализ научных публикаций.

Основная часть. *Мониторинг степени выгорания у обучающихся выпускных курсов медийных направлений подготовки.* Для каждого респондента был рассчитан интегральный показатель выгорания с использованием формул, приведенных в статье Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, А.Д. Наследова «Стандартизированный опросник "Профессиональное выгорание" для специалистов социономических профессий» [3]:

- для женщин — 4,386+0,1155*ЭИ+0,1747*ДП-0,0998*РЛД;
- для мужчин — 3,940+0,1115*ЭИ+0,1750*ДП-0,0828*РЛД.

Далее интегральный показатель выгорания был переведен в стандартную шкалу (в соответствии с гендерной принадлежностью респондентов) [3], и в зависимости от количества стенов была дана характеристика степени выгорания. Так, обучающиеся, набравшие 1-2 стена, были описаны как респонденты с крайне низкой степенью выгорания, 3-4 стена — как респонденты с низкой степенью выгорания, 5-6 стенов — как респонденты с умеренной степенью выгорания, 7-8 стенов — как респонденты с высокой степенью выгорания. Результат 9-10 стенов указывает на крайне высокую степень выгорания.

Следующий этап экспериментальной работы предполагал расчет процентного соотношения респондентов с разной степенью выгорания в выборках по годам и направлениям подготовки. Сведения, полученные в результате статистической обработки материалов анкетирования за 6 лет, позволяют проследить динамику изменений выгорания по вектору времени (таблица 2).

Следует отметить, что крайне низкая степень выгорания (интегральный показатель 2,39, что соответствует 2 стенам) зафиксирована лишь у одного респондента (мужчина), обучавшегося по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» в 2022 году.

Респонденты с низкой степенью выгорания отсутствуют в выборках обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью» в 2021 и 2024 годах, а также среди обучающихся по направлению «Журналистика» в 2025 году. Наибольшее количество обучающихся с низкими показателями выгорания (23,8 %) зафиксировано в 2021 году (направление «Журналистика»).

Умеренная степень выгорания у обучающихся направления подготовки «Журналистика» представлена в диапазоне от 10,53 % в 2023 году до 42,31 % в 2026 году. У обучающихся направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» минимальные показатели (16,63 %) зафиксированы в 2023 г., а максимальные (52,94 %) — в 2022 и 2024 годах. Характеристика «умеренная степень выгорания»

свидетельствует о том, что отдельные симптомы выгорания уже проявляются в жизни и деятельности обучающихся выпускных курсов. т.е. профилактические мероприятия показаны в данной возрастной группе.

Большую тревогу вызывают высокие и крайне высокие показатели выгорания. Лишь в 3 из 12 групп респондентов зафиксированы значения менее 50 процентов: в 2022 году у обучающихся по направлению подготовки «Журналистика» — 47,82 %, в этом же году у обучающихся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» — 35,29 % и в 2024 году у обучающихся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» — 47,06 %. В остальных девяти группах высокие и крайне высокие интегрированные показатели выгорания у обучающихся выпускных курсов распределены в интервале от 53,85 % до 75 %.

Таблица 2

Интегральные показатели выгорания респондентов
в выборке по направлениям подготовки за 2021-2026 гг.

Год	**Направление подготовки**				
	Журналистика			**Реклама и связи с общественностью**	
2021	26 чел. — 24 жен., 2 муж.			10 чел. — 9 жен., 1 муж.	
	Степень выгорания				
	крайне низкая	0	6 чел. (23,08 %)	0	0
	низкая	6 чел. (23,08 %)		0	
	умеренная	6 чел. (23,08 %)	6 чел. (23,08 %)	4 чел. (40 %)	4 чел. (40 %)
	высокая	11 чел. (42,31%)	14 чел. (53,85 %)	5 чел. (50 %)	6 чел. (60 %)
	крайне высокая	3 чел. (11,54 %)		1 чел. (10 %)	
2022	23 чел. — 21 жен., 2 муж.			17 чел. — 11 жен., 6 муж.	
	Степень выгорания				
	крайне низкая	0	4 чел. (17,39 %)	1 чел. (5,88 %)	2 чел. (11,76 %)
	низкая	4 чел. (17,39 %)		1 чел. (588 %)	
	умеренная	8 чел. (34,78 %)	8 чел. (34,78 %)	9 чел. (52,94 %)	9 чел. (52,94 %)
	высокая	3 чел. (13,04 %)	11 чел. (47,82 %)	5 чел. (29,41 %)	16 чел. (35,29%)
	крайне высокая	8 чел. (34,78 %)		1 чел. (5,88 %)	
2023	19 чел. — 18 жен., 1 муж.			12 чел. — 9 жен., 3 муж.	
	Степень выгорания				
	крайне низкая	0	3 чел. (15,79 %)	0	1 чел. (8,33 %)
	низкая	3 чел. (15,79 %)		1 чел. (8,33 %)	
	умеренная	2 чел. (10,53 %)	2 чел. (10,53 %)	2 чел. (16,67 %)	2 чел. (16,67 %)
	высокая	9 чел. (47,37 %)	14 чел. (73,69 %)	7 чел. (58,33 %)	9 чел. (75 %)
	крайне высокая	5 чел. (26,32 %)		2 чел. (16,67 %)	
2024	31 чел. — 25 жен., 6 муж.			17 чел. — 14 жен., 3 муж	
	Степень выгорания				
	крайне низкая	0	4 чел. (12,9 %)	0	0
	низкая	4 чел. (12,9 %)		0	
	умеренная	4 чел. (12,9 %)	4 чел. (12,9 %)	9 чел. (52,94 %)	9 чел. (52,94 %)
	высокая	16 чел. (51,61 %)	23 чел. (74,19 %)	3 чел. (17,65 %)	8 чел. (47,06 %)
	крайне высокая	7 чел. (22,58 %)		5 чел. (29,41 %)	
2025	19 чел. — 19 жен.			30 чел. — 22 жен., 8 муж.	
	Степень выгорания				
	крайне низкая	0	0	0	1 чел. (3,33 %)
	низкая	0		1 чел. (3,33 %)	
	умеренная	6 чел. (31,58 %)	6 чел.	9 чел. (30 %)	9 чел.

			(31,58 %)		(30 %)
	высокая	6 чел. (31,58 %)	13 чел.	14 чел. (46,67 %)	20 чел.
	крайне высокая	7 чел. (36,84 %)	(68,42 %)	6 чел. (20 %)	(66,67 %)
2026	26 чел. — 23 жен., 3 муж.			28 чел. — 21 жен., 7 муж.	
	Степень выгорания				
	крайне низкая	0	1 чел.	0	4 чел.
	низкая	1 чел. (3,85 %)	(3,85 %)	4 чел. (14,29 %)	(14,29 %)
	умеренная	11 чел. (42,31 %)	11 чел. (42,31 %)	8 чел. (28,57 %)	8 чел. (28,57 %)
	высокая	6 чел. (23,08 %)	14 чел.	10 чел. (35,71 %)	16 чел.
	крайне высокая	8 чел. (30,77 %)	(53, 85 %)	6 чел. (21,43 %)	(57,14 %)

Таким образом, можно говорить о стабильно большом количестве обучающихся четвертых курсов медийных специальностей с высокими и крайне высокими значениями выгорания. Проблема, как видно, заключается в том, что отрасль после защиты выпускных квалификационных работ получает не просто дипломированных специалистов, а работников с проблемами выгорания.

В рамках учебных занятий с обучающимися четвертых курсов медийных направлений подготовки по теме «Выгорание» результаты, приведенного выше мониторинга используются для демонстрации масштабов проблемы. Предполагается, что обучающийся не только соотнесет индивидуальные характеристики выраженности выгорания со статистическими данными, но и перейдет на уровень осознания необходимости активных действий по корректировке причин и признаков выгорания. Следующий элемент работы по теме «Выгорание» — актуализация спонтанно выработанных индивидуальных стратегий совладания. Обучающимся предъявляется пул способов совладания с выгоранием, и в форме дискуссии обсуждаются личный опыт, особенности и ограничения каждой методики. Наличие структурированного банка методик позволяет каждому обучающемуся выработать персонализированные копинг-стратегии для коррекции выгорания.

Обобщение и систематизация методов совладания с выгоранием. При решении проблемы выгорания конкретной личности или команды (коллектива) желательно применять подходы комплексно, интегрировать усилия представителей разных научных и практических направлений (психологов, медиков, управленцев), культивировать аутопомощь. Структура из 4 групп методов представлена в виде схемы (рисунок 1).

Перечень способов самопомощи при проявлении симптомов выгорания логично структурировать в три группы методов: психогигиенические (эмоциональные), физические и когнитивные.

Так, к группе психогигиенические (эмоциональные) методы можно отнести несколько рекомендаций, представленных в публикациях последних лет. Е.И. Мозговая и А.Х. Дзгоев [12] говорят о том, что сотрудникам МЧС показан тренинг саморегуляции, а также о том, что важно усиливать индивидуальную психологическую работу. Ц.-Л. Чжао и др. [30], изучив выгорание на большой выборке (343 человека) китайских сотрудников в разных профессиональных группах, предложили разрабатывать программы для развития у сотрудников навыков владения методиками эмоциональной регуляции (например, путем восстановления позитивных воспоминаний).

Считаем возможным существенно дополнить список психогигиенических (эмоциональных) методов аутопомощи при корректировке выгорания. В данную группу собрано несколько самостоятельных направлений работы, каждое из которых имеет внутреннюю дифференциацию.

Релаксация. Аудио-, видео-, фото- и ASMR-материалы представлены в большом количестве в сети. Подбор стимульных материалов для расслабления должен носить индивидуальный характер.

Например, звуки природы: шум дождя, потрескивание дров, шум ветра, шум прибоя, шум ручья, жужжание пчел, пение птиц, стрекотание сверчка, концерт лягушек и т.д. Динамические изображения с музыкальным сопровождением: восход или закат солнца, игры животных и их детенышей. Подборки фотографий в сопровождении музыки или звуков природы. Абстрактные изображения с электронной музыкой: калейдоскоп, звездное небо, цветные спирали и т.д. ASMR-триггеры можно разделить на аудиальные, визуальные и тактильные стимулы.



Рисунок 1. Структурированный комплекс методов совладания с выгоранием

Аутотренинг (установка на успех). Задача аутотренинговых практик состоит в том, чтобы приучить себя к состоянию уверенности в достижении поставленной цели. Безоговорочная вера в успех, в удачный результат должна стать абсолютной и привычной. Рекомендуется выполнять упражнения по самогипнозу ежедневно (не только в отведенное время, но и при выполнении каких-либо механических периодически повторяющихся действий). Каждый человек может сам для себя задать положительную формулу-цель.

Медитация (от лат. meditatio — размышление) может являться как процессом, так и состоянием. Методику медитации применяют для повышения осознанности и концентрации в духовно-религиозных и оздоровительных практиках. Для достижения расслабленного, сосредоточенного состояния сознания можно использовать мелкомоторные действия. Таковыми, например, могут быть вязание, плетение и др. Имеют место быть также различные манипуляции с четками, предметами с наполнителем и пр.

Воображение и визуализация — это обширная и активно применяемая группа методов работы по созданию и управлению ментальными образами. В процессе применения этих методик субъект моделирует желаемые эмоциональные состояния: готовность к энергичным действиям или спокойствие и сосредоточенность. Техники управляемых образов основаны на использовании широкого спектра ощущений всех органов чувств, а также ярких образных воспоминаний. Можно применять упражнение как отдельно, так и в комплексе с другими психотерапевтическими практиками.

Арт-терапия (от англ. art — искусство), т.е. оздоровление искусством. Она имеет много разновидностей: музыкотерапия, танцевально-двигательная терапия, изотерапия, куклотерапия (создание кукол и игра с ними), драматерапия, фототерапия, песочная терапия, сказкотерапия. Арт-терапевтические практики помогают решить следующие задачи: скорректировать психоэмоциональное состояние человека, гармонизировать отдельные аспекты личности, наполнить ресурсами, осуществить «перезагрузку». В процессе осуществления арт-терапевтических действий происходит самопознание, раскрывается потенциал личности, совершается творческое развитие человека. Можно использовать как пассивный вариант арт-терапии — восприятие (т.е., созерцание и прослушивание), так и активную форму — процесс создания чего-либо.

Хобби-терапия. Вариантов интересных и даже полезных хобби для любого возраста огромное количество. У хобби есть интересный эффект — эффект погружения, сосредоточенности на любимом занятии. Именно он создает иллюзию остановки времени. Деятельность, которая приносит чувство удовольствия, создает терапевтическое воздействие. Часто люди имеют несколько хобби и переключаются между ними. Важно, чтобы дополнительные интересы личности были максимально противоположны основному виду деятельности. Увлечения помогают восполнять физические и эмоциональные ресурсы, являются способом самоидентификации и развития самоуважения, расширяют круг социального взаимодействия.

Вторая группа способов самопомощи — физические методы, в современной научной литературе описана в нескольких работах. У А.Д. Дубинской [5] представлен большой список физиотерапевтических и телесно-ориентированных методик, которые могут использоваться как коррекционный инструмент регуляции психоэмоционального состояния и биоэлектрической активности лицевых мышц. Исследователь Е.С. Вишникина [1] дает рекомендации студентам-медикам: соблюдать регламент активности и отдыха в течении дня, менять деятельность. Статья О.С. Кулешовой и др. [9] содержит рекомендации для студентов и преподавателей о необходимости здорового

образа жизни, включающего физическую активность, достаточную продолжительность сна и сбалансированное питание. Но вместе с тем физические методы совладания с признаками выгорания обширны и разнообразны.

Тайм-менеджмент физической активности. Регуляция режима сна и бодрствования — самый простой и эффективный способ улучшить настроение и самочувствие. Выстраивание сбалансированной интенсивности интеллектуальной и физической нагрузок в течение дня позволяет избегать переутомления. Контроль режима питания и водного обмена необходимы для поддержания физической и интеллектуальной выносливости.

Двигательная активность может иметь разную интенсивность: от легкой — прогулки на свежем воздухе и занятия физической культурой до существенной — фитнес и спорт. Физические упражнения, асаны и пранаямы йоги позволяют глубже познать особенности своего тела на пути к оздоровлению. Растяжка как вид физических упражнений предполагает развитие подвижности опорно-двигательного аппарата, т.е. суставов, позвоночного столба, мышц и связок. Занятия, направленные на тренировку гибкости, являются профилактикой большого количества заболеваний (как физических, так и психических). Двигательная активность позволяет сместить фокус внимания с тревожных мыслей на физические ощущения, снять мышечное напряжение, накопившееся в результате стресса, запустить биохимические механизмы выработки гормонов. Оказать помощь в организации процесса физической активности, скорректировать объем нагрузки, адекватный возрасту и физическому состоянию организма, может фитнес-инструктор.

Гигиена питания и диетология позволяют оздоравливать и восстанавливать организм, корректировать обмен веществ, массу тела. Разработку рекомендаций по регулярности и сбалансированности питания с учетом объема и калорийности пищи, а также множества других факторов, например, особенностей функционирования отдельных систем организма, лучше доверить профессионалу — врачу-диетологу, или врачам смежных специальностей (эндокринологу, гастроэнтерологу).

Дыхательная гимнастика (лечебное дыхание). Функция дыхания легко поддается произвольному контролю человека. Изменяя темп, ритм, форму, интенсивность вдоха и выдоха можно управлять различными физиологическими системами организма. Акцент на вдохе оказывает возбуждающий эффект, продолжительная фаза выдоха — успокаивающий. Методики дыхательной гимнастики включают статические и динамические упражнения. Известны дыхательные практики в разных культурно-духовных традициях, а также разработанные и обоснованные для различных медицинских целей. При очевидной легкости применения и множестве показаний к использованию важно помнить о возможности негативных результатов и не забывать о необходимости обращаться за консультацией к специалистам-медикам.

Управление мимическими мышцами важно для коррекции психоэмоционального состояния человека. Внутренние переживания и активность лицевых мышц взаимно влияют друг на друга, образуя негативную или положительную петлю. Так, негативные эмоциональные состояния приводят к повышению тонуса мышц лица. Прервать петлю можно сознательной релаксацией лицевых мышц, а также расслабляющими и корректирующими процедурами. Мышечная система быстро откликается и легко перестраивается, «запоминая» правильные выражения лица.

Внешнее воздействие на тело человека может как улучшить физическое состояние человека, так и нанести существенный вред. Доверять свое тело лучше специалистам-медикам — массажистам и физиотерапевтам. Физическое и психическое

состояния человека взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга. Например, положительное воздействие на физическое тело (массаж, физиотерапия) может частично компенсировать ощущение хронической усталости, свойственное выгоранию.

Воздействие массажем (в том числе, самомассажем) может варьироваться от легких форм до серьезного вмешательства. Видов и техник массажа — большое разнообразие. Массаж применяется для разных целей. По медицинским показаниям назначают коррекцию у остеопата, мануального терапевта и телесноориентированную психотерапию. Физическое и психическое состояния человека взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга. Положительное воздействие на физическое тело (массаж, физиотерапия) может снять ощущение хронической усталости, свойственное выгоранию.

Физиотерапевтическое воздействие осуществляется при помощи созданных искусственно факторов и специально подобранных их дозировок (электрический ток, магнитное поле, ультразвуковые волны, фототерапия (лечение светом), аэротерапия (лечение воздухом — гипокситерапия, баротерапия и др.), гидропроцедуры, термотерапия, криотерапия). Также к физиотерапевтическим процедурам относят пелоидотерапию (грязелечение) и гирудотерапию (лечение пиявками).

Лечение минеральными водами (бальнеотерапия и питьевое лечение) как раздел физиотерапии воздействует на организм комплексно: нормализует обмен веществ, восстанавливает баланс микроэлементов, улучшает работу желудочно-кишечного тракта, и, как следствие, положительно воздействует на иммунитет и противостоит истощению, свойственному выгоранию.

В бытовых ситуациях популярными методами физиотерапии являются банные процедуры, сауна и моржевание.

Альтернативные методы воздействия на физическое и психическое состояние человека. Эффективность нижеперечисленных методов ставится под сомнение медицинской наукой. Однако, множество примеров из повседневной жизни людей, в том числе обучающихся, свидетельствует о субъективном улучшении психологического самочувствия, снижении раздражительности и негативизма.

Пет-терапия (использование животных (дельфин, лошадь, кошка, собака, кролик, птица и т.д.) в терапевтических целях), энтомотерапия (использование насекомых и продуктов их жизнедеятельности), апитерапия (применение пчел и продуктов пчеловодства).

Фитотерапия (использование препаратов растительного происхождения) применяется преимущественно как дополнительное средство к медикаментозной терапии для активизации резервов организма, в том числе для совладания с выгоранием. Растения могут оказывать как возбуждающее, так и тормозящее действие. По способу применения различают: питьевые фитопрепараты (чай, настой, отвар, спиртовая настойка, вытяжка), средства для наружного применения (горячие припарки, холодные компрессы, мази).

Ароматерапия применяется при профилактике и лечении широкого круга заболеваний физической и психической природы, может быть применима и для совладания с выгоранием. Производимые из ароматических растений (травы, деревья) масла обладают противовирусными, антибактериальными, противогрибковыми и антисептическими свойствами. Эфирные масла и фитонциды растений могут вызывать седативный или тонизирующий эффект. Практика ароматерапии предполагает несколько способов применения эфирных масел: внутреннее, наружное (втирание, ванны, компрессы), распыление в воздухе (аромалампы, ингаляции, аромакулоны, орошение). Вариантами ароматерапии являются галотерапия — искусственные

«соляные пещеры» и «соляные ванны», спелеотерапия — природные гроты и пещеры, соляные копи и шахты. В домашних условиях используют аромалампы, солевые лампы, благовония.

Третья группа методов совладания с выгоранием — когнитивные, в научной литературе представлена достаточно полно. Исследователи выгорания в профессиональной группе социальных работников рекомендуют обращаться за помощью, поддержкой и одобрением к руководителям и коллегам [6] и культивировать ситуационную и поведенческую профилактику [27]. Например, в вузе это может быть реализовано через участие обучающихся в различных студклубах и студсоветах; через проектную деятельность студентов-кураторов и преподавателей-кураторов; через мероприятия воспитательной направленности. Для сотрудников силовых структур (МЧС, Росгвардия МВД) авторы научных статей предлагают внедрить тренинги по развитию навыков выбора стратегии совладающего поведения, принятия ответственности, мероприятия информационно-просветительской направленности [12], а также обучать сотрудников навыкам саморегуляции, эффективного делового общения и копинга, активации личностных ресурсов [11]. Сотрудникам адвокатуры предлагают создавать объединения взаимопомощи в вопросах выгорания, в которых психологи, медицинские работники и эмпатичные коллеги смогут обсуждать сложные ситуации и удачные кейсы, создавать дискуссионные пространства и образовательную среду [16]. Например, в ЛГУ им. А.С. Пушкина обучающиеся могут воспользоваться услугами специалистов психологической службы: индивидуальными и групповыми формами консультаций, тренинговыми программами, программами психологического просвещения, включиться в работу дискуссионного психологического клуба.

Много рекомендаций адресовано обучающимся. Так, Ю.В. Скоробогатова [17] видит решение проблемы выгорания через использование технологии тайм-менеджмента учебной деятельности — целеполагание, планирование, расстановка приоритетов, организация деятельности и коммуникации. H. Asikainen с соавторами [25] отмечает, что участие в активных формах обучения, исследовательской деятельности активность и инициативность обучающихся позволят купировать признаки выгорания. И.Н. Пушкарева и В.А. Бубенов [15] рассуждают о том, как можно скорректировать проявления выгорания в форме аддикций и асоциального поведения: путем информирования о рисках, определения алгоритмов индивидуальных действий. А.Я. Койфман и А.Э. Гаузер [7] ставят акцент на высоком уровне амотивации обучающихся как маркере выгорания и предлагают концентрировать усилия для сознательного преодоления негативного отношения к обучению. Южнокорейские исследователи [28] указывает на возможность использования сильных сторон личности обучающегося и групп взаимопомощи для выстраивания стратегии совладания с выгоранием, необходимость поиска смысла и радости от обучения, интереса, удовлетворения и удовольствия. О.С. Кулешова и др. [9] считает необходимым использовать пространства для выражения переживаний и поиска решений, а также выдерживать баланс между учебой, работой и личной жизнью. Е.С. Вишникиной [1] представлен следующий перечень аутопомощи для обучающихся: научиться расставлять приоритеты — составить план выполнения задач с ориентиром по времени; знать себе цену, уважать и любить себя — не делать то, что приносит дискомфорт, неприязнь и угнетает; ограничить общение с людьми, которые «неприятны»; проработать внутриличностные проблемы — синдром отличника, чрезмерные требования к себе, проблемы во взаимоотношениях с близкими; получать новые эмоции, впечатления, опыт и знания, разнообразить свою жизнь; хвалить себя за достижения.

Профессионалам СМИ рекомендуется использовать программу управления экранным временем [10], т.е. установить для себя лимит времени на использование электронных устройств на день. На наш взгляд, такое простое и современное решение можно взять на вооружение в любом виде экономической деятельности (в том числе, и обучающимся).

В дополнение к имеющимся в научной литературе рекомендациям можно добавить структурированный список методик, связанных с осознанной работой личности на ментальном уровне. Стоит отметить, что когнитивные методы профилактики и компенсации последствий выгорания требуют от личности значительных усилий, а иногда и помощи психолога или психотерапевта.

Трансформация негативных убеждений. Находить и понимать смысл, содержащийся в суровой повседневности и в значимых событиях жизни. Сознательно снижать значимость негативных событий (например, используя фразы «не очень-то и хотелось», «главное в жизни не это», «хватит драматизировать»). Развивать навыки поиска позитивного в негативном (например, найти три позитивных последствия или выигрыша). Использовать стратегии позитивной переоценки событий.

Повышение самооценки и уверенности в себе. Регулярно вести дневник достижений — фиксировать прогресс в любых начинаниях. Развивать уверенность в своих способностях и возможностях. Запрашивать подтверждение своих достижений у социального окружения (коллег и родственников), например, используя методику «похвали меня».

Культивирование ощущения востребованности. Формировать чувство принадлежности к какому-либо сообществу и принимать активное участие в его деятельности. Социальную группу (реальную или виртуальную) можно создать самому, а можно присоединиться. Оказывать помощь малоопытным коллегам.

Использование технологии самообновления. Применять стратегическое и тактическое целеполагание и планирование в профессиональной и личной жизни. Предлагать и реализовывать собственные профессиональные проекты. Выделять время на раздумья (посмотреть на происходящее со стороны) — например, подвести итоги прошедшего дня.

Повышение уровня профессионального мастерства. Приобретать опыт успешного преодоления сложных ситуаций — повседневных, учебных и профессиональных (на четвертом курсе обучающиеся совмещают учебную и профессиональную деятельность). Например, выполнять учебные задания ориентируясь на возможность их использования для нужд конкретного медиапредприятия (организации). Использовать способность конструктивно меняться. Формировать высокую мобильность. Культивировать позицию открытости. Развивать самостоятельность, опираться на собственные силы.

Управление эмоциональным состоянием. Чаще использовать в повседневной жизни улыбку, смех, юмор. Размышлять о хорошем, позитивном. Рассматривать приятные и дорогие сердцу вещи (цветы в помещении, пейзаж за окном, фотографии и т.д.), все то, что вызывает положительный настрой. Собирать (читать) смешные и курьезные истории, чтобы изменить настроение, вызвать смех. Сочинять или рассказывать поучительные истории (сторителлинг), читать стихи.

Высказывание похвалы, комплиментов. Социальный обмен «поглаживаниями» необходим для улучшения эмоционального самочувствия.

«Купание» (реальное или мысленное) **в солнечных лучах**. Найти время для себя, побыть наедине с собой. Хвалить себя (я красивая, я умная, я быстрая и т.д.) в

совершенном времени (я уже такая (такой)). Позволять себе маленькие радости (удовольствия).

Управление временем (навыки тайм-менеджмента). Разработать систему приоритетов (планирование): «должен сделать сегодня», «сделать на этой неделе», «сделать, когда будет время». Выполнять не более одной задачи в час и стараться закончить ее в отведенное время. Противодействовать отвлекающим факторам (игры, сериалы, соцсети и пр.).

Формирование «понимающих» отношений с коллегами и руководством. Например, процессы групповой динамики в учебном коллективе можно выстраивать не только на основе компромиссных решений, но и используя стратегию сотрудничества как по горизонтали, так и по вертикали взаимодействия. Не пытаться быть лучшим всегда и во всем. Не позволять окружающим требовать слишком многого. Научиться говорить «нет». Обсуждать с руководителем или сотрудниками обязанности и задачи, которые являются «непонятными». Обращаться за помощью и социальной поддержкой к окружающим.

Отслеживание и коррекция аддиктивного поведения. Проявлениями зависимого поведения являются трудоголизм, уход в религию, азартное поведение, самобичевание. Немаловажно обратить внимание на курение, алкогольную и пищевую зависимости. Также следует упомянуть химическую зависимость от антидепрессантов, стимуляторов, наркотических веществ и пр. Зависимости от гейминга, социальных сетей, думскролинга и им подобного можно противопоставить проведение сеансов цифровой (информационной) детоксикации и культивирование медиааскетизма.

Помимо методик аутопомощи в научной литературе имеются рекомендации, которые можно объединить в четвертую группу — **организационные методы** коррекции выгорания. Эта группа является внешней по отношению к личности, испытывающей проблемы с выгоранием, но значимой. Не только обучающиеся заинтересованы в своем психическом благополучии, но и преподаватели и администрация могут оказать помощь путем оптимизации и организации учебной деятельности. Организационный аспект по комплексной коррекции выгорания представляется важным не только для уже действующих руководителей рекламных, коммуникационных агентств и медиапредприятий. Уже во время обучения в вузе молодые люди, будущие специалисты медийной сферы открывают собственные стартапы, ведут проекты, участвуют в информационном сопровождении предприятия и организаций. Интенсивная бизнес-деятельность на старте любого проекта всегда ресурсно- и энергозатратна как для руководителя, так и для команды, поэтому знание закономерностей развития выгорания и организационных способов совладания с ним позволяет сохранить потенциал рабочей группы (как профессиональной, так и учебной). В научной литературе применительно к разным видам экономической деятельности имеются рекомендации по организации учебного и профессионального процесса по вектору коррекции степени выраженности выгорания. Так, Т.А. Любимкина, С.С. Тимофеева, С.В. Иванова в статье «Оценка профессионального выгорания работников средств массовой информации» [10] предлагают перечень рекомендаций по организации трудовой деятельности в редакции СМИ, направленных на заботу о психическом здоровье сотрудников: предоставлять день удаленной работы (или гибкий режим работы), установить локальным нормативным актом дополнительные перерывы для снятия усталости (примерно 15–20 минут), равномерно распределять обязанности между сотрудниками, управлять рисками ухудшения психологического здоровья работника в системе охраны труда (неэффективное общение, чрезмерное давление,

плохое руководство и организационная культура). Например, в ЛГУ им. А.С. Пушкина для обучающихся в учебном расписании предусмотрены дни самоподготовки, учебная нагрузка равномерно распределена в течение дня, недели, семестра, соблюдаются требования к охране труда в учебных помещениях и в учреждении в целом.

H. Asikainen с соавторами [25] рекомендует для студентов в качестве организационных мер коррекции выгорания дозировать (рассчитывать) учебную нагрузку, а также менять методы преподавания и оценки. О.С. Кулешова с соавторами [9] с целью снижения воздействия стресса на преподавателей и студентов предлагает администрации вуза оптимизировать расписание, грамотно распределить нагрузку и перерывы в течение рабочего дня, снизить монотонность и перегрузку.

Е.И. Мозговая и А.Х. Дзгоев [12] для противодействия выгоранию сотрудников силовых структур в статье «Проблемы профилактики профессионального стресса и эмоционального выгорания у сотрудников МЧС» пишут о необходимости совершенствования политики организации по развитию трудовой мотивации и стимулированию, оптимизации рабочего времени и времени отдыха, об улучшении условий труда, снижении рабочей нагрузки, развитии материально-технического обеспечения профессиональной деятельности. Например, в отношении обучающихся можно говорить о мерах по положительному воздействию на учебную мотивацию через нематериальное подкрепление: публичные благодарности, демонстрацию достижений, возможность представлять университет во всероссийских и международных молодежных проектах. Совершенствование материально-технического оснащения учебного процесса осуществляется через использование мультимедийных систем, компьютерного оборудования, программного обеспечения, интернет и Wi-Fi точек доступа.

G. Hemati Alamdarloo и S. Moradi [26] рекомендуют министерству образования Ирана принять меры для улучшения условий труда учителей. П.С. Твилле и др. [18], рассуждая о психическом благополучии врачей-ординаторов, предлагает принять меры по изменению корпоративной культуры в медицинских организациях. Представляется интересной и достойной для модификации к другим отраслям идея М.Г. Тимофеевой [19] о возможности привлечения ассистентов и волонтеров для снижения нагрузки на штатных сотрудников организаций, оказывающих социальные услуги. Например, обучающиеся ЛГУ на добровольной и конкурсной основе реализуют проекты социальной направленности, предназначенные для физических и виртуальных коммуникативных пространств как внутри университета, так и за его пределами.

N. Achdut и T.M. Schwartz-Tayri [23] и A. Hollederer [27] указывают на необходимость формирования благоприятной социальной среды для работников социальных служб, но не раскрывают методы, как это можно осуществить. Например, в ЛГУ им. А.С. Пушкина элементами комфортной социальной среды являются программы онбординга обучающихся на всех этапах обучения, кураторское сопровождение, оздоровительные, воспитательные и культурные мероприятия, деятельность клубов и секций.

Однако представляется целесообразным дополнение и структурирование организационных методов совладания с выгоранием.

Изменение формы и содержания деятельности. Периодически переключать обучающегося на разные виды и формы работы, например, в рамках одной учебной дисциплины. Включать обучающегося в разнообразные творческие проекты, в новые рабочие креативные группы. Запланировать регулярную смену обстановки (выездные занятия, посещение мастер-классов и форумов вне учреждения образования, участие в конкурсах, внеурочных мероприятия, экскурсиях и др.).

Эмоциональная поддержка обучающегося, признание достижений со стороны коллег-обучающихся, преподавателей и руководителей структурных подразделений вуза. Организация групп психологической поддержки. Например, в ЛГУ работает «Психологическая служба».

Снижение нагрузки. Командное (групповое) выполнение заданий. Регулирование интенсивности (темпа) работы, нормирование объемов выполняемой деятельности. Уменьшение требований эмоциональной включенности (часто выполнение профессиональных и учебных проектных заданий связано с необходимостью преодолевать трудно разрешимые ситуации).

Повышение аутопсихологической компетентности. Формирование образовательной среды и дискуссионного пространства внутри профессионального сообщества (в том числе студенческого). Организация тренингов по освоению приемов произвольной саморегуляции.

Финские исследователи H. Asikainen, J.H. Nieminen, J. Häsä, N. Katajavuori сформулировали тезис о том, что «вероятность продолжить обучение выше у тех школьников и студентов, кто имеет не очень высокие показатели выгорания» [25]. Эта мысль является важной в контексте современной тенденции на непрерывное образование взрослых, на постоянное усовершенствование компетенций, освоение смежных специальностей и расширение трудовых полномочий. Скорость изменений и преобразований в медийных профессиях на столько высока, что уже через несколько лет после окончания вуза у сотрудника может возникнуть необходимость в дополнительном и смежном обучении для того, чтобы оставаться востребованным в профессии. К этому моменту личности важно сохранить свои физические и психологические ресурсы, т.е. не выгореть. Для ориентировки в методах совладания с выгоранием можно воспользоваться предложенной в данной статье структурированной системой методов.

Заключение. В результате шестилетнего (2021–2026 гг.) анкетирования обучающихся медийных направлений подготовки в ЛГУ им. А.С. Пушкина было опрошено 258 человек. У обучающихся по направлению подготовки «Журналистика» высокие и крайне высокие показатели выгорания минимально представлены в 2022 году — 47,82 %, а максимальные значения зафиксированы в 2024 году — 74,19 %. У обучающихся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» минимальное количество респондентов с высокими и крайне высокими показателями (35,29 %) было выявлено в 2022 году, а в 2023 году — максимальное количество равно 75 %. Настораживает результат умеренной выраженности выгорания: в некоторые годы он составляет примерно 50 %. Например, в 2022 году 52,94 % обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью» имели умеренную выраженность выгорания, т.е. у них уже начали проявляться отдельные симптомы выгорания. В совокупности с высокими показателями выгорания (35,29 %) за этот же год в этой же группе получаем 88,23 % обучающихся, которые нуждаются в профилактической работе по преодолению выгорания. Последствием выгорания является низкая эффективность деятельности человека и плохое качество выполнения заданий. Кроме того, обучающиеся четвертых курсов медийных направлений подготовки косвенно демонстрируют амотивацию к учебной деятельности.

Ежегодно статистические показатели прошлых лет предъявляются обучающимся четвертых курсов медийных направлений подготовки ЛГУ им. А.С. Пушкина для демонстрации масштабов проблемы выгорания в локальной социально-профессиональной группе. Каждый выпускник имеет возможность соотнести свой показатель выраженности выгорания с материалами наблюдений. Таким образом,

мониторинг степени выгорания первоначально был реализован в прикладном аспекте (на учебных занятиях по теме «Выгорание») и лишь вторично — в качестве компонента эмпирической работы при написании данной статьи.

Ограничения эмпирического этапа работы.

1. Модифицированный опросник «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой [2] является самоотчетной методикой, поэтому результаты могут содержать социально одобряемые ответы.

2. В рамках учебной деятельности использование процентных соотношений является достаточным, но в научном контексте в дальнейшем можно провести расчет корреляций. Кроме того, интересны не только интегральные показатели степени выгорания, но и соотношение по субшкалам методики.

3. Из-за небольшого объема выборки по годам и неравномерной гендерной представленности респондентов за рамками данного исследования остался вопрос распределения степени выраженности выгорания у мужчин и женщин.

4. Во время мониторинга были собраны, но в данной статье не представлены, сведения о взаимозависимости степени выраженности выгорания и стажа совмещения учебы с работой у обучающихся.

5. Масштаб проведенного мониторинга ограничен двумя направлениями вузовского обучения. Остается неисследованной во временной перспективе степень выраженности выгорания у обучающиеся по другим направлениям подготовки.

Необходимо констатировать, что эмпирическое исследование, описанное в рамках данной научной статьи, является основанием для аналитической работы с научными источниками по обобщению и систематизации методов для профилактики и коррекции выгорания.

Результаты наблюдений вызывают обеспокоенность и необходимость повышать компетентность среди обучающихся выпускных курсов в вопросах распознания, профилактики и коррекции выгорания.

Систематизация методов совладания с выгоранием носит не только теоретический, но и прикладной характер. В рамках учебной дисциплины «Тренинги делового общения» проводятся лекционные и практикоориентированные занятия, направленные как на актуализацию имеющихся у обучающихся интуитивно выработанных копинг-методов, так и на пополнение арсенала (банка) методов совладания с выгоранием.

При предъявлении обучающимся больших объемов методов важно структурировать информацию. Именно это и было выполнено в данном исследовании. В результате пул методов составлен из четырех больших групп: методы аутопомощи (психогигиенические (эмоциональные), физические, когнитивные) и организационные методы. Каждая группа методов имеет внутреннюю структуру. Психогигиенические (эмоциональные) методы включают шесть подгрупп, физические — семь подгрупп, когнитивные методы имеют одиннадцать подгрупп, а организационные — представлены четырьмя подгруппами. Предложенную в статье структуру можно дополнять, добавляя конкретные методы, и/или выделять новые подгруппы. Обучающимся структурированный пул методов совладания с выгоранием позволяет увидеть разнообразие подходов к решению проблемы выгорания, а также создает основу для сознательного моделирования и корректировки индивидуальной копинг-стратегии.

Ранняя осведомленность о выгорании и расширение арсенала методов профилактики и коррекции, начиная с вузовского обучения, могут сделать психическое здоровье человека неисчерпаемым ресурсом.

Автор статьи предполагает, что комплекс методов совладания с выгоранием может быть полезным специалистам по вопросам профилактики и совладания с выгоранием во всех видах экономической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишникина Е.С. Эмоциональное выгорание, что делать? [Электронный ресурс] / Е.С. Вишникина // Медицинский научный журнал «Синопсис». — 2024. — № 2. — С. 10–14. Режим доступа: https://ecopathology.ru/wp-content/uploads/2025/01/2-ot-2024.pdf (дата обращения: 20.02.2026).
2. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. — Санкт-Петербург: Питер, 2009. — 336 с.
3. Водопьянова Н.Е. Стандартизированный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социономических профессий / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, А.Д. Наследов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2013. — № 4. — С. 17–27.
4. Ворожцова Е.С. Изучение уровня синдрома эмоционального выгорания фармацевтических работников как последствий конфликтов на рабочем месте / Е.С. Ворожцова, А.В. Солонина // Медицинский альманах. — 2019. — 5–6(61). — С. 104–108. DOI:10.21145/2499-9954-2019-5-104-108.
5. Дубинская А.Д. Современные представления о взаимосвязи психоэмоционального состояния и биоэлектрической активности лицевых мышц / А.Д. Дубинская, А.А. Кукшина, О.В. Юрова, А.В. Котельникова, Е.Н. Гулаев // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. — 2019. — 96(6). — С. 61–67. DOI: https://doi.org/10.17116/kurort20199606161.
6. Камнев А.Н. Эмоциональное выгорание и стресс у социальных работников / А.Н. Камнев, Т.А. Михайлова, И.Б. Шилина // Современная зарубежная психология. — 2023. — 12(4). — С. 145–156. DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120413.
7. Койфман А.Я. Связь академической мотивации и выгорания у студентов российских и азербайджанских вузов / А.Я. Койфман, А.Э. Гаузер // Психологическая наука и образование. 2022. — 27(5). — С. 21–23. DOI: https://doi.org/10.17759/pse.2022270502.
8. Кузнецова А.Г. Условия и инструменты преодоления академического выгорания первокурсников — будущих педагогов [Электронный ресурс] / А.Г. Кузнецова, А.Н. Иванова, Т.А. Корнева, У.П. Кузьменко // Современное педагогическое образование. — 2025. — № 7. — С. 291–296. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-instrumenty-preodoleniya-akademicheskogo-vygoraniya-pervokursnikov-buduschih-pedagogov/viewer (дата обращения: 20.02.2026). DOI: https://doi.org/10.24412/2587-8328-2025-7-291-296.
9. Кулешова О.С. Проблема эмоционального выгорания студентов и преподавателей: профилактика через организацию учебного процесса / О.С. Кулешова, О.П. Неверова, А.В. Степанов, Я.С. Павлова, Д.С. Укроженко // Право и управление. — 2024. — № 12. — С. 381–385. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-12-381-385.
10. Любимкина Т.А. Оценка профессионального выгорания работников средств массовой информации / Т.А. Любимкина, С.С. Тимофеева, С.В. Иванова // XXI век. Техносферная безопасность. — 2021. — 6(4). — С. 369–378. DOI: https://doi.org/10.21285/2500-1582-2021-4-369-378.
11. Макеев Д.А. Особенности профессионального выгорания сотрудников, проходивших службу в особых условиях / Д.А. Макеев, Е.А. Рыськина, А.А. Уренский, К.Г. Жук // Педагогика и психология: академический журнал. — 2024. — 4(7). — С. 42–48.
12. Мозговая Е.И. Проблемы профилактики профессионального стресса и эмоционального выгорания у сотрудников МЧС / Е.И. Мозговая, А.Х. Дзгоев // Научные результаты в социальной работе. — 2024. — 3(2). — С. 56–63. DOI: 10.18413/2949-267X-2024-3-2-1.
13. Мухитдинова С.М. Профессиональное выгорание и стратегии совладания со стрессом специалистов HR-служб / С.М. Мухитдинова // Ceteris paribus. — 2022. — №3. — С. 30–34.
14. Пежемская Ю.С. Совладание с психологическими проблемами у студенческой молодежи России, Турции и Азербайджана / Ю.С. Пежемская, А.М. Юсубова, Г.Р. Гуламова // Психология человека в образовании. — 2021. — 3(2). — С. 140–152. DOI: https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-2-140-152.
15. Пушкарева И.Н. Взаимосвязь академического эмоционального выгорания и различных видов аддикций у студентов-спортсменов / И.Н. Пушкарева, В.А. Бубенов // Научные и образовательные основы в физической культуре и спорте. — 2022. — № 3. — С. 62–68. DOI: https://doi.org/10.57006/2782-3245-2022-7-3-62-68.

16. Светова Л.Н. Психологические особенности профессионального выгорания адвокатов / Л.Н. Светова // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2020. — 25–4(83). — С. 376–382. DOI: 10.24411/1999-6241-2020-14002.
17. Скоробогатова Ю.В. Особенности эмоционального выгорания студентов педагогического вуза и его профилактика с помощью тайм-менеджмента / Ю.В. Скоробогатова // Перспективы науки и образования. — 2019. — 2(38). — С. 284–294. DOI: https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.21.
18. Твилле П.С. Распространенность синдрома эмоционального выгорания врачей-ординаторов в Российской Федерации: анализ факторов и подходы к профилактике / П.С. Твилле, В.И. Ледовский, Н.А. Сирота, В.В. Мадьянова // Консультативная психология и психотерапия. — 2024. — 32(2). — С. 171–192. DOI: https://doi.org/10.17759/cpp.2024320209.
19. Тимофеева М.Г. Профессиональное выгорание у социальных работников [Электронный ресурс] / М.Г. Тимофеева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. — 2023. — 1(29). — С. 64–72. Режим доступа: https://www.cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie-u-sotsialnyh-rabotnikov (дата обращения: 20.02.2026).
20. Тужикова Е.С. Предикторы академического выгорания у студентов выпускных курсов [Электронный ресурс] / Е.С. Тужикова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. — 2023. — № 6. — С. 556–565. Режим доступа: https://herzenpsyconf.ru/wp-content/uploads/2023/12/72-tuzhikova.pdf (дата обращения: 20.02.26). DOI 10.33910/herzenpsyconf-2023-6-72.
21. Чернякевич Е.Ю. Исследование эмоционального выгорания в связи со смысложизненными и карьерными ориентациями у представителей социономических профессий / Е.Ю. Чернякевич, Э.В. Погодина // Вестник университета. — 2020. — № 1. — С. 195–202. DOI: https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-195-202.
22. Якубенко О.В. Особенности деструктивных профессиональных изменений у педагогов на разных этапах профессионального развития / О.В. Якубенко, Т.В. Зарипова, Е.Г. Ожогова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2020. — 3(28). — С. 144–147. DOI: https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-28-144-147.
23. Achdut N., Schwartz-Tayri T.M. Intrinsic Job Quality Attributes and Perceived Stress Amongst Social Workers: The Mediating Role of In-Work Social Environment Factors // The British Journal of Social Work. — 2023. — 53(5), P. 2643–2664. DOI: https://doi.org/10.1093/bjsw/bcac237.
24. Alsabti K.A. The Effects of Social, Familial, and Economic Stress on Social Workers Working with Disabled Individuals // Journal of Social Work. — 2022. — 22(5). — P. 1207-1226. DOI: https://doi.org/10.1177/14680173221083466.
25. Asikainen H., Nieminen J.H., Häsä J., Katajavuori N. University Students' Interest and Burnout Profiles and Their Relation to Approaches to Learning and Achievement // Learning and Individual Differences. — 2022. — 93(2). — P. 102–105. DOI: https://doi.org/10.1016/j.lindif.2021.102105.
26. Hemati Allamdarloo G., Moradi S. Job Burnout in Public and Special School Teachers. Clinical Psychology and Special Education. — 2021. — 10(2). — P. 63–75. DOI: https://doi.org/10.17759/cpse.2021100205.
27. Hollederer A. Working Conditions, Health and Exhaustion Among Social Workers in Germany // European Journal of Social Work. — 2022. — 25(5). — P. 792–803. DOI: https://doi.org/10.1080/13691457.2022.2063813.
28. Lee M.Y., Lee M.K., Lee M.J., Lee S.M. Academic Burnout Profiles and Motivation Styles Among Korean High School Students // Japanese Psychological Research. — 2019. — 62(3). — P. 184–195. DOI: https://doi.org/10.1111/jpr.12251.
29. W. Motta R. (ed.) Burnout Syndrome - Characteristics and Interventions. IntechOpen. — 2023. Available at: http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.110960 (дата обращения: 03.01.2026).
30. Zhao J.-L., Li X.-H., Shields J. Managing Job Burnout: The Effects of Emotion-regulation Ability, Emotional Labor, and Positive and Negative Affect at Work. International Journal of Stress Management. — 2019. 26(3). — P. 315–320. DOI: https://doi.org/10.1037/str0000101.

REFERENCES

1. Vishnikina E.S. (2024) Emotsional'noe vygoranie, chto delat'? [Emotional Burnout, What to Do]? Meditsinskii nauchnyi zhurnal «Sinopsis», 2, pp.10–14. URL: https://ecopathology.ru/wp-content/uploads/2025/01/2-ot-2024.pdf (accessed 20.02. 2026).
2. Vodop'janova N.E. (2009). Psikhodiagnostika stressa [Psychodiagnostics of Stress]. St. Petersburg, Publ. Piter, 336. (In Russian).

3. Vodop'janova N.E. (2013) Standartizirovannyj oprosnik "Professional'noe vygoranie" dlja specialistov socionomicheskih professij [Standardized "Professional Burnout" Questionnaire for Professionals in Socionomic Fields]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12. Psihologija. Sociologija. Pedagogika, 4, pp. 17-27. (In Russian).
4. Vorozhtsova E.S., Soloninina A.V. (2019). Izuchenie urovnja sindroma jemocional'nogo vygoranija farmacevticheskih rabotnikov kak posledstvij konfliktov na rabochem meste [The Study of the Level of Burnout of Pharmacists as the Consequences of Conflicts in the Workplace]. Medicinskij al'manah, 5–6(61), pp. 104–108 (in Russian). DOI: 10.21145/2499-9954-2019-5-104-108. (In Russian).
5. Dubinskaya A.D, Kukshina A.A, Yurova O.V, Kotel'nikova A.V, Gulaev E.V. (2019). Sovremennye predstavlenija o vzaimosvjazi psihojemocional'nogo sostojanija i biojelektricheskoj aktivnosti licevyh myshc [Modern Views on the Relationship Between Psychoemotional State and the Bioelectrical Activity of Facial Muscles]. Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoj fizicheskoj kul'tury, 96(6), pp. 61–67. DOI: https://doi.org/10.17116/kurort20199606161. (In Russian).
6. Kamnev A.N., Mikhailova T.A., Shilina I.B. (2023). Jemocional'noe vygoranie i stress u social'nyh rabotnikov [Emotional Burnout and Stress in Social Workers]. Sovremennaja zarubezhnaja psihologija, 12(4), pp. 145–156. DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120413. (In Russian).
7. Koyfman A.Y., Hauser A.E. (2022). Svjaz' akademicheskoj motivacii i vygoranija u studentov rossijskih i azerbajdzhanskih vuzov [Academic Motivation in Relation to Burnout Among Russian and Azerbaijani Higher Education Students]. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie, 27(5), pp. 21–23. DOI: https://doi.org/10.17759/pse.2022270502. (In Russian).
8. Kuznecova A.G., Ivanova A.N., Korneva T.A., Kuz'menko U.P. (2025). Uslovija i instrumenty preodolenija akademicheskogo vygoranija pervokursnikov — budushhih pedagogov [Conditions and Tools for Overcoming Academic Burnout in First-year Students — Future Teachers]. Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie, 7, pp. 291–296. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-instrumenty-preodoleniya-akademicheskogo-vygoraniya-pervokursnikov-buduschih-pedagogov/viewer (accessed 20.02.2026). DOI: https://doi.org/10.24412/2587-8328-2025-7-291-296. (In Russian).
9. Kuleshova O.S., Neverova O.P., Stepanov A.V., Pavlova Ya.S., Ukrozhenko D.S. (2024). Problema jemocional'nogo vygoranija studentov i prepodavatelej: profilaktika cherez organizaciju uchebnogo processa [The Problem of Emotional Burnout of Students and Teachers: Prevention Through the Organization of the Educational Process]. Pravo i upravlenie, 12, pp. 381–385. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-12-381-385. (In Russian).
10. Lyubimkina T.A., Timofeeva S.S., Ivanova S.V. (2021). Ocenka professional'nogo vygoranija rabotnikov sredstv massovoj informacii [Assessment of Professional Burnout of Media Workers]. XXI vek. Tehnosfernaja bezopasnost', 6(4), pp. 369–378. DOI: https://doi.org/10.21285/2500-1582-2021-4-369-378. (In Russian).
11. Makeev D.A., Rys'kina E.A., Urenskij A.A., Zhuk K.G. (2024). Osobennosti professional'nogo vygoranija sotrudnikov, prohodivshih sluzhbu v osobyh uslovijah [Features of Professional Burnout of Employees Who Served in Special Conditions]. Pedagogika i psihologija: akademicheskij zhurnal, 4(7), pp. 42–48. (In Russian).
12. Mozgovaya E.I., Dzgoev A.H. (2024). Problemy profilaktiki professional'nogo stressa i jemocional'nogo vygoranija u sotrudnikov MChS [Problems of Prevention of Occupational Stress and Emotional Burnout among Emergency Workers]. Nauchnye rezul'taty v social'noj rabote, 3(2), pp. 56–63. DOI: 10.18413/2949-267X-2024-3-2-1. (In Russian).
13. Mukhitdinova S.M. (2022). Professional'noe vygoranie i strategii sovladanija so stressom specialistov HR-sluzhb [Professional Burnout and Strategies for Coping with Stress HR Specialists]. Ceteris paribus, 3, pp. 30–34. (In Russian).
14. Pezhemskaya Ju.S., Jusubova A.M., Gulamova G.R. (2021). Sovladanie s psihologicheskimi problemami u studencheskoj molodezhi Rossii, Turcii i Azerbajdzhana [Coping with Psychological Problems among Student Youth in Russia, Turkey and Azerbaijan]. Psihologija cheloveka v obrazovanii, 3(2), pp. 140–152. DOI: https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-2-140-152. (In Russian).
15. Pushkareva I.N., Bubenov V.A. (2022). Vzaimosvjaz' akademicheskogo jemocional'nogo vygoranija i razlichnyh vidov addikcij u studentov-sportsmenov [Interrelation of Academic Emotional Burnout and Various Types of Addictions in Student-athletes]. Nauchnye i obrazovatel'nye osnovy v fizicheskoj kul'ture i sporte, 3, pp. 62–68. DOI: https://doi.org/10.57006/2782-3245-2022-7-3-62-68. (In Russian).
16. Svetova L.N. (2020). Psihologicheskie osobennosti professional'nogo vygoranija advokatov [Psychological Features of Professional Burnout of Lawyers]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah, 25–4(83), pp. 376–382. DOI: 10.24411/1999-6241-2020-14002. (In Russian).

17. Skorobogatova Yu.V. (2019). [Features of Emotional Burnout of Students of Pedagogical University and Its Prevention with the Help of Time Management]. Perspectives of Science and Education, 38(2), pp. 284-294. DOI: https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.21. (In Russian).
18. Tville P.S., Ledovskij V.I., Sirota N.A., Mad'janova V.V. (2024). Rasprostranennost' sindroma jemocional'nogo vygoranija vrachej-ordinatorov v Rossijskoj Federacii: analiz faktorov i podhody k profilaktike [Burnout Prevalence among Resident Physicians in the Russian Federation: Factors Analysis and Prevention Approaches]. Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija, 32(2), pp. 171–192. DOI: https://doi.org/10.17759/cpp.2024320209. (In Russian).
19. Timofeeva M.G. (2023). Professional'noe vygoranie u social'nyh rabotnikov [Professional Burnout of Social Workers]. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Filosofija, 1(29), pp. 64–72. URL: https://www.cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie-u-sotsialnyh-rabotnikov (accessed 20.02.2026). (In Russian).
20. Tuzhikova E.S. (2023). Prediktory akademicheskogo vygoranija u studentov vypusknyh kursov [Predictors of Academic Burnout in Graduate Students.]. Gercenovskie chtenija: psihologicheskie issledovanija v obrazovanii, 6, pp. 556–565. URL: https://herzenpsyconf.ru/wp-content/uploads/2023/12/72-tuzhikova.pdf (accessed 20.02.26). DOI 10.33910/herzenpsyconf-2023-6-72. (In Russian).
21. Cherniakevich E.Yu., Pogodina E.V. (2020). Issledovanie jemocional'nogo vygoranija v svjazi so smyslozhiznennymi i kar'ernymi orientacijami u predstavitelej socionomicheskih professij. [The Study of Emotional Burnout in Connection with Life Meaning and Career Orientations among Representatives of Socionomic Professions]. Vestnik universiteta, 1, pp. 195–202. DOI: https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-195-202. (In Russian).
22. Yakubenko O.V., Zaripova T.V., Ozhogova E.G. (2020). Osobennosti destruktivnyh professional'nyh izmenenij u pedagogov na raznyh jetapah professional'nogo razvitija [Features of Destructive Professional Changes in Teachers at Different Stages of Professional Development]. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija, 3(28), pp. 144–147. DOI: https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-28-144-147. (In Russian).
23. Achdut N., Schwartz-Tayri T.M. (2023). Intrinsic Job Quality Attributes and Perceived Stress Amongst Social Workers: The Mediating Role of In-Work Social Environment Factors. The British Journal of Social Work, 53(5), pp. 2643–2664. DOI: https://doi.org/10.1093/bjsw/bcac237. (In English).
24. Alsabti K.A (2022) The Effects of Social, Familial, and Economic Stress on Social Workers Working with Disabled Individuals. Journal of Social Work, *22*(5), pp. 1207-1226. DOI: https://doi.org/10.1177/14680173221083466. (In English).
25. Asikainen H., Nieminen J.H., Häsä J., Katajavuori N. (2022). University Students' Interest and Burnout Profiles and Their Relation to Approaches to Learning and Achievement. Learning and Individual Differences, 93(2), pp. 102–105. DOI: https://doi.org/10.1016/j.lindif.2021.102105. (In English).
26. Hemati Allamdarloo G., Moradi S. (2021). Job Burnout in Public and Special School Teachers. Clinical Psychology and Special Education, 10(2), pp. 63–75. DOI: https://doi.org/10.17759/cpse.2021100205. (In English).
27. Hollederer A. (2022). Working Conditions, Health and Exhaustion Among Social Workers in Germany. European Journal of Social Work, 25(5), pp. 792–803. DOI: https://doi.org/10.1080/13691457.2022.2063813. (In English).
28. Lee M.Y., Lee M.K., Lee M.J., Lee S.M. (2019). Academic Burnout Profiles and Motivation Styles Among Korean High School Students. Japanese Psychological Research, 62(3), pp. 184–195. DOI: https://doi.org/10.1111/jpr.12251. (In English).
29. W. Motta R. (ed.) (2023). Burnout Syndrome - Characteristics and Interventions. IntechOpen. Available at: http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.110960 (accessed 03.01.2026). (In English).
30. Zhao J.-L., Li X.-H., Shields J. (2019). Managing Job Burnout: The Effects of Emotion-regulation Ability, Emotional Labor, and Positive and Negative Affect at Work. International Journal of Stress Management, 26(3), pp. 315–320. DOI: https://doi.org/10.1037/str0000101. (In English).

Поступила в редакцию 03.03.2026 г.

SYSTEM OF METHODS FOR COPING WITH BURNOUT FOR GRADUATE STUDENTS OF MEDIA TRAINING AREAS

V.A. Mesyats

Professional activity in the field of media (creation, processing and distribution of content) is widespread and involves a large amount of intensive, contact and creative work, which means a high probability of burnout. At the same time, there is very little information in the scientific literature of recent years about the severity of burnout among representatives of media professions, including those preparing to become such. The analysis of scientific literature and data on the severity of burnout among students in Pushkin Leningrad State University in the period of 2021-2025 determined the need to include not only materials about the risk of burnout in training sessions, but also the development of students' competencies in early diagnosis, prevention and correction of burnout. At the same time, the author found out that in scientific publications, methods of prevention and correction of burnout are proposed in the form of single recommendations. This study objective is to summarize and systematize methods designed to support the physical and psychological well-being of the individual. The article presents a set of methods classified into four groups. These methods application enables to make use of flexible strategies and tactics to solve the problem of burnout.

Key words: degree of burnout, complex of coping methods, psychohygienic methods of self-help, physical methods of self-correction, cognitive coping methods, organizational methods of correction.

Месяц Вера Александровна.
Кандидат социологических наук.
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Пушкин.
Доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций.
ORCID 0000-0002-4634-9326.
E-mail: verames@mail.ru

Mesyats Vera Alexandrovna.
Candidate of Sociology.
Pushkin Leningrad State University, Russian Federation, St. Petersburg, Pushkin.
Associate Professor at Department of Advertising and Public Communications.
ORCID 0000-0002-4634-9326.
E-mail: verames@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 811.161.1’367(035+038)
DOI: 10.5281/zenodo.22090943

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КОММУНИКАЦИИ (рецензия на книгу: Викуловой Л.Г. и др. Коммуникация: теория и практика / Л.Г. Викулова, М.Р. Желтухина, С.А. Герасимова, И.В. Макарова. — М.: ВКН, 2020. — 336 с.)

© 2026 ***Т.Н. Федуленкова***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
ORCID 0000-0002-5039-5827

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В рецензии дается высокая оценка книге коллектива авторов — лингвистов, ученых и экспериментаторов Московского городского педагогического университета Л.Г. Викуловой, М.Р. Желтухиной, С.А. Герасимовой и И.В. Макаровой. Рецензируемое издание представляет собой комплексное исследование феномена коммуникации в его теоретическом и прикладном аспектах. Содержание книги охватывает двенадцать ключевых тем, посвященных истории становления теории коммуникации, ее семиотическим основаниям, типологии (от межличностной до массовой), а также прагматическим и лингвокультурологическим нюансам коммуникативного взаимодействия. Издание ориентировано на подготовку специалистов в области связей с общественностью, лингвистики, журналистики, медиации и педагогического образования. Особенностью книги является сочетание глубокого теоретического анализа с практическими заданиями, ситуативными упражнениями и обширным справочным аппаратом, включающим персоналии и основательный и надежный глоссарий.

Ключевые слова: информационный обмен, речевая деятельность, вербальная и невербальная коммуникация, модели коммуникации, коммуникативная личность, коммуникативные барьеры, прагматика, семиотика, межличностная коммуникация, массовая коммуникация, межкультурная коммуникация, профессиональные компетенции.

Для цитирования: Федуленкова Т.Н. Проблемы теории и практики коммуникации (рецензия на книгу: Коммуникация: теория и практика / Л.Г. Викулова, М.Р. Желтухина, С.А. Герасимова, И.В. Макарова. — М.: ВКН, 2020. — 336 с.) / Т.Н. Федуленкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 299–303. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22090943.

Лингвистические взгляды коллектива авторов и результаты их объемного и целенаправленного научного и экспериментального труда в области преподавания иностранных языков оформлены в виде учебника, который имеет четкую дидактическую структуру и состоит из следующих компонентов:

1) методической записки, определяющей цели и компетенции, зафиксированные в издании,

2) двенадцати тематических глав, каждая из которых содержит проблематику, ключевые термины, теоретический блок, вопросы для самопроверки и практические задания,

3) глоссария, обеспечивающего единство понятийного аппарата издания,

4) раздела «Персоналии», представляющего биографии и вклад ученых в изучаемую отрасль науки,

5) библиографического списка и авторской справки.

Актуальность книги обусловлена стремительным развитием информационного общества и междисциплинарным характером современных гуманитарных наук [4; 10]. В условиях глобализации и цифровизации (информационных революций) умение эффективно выстраивать коммуникацию становится базовой профессиональной компетенцией [12, с. 343]. Авторы подчеркивают, что коммуникация сегодня определяет образ жизни человека, а владение её механизмами необходимо для предотвращения социальных конфликтов и успешного «диалога культур» [3, с. 7].

Книга Л.Г. Викуловой и соавторов ученого последовательно обсуждает фундаментальные и прикладные проблемы коммуникации, предлагая теоретические решения и практические алгоритмы поведения.

Одной из первых проблем, поднимаемых в книге, является разграничение понятий «коммуникация» и «общение». Так, выделяются подходы, анализирующие их различия. В тексте упоминается как отождествления этих терминов, так и их разделение по различным признакам [3, с. 49].

Таким образом, в книге Викуловой Л.Г. понятие «коммуникация» описано в нескольких вариантах, предлагающих обобщенные суждения о явлении (информационного обмена), в то время как «общение» является более частным случаем, задействующим дополнительно вербальные варианты взаимодействия [3, с. 50–52]. Такие пояснения позволят читателю разграничивать эти два понятия и корректно применять их в профессиональной деятельности.

Авторы выделяют проблему релевантного описания коммуникативного процесса посредством использования способа моделирования [1, с. 123; 5, с. 70], что позволяет воссоздать отличительные черты одного явления с помощью отличительных черт другого. В тексте выделяется ряд видов моделирования, которые в свою очередь, делятся на два основных подразделения: линейные (изучение однонаправленности коммуникации, как передачи сообщения от адресанта к адресату) и нелинейные (дополнительное изучение экстралингвистических влияний на коммуникацию, динамику отношений и обратную связь).

Виды моделирования представлены не просто в виде сухих схем, а дополнены комментариями, анализирующими сильные и слабые стороны каждого вида [3, с. 39–46]. Такой формат позволяет рассмотреть коммуникацию как динамический и многокомпонентный процесс, в котором вырабатываются релевантные коммуникативные компетенции [7, с. 147; 6, с. 25–27].

Практическая ценность исследования сосредоточена вокруг концепции «адекватного смыслового восприятия»: коммуникация признается успешной, только если восприятие сообщения адресатом полностью совпадает с идеей автора (с. 70). Препятствием на этом пути встает разветвленная система барьеров, которая зависит от источника возникновения. Выделяются средовые барьеры (шум, погода) и «человеческие», обусловленные различиями в интеллекте, тезаурусах или культурных установках [3, с. 63]. Статистика отражает остроту проблемы вертикальной коммуникации в организациях. Из-за различных искажений лишь 25–30% распоряжений

руководства доходят до исполнителей без потери смысла [3, с. 196]. Для минимизации «семантического шума» предлагается использовать механизмы обратной связи, позволяющие отправителю убедиться в правильности декодирования сигнала [3, с. 43]. В качестве инструмента регулирования социальной дистанции и создания атмосферы доверия детально анализируется речевой жанр комплимента [3, с. 80].

Удивителен тот факт, что вербальный обмен — это лишь малая часть информационного потока (с. 16). Среднестатистический человек тратит 29,5% времени на слушание и только 21,5% на говорение [3, с. 104]. Для подробного разбора данного феномена в книге подробно развернута панорама невербальной семиотики, которая делится на кинесику и проксемику, что свидетельствует о несомненном новаторском характером книги.

Кинесика (жесты и мимика) демонстрирует национальную специфику. Например, финн в среднем делает 1 жест в час, тогда как мексиканец — 180 [3, с. 115]. При этом жест «ОК» в США означает успех, в Японии — деньги, а в Португалии воспринимается как неприличный [3, с. 228].

Проксемика (организация пространства) вводит жесткие рамки в процесс общения. Если в Латинской Америке сокращение дистанции — признак дружелюбия, то немецкий профессиональный этикет требует от студента сохранять расстояние до профессора не менее 3,2 метра [3, с. 116, 224].

В эпоху глобализации ключевым вызовом становится «культурный шок» и этноцентризм [3, с. 220; 11, с. 167]. Несмотря на экономическую интеграцию, национальный характер остается константой, определяющей логику поведения партнера [2, с. 149]. Влияние медиа-образов на массовое сознание усиливается за счет доминирования визуальных каналов. Так, 94% граждан России получают сведения о политиках именно через телевидение [3, с. 74]. Решением проблемы «инаковости» выступает «инкультурация» — процесс освоения традиций, превращающий культурные различия из угрозы в ценностный ресурс [3, с. 215–216, 222] (см. тж.: [9, с. 100]).

Книга отличается строгой системностью, сочетая теоретическое моделирование с прикладными задачами. Тщательно разработанные кейсы, такие как анализ структуры телефонного разговора или расшифровка исторического послания скифов царю Дарию I, закрепляют компетенции студентов в условиях, максимально близких к реальности (с. 66). Трансформация коммуникативного пространства рассматривается через призму цифровизации и образа жизни поколения Y. В работу включено описание новых форматов среды (коливинги) и специфики Internet-взаимодействия, где молодежь (18–24 года) проводит до 44% своего свободного времени [3, с. 198].

Глоссарий в рецензируемом издании представляет собой не просто обычный список терминов, а полноценный учебный инструмент, который помогает студенту постепенно формировать свой профессиональный тезаурус [3, с. 230–274; 8, с. 19–23]. Он представляет собой словарь, который отражает внутреннюю логику и структуру всей теории коммуникации как науки. Каждая словарная статья в нем продумана до мелочей: сначала представлен сам термин, выделенный жирным шрифтом, а затем — информация о его происхождении. Добавлены этимологические справки, указывающие на латинские или греческие корни слов, что обеспечивает лучшее понимание понятий и их запоминание. Например, пояснение к термину «диффузия» через латинское «diffusio» («распространение») сразу дает наглядное представление о сути явления в социальном контексте.

Несмотря на сложность ряда понятий (аттитюд, брейнсторминг, диффамация, иллокуция, инграциация, и ряд других), глоссарий представлен в доступной форме [3,

с. 230–274]. Все определения приводятся с опорой на академические источники и адаптированы в соответствии с уровнем знаний начинающих специалистов. Сами статьи делятся на краткую определяющую часть и более подробную объяснительную, где часто приводятся живые речевые примеры. Это позволяет обучающимся не только расширить активный словарный запас, но и научиться системно воспринимать научные знания и подготовить прочную базу для дальнейшей исследовательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. — М.: Физматлит, 2005. — 232 с.
2. Бакина А.Д., Федуленкова Т.Н. Аллюзия как средство трансляции культурного кода / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. — 2021. — № 4(56). — С. 149–155. — https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2021-56-4-149-155.
3. Викулова Л.Г. и др. Коммуникация: теория и практика / Л.Г. Викулова, М.Р. Желтухина, С.А. Герасимова, И.В. Макарова. — М.: ВКН, 2020. — 336 с.
4. Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]: сб. м-лов Международ. науч.-практ. конф. / ГОУ ВПО Курский гос. мед. ун-т М-ва здравоохранения и соц. развития РФ, каф. русского яз. и культуры речи. — Курск: КГМУ Росздрава, 2011. — https://search.rsl.ru/ru/record/01005024012?ysclid=ms6ad8yi26124288289 (дата обращения: 27.07.2026).
5. Федуленкова Т.Н. Одномерные модели фразеологии современного международного делового языка / Т.Н. Федуленкова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2020. — Т. 6. — № 4. — С. 70–83. — DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7.
6. Fedulenkova T. Development of communicative phraseological units / T. Fedulenkova // Modern Phraseology Issues / ed. by T. Fedulenkova. — Arkhangelsk; Aarhus, 2018. — P. 20–33.
7. Johanson C.D., Miller V., Hamrin S. Conceptualising Communicative Leadership: A framework for analysing and developing leaders' communication competence / C.D. Johanson, V. Miller, S. Hamrin // Corporate Communications: An International Journal. — 2014. — № 19 (2). — P. 147–165.
8. Khamkhien A., Wharton S. Constructing subject-specific lists of multiword combinations for EAP: A case study / A. Khamkhien, S. Wharton // Yearbook of Phraseology. — 2020. — Vol. 11. — P. 9–34.
9. Makarova E. Teaching Culture in the English Language Classroom / T. Makarova // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology / ed. by T. Fedulenkova. — Arkhangelsk; Aarhus, 2009. — P. 100–113.
10. Naciscione, A. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics / A. Naciscione. — Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. — 283 p.
11. Piirainen E. Weit verbreitete Idiome in kulturhistorischen Bezügen: zum Verbreitungsmodus einiger Idiomgruppen / E. Piirainen // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 2010. — Bonn: DAAD, 2011. — P. 167–181.
12. Piirainen E. The Convergence of European Idioms and the So-called Globalization / E. Piirainen // T. Cate, P. Abraham, R. Rapp, J. Strässler, M. Vliegen, H. Weber (eds.): Grammatik Praxis Geschichte. Festschrift für Wilfried Kürschner. — Tübingen: Narr Verlag, 2010. — P. 343–350.

REFERENCES

1. Arakin V.D. (2005). Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov [Comparative Typology of English and Russian Languages]. Moscow: Fizmatlit. (In Russian).
2. Bakina A.D., Fedulenkova T.N. (2021). Allyuziya kak sredstvo translyacii kul'turnogo koda [Allusion as a Means of Cultural Code Transmission]. In Bulletin of the Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, No. 4(56), 149–155. https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2021-56-4-149-155. (In Russian).
3. Vikulova L.G. et al. (2020). Kommunikaciya: teoriya i praktika [Communication: Theory and Practice] / L.G. Vikulova, M.R. Zheltukhina, S.A. Gerasimova, I.V. Makarova. Moscow: VKN. 2020. (In Russian).
4. Mezhkul'turnaya kommunikaciya: voprosy teorii i praktiki. (2011). [Intercultural communication: issues of theory and practice] [Electronic resource]: Proceedings of International scientific-practical conference / Kursk State Medical University. Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation, Department of the Russian language and the culture of speech. Kursk: KSMU Roszdrava. https://search.rsl.ru/ru/record/01005024012?ysclid=ms6ad8yi26124288289 (accessed on 27.07.2026). (In Russian).

5. Fedulenkova T.N. (2020). Odnomernye modeli frazeologii sovremennogo mezhdunarodnogo delovogo yazyka [One-dimensional phraseology models of modern international business language]. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, V. 6 (4), 70–83, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7. (In Russian).
6. Fedulenkova T. (2018). Development of communicative phraseological units. In T. Fedulenkova (ed.), Modern Phraseology Issues Arkhangelsk; Aarhus. P. 20–33. (In English).
7. Johanson C.D., Miller V., Hamrin S. (2014). Conceptualising Communicative Leadership: A framework for analysing and developing leaders' communication competence. In Corporate Communications: An International Journal, no 19 (2), pp. 147–165. (In English).
8. Khamkhien A., Wharton S. (2020). Constructing subject-specific lists of multiword combinations for EAP: A case study. In Yearbook of Phraseology, vol. 11, pp. 9–34. (In English).
9. Makarova E. Teaching Culture in the English Language Classroom. In T. Fedulenkova (ed.), Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology. Arkhangelsk; Aarhus, 2009. Pp. 100–113. (In English).
10. Naciscione A. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. (In English).
11. Piirainen E. Weit verbreitete Idiome in kulturhistorischen Bezügen: zum Verbreitungsmodus einiger Idiomgruppen. In Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 2010. Bonn: DAAD, 2011. Pp. 167–181. (In German).
12. Piirainen E. The Convergence of European Idioms and the So-called Globalization. In T. Cate, P. Abraham, R. Rapp, J. Strässler, M. Vliegen, H. Weber (eds.), Grammatik Praxis Geschichte. Festschrift für Wilfried Kürschner. Tübingen: Narr Verlag, 2010. Pp. 343–350. (In English).

Поступила в редакцию 30.04.2026 г.

PROBLEMS OF COMMUNICATION THEORY AND PRACTICE
(review of the book: Vikulova L.G. et al. Communication: Theory and Practice / L.G. Vikulova, M.R. Zheltukhina, S.A. Gerasimova, I.V. Makarova. — Moscow: VKN, 2020. — 336 p.)

T. N. Fedulenkova

The review gives a high assessment to the book written by a team of authors — linguists, scholars, and experimenters from Moscow City Pedagogical University — L.G. Vikulova, M.R. Zheltukhina, S.A. Gerasimova, and I.V. Makarova. The reviewed publication is a comprehensive study of the phenomenon of communication in its theoretical and applied aspects. The book covers twelve key topics related to the history of communication theory, its semiotic foundations, typology (from interpersonal to mass communication), and the pragmatic and linguistic-cultural aspects of communication. The book is aimed at training specialists in public relations, linguistics, journalism, mediation, and pedagogical education. It combines in-depth theoretical analysis with practical exercises, situational tasks, and an extensive reference section that includes biographies and a substantial and reliable glossary.

Key words: information exchange, speech activity, verbal and non-verbal communication, communication models, communicative personality, communicative barriers, pragmatics, semiotics, interpersonal communication, mass communication, intercultural communication, professional competencies.

Федуленкова Татьяна Николаевна.
Доктор филологических наук, профессор.
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Российская Федерация, г. Владимир.
Профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации.
ORCID 0000-0002-5039-5827.
E-mail: fedulenkova@list.ru

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna.
Doctor of Philology, Professor.
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Russian Federation, Vladimir.
Professor at Department of Foreign Languages of Professional Communication.

ORCID 0000-0002-5039-5827.
E-mail: fedulenkova@list.ru

Рецензия
УДК 821.161.1.09(092)
DOI: 10.5281/zenodo.22091062

ЛИТЕРАТУРА О ВОЙНЕ: РЕФЛЕКСИЯ ВРЕМЕНИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПЛЕХАНОВА И.И. ПОЭЗИЯ И ПРОЗА СВОйны. — УЛЬЯНОВСК: УлГТУ, 2025. — 243 с.)

© 2026 *Ю.М. Брюханова, Н.Н. Подрезова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»
ORCID 0000-0002-4675-9077
ORCID 0000-0002-9173-9729

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В рецензии рассматривается работа доктора филологических наук, профессора И.И. Плехановой «Поэзия и проза СВОйны». Выведенный в название сборника неологизм отражает особенности текущей истории. Актуальность рецензируемого издания связана с тем, что в нем представлен опыт рассмотрения художественного сознания, определяющегося в условиях СВО. Большая часть статей посвящена анализу поэзии (Анны Долгаревой, Анны Ревякиной, Марии Ватутиной, Юнны Мориц, Игоря Караулова и др.). Рассмотрение прозы, отражающей внутренний фронтовой опыт или внешнюю рефлексию, позволяет И. Плехановой выявить общие позиции в темах, символике, сюжетах при описании войны на предыдущих этапах литературного развития и сейчас, а также отметить новые характеристики. Отдельным тематическим аспектом становится обращение к современной литературе, по-новому осмысляющей историю Гражданской войны, и анализ ее особенностей в связи с актуальным социально-историческим контекстом.

Ключевые слова: Плеханова И.И., художественная рефлексия времени, новая военная литература, национально-культурная идентификация, современный эпос о Гражданской войне, актуальная проза и поэзия, трагизм и катастрофизм художественного сознания.

Для цитирования: Брюханова Ю.М. Литература о войне: рефлексия времени (рецензия на книгу: Плеханова И.И. Поэзия и проза СВОйны. — Ульяновск: УлГТУ, 2025. – 243 с.) / Ю.М. Брюханова, Н.Н. Подрезова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 4. — С. 304–310. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22091062.

Несмотря на то, что сейчас существует немало литературоведческих статей о прозе и поэзии, обращающихся к теме СВО [1; 2; 3; 4; 5; 6; 14; 15; 16; 17], в общем потоке научных исследований они составляют не такой большой процент. Объяснения могут быть разные: от осторожности в высказывании оценок текущей исторической и литературной ситуации до сложности в определении художественной и внехудожественной значимости, что далеко не всегда равноценно и равновелико в одном и том же тексте.

Определенность гражданской и филологической позиции характеризует автора книги «Поэзия и проза СВОйны» — Ирину Плеханову. Доктор филологических наук, профессор, человек уникальной литературной эрудиции, знающий историю русской литературы с ее азов и до настоящего времени, имеющий опыт анализа прозы традиционалистов и поэзии авангарда новой волны, И. Плеханова отличается глубоким

пониманием философских оснований литературного процесса [8; 13], знанием психотипов художественного мышления [10; 11], способностью мыслить концептуально и масштабно.

Горячая тема не может восприниматься отстраненно, кто бы и с какой бы позиции на нее ни смотрел. И. Плеханова в предисловии к книге четко и честно определяет видение происходящего: «Насущные нужды блокируют не только интересы "правды", но формы духовного проживания проблем. Так, классическая трагедия открывает вину, взывает к осознанию, но воля духа должна совпасть с интересами времени. Настоящее, в котором живет литература СВОйны, купирует многосложность ради глубины» [9, с. 4].

Актуальность рецензируемого издания видится, во-первых, в попытке представить в художественном слове тенденции к разрешению антропологических, национальных, этических проблем. Во-вторых, в том, что, осмысляя зону новейшей проблематики отечественной словесности, И.И. Плеханова предлагает пилотные понятия и формулирует базовые концепты ее понимания. В-третьих, злободневное поле отечественной словесности осмысляется чутким к художественному слову современником, воспринимающим здесь и сейчас все нюансы и обертоны смыслов, которые по прошествии времени обычно ускользают от внимания читателей и специалистов-исследователей.

Главной целевой установкой рецензируемого издания является характеристика художественного потенциала современной литературы, погруженной в осознание событий СВО. Автором выдвигается гипотеза о появлении новой военной литературы, написанной участниками боев и тыла, которая требует включения в контекст отечественной словесности от воинских повестей XVIII века до лейтенантской прозы XX столетия. Внимание исследователя к изучаемым объектам не ограничивается традиционным научно-ориентированным стремлением к классификации, ранжированию, структуризации текущего литературного процесса, а выходит в поле поиска ответов на насущные вопросы о значении Слова для современного человека и его сопряженности с этическим и эстетическим императивом.

«Поэзия и проза СВОйны» включает в себя одиннадцать статей обзорно-аналитического характера, написанных в течение 2022–2025-х годов. Концептуальность рассматриваемой книги прочитывается в структуре сборника, который выстраивается не по принципу хронологии написания статей, а как доказательство гипотезы, сформулированной в авторском предисловии: своеобразие современной военной прозы России определяется тем, что она есть отражение трагической «схватки с бывшими "своими", отмеченной неполнотой общего участия» соотечественников [9, с. 4]. Автором предложен неологизм для обозначения восприятия сути текущего военного конфликта — «СВОйна», вынесенный в название рецензируемого сборника. Предложенный неологизм удивительным образом соединяет в себе изначально антонимичные позиции.

Объем фактического материала, задействованного для решения поставленных задач, вбирает в себя прозу и поэзию, эпос и лирику. Б*о*льшая часть сборника посвящена анализу поэзии. Попытка определить ее номинацию (Донбасская поэзия, новая военная поэзия, Z-поэзия) знаменательна в современном дискурсе и является одним из очевидных доказательств вхождения в живой литературный контекст. Открывает сборник обзор двух поэтических антологий начала СВО [18; 19]. Автором предложено посмотреть на лирическую рефлексию сквозь призму двух парадигм истолкования СВО: катастрофической и трагической, каждая из которых имеет свою аксиологию, задает гражданскую и личностную позицию, определяет отношение с национальной традицией. Доказательно демонстрируя два типа сознания, автор противопоставляет их по принципу

индивидуализированного, интеллектуализированного дискурса и классического традиционного, превозмогающего отъединенность в слове. Оценивая разницу в осознании причин и сути войны в художественной форме антагонистов, И. Плеханова апеллирует к имеющимся в русской культуре высоким образцам проживания исторических катастроф и выявляет новые формы поэтики, соразмерные трагизму современных событий.

В следующих пяти статьях даются индивидуальные творческие портреты — Анны Долгаревой, Анны Ревякиной, Марии Ватутиной, Юнны Мориц и Игоря Караулова.

В целом в сборнике рассмотрение поэтических и прозаических текстов включено в широкий литературный и культурологический контекст (А. Блок, А. Введенский, А. Ахматова, И. Бродский, Д. Пригов и др.). Исследователем анализируется и потенциал художественной традиции, воплощающейся в мифологических образах, христианских сюжетах, простонародном языке, архетипических мотивах (*свой — чужой*).

Стройность научного изложения местами ослабевает из-за изначально заданной дихотомии трагического и катастрофического сознания, что априори дает характеристику тем или иным именам. Однако И. Плеханова не раз отмечает, что художественный потенциал того или другого автора не определяется его позицией. Выбранные имена — разные по степени одаренности и по силе примирения или сопротивления.

Повышенный градус эмоциональности, заданный в предисловии автора, окрашивает многие статьи сборника, особенно посвященные поэзии, где литературоведческий анализ нередко переходит в зону критической оценки. На наш взгляд, анализ мог бы усилиться включением в обзоры выбранных произведений точки зрения других исследователей, обращавшихся к творчеству А. Ревякиной, А. Долгаревой и др.

Что касается анализа прозы, то она рассматривается не в индивидуальных портретах, а в концептуальных дискурсах (творчества, языка, историософии). Коллективно-индивидуальным портретом можно считать анализ прозы добровольцев СВО — Дм. Артиса, Д. Туленкова, Г. Кубатьяна. Выявляя общие позиции в темах, символике, сюжетах при описании войны на предыдущих этапах литературного развития и сейчас, а также указывая новые нюансы, И. Плеханова отмечает: «Настоящим открытием стал образ *войны-оборотня*[5], с типичными ситуациями потери своих, путаницы позиций, подмены языков и спутников» [9, с. 161].

Философски концептуальные главы помещены в финал — сильную позицию текста: «Какое время на дворе?..», «Язык как условие самоопределения», «Гражданская война в русской литературе через 100 лет».

И. Плеханова наблюдает за тем, как в условиях СВО определяет свое место Художник (писатель, поэт). Основанием для сопоставления выбранных текстов стало не их художественное совершенство (ряд действительно разнородный: К. Рябов, Г. Садулаев, А. Горбунова, О. Ускова), а, во-первых, «рефлексия автора, связующая экзистенциальное, историческое и онтологическое время», и, во-вторых, «стремление к свободе и к истине, вектор и содержание поиска» [9, с. 172].

На примере литературного процесса всего XX века и с выходом в современный исторический контекст И. Плеханова исследует русское языковое сознание как проблему для национальной и культурной идентификации, т. е. связанную далеко не только с внутрилитературным или внутриязыковым пространством, но влияющим, в прямом и переносном смысле, на все тенденции текущего социального, политического, культурного процесса.

[5]Курсив автора.

В заключительной статье рассматривается стихийное оформление новой модели изображения Гражданской войны в романах А. Иванова, С. Самсонова и Л. Юзефовича. И. Плеханова уверена, что смена концепций в отечественной литературе, отвечающих на вопрос о смысле и наследии исторических событий 1917–1923 гг., невозможна «без оценки возбудивших их идей, понимания природы человека и социальной психологии» [9, с. 220]. Автор формулирует основные тенденции нового видения Гражданской войны: пессимистический взгляд («надлом этноса»); главные герои полностью не соотносятся с одним политическим лагерем, а часто предстают исключением в нем; классовый конфликт превращается в роковой поединок героев-антагонистов, являющихся двойниками. Идейная новизна соединения индивидуализма с гуманизмом и усложнение формы нелинейным хронотопом и игрой со временем характеризуют современный эпос о Гражданской войне.

В целом перевод трагического знания на язык искусства свидетельствует не просто об отражении реальности в художественных образах и рефлексии на происходящее вокруг. Автором сборника это воспринимается как прямое обязательство высказывания на злободневные темы. При этом, как отмечает И. Плеханова, «Требование рубежного времени в ситуации бифуркации — не ставить вопросы, как это привыкла делать русская проза, но предлагать ответы» [9, с. 182]. Это задача не только авторов, поэтов и прозаиков, но и литературоведов. Внутренняя безапелляционность этого суждения направлена на стимуляцию внешнего энергетического посыла, что становится основанием для полемики, но не в качестве упрощенного принятия-отрицания, а в качестве продуктивного осмысления происходящего[6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунтавской Н. О стихах Анны Долгаревой: русская народная травма / Н. Бунтавской // Вопросы литературы. — 2022. — № 5. — С. 15–21.
2. Бутеев Д.В. Художественное высказывание Захара Прилепина о событиях на Донбассе. «Ополченский романс» / Д.В. Бутеев // Славянский мир: письменность, культура, история : материалы XXXI Международной научно-практической конференции имени В.В. Ильина, Смоленск, 23 мая 2023 года. — Смоленск: Смоленский государственный институт искусств, 2023. — С. 18–22.
3. Жучкова А.В. О поэтике Анны Долгаревой / А.В. Жучкова // Вопросы литературы. — 2023. — № 4. — С. 2–7.
4. Мащенко А.П. Специальная военная операция на Украине как вызов для русской литературы / А.П. Мащенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2024. — Т. 10, № 3. — С. 37–48. — http://doi.org/10.29039/2413-1679-2024-10-3-37-48.
5. Минералова И.Г. Война и мир поэзии Анны Долгаревой / И. Г. Минералова // XX Пасхальные чтения : Материалы Двадцатой Международной научно-методической конференции, Москва, 27–29 апреля 2023 года. — Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью Агентство «Литера», 2023. — С. 3–10.
6. Минкин К.С. Сравнительно-сопоставительный анализ поэтических текстов о Великой Отечественной войне и Специальной военной операции на Украине: идейно-тематический аспект / К.С. Минкин, И.Н. Никитина // Сохранение русского языка и культуры в контексте национальной безопасности : Материалы научно-практической конференции, Брянск, 28–29 ноября 2023 года. — Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. — С. 105–112.
7. Новая военная поэзия: опыт научно-критического прочтения / В.М. Амиров, Е.В. Болнова, Н.С. Ищенко [и др.] ; под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Н.В. Пращерук. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2026. – 458 с.

[6] После выхода в свет рецензируемого издания в 2026 г. в печати появилась коллективная монография «Новая военная поэзия: опыт научно-критического прочтения» [7]. Также в этом году вышло второе издание книги Плехановой И.И., значительно дополненное новыми материалами [12].

8. Плеханова И.И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Поэт времени / И.И. Плеханова. — 2-е изд. — Томск: Издательский дом «СК-С», 2012. — 384 с.
9. Плеханова И.И. Поэзия и проза СВОйны / И.И. Плеханова. — Ульяновск: УЛГТУ, 2025. — 243 с.
10. Плеханова И.И. Психоаналитика И. Бродского: от темперамента к психотипу // И.А. Бродский: pro et contra, антология. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. — С. 896–910.
11. Плеханова И.И. Психотип В. Распутина и художественные следствия ментальных установок / И.И. Плеханова // Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы : монография. — Иркутск: ИГУ, 2014. — С. 114–141.
12. Плеханова И.И. СВОйна. Испытания русского слова / И.И. Плеханова. — М.: Директ-Медиа, 2026. — 324 с.
13. Плеханова И.И. Философские проблемы литературоведения / И.И. Плеханова. — Иркутск: Иркутский государственный университет, 2014. — 270 с.
14. Пращерук Н.В. О цикле С.А. Минакова «Стихи о Новороссии и СВО»: религиозный аспект / Н.В. Пращерук // Церковь. Богословие. История. — 2025. — № 6. — С. 466–474.
15. Рябова Т.В. Военные мотивы в современной русской поэзии (на примере темы СВО) / Т.В. Рябова // Военно-гуманитарный альманах : Материалы XVIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, Военный университет Минобороны России, 28 июня 2024 года. — Москва: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2024. — С. 622–630.
16. Татаринов А.В. Писатель и СВО: война Германа Садулаева / А.В. Татаринов // Наследие Ю.И. Селезнёва и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории : Материалы X Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 28 сентября 2023 года. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. — С. 101–106.
17. Ясакова Е.А. Особенности «новой» военной прозы (по роману Д. Филиппова «Собиратели тишины») / Е.А. Ясакова // Проблемы филологического образования. — 2025. — № 17. — С. 273–279.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Воскресшие на Третьей мировой. Антология военной поэзии 2014–2022. Питер покет. Стихи. — СПб.: Питер, 2023. — 416 с.
19. Поэзия последнего времени. Хроника / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю. Левинга. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. — 576 с.

REFERENCES

1. Buntavskoi, N. (2022). O stikhakh Anny Dolgarevoi: russkaia narodnaia travma [About Anna Dolgareva's Poems: Russian Folk Trauma]. Voprosy literatury [Issues of Literature], 5, 15–21. (In Russian).
2. Buteev, D. V. (2023). Khudozhestvennoe vyskazyvanie Zakhara Prilepina o sobytiiakh na Donbasse. «Opolchenskii romans» [Zakhar Prilepin's Artistic Statement about Events in Donbass. «Militiaman's Romance»]. In Slavianskii mir: pis'mennost', kul'tura, istoriia : materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii imeni V. V. Il'ina, Smolensk, 23 maya 2023 goda [Slavic World: Writing, Culture, History: Proceedings of the 31st International Scientific and Practical Conference named after V. V. Ilyin, Smolensk, May 23, 2023] (pp. 18–22). Smolensk: Smolensk State Institute of Arts. (In Russian).
3. Zhuchkova, A. V. (2023). O poetike Anny Dolgarevoi [On the Poetics of Anna Dolgareva]. Voprosy literatury [Issues of Literature], 4, 2–7. (In Russian).
4. Mashchenko, A. P. (2024). Spetsial'naia voennaia operatsiia na Ukraine kak vyzov dlia russkoi literatury [The Special Military Operation in Ukraine as a Challenge for Russian Literature]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], 10(3), 37–48. http://doi.org/10.29039/2413-1679-2024-10-3-37-48 (In Russian).
5. Mineralova, I. G. (2023). Voina i mir poezii Anny Dolgarevoi [War and Peace in Anna Dolgareva's Poetry]. In XX Paskhal'nye chteniia : Materialy Dvadtsatoi Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, Moskva, 27–29 aprelia 2023 goda [20th Easter Readings: Proceedings of the 20th International Scientific and Methodological Conference, Moscow, April 27–29, 2023] (pp. 3–10). Yaroslavl: Litera LLC. (In Russian).
6. Minkin, K. S., & Nikitina, I. N. (2023). Sravnitel'no-sopostavitel'nyi analiz poeticheskikh tekstov o Velikoi Otechestvennoi voine i Spetsial'noi voennoi operatsii na Ukraine: ideino-tematicheskii aspect [Comparative Analysis of Poetic Texts about the Great Patriotic War and the Special Military Operation in Ukraine: Ideological and Thematic Aspect]. In Sokhranenie russkogo iazyka i kul'tury v kontekste natsional'noi bezopasnosti : Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Briansk, 28–29 noiabria 2023 goda [Preservation of

the Russian Language and Culture in the Context of National Security: Proceedings of the Scientific and Practical Conference, Bryansk, November 28–29, 2023] (pp. 105–112). Bryansk: Bryansk State University. (In Russian).

7. Matveeva, Yu. V., & Prashcheruk, N. V. (Ed.). (2026). Novaia voennaia poeziia: opyt nauchno-kriticheskogo prochteniia [New Military Poetry: An Experience of Scientific and Critical Reading]. Ekaterinburg: Ural University Press; St. Petersburg: Aleteiia. (In Russian).

8. Plekhanova, I. I. (2012). Metafizicheskaia misteriia Iosifa Brodskogo. Poet vremeni [Joseph Brodsky's Metaphysical Mystery. The Poet of Time] (2nd ed.). Tomsk: SK-S Publishing House. (In Russian).

9. Plekhanova, I. I. (2025). Poieziia i proza SVOiny [Poetry and Prose of SMO]. Ulyanovsk: ULSTU. (In Russian).

10. Plekhanova, I. I. (2023). Psikhoanalitika I. Brodskogo: ot temperamenta k psikhotipu [Psychoanalysis of I. Brodsky: From Temperament to Psychotype]. In I. A. Brodskii: pro et contra, antologiia [I. A. Brodsky: Pro et Contra, Anthology] (pp. 896–910). St. Petersburg: Russian Christian Academy for Humanities named after F. M. Dostoevsky. (In Russian).

11. Plekhanova, I. I. (2014). Psikhotip V. Rasputina i khudozhestvennye sledstviia mental'nykh ustanovok [Psychotype of V. Rasputin and Artistic Consequences of Mental Attitudes]. In Tvorchestvo Valentina Rasputina: otvety i voprosy : monografiia [Valentin Rasputin's Work: Answers and Questions : Monograph] (pp. 114–141). Irkutsk: ISU. (In Russian).

12. Plekhanova, I. I. (2026). SVOina. Ispytaniia russkogo slova [SWAr. Trials of the Russian Word]. Moscow: Direct-Media. (In Russian).

13. Plekhanova, I. I. (2014). Filosofskie problemy literaturovedeniia [Philosophical Problems of Literary Studies]. Irkutsk: Irkutsk State University. (In Russian).

14. Prashcheruk, N. V. (2025). O tsikle S. A. Minakova «Stikhi o Novorossii i SVO»: religioznyi aspect [On S. A. Minakov's Cycle «Poems about Novorossiya and SMO»: Religious Aspect]. Tserkov'. Bogoslovie. Istoriia [Church. Theology. History], 6, 466–474. (In Russian).

15. Riabova, T. V. (2024). Voennye motivy v sovremennoi russkoi poezii (na primere temy SVO) [Military Motifs in Contemporary Russian Poetry (on the example of the SMO theme)]. In Voenno-gumanitarnyi al'manakh : Materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po aktual'nym problemam teorii iazyka i kommunikatsii, Voennyi universitet Minoborony Rossii, 28 iiunia 2024 goda [Military-Humanitarian Almanac: Proceedings of the 18th International Scientific Conference on Current Issues of Language Theory and Communication, Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, June 28, 2024] (pp. 622–630). Moscow: Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. (In Russian).

16. Tatarinov, A. V. (2023). Pisatel' i SVO: voina Germana Sadulaeva [Writer and SMO: German Sadulaev's War]. In Nasledie Yu. I. Selezneva i aktual'nye problemy zhurnalistiki, kritiki, literaturovedeniia, istorii : Materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 28 sentiabria 2023 goda [Heritage of Yu. I. Seleznev and Current Issues of Journalism, Criticism, Literary Studies, History: Proceedings of the 10th Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, September 28, 2023] (pp. 101–106). Krasnodar: Kuban State University. (In Russian).

17. Yasakova, E. A. (2025). Osobennosti «novoi» voennoi prozy (po romanu D. Filippova «Sobirateli Tishiny») [Features of the “new” military prose (based on D. Filippov's novel “Collectors of Silence”)]. Problemy filologicheskogo obrazovaniia [Problems of Philological Education], 17, 273–279. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.04.2026 г.

LITERATURE ABOUT WAR: REFLECTION OF TIME
(REVIEW OF THE BOOK: PLEKHANOVA I.I. POEZIYA I PROZA SVOiny. — ULYANOVSK: UlSTU, 2025. – 243 p.)

Yu. M. Bryukhanova, N. N. Podrezova

The review addresses the work of Doctor of Philology, Professor Irina Plekhanova “Poeziya i Proza SVOiny”. The title reflects the features of the current history. The relevance of the reviewed publication is related to the fact that it deals with the experience of considering artistic consciousness, which is shaped in the conditions of SMO. Most of the articles focus of the analysis of poetry (by Anna Dolgareva, Anna Revyakina, Maria Vatutina, Yunna Moritz, Igor Karaulov, etc.). The analysis of the prose reflecting internal frontline experience or external reflection enables the author to identify common features in the themes, symbols, and plots when describing the

war at previous stages of the literary development and now, as well as to single out new characteristic features. A specific thematic aspect is the appeal to modern literature, which interprets the history of the Civil War in a new way, and analyzes its features in connection with the current socio-historical context.

Keywords: Irina Plekhanova, art reflection of time, new military literature, national and cultural identification, contemporary novels about Civil War, contemporary prose and poetry, tragedy and catastrophism of artistic consciousness.

Брюханова Юлия Михайловна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Иркутский государственный университет, Российская Федерация, г. Иркутск.
Заведующий кафедрой новейшей русской литературы.
ORCID 0000-0002-4675-9077.
E-mail: okt28@yandex.ru

Подрезова Наталья Николаевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Иркутский государственный университет, Российская Федерация, г. Иркутск.
Доцент кафедры новейшей русской литературы.
ORCID 0000-0002-9173-9729.
E-mail: koine@list.ru

Bryukhanova Yuliya Mikhailovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk.
Head of Department of Modern Russian Literature.
ORCID 0000-0002-4675-9077.
E-mail: okt28@yandex.ru

Podrezova Natal'ya Nikolaevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk.
Associate Professor of Department of Modern Russian Literature.
ORCID 0000-0002-9173-9729.
E-mail: koine@list.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительносопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректура статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **715** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи**: «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления**. В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приема статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ**! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ к ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине.

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине).

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какието из примеров — полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*. слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*.

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир».

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...». при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...».

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (). различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэтромантик. первый знак пунктуационный, второй орфографический.

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26.

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / *Я руку, бьющую меня, целую.* // в *грудь, оттолкнувшую — к груди тяну,* / *Чтоб, удивясь, прослушал тишину.* (М. Цветаева. Пригвождена...).

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

(А. Пушкин. к портрету Каверина).

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи — с. 212, с. 212–218. в библиографическом описании — С. 212–218.

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с..

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. ***Ключевые слова:*** (это словосочетание — полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.12003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.052008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья
УДК 81:112
DOI:

ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

© 2024 *Т.А. Дьякова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
ORCID 0000000284407806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурноисторических, социальнобытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования

устаревших слов. В текстах они служат для создания культурноисторического и социальнобытового колорита, обеспечения эмоциональноэкспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалия, культурноисторический колорит, социальнобытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т. А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т. А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 202X. — № X. — С. XXXX. — https://doi.org/

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источники приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала — работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.12003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.052008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. — 1965. — № 2. — С. 5968.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Наука, 1990. — С. 5–33.
3. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. — Волгоград : ВГСХА, 2005. — Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. — С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. — Воронеж, 2019. — 324 с.
5. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. — Режим доступа: http: www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. — Барнаул, 2005. — 18 с.
7. Николаева Т. А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т. А. Николаева, Л. М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2024. — Вып. 1 (43). — С. 2031. — http://doi.org/10.23951/23076119202412031.
8. Теркулов В. И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. № 1. — С. 79–96. — http://doi.org/10.22363/2618816320232117996.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат APA с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifosarmatskie narechiia [ScythoSarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [IndoEuropean Traces in Nuragic Sardinia?]. Indogermanische Forschungen, 98, 177–185. http://doi.org/10.1515/9783110243390.177 (In Italian)

Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. Journal of French Language Studies, 2, 185–205. (In French).

7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). Ornitonimiia Russkogo Severa [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix azo. Romance Philology, 56 (1), 41–50. http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495 (In English).
10. Room, A. (1988). Bloomsbury Dictionary of PlaceNames in the British Isles. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. Voprosy yazykoznaniya, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию хх.хх.20хх г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

○ название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру),

○ через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по левому краю, без абзаца),

○ через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание ***Key words**:* — полужирный курсив) — выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T. A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a sociocultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, sociocultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– в конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации — места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.
Доцент кафедры социальногуманитарных дисциплин.
ORCID 0000000284407806.
Email: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.
Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000000284407806.
Email: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10**. Контактная информация:**

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, др филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Андрюшкова Надежда Петровна**, канд. психол. наук, старший преподаватель кафедры общей психологии Донецкого государственного университета (E-mail: andruchkova@rambler.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2026. — № 4

На русском и английском языках

Технический редактор: А. М. Лыкова